ПЕРЕПЛЕТНАЯ
И. ЖОЛКИНА
ВЪ ОДЕССѢ

СОЧИНЕНІЯ

В. БѢЛИНСКАГО.

СОЧИНЕНІЯ

В. БѢЛИНСКАГО.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

Изданіе четвертое.

Цѣна за каждую часть 1 р. 25 к.

МОСКВА
Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій переулокъ, № 5
1882

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
КОЛЛЕКЦИЯ РЕДКИХ КНИГ
Инв.№ 1407

1842.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

I.

КРИТИКА.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА ВЪ 1841 ГОДУ.

Сокровища роднаго слова,
Замѣтятъ важные умы,
Для лепетанія чужаго
Пренебрегли безумно мы.
Мы любимъ музъ чужихъ игрушки,
Чужихъ нарѣчій погремушки,
А не читаемъ книгъ своихъ.
Да гдѣ жъ онѣ? давайте ихъ!
Конечно: сѣверные звуки
Ласкаютъ мой привычный слухъ;
Ихъ любитъ мой славянскій духъ;
Ихъ музыкой сердечны муки
Усыплены; но дорожитъ
Одними-ль звуками пѣитъ?
И гдѣ-жъ мы первыя познанья
И мысли первыя нашли?
Гдѣ повѣряемъ испытанья,
Гдѣ узнаёмъ судьбу земли?
Не въ переводахъ одичалыхъ,
Не въ сочиненьяхъ запоздалыхъ,
Гдѣ русскій умъ и русскій духъ
Зады твердитъ и лжетъ за двухъ.
. . . . . .
Поэты наши переводятъ
Или молчатъ; одинъ журналъ
Исполненъ приторныхъ похвалъ,
Тотъ брани плоской; всѣ наводятъ
Зѣвоту скуки, чуть не сонъ—
Хорошъ россійскій Геликонъ!

Въ этихъ стихахъ Пушкина заключается самая рѣзкая характеристика русской литературы. Правда, многіе не безъ основанія могутъ принять ихъ скорѣе за эпиграмму на рус-

скую литературу, нежели за характеристику ея, потому что уже поэзія самого Пушкина не подходитъ подъ эту характеристику, а у насъ, кромѣ Пушкина, есть и еще нѣсколько явленій, достойныхъ болѣе или менѣе почетнаго упоминанія даже при его имени. Но если это не характеристика, то и не совсѣмъ эпиграмма. Эпиграмма есть плодъ презрѣнія или предубѣжденія къ предмету, на который она нападаетъ; а Пушкинъ, котораго поэзія—самый звучный и торжественный органъ русскаго духа и русскаго слова, не могъ презирать той литературы, которой посвятилъ всю жизнь свою. Впрочемъ, для оправданія великаго поэта въ подобномъ презрѣніи, довольно было бы и этихъ чуждыхъ стиховъ, въ которыхъ съ такою задушевностію, съ такимъ умиленіемъ высказывается самое родственное, самое кровное чувство любви къ родному слову:

. . . . . Сѣверные звуки
Ласкаютъ мой привычный слухъ;
Ихъ любитъ мой славянскій духъ;
Ихъ музыкой сердечны муки
Усыплены...

Между тѣмъ, любовь любовью, а истина прежде всего—даже прежде самой любви. Вамъ, конечно, не разъ случалось слышать отъ другихъ и самимъ предлагать вопросъ. «Что новаго у насъ въ литературѣ?» или «Нѣтъ ли чего-нибудь прочесть?» Скажите: какъ вы отвѣчали, или какъ вамъ отвѣчали на этотъ вопросъ?... Правда, у насъ выходитъ ежемѣсячно книгъ до тридцати: ими испещряются книгопродавческія объявленія, сужденіями о нихъ наполняются библіографическіе отдѣлы журналовъ; ихъ хвалятъ и бранятъ, о нихъ спорятъ и бранятся; а между тѣмъ все таки —

Да гдѣ-жь онѣ? Давайте ихъ!

Какъ хотите, а это презатруднительный вопросъ! Попытаемся, однакожь, отвѣтить на него, только не прямо, и

не просто, и не отъ своего лица, а въ формѣ слѣдующаго разговора между двумя лицами—А. и Б.

А.—«Такъ гдѣ жь онѣ? Давайте ихъ!»

Б.—Извольте. Только ихъ такъ много, что ни мнѣ не перечесть, ни вамъ не унести съ собою. Начнемъ съ начала.

А.—Да, если вы вздумаете прочесть мнѣ весь каталогъ Смирдина, то конечно останетесь побѣдителемъ въ нашемъ спорѣ.

Б.—Нѣтъ: я буду говорить только о капитальныхъ явленіяхъ нашей литературы, которыхъ безсмертіе признано знаменитѣйшими авторитетами въ дѣлѣ эстетическаго вкуса и подтверждено «общимъ мнѣніемъ».

А.—Интересно; начинайте же именно съ начала русской литературы.

Б.—Ну, вотъ вамъ «Сатиры Кантемира»...

А.—Покорно благодарю; вѣдь я спрашивалъ васъ о книгахъ, которыя годятся не для одного украшенія библіотекъ, но и для чтенія...

Б.—Какъ! вы не признаете достоинства Кантемировыхъ сатиръ? Вспомните, какою славою пользовались онѣ въ свое время! Вспомните эту поэтическую надпись къ портрету знаменитаго сатирика:

Старинный слогъ его достоинствъ не умалитъ,
Порокъ! не подходи: сей взоръ тебя ужалитъ!

Вспомните, что такъ основательно высказано Жуковскимъ въ его превосходной статьѣ «о Сатирахъ Кантемира»...

А.—Какъ же, какъ же! читалъ я и ее: статья точно превосходная; но ваша первая попытка занять меня чтеніемъ все-таки не удалась: я уже читалъ Кантемира, а перечитывать—страшусь и подумать, потому что я читаю не изъ одного любопытства, но и для удовольствія.

Б.—Вотъ Ломоносовъ—поэтъ, лирикъ, трагикъ, ораторъ, риторъ, ученый мужъ...

А.—И прибавьте—великій характеръ, явленіе, дѣлающее честь человѣческой природѣ и русскому имени; только не поэтъ, не лирикъ, не трагикъ и не ораторъ, потому что риторика—въ чемъ бы она ни была, въ стихахъ, или въ прозѣ, въ одѣ, или въ похвальномъ словѣ—не поэзія и не ораторство, а просто риторика, вещь, высоко-чтимая въ школахъ, любезная педантамъ, но скучная и непріятная для людей съ умомъ, душою и вкусомъ...

Б.—Помилуйте!

Онъ нашихъ странъ Малербъ, онъ Пиндару подобенъ!

А.—Не спорю: можетъ быть, онъ и Малербъ «нашихъ странъ», но отъ этого «нашимъ странамъ» отнюдь не легче, и это нисколько не мѣшаетъ «нашимъ странамъ» зѣвать отъ тяжелыхъ, прозаическихъ и риторическихъ стиховъ Ломоносова. Но между имъ и Пиндаромъ — такъ же мало общаго, какъ между олимпійскими играми и нашими иллюминаціями,—или олимпійскими ристаніями и нашими лебедянскими скачками; за это я постою и поспорю. Пиндаръ былъ поэтъ: вотъ уже и несходство съ Ломоносовымъ. Поэзія Пиндара выросла изъ почвы эллинскаго духа, изъ нѣдръ эллинской національности; такъ называемая поэзія Ломоносова выросла изъ варварскихъ схоластическихъ риторикъ духовныхъ училищъ XVII вѣка: вотъ и еще несходство...

Б.—Но Ломоносову удивлялся Державинъ, его превозносилъ Мерзляковъ, и нѣтъ ни одного сколько-нибудь извѣстнаго русскаго поэта, критика, литератора, который не видѣлъ бы въ Ломоносовѣ великаго лирика. Въ одной статьѣ «Вѣстника Европы» сказано: «Ломоносовъ дивное и великое свѣтило, коего лучезарнымъ сіяніемъ не налюбоваться въ сытость и позднѣйшему потомству».

А.—Я въ сытость уважаю статью «Вѣстника Европы», равно какъ и Державина и Мерзлякова; но сужу о поэтахъ по своимъ, а не по чужимъ мнѣніямъ. Впрочемъ, если вамъ

нужны авторитеты,—ссылаюсь на мнѣніе Пушкина, который говоритъ, что «въ Ломоносовѣ нѣтъ ни чувства, ни воображенія» и что «самъ будучи первымъ нашимъ университетомъ, онъ былъ въ немъ, какъ и профессоръ поэзіи и элоквенціи, только исправнымъ чиновникомъ, а не поэтомъ, вдохновеннымъ свыше, не ораторомъ, мощно увлекающимъ» И если вы имѣете право раздѣлять мнѣніе о Ломоносовѣ, Державина, Мерзлякова и «Вѣстника Европы», то почему же мнѣ не имѣть права раздѣлять мнѣніе Пушкина? Неправда ли?

Б.—Конечно; противъ этого не нашлись бы ничего сказать всѣ «ученые мужи». Итакъ, вы не хотите считать сочиненій Ломоносова въ числѣ книгъ для чтенія?

А.—Я этого не говорю о всѣхъ сочиненіяхъ Ломоносова; но ужь конечно не буду читать ни его риторики, ни похвальныхъ словъ, ни торжественныхъ одъ, ни трагедій, ни посланій о пользѣ стекла и другихъ предметахъ, полезныхъ для фабрикъ, но не для искусства; да, не буду, тѣмъ болѣе, что я уже читалъ ихъ... Но я всегда посовѣтую всякому молодому человѣку прочесть ихъ, чтобъ познакомиться съ интереснымъ историческимъ фактомъ литературы и языка русскаго. Что же касается до собственно ученыхъ сочиненій Ломоносова по части физики, химіи, навигаціи, русскаго стихосложенія,— они всегда будутъ имѣть свою историческую важность и цѣну въ глазахъ людей, занимающихся этими предметами, всегда будутъ капитальнымъ достояніемъ исторіи ученой русской литературы; но публикѣ литературной они всегда будутъ чужды, какъ поэзія и ораторскія рѣчи Ломоносова... Ломоносову воздвигнутъ памятникъ,—и онъ вполнѣ достоинъ этого; онъ великій характеръ, примѣчательнѣйшій человѣкъ; юноши съ особеннымъ вниманіемъ и особенною любовью должны изучать его жизнь носить въ душѣ своей его величавый образъ; но, Бога ради, увольте ихъ отъ поэзіи и краснорѣчія Ломоносова... Прошлаго года, кажется, изданъ былъ, однимъ «ученымъ» обществомъ,

выборъ изъ поэтическихъ и ораторскихъ сочиненій Ломоносова, въ двухъ томахъ in-quarto, для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ, въ образецъ для школьныхъ опытовъ въ стихахъ и прозѣ. Что сказать объ этомъ? Я человѣкъ простой, не изъ «ученыхъ»; — можетъ, оно тамъ такъ и нужно — это не мое дѣло, какъ сказалъ городничій въ «Ревизорѣ» объ учителѣ уѣзднаго училища; но между публикою и школою такая же разница, какъ и между книгою и дѣйствительностію; что хорошо въ одной, то никуда не годится въ другой...

Б. — Я понимаю, что вы хотите сказать. Итакъ, вотъ вамъ десять томовъ. «Полнаго Собранія всѣхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ покойнаго дѣйствительнаго статскаго совѣтника, ордена св. Анны кавалера и Лейпцигскаго Ученаго Собранія члена, Александра Петровича Сумарокова. Собраны и изданы въ удовольствіе любителей Россійской учености Николаемъ Новиковымъ», и пр. Я надѣюсь, что вы къ его стихамъ и прозѣ будете благосклоннѣе, чѣмъ къ стихамъ и прозѣ Ломоносова: поэзія Сумарокова менѣе школьна и болѣе жизненна, чѣмъ поэзія Ломоносова. Сумароковъ писалъ не однѣ оды и трагедіи, но и сатиры, комедіи, даже комическія статьи, въ которыхъ преслѣдовалъ невѣжество, дикость нравовъ, ябедничество, взяточничество, казнокрадство и прочіе смертные грѣхи полуазіятской общественности.

А. — И я согласенъ, что онъ принесъ своего рода пользу и сдѣлалъ частицу добра для общества; но не хочу кланяться грязному помелу, которымъ вымели улицу. Помело всегда помело, хотя оно и полезная вещь. Сатиры и комедіи Сумарокова — помело, въ полезности котораго я не сомнѣваюсь, но которому все таки кланяться не стану. И суздальская литографія «какъ мыши кота погребаютъ» и «какъ пришелъ Яковъ ерша смякалъ» тоже принесли свою пользу черному народу: безъ нихъ, онъ не имѣлъ бы понятія о вещи, на-

зываемой «картиною»; но кто же будетъ говорить о суздальскихъ лубочныхъ литографіяхъ, какъ о произведеніяхъ искусства? Сумароковъ нападалъ на невѣжество—и самъ не больше другихъ зналъ, и бредилъ только своимъ «бѣднымъ рефмичествомъ», какъ выразился о немъ Ломоносовъ. Сумароковъ преслѣдовалъ дикость нравовъ, жаловался печатно, что въ Москвѣ «во время представленія «Семиры» грызутъ орѣхи, и когда представленіе въ пущемъ жарѣ своемъ, сѣкутъ поссорившихся между собою пьяныхъ кучеровъ, ко тревогѣ всего партера, ложъ и театра»,—тотъ самый Сумароковъ избилъ палкою купца, который, видя его въ халатѣ, не сказалъ ему «ваше превосходительство!» Главная причина негодованія Сумарокова на общественное невѣжество состояла въ томъ, что оно мѣшало обществу понимать его пресловутыя трагедіи; а подъячихъ преслѣдовалъ онъ сколько потому, что имѣлъ до нихъ дѣла, столько и для остраго словца. Истинное негодованіе на противорѣчія и пошлость общества есть недугъ глубокой и благородной души, которая стоитъ выше своего общества и носитъ въ себѣ идеалъ другой, лучшей общественности. Судя по одному поступку Сумарокова съ купцомъ, нельзя думать, чтобъ сей пінта былъ выше своего общества; а въ сочиненіяхъ его незамѣтно и малѣйшихъ слѣдовъ лучшаго идеала общественности. Онъ не страдалъ болѣзнями современнаго ему общества; онъ только досадовалъ и злился, что общество, не понимая его геніальныхъ твореній, не отдавало ему за нихъ должнаго почтенія, и вѣрило больше московскому подъячему, чѣмъ господину Вольтеру и ему, господину Сумарокову... Если хотите видѣть страданіе высокой души человѣка, непонимаемаго современностію,—читайте письма Ломоносова къ Шувалову...

Б. — Но Сумароковъ былъ первымъ драматургомъ въ Россіи, и его трагедіямъ даже обожатели Ломоносова, какъ Мерзляковъ, отдаютъ преимущество?

А.—Я съ этимъ несогласенъ. Ломоносовъ и въ ошибкахъ своихъ поучительнѣе и выше этого бездарнаго писаки. Оба они риторы въ своихъ стихахъ; но вѣдь и риторика риторикѣ рознь: риторика Корнеля, Расина и Вольтера всегда будетъ выше риторики Озерова, а риторика Ломоносова выше риторики Сумарокова. Ломоносовъ вездѣ уменъ, даже и въ риторическихъ стихахъ своихъ. Нѣтъ, по моему мнѣнію, Сумароковъ сдѣлалъ одно истинно важное дѣло, хотя и безъ всякаго особеннаго умысла; его піитическая тѣнь возникла передъ критическимъ окомъ С. Н. Глинки и вдохновила его «предъявить» преинтересную книгу: «Очерки жизни и сочиненія Александра Петровича Сумарокова», пресловутую книгу, которая, говоря языкомъ ея почтеннаго сочинителя, «огромила россійскій бытъ»... Вотъ за это спасибо Сумарокову: лучшаго онъ ничего не могъ сдѣлать...

Б.—Но что вы скажете о Княжнинѣ? Общее мнѣніе приписываетъ ему усовершенствованіе русскаго театра, рожденнаго Сумароковымъ...

А.—Да, общее мнѣніе всѣхъ «курсовъ и исторій русской литературы». Княжнинъ не напрасно занимаетъ въ нихъ свое мѣсто; только ему и не должно выходить изъ нихъ, благо онъ пригрѣлъ себѣ тепленькую коморку. Исторія литературы и сама литература—не всегда одно и то же. При возникновеніи литературы, начавшейся подражаніемъ, является множество маленькихъ героевъ, пріобрѣтающихъ себѣ безсмертіе. Грузинцевъ, авторъ піесы «Петръ Великій», и г. Свѣчинъ, сочинитель «Александроны» стоятъ Тредьяковскаго; но о нихъ уже забыли—они поздно родились, поздно явились; а Тредьяковскій никогда не будетъ забытъ, потому что родился вовремя. Я не спорю, что Сумароковъ «отецъ россійскаго театра», и притомъ достойный отецъ достойнаго сына; но все-таки театръ нашъ не исключительно отъ него долженъ вести свою родословную: вспомните, что еще въ царствованіе Алексія Михаиловича

у насъ было нѣчто похожее на придворный театръ, гдѣ разыгрывались мистеріи, въ родѣ тѣхъ, которыми начались всѣ европейскіе театры. Что жъ? не прикажете ли и ихъ напечатать для пользы и удовольствія почтеннѣйшей публики? И Французы, въ исторіи своей литературы, упоминаютъ о «мистеріяхъ», равно какъ и о драмахъ Гарнье и Гарди, предшественниковъ Корнеля; но они не разбираютъ ихъ, не излагаютъ ихъ содержанія, не разсуждаютъ о ихъ красотахъ или недостаткахъ, не рекомендуютъ ихъ вниманію публики, не включаютъ ихъ въ общій капиталъ своей литературы. Литературныя заслуги бываютъ внѣшнія и внутреннія: первыя важны для той минуты, въ которую появились; вторыя остаются навсегда. Иначе, ничьей жизни не достало бы перечесть и изучить иную литературу. Такъ и Княжнинъ, лѣпившій свои риторическія трагедіи и комедіи изъ дурно-переведенныхъ имъ лоскутковъ ветхой и дырявой мантіи классической французской Мельпомены, оказалъ своего рода пользу и современному театру и современной литературѣ. За это ему честь и слава; но требовать, чтобъ его читали и это чтеніе называли «занятіемъ литературою»—просто нелѣпость. Даже и учащемуся юношеству нѣтъ никакой нужды давать читать такихъ писателей, какъ Сумароковъ и Княжнинъ, если это дѣлается не для предостереженія отъ покушенія или возможности писать такъ же дурно, какъ писали сіи піиты. Но это значило бы подражать Спартанцамъ, которые, для внушенія своему юношеству отвращенія отъ пьянства, заставляли рабовъ напиваться..

Б. — Вижу, что о Херасковѣ и Петровѣ нечего и говорить съ вами...

А. — Тѣмъ болѣе, что о нихъ и педанты перестали говорить: это тяжба на̀-чисто проигранная. Сюда же должно отнести и Богдановича съ его тяжелою и неуклюжею «Душенькою», которая считалась въ свое время образцомъ легкости и граціозности, и возбуждала фуроръ

Б. — А. Хемницеръ, Капнистъ?

А. — Изъ нихъ можно кое-что помѣщать въ хрестоматіяхъ и другихъ подобныхъ сборникахъ, составляемыхъ для руководства при изученіи исторіи русской литературы. Первый написалъ пять-шесть порядочныхъ басень, изъ которыхъ «Метафизикъ» пользуется особеннымъ уваженіемъ и благоговѣніемъ людей, видящихъ въ подобныхъ произведеяхъ что-то важное, и говорящихъ «творецъ Метафизика» точно такъ же, какъ и другія говорятъ «творецъ Макбета». Капнистъ передѣлалъ довольно удачно, въ духѣ своего времени, одну или двѣ оды Горація; элегіи же его особенно важны для хрестоматій, какъ живое свидѣтельство сантиментальнаго духа русской литературы того времени. О «Ябедѣ» его довольно сказать, что это произведеніе было благороднымъ порывомъ негодованія противъ одной изъ возмутительнѣйшихъ сторонъ современной ему дѣйствительности, и что за это долго пользовалось оно огромною славою, несмотря на все свое поэтическое и даже литературное ничтожество. Замѣчательно, до чего простиралось незаслуженное удивленіе къ этому посредственному произведенію: Писаревъ, лучшій русскій водевилистъ и вообще человѣкъ замѣчательно даровитый въ сферѣ мелкой житейской литературы, сражался за «Ябеду» и въ стихахъ и въ прозѣ; и въ одномъ изъ своихъ лучшихъ произведеній, нападая на одного журналиста, повершилъ свои тяжкія обвиненія слѣдующею наивною выходкою:

Онъ Грибоѣдова хвалитъ—
И разругалъ Капниста!...

Въ самомъ дѣлѣ, тяжелое обвиненіе! О, доброе старое время!

Б. — Но мы, кажется, забѣжали впередъ; воротимтесь. Думаю, вы будете не такъ исключительны и строги въ своемъ сужденіи о Державинѣ.

А. — Съ уваженіемъ отступаю при этомъ знаменитомъ имени, но не для того, чтобъ пасть передъ нимъ во прахъ

и безсознательно воскурить ѳиміамъ громкихъ фразъ и возгласовъ, а для того, чтобъ лучше и полнѣе измѣрить глазами этотъ величавый образъ, и строже и тверже произнести свое сужденіе о немъ—потому именно, что глубоко уважаю его... Державинъ—первое дѣйствительное появленіе русскаго духа въ сферѣ поэзіи, которой до него не было на Руси. Державинъ—это Илья Муромецъ нашей поэзіи. Тотъ тридцать лѣтъ сидѣлъ сидиемъ, не зная, что онъ богатырь; а этотъ сорокъ лѣтъ безмолвствовалъ, не зная, что онъ поэтъ; подобно Ильѣ Муромцу, Державинъ поздно ощутилъ свою силу, а ощутивъ, обнаружилъ ее въ исполинскихъ и безплодныхъ проявленіяхъ... Ни кого у насъ не хвалили такъ много и такъ безусловно, какъ Державина, и никто доселѣ не понятъ менѣе его. Невольно смиряясь передъ исполинскимъ именемъ, всѣ склонялись передъ нимъ, не замѣчая, что это только имя—не больше; поэтъ, а не поэзія... Его всѣ единодушно превозносятъ, всѣ оскорбляются малѣйшимъ сомнѣніемъ въ безукоризненности его поэтической славы, и между тѣмъ никто его не читаетъ, и всего менѣе тѣ, которые печатно кричатъ о немъ... По моему мнѣнію, эти люди, такъ безсознательно поступающіе, дѣйствуютъ очень разумно, и нисколько не противорѣчатъ самимъ себѣ. Я сравнилъ Державина съ древнимъ русскимъ богатыремъ, Ильею Муромцемъ, и, на основаніи этого сравненія, назвалъ поэзію Державина исполинскими, но безплодными проявленіями поэтической силы: для объясненія своей мысли, я долженъ продолжать это сравненіе. Илья Муромецъ одинъ одинехонекъ побиваетъ цѣлую татарскую рать—и чѣмъ же?—не копьемъ, не мечемъ, не палицею тяжкою, а Татариномъ, котораго онъ схватилъ за ноги, да и давай имъ помахивать на всѣ четыре стороны, сардонически приговаривая:

А и крѣпокъ Татаринъ—не ломится,
А жиловатъ, собака—не изорвется.

Кто не согласится, что подобный подвигъ поражаетъ умъ удивленіемъ? Но и кто же согласится, что возбуждаемое имъ удивленіе—чувство чисто внѣшнее, холодное, и что оно—только удивленіе, а не тотъ божественный восторгъ, который возбуждается въ духѣ чрезъ разумное проникновеніе въ глубокую сущность предмета? Но здѣсь не во что проникать: здѣсь только сила, лишенная всякаго содержанія, сила какъ сила—больше ничего. Совсѣмъ не такъ дѣйствуютъ на насъ миѳическія сказанія римскаго народа о Гораціяхъ-Коклесахъ, Муціяхъ Сцеволахъ, или рыцарскія легенды о военномъ схимничествѣ за честь креста, гроба и имени Господня, о битвахъ за красоту, о неизмѣнности обѣтамъ, о безумномъ фанатическомъ обожаніи воображаемыхъ идеаловъ, какъ-будто дѣйствительныхъ существъ: они возбуждаютъ въ насъ не одно удивленіе, но и любовь, и восторгъ, и сознаніе. Съ любовію преклоняемся мы передъ безконечностію духа человѣческаго, предъ несокрушимою твердостію воли, торжествующей надъ ограниченными условіями немощной плоти; въ нихъ мы обожаемъ божественную способность человѣка уничтожаться, какъ въ жертвенномъ огнѣ на алтарѣ Бога, въ пафосѣ къ безплотной и безсмертной идеѣ... И это оттого, что онѣ полны общечеловѣческаго содержанія, что мы ощущаемъ, чувствуемъ и провидимъ въ нихъ все, чѣмъ человѣкъ есть человѣкъ—чувственное явленіе незримаго и вѣчнаго духа... И вотъ этого-то содержанія въ поэзіи Державина такъ же мало, какъ и въ подвигѣ Ильи Муромца. Откуда было взять ему содержаніе для своей поэзіи? Къ намъ долетали неопредѣленные слухи и толки объ XVIII вѣкѣ Франціи, мы даже сами ѣздили знакомиться съ нимъ въ Парижъ... У насъ читали Вольтера и повторяли его остроты; но на Руссо смотрѣли только какъ на чувствительнаго мечтателя; существованія же Нѣмца Канта тогда никто и не подозрѣвалъ... Россія была на вѣки оторвана отъ своего прошед-

наго, да и притомъ такъ уже свыклась съ реформою, что и не могла ничего найдти въ немъ для себя; настоящее ея было невѣрнымъ и косвеннымъ отраженіемъ чужаго: откуда же было возникнуть въ ней своеобразному созерцанію жизни, суммѣ тѣхъ общихъ для всѣхъ и каждаго понятій, посредствомъ которыхъ въ обществѣ сливаются воедино всѣ частности и личности, которыя составляютъ цвѣтъ, характеристику, душу общества, и какъ въ зеркалѣ, отражаются въ его поэзіи и литературѣ?... Ихъ не было, и не могло быть. И вотъ отчего поэзія Державина такъ чужда всякаго содержанія. Что могъ видѣть и слышать онъ въ своемъ дѣтствѣ, у себя дома? чему могъ онъ выучиться въ школѣ? что могъ ему дать опытъ его жизни въ юношествѣ и въ лѣтахъ мужества? Можно ли дивиться, что, въ апогеѣ своей славы, пятидесятилѣтній Державинъ смотрѣлъ на поэзію какъ на отдыхъ и забаву, а на канцелярскія бумаги, какъ на дѣло, считалъ себя не поэтомъ, а чиновникомъ? Повторяю: тутъ нечего было и думать о содержаніи для поэзіи— и поэзія Державина осталась безъ всякаго содержанія. Возьмемъ ли мы его такъ называемыя «анакреонтическія стихотворенія»— сколько въ нихъ превосходныхъ частностей, удачныхъ стиховъ, поэтическихъ образовъ, сколько огня и яркости; но вмѣстѣ съ тѣмъ, и какая во всемъ внѣшность: ни малѣйшаго признака, ни слабыхъ слѣдовъ мистики сердца, жизни чувства! Чувство любви онъ вездѣ беретъ въ его отвлеченной общности: оно всегда у него одно и то же, всегда неподвижно, оцѣпенѣло, никогда не переходитъ изъ мотива въ мотивъ, и потому лишено всего внутренняго,—блеститъ, но не грѣетъ... Возьмемъ ли его такъ называемыя философическія оды: онѣ иногда богаты сентенціями, въ родѣ описанія признаковъ, долженствующихъ составлять истиннаго вельможу, и всегда бѣдны мыслями, лишены созерцанія. Только одно созерцаніе сообщаетъ нѣкоторымъ его одамъ поэтическій колоритъ:

это мысль о преходящности всего, о паденіи героевъ, царствъ и народовъ, смываемыхъ съ лица земли волнами всепоглащающаго океана времени. Да, дума Державина объ этомъ предметѣ иногда грустна и полна величія и поэзіи, и нигдѣ не выразилъ онъ ее съ такою полнотою и силою, какъ въ прекрасной «Одѣ на смерть Мещерскаго»:

Ничто отъ роковыхъ когтей,
Никая тварь не убѣгаетъ:
Монархъ и узникъ—снѣдь червей,
Гробницы злость стихій снѣдаетъ;
Зіяетъ время славу смерть:
Какъ въ море льются быстры воды,
Такъ въ вѣчность льются дни и годы;
Глотаетъ царства алчна смерть.
Скользимъ мы бездны на краю,
Въ которую стремглавъ свалимся;
Пріемлемъ съ жизнью смерть свою;
На то, чтобъ умереть, родимся;
Безъ жалости все смерть разитъ:
И звѣзды ею сокрушатся,
И солнцы ею потушатся,
И всѣмъ мірамъ она грозитъ.

Тутъ есть поэзія, потому что есть мысль, не изъ головы выскочившая въ одно прекрасное утро, когда хозяинъ этой головы, сидя въ халатѣ, пилъ чай и курилъ трубку, но вышедшая изъ глубоко потрясенной натуры, въ страданіи рожденная изъ судорожно сжавшагося сердца... Особенно яркою характеристикою вѣка дышитъ этотъ куплетъ:

Сынъ роскоши, прохладъ и нѣгъ,
Куда, Мещерскій, ты сокрылся?
Оставилъ ты сей жизни брегъ;
Къ брегамъ ты мертвымъ удалился:
Здѣсь персть твоя, а духа нѣтъ.
Гдѣ жь онъ?—онъ тамъ.—Гдѣ тамъ?—не знаемъ.
Мы только плачемъ и взываемъ:
„О горе намъ, рожденнымъ въ свѣтъ!“

XVIII вѣкъ слишкомъ игралъ жизнію, слишкомъ легко смотрѣлъ на нее; роскошь, прохлады и нѣги были его стихіею: потому удивительно ли, что только смерть человѣка, а не причина и слѣдствіе ея заставляли призадумываться этихъ вѣтреныхъ, легкомысленныхъ дѣтей XVIII вѣка? На пиру грянулъ громъ—веселые гости смутились; передъ ними бездыханный трупъ «сына роскоши, прохладъ и нѣгъ», слѣдовательно, по ихъ мнѣнію, человѣка, котораго смерть не должна бы посмѣть коснуться... Но и онъ мертвъ—кто же послѣ этого смѣетъ надѣяться на жизнь? эта мысль леденитъ кровь въ ихъ жилахъ, и изъ груди ихъ, сжатой страшнымъ призракомъ смерти, вырывается болѣзненный вопль: «О горе намъ, рожденнымъ въ свѣтъ!» Вотъ трагическая сторона XVIII вѣка, который больше всѣхъ золъ въ мірѣ боялся смерти,—и Державинъ безсознательно, но превосходно выразилъ эту мысль. Однакожь она у него не вездѣ одинаково хорошо выражена, всегда вертится около самой себя, не двигаясь впередъ, подобно колесцу вентилятора, и оттого утомляетъ читателя однообразнымъ шумомъ своихъ оборотовъ. Кромѣ же этой мысли, я другихъ не знаю у Державина; а согласитесь, что странно представить себѣ поэзію, которая вся вращается на одной, и притомъ лишенной внутренняго движенія мысли... Что же до его торжественныхъ одъ,—и въ нихъ есть смѣлые обороты, яркіе проблески Державинской поэзіи; но онѣ невообразимо длинны, а это очень не выгодное обстоятельство въ лирической и особенно—«торжественной» поэзіи: при длиннотѣ, скука побѣдитъ всякую поэзію; потомъ, онѣ преисполнены враждебнаго для поэзіи элемента—риторики, натянуты, неестественны, дурно концепированы, а главное—лишены и тѣни какого бы то ни было содержанія. Притомъ же и событія, подавшія поводъ къ сочиненію этихъ одъ, были особенно важны только для своего времени: наше время совершенно къ нимъ холодно, потому что его инте-

ресы стали и пошире, и поглубже, и почеловѣчнѣе. Два стихотворенія Пушкина: «Клеветникамъ Россіи» и «Бородинская Годовщина» совершенно уничтожаютъ всѣ многочисленныя торжественныя оды Державина.

Сверхъ «Оды на Смерть Мещерскаго» я высоко ставлю еще его «Водопадъ». Въ этой піесѣ съ особенною выпуклостію и рѣзкостію проявились всѣ достоинства и недостатки поэзіи Державина. Въ ней особенно замѣтенъ этотъ полетъ, составляющій характеристическую черту Державинской поэзіи; глубокая и торжественная дума лежитъ въ ея основаніи; смѣлость и оригинальность образовъ и картинъ доходитъ въ ней часто до высокаго, въ ней —

Стукъ слышенъ млатовъ по бѣгамъ,
Визгъ пилъ и стонъ мѣховъ подземныхъ
. . . . . .
Утесы и скалы дремали,
Волнистой облака грядой
Тихонько мимо пробѣгали,
Изъ коихъ трепетна, блѣдна,
Проглядывала внизъ луна

Духъ читателя настроенъ фантастически и ожидаетъ чудесъ

Внимаетъ завыванье псовъ,
Ревъ вѣтровъ, скрыпъ деревъ дебелыхъ,
Стенанье филиновъ и совъ,
И вящій гласъ вдали животныхъ,
И тихій шорохъ вкругъ безплотныхъ
Одинъ слышитъ: сокрушилась ель,
Стопица вранокъ встрепетала,
Кремнистый холмъ далъ страшну щель,
Гора съ богатствами упала:
Грохочетъ эхо по горамъ,
Какъ громъ громящій по громамъ.

Но особенно люблю я «Водопадъ» за героя, котораго дивная судьба при жизни и дивная смерть среди стени, подъ походнымъ плащомъ, вдохновила Державина. Много вели-

чавыхъ образовъ украшаетъ блестящій вѣкъ Екатерины Великой; но Потемкинъ всѣхъ ихъ заслоняетъ въ глазахъ потомства своею колоссальною фигурою. Его и теперь все такъ же не понимаютъ, какъ не понимали тогда: видятъ счастливаго временщика, сына случая, гордаго вельможу,— и не видятъ сына судьбы, великаго человѣка, умомъ завоевавшаго свое безмѣрное счастіе, а геніемъ доказавшаго свои права на него. Потемкинъ—это одна изъ тѣхъ титанскихъ натуръ, которыхъ душа вѣчно пожирается ничѣмъ неудовлетворяемою жаждою дѣятельности, — для которыхъ перестать дѣйствовать, значитъ перестать жить, — которымъ, завоевавъ землю, надо дѣлать высадку на луну или умирать. Колоссальный образъ Потемкина съ ногъ до головы облитъ поэзіею; Державинъ понялъ это, — и «Водопадъ» самая высокая, самая поэтическая пѣснь его. Однакожъ, смѣлая концепція этой пѣсни неудачна въ цѣломъ, и блеститъ только частностями: все сочиненіе растянуто лучшія мѣста прерываются риторикою; желаніе сказать какую-нибудь любимую мысль, которая не выходитъ изъ предыдущаго и не вяжется съ послѣдующимъ, привело множество лишнихъ стиховъ только для внѣшней связи; безпрестанно загорающееся огнемъ поэзіи чувство читателя безпрестано охлаждается водою общихъ риторическихъ мѣстъ; прекрасные стихи смѣняются дурными, счастливые обороты—ничтожными выраженіями,—и въ цѣломъ, эта поэма только истомитъ и измучитъ читателя, а не усладитъ его полнымъ, яснымъ восторгомъ...

Я особенно дорожу тѣми одами Державина, въ которыхъ выражена вельможная и барская жизнь на распашку — единственная, хотя и относительно политическая жизнь того времени. Поэзія всегда вѣрна исторіи, потому что исторія есть почва поэзіи. Я сказалъ, что вельможество было единственнымъ образованнымъ сословіемъ того времени,— и это не могло не отразиться въ поэзіи Державина, далъ ей, хоть

и бѣдное и одностороннее, содержаніе. Такія оды его, какъ «къ Первому Сосѣду», «къ Второму Сосѣду», «Гостю»— принадлежатъ къ числу лучшихъ его одъ. Но еще интереснѣе тѣ изъ нихъ, которыя блещутъ картинами русской природы. Его русская осень гораздо лучше весны, а зима весело блеститъ яркою бѣлизною снѣговъ и пушистаго инея... Сѣдая чародѣйка, она машетъ косматымъ рукавомъ, сыпля снѣгъ, морозъ и иней, претворяя воды въ льды; въ поляхъ воютъ голодные волки; олень уходитъ на мшистыя тундры, медвѣдь ложится въ свое логовище... А румяная осень?—

Уже стада толпятся птичьи,
Ковыль серебрится по степямъ,
Шумящи красно желты листья
Разстлались всюду по тропамъ.
Въ опушкѣ заяцъ быстроногій,
Какъ колпикъ, посѣдѣвъ, лежитъ,
Ловецки раздаются роги,
И выжлятъ лай и гулъ гремитъ;
Запасшися крестьянинъ хлѣбомъ,
Ѣстъ добры щи и пиво пьетъ...

Да, Державинъ сочувствовалъ русской осенней и зимней природѣ,—и это сочувствіе, какъ наслѣдіе, перешло отъ него къ Пушкину. Но что у Пушкина является апоѳеозомъ, то у Державина есть только элементъ; начало чего-то, зерно еще неразвившееся въ растеніе и цвѣтъ. Великую приноситъ Державину честь, что онъ въ одѣ, гдѣ говорится объ осадѣ Очакова и Потемкинѣ, дерзнулъ, вопреки всѣмъ понятіямъ того времени о благородной и украшенной природѣ въ искусствѣ, говорить о зайцахъ, о голодныхъ волкахъ, о медвѣдяхъ, о русскомъ мужикѣ и его добрыхъ щахъ и пивѣ, дерзнулъ назвать зиму сѣдою чародѣйкою, которая машетъ косматымъ рукавомъ: это показываетъ, что онъ одаренъ былъ сильными и самостоятельными элементами поэзіи, которымъ, однакожь, нельзя было развиться во что-нибудь опредѣленное и суждено было остаться только элементами, но

отсутствію содержанія, еще невыработаннаго общественною жизнію, по неимѣнію литературнаго, поэтическаго, разговорнаго и всякаго языка, и по кривымъ понятіямъ объ искусствѣ—не только у насъ, но и въ самой Европѣ, гдѣ XVIII вѣкъ вообще былъ неблагопріятенъ поэзіи. Конечно, во всемъ этомъ Державинъ нисколько не виноватъ, я и не вижу его: говорю только, что ему можно удивляться, его должно изучать, но что нѣтъ никакой возможности читать его для наслажденія поэзіею, и что его произведенія, будучи важнымъ фактомъ для эстетики, теперь составляютъ въ сферѣ поэзіи совершенно мертвый капиталъ. Возьмемъ даже его оду «Осень во время осады Очакова», тѣ самыя прекрасныя картины осени и зимы, о которыхъ я сейчасъ говорилъ. Онѣ преисполнены самыхъ прозаическихъ обмолвокъ, или блестокъ «облагороженной и украшенной природы»: послѣ щей и пива, у него крестьянинъ, подобно какому-нибудь менестрелю, «поетъ блаженство своихъ дней»; отъ хладнаго дыханія зимы «цѣпенѣетъ взоръ природы, небесный Марсъ оставляетъ громы, и ложится отдыхать въ туманы, сельскія Нимфы» (т. е. деревенскія дѣвки въ лаптяхъ, если не босикомъ) перестаютъ пѣть въ хороводахъ... Я ужъ не говорю о томъ, что въ этой одѣ нѣтъ ни единства мысли, ни единства ощущенія; что она не составляетъ ничего общаго, переполнена риторикою, богата дурными стихами, неточными выраженіями, на которыхъ безпрестанно спотыкается встревоженное чувство: это общая и необходимая принадлежность, существенное качество каждаго стихотворенія Державина. И насъ хотятъ заставить читать его, для услажденія себя поэзіею!... Поэзія есть искусство, художество, изящная форма истинныхъ идей и вѣрныхъ (а не фальшивыхъ) ощущеній: поэтому, часто одно слово, одно неточное выраженіе портитъ все поэтическое произведеніе, разрушая цѣлость впечатлѣнія. Я въ дѣтствѣ зналъ Державина наизусть, и мнѣ трудно было изъ міра его напря-

жено-торжественной поэзіи, бѣдной содержаніемъ, лишенной всякой художественности, всякой виртуозности, перейдти въ міръ поэзіи Пушкина, столь свѣтлой, ясной, прозрачной, опредѣленной, возвышенно свободной, безъ напряженности, полной содержанія, и потому вызывающей изъ души читателя всѣ чувства, даже такія, которыхъ возможности онъ и не подозрѣвалъ въ себѣ, заставляющей вглядываться и вдумываться въ природу, въ жизнь и во внутреннее, тайное святилище собственной души, — наконецъ, поэзіи столь гармонической и художественной. Для моего дѣтскаго воображенія, поставленнаго Державинскою поэзіею на ходули, поэзія Пушкина казалась слишкомъ простою, слишкомъ кроткою и лишенною всякаго полета, всякой возвышенности... Переходъ отъ Державина къ Жуковскому для меня былъ очень легокъ: я тотчасъ же очаровался этимъ мистическимъ міромъ внутренней, задушевной поэзіи, любилъ ее исключительно; но Державинъ все-таки оставался, въ моемъ понятіи, идеаломъ истиннаго поэта. Только постепенное духовное развитіе въ лонѣ Пушкинской поэзіи могло оторвать меня отъ глубоко вкоренившихся впечатлѣній дѣтства и довести до сознанія тайны, сущности и значенія истинной поэзіи. И эта сила дѣтскихъ впечатлѣній имѣетъ свою причину въ богатствѣ и могуществѣ поэтическихъ элементовъ, какими одаренъ былъ отъ природы Державинъ. Родись этотъ человѣкъ въ благопріятное для поэзіи время, — можетъ-быть, онъ былъ бы великимъ поэтомъ, и вѣкамъ завѣщалъ бы свои могучія и полетистыя вдохновенія; но судьба велѣла ему быть первою ступенью рождающейся въ народѣ поэзіи, — и вотъ едва прошло двадцать пять лѣтъ послѣ его смерти, а его уже никто не читаетъ, и только безотчетно, на вѣру и по преданіямъ, восторгаются имъ... Повторяю: я поставилъ бы долгомъ и обязанностію всякому юношѣ настолько прочесть — даже изучить Державина, какъ великій фактъ въ исторіи русской

литературы, языка и эстетическаго образованія общества: по никому не возьмусь совѣтовать читать Державина для эстетическаго наслажденія: я знаю напередъ, что мой совѣтъ пропалъ бы втунѣ послѣ первой прочитанной оды, или послѣ первыхъ стиховъ ея. Воля ваша, я такъ же не умѣю представить женщину съ Державинымъ въ рукахъ, какъ Пушкинъ не умѣлъ ее представить себѣ съ «Благонамѣреннымъ» въ рукахъ. Знаю, что со мною многіе согласятся, но съ насмѣшливою улыбкою, которая будетъ не очень любезна въ отношеніи къ дамамъ: но, право, пора бы намъ оставить этотъ мусульманскій взглядъ на женщину, и въ справедливомъ смиреніи сознаться, что наши женщины едва ли не умнѣе нашихъ мущинъ, хоть эти господа и превосходятъ ихъ въ учености. Кто первый, вопреки школьнымъ предразсудкамъ, живымъ, непосредственнымъ чувствомъ оцѣнилъ поэзію Жуковскаго?—женщины. Пока наши романтики подводили поэзію Пушкина подъ новую теорію и отстаивали ее отъ незаслуживавшихъ вниманія педантовъ классиковъ,—женщины наши уже заучили наизусть стихи Пушкина. Мнѣніе, что женщина годна только рождать и нянчить дѣтей, варить мужу щи и кашу, или плясать и сплетничать, да почитывать легонькіе пустячки—это истинно киргизъ-кайсацкое мнѣніе! Женщина имѣетъ равныя права и равное участіе съ мущиной въ дарахъ высшей духовной жизни—и если она во всѣхъ отношеніяхъ стоитъ ниже его на лѣстницѣ нравственнаго развитія,—этому причиною не ея натура, а злоупотребленіе грубой матеріальной силы мущины, полуварварское, немного восточное устройство общества, и сахарное, аркадское воспитаніе, которое дается женщинѣ... Но вѣкъ идетъ, идеи движутся, и варварство начинаетъ колебаться: женщина уже сознаетъ свои права человѣческія, и блистательными подвигами доказываетъ гордому мущинѣ, что и она такъ же дочь неба, какъ и онъ сынъ неба... Кому неизвѣстны имена Бетины и Ра-

хели, которыхъ глубокія натуры отъ всякаго прикосновенія къ нимъ жизни издавали изъ себя электрическія искры откровенія тайнъ духа? Кому неизвѣстно имя геніальной Жоржъ Зандъ? Недавно въ Англіи вышла книга миссъ Джемсонъ — «Характеры Шекспировыхъ Женщинъ», изумившая ученую и философскую Германію силою и глубиною анализа сокровенной души женщины, вѣрнымъ и мощнымъ постиженіемъ величайшаго поэта въ мірѣ; вдохновеннымъ поэтическимъ и, въ то же время, полнымъ мысли и опредѣлительности изложеніемъ. Недавно вышла въ Германіи книга «Миѳологія Грековъ и Римлянъ»—плодъ глубочайшаго изученія древности, книга столь же глубоко философская, сколько и высоко поэтическая: авторъ этой книги — женщина, Тинетта Гомбергъ... У насъ еще такъ недавно начали появляться истинно ученые мущины — слѣдовательно, намъ еще рано думать о своихъ Джемсонъ и Гомбергъ; но и наша литература можетъ по справедливости гордиться многими женскими именами (если она ужь гордится столь многими мужскими), изъ которыхъ особенно замѣчательны: графиня Сара Толстая и неизвѣстная дама, авторъ многихъ превосходныхъ повѣстей, подписывающаяся Зенеидою Р—вою. Итакъ, если женщины понимаютъ глубоко Шекспира и Гомера, то я, право, не вижу, почему бы онѣ не могли понимать Державина... А между тѣмъ, онѣ точно его не понимаютъ и никогда не будутъ читать, особенно видя, что и мущины давно уже отказались отъ этого удовольствія...

Б.—Я понимаю вашъ взглядъ на Державина, и каковъ бы онъ ни былъ въ самомъ дѣлѣ, но я увѣренъ, что во многомъ не могутъ не согласиться съ вами самые ожесточенные поклонники старины. Но послѣ такого взгляда на Державина, я уже боюсь предложить вамъ Фонъ-Визина...

А.—Напрасно: этому писателю я не только всегда дамъ почетное мѣсто на полкѣ моего небогатаго русскими книгами шкапа, но и не откажусь подчасъ и перелистовать и

перечесть его, сколько для историческаго изученія, столько и для удовольствія. Вмѣстѣ съ Державинымъ, Фонъ-Визинъ есть полное выраженіе екатерининскаго времени. Смѣшно, когда хотятъ дѣлать изъ него поэта и комика; но, какъ писатель, онъ безцѣненъ. Что бы вы ни читали въ немъ,— комедіи ли его, забавное ли и злое посланіе его къ Шумилову, письма ли изъ за границы, исповѣдь ли, вопросы ли—вездѣ видите умнаго и остраго человѣка, тонкаго наблюдателя, живую исторію своего времени. Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ писателей, которые, имѣя значеніе въ своей литературѣ, не совсѣмъ бы утратили его и въ переводѣ на иностранныхъ языкахъ. Что до его поэзіи, онъ невиненъ въ ней. Въ комедіяхъ его нѣтъ ничего идеальнаго, а слѣдовательно, и творческаго: характеры дураковъ въ нихъ—вѣрные и ловкіе списки съ карикатуръ тогдашней дѣйствительности; характеры умныхъ и добродѣтельныхъ—риторическія сентенціи, образы безъ лицъ; юморъ его комедій довольно легокъ и мелокъ: онъ ищетъ больше смѣшнаго и карикатурнаго, чѣмъ комическаго и характернаго. Но при всемъ томъ, «Недоросль» и «Бригадиръ», уже сошедшіе съ театра, никогда не будутъ изгнаны ни изъ исторіи русской литературы, ни изъ библіотекъ порядочныхъ людей. Не будучи комедіями въ художественномъ значеніи, онѣ—прекрасныя произведенія бельлетрической литературы, драгоцѣнныя лѣтописи общественности того времени. «Дворянскіе Выборы» были сколкомъ съ комедій Фонъ-Визина, и въ достоинствахъ и недостаткахъ, но скалывать и изобрѣтать двѣ вещи розныя; притомъ же, все хорошо въ свое время,—и честь и слава уму и таланту Фонъ-Визина, что онъ угадалъ, что̀ можно и что̀ нужно было въ его время ..

Б.—Вотъ мы съ вами и переговорили о цѣломъ періодѣ русской литературы. Конечно, надо согласиться, что немного потратимъ времени на прочтеніе всего, что произвелъ этотъ періодъ.

А.—Слѣдующій будетъ несравненно богаче: только необходимо надо строго опредѣлять степень этого богатства, относительную или безусловную цѣнность частностей, изъ которыхъ состоитъ его цѣнность. А то—чего добраго!—вообразимъ себя такими богачами, что, положась, конечно, на большое и уже прожитое богатство, и не увидимъ, какъ прійдется по міру идти.

Б.—Интересно мнѣ, что вы скажете о Карамзинѣ и Дмитріевѣ, начавшихъ собою второй періодъ нашей литературы. Вѣроятно, ихъ еще можно и перечитывать?...

А.—Прежде всего, надо замѣтить, что Карамзинъ не родня Дмитріеву. Дмитріевъ написалъ очень небольшую книгу стиховъ, и надо чтобъ въ стихахъ такой книги было слишкомъ много поэзіи, чтобъ ее читали въ наше время... Но ея не читаютъ уже лѣтъ двадцать, а въ наше время немногіе даже знакомы съ ней, и то не лично, а по слухамъ, по рекомендаціи учителей словесности и по литературнымъ адресъ-календарямъ, извѣстнымъ подъ названіемъ «исторіи русской литературы»... И Дмитріевъ въ самомъ дѣлѣ—примѣчательное лицо въ исторіи русской литературы. Я очень любилъ его въ дѣтствѣ, и отъ души благодаренъ ему за пользу и удовольствіе, которыя принесли мнѣ его стихотворенія въ мои дѣтскіе годы. Впрочемъ, басни и сказки Дмитріева и теперь еще могутъ доставлять дѣтямъ пользу и удовольствіе; если же будутъ для нихъ вредны, то развѣ со стороны своей негармонической и непоэтической версификаціи; но его оды и пѣсни теперь не годятся ни для дѣтей, ни для стариковъ—ихъ время давно прошло! А въ свое время онѣ были прекрасны, распространяли въ обществѣ охоту къ чтенію, пріучали публику къ благороднымъ наслажденіямъ ума, доставляли ей возвышенное удовольствіе. Но это все таки не мѣшало Дмитріеву не быть поэтомъ, не имѣть фантазіи, ни чувства: онѣ замѣнялись у него умомъ и ловкостію. Русская версификація въ стихахъ

Дмитріева сдѣлала значительный шагъ впередъ: въ свое время они считались чрезвычайно гладкими и гармоническими. Вообще, стихи Дмитріева гораздо лучше стиховъ Карамзина. Дмитріева можно назвать сотрудникомъ и помощникомъ Карамзина въ дѣлѣ преобразованія русскаго языка и русской литературы: что̀ Карамзинъ дѣлалъ въ отношеніи къ прозѣ, то Дмитріевъ дѣлалъ въ отношеніи къ стихотворству. Но проза тогда была важнѣе стиховъ, и потому заслуги Карамзина уничтожаютъ собою заслугу Дмитріева: между ними нѣтъ ни сравненія, ни параллели въ этомъ отношеніи. Карамзинъ первый родилъ въ обществѣ потребность чтенія, размножилъ читателей во всѣхъ классахъ общества, создалъ русскую публику; съ него перваго должно полагать начало русской литературы не какъ школьнаго, «ученаго» занятія, но какъ предмета живаго интереса со стороны общества. Правда, этотъ живой интересъ былъ еще довольно апатиченъ, а ограниченное число читателей не могло назваться публикою; но что же и теперь у насъ за публика? а между тѣмъ, теперешняя публика и огромна и образована въ сравненіи съ тою публикою; безъ той публики не было бы и теперешней. Поэтому, дѣло Карамзина—великій подвигъ, вполнѣ достойный того, чтобъ наше время обезсмертило его монументомъ. Карамзинъ явился преобразователемъ языка и стилистики. Въ обществѣ бродили уже новыя идеи, для выраженія которыхъ не доставало въ русскомъ языкѣ ни словъ, ни оборотовъ. Карамзинъ улегитимировалъ своимъ талантомъ употребленіе вошедшихъ и входившихъ въ русскій языкъ словъ, и ввелъ совершенно новыя не только иностранныя, но и русскія слова, какъ напримѣръ, «промышленность». Карамзина обвиняютъ въ растлѣніи чужестранными словами и оборотами, преимущественно галлицизмами, дѣвственности русскаго языка. Но эти люди забываютъ, что тогда не было никакого русскаго языка, и что латино-славянская проза Ломоносова и Хераскова го-

раздо меньше была русскимъ языкомъ, чѣмъ проза не только Карамзина, но и самыхъ неловкихъ его подражателей, отчаянныхъ галломановъ. Карамзинъ началъ писать языкомъ общества, тѣмъ самымъ, которымъ всѣ говорили; но, разумѣется, идеализировалъ его, потому что письменный языкъ—искусственный, какъ бы ни былъ онъ естественъ, простъ, живъ и свободенъ. Карамзинъ явился въ самое время съ своею реформою: тогда и всѣ чувствовали ея необходимость,—большинство безсознательно, избранники сознательно: доказательствомъ перваго служитъ общій восторгъ, съ какимъ были приняты первые опыты Карамзина; а доказательствомъ втораго можетъ служить Макаровъ, современникъ Карамзина, талантливый литераторъ, въ одно время съ Карамзинымъ, и совершенно независимо отъ него, писавшій такою же прекрасною прозою. Несмотря на то, что духъ времени былъ за Карамзина, знаменитому реформатору нужна была большая сила характера или большая разсчетливость, чтобъ не смущаться толками и воплями литературныхъ старовѣровъ. Въ самомъ дѣлѣ, потребна была большая рѣшимость, чтобъ изъ міра натянутой эпопеи въ родѣ «Кадма и Гармоніи» ниспуститься въ міръ любви и горестей какой-нибудь «Бѣдной Лизы», которая не имѣла чести быть даже простою дворянкою. Въ лицѣ Карамзина, русская литература въ первый разъ сошла на землю съ ходуль, на которыя поставилъ ее Ломоносовъ. Конечно, въ «Бѣдной Лизѣ» и другихъ чувствительныхъ повѣстяхъ не было ни слѣда, ни признака обще-человѣческихъ интересовъ; но въ нихъ есть интересы просто человѣческіе—интересы сердца и души. Въ повѣстяхъ Карамзина, русская публика въ первый разъ увидѣла на русскомъ языкѣ имена любви, дружбы, радости, разлуки, и пр. не какъ пустыя, отвлеченныя понятія и риторическія фигуры, но какъ слова, находящія себѣ отзывъ въ душѣ читателя. Такъ какъ это было въ первый разъ, всѣ эти чувства, нѣжныя до сла-

бости, умѣренныя до блѣдной безцвѣтности, сладкія до приторности, были приняты за глубокое проникновеніе въ духовную натуру человѣка. Карамзинъ засталъ XVIII вѣкъ на его исходѣ, и взялъ отъ него только пастушескую сладость чувствъ, мадригальную силу страстей. И хорошо, что это случилось такъ, а не иначе: еслибы его сочиненія были выраженіемъ болѣе глубокаго содержанія, или хоть какого-нибудь содержанія—онѣ плодотворно дѣйствовали бы на немногія благодатныя натуры; масса не замѣтила бы ихъ, и Карамзинъ не создалъ бы публики, не приготовилъ бы возможность существованія русской литературы. Чувство и чувствительность—не одно и то же: можно быть чувствительнымъ, не имѣя чувства; но нельзя не быть чувствительнымъ, будучи человѣкомъ съ чувствомъ. Чувствительность ниже чувства, потому что она болѣе зависитъ отъ организаціи, тогда какъ чувство болѣе относится къ духу. Чувствительность раздражительная, нѣжная, слезливая, приторная, есть признакъ или слабой и мелкой, или разсѣянной натуры: такая чувствительность очень хорошо выражается словомъ «сантиментальность». Однакожь, будучи не совсѣмъ завиднымъ качествомъ, и сантиментальность лучше одеревенѣлаго состоянія въ грубой корѣ животной естественности,—и потому, въ массѣ тогдашняго общества, прежде всего должно было пробудить сантиментальность, какъ первый выходъ изъ одеревенѣлости. Европейская сантиментальность, составлявшая одну изъ заднихъ сторонъ XVIII вѣка, и привитая Карамзинымъ къ русской литературѣ, была смягчающимъ средствомъ для современнаго ему общества, мало знакомаго съ грамотою. Многіе нападаютъ на жидкость содержанія въ «Письмахъ Русскаго Путешественника»: я такъ не вижу въ нихъ ровно никакого содержанія, и потому самому уважаю ихъ. Еслибы Карамзинъ сдѣлалъ изъ нихъ вѣрную картину нравственнаго состоянія Европы въ то время, а не знакомилъ бы съ однѣми внѣшностями евро-

пейской цивилизаціи и дорожными случайностями,—его путешествіе почти ни на кого не подѣйствовало бы. Карамзинъ, въ своихъ письмахъ, вездѣ обнаруживаетъ симпатію къ реформѣ Петра и антипатію къ длиннобородой старинѣ: чувство вѣрное, но мотивы его не довольно глубоки. Для Карамзина европеизмъ состоялъ въ однѣхъ удобствахъ образованной жизни; больше онъ ничего не предвидѣлъ въ этомъ величайшемъ вопросѣ, въ которомъ заключается вся судьба человѣчества. Но потому-то путешествіе Карамзина и было такъ понятно для публики, такъ восхитило ее и произвело такое сильное и такое благодѣтельное вліяніе на образъ мыслей тогдашняго общества. Вотъ, по моему мнѣнію, какъ должно смотрѣть на Карамзина. Едва ли кто больше его принесъ пользы русской литературѣ (замѣтьте: не поэзіи, не искусству, не наукѣ,—а литературѣ) и едва ли кто менѣе можетъ быть читаемъ въ наше время, какъ онъ, Державина нельзя читать, но—должно изучать: о сочиненіяхъ Карамзина нельзя сказать и этого. Чуждыя всякаго содержанія, они не могутъ быть переведены ни на какой европейскій языкъ: что бы нашла въ нихъ Европа, изъ чего бы поняла она въ нихъ что онъ—великій писатель?... Чуждыя нашему времени по формѣ, т. е. по самому языку своему, составляющему торжество классной стилистики—кѣмъ они будутъ читаться въ наше время, если не людьми, для которыхъ «Бѣдная Лиза» можетъ быть первою прочитанною ими повѣстью? Между тѣмъ, безъ Карамзина исторія нашей литературы не имѣетъ смысла; имя его велико, заслуги безсмертны, но творенія его какъ важныя и необходимыя только для современной ему эпохи, дошедъ до своей апогеи, обвитыя лаврами побѣды, безмолвно и безтревожно покоятся теперь въ своей лучезарной славѣ...

Б.—Но вы говорите только о мелкихъ трудахъ Карамзина; а вѣдь онъ написалъ «Исторію Государства Россійскаго»...

А. — Не написалъ, а только хотѣлъ написать, но не успѣлъ кончить и предисловія. Государство Россійское началось съ творца его—Петра Великаго, до появленія котораго оно было младенецъ, хотя и младенецъ-Алкидъ, душившій змѣй въ колыбели; но кто же пишетъ исторію младенца! О младенчествѣ великаго человѣка упоминается, и то мимоходомъ, только въ предисловіи или введеніи въ его исторію. Содержаніе исторіи составляетъ таинственная психея народа, дающая чувствовать свое животворное присутствіе во внѣшнихъ событіяхъ; но событія сами по себѣ еще не составляютъ исторіи, какъ бы красно ни были они разсказаны. Педанты нападали на Карамзина за промахи противъ лѣтописей, за мелочныя ошибки въ фактахъ: нелѣпое обвиненіе! Умъ цѣпенѣетъ передъ огромностью подвига, совершеннаго Карамзинымъ: онъ писалъ исторію, онъ же и разработывалъ рѣшительно-нетронутые матеріалы для нея. Что было сдѣлано до него по части исторической критики документовъ?—Ничего: Шлецеръ и другіе были заняты преимущественно вопросомъ о происхожденіи Руси, который и теперь еще не рѣшенъ. Даже текстъ Нестора и теперь еще не возстановленъ и не очищенъ; что сдѣлалъ для него Шлецеръ, тѣмъ и теперь еще пробавляются наши «ученые». Итакъ, Карамзинъ работалъ за десятерыхъ,—и его примѣчанія къ «Исторіи Государства Россійскаго» едва ли еще не драгоцѣннѣе самого текста... И при такомъ трудѣ нападать на мелкія фактическія ошибки! Не въ нихъ, а въ идеѣ все дѣло; и вотъ съ этой-то стороны еще никто и не взглянулъ на великое твореніе Карамзина. Правда, нѣкоторые очень основательно упрекали Карамзина, что онъ былъ незнакомъ съ идеями Гизо, Тьерри, Баранта и другихъ, послѣ него явившихся историковъ; но я, право, не вижу никакого отношенія русской исторіи къ исторіи образованія европейскихъ государствъ. У насъ даже написано по этимъ идеямъ начало «Исторіи Русскаго Народа»; но

уже самое заглавіе этой исторіи, или заглавіе начала этой исторіи, показываетъ ея внутреннее достоинство, равно какъ и то, какъ далеко обогнала она въ идеяхъ исторію Карамзина: тамъ государство, которое только готовилось быть, но котораго еще не было; а тутъ народъ, который не сознавалъ еще своего существованія. Изъ баснословнаго періода Руси Карамзинъ сдѣлалъ эпическую поэму въ духѣ XVIII вѣка, и то, чего не достало бы на десять страничекъ, растянулъ на томы. Уставши отъ безплоднаго описанія періода междоусобій и ужасовъ татарщины, онъ думалъ отдохнуть, принимаясь за 6-й томъ. «Отселѣ—говоритъ онъ — исторія наша пріемлетъ достоинство истинно государственной»; но кому, даже и прежде Карамзина, не только послѣ его, не было извѣстно, что слова «патріархальность» и «государственность» не одно и то же? Что же касается до насъ, живущихъ послѣ Карамзина,— мы читали на этотъ счетъ превосходное политическое сочиненіе подъячаго XVII вѣка, Кошихина, и потому уже не можемъ довольствоваться понятіемъ Карамзина о «государственности». Нечего уже говорить о томъ, что Карамзинъ невѣрно смотрѣлъ на Грознаго и на другія историческія лица. Но если наше время все это можетъ понимать вѣрнѣе Карамзина, этимъ оно обязано все-таки Карамзину же, потому что, безъ его исторіи, мы не имѣли бы никакихъ данныхъ для сужденій. До сихъ поръ, ни одна попытка написать исторію Россіи не только не помрачила великаго творенія Карамзина, но даже и не заслужила чести быть упоминаемой при немъ... И мы до тѣхъ поръ не будемъ имѣть настоящей исторіи Россіи, пока исторія Карамзина не перестанетъ быть читаемою, а ее еще долго-долго будутъ читать... Что же касается до меня собственно,—я прочелъ уже ее, и даже не одинъ разъ: и потому теперь она не можетъ увеличить моей «библіотеки для чтенія» (не для справокъ), т.-е. того,

что́ я называю литературою и отвѣтомъ на вопросъ: «Да гдѣ-жь онѣ? давайте ихъ?»

Б.—Я вамъ упомянулъ бы о Крыловѣ; но вѣдь вы и его читали...

А.—И никогда не перестану читать. Собраніе его басень есть капитальная книга русской литературы. Это нашъ единственный баснописецъ: по крайней мѣрѣ, другихъ я не знаю, да и знать не хочу, что́ бы мнѣ ни говорили о Хемницерѣ и Дмитріевѣ... Достоинство басень Крылова безусловно и не зависитъ ни отъ времени, ни отъ моды. Число читателей на Руси прогрессивно умножается и будетъ умножаться годъ отъ году, въ безконечность. Мѣсто, которое онъ долженъ занимать между другими нашими поэтами, должно быть опредѣлено вопросомъ: какое мѣсто занимаетъ басня въ кругу прочихъ родовъ поэзіи? Рѣшеніе этого вопроса очень не трудно въ наше время...

Б.—Озеровъ.

А.—Очень примѣчательное лицо въ исторіи русской литературы. Я люблю его особенно за то, что онъ своими трагедіями такъ ясно и опредѣлительно рѣшилъ вопросъ о псевдоклассической драмѣ... Благодаря ему, теперь нечего и спорить объ этомъ предметѣ: не дѣлайте возраженій, а только попросите прочесть или посмотрѣть на театрѣ «Эдипа въ Аѳинахъ», «Фингала», или «Поликсену» (о «Донскомъ» уже никто не будетъ говорить—все равно, какъ о «Хоревѣ»)... Родъ драмы, въ которомъ упражнялся Озеровъ, уже самъ по себѣ есть отрицаніе всякой поэзіи, натянутость, неестественность и скука... Но если трагедіи Озерова будете разсматривать и относительно,—то и тогда увидите въ нихъ, конечно, большой успѣхъ, но только успѣхъ вкуса и языка, а не поэзіи, не искусства, и притомъ успѣхъ только сравнительно съ трагедіями Сумарокова и Княжнина. Въ трагедіяхъ Озерова нѣтъ глубокаго чувства, и вообще въ нихъ больше чувствительности, чѣмъ

какого-нибудь чувства, а пафосъ замѣненъ или раздражительностію, или высокопарностію. Озеровъ по преимуществу принадлежитъ къ Карамзинской школѣ: онъ усвоилъ себѣ всѣ ея элементы—и расплывающуюся, слезливую раздражительность чувствительности, и искуственную красоту стилистики. Къ этому должно присовокупить еще риторическую восторженность, занятую имъ у его французскихъ образцовъ. Впрочемъ, Карамзинская школа, въ лицѣ Озерова, сдѣлала большой шагъ впередъ: въ чувствительности Озерова больше силы, упругости и жизни; это что-то среднее между чувствительностію и чувствомъ, какъ бы переходъ отъ чувствительности къ чувству. Вообще, громкая слава и восторгъ современниковъ были справедливою, вполнѣ заслуженною данью дарованіямъ Озерова, и исторія русской литературы всегда дастъ ему почетное мѣсто на своихъ страницахъ, хоть его никто уже и не читаетъ и не будетъ читать, кромѣ людей, исторически изучающихъ литературу: для нихъ Озеровъ всегда останется интереснымъ явленіемъ.

Б.—Ваше мнѣніе объ Озеровѣ ново и оригинально,—и я думаю...

А —Напротивъ, мое мнѣніе объ Озеровѣ и не ново и не оригинально: всѣ такъ думаютъ о немъ, но не всѣ такъ говорятъ. Въ нашей критикѣ, и особенно въ нашихъ учебникахъ, замѣтно владычество общихъ мѣстъ, литературное низкопоклонство живымъ и мертвымъ, лицемѣрство въ сужденіяхъ. Думаютъ и знаютъ одно,—а говорятъ другое. Иной господинъ ни разу не прочелъ, напримѣръ, Ломоносова и помнитъ изъ него развѣ знаменитую строфу: «науки юношей питаютъ», которую невольно заучилъ въ дѣтствѣ, а начнетъ писать о Ломоносовѣ—такъ и посыплются у него слова: «русскій Пиндаръ, высокое паренiе, торжественность, сила» и пр. и пр. Такъ повторяются у насъ до сихъ поръ пустыя фразы и о Державинѣ: «потомокъ Ба-

грима, сѣверный бардъ, пѣвецъ Фелицы, алмазы, яхонты, сапфиры» и т. п. Впрочемъ, если наша публика, вмѣсто критики, часто читаетъ или похвальныя слова, или плоскую брань,—въ этомъ отчасти она сама виновата: скажите хоть слово противъ «знаменитаго» писателя, котораго, впрочемъ, вы сами высоко цѣните,—тотчасъ: «Ахъ, какое неуваженіе! помилуйте; оно, конечно, правда, но какъ это можно, и къ чему это?...» У насъ ужь такъ привыкли смотрѣть на критику: коли хвалить, такъ хвали; коли бранить, такъ только держись! Тутъ, по неволѣ, иной разъ припомнишь стихъ Крылова: «Да, спрашивай ты толку у звѣрей»... Главная причина этому — дѣтскость образованія: никто не хочетъ мыслить, а всѣ только хотятъ читать. Требуютъ, чтобъ критикъ не опредѣлилъ достоинство писателя, а расхвалилъ или разбранилъ его, и если статья состоитъ не изъ однѣхъ похвалъ, если авторъ не превозносится въ ней безусловно, говорятъ: «разругали»... Многимъ вы никакъ не растолкуете, что отъ противоположности сужденій объ авторѣ, авторъ не дѣлается другимъ, все остается тѣмъ же, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ; но что только изъ противоположности сужденій возможенъ выводъ правильнаго и истиннаго сужденія объ авторѣ. Современники смотрятъ на автора такъ—потомки иначе: это еще не всегда значитъ, чтобъ они противорѣчили другъ другу; но часто значитъ только, что современники видѣли и цѣнили въ авторѣ одну сторону, исключительно удовлетворявшую требованіямъ ихъ времени; а потомки, преисполненные новыхъ потребностей, сообразно съ духомъ ихъ времени, холодны и равнодушны къ сторонѣ автора, восхищавшей его современниковъ. Но эта холодность, это равнодушіе нисколько не уничтожаютъ заслугъ автора и его историческаго достоинства: его не будутъ читать, но всегда будутъ чествовать его имя, какъ представителя эпохи, какъ лицо историческое. На что-жь тутъ сердиться

и чѣмъ обижаться? Дѣтство и дѣтство—больше ничего! А право, пора бы уже перестать играть въ литературу, пора бы смотрѣть на нее посерьезнѣе... Конечно, когда многіе «безсмертные» совсѣмъ умрутъ, великіе сдѣлаются только знаменитыми, или замѣчательными, знаменитые — ничтожными; много сокровищъ обратится въ хламъ; но за то истинно прекрасное вступитъ въ свои права, а пересыпанье изъ пустаго въ порожнее риторическими фразами и общими мѣстами—занятіе, конечно, безвредное и невинное, но пустое и пошлое—замѣнится сужденіемъ и мышленіемъ... Но для этого необходима терпимость къ мнѣніямъ, необходимъ просторъ для убѣжденій. Всякій судитъ какъ можетъ и какъ умѣетъ; ошибка—не преступленіе, и несправедливое мнѣніе—не обида автору. Дѣло въ томъ, чтобъ мнѣніе было искренно и независимо отъ внѣшнихъ разсчетовъ, касалось не лицъ, а только ихъ сочиненій. Грустно подумать, что все, мною теперь сказанное, старо только въ книгахъ, а на дѣлѣ очень и очень ново, такъ что долго еще будетъ повторяться съ разными варіаціями. Правда, у насъ всѣ, и говорящіе и пишущіе, повторяютъ это, но какъ общія мѣста, неимѣющія никакого отношенія къ дѣлу,—и только коснитесь авторитета умершаго автора—шумъ и толки: «да что! да какъ! да помилуйте!»; а о живомъ и не заикайтесь... Можетъ быть, онъ и самъ не увидитъ ничего оскорбительнаго для себя въ вашемъ отзывѣ; но у него есть толпа почитателей, а толпа — всегда толпа: она не говоритъ, а кричитъ, не доказываетъ, а вопіетъ...

Б.—Все это правда; но я думаю, что тутъ надо винить не публику, а критиковъ, которые или не могутъ, или не смѣютъ «свое сужденіе имѣть» и отдѣлываются повтореніемъ фразъ, уже около ста лѣтъ всѣмъ надоѣдающихъ... Но вѣдь мы съ вами говоримъ, а не пишемъ, такъ почему же вамъ не сказать, а мнѣ не послушать искренняго и—

каково бы оно ни было—своего, а не чужаго мнѣнія, напримѣръ, о Жуковскомъ и Батюшковѣ?...

А.—Вы не напрасно соединили эти два имени. Почти въ одно время явились они, какъ двѣ яркія звѣзды, на горизонтѣ нашей литературы, и дружно совершали по немъ свое, полное тихаго свѣта, шествіе, пока горестная судьба не остановила одну изъ нихъ на полу-дорогѣ, и не велѣла другой продолжать уже одинокій путь по новымъ и чуждымъ для него пространствамъ, при ослѣпительномъ свѣтѣ вновь взошедшаго солнца... Жуковскій и Батюшковъ—оба поэты и оба прозаики; оба они двинули впередъ и версификацію и прозу русскую. Проза ихъ богаче содержаніемъ прозы Карамзина, а оттого кажется лучше и по формѣ своей, которая въ сущности не болѣе, какъ усовершенствованная стилистика Карамзина, чуждая своеобразнаго, національнаго колорита, и больше искусственная и щеголеватая, чѣмъ живая и сросшаяся съ своимъ содержаніемъ, какъ, напримѣръ, проза Пушкина и другихъ даровитыхъ писателей послѣдняго времени. Ученики побѣдили учителя: проза Жуковскаго и Батюшкова единодушно была признана «образцовою», и всѣ силились подражать ей... Въ наше время, уже никому не прійдетъ въ голову потратить столько труда, хлопотъ, времени, искусства и прекрасной прозы на повѣсть въ родѣ «Марьиной Рощи», или «Предславы и Добрыни», и еслибы кто написалъ ихъ въ наше время, никто бы не сталъ читать... Это оттого, что въ наше время не дорожатъ однимъ языкомъ, а требуютъ «слога» разумѣя подъ этимъ словомъ живую, органическую соотвѣтственность формы съ содержаніемъ, и наоборотъ, умѣніе выразить мысль тѣмъ словомъ, тѣмъ оборотомъ, какіе требуются сущностію самой мысли, для которой всякое другое слово и другой оборотъ были бы неопредѣленны и неясны. Тогда «стилистика» годилась не для однихъ этюдовъ, по считалась искусствомъ, а этюды были не исключительнымъ уп-

ражпеніемъ учениковъ, но и дѣломъ мастеровъ... Это очень естественно: чтобъ выучиться писать, надо сперва овладѣть формою; грамматика всегда предшествуетъ логикѣ. Наша литература была до Пушкина ученицею, особенно въ прозѣ: вотъ причина исключительнаго владычества стилистики, убитой Пушкинымъ и уступившей свое мѣсто «слогу». Со стороны поэзіи, заслуги Жуковскаго и Батюшкова были несравненно выше и дѣйствительнѣе, чѣмъ со стороны прозы. Но здѣсь оба поэта совершенно расходятся и въ направленіи, и въ сущности, и въ результатахъ своей поэтической дѣятельности: Жуковскаго нельзя назвать «поэтомъ» въ смыслѣ свободной, творческой натуры, которая въ разнообразныхъ и роскошныхъ художественныхъ созданіяхъ изчерпываетъ самобытную, ей собственно сродную и принадлежащую сферу міросозерцанія. Оригинальныхъ произведеній Жуковскаго немного, да и тѣ нейдутъ ни въ какое сравненіе съ его же собственными переводами изъ нѣмецкихъ и англійскихъ поэтовъ. Между его оригинальными произведеніями есть небольшія (величина въ лирическихъ произведеніяхъ часто есть признакъ отсутствія поэзіи и присутствія риторики, отсутствія мысли и присутствія разсужденій), проникнутыя чувствомъ, плѣняющія мелодіею звуковъ, красивостію стиховъ, звучностію и яркостію языка, но чуждыя художественной формы. Самое чувство ихъ однообразно-уныло и нерѣдко походитъ на чувствительность. Что же касается до его большихъ лирическихъ произведеній, какъ-то: многочисленныхъ посланій, «Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ», «Пѣвца на Кремлѣ», «Пѣсни Барда надъ гробомъ Славянъ — побѣдителей», «Отчета о лунѣ», «Двѣнадцати спящихъ дѣвъ», «Вадима» и пр., ихъ можно считать образцами изящной риторики и стихотворнаго краснорѣчія... Въ нихъ чувство пробуждается рѣдко — именно, когда поэтъ изъ чуждой ему сферы торжественной поэзіи входитъ въ свой элементъ и сладкими стихами говоритъ о красѣ-дѣ-

вицѣ, тоскующей надъ гробомъ милаго, гдѣ для нея и зелень ярче, и цвѣты ароматнѣе, и небо свѣтлѣе... Еслибъ я достовѣрно зналъ, что «Эолова Арфа», «Ахиллъ» и «Теонъ и Эсхинъ»—не переводы, а оригинальныя произведенія, я сказалъ бы, что у Жуковскаго есть три превосходныя оригинальныя піесы; но все-таки не назвалъ бы ихъ произведеніями поэта въ томъ значеніи, о которомъ сейчасъ говорилъ, потому что три піесы, каковы бы онѣ ни были, еще не могутъ составить собою значительнаго цикла поэтической дѣятельности. Оригинальныя произведенія Жуковскаго представляютъ собою великій фактъ и въ исторіи нашей литературы, и въ исторіи эстетическаго и нравственнаго развитія нашего общества; ихъ вліяніе на литературу и публику было безмѣрно велико и безмѣрно благодѣтельно. Въ нихъ, еще въ первый разъ, русскіе стихи явились не только благозвучными и поэтическими по отдѣлкѣ, но и съ содержаніемъ. Они шли изъ сердца и къ сердцу; они говорили не о яркомъ блескѣ иллюминацій, не о громѣ побѣдъ, а о таинствахъ сердца, о таинствахъ внутренняго міра души... Они исполнены были тихой грусти, кроткой меланхоліи,—а это элементы, безъ которыхъ нѣтъ поэзіи. Правда, въ стихахъ Жуковскаго, то, что́ бы должно оставаться только элементомъ, было, напротивъ, и альфою и омегою его поэзіи, но таково было требованіе времени, таковъ былъ ходъ историческаго развитія нашей литературы: Жуковскій, въ этомъ случаѣ, думая служить искусству, служилъ обществу, развивая его эстетическое и нравственное чувство и приготовляя его къ пріятію истинной поэзіи. Державина тогда превозносили; но стихотворенія его не были настольною книгою у молодаго человѣка и не прятались подъ изголовье красавицы. Стихи Карамзина и Дмитріева удовлетворяли не всѣхъ, и ими восхищались только записные любители литературы, а прочіе превозносили ихъ болѣе изъ приличія. Отъ торжественныхъ одъ у пуб-

ликіи уже заложило уши, и она сдѣлалась глуха для нихъ. Всѣ ждали чего-то новаго, а между тѣмъ, къ воспріятію истинной поэзіи, въ смыслѣ искусства, еще далеко не были готовы. Тогда явился Жуковскій съ своими унылыми и задушевными стихотвореніями, которыя всѣ сдѣлали свое дѣло, принесли свою пользу. Кто теперь будетъ читать, или, читая, восхищаться такими піесами, какъ «Надъ прозрачными водами», или «Мой другъ, хранитель ангелъ мой»? А тогда!... Да, я еще самъ помню, что̀ такое были они для меня, послѣ стиховъ Державина и его подражателей... Здѣсь я долженъ сдѣлать оговорку, чтобъ вы меня не поняли ложно, и не приняли моихъ словъ за униженіе Державина въ пользу Жуковскаго. По элементамъ поэзіи и національности, Державинъ — колоссъ передъ оригинальными произведеніями Жуковскаго, а между тѣмъ дѣйствіе произведеній Жуковскаго на душу читателя всегда, а въ то время особенно, было сильнѣе, дѣйствительнѣе и благотворнѣе. Причина не въ томъ, что стихи Жуковскаго, какъ стихи, гораздо лучше стиховъ Державина: это преимущество времени, не таланта; нѣтъ, перевѣсъ на сторонѣ стиховъ Жуковскаго заключается въ ихъ содержаніи. Въ самомъ дѣлѣ, одна какая-нибудь картина Вадима, сидящаго съ кіевскою княжною въ пещерѣ, во время бури, стóитъ тысячи торжественныхъ одъ въ родѣ «На взятіе Измаила»... Въ поэзіи Державина нерѣдко просвѣчиваютъ чисто русскіе, чисто національные элементы: одно уже это ставитъ его, какъ поэта, несравненно выше Жуковскаго, я и стараюсь особенно указать вамъ не на безусловное, не на художественное, а болѣе на историческое достоинство оригинальныхъ стихотвореній Жуковскаго, какъ на главную причину важнаго и сильнаго вліянія даже тѣхъ изъ нихъ, которые слабы въ поэтическомъ отношеніи и теперь совсѣмъ забыты...

Б. — По вѣдь вы же сами приписываете нѣкоторымъ изъ нихъ, какъ, наприм., «Эоловой Арфѣ», «Ахиллу»,

«Теопу и Эсхину» безотносительное поэтическое достоинство?..

А.—И однакожь все-таки не почитаю ихъ оригинальными піесами, но отношу къ разряду переводныхъ, точно такъ же, какъ у Пушкина и переводныя піесы отношу къ оригинальнымъ... Въ этомъ-то и достоинство, и важность, и великая заслуга Жуковскаго. До него наша поэзія лишена была всякого содержанія, потому что наша юная, только что зараждавшаяся гражданственность не могла собственною самодѣятельностію національнаго духа выработать какое-либо обще-человѣческое содержаніе для поэзіи: элементы нашей поэзіи мы должны были взять въ Европѣ и передать ихъ на свою почву. Этотъ великій подвигъ совершенъ Жуковскимъ. Въ его натурѣ есть какая-то родственность съ музами Германіи и Альбіона,—и ему, при такомъ высокомъ талантѣ, легко было, въ превосходныхъ переводахъ, усвоить намъ многія изъ ихъ прекраснѣйшихъ пѣсенъ. Мы еще въ дѣтствѣ, не имѣя опредѣленнаго понятія о томъ, что̀ переводъ, что̀ оригинальное произведеніе, заучиваемъ ихъ, какъ сочиненія Жуковскаго. Это сродняетъ насъ съ нѣмецкою и англійскою поэзіею, и мы потомъ входимъ въ ихъ святилище уже не какъ профаны, но какъ уже рожденные посвященными... Оттого-то въ Россіи такъ рано сдѣлались возможными и переводы съ этихъ языковъ, и изученія этихъ литературъ въ ихъ собственныхъ звукахъ; тогда-какъ, напримѣръ, для Французовъ и теперь еще закрыто печатью тайны святилище, особенно, германской поэзіи. Черезъ это же мы пришли въ состояніе усвоить себѣ германское созерцаніе искусства, германскую критику, германское мышленіе. И все это сдѣлалъ Жуковскій одними своими переводами! Онъ ввелъ къ намъ романтизмъ, безъ элементовъ котораго, въ наше время, невозможна никакая поэзія. Пушкинъ, при первомъ своемъ появленіи, былъ оглашенъ романтикомъ. Поборники новизны называли его

такъ въ похвалу, старовѣры—въ порицаніе; но ни тѣ, ни другіе не подозрѣвали въ Жуковскомъ представителя истиннаго романтизма. Причина очевидна: романтизмъ полагали въ формѣ, а не въ содержаніи. Правда, романтическое содержаніе не можетъ укладываться въ опредѣленныя по самому объему и соразмѣрныя формы древней поэзіи; оно требуетъ простора и часто, такъ сказать, парушаетъ въ свою пользу права формы. Но не въ этомъ сущность романтизма. Романтизмъ—это міръ внутренняго человѣка, міръ души и сердца, міръ ощущеній и вѣрованій, міръ порываній къ безконечному, міръ таинственныхъ видѣній и созерцаній, міръ небесныхъ идеаловъ... Почва романтизма не исторія, не жизнь дѣйствительная, не природа и не внѣшній міръ, а таинственная лабораторія груди человѣческой, гдѣ незримо начинаются и зрѣютъ всѣ ощущенія и чувства, гдѣ неумолкаемо раздаются вопросы о мірѣ вѣчности, о смерти и безсмертіи, о судьбѣ личнаго человѣка, о таинствахъ любви, блаженства и страданія... Обоятелепъ этотъ фантастическій, запертый въ самомъ себѣ міръ, средніе вѣка жили въ немъ безвыходно; наше время, выступившее изъ него же, не отрѣшилось отъ него, но расширило его новыми элементами и уравновѣсило ихъ, помирило его и съ исторіею и съ практическою дѣятельностію. Горе тому, кто, соблазненный обаяніемъ этого внутренняго міра души, закроетъ глаза на внѣшній міръ и уйдетъ туда, въ глубь себя, чтобъ питаться блаженствомъ страданія, лелѣять и поддерживать пламя, которое должно пожрать его!... Люди съ сильными натурами, погружаясь въ эту пучину внутренняго созерцанія, могутъ дѣлаться мистическими сомнамбулами, вдохновенными безумцами, живыми тѣпями въ чуждомъ и страшномъ для нихъ мірѣ дѣйствительности. Люди недалекіе и неглубокіе дѣлаются піэтистами, мистиками и моралистами; они толкуютъ и понимаютъ себя и все внѣ ихъ находящееся задомъ напередъ и вверхъ ногами. Но горе

и тому, кто, увлеченный одною внѣшностію, дѣлается и самъ внѣшнимъ человѣкомъ; нѣтъ ему вѣрнаго убѣжища въ самомъ себѣ отъ бурь жизни; нѣтъ въ немъ ни глубокихъ нравственныхъ началъ, ни вѣрнаго взгляда на дѣйствительность; внутри его и холодно, и сухо, и жестко; онъ не можетъ любить; онъ гражданинъ, онъ воинъ, онъ купецъ, онъ все что хотите, но онъ никогда—не «человѣкъ», и вы никогда ему не ввѣритесь, не будете его другомъ, не откроете ему никакого внутренняго человѣческаго чувства, боясь опрофанировать это чувство... Итакъ, оба эти міра, внутренній и внѣшній—крайности; равно опасно предаваться одной изъ нихъ исключительно; но оба эти міра равно нуждаются одинъ въ другомъ, и въ возможномъ проникновеніи одного другимъ заключается дѣйствительное совершенство человѣка. Міръ внѣшній встрѣчаетъ насъ при самомъ рожденіи нашемъ и уловляетъ насъ: чтобъ избавиться отъ его ложныхъ и нечистыхъ обаяній, прежде всего нужно развить въ себѣ романтическіе элементы. Пусть они возобладаютъ надъ нашимъ духомъ, возбудятъ въ насъ восторженность и фанатизмъ: въ сильной натурѣ, одаренной тактомъ дѣйствительности, они уравновѣсятся въ свое время съ другою стороною нашего духа, зовущею ихъ въ міръ исторіи и дѣйствительности; что же до натуръ односторонихъ, исключительныхъ, или слабыхъ—имъ вездѣ грозитъ равная опасность—и во внутреннемъ, и во внѣшнемъ мірѣ, Итакъ, развитіе романтическихъ элементовъ есть первое условіе нашей человѣчности. И вотъ великая заслуга Жуковскаго! Трепетъ объемлетъ душу при мысли о томъ, изъ какого ограниченнаго и пустаго міра поэзіи въ какой безконечный и полный міръ ввелъ онъ нашу литературу; какимъ содержаніемъ обогатилъ и оплодотворилъ онъ ее посредствомъ своихъ переводовъ!... Трагедіи Озерова — и «Орлеанская Дѣва» Шиллера; анакреонтическія стихотворенія Державина, чувствительныя пѣсни и романсы Карам-

зина, Дмитріева, Капниста, Нелединскаго-Мелецкаго — и «Пѣсня Миньйоны», «Голосъ съ того свѣта», «Утѣшеніе въ слезахъ», «Горная дорога», «Мечты», «Элизіумъ», «Элегія на кончину королевы виртембергской», «Сельское кладбище», «Три путника», «Теонъ и Эсхинъ», «Старый рыцарь» и проч.; торжественныя оды — и такія баллады, какъ «Рыцарь Тогенбургъ», «Ивиковы журавли», «Лѣсной царь», «Кассандра», «Графъ Габсбургскій», «Узникъ», «Эолова арфа», «Ахиллъ», «Торжество побѣдителей», «Жалобы Цереры», «Кубокъ», «Замокъ Смальгольмъ»!... А тамъ еще остаются переводы; «Шильонскій Узникъ», «Пери и Ангелъ», сельскія стихотворенія. «Ундина» — эта благоуханная, мелодическая и фантастическая повѣсть сердца, это оригинально-переводное твореніе Жуковскаго, лучше всего поясняетъ, почему его не хотятъ называть переводчикомъ, а смотрятъ на него, какъ на самостоятельнаго поэта. Дѣйствительно, Жуковскаго нельзя назвать собственно переводчикомъ: въ выборѣ піесъ для перевода онъ руководствовался не однимъ безотчетнымъ влеченіемъ, но какъ будто началомъ; онъ вездѣ искалъ своего и, находя, переводилъ; всѣ переводы его носятъ на себѣ какой-то общій отпечатокъ, всѣ они образуютъ собою какой-то особенный міръ поэзіи — поэзіи Жуковскаго. Самыя оригинальныя произведенія какъ будто переводы, а переводы — какъ будто оригинальные произведенія. Онъ не случайно перевелъ «Орлеанскую Дѣву», а не «Донъ Карлоса», не «Валленштейна», не «Вильгельма Телля»: историческая сфера — не его сфера; ему родственнѣе этотъ міръ чудесъ внутренняго духа, ему болѣе по душѣ вдохновенная таинственнымъ дубомъ героиня... Да, велика, неизмѣримо велика заслуга Жуковскаго русской литературѣ, русскому обществу! Это не временная, не относительная заслуга: многіе, или, лучше сказать, большая часть его переводовъ будутъ вѣчными памятниками его огромнаго таланта, неувядаемыми цвѣтами русской литературы. Поколѣніе отъ

поколѣнія будетъ воспитываться ими на служеніе духу жизни... Я не умѣю ничего лучше представить себѣ его переводовъ: «Торжество Побѣдителей» и «Жалобы Цереры»; еслибъ Жуковскій перевелъ только ихъ — и тогда бы онъ составилъ себѣ имя въ нашей литературѣ. Если между его переводами есть слабые—причина въ неудачномъ выборѣ, а не въ недостаткѣ таланта. Таковы: «Королева Урака», «Долина», отрывки изъ «Комоэнса» и т. п. Но и его неудачныя піесы, какъ оригинальныя, такъ и переводныя, одпѣ уже сдѣлали свое дѣло, другіе еще будутъ его дѣлать: ихъ содержаніе для неразвитаго еще эстетическаго вкуса всегда будетъ замѣнять недостатокъ формы. Объ образцовыхъ переводахъ его я уже все сказалъ, что̀ хотѣлъ сказать; о полномъ же циклѣ его поэзіи заключаю все сужденіе стихами Пушкина:

Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ вѣковъ завистливую даль;
И, внемля имъ, вздохнетъ о славѣ младость;
Утѣшится безмолвная печаль,
И рѣзвая задумается радость.

Б.—Я, право, не вижу, почему бы ваше сужденіе о Жуковскомъ могло кому-нибудь показаться рѣзкимъ, или оскорбительно-несправедливымъ... Развѣ потому что оно нисколько не похоже на то, что̀ толковали о Жуковскомъ наши аристархи, особенно «ученые»... Мнѣ теперь особенно интересно услышать ваше мнѣніе о Батюшковѣ...

А.—Батюшковъ болѣе поэтъ, чѣмъ Жуковскій; Батюшковъ былъ одаренъ отъ природы художественными силами. Въ стихѣ его есть упругость и пластика; о гармоніи нечего и говорить: до Пушкина, у насъ не было поэта съ стихомъ столь гармоническимъ. Батюшковъ сочувствовалъ древнему міру; въ натурѣ его были элементы эллинскаго духа и между тѣмъ, онъ прошелъ почти незамѣченнымъ явленіемъ, тогда какъ Жуковскаго знала наизусть вся Россія: при-

чина—недостатокъ, если не отсутствіе содержанія въ поэзіи Батюшкова. Родиною его музы должна была быть Эллада, а посредникомъ между его музою и геніемъ Эллады—Германія; и между тѣмъ, талантъ Батюшкова развился на безплодной для искусства почвѣ французской литературы XVIII вѣка: онъ не почиталъ для себя униженіемъ переводить и подражать даже какому-нибудь сладенькому Парни. Итальянская поэзія тоже не могла быть ему особенно полезною, и скорѣе была вредна. Одно изъ лучшихъ его произведеній—«Елегія на развалинахъ замка въ Швеціи»,—внушено ему дикимъ геніемъ мрачнаго сѣвера; антологическія стихотворенія — эти драгоцѣнные брильянты въ его поэтическомъ вѣнцѣ, подарены ему геніемъ родной ему Эллады. Все прочее занимаетъ у него середину между скандинавскою элегіею и антологическими стихотвореніями, и потому—все это какъ-то нерѣшительно, болѣе сверкаетъ превосходными частностями, красотою пластически-художественной формы, по нецѣлымъ, которое, по недостатку содержанія, не могло являться въ художественной замкнутости и оконченности.

Батюшковъ явился въ такое время нашей литературы, когда ни у кого не было и предчувствія о томъ, что такое искусство со стороны формы. Поэтому, онъ заботился больше о гладкости и правильности того, что, называли тогда «слогомъ», и мало заботился о виртуозности своего художественнаго рѣзца, такъ что его пластическіе стихи были безсознательнымъ результатомъ его художнической натуры,—и вотъ почему въ его стихотвореніяхъ такъ много неточныхъ выраженій, прозаическихъ стиховъ, а иногда онъ не чуждъ и растянутости и риторики. Батюшковъ самъ чувствовалъ недостатокъ въ содержаніи для своей поэзіи, и потому переходилъ изъ крайности въ крайность: отъ свѣтлаго, поэтическаго эпикуреизма къ какому-то строгому и прозаическому мистицизму. Поэзія его всегда нерѣшительна, всегда что-то хочетъ сказать и какъ-будто не находитъ

словъ. Впрочемъ, чтобъ сдѣлать вѣрную и полную оцѣнку Батюшкову, надо много говорить, надо безпрестанно цитовать его стихи. Батюшковъ не принадлежитъ къ числу геніальныхъ творческихъ натуръ; но талантъ его до того великъ, что, не будь его поэзія лишена почти всего содержанія, родись онъ не передъ Пушкинымъ, а послѣ него,—онъ былъ бы одинъ изъ замѣчательныхъ поэтовъ, котораго имя было бы извѣстно не въ одной Россіи.

Б.—Да что же вы разумѣете подъ словомъ «содержаніе», которое служитъ основаніемъ всѣхъ вашихъ сужденій о поэзіи и поэтахъ?

А.—Я не берусь вамъ опредѣлять философски, что такое «содержаніе» въ жизни, въ исторіи, въ искусствѣ, въ наукѣ; но охарактеризую его вамъ общими признаками и объясню примѣрами, взятыми изъ сферы искусства. Содержаніе въ искусствѣ не всегда то, что можно съ перваго взгляда выговорить и опредѣлить; оно не есть воззрѣніе, или опредѣленный взглядъ на жизнь, не начало или система какихъ-либо вѣрованій и убѣжденій, родъ философской школы, или политической котеріи; содержаніе есть нѣчто высшее, изъ чего вытекаютъ всѣ вѣрованія, убѣжденія и начала; содержаніе есть міросозерцаніе поэта, его личное ощущеніе собственнаго пребыванія въ лонѣ міра, и присутствіе міра во внутреннемъ святилищѣ его духа. Когда вы читаете поэта безъ содержанія, но обладающаго большимъ талантомъ, вы чувствуете, что васъ что-то растревожило, возбудило въ васъ стремленіе къ чему-то, повергло васъ въ какое-то неопредѣленное состояніе, но не удовлетворило, не наполнило ничѣмъ; здѣсь самое наслажденіе—только разсужденіе, а не удовлетвореніе. Напротивъ, когда вы читаете поэтическія произведенія, проникнутыя глубокимъ содержаніемъ, вы чувствуете, что стремитесь къ чему-нибудь опредѣленному, наслаждаетесь чѣмъ-нибудь положительнымъ, что вы пріяли въ себя новую силу, что вашего

существованія прибавилось, что вы чѣмъ то преисполнились. Тогда вы страдаете страданіемъ вашего поэта, блаженствуете его блаженствомъ, потому что въ его страданіи или его блаженствѣ узнаете обще-человѣческую скорбь или радость, душу вѣка, интересъ времени. Вашъ поэтъ покоряетъ васъ, заставляетъ видѣть все въ томъ колоритѣ, въ какомъ самъ все видитъ. Такое вліяніе производятъ на душу читателя великіе поэты, каковы, напр., Байронъ, Шиллеръ, Гёте. Ихъ нельзя читать всѣхъ вдругъ, но каждый изъ нихъ поочередно овладѣваетъ цѣлою частію вашей жизни и дѣлаетъ васъ на то время байронистомъ, шиллеристомъ, гётистомъ. У насъ вообще содержаніе понимаютъ только внѣшнимъ образомъ, какъ «сюжетъ» сочиненія, не подозрѣвая, что содержаніе есть душа, жизнь и сюжетъ этого сюжета. И потому если дѣло идетъ особенно о романѣ, или повѣсти, то смотрятъ только на полноту происшествій, на сложность завязки и искусство развязки. Съ этой точки зрѣнія, «Эвелина де-Вальероль» г. Кукольника, конечно будетъ романомъ съ содержаніемъ, потому что и въ цѣлый день не перескажешь всѣхъ «приключеній», обрѣтающихся въ этой сказкѣ; а «Старосвѣтскіе Помѣщики» Гоголя, гдѣ очень просто разсказано, какъ жилъ старикъ со старушкой, какъ сперва умерла старушка, а потомъ умеръ старикъ, съ тоски по ней, и гдѣ нѣтъ ни происшествій, ни завязки, ни развязки,—будетъ повѣстью безъ всякаго содержанія...

Б.—А! теперь я понимаю, отчего вы мало находите содержанія у такихъ изъ нашихъ писателей, которые общимъ мнѣніемъ признаны великими. . Кстати; эпоха литературы, на которой мы остановились, была ознаменована союзами знаменитостей, поэтическими и литературными тріумвиратами.

А.—Которые теперь, за давностію, забыты, такъ что историкамъ нашего времени надо дѣлать новые... И я первый попытаюсь на это, присоединивъ къ именамъ Жуковскаго и Батюшкова имя Гнѣдича. Этотъ человѣкъ у насъ

доселѣ не понять и не оцѣнить, по недостатку въ нашемъ обществѣ ученаго образованія. Переводъ «Иліады»—эпоха въ нашей литературѣ, и прійдетъ время, когда «Иліада» Гнѣдича будетъ настольною книгою всякаго образованнаго человѣка. Это время недалеко, потому что, благодаря просвѣщенному, истинно европейскому стремленію нынѣшняго Министерства Народнаго Просвѣщенія, поставившаго изученіе древнихъ языковъ непреложнымъ условіемъ гимназическаго и университетскаго курса,—образованность и невѣжество скоро перестанутъ быть синонимами, и истинная ученость сдѣлается основою истинной образованности... Безъ историческаго созерцанія жизни древнихъ нельзя понимать и ихъ искусства; вотъ почему «Иліада» никогда не можетъ быть доступна толпѣ. Безъ созерцанія греческаго искусства, никакого искусства нельзя понимать,—и потому нечего распространяться о томъ, какъ великъ подвигъ Гнѣдича, какое безконечное вліяніе имѣетъ и будетъ имѣть онъ на русскую литературу. Духъ Гнѣдича былъ родственъ съ геніемъ эллинской поэзіи; самъ собою, вопреки своему развитію и духу времени, онъ прозрѣлъ въ глубокую сущность греческаго искусства. Переводъ «Иліады», если сравнить съ подлинникомъ, есть не болѣе, какъ

. . . . разъигранный Фрейшицъ
Перстами робкихъ учениць,—

но все же «Фрейшицъ», а не собственная фантазія, выдаваемая за «Фрейшица»:—а это великое дѣло! Никакое колоссальное твореніе искусства не можетъ быть переведено на другой языкъ такъ, чтобъ, читая переводъ—вы не имѣли нужды читать подлинникъ; напротивъ, не читавъ творенія въ подлинникѣ, нельзя имѣть точнаго о немъ понятія, какъ бы ни былъ превосходенъ переводъ. Къ «Иліадѣ» особенно относится эта горькая истина: только греческій языкъ могъ выразить такое греческое содержаніе, и на

всѣхъ другихъ языкахъ «Иліада»—засушенное тропическое растеніе, хотя и сохранившее, по возможности, и блескъ своихъ красокъ и ароматическій запахъ. Нашъ Гнѣдичъ умѣлъ схватить въ своемъ переводѣ отраженіе красокъ и аромата подлинника, умѣлъ уловить колоритъ греческаго созерцанія и сдѣлать его фономъ картины своего перевода. Переводъ Гнѣдича—копія съ древней статуи, сдѣланная даровитымъ художникомъ новаго времени. А это великій подвигъ, безсмертная заслуга! Русскій языкъ одинъ изъ счастливѣйшихъ языковъ, по своей способности передавать произведенія древности. Невѣжды смѣются надъ славянскими словами и оборотами въ переводѣ Гнѣдича; но это именно и составляетъ одно изъ его существеннѣйшихъ достоинствъ. Всякій коренной, самобытный языкъ, въ періодъ младенчества народа, въ созерцаніи котораго жизнь еще не распалась на поэзію и прозу, но и самая проза жизни опоэтизирована,—такой языкъ, въ своемъ началѣ, бываетъ полонъ словъ и оборотовъ, дышущихъ какою-то младенческою простотою и высокою поэзіею; современемъ, эти слова и обороты замѣняются другими, болѣе прозаическими, а старыя остаются богатымъ сокровищемъ для разумнаго употребленія, и наоборотъ, если ихъ некстати употребляютъ. Такъ у насъ остались древнія поэтическія слова: «ланиты, очи, уста, перси, рамена, храмъ, храмина, прахъ» и т. п., замѣнившіяся прозаическими словами: «щеки, глаза, губы, груди, плечи, хоромы, порогъ». Конечно, нѣтъ ничего смѣшнѣе, пошлѣе и надутѣе, какъ употребленіе педантами и безвкусными рифмотворцами старинныхъ словъ тамъ, гдѣ это не требуется сущностію дѣла, напримѣръ, въ переводѣ Тассова «Освобожденнаго Іерусалима» и т. п. Но въ переводѣ «Иліады» эти слова, подъ перомъ вдохновеннаго переводчика, исполненнаго поэтическаго такта—истинное и безцѣнное сокровище! Замѣните выраженія: «ему покорилась лилейно-раменная Гера Богиня», «и осклабился Зе-

весъ-громовержецъ» выраженіями: «его послушалась жена»; «разсмѣялся Зевесъ»,—тогда изъ высокой поэзіи выйдетъ пошлая проза...

Б.—Однако мы уже такъ далеко зашли съ вами, что, кажется и не доберемся до Пушкина ..

А.—Напротивъ, мы уже добрались до него...

Б.—Какъ? такъ неужели Карамзинъ, Дмитріевъ, Крыловъ, Орловъ, Жуковскій, Батюшковъ, Гнѣдичъ—и всѣ тутъ?

А.—А кто же еще, думали бы вы? Неужели Николаевъ, Бобровъ, Долгорукій, Хвостовъ, Остолоповъ, Подшиваловъ, Никольскій, Глинка, Шаховской, Воейковъ, Измайловъ, Шаликовъ, Пушкинъ (В.), Катенинъ, Нинъ, Буринскій, Шатровъ, Горчаковъ, Бунина, Крюковской, Лобановъ, Ф. (Ѳ)едоровъ, (Б. М.), Кокошкинъ, Ильинъ, Ивановъ, и пр.?... Пора бы уже и перестать безпокоить ихъ почтенныя и заслуженныя имена нашимъ журнальнымъ критикамъ и обозрѣвателямъ, какъ оставила въ покоѣ забывшая о нихъ публика... Сверхъ того, не все, что̀ касается до литературы, входитъ въ исторію литературы: многое поступаетъ въ вѣдомство статистики литературы, которая занимается всѣми книгами и всѣми писателями безъ изъятія, подводя ихъ подъ числа и итоги, иногда очень интересные и поучительные... Первый опытъ такой статистики русской литературы составилъ г. Гречъ, подъ названіемъ «Опыта Краткой Исторіи Русской Литературы», впрочемъ, довольно плохой даже и для статистики ..

Б.—Но нѣкоторые изъ нихъ...

А.—Были люди съ дарованіемъ, хотите вы сказать? Правда; но ихъ дарованія такъ сильны, что не могли не быть замѣчены въ свое время, и такъ слабы, что забылись еще прежде, чѣмъ кончили они свое поприще. Такія дарованія—случайности, а не дѣйствительныя явленія. Дѣйствительно только то, что̀ родится изъ важныхъ причинъ и

производитъ важныя слѣдствія. Если изучать всѣ случайности, помнить ихъ и говорить о нихъ—не станетъ вѣку человѣческаго, некогда будетъ заняться чѣмъ-нибудь дѣльнымъ. Сверхъ того, написать мимоходомъ, между службою и картами, двѣ-три пѣсни, журнальную статейку, какую-нибудь сказку, которыя бы обратили на автора минутное вниманіе толпы, еще не значитъ быть поэтомъ, или даже и литераторомъ...

Б.—Итакъ, перейдемъ къ Пушкину.

А.—И поговоримъ о немъ какъ можно меньше, потому что сказать о немъ всего не успѣешь и въ цѣлую жизнь. Пушкинъ принадлежитъ къ вѣчно живущимъ и движущимся явленіямъ, неостанавливающимся на той точкѣ, на которой застала ихъ смерть, но продолжающимъ развиваться въ сознаніи общества. Каждая эпоха произноситъ о нихъ свое сужденіе и какъ бы ни вѣрно поняла она ихъ, но всегда оставитъ слѣдующей за нею эпохѣ сказать что-нибудь новое и болѣе вѣрное, и ни одна и никогда не выскажетъ всего...

Батюшковъ уже свершилъ свое поприще, несчастно прерванное; Жуковскій, хоть еще и далеко не свершилъ своего поприща, но результаты его поэтической дѣятельности уже пустили глубоко свои корни въ почву воспріимчиваго и плодовитаго русскаго духа,—когда ребенокъ Пушкинъ начиналъ знакомиться съ русскою литературою. Жадно читалъ онъ все, что̀ засталъ тогда написаннымъ, отъ Ломоносова до̀ Жуковскаго и Батюшкова включительно. И вотъ онъ дѣлается усерднымъ, и, надо сказать, часто неловкимъ ученикомъ предшествовавшихъ ему корифеевъ нашей литературы и плохимъ ихъ подражателемъ. Стихъ его не былъ лучше даже стиха его дяди, В. Пушкина; онъ пишетъ посланіе «къ красавицѣ, нюхающей табакъ», и жалѣетъ въ немъ, зачѣмъ онъ не табакъ... Усердно печатаетъ онъ свои дѣтскія фантазіи въ «Россійскомъ Музеумѣ», изда-

вавшемся въ 1815 году. Прочтите лицейскія стихотворенія Пушкина—и въ лучшихъ изъ нихъ вы увидите только хорошаго подражателя. Въ первомъ томѣ изданныхъ имъ самимъ стихотвореній вы уже не находите ничего дурнаго, напротивъ, видите много хорошаго; но въ пьесахъ: «Лицинію», «Пѣвецъ», «Амуръ и Гименей», «Ш***ву», «Торжество Вакха», «Разлука», «Дельвигу», «Жуковскому», «Русалка», «Стансы Т***му», «В***му», «Война», «Къ Овидію», писанныхъ отъ 1815 до 1822, вы еще видите не Пушкина, еще не самостоятельнаго поэта, а только даровитаго ученика достойныхъ учителей. Всѣ изчисленныя мною стихотворенія перемѣшаны съ такими, въ которыхъ Пушкинъ является уже Пушкинымъ, въ которыхъ мы видимъ поэзію, неимѣющую ничего общаго съ прежнею, бывшею до Пушкина,—поэзію, явившуюся вдругъ, безъ всякихъ предварительныхъ проявленій, подобно Аѳинѣ-Палладѣ, вдругъ и во всеоружіи родившейся изъ головы Зевса... Въ отдѣлѣ стихотвореній, означенныхъ 1823 годомъ вы уже не встрѣчаете ничего не Пушкинскаго, ничего навѣяннаго Пушкину его учителями. Правда, въ поэмахъ его—«Руслань и Людмила», «Кавказскій Плѣнникъ», видно сильное вліяніе, но уже другихъ учителей:—Пушкинъ навсегда расквитался съ русскою литературою и сталъ ея учителемъ... Трудно охарактеризовать общими чертами великость реформы, произведенной Пушкинымъ въ поэзіи, литературѣ, версификаціи и языкѣ русскомъ. Между стихомъ Пушкина и стихомъ Батюшкова больше разстоянія, чѣмъ между стихомъ Батюшкова и стихомъ Державина. Достоинство Пушкинскаго стиха состоитъ не въ одной легкости—легкость одно изъ второстепенныхъ качествъ его: нѣтъ, достоинство этого стиха заключается въ его художественности, въ этой органической живой соотвѣтственности между содержаніемъ и формою, и наоборотъ. Въ этомъ отношеніи, стихъ Пушкина можно сравнить съ кра-

сотою человѣческихъ глазъ, оживленныхъ чувствомъ и мыслію: отнимите у нихъ оживляющее ихъ чувство и мысль— они останутся только красивыми, но уже не божественно-прекрасными глазами. Теперь многіе пишутъ стихи и гладкіе, и гармоническіе, и легкіе; но Пушкинскій стихъ напомнила намъ только муза Лермонтова... Поэзія Пушкина полна, насквозь проникнута содержаніемъ, какъ граненый хрусталь лучемъ солнечнымъ: у Пушкина нѣтъ ни одного стихотворенія, которое не вышло бы изъ жизни и было написано вслѣдствіе желанія такъ что-нибудь написать, въ чаяніи, что авось-де это будетъ недурно... Это обстоятельство рѣзкою чертою отдѣляетъ Пушкина отъ всѣхъ поэтовъ предшествовавшихъ періодовъ. Художническая добросовѣстность Пушкина была до него безпримѣрнымъ явленіемъ въ нашей литературѣ: онъ высылалъ изъ міра души своей только выношенныя, вызрѣвшія поэтическія фантазіи, которыя сами рвались наружу. Этимъ онъ совершенно избѣжалъ риторики, декламаціи и общихъ мѣстъ: ихъ слѣды замѣтны только развѣ въ его ученическихъ произведеніяхъ, о которыхъ я говорилъ. Слѣдствіемъ глубоко истиннаго содержанія, всегда скрывающагося въ произведеніяхъ Пушкина, была ихъ строго-художественная форма. Каждое его стихотвореніе есть отдѣльный міръ, замкнутый въ самомъ себѣ, полный собственныхъ силъ, чуждый всякихъ несвойственныхъ ему элементовъ, всего постояннаго и лишняго, свободно движущійся въ своей сферѣ. Какъ вѣрна у Пушкина всякая мысль, всякое чувство, всякое ощущеніе, такъ вѣренъ у него и всякій образъ, каждая фраза, каждое слово. Все на своемъ мѣстѣ, все полно, ничего недокончennаго, темнаго, неточнаго, неопредѣленнаго. Опредѣленность есть свойство великихъ поэтовъ, и Пушкинъ вполнѣ обладалъ этимъ свойствомъ. Ограниченные люди ставили его поэзіи въ вину, что она все оземленяетъ и овеществляетъ—обвиненіе, которое обнаруживаетъ рѣшительное отсутствіе эсте-

тическаго чувства, самое грубое неразумѣніе поэзіи! Поэтъ—соперникъ творящей природѣ; подобно ей, онъ стремится безплотныхъ духовъ жизни, рѣющихъ въ безпредѣльныхъ пространствахъ, уловить въ прекрасные и полные органически-идеальной жизни образы, воплотить небесное въ земное и земное просвѣтлить небеснымъ... Поэтъ не терпитъ отвлеченныхъ представленій: творя, онъ мыслитъ образами, а всякій образъ только тогда и прекраснъ, когда опредѣленъ и вполнѣ доступенъ созерцанію.

Изъ русскаго языка Пушкинъ сдѣлалъ чудо. Справедливо сказалъ Гоголь, что «въ Пушкинѣ, какъ будто въ лексиконѣ, заключилось все богатство, гибкость и сила нашего языка». Онъ ввелъ въ употребленіе новыя слова, старымъ далъ новую жизнь; его эпитетъ столько же смѣлъ, оригиналенъ, какъ и рѣзко точенъ, математически опредѣленъ. Многообъемлемость и многосторонность также принадлежатъ къ числу качествъ, которыя срослись съ поэзіею Пушкина. Грусть у него смѣняется шуткою, эпиграммою, тяжёлая скорбь неожиданно разрѣшается освѣжающимъ душу юморомъ. Его нельзя назвать ни поэтомъ грусти, ни поэтомъ веселія, ни трагикомъ, ни комикомъ исключительно: онъ все... Самое простое ощущеніе звучитъ у него всѣми струнами своими и потому чуждо монотонности; это всегда полный аккордъ... Всего чаще, ощущеніе у Пушкина—диссонансъ, разрѣшающійся въ гармонію, и всего рѣже—простая мелодія... Трудно было бы опредѣлить общее направленіе поэзіи Пушкина; но можно сказать утвердительно, что имя романтика навязано на него не совсѣмъ впопадъ, такъ же какъ невпопадъ отнято оно у Жуковскаго. Характеръ чисто романтической поэзіи всегда болѣе или менѣе односторонній и исключительный. Поэзія Пушкина—самый разнообразный міръ, гдѣ примирены самые разнообразные и противорѣчащіе элементы, гдѣ простая и вмѣстѣ роскошная форма спокойно и равновѣсно овладѣла своимъ много-

сложнымъ содержаніемъ... Наконецъ, Пушкинъ — вполнѣ національный поэтъ, заключившій въ духѣ своемъ всѣ національные элементы. Это видно не только изъ тѣхъ произведеній, гдѣ чисто русское содержаніе выражалъ онъ въ чисто народной формѣ, и гдѣ не имѣлъ онъ себѣ соперника; но еще болѣе изъ тѣхъ произведеній, которыя, ни по содержанію, ни по формѣ, кажется, не могутъ имѣть ничего русскаго. Я не знаю лучшей и опредѣленнѣйшей характеристики національности въ поэзіи, какъ ту, которую сдѣлалъ Гоголь въ этихъ короткихъ словахъ, врѣзавшихся въ моей памяти: «Истинная національность состоитъ не въ описаніи сарафана, а въ самомъ духѣ народа. Поэтъ даже можетъ быть и тогда національенъ, когда описываетъ, совершенно сторонній міръ, но глядитъ на него глазами своей національной стихіи, глазами своего народа; когда чувствуетъ и говоритъ такъ, что соотечественникамъ его кажется, будто это чувствуютъ и говорятъ они сами». Мнѣ кажется, что кромѣ грусти, какъ основнаго мотива Пушкинской поэзіи, и бодраго, мощнаго выхода изъ нея не въ какое-нибудь тепленькое утѣшеньице, а въ ощущеніе собственной силы, какъ самой характеристической черты ея,—національность ея состоитъ еще во внѣшнемъ спокойствіи, при внутренней движимости, въ отсутствіи одолѣвающей страстности. У Пушкина диссонансъ и драма всегда внутри; а снаружи все спокойно, какъ будто ничего не случилось, такъ что грубая, невосприимчивая, или неразвитая натура не можетъ тутъ видѣть ни силы, ни борьбы, ни величія... Замѣтьте, что герои Пушкина никогда не лишаютъ себя жизни, по силѣ трагической развязки, но остаются жить... Пушкинъ въ этой чертѣ бываетъ страшно великъ... Не бывало еще на Руси такой колоссальной творческой силы, и такъ національно, такъ русски проявившейся... Ни одинъ поэтъ не имѣлъ на русскую литературу такого многосторонняго, сильнаго и плодотворнаго вліянія. Пушкинъ убилъ

на Руси незаконное владычество французскаго псевдоклассицизма, расширилъ источники нашей поэзіи, обратилъ ее къ національнымъ элементамъ жизни, показалъ безчисленныя новыя формы, сдружилъ ее впервые съ русскою жизнію и русскою современностію, обогатилъ идеями, пересоздалъ языкъ до такой степени, что и безграмотные не могли уже не писать хорошими стихами, если хотѣли писать.

Б.—Но что вы скажете о Пушкинѣ въ сравненіи съ европейскими поэтами?

А.—Онъ относится къ нимъ, какъ Россія къ Европѣ, а европейскіе поэты къ нему—какъ Европа къ Россіи. Пушкинъ обладалъ міровою творческою силою; по формѣ онъ соперникъ всякому поэту въ мірѣ; но по содержанію, разумѣется, не сравнится ни съ однимъ изъ міровыхъ поэтовъ, выразившихъ собою моментъ всемірно-историческаго развитія человѣчества. И это нисколько не идетъ къ униженію великаго генія Пушкина; повторяю, что поэту принадлежитъ форма, а содержаніе—исторіи и дѣйствительности его народа. Россія доселѣ жила внѣшнею силою; національное сознаніе пробудилось въ ней не дальше, какъ съ великаго 1812-го года... Какому-нибудь Байрону довольно было исторіи своего отечества, чтобъ имѣть готовое содержаніе для своей поэзіи; а Пушкину еще оставалась цѣлая Европа, т.-е. цѣлое человѣчество. Слова: папа, католицизмъ, феодализмъ, вассалъ, реформація, религіозная война, всемірная торговля, и пр. и пр. не могли въ слухѣ Пушкина раздаваться такъ же, какъ въ слухѣ Байрона: что для одного было предметомъ любознательности, то для другаго было личнымъ интересомъ, возбуждавшимъ всѣ его страсти, всѣ чувства... Самое образованіе европейскихъ поэтовъ съ дѣтства питаетъ ихъ «поэтическимъ содержаніемъ»: чего не зналъ Гёте, какою ученостію обладалъ Шиллеръ! Байронъ въ подлинникѣ читалъ греческихъ и латинскихъ писателей! Въ Европѣ все такъ чудно устроено,—

одно не мѣшаетъ другому, напр., свѣтъ наукѣ, а наука свѣту; у насъ же, объ этомъ свѣтѣ Пушкинъ говорилъ съ такимъ отчаяніемъ:

И даже глупости смѣшной
Въ тебѣ не встрѣтишь, свѣтъ пустой!...

Но здѣсь не должно упускать изъ виду важнаго обстоятельства: смерть застигла Пушкина въ порѣ полнаго развитія необъятныхъ силъ его творческаго духа, въ ту самую минуту, когда онъ уже начиналъ уходить отъ волнующей юную и пылкую натуру внѣшности и погружаться въ бездонную глубь своего внутренняго *я*, когда онъ только что начиналъ писать настоящимъ образомъ...

Б. — Однако нашъ разговоръ грозитъ быть страшно длиннымъ, если вы хотите говорить о поэтахъ пушкинской школы...

А.—Если только по этому, а не почему-нибудь другому, то онъ будетъ очень коротокъ. Время великій критикъ: его крылья провѣваютъ всѣ дѣла человѣческія, оставляя на току немного зеренъ и разсѣвая по воздуху много шелухи... У насъ же, надо замѣтить, время особенно быстро летитъ: мы, люди новаго поколѣнія, едва перешедшіе за роковую черту 30-и лѣтъ, отдѣляющую юность отъ мужества, мы, заучившіе наизустъ первые стихи Пушкина, мы, едва успѣвавшіе слѣдовать, такъ сказать, по пятамъ за его быстрымъ поэтическимъ бѣгомъ,— мы давно уже оплакали его безвременную кончину, а на школу его смотримъ уже, какъ на «дѣла давно минувшихъ дней, преданья старины глубокой», любимъ ее только по отношенію къ собственному нашему развитію, только по воспоминанію о прекрасномъ времени нашей жизни, когда всякій новый журналъ, всякая новая книжка журнала, альманахъ, какой-нибудь сборъ «мечтаній и звуковъ» были для насъ праздникомъ, тотчасъ врѣзывались въ памяти, возбуждали живые восторги, шумные

споры .. И, если хотите, понятно, что мы въ то блаженное время давали Пушкину сподвижниковъ и товарищей, строили тріумвираты и цѣлыя школы; но понятно также и то, что и теперь при имени Пушкина, мы не знаемъ, кого вспомнить, кого назвать...

Б.—Какъ: столько именъ, столько славъ...

А.—Но вѣдь въ то время и г. Олинъ, авторъ «Корсара» и многихъ романтическихъ элегій, издатель безчисленнаго множества программъ несостоявшихся журналовъ и газетъ, и г. М. Дмитріевъ, сочинитель цѣлой книги стиховъ, и г. Ранчъ, авторъ десятка плаксивыхъ стихотвореній, и г. Трилунный, переводчикъ и подражатель Байрона, и Ѳ. Н. Глинка, изобрѣтатель благоухающей нравственностію поэзіи, и много еще другихъ—все это были имена и славы, да еще какія?...

Б.—Но я разумѣю не ихъ, а Баратынскаго, Козлова, Давыдова (Дениса), Дельвига, Подолинскаго, Языкова. Помните, бывало, говаривали: Пушкинъ, Баратынскій, Языковъ?

А.—Да, т. е. тріумвиратъ... И точно, названные вами писатели недаромъ считались даровитыми. Въ нихъ выразился характеръ эпохи, теперь уже миновавшей; они завоевали себѣ мѣсто въ исторіи русской литературы. Я не люблю поэмъ Баратынскаго: въ нихъ больше ума, чѣмъ фантазіи; но между его лирическими произведеніями есть очень замѣчательныя. Мнѣ особенно нравится въ нихъ этотъ характеръ вдумчивости въ жизнь, который свидѣтельствуетъ о присутствіи мысли. Элегія Баратынскаго «На смерть Гёте» — превосходна. Козловъ замѣчателенъ особенно удачными переводами изъ Мура; но переводы его изъ Байрона всѣ слабы. Есть нѣсколько замѣчательныхъ пьесъ и между его собственными. У него много души; жаль только, что чувство его часто походитъ на чувствительность. Поэмы его вообще слабы; изъ нихъ «Чернецъ» замѣчателенъ по эффекту, который онъ произвелъ на публику, и который напомнилъ

объ эффектѣ «Бѣдной Лизы» Карамзина. Элегіи Давыдова часто дышутъ истинною поэзіею, и ихъ всегда можно перечесть съ удовольствіемъ, несмотря на ихъ однобразность. Вообще, въ поэзіи Давыдова есть какая-то достолюбезная оригинальность, свой собственный характеръ. Имя Дельвига мнѣ любезно, какъ друга дѣтства Пушкина. Русскія пѣсни Дельвига очень хороши для фортепьяно и пѣнія въ комнатѣ, гдѣ онѣ удобно могутъ быть приняты за народно-русскія пѣсни. Въ подраженіяхъ Дельвига древнимъ много внѣшней истины, но незамѣтно главнаго — греческаго созерцанія жизни. Подолинскій былъ человѣкъ съ замѣчательнымъ дарованіемъ: въ его мелкихъ стихотвореніяхъ и въ поэмахъ много чувства и поэтическихъ мѣстъ; но у него никогда не бывало цѣлаго, особенно въ поэмахъ, которыя бѣдны содержаніемъ, слабы по концепціи, блѣдны по выполненію... Стихи Языкова блестятъ всею роскошью внѣшней поэзіи,— и если есть внѣшняя поэзія, то Языковъ необыкновенно даровитый поэтъ. Онъ много сдѣлалъ для развитія эстетическаго чувства въ обществѣ: его поэзія была самымъ сильнымъ противодѣіемъ пошлому морализму и приторной элегической слезливости. Смѣлыми и рѣзкими словами и оборотами своими Языковъ много способствовалъ расторженію пуританскихъ оковъ, лежавшихъ на языкѣ и фразеологіи. Правда, его новыя слова и фразы почти всегда изысканы, неточны, а нерѣдко и грѣшатъ противъ вкуса; но они всѣмъ понравились, а потому и сдѣлали свое дѣло... Стихъ Языкова громокъ, звученъ, ярокъ; но въ немъ это—чисто внѣшнія достоинства, безъ всякаго отношенія къ содержанію. Да и что составляетъ содержаніе его поэзіи? или, лучше сказать, есть ли въ ней какое-нибудь содержаніе? Поэзія, полная содержаніемъ, всегда развивается, идетъ впередъ; поэзія, чуждая всякаго содержанія, всегда стоитъ на одномъ мѣстѣ, поетъ одно и то же, однимъ и тѣмъ же голосомъ. Впачалѣ, она можетъ возбуждать фуроръ; но когда къ ней

привыкнутъ, ея уже не читаютъ, а только безусловно хвалятъ... Проходитъ пылъ, остается дымъ и чадъ; поэтъ начинаетъ писать вялые, холодные и вообще плохіе стихи, которыхъ уже никто не почитаетъ стоящими даже порицаній... А мнѣ странно, что вы не упомянули о г. Хомяковѣ; хотя онъ по таланту и гораздо ниже Языкова, но послѣ Языкова какъ то невольно вспоминаешь г. Хомякова. Это не безъ причины: между ними много общаго, именно — внѣшняя красота стиха, независящая отъ смысла пьесы, и однообразіе въ манерѣ и предметахъ пѣснопѣній. Въ самомъ дѣлѣ, Языковъ все пѣлъ студентскіе пиры и студентскую удаль; г. Хомяковъ символически поетъ все о чемъ-то высокомъ и прекрасномъ; содержаніе пѣсенъ Языкова неподвижно; содержаніе пѣсенъ г. Хомякова также неподвижно, потому что это всегда одна и та же отвлеченная мысль, одни и тѣ же громкія слова; оба поэта часто обращаются въ своихъ стихахъ къ Россіи,—и ни у того, ни у другаго не сорвалось съ пера ни одного русскаго слова, ни одного русскаго выраженія, на которое отозвалась бы русская душа, или въ которомъ отозвалась бы русская душа. Не правда ли, все это очень сходно? Но, между тѣмъ, тутъ есть и несходство: г. Языковъ кончаетъ не такъ, какъ началъ—онъ утратилъ даже свой бойкій, звонкій и разгульный стихъ; г. Хомяковъ неизмѣненъ: онъ по прежнему владѣетъ стихомъ своимъ... Причина этой разности та, что для стиховъ Языкова — каковы бы ни были они — нуженъ былъ хоть пылъ молодости, если не вдохновеніе; для стиховъ же г. Хомякова этого не было нужно...

Б.—Но я не понимаю, что же вы разумѣете подъ школою Пушкина.

А.—Собственно, ея и не было. Пушкинъ только развязалъ руки тогдашней молодежи на гладкій, бойкій стихъ, настроилъ ее на элегическій тонъ, вмѣсто торжественнаго, да ввелъ въ моду поэмы, вмѣсто балладъ; тайна же его

поэзіи, и по содержанію и по формѣ, для всѣхъ оставалась тайною. Въ его поэзіи всѣ видѣли одну внѣшнюю, поверхностную сторону, а во внутрь ея и не заглядывали...

Б.—Но въ чемъ же великое вліяніе Пушкина на русскую литературу, если школа, имъ созданная, такъ скоро исчезла, не оставивъ по себѣ слѣда?...

А.—Въ томъ именно, что благодаря Пушкину, мы скоро оцѣнили эту школу по достоинству... Вліяніе Пушкина было не на одну минуту; оно окончится только развѣ съ смертію русскаго языка. Сверхъ того, странно было бы измѣрять достоинство поэта рожденною имъ школою. Мы не знаемъ, да и знать не хотимъ, создалъ ли какую школу, напримѣръ, Байронъ: мы хотимъ знать только Байрона и судить о немъ по немъ самомъ, а не по его школѣ, еслибъ она и была. Не Пушкинъ виноватъ, что вмѣстѣ съ нимъ не явилось сильныхъ талантовъ. Притомъ же вліяніе великаго поэта замѣтно на другихъ поэтовъ не въ томъ, что его поэзія отражается въ нихъ, а въ томъ, что она возбуждаетъ въ нихъ собственныя ихъ силы: такъ солнечный лучъ, озаривъ землю, не сообщаетъ ей своей силы, а только возбуждаетъ заключенную въ ней силу... У кого есть талантъ, и кто способенъ понять поэзію Пушкина, принять въ себя ея содержаніе,—тотъ, конечно, будетъ писать несравненно лучше, нежели какъ бы онъ писалъ, не зная Пушкина. А многіе ли понимаютъ Пушкина?.. Повѣрьте мнѣ, надо быть выбрану изъ десяти тысячъ, чтобъ понимать Пушкина! Вѣдь это талантъ своего рода, и талантъ большой! Вотъ, напр., Веневитиновъ: хоть и нельзя указать явнаго вліянія Пушкина на его поэзію, но нѣтъ сомнѣнія, что онъ Пушкину обязанъ больше, чѣмъ кто-нибудь. Веневитиновъ самъ собою составилъ бы школу, еслибъ судьба не пресѣкла безвременно его прекрасной жизни, обѣщавшей такое богатое развитіе. Въ его стихахъ просвѣчивается дѣйствительно идеальное, а не мечтательно-идеальное направленіе; въ нихъ

видно содержаніе, которое заключало въ себѣ самодѣятельную силу развитія; но форма его поэтическихъ произведеній, даже самый характеръ ихъ, не обѣщали въ Веневитиновѣ поэта,—и я увѣренъ, что онъ скоро оставилъ бы поэзію для философскихъ созерцаній. На этомъ поприщѣ многаго можно было ожидать отъ него. Онъ возбудилъ къ себѣ сильное участіе, даже энтузіазмъ молодыхъ людей обоего пола своими произведеніями и въ стихахъ и въ прозѣ: это участіе, этотъ энтузіазмъ были пророческіе... Говоря о поэтахъ этого времени, нельзя не упомянуть о Полежаевѣ, какъ поучительномъ примѣрѣ необузданной силы безъ содержанія,—таланта безъ образованія,—вдохновенія безъ вкуса. Эта дикая натура пала жертвою собственной силы, разъ не такъ направленной,—пала жертвою собственнаго огня, непашедшаго для себя настоящей пищи...

Б.—А Грибоѣдовъ?

А.—Онъ самъ по себѣ; онъ самъ цѣлая школа. Написавъ нѣсколько посредственныхъ опытовъ въ драматическомъ родѣ по французской мѣркѣ, онъ вдругъ является съ комедіею, для которой едва ли гдѣ могъ быть образецъ, не говоря уже о русской литературѣ. Языкъ, стихъ, слогъ—все оригинально въ «Горе отъ Ума». Содержаніе этой комедіи взято изъ русской жизни; паѳосъ ея—негодованіе на дѣйствительность, запечатлѣнную печатію старины. Вѣрность характеровъ въ ней часто побѣждается сатирическимъ элементомъ. Полнотѣ ея художественности помѣшала неопредѣленность идеи, еще невполнѣ созрѣвшей въ сознаніи автора: справедливо вооружаясь противъ безсмысленнаго обезьянства въ подражаніи всему иностранному, онъ зоветъ общество къ другой крайности — къ «китайскому незнанью иноземцевъ». Не понявъ, что пустота и ничтожество изображеннаго имъ общества происходятъ отъ отсутствія въ немъ всякихъ убѣжденій, всякаго разумнаго содержанія, онъ слагаетъ всю вину на смѣшные бритые под-

бородки, на фраки съ хвостомъ на зади, съ выемкою впереди, и съ восторгомъ говоритъ о величавой одеждѣ долгополой старины... Но это показываетъ только не зрѣлость, молодость таланта Грибоѣдова: «Горе отъ Ума», несмотря на всѣ свои недостатки, кипитъ геніальными силами вдохновенія и творчества. Грибоѣдовъ еще не былъ въ состояніи спокойно владѣть такими исполинскими силами. Еслибы онъ успѣлъ написать другую комедію, она далеко оставила бы за собою «Горе отъ Ума». Это видно изъ самаго «Горе отъ Ума»: въ немъ такъ много ручательствъ за огромное поэтическое развитіе... Какая убійственная сила сарказма, какая ѣдкость иронiи, какой паѳосъ въ лирическихъ изліяніяхъ раздраженнаго чувства; сколько сторонъ такъ тонко подмѣченныхъ въ обществѣ; какіе типическіе характеры; какой языкъ, какой стихъ—энергическій, сжатый, молніеносный, чисто русскій! Удивительно ли, что стихи Грибоѣдова обратились въ поговорки и пословицы, и разнеслись, между образованными людьми, по всѣмъ концамъ земли русской! Удивительно ли, что «Горе отъ Ума» еще въ рукописи было выучено наизусть цѣлою Россіею!... Грибоѣдовъ наводитъ мнѣ на душу грустную мысль о трагической судьбѣ русскихъ поэтовъ... Батюшковъ въ цвѣтѣ лѣтъ и полнотѣ поэтической дѣятельности .. хуже, чѣмъ умеръ; Грибоѣдовъ, Пушкинъ, Лермонтовъ, погибли безвременно...

..... или вся наша
И жизнь не что, какъ сонъ пустой,
Насмѣшка рока надъ землей?..

Б.—Прерываю ваше поэтическое раздумье прозаическимъ вопросомъ: говоря о поэтахъ до Пушкинской эпохи, вы забыли Мерзлякова, котораго русскія пѣсни, впрочемъ, принадлежатъ къ позднѣйшему времени.

А.—Да много ли его русскихъ пѣсень то? «Среди долины ровныя»—не народная, и даже не простонародная, а развѣ сантиментально-мѣщанская пѣсня. «Чернобровый, черно-

глазый» и «Не липочка кудрявая» — прекрасныя и выдержанныя пѣсни; всѣ другія — съ проблесками національности, но и съ «чувствительными» противъ нея обмолвками. Въ поэзіи Мерзлякова есть чувство, но нѣтъ мысли. Теорія его — французско-классическая; слѣдовательно, объ ней можно и не говорить. Переводы его изъ древнихъ не изящны: въ нихъ не вѣетъ жизнію эллинскаго духа. Мерзляковъ смотрѣлъ на древнихъ сквозь Лагарповскіе очерки. Онъ переводилъ идилліи г-жи Дезульеръ, и ужасными виршами пересказалъ на книжномъ русскомъ языкѣ временъ Хераскова «Освобожденный Іерусалимъ» Тасса.

Б.—Къ кому же мы теперь перейдемъ отъ Пушкина и Грибоѣдова?

А.—Къ повѣсти и роману. Пресытившись стихами, мы захотѣли прозы; а примѣръ Вальтеръ Скотта былъ очень соблазнителенъ... Марлинскій первый началъ писать русскія повѣсти. Онѣ были для своего времени то же, что̀ повѣсти Карамзина для той эпохи; разница между ними только та, что однѣ романтическія, другія классическія, въ простомъ смыслѣ этихъ словъ. «Юрій Милославскій» былъ первымъ русскимъ историческимъ романомъ. Онъ явился очень во̀ время, когда всѣ требовали русскаго и русскаго. Вотъ причина его необыкновеннаго успѣха. Теперь онъ—препріятное и преполезное чтеніе для дѣтей отъ 7 до 12 лѣтъ включительно, и для простаго народа. Жаль, что онъ не издалъ въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ экземпляровъ и не продается копеекъ по 10 серебромъ: онъ много бы могъ принести пользы. Я не буду исчислять всѣхъ повѣстей и романовъ, всѣхъ пувеллистовъ и романистовъ: это былъ бы безполезный трудъ и скучный разговоръ. Романистовъ было много, а романовъ мало, и между романистами совершенно забытъ ихъ родоначальникъ—Нарѣжный. Въ 1804 году издалъ онъ отчаянную романическую трагедію «Дмитрій Самозванецъ», которая была сколкомъ съ «Раз-

бойниковъ» Шиллера; потомъ печаталъ повѣсти и романы— блѣдные, безцвѣтные, манерные, во вкусѣ г-жи Жанлисъ. Въ 1824 онъ издалъ «Бурсака», а въ 1825—«Два Ивана», романы, запечатлѣнные талантомъ, оригинальностію, комизмомъ, вѣрностію дѣйствительности. Ихъ обвиняли тогда въ грубой простонародности, но главный ихъ недостатокъ состоялъ въ бѣдности внутренняго содержанія. Онъ еще написалъ что то въ родѣ «русскаго Жилблаза», который былъ почище всѣхъ Выжигиныхъ, хотя и имѣлъ несчастіе подать поводъ къ появленію этихъ литературныхъ бродягъ и выродковъ... Лучшій романистъ Пушкинскаго періода литературы нашей, безъ сомнѣнія, Лажечниковъ. «Новикъ» его слишкомъ полонъ, такъ сказать, обременепъ внутреннимъ обиліемъ: видно, что онъ — первое произведеніе автора; но въ немъ много теплоты, одушевленія, много прекрасныхъ частностей. «Ледяной домъ» есть лучшее произведеніе Лажечникова по содержанію, по одушевленію, которымъ онъ спокойно проникнутъ, по характерамъ лицъ, по превосходнымъ частностямъ и полнотѣ цѣлаго. Въ «Басурманѣ» Лажечниковъ перенесся въ чужую ему сферу жизни, которая всѣхъ менѣе можетъ дать содержаніе для романа. Несмотря на то, недостаточный въ цѣломъ, «Басурманъ» не чуждъ превосходныхъ отдѣльныхъ мѣстъ; къ лучшимъ изъ нихъ принадлежатъ тѣ, гдѣ является грозное лицо Іоанна III, дѣда настоящаго Грознаго; также сцена трагической смерти Нѣмца-лѣкаря, замученнаго Татарами... Жаль, что Лажечниковъ мало пишетъ: онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ писателей, которыхъ вліяніе особенно сильно на эстетическое и нравственное развитіе современнаго имъ общества. Что касается до повѣсти — она, со времени появленія Марлинскаго до Гоголя, играла роль ученицы, и только въ отрывкѣ изъ романа Пушкина «Арапъ Петра Великаго» на минуту явилась мастеромъ, въ смыслѣ нѣмецкаго мейстера, или итальянскаго маэстро. Съ Гоголя

начался русскій романъ и русская повѣсть, какъ съ Пушкина началась истинно русская поэзія... Гоголь внесъ въ нашу литературу новые элементы, породилъ множество подражателей, павелъ общество на истинное созерцаніе романа, какимъ онъ долженъ быть: съ Гоголя начинается новый періодъ русской литературы, русской поэзіи.

Б.—Роля ваша, а мнѣ кажется, что вы увлекаетесь и видите въ Гоголѣ далеко больше того, что̀ въ немъ есть. Что̀ говорить—талантъ, и талантъ замѣчательный, удивительное искусство вѣрно списывать съ натуры; но—согласитесь сами—вѣдь дѣйствительная и высокая сторона въ искусствѣ есть идеалы, а что́ за идеальныя лица—какой-нибудь взяточникъ-городничій, мѣщанка Пошлепкина, какой-нибудь Иванъ Ивановичъ, или Иванъ Никифоровичъ?...

А.—Вы очень вѣрно выразили мнѣніе толпы о Гоголѣ, и, по моему мнѣнію, толпа совершенно права съ своей точки зрѣнія...

Б.—Какъ хотите, но я охотно готовъ быть представителемъ толпы въ этомъ случаѣ. Смѣяться и смѣяться, смѣшить и смѣшить—это, право, совсѣмъ не то, что умилять сердца, возвышать душу...

А.—Совершенная правда. Смѣшить—дѣло весельчаковъ и забавниковъ, а смѣяться—дѣло толпы. Чѣмъ грубѣе и необразованнѣе человѣкъ, тѣмъ онъ болѣе расположенъ смѣяться всякой плоскости, хохотать всякому вздору. Ничего нѣтъ легче, какъ разсмѣшить его. Онъ не понимаетъ, что можно плакать и рыдать, когда сердце хочетъ выскочить изъ груди отъ полноты блаженства и радости, и что можно хохотать до безумія, когда сердце сдавлено тоскою, или разрывается отчаяніемъ. Ступайте въ русскій театръ, когда тамъ даютъ «Гамлета»—и вы услышите вверху (а иногда и внизу) самый веселый, самый добродушный смѣхъ, когда Гамлетъ, заколовъ Полонія, на вопросъ матери: «кого ты убилъ?» отвѣчаетъ: «мышь!»... Помните ли вы еще раз-

говоръ Гамлета съ Полоніемъ, съ актерами и съ Офеліею: мнѣ становилось страшно отъ этихъ сценъ ужасной ироніи глубоко оскорбленной и тяжко страдающей души датскаго принца; а другіе, если не дремали, то смѣялись... Я хочу сказать этимъ совсѣмъ не то, что Шекспиръ и Гоголь—одно и то же; или что «Гамлетъ» Шекспира и «Миргородъ» Гоголя—одно и то же,—нѣтъ, я говорю только, что смѣхъ смѣху — рознь... Еслибы изъ «Тараса Бульбы» сдѣлать драму,—я увѣренъ, что въ страшной сценѣ казни, когда старый казакъ на вопль сына: «слышишь ли, батьку!» отвѣчаетъ: «Слышу, сынку!» многіе отъ души расхохотались бы... И въ самомъ дѣлѣ, не смѣшно ли иному благовоспитанному, милому и образованному чиновнику, который привыкъ называть отца уже не то, чтобы «тятенькою», но даже «папенькою», не смѣшно ли слышать это грубое, хохлацкое «батьку» и «сынку»!... Надо сказать правду: у насъ вообще смѣяться не умѣютъ и всего менѣе понимаютъ «комическое». Его обыкновенно полагаютъ въ фарсѣ, въ каррикатурѣ, въ преувеличеніи, въ изображеніи низкихъ и пошлыхъ сторонъ жизни. Я говорю это не въ осужденіе нашему обществу. Постиженіе комическаго—вершина эстетическаго образованія. Шиллеръ, великій Шиллеръ признается, что въ первой порѣ своей юности, при началѣ знакомства съ Шекспиромъ, его возмущала эта холодность, безстрастіе, дозволявшія Шекспиру шутить въ самыхъ высокихъ, патетическихъ мѣстахъ и разрушать явленіемъ шутовъ впечатлѣнія самыхъ трогательныхъ сценъ въ «Гамлетѣ», «Лирѣ», «Макбетѣ» и т. д., останавливать ощущеніе тамъ, гдѣ оно желало бы безостановочно стремиться впередъ, или хладнокровно отрывать его отъ тѣхъ мѣстъ, на которыхъ бы оно такъ охотно остановилось и успокоилось *). Идеальное трагическое открывается юному чувству

*) См. „Abhandlung über naive und sentimentalische Dichtung.“

непосредственно и сразу; идеальное комическое дается только развитому и образованному чувству человѣка, знающаго жизнь не по однимъ восторженнымъ мечтаніямъ и не по наслышкѣ. На такого человѣка комическое часто производитъ обратное дѣйствіе: возбуждаетъ въ немъ не веселый смѣхъ, а одно скорбное чувство. Онъ улыбается, но въ его улыбкѣ столько меланхоліи...

Комизмъ еще не составляетъ основнаго элемента всѣхъ сочиненій Гоголя. Онъ разлитъ преимущественно въ «Вечерахъ на Хуторѣ близъ Диканьки». Это комизмъ веселый, улыбка юноши, привѣтствующаго прекрасный Божій міръ. Тутъ все свѣтло, все блеститъ радостію и счастіемъ; мрачные духи жизни не смущаютъ тяжелыми предчувствіями юнаго сердца, трепещущаго полнотою жизни. Здѣсь поэтъ какъ бы самъ любуется созданными имъ оригиналами. Однакожь эти оригиналы не его выдумка, они смѣшны не по его прихоти; поэтъ строго вѣренъ въ нихъ дѣйствительности. И потому всякое лицо говоритъ и дѣйствуетъ у него въ сферѣ своего быта, своего характера и того обстоятельства, подъ вліяніемъ котораго оно находится. И ни одно изъ нихъ не проговаривается: поэтъ математически вѣренъ дѣйствительности, и часто рисуетъ комическія черты, безъ всякой претензіи смѣшить, но только покоряясь своему инстинкту, своему такту дѣйствительности. Смѣхъ толпы для него бываетъ оскорбителенъ въ такихъ случаяхъ; онъ смѣется тамъ, гдѣ надо удивляться тонкой чертѣ дѣйствительности, вѣрно и зорко подмѣченной, удачно схваченной. Въ повѣстяхъ, помѣщенныхъ въ «Арабескахъ», Гоголь отъ веселаго комизма переходитъ къ «юмору», который у него состоитъ въ противоположности созерцанія истинной жизни, въ противоположности идеала жизни — съ дѣйствительностью жизни. И потому, его юморъ смѣшитъ уже только простяковъ, или дѣтей; люди, заглянувшіе въ глубь жизни, смотрятъ на его картины съ грустнымъ раздумьемъ, съ тяжкою то-

кою... Изъ-за этихъ чудовищныхъ и безобразныхъ лицъ, имъ видятся другіе, благообразные лики; эта грязная дѣйствительность наводитъ ихъ на созерцаніе идеальной дѣйствительности, и то, что̀ есть, яснѣе представляетъ имъ то, что̀ бы должно быть... Въ «Миргородѣ» этотъ юморъ особенно проникаетъ собою насквозь дивную повѣсть о ссорѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ; оканчивая ее, вы отъ души восклицаете съ авторомъ: «Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!» точно, какъ-будто выходя изъ дома умалишенныхъ, гдѣ съ горькою улыбкою смотрѣли вы на глупости несчастныхъ больныхъ... Въ этомъ смыслѣ, комедія Гоголя «Ревизоръ» стоитъ всякой трагедіи. Что же касается до искусства Гоголя вѣрно списывать съ натуры—это изъ тѣхъ безсмысленно-пошлыхъ выраженій, которыя оскорбляютъ своею нелѣпостію здравый смыслъ. Подобная похвала—оскорбленіе. Гоголь творитъ вѣрно природѣ; списываютъ съ природы не живописцы, а маляры, и ихъ списки—чѣмъ вѣрнѣе, тѣмъ безжизненнѣе для всякаго, кому неизвѣстенъ подлинникъ. Вѣрность натурѣ въ твореніяхъ Гоголя вытекаетъ изъ его великой творческой силы, знаменуетъ въ немъ глубокое проникновеніе въ сущность жизни, вѣрный тактъ, всеобъемлющее чувство дѣйствительности. И это уже многіе чувствуютъ, хотя еще и слишкомъ немногіе сознаютъ. Теперь всѣ стараются писать вѣрно натурѣ, всѣ сдѣлались юмористами: таково всегда вліяніе геніальнаго человѣка! Новый Коломбъ, онъ открываетъ неизвѣстную часть міра, и открываетъ ее для удовлетворенія своего безпокойно рвущагося въ безконечность духа; а ловкіе антрепренеры стремятся по слѣдамъ его толпою, въ надеждѣ разбогатѣть чужимъ добромъ!...

Б. — И вотъ мы приблизились къ самому интересному для насъ предмету — къ современной намъ литературѣ. О настоящемъ всегда говорится больше, чѣмъ объ отдаленномъ:

малѣйшія подробности имѣютъ интересъ; самое маленькое дарованіе имѣетъ цѣну...

А.—И, однакожь, я всего менѣе намѣренъ распространяться о современной литературѣ, во-первыхъ, для того, чтобъ не наговорить много о пустякахъ, а во-вторыхъ, чтобъ не раздразнить гусей... Правда, у насъ и теперь не безъ дарованій, болѣе или менѣе замѣчательныхъ; скажу болѣе: въ нашей грустной эпохѣ много утѣшительнаго. Пора дѣтскихъ очарованій теперь миновалась безъ возврата, и если теперь огромные авторитеты составляются иногда въ одинъ день, за то они часто и пропадаютъ безъ вѣсти на слѣдующій же день. Теперь очень трудно стало прослыть за человѣка съ дарованіемъ: такъ много писано во всѣхъ родахъ, столько было опытовъ и попытокъ, удачныхъ и неудачныхъ, во всѣхъ родахъ, что, дѣйствительно, надо что нибудь получить отъ природы, чтобъ обратить на себя общее вниманіе... Пушкинъ и Гоголь дали намъ такіе критеріумы для сужденія объ изящномъ, съ которыми трудно отъ чего-нибудь разахаться... Хорошую сторону современной литературы составляетъ и обращеніе ея къ жизни, къ дѣйствительности: теперь уже всякое, даже посредственное, дарованіе силится изображать и описывать не то, что приснится ему во снѣ, а то, что есть или бываетъ въ обществѣ, въ дѣйствительности. Такое направленіе много обѣщаетъ въ будущемъ. Но современная литература много теряетъ отъ того, что у ней нѣтъ головы; даже яркіе таланты поставлены въ какое-то неловкое положеніе: ни одинъ изъ нихъ не можетъ стать первымъ и по необходимости теряется въ числѣ, каково бы оно ни было. Гоголь давно ничего не печатъ; Лермонтова уже нѣтъ,—

Не расцвѣлъ и отцвѣлъ
Въ утрѣ пасмурныхъ дней,
Что любилъ, въ томъ нашелъ
Гибель жизни своей...

А какое пышное развитіе обѣщалъ этотъ богатый дарами природы, этотъ мощный и глубокій духъ!... Публика встрѣтила его, какъ представителя новаго періода литературы, хотя и видѣла еще одни опыты его... Предчувствія общества не обманчивы: гласъ Божій—гласъ народа!...

Б. — А вѣдь результатъ нашего разговора рѣшительно въ мою пользу. Вы спрашивали меня съ насмѣшкою: «Да гдѣ жъ онѣ? давайте ихъ!» — и сами не только насчитали множество именъ знаменитыхъ и великихъ, но и нашли въ нашей литературѣ внутреннюю жизнь, историческое движеніе, гдѣ послѣдующее выходитъ изъ предыдущаго...

А. — Въ самомъ дѣлѣ? Посмотримте-ка, сколько знаменитыхъ и великихъ именъ насчитали мы... Ломоносовъ— какъ великій характеръ (качество, не обогащающее нашей литературы!), какъ авторъ нѣсколькихъ ученыхъ сочиненій, имѣющихъ теперь историческое достоинство; Фонъ-Визинъ, какъ умный писатель, котораго небольшая книга имѣетъ для насъ значеніе «мемуаровъ», передавшихъ намъ духъ и характеръ русскаго XVIII вѣка; Державинъ, Карамзинъ, Дмитріевъ, Озеровъ, какъ лица, имѣющія большее или меньшее значеніе въ исторіи русской литературы, русскаго общественнаго образованія, — авторитеты, съ которыми мы должны знакомиться въ школѣ, и которыхъ уже не можемъ читать, вышедши изъ школы въ свѣтъ,—авторы, которыхъ имена для насъ священны, но которыхъ значеніе—наша семейная тайна, неразрѣшимая для иностранцевъ, хотя бы иностранцы и могли прочесть ихъ на своихъ языкахъ... Итакъ, вотъ уже шесть именъ... Далѣе: Крыловъ, геніальный писатель національныхъ басенъ — этой поэзіи здраваго разсудка... Жуковскій, внесшій въ нашу литературу и въ нашу жизнь романтическіе элементы и усвоившій намъ нѣсколько превосходныхъ произведеній нѣмецкой и англійской словесности, которыя тамъ читаются въ подлинникѣ... Батюшковъ — замѣчательный

талантъ, неопредѣленно и блѣдно развившійся по недостатку содержанія: поэзія его, поэтому, не можетъ быть перенесена на почву чуждаго слова, не подвергаясь опасности завянуть и выдохнуться... Гнѣдичъ, превосходный переводчикъ «Иліады» — совершитель подвига, важнаго и великаго только для насъ... Пушкинъ и Гоголь, — вотъ поэты, о которыхъ нельзя сказать: «я уже читалъ!»; но которыхъ чѣмъ больше читаешь, тѣмъ больше пріобрѣтаешь; вотъ истинное, капитальное сокровище нашей литературы... Если Пушкинъ найдетъ достойныхъ переводчиковъ, то не можетъ не обратить на себя изумленнаго вниманія Европы; но все-таки онъ и не можетъ быть тамъ оцѣненъ по достоинству; этому всегда помѣшаетъ объемъ и глубина содержанія его поэзіи, далеко не могущія состязаться съ объемомъ и глубиною содержанія, какимъ проникнута поэзія великихъ представителей европейскаго искусства... Иностранецъ, коротко ознакомившійся съ Россіею и ея языкомъ, не можетъ не признать въ Пушкинѣ, какъ въ художникѣ, міровой творческой силы, которой не чего бояться чьего бы то ни было соперничества; многія лирическія стихотворенія, выражающія субъективность Пушкина, еще болѣе утвердятъ его въ этомъ убѣжденіи; но тѣ творенія Пушкина, въ которыхъ онъ выходилъ на историческую почву жизни, и которыхъ величіе и колоссальность необходимо зависитъ отъ содержанія, покажутъ ему, что Пушкинъ, слишкомъ рано родившись для Россіи, слишкомъ рано и умеръ для нея... Общественные интересы современной Европы развились изъ почвы тысячелѣтняго всемірно-историческаго развитія, и могутъ возбуждаться только такимъ поэтическимъ содержаніемъ, которое оплодотворяетъ собою вѣкъ, творитъ новую исторію, и какимъ проникнуты творенія Шекспира, Байрона, Шиллера и Гёте... Сказанное о Пушкинѣ можно примѣнить и къ Гоголю... Теперь кто же остается? — Грибоѣдовъ, написавшій одну комедію,

да Лермонтовъ, написавшій одинъ романъ въ прозѣ, небольшую книжку стихотвореній. Изъ прежней школы—Жуковскій, Батюшковъ, Крыловъ — вотъ и всѣ... Вы говорите, что я нашелъ въ нашей литературѣ даже внутреннюю историческую послѣдовательность: правда, но все это еще не составляетъ литературы въ полномъ смыслѣ слова. Литература есть народное сознаніе, выраженіе внутреннихъ, духовныхъ интересовъ общества, которыми мы пока еще очень не богаты. Нѣсколько человѣкъ еще не составляетъ общества, а нѣсколько идей, пріобрѣтенныхъ знакомствомъ съ Европою, еще менѣе можетъ назваться національнымъ сознаніемъ. Наша публика безъ литературы: потому что въ годъ пять-шесть хорошихъ сочиненій на нѣсколько сотенъ дурныхъ—еще не литература; наша литература безъ публики, потому что наша публика что-то загадочное: одинъ читаетъ Пушкина, другой въ восторгѣ отъ г. Бенедиктова, а третій былъ безъ ума отъ мистерій г. Тимофеева; одинъ понимаетъ Гоголя, другой еще въ полномъ удовольствіи отъ Марлинскаго, а третій не знаетъ ничего лучше романовъ гг. Зотова и Воскресенскаго... Театральные судьи равно хлопаютъ и «Гамлету», и водевилямъ г. Коровкина, и «Парашѣ» г. Полеваго... И не думайте, чтобъ это были люди разныхъ сферъ и классовъ общества, — нѣтъ, они всѣ перемѣшаны и перетасованы, какъ колода картъ .. Историческій ходъ свой наша литература совершила въ самой же себѣ: ея настоящею публикою былъ самъ нищущій классъ, и только самыя великія явленія въ литературѣ находили болѣе или менѣе разумный отзывъ во всей массѣ грамотнаго общества .. Но будемъ смотрѣть на литературу просто, какъ на постоянный предметъ занятія публики, слѣдовательно, какъ на безпрерывный рядъ литературныхъ новостей: что жъ это за литература! Да занимайте вы десять должностей, утопайте въ практической дѣятельности, а на чтеніе посвятите вре-

мя между обѣдомъ и кофе, — и тогда не на одинъ день останетесь вы безъ чтенія. Въ журналахъ все—переводы, а оригинальнаго развѣ три-четыре порядочныя повѣсти въ годъ, да нѣсколько стихотвореній, да книгъ съ полдюжины, включая сюда и ученыя — вотъ и все. Тогда, читая въ журналахъ статьи о процвѣтаніи русской литературы, по неволѣ восклицаете, протяжно зѣвая: «Да гдѣ жь онѣ?— давайте ихъ!»... Любопытно было бы сдѣлать хоть одинъ перечень литературныхъ явленій за цѣлый годъ...

Но это мы сдѣлаемъ уже сами, тѣмъ болѣе, что это такъ не трудно сдѣлать: Библіографическая Хроника «Отечественныхъ Записокъ», не пропускающая ни одной новой книги, изданной въ Россіи, даетъ намъ всѣ нужные для такого дѣла матеріалы. Если прерванный нами разговоръ сколько нибудь заинтересовалъ васъ, читатели, то и наша приписка къ нему не должна миновать вашего вниманія: можетъ-быть, въ этомъ годичномъ обзорѣ найдете вы кое-какія поясненія и дополненія къ длинному разговору; по крайней мѣрѣ, встрѣтите имена не упомянутыя тамъ, но извѣстныя давно или недавно, и играющія первыя роли въ современной русской литературѣ....

Начнемъ съ журналовъ. Въ журналахъ теперь сосредоточилась наша литература, и оригинальная и переводная. Въ нихъ помѣщаются теперь повѣсти, которыя недавно издавались особо, частяхъ въ двухъ, трехъ и четырехъ; въ нихъ цѣликомъ печатаются романы, которыхъ каждая глава стоитъ иной повѣсти недавняго времени; въ нихъ печатаются драмы, историческія книги, и т. д. Ко всему этому надо прибавить, что наши журналы изъ всѣхъ силъ стремятся къ многосторонности и всеобъемлемости—не во взглядѣ, о которомъ, правду сказать, немногіе изъ нихъ думаютъ,—а въ разнообразіи входящихъ въ ихъ составъ предметовъ: тутъ

и политика, и исторія, и философія, и критика, и библіографія, и сельское хозяйство, и изящная словесность—чего хочешь, того просишь. Многіе не видятъ во всемъ этомъ добра и толкуютъ обо всемъ этомъ вкось и вкривь,—а ларчикъ просто открывался! Человѣкъ съ дарованіемъ переводитъ драму Шекспира; напечатать ему свой переводъ не на что; на удачу пуститься нельзя, потому что каковъ бы ни былъ переводъ, все-таки нельзя надѣяться, чтобъ его разошлось болѣе двухъ десятковъ экземпляровъ, и то развѣ года въ два... Что жь тутъ остается дѣлать?—Напечать въ журналѣ. Это и прекрасно: тѣ, которые могутъ судить о Шекспирѣ и оцѣнить переводъ, прочтутъ, можетъ быть, еще нечитанную ими драму великаго творца; а тѣ, которые никакихъ другихъ драматическихъ красотъ, кромѣ «репертуарныхъ», не смыслятъ,—тѣ будутъ вознаграждены какою-нибудь большою сказкою, въ той же книжкѣ журнала напечатанною... Въ «Отечественныхъ Запискахъ» прошлаго года было помѣщено цѣлое большое историческое сочиненіе «Альбигойцы», которое было всѣми прочтено съ жадностію и произвело общій восторгъ: будь же оно издано отдѣльно, его никто бы не прочелъ, о немъ никто бы не узналъ, переводчикъ напрасно потратилъ бы трудъ и время, а издатель деньги... Этихъ примѣровъ слишкомъ достаточно для объясненія, почему журналистика поглотила всю литературу. Это не прихоть, не произволъ, даже не разсчетъ со стороны журналистовъ: причина дѣла въ необходимости, въ самой дѣйствительности... Что журналистъ хочетъ обнять своимъ журналомъ всѣ области литературы и науки, удовлетворить всѣмъ потребностямъ общества—отъ стиховъ до статей о свекловичномъ сахарѣ и удобреніи полей разными средствами,—здѣсь тоже очень простая причина: онъ хочетъ, чтобъ его журналъ читала публика... У насъ еще не можетъ быть спеціальныхъ журналовъ, намъ пожалуйте всего за однѣ и тѣ же деньги; мы хотимъ не мнѣнія, не руководительнаго начала, не предмета для уче-

нія, или размышленія — мы хотимъ чтенія, какъ средства отъ скуки, потому что однѣ карты да карты, сплетни да сплетни, — оно конечно хорошо, да вѣдь прискучитъ же... Семейство выписываетъ журналъ, — журналистъ долженъ угодить всѣмъ членамъ этого семейства: отецъ-старикъ читаетъ, напримѣръ, перечень событій въ отечествѣ и статьи по части сельскаго хозяйства; мать—повѣсти и модныя извѣстія; сынъ—критику и разборы книгъ; дочь—стихи, повѣсти и модныя извѣстія; смѣсь—всѣ. Не угодите одному, останутся недовольны всѣ! За границею, сущность журнала состоитъ въ его мнѣніи, и потому тамъ журналисту нечего бояться соперничества, не къ чему хвататься за множество такихъ предметовъ: у него есть мнѣніе—есть и подписчики, потому что кто раздѣляетъ его доктрину, тотъ будетъ читать его журналъ; слѣдовательно, ему не помѣшаютъ, его не заслонятъ, не задавятъ другіе журналы, хотя бы у нихъ были десятки тысячъ подписчиковъ. Тамъ гибнетъ только безцвѣтность, безхарактерность, безсиліе и бездарность. Толстота нашихъ журналовъ тоже не разсчетъ, а необходимость. И въ городѣ скучно жить—о деревнѣ нечего и говорить: вы получаете книжку журнала столь полновѣсную, что предвидите цѣлую недѣлю чтенія—не счастіе ли, не блаженство ли это?... Иные же слабы глазами, или не привыкли читать скоро—имъ на цѣлый мѣсяцъ занятіе; шутка ли это?... Тощіе содержаніемъ и талантомъ журналы истощаютъ послѣднее свое остроуміе на насмѣшки надъ толстыми журналами, а толстые журналы рѣдко даже замѣчаютъ тощихъ... Все это въ порядкѣ вещей, и все это русская литература!....

Приступая къ журналамъ, начнемъ со старѣйшаго изъ нихъ—съ «Сына Отечества». Онъ кончился нынѣшній годъ сорокъ третьимъ нумеромъ, вмѣсто пятидесяти-втораго... Въ этой 43 книжкѣ особенно примѣчательна статья о первомъ томѣ «Русской Бесѣды»: разсказывается строкахъ въ трехъ

содержаніе каждой піесы, потомъ дѣлается большая выписка изъ піесы, а изъ всего этого выводится подразумѣваемое слѣдствіе, что піеса очень хороша... Какой наивный способъ критиковать книги и наполнять журналъ... Странное дѣло! мы всѣми силами старались слѣдить за «Сыномъ Отечества»: получимъ, бывало, отсталую книжку—тотчасъ же читать—и ничего не прочтемъ... Публика, въ отношеніи къ «Сыну Отечества» была заодно съ нами, съ тою только разницею, что даже и не разрѣзывала его... А кажется, чего въ немъ нѣтъ—и политика, и сокращенные романы, и экстракты изъ повѣстей, а въ смѣси всегда бездна остроумія—ничто не помогло! Съ будущаго года «Сынъ Отечества» снова возраждается, юнѣетъ... Бѣдный старецъ! найдетъ ли онъ наконецъ для своихъ изсохшихъ желтѣющихъ костей мертвую и живую воду—не знаемъ; но обыкновенной, прѣсной воды въ немъ много... Не далѣе, какъ передъ началомъ прошлаго года, грозная афиша возвѣстила, что баронъ Брамбеусъ, по врожденному ему великодушію, не помня зла, рѣшается протянуть свою высокородную руку падшему врагу, чтобъ поднять его. И дѣйствительно, баронъ руку-то протянулъ, но врага-то не поднялъ—у старика, видно отнялись ноги, или можетъ-быть, у барона ослабли руки?... Оставимъ же ихъ, пожелавъ имъ добраго здравія и укрѣпленія силъ, и обратимся къ «Библіотекѣ для Чтенія», которая должна непосредственно слѣдовать за «Сыномъ Отечества».

«Библіотека для Чтенія» съ 1839 года какъ-будто пошатнулась—начала опаздывать, чего съ нею прежде не бывало; начала печатать статьи объ искусствѣ, которыхъ смыслъ доселѣ остается тайною для публики и здраваго смысла. Въ девяти книжкахъ тянулся романъ г. Кукольника «Эвелина де Вальероль»; получая слѣдующую книжку, публика забывала, что̀ прочла въ предшествовавшей: это было очень удобно придумано для доставленія публикѣ пріятнаго и

занимательнаго чтенія. Въ пятой книжкѣ вдругъ явился экстрактъ изъ романа Тика «Витторія Аккоромбона» вполнѣ переведеннаго и напечатаннаго въ третьей и четвертой книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ»... Отдѣленіе «Литературной Лѣтописи» и «Смѣси» въ «Библіотекѣ для Чтенія» были,—особенно первое—но два, по три листочка, увеличиваясь только въ послѣднихъ книжкахъ стараго и первыхъ книжкахъ новаго года, какъ это воспослѣдовало и теперь. Но умный человѣкъ и на одной страничкѣ найдется что сказать! «Библіотека для Чтенія»... была очень находчива въ этомъ отношеніи... Четвертая книжка ея вдругъ, ни съ того ни съ сего, пустилась разсуждать о Гомерѣ, гекзаметрѣ, о томъ, какъ должно переводить Гомера... Не довольствуясь разсужденіями, она—такая добрая!—не оставила поучить,—разумѣется тѣхъ, кто захочетъ учиться у ней,—самымъ дѣломъ, и представила, или, какъ выражается С. Н. Глинка, «предъявила» образчики своихъ трудовъ по части сочиненія настоящихъ, самыхъ лучшихъ гекзаметровъ; но приступила къ этому очень тонко и ловко: она объявила, что критика—вздоръ, шарлатанство, ибо-де критика есть не что иное, какъ личное мнѣніе, «ничтожная, безпослѣдственная, частная болтовня»... Avis aux lecteurs! Что касается до насъ,—мы очень рады этому «извѣстію»: оно объяснило намъ, что такое критика въ «Библіотекѣ для Чтенія». Изъ снисхожденія къ требованіямъ педантовъ, вдругъ пускается она въ ученую критику, говоря: «Я объявляю, что напрягу всѣ силы, чтобы, елико возможно, быть важнымъ и не смѣяться. Скучайте! Мнѣ до этого дѣла нѣтъ». И что же! Не возможно лучше и честнѣе сдержать даннаго слова: статья вышла скучная, прескучная... «Библіотека для Чтенія» пустилась разсуждать объ отношеніи музыки къ гекзаметру и гекзаметра къ музыкѣ, и обнаружила по обоимъ этимъ предметамъ столько природнаго знанія, что, читая статью ея, такъ и приговариваешь къ каждому

слову: «Справедливо, все справедливо, Петръ Ивановичъ; замѣчанія такія... видно, что наукамъ учился». Результатомъ всѣхъ этихъ тоническихъ и метрическихъ разглагольствованій на восьмнадцати страницахъ былъ знаменитый стихъ: «По берегу Невы Маша ходила бѣлою босою ногою, собирая ягоды и отморозила себѣ носъ...» Послѣ этого стиха, о «Библіотекѣ для Чтенія» скорѣе можно сказать, что она не выдумаетъ пороху, нежели, что она не сочинитъ стиху...

За диссертаціею слѣдуетъ разборъ дряннаго опыта перевода «Одиссеи», а въ разборѣ развитіе слѣдующихъ двухъ великихъ идей: № 1. «Бѣдный Гнѣдичъ убилъ всю жизнь свою на усердное коверканье Иліады во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ, на составленіе самой уродливой каррикатуры ея размѣру, ея гармоніи, цвѣту, физіономіи, духу, и умеръ въ томъ блаженномъ убѣжденіи, что онъ познакомилъ Русскихъ съ формою и содержаніемъ чудеснѣйшаго произведенія древности». № 2. «Древніе подъ простотою (simplicitas) разумѣли простонародность, и Гомеръ объясняется какъ кумъ Емельянъ у казака Луганскаго»... Въ смѣси XI книжки помѣщены неоспоримыя доказательства, что древніе раскрашивали красками свои статуи, и что классическіе города были—изящный Китай! Подлинно, мандаринскій взглядъ на искусство...

Впрочемъ, можетъ-быть, все это и шутка: «Библіотека для Чтенія» большая охотница шутить,—это всѣмъ извѣстно. Прочтите, напр., въ третьей книжкѣ ея похвалы графинѣ Растопчиной, Зенеидѣ Р... и г. Кукольнику, и отгадайте, что это—похвала или насмѣшка... Но, говоря о трехъ послѣднихъ частяхъ сочиненій Пушкина,—мы въ этомъ увѣрены—«Библіотека для Чтенія» не шутитъ: по ея мнѣнію, Пушкинъ—писатель старой школы—онъ употреблялъ сей и оный... Впрочемъ, это дѣло личнаго вкуса и личнаго самолюбія, полагающаго войну противъ сихъ и

опыхъ великимъ подвигомъ; но въ XII книжкѣ на 55 стр. Лит. Лѣтописи, находится превосходный образчикъ учености «Библіотеки для Чтенія», гдѣ доказывается, что все на свѣтѣ дымъ, въ томъ числѣ и всемірный законъ постепенности... Впрочемъ, направленіе и духъ «Библіотеки для Чтенія» такъ извѣстны всѣмъ и каждому, что о нихъ новаго ничего нельзя сказать, кромѣ того развѣ, что одно и то же надоѣдаетъ, мысли безъ содержанія становятся пусты, старыя шутки приторны... Справедливость требуетъ замѣтить, что прошлогодняя «Библіотека для Чтенія» не чужда и хорошихъ статей, особенно переводныхъ; жаль только, что къ нимъ нельзя имѣть вѣры, не зная, за что ихъ должно принимать—за дѣло, или за шутку. Къ числу шутокъ и довольно плоскихъ, принадлежитъ статья о Франклинѣ.—Критика въ «Библіотекѣ для Чтенія» всегда пуста, всегда наполнена выписками изъ сухихъ сочиненій, преимущественно подвергающихся ея разсмотрѣнію. Но критика на книгу отца Іакинѳа о Китаѣ представляетъ собою блестящее исключеніе изъ общаго правила этого журнала: статья живая, энергическая, умная, хотя и не чуждая парадоксовъ. Странный журналъ эта «Библіотека для Чтенія». о Китаѣ судитъ по европейски, а о европейскомъ искусствѣ по-китайски! Подлинно, кому на что дастъ Богъ дарованіе! ..

Къ отдѣленію русской и иностранной поэзіи въ «Библіотекѣ для Чтенія» мы будемъ обращаться ниже, говоря, вообще о произведеніяхъ беллетристики въ прошломъ году; а теперь перейдемъ къ другимъ журналамъ.

«Современникъ» прошлаго года по прежнему былъ вѣренъ своему плану и направленію, и по прежнему былъ богатъ хорошими оригинальными статьями и хорошими переводами произведеній скандинавской поэзіи. Особенно интересна и важна въ немъ неоконченная статья «Нибелунги». Окончаніе этой превосходной статьи будетъ помѣщено, вѣроятно, въ «Современникѣ» нынѣшняго 1842 года.

Въ «Москвитянинѣ» было нѣсколько превосходныхъ оригинальныхъ статей въ стихахъ и въ прозѣ, которыя намъ особенно пріятно исчислить здѣсь всѣ: «Споръ», стихотвореніе Лермонтова; «Послѣдніе стихи лорда Байрона» К. Павловой; «Сцены къ Ревизору» и «Письмо о первомъ представленіи «Ревизора» Гоголя; «Обозрѣніе Гегелевой логики» Рѣдкина; «Нѣсколько словъ о римской исторіи» Лунина; «О трагическомъ характерѣ исторіи «Тацита» Крюкова; «Нѣсколько словъ о сценическомъ художествѣ» Крюкова; разборъ «Чтеній о русскомъ языкѣ Греча» Шевырева. Интересны нѣкоторые матеріалы для русской литературы, напримѣръ, «Знакомство Дмитріева съ Карамзинымъ» (изъ записокъ Дмитріева) и пр.; нѣкоторые матеріалы для исторіи Россіи, какъ напримѣръ, «Послѣдній претендентъ мѣстничества, князь Козловскій», «Письмо Н. И. Панина о поимкѣ Пугачева», и проч. Замѣчательныхъ повѣстей, оригинальныхъ и переводныхъ, въ «Москвитянинѣ» не было.

«Русскій Вѣстникъ», хотя и новый журналъ, однако новаго ничего не сказалъ и не сдѣлалъ, кромѣ развѣ того, что опаздывалъ выходомъ книжекъ, и, вмѣсто обѣщанныхъ двѣнадцати книжекъ появился въ прошломъ году только въ числѣ десяти, что, конечно, для него ново, потому что онъ дѣлаетъ это еще въ первый разъ. Наполнялся же онъ статьями спеціальнаго содержанія, сухими и не журнальными. Пускался «Русскій Вѣстникъ» и въ философію,—правда, не часто, всего, кажется, только одинъ разъ, но за то съ большимъ успѣхомъ. Любопытные сами могутъ справиться объ этомъ въ курьезной статьѣ. «Европа, Россія и Петръ Великій»; въ особенности рекомендуемъ мѣсто отъ 104 до 107 страницы, гдѣ очень ясно и ново разсуждается о паденіи человѣка, о фетишизмѣ, о философской (?!...) религіи Китайцевъ, о буддизмѣ, брамінизмѣ, магахъ, Египтянахъ, Скандинавахъ, Цельтахъ, Мугамеданахъ, и другихъ предметахъ, не менѣе близкихъ къ Россіи и ис-

торіи Петра Великаго. Эту интересную статью можно раздѣлить на три части: первую занимаетъ философія—взглядъ и нѣчто—двадцать двѣ страницы (95—116); вторая посвящена собственно Россіи и занимаетъ восемь страницъ (125—133); третья посвящена Петру Великому и занимаетъ собою—меньше одной страницы (134). Въ своемъ мѣстѣ, мы скажемъ, что было хорошаго въ «Русскомъ Вѣстникѣ» по части изящной словесности; а теперь укажемъ только на ученыя и критическія статьи, больше или меньше интересныя; ихъ очень немного: оригинальная статья «Завоеваніе Азова въ 1696 году» Н. Полеваго, переводная статья «Любопытныя и новыя извѣстія о Московіи 1689 г.» (Дела Нёвилля); разборъ Н. Полеваго первой тетради «Исторія, Петра Великаго» соч. г. Ламбина; разборъ «Ластовки» «Исповѣди доктора Ястребцова». Этого довольно на десять книгъ—чего же больше!... Ко всему этому надо прибавить, что въ «Русскомъ Вѣстникѣ» незамѣтно ничьего преимущественнаго вліянія, которое могло бы дать этому изданію характеръ, направленіе, образъ мыслей: имена гг. Полеваго, Кукольника и Греча украсили только его программу, а не листы; впрочемъ, два первые сдѣлали хоть что-нибудь въ качествѣ сотрудниковъ, если не редакторовъ; но третій ничего не сдѣлалъ и въ этомъ качествѣ, ибо одна или двѣ безцвѣтныя статьи ничего не значатъ въ годовомъ изданіи журнала. Какъ тутъ не вспомнить геніальнаго выраженія одной статьи въ Пушкинскомъ «Современникѣ» 1836 года, объ участіи г. Греча въ «Библіотекѣ для Чтенія»; «Имя г. Греча было выставлено только для формы; по крайней мѣрѣ никакого дѣйствія не было замѣтно съ его стороны. Г. Гречъ давно ужь сдѣлался почетнымъ и необходимымъ редакторомъ всякаго предпринимаемаго періодическаго изданія; такъ обыкновенно почтеннаго пожилаго человѣка приглашаютъ въ посаженые отцы на всѣ свадьбы»... («Совр.» т. 1, стр. 195).

За исключеніемъ «Отечественныхъ Записокъ», хвалить или осуждать которыя — не наше дѣло, вотъ и всѣ наши журналы. Газетъ у насъ еще меньше—всего двѣ, т. е. газетъ, издаваемыхъ не отъ правительства и посвященныхъ преимущественно литературѣ: «Сѣверная Пчела» и «Литературная Газета».

«Сѣверная Пчела» издается и Богъ знаетъ сколько лѣтъ, что-то очень давно: но странное дѣло! — она такъ всегда вѣрна себѣ, такъ неизмѣнчива ни къ лучшему, ни къ худшему, что первый нумеръ перваго года ея существованія и послѣдній нумеръ только что кончившагося вчера 1841-го года—такъ похожи одинъ на другой, и по содержанію, и по тону, и по взгляду, или по отсутствію всякаго взгляда на предметы, что можно подумать, будто оба эти листка напечатаны въ одинъ и тотъ же день. Поэтому, мы безошибочно можемъ привести о ней сужденіе изъ упомянутой выше статьи «О движеніи журнальной литературы», которую Пушкинъ напечаталъ въ первой книжкѣ своего «Современника» на 1836 годъ, и съ которой, слѣдственно, онъ былъ совершенно согласенъ. Вотъ что сказалъ Пушкинъ, или его «Современникъ»: «Сѣверная Пчела» заключала въ себѣ оффиціальныя извѣстія, и въ этомъ отношеніи выполняла свое дѣло. Она помѣщала извѣстія политическія, заграничныя и отечественныя новости. Редакторъ, г. Гречъ, довелъ ее до строгой исправности: она всегда выходила въ положенное время; но въ литературномъ смыслѣ она не имѣла никакого опредѣленнаго тона и не выказывала никакой сильной руки, двигавшей ея мнѣнія. Она была какая-то корзина, въ которую сбрасывалъ всякій все, что ему хотѣлось. Разборы книгъ, всегда почти благосклонные, писались пріятелями, а иногда самими авторами. Въ «Сѣверной Пчелѣ» пробовали остроту пера разные незнакомые, скрывавшіеся подъ разными буквами, безъ сомнѣнія люди молодые, потому что въ статьяхъ выказывалось довольно удальства.

Они нападали развѣ на самаго уже беззащитнаго и круглаго сироту. Насчетъ неопрятныхъ изданій являлись остроумныя колкости, нѣсколько похожія одна на другую. Сущность рецензій состояла въ томъ, чтобъ расхвалить книгу и при концѣ сложить съ себя грѣхъ такою оговоркою: «впрочемъ желательно, чтобы почтенный авторъ исправилъ небольшія погрѣшности относительно языка и слога» или: «хорошая книга требуетъ хорошаго изданія», и тому подобное, зачто авторъ разбираемой книги иногда обижался и жаловался на пристрастіе рецензента. Книги часто были разбираемы тѣми же самыми рецензентами, которые писали извѣстія о новыхъ табачныхъ фабрикахъ, открывшихся въ столицѣ, о помадѣ и пр. Впрочемъ, отъ «Сѣверной Пчелы» больше требовать было нечего: она была всегда исправная ежедневная афиша; ея дѣло было пригласить публику, а судить она предоставляла самой публикѣ» (стр. 202—204)... Для полноты вѣрной характеристики «Сѣверной Пчелы», мы должны прибавить, что ея участіе въ литературѣ болѣе и болѣе принимаетъ характеръ статистическій, особенно въ концѣ стараго и началѣ новаго года: она судитъ исключительно только о числѣ подписчиковъ на журналы, о цѣнахъ журналовъ, о томъ, шибко ли идетъ книга, или залежалась... Что же касается до политическихъ извѣстій — это самая неинтересная часть «Сѣверной Пчелы», потому что политическія извѣстія всегда новѣе, свѣжѣе, полнѣе и интереснѣе въ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ» и «Русскомъ Инвалидѣ», которые, постоянно, днемъ или двумя днями раньше «Сѣверной Пчелы» сообщаютъ политическія новости, такъ что «Сѣверной Пчелѣ» остается лишь весьма легкій и пріятный трудъ—перепечатывать эти новости въ столбцы свои... Кстати: есть поводъ надѣяться, что въ нынѣшнемъ году «Русскій Инвалидъ» значительно разширитъ свои предѣлы и дастъ обширное мѣсто статьямъ литературнымъ, фельетону, библіографіи; самый форматъ его увеличится,

можетъ-быть въ первую, можетъ-быть во вторую половину года.

«Литературная Газета» была вѣрна своей литературной политикѣ: объ этомъ знаетъ «Сѣверная Пчела», т. е. ея ученые издатели и добросовѣстные даровитые сотрудники. Особенно замѣчательны были въ прошломъ году фельетонные разборы «Литературной Газеты» оперъ «Аскольдовой Могилы» и «Тоски по Родинѣ», нѣкоторыя рецензіи и другія газетныя статьи; съ нынѣшняго года «Литературная Газета» значительно усилитъ свой интересъ для публики, болѣе держась чисто газетной сферы; выходя же въ недѣлю только одинъ разъ, не листкомъ, а тетрадью, она, нисколько не теряя въ свѣжести извѣстій, пріобрѣтаетъ возможность представлять своимъ читателямъ довольно большія повѣсти, разсказы, даже водевили и небольшія драмы.

Теперь сдѣлаемъ краткое обозрѣніе всего, сколько-нибудь примѣчательнаго, что̀ появилось, въ продолженіи прошлаго года, по части изящной литературы, какъ оригинальнаго, такъ и переводнаго, какъ отдѣльно изданнаго, такъ и помѣщеннаго въ періодическихъ изданіяхъ. Разумѣется, здѣсь первое мѣсто занимаютъ три тома посмертныхъ сочиненій Пушкина, между которыми много такихъ, которыя публика прочла въ первый разъ. Въ этихъ же трехъ томахъ помѣщено нѣсколько стихотвореній, пропущенныхъ въ первыхъ восьми томахъ, и нѣсколько собранныхъ, по смерти Пушкина, журналами, преимущественно «Отечественными Записками». Особенной благодарности издатели заслуживаютъ за помѣщеніе лицейскихъ стихотвореній Пушкина: это важный фактъ для русской литературы и исторіи развитія поэтической дѣятельности Пушкина. Иные говорятъ, что не должно было печатать того, чего не хотѣлъ печатать самъ Пушкинъ при жизни своей:—странное мнѣніе! Пушкинъ не могъ и не долженъ былъ печатать всего: не его дѣло было выставлять себя геніемъ и великимъ человѣкомъ, котораго

каждая строка интересна и важна для современниковъ и потомства; это было дѣло другихъ, когда смерть измѣнила отношенія поэта къ публикѣ и публики къ поэту, а это дѣло выполнили издатели его сочиненій. Небольшое число стихотвореній, не вошедшее въ послѣдніе три тома, и семь пропущенныхъ прозаическихъ статей издатели хотятъ собрать въ особой книжкѣ и безденежно выдать купившимъ три послѣдніе тома сочиненій Пушкина.—Въ «Отечественныхъ Запискахъ» было напечатано девять стихотвореній Лермонтова: «Есть рѣчи». «Завѣщаніе», «Оправданіе», «Родина», «Послѣднее Новоселье», «Кинжалъ», «Плѣнный Рыцарь», «Парусъ» и «Желанье»; одно («Споръ») помѣщено въ «Москвитянинѣ», два во второмъ томѣ «Русской Бесѣды». Въ «Отечественныхъ Запискахъ» напечатано нѣсколько піесъ Кольцова, изъ которыхъ «Что ты спишь, мужичекъ», «Разсчетъ съ жизнію», «Много есть у меня» и въ особенности «Ночь» принадлежатъ къ капитальнымъ произведеніямъ русской поэзіи. Какъ жаль, что стихотворенія Кольцова (разумѣется, строго избранныя) до сихъ поръ не изданы! Поэтическое дарованіе Кольцова признано всѣми безусловно; многіе изъ талантливыхъ нашихъ музыкантовъ кладутъ его пѣсни на музыку; и такъ, его читаютъ и поютъ, его хвалятъ, но не многіе знаютъ степень и важность его дарованія, какъ капитальнаго, а не временнаго, которое занимаетъ современность и умираетъ вмѣстѣ съ лицомъ... Кольцовъ принадлежитъ къ числу такихъ художниковъ, которые не могутъ претендовать на всеобъемлемость и многосторонность выражаемой ихъ творчествомъ жизни, но которые, избравъ себѣ одну сторону жизни, изчерпываютъ ее глубоко и мощно, какъ, напримѣръ, Орасъ Верне въ изображеніи военныхъ сценъ. Еслибы стихотворенія Кольцова были изданы—въ этомъ всѣ убѣдились бы и скоро и единодушно. Теперь же нѣтъ общаго впечатлѣнія въ пользу его поэзіи, потому что какъ можно тре-

бовать, чтобъ каждый помнилъ, гдѣ и когда было помѣщено то или другое стихотвореніе?—Вѣроятно, читатели «Отечественныхъ Записокъ» обратили вниманіе на стихотворенія г. Огарева, отличающіяся особенною внутреннею меланхолическою музыкальностію; всѣ эти піесы почерпнуты изъ столь глубокаго, хотя и тихаго чувства, что часто, не обнаруживая въ себѣ прямой и опредѣленной мысли, онѣ погружаютъ душу именно въ невыразимое ощущеніе того чувства, котораго сами онѣ только какъ бы невольные отзывы, выброшенные переполнившимся волненіемъ. Прошлый годъ былъ ознаменованъ появленіемъ новаго дарованія, подающаго въ будущемъ большія надежды: мы говоримъ о г. Майковѣ, котораго стихотворенія являлись, впрочемъ, рѣдко означенныя полнымъ именемъ автора, въ «Библіотекѣ для Чтенія».—Изъ напечатанныхъ въ этомъ журналѣ особенно замѣчательны «Пустынникъ», «Сомнѣніе» (№ 2); въ «Отечественныхъ Запискахъ» «Вакханка» и «Искусство» (№№ 10 и 11). Лучшія стихотворенія г. Майкова—въ антологическомъ родѣ. Въ нихъ столько эллинскаго и пластическаго въ содержаніи и формѣ, столько полноты и жизни, что нельзя въ авторѣ не признать положительно поэтическаго таланта. Конечно, не всѣ его стихотворенія равнаго достоинства; есть между ними и не совсѣмъ удачныя; но за то, иныя не оставляютъ ничего желать; лучшее изъ нихъ «Сонъ», напечатанный въ «Одесскомъ Альманахѣ» на 1840 годъ и цитованное въ статьѣ «Отечественныхъ Записокъ» о «Римскихъ Элегіяхъ Гёте». Стихотворенія г. Майкова не-антологическія, большею частію отличаются прекрасными стихами и поэтическими частностями, но ихъ содержаніе почти всегда неопредѣленно и отзывается какою-то юношескою незрѣлостію. Въ нынѣшнемъ году, г. Майковъ издаетъ свои стихотворенія; мы поговоримъ о нихъ, когда они выйдутъ въ свѣтъ. — Въ прошломъ году вышла первая часть стихотвореній графини Растопчиной, уже

извѣстныхъ публикѣ и оцѣненныхъ ею по достоинству. Стихотворенія Козлова, напечатаны третьимъ изданіемъ. «Поэтическіе Опыты» Елизаветы Кульманъ вышли вторымъ изданіемъ. Третье изданіе «Сказаній Русскаго Народа» и первая часть русскихъ народныхъ сказокъ, изданныхъ г. Сахаровымъ, дополняютъ собою общій итогъ прошлогодней поэзіи. Изъ капитальныхъ произведеній русской поэзіи, появились вторымъ изданіемъ: «Ревизоръ» (съ новыми сценами и письмомъ автора о первомъ представленіи его комедіи) и «Герой Нашего Времени». Новаго по части романа и драмы ничего не являлось. Впрочемъ, къ романамъ сколько-нибудь замѣчательнымъ принадлежатъ: «Эвелина де Вальероль», помѣщенный въ десяти книжкахъ «Библіотеки для Чтенія», да «Византійскія Легенды» и вышедшій вторымъ изданіемъ «Аббаддонна». «Эвелина де Вальероль» г. Кукольника читается легко и весело, потому что въ ней много внѣшняго интереса, бездна эффектовъ, толпа лицъ, изъ которыхъ лицо Гаръ-Піопа даже похоже на характеръ. Героя въ романѣ нѣтъ ни одного, а героевъ много; видѣнъ умъ и изученіе, но мало фантазіи. Однимъ словомъ, «Эвелина де Вальероль» примѣчательный tour de force таланта, который не такъ слабъ, чтобъ ограничиваться бездѣлками, доставляющими фельетонную извѣстность, и не такъ силенъ, чтобъ создать что-нибудь выходящее за черту посредственности. Сколько ни написалъ г. Кукольникъ драмъ, и русскихъ и итальянскихъ, всѣ опѣ ничто иное, какъ «этюды», которые могутъ имѣть свои относительныя достоинства, но которые читать очень скучно. Повѣстями наша литература была гораздо богаче. Лучшая повѣсть прошлаго года, безъ всякаго сомнѣнія — «Аптекарша» графа В. А. Соллогуба, напечатанная во второмъ томѣ «Русской Бесѣды». И немудрено: графъ Соллогубъ—писатель съ замѣчательнымъ дарованіемъ, а «Аптекарша» рѣшительно выше всего, что онъ написалъ. Давно уже мы не читали по-русски ничего

столь прекраснаго по глубоко гуманному содержанію, тонкому чувству такта, по мастерству формы, простирающемуся до какой-то художественной полноты. Это третье прекрасное произведеніе графа Соллогуба, послѣ «Исторіи двухъ Калошъ» и отрывка изъ «Тарантаса», и мы видимъ особенное доказательство таланта автора въ большей зрѣлости его, которая такъ очевидна въ послѣднемъ его произведеніи. Содержаніе «Аптекарши» очень просто, такъ что для людей безъ эстетическаго чувства она можетъ показаться повѣстью, лишенною высокаго содержанія, простымъ разсказомъ о простомъ случаѣ; но въ этомъ-то все и достоинство ея. Прочитавъ повѣсть, вы чувствуете, что внутри ея совершалась трагедія, тогда какъ снаружи все было спокойно. Курляндскій юноша, баронъ Фиренгеймъ,— «природа котораго была благородная, часто возвышенная, но всегда нравственно-аристократическая», какъ выражается авторъ,—живя въ Дерптѣ, на квартирѣ профессора, заинтересовался слегка его хорошенькою дочкою, которая, съ своей стороны, глубоко полюбила его. Превосходно изображена авторомъ борьба въ душѣ барона между пріятнымъ впечатлѣніемъ, которое производила на него милая дѣвушка, и оскорбительнымъ впечатлѣніемъ, которое производила на него проза окружающей ее дѣйствительности. Это понятно: розовое личико пятнадцати-лѣтней дѣвочки, съ большими темносиними глазами, длинными шелковистыми рѣсницами, дѣтской, задумчивой головкой—не совсѣмъ вяжется съ кухонными хлопотами, сальными свѣчами и изношеннымъ салономъ. Только навсегда уѣзжая изъ Дерпта, баронъ понялъ, какъ любила его бѣдная Шарлотта. Долго не видались они. Баронъ началъ хлопотать о служебной карьерѣ и, говоря словами самаго автора — «Аннѣ съ короной онъ кланялся съ развязной улыбкой, а Андрею Первозванному съ чувствомъ глубокаго почтенія»... Потомъ онъ встрѣчаетъ ее въ дрянномъ уѣздномъ городишкѣ, же-

ною бѣднаго Нѣмца-аптекаря, старается соблазнить ее; но ему не удается и, пристыженный благородствомъ аптекаря, безкорыстною любовію его и чистымъ уваженіемъ къ женѣ, уѣзжаетъ изъ городка. Пріѣхавъ опять, черезъ годъ времени, въ городишко, онъ узнаетъ, что Шарлотта умерла отъ чахотки... Не знаемъ, долго ли онъ грустилъ, или скоро ли опять утѣшился: знаемъ только, что повѣсть графа Соллогуба оставляетъ въ душѣ глубоко-грустное впечатлѣніе. О разсказѣ нечего и говорить: это само мастерство; характеры всѣ до одного прекрасно очерчены, вѣрно выдержаны. Герой — одно изъ тѣхъ типическихъ и часто встрѣчающихся лицъ, которымъ природа не отказала въ чувствѣ и способности понимать многое, но которыхъ она, въ то же время, надѣлила большимъ избыткомъ ничтожности и пустоты въ характерѣ. Отецъ Шарлотты — типъ нѣмецкаго гелерта, и какъ хорошъ онъ, когда выкатываетъ студентской ватагѣ весь скудный свой погребъ и съ сверкающими отъ восторга глазами смотритъ на ихъ ученый разгулъ, или когда онъ отъ души восхищается мастерскою раною, отъ которой могъ умереть его любимецъ. Но въ повѣсти есть еще лицо, о которомъ мы не говорили: это уѣздный франтъ, въ венгеркѣ съ кистями — лицо въ высшей степени типическое, мастерски очерченное...

Г. Панаевъ напечаталъ въ прошломъ году двѣ повѣсти: «Опагръ» (Отеч. Зап. № 5) и «Барыня» (въ первомъ томѣ «Русской Бесѣды»), принадлежащія къ замѣчательнѣйшимъ явленіямъ прошлогодней литературы. «Барыня» особенно хороша: въ ней столько характеристическаго, вѣрнаго, ловко и цѣпко схваченнаго. Впрочемъ, каждая новая повѣсть г. Панаева бываетъ лучше предшествовавшей, въ чемъ читатели наши особенно могутъ убѣдиться по «Актеону». Это добрый знакъ: развитіе и движеніе впередъ есть несомнѣнное доказательство истиннаго дарованія...

Въ «Отечественныхъ Запискахъ» обратили на себя внима-

піе избраннѣйшей части публики двѣ повѣсти А. Н. (псевдонимъ): «Звѣзда» (№ 3) и «Цвѣтокъ» (№ 9). Онѣ отличаются особеннымъ, самостоятельнымъ характеромъ, и обнаруживаютъ въ авторѣ даръ творчества, который, при условіи развитія, можетъ обѣщать много въ будущемъ. «Звѣзда» особенно хороша по какому-то грустному и зловѣщему колориту, разлитому по фону картины. Къ особенностямъ обѣихъ повѣстей принадлежитъ какая-то вкрадчивая, завлекающая вниманіе читателя вѣрность въ малѣйшихъ подробностяхъ изображаемой дѣйствительности, и необыкновенное умѣніе завязать цѣлую драму на самыхъ, повидимому, обыкновенныхъ, вседневныхъ случайностяхъ. Разсказъ столько же простой, сколько увлекающій и поэтическій. А. Н. написалъ уже не одну прекрасную повѣсть; въ «Телескопѣ» 1836 года были напечатаны его «Катенька Пылаева» и «Антонина», въ «Московскомъ Наблюдателѣ» 1838 и 1839 гг.— «Одинъ сутки изъ жизни холостяка» и «Флейта»; въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1840 — «Недоумѣніе». Общій недостатокъ почти всѣхъ его повѣстей состоитъ въ томъ, что женскіе характеры изображаются въ нихъ типически, искусно, вѣрно, а мужскіе большею частію блѣдно и безцвѣтно.

Въ «Библіотекѣ для Чтенія» была только одна оригинальная повѣсть; но за то прекрасная; мы говоримъ о «Теофаніи Аббіаджіо» (№№ 1 и 2), г-жи Ганъ, обыкновенно подписывающейся Зенеидою Р-вою. Г-жа Ганъ принадлежитъ къ примѣчательнѣйшимъ талантамъ современной литературы. Въ ея повѣстяхъ замѣтенъ недостатокъ такта дѣйствительности, умѣнія схватывать и изображать съ ощутительною точностію и опредѣленностію самыя обыкновенныя явленія ежедневности. Но этотъ недостатокъ вознаграждается внутреннимъ содержаніемъ, присутствіемъ живыхъ, общественныхъ интересовъ, идеальнымъ взглядомъ на достоинство жизни, человѣка и женщины въ особенности,

полнотою чувства, электрически сообщающагося душѣ читателя. Поэтому, часто въ повѣстяхъ г-жи Ганъ внѣшнее содержаніе, завязка и развязка бываютъ не совсѣмъ правдоподобны и естественны, какъ, напримѣръ, въ повѣсти «Идеалъ», гдѣ женщина, одаренная глубокимъ чувствомъ, увлекается поэтомъ, который оказывается негодяемъ, и потомъ удивляется, какъ можно быть такимъ «небеснымъ» въ своихъ сочиненіяхъ и «земнымъ» въ своей жизни: тутъ что-нибудь да не такъ—или героиня повѣсти не довольно имѣла эстетическаго такта, чтобъ не очароваться пустыми фразами, или поэтъ не былъ негодяй. Очевидно, что сюжетъ для г-жи Ганъ имѣетъ значеніе оперпаго либретто, на которое она потомъ пишетъ музыку своихъ ощущеній и мыслей. И въ самомъ дѣлѣ, эти ощущенія у ней иногда возвышаются до паѳоса. «Теофанія Аббіаджіо» — лучшая изъ повѣстей г-жи Ганъ...

Г. Кукольникъ въ прошломъ году написалъ много повѣстей, о которыхъ нельзя судить вѣрно, не раздѣливъ ихъ на три разряда: на повѣсти, содержаніе которыхъ взято изъ русской жизни временъ Петра Великаго; на повѣсти которыхъ содержаніе заимствовано изъ другихъ эпохъ русской жизни, и, наконецъ, на повѣсти, которыхъ содержаніемъ служитъ жизнь чуждыхъ намъ странъ, особенно Италіи. Первыя всѣ очень интересны; вторыя—посредственны; третьи — изъ рукъ вонъ плохи... И потому поговоримъ о первыхъ. Это собственно не повѣсти, а разсказы о старинѣ, въ основаніе которыхъ г. Кукольникъ всегда беретъ какой-нибудь извѣстный историческій анекдотъ. Но надо знать, что онъ умѣетъ сдѣлать изъ этого анекдота, съ какимъ искусствомъ онъ разскажетъ его, свяжетъ частный бытъ съ исторіею, а исторію съ частнымъ бытомъ; сколько у него тутъ комическаго, а иногда и истинно высокаго, особенно въ тѣхъ сценахъ, гдѣ является у него Петръ Великій; сколько оригинальныхъ характеровъ и какая яркая

картина борьбы нововведеній съ старинною дикостію нравовъ! Не думайте, чтобъ г. Кукольникъ дѣлалъ изъ приверженцевъ старины каррикатуры и чудища: нѣтъ, это иногда вѣрные слуги великаго царя, люди честные и благородные; но не думайте, чтобъ г. Кукольникъ изображалъ ихъ на манеръ героевъ нашихъ патріотическихъ драмъ, т. е. людьми, которые говорятъ нравственными сентенціями и дѣйствуютъ какъ машины: нѣтъ, это лица дѣйствительныя, исполненныя комизма, и, въ то же время, трогающія своимъ благородствомъ въ грубыхъ формахъ. Таковъ, напримѣръ, Иванъ Михайловичъ, олонецкій прокуроръ... Жаль, что г. Кукольникъ не издастъ своихъ разсказовъ отдѣльно: ихъ не мало, и книжка вышла бы препитересная. Вотъ перечень этихъ разсказовъ: «Новый Годъ» и «Авдотья Петровна Лихончиха», «Прокуроръ». «Сказаніе о синемъ и зеленомъ сукнѣ», «Иванъ Ивановичъ»—лучшая въ этомъ родѣ повѣсть г. Кукольника, занимающая собою первый выпускъ «Сказки за Сказкою». Кстати, замѣтимъ, что и «Капустинъ», помѣщенный въ «Утренней Зарѣ« на нынѣшній годъ, принадлежитъ къ числу такихъ же разсказовъ г. Кукольника.

Но мы заговорились, — и потому спѣшимъ, въ общемъ перечнѣ, поименовать другія, заслуживающія большаго или меньшаго вниманія повѣсти, разсѣянныя въ періодическихъ изданіяхъ. «Еще изъ записокъ одного молодаго человѣка» Искандера (Отеч. Зап. № 8); первый отрывокъ изъ этихъ записокъ, полныхъ ума, чувства, оригинальности и остроумія, и заинтересовавшихъ общее вниманіе, былъ помѣщенъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1840 года (№ 12); о второмъ можно сказать, что онъ еще лучше перваго; «Куликъ», повѣсть г. Гребенки; въ «Утренней Зарѣ» на 1841, и его же «Записки Студента» въ «Отечественныхъ Запискахъ» (№ 2); «Южный Берегъ Финляндіи» повѣсть князи Одоевскаго, въ «Утренней Зарѣ»; «Левъ», разсказъ

графа Соллогуба, въ «Отечественныхъ Запискахъ» (№ 4); «Институтка», романъ въ письмахъ, С. А. Закревской — новой талантливой писательницы, вышедшей на литературное поприще (Отеч. Зап. № 12); «Мичманъ Поцѣлуевъ» В. И. Даля, во второмъ томѣ «Русской Бесѣды». — Баронъ Брамбеусъ, въ послѣдней книжкѣ «Библіотеки для чтенія» вдругъ разразился послѣ долгаго молчанія, началомъ большой повѣсти «Идеальная Красавица, или Дѣва чудная». Въ этомъ началѣ нѣтъ никакого содержанія, а есть одни разсужденія о томъ, о семъ, а чаще ни о чемъ, разсужденія, мѣстами умныя, но большею частію скучныя, прескучныя...

Отдѣльно вышли уже извѣстныя публикѣ повѣсти графа Соллогуба, подъ названіемъ «На Сонъ Грядущій» — заглавіе, совершенно не соотвѣтствующее эфекту интереснаго сборника...

Теперь — о переводахъ. Можно сказать утвердительно, что у насъ въ настоящее время больше всего переводятъ Шекспира, хоть и нельзя сказать, чтобъ его больше всего читали. Здѣсь первое мѣсто должно занимать смѣлое и благородное предпріятіе г. Кетчера — перевести прозою всего Шекспира. Г. Кетчеръ напечаталъ пять піесъ, другія послѣдуютъ безостановочно. Журналы уже отдали полную справедливость важности предпріятія г. Кетчера и достоинству его перевода; а возможность продолжать предпріятіе, доказываетъ, что на Руси есть люди, которые читаютъ не однѣ сказки и умѣютъ понимать не однѣ «репертуарныя» піесы... Въ 7 № «Отечественныхъ Записокъ» помѣщенъ превосходный переводъ «Двѣнадцатой ночи» г. Кронеберга; въ «Пантеонѣ Русскаго и всѣхъ Европейскихъ Театровъ» — замѣчательный по своему поэтическому достоинству переводъ г. Каткова «Ромео и Юліи», въ «Библіотекѣ для Чтенія» — «Сонъ въ Ивановскую Ночь», какъ-то странно переведенный; въ «Репертуарѣ Русскаго Театра» — «Коріоланъ» — въ четырехъ (?) дѣйствіяхъ, прозою (№ 4) и,

«Отелло», переведенный весьма посредственно и вяло, стихами (№ 9). Лучшіе переводные романы тоже въ журналахъ: «Витторія Аккоромбона» Лудвига Тика, въ «Отечественныхъ Запискахъ» (№№ 3 и 4); экстрактъ изъ того же романа въ «Библіотекѣ для Чтенія» (№ 5); «Оливеръ Твистъ», романъ Диккенса въ «Отечественныхъ Запискахъ» (№№ 9 и 10); «Олленъ Камеронъ» въ «Библіотекѣ для Чтенія» (№№ 8, 9 и 20). Этотъ романъ приписывается Вальтеръ Скотту. Герой его—Карлъ II, представленный здѣсь совершенно наоборотъ тому, какъ представленъ онъ въ романѣ Вальтеръ Скотта «Вудстокъ». Впрочемъ, романъ, чей бы онъ ни былъ, читается легко и съ удовольствіемъ. Отдѣльно вышедшіе переводы: напечатанный въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1840 года переводъ превосходнаго романа Купера «Путеводитель въ Пустынѣ, или Озеро-Море; прекрасный переводъ съ подлинника, стихами, поэмы Тегнера «Фритіофъ» г. Грота, это былъ истинный подарокъ русской литературѣ; переводъ «Клавиго» драмы Гёте, г. Струговщикова.

Вотъ вся наша изящная и беллетрическая литература: мы не пропустили ничего сколько-нибудь примѣчательнаго, и забыли только о вещахъ, которыя не стоятъ того, чтобъ ихъ помнить... Самое утѣшительное и отрадное явленіе послѣдняго времени есть, безъ сомнѣнія, движеніе въ ученой и учебной литературѣ Россіи. Вотъ перечень всего примѣчательнаго по этой части. «Описаніе Финляндской войны 1808 и 1809 годовъ» Михайловскаго-Данилевскаго; «О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича» современное сочиненіе Григорія Кошихина; «Энциклопедія Законовѣденія» профессора Неволина; «Основанія Уголовнаго Судопроизводства» профессора Баршева; «Уральскій Хребетъ въ физическо-географическомъ, геогностическомъ и минералогическомъ отношеніяхъ» профессора Щуровскаго; «Китай, его жители, нравы и проч.» отца Іакинфа: «Картинная

Галлерея», изданная А. Плюшаромъ; «Путешествіе по Сѣвернымъ Берегамъ Сибири и по Ледовитому Морю» и прибавленіе къ этому путешествію, фонъ-Врангеля; «О большихъ военныхъ дѣйствіяхъ» генерала Окунева; «Лекціи Статистики» Рославскаго; «Исторія смутнаго времени въ Россіи въ началѣ XVIII вѣка» (вторая часть) Бутурлина; «Руководство къ Познанію Средней Исторіи» Смарагдова; «Древняя Исторія» профессора Лоренца; первый томъ ученаго альманаха «Юридическія Записки», издаваемаго профессоромъ Рѣдкинымъ.

Всѣхъ книгъ на русскомъ языкѣ, кромѣ періодическихъ изданій, брошюръ и отдѣльно отпечатанныхъ журнальныхъ статей, вышло въ прошломъ году около четырехъ сотъ; изъ нихъ по части изящной литературы, оригинальныхъ и переводныхъ новыхъ и вновь изданныхъ, выше насчитали мы всего шестнадцать; все остальное въ журналахъ;— ученыхъ сочиненій тоже шестнадцать; и тогда всего тридцать двѣ... Что же такое остальныя 368 книгъ?—«Цынъ-Кіу-Тонгъ», романъ г. Зотова; «Деньги» комическая поэма; «Разгулье купеческихъ сыновъ»; «Мечтатель», романъ г. Воскресенскаго; «Веселый порошокъ», Васильева; «Дочь разбойника»; «Сорокъ лѣтъ пьяной жизни»; «Жизнь Вильяма Шекспира», соч. г. Славина; «Козелъ бунтовщикъ»; «Гулянье подъ Новинскимъ» и проч. и проч. Право тутъ спросишь невольно: «Да гдѣ жь онѣ?—давайте ихъ!...»

Повѣрь мнѣ: судьбою несть
Даны намъ тяжкія вериги.
Скажите, каково прочесть
Весь этотъ вздоръ, всѣ эти книги.
И все, зачѣмъ?—чтобъ вамъ сказать,
Что ихъ не надобно читать?...

Однакоже есть и своя утѣшительная сторона въ прозаическомъ и повѣствовательномъ направленіи нашей литературы: значитъ, оно сближается съ обществомъ, съ дѣй-

ствительностію, хочетъ быть сознаніемъ общества, его выраженіемъ. Замѣтьте, что теперь безъ хорошихъ оригинальныхъ повѣстей журналъ погибъ въ понятіи публики, которая хочетъ видѣть себя, свою дѣйствительность въ литературѣ, и потому холоднѣе принимаетъ произведенія, въ которыхъ изображается чуждый ей міръ. Стихотворенія теперь читаются меньше, и потому общее вниманіе могутъ обращать на себя только замѣчательные таланты: это тоже добрый знакъ! Вообще, много хорошихъ элементовъ, много добрыхъ признаковъ; только все это какъ-то нерѣшительно, безцвѣтно, въ какомъ-то хаосѣ. На аренѣ литературы еще слышны старые голоса, поющіе старые пѣсни и имѣющіе своихъ слушателей: вмѣстѣ съ новыми голосами, они образуютъ довольно нескладный и дикій концертъ. Особенно любопытное зрѣлище представляетъ наша ученая литература: съ одной стороны, нѣкоторые журналы вопіютъ противъ просвѣщенія и Европы, съ другой выходятъ книги Неволина, Баршева, Рѣдкина, Лоренца...

Мы видимъ, что русская земля богата талантами: какова бы ни была наша литература, но она—огромное явленіе для какихъ-нибудь ста лѣтъ; въ ней есть имена, озаренныя ореоломъ генія, въ ней есть яркіе таланты; но первыя не стали вровень съ самими собою; а вторые часто, обнаруживъ много силъ, мало сдѣлали. Съ другой стороны, въ публикѣ, безъ которой никогда не можетъ быть истинной, дѣйствительной литературы,—въ публикѣ господствуетъ хаосъ мнѣній, пестрота вкуса; способность обольщаться возгласами спекулянтовъ и ничтожными явленіями. Какая всему этому причина?—Отвѣчать не трудно: съ одной стороны, недостатокъ внутреннихъ интересовъ въ обществѣ, съ другой—недостатокъ солиднаго, прочнаго, основаннаго на наукѣ образованія. Посмотрите, что иногда проповѣдуютъ наши журналы: если повѣрить имъ, то нужно только выучиться грамотѣ, чтобъ все понимать и обо всемъ судить,

особенно о поэзіи. Удивительно ли послѣ этого, что у насъ всякій судитъ легко и важно о Шекспирѣ, котораго онъ не читалъ даже въ переводахъ, а видѣлъ только на русской сценѣ,—о Байронѣ, Гете, Шиллерѣ, даже Гомерѣ. У насъ какъ будто никто и не понимаетъ, что безъ ученія глубокаго и напряженнаго, безъ наукообразнаго развитія эстетическаго чувства нельзя понимать поэзіи; что непосредственное чувство безъ размышленія и вниканія ни къ чему не ведетъ, кромѣ личныхъ предубѣжденій въ пользу или не въ пользу того или другаго поэта, того или другаго поэтическаго произведенія. Какъ у насъ читаютъ? Взялъ драму Шекспира—прочелъ, зѣвая, десятокъ страницъ,—не нравится,—и бросилъ; но это бы еще ничего, а худо то, что вотъ уже готово и мнѣніе въ родѣ слѣдующаго: «эта драма плоха, слѣдственно, о Шекспирѣ у насъ только кричатъ, а толку то въ немъ мало». Конечно, нѣтъ ничего легче и даже пріятнѣе, какъ оправдать свою ограниченность, невѣжество и необразованность тѣмъ, что Шекспиръ никуда не годится... У насъ хотятъ читать только глазами, а не умомъ; чтеніе, требующее усилія мыслительной способности, почитается пустымъ, губящимъ золотое время занятіемъ. У насъ играютъ въ поэзію, въ литературу и науку, какъ въ мячикъ. У насъ думаютъ, что и философія можетъ быть такимъ же легкимъ и пріятнымъ препровожденіемъ времени, какъ чтеніе газетнаго фельетона: прочелъ и понялъ все, а не понялъ—темно и глупо написано... Богъ судья людямъ, разсѣевающимъ въ обществѣ такія невѣжественныя понятія!... Посмотрите, что и какъ у насъ пишутъ о Гегелѣ люди, неимѣющіе о немъ никакого понятія... Переведутъ глупую, невѣжественную статью какого-нибудь презираемаго въ Германіи за свое невѣжество и недобросовѣстность мистика, и рѣшатъ, что Гегель чудовище! А добродушная безграмотность, видя въ восхищеніи, что ей тутъ все по плечу, все понятно, восклицаетъ: «вонъ каковъ этотъ

Гегель, а у насъ его прославляютъ!»... Причитавшись къ такимъ мнѣніямъ, прислушавшись къ такимъ толкамъ, всякій порядочный человѣкъ позволяетъ себѣ не знать, что пишется въ нашихъ журналахъ и книгахъ,—что дѣлается въ нашей литературѣ...

Вся надежда на будущее. Наука у насъ видимо принимается; публичное образованіе развивается на твердыхъ началахъ, и незамѣтно, невидимо подростаетъ новая публика, съ просвѣщеннымъ мнѣніемъ, съ образованнымъ вкусомъ, съ разумными требованіями. Что тогда будутъ дѣлать многіе наши «заслуженные и опытные литераторы», когда эта вдругъ выросшая публика скажетъ имъ: «подите прочь съ своими смѣшными притязаніями; я не знаю васъ!» — Да мы написали... мы издали... наши сочиненія разошлись... наши книги шли бойко... — «Да гдѣ жь онѣ? — Давайте ихъ!»...

СТИХОТВОРЕНІЯ АПОЛЛОНА МАЙКОВА. *Санктпетербургъ 1841.*

Даровита земля русская: почва ея не оскудѣваетъ талантами... Лишь только ожесточенное тяжкими утратами, или оскорбленное несбывшимися надеждами сердце ваше готово увлечься порывомъ отчаянія,—какъ вдругъ новое явленіе привлекаетъ къ себѣ ваше вниманіе, возбуждаетъ въ васъ робкую и трепетную надежду... Замѣнитъ ли оно то, утрата чего была для васъ утратою какъ-будто части вашего бытія, вашего сердца, вашего счастія—это другой вопросъ, и только будущее можетъ рѣшить его: настоящее можетъ лишь гадать о томъ на основаніи уже даннаго факта. И такой именно фактъ даетъ намъ изящно напечатанная книга, заглавіе которой стоитъ въ началѣ этой статьи. Отстраняя всѣ гаданія, которыя могутъ быть произвольны, или односторонни,

и предоставляя времени рѣшеніе вопроса о степени поэтическаго таланта г. Майкова,—мы скажемъ пока только, что многія изъ его стихотвореній обличаютъ дарованіе неподдѣльное, замѣчательное и нѣчто обѣщающее въ будущемъ. говоря такъ, мы думаемъ, что много сказали въ пользу молодаго поэта: можно быть человѣкомъ съ дарованіемъ и не обѣщать развитія; только сильныя дарованія въ первыхъ произведеніяхъ своихъ даютъ залогъ будущаго развитія... Явленіе подобнаго таланта особенно отрадно теперь, въ эту печальную эпоху литературы, оспротѣлой и покрытой трауромъ,—теперь, когда лишь изрѣдка слышится свѣжій голосъ искренняго чувства, болѣе или менѣе звучный отголосокъ внутренней думы; теперь, когда въ опустѣвшемъ храмѣ искусства, вмѣсто важныхъ и торжественныхъ жертвоприношеній жрецовъ, видны однѣ гримасы штукмейстеровъ, потѣшающихъ тупую чернь; вмѣсто гимновъ и молитвъ, слышны или непристойные вопли самолюбивой посредственности, или неприличныя клятвы торгашей и спекулянтовъ...

Наша литература, несмотря на свою молодость и незрѣлость, уже совершила нѣсколько фазовъ развитія, уже дала не одинъ фактъ для опытности ума мыслящаго и наблюдательнаго. Изъ числа ея великихъ дѣйствователей, пѣтъ почти ни одного, свободно и до конца развившаго свои творческія силы... Но сколько было у насъ талантовъ, такъ много обѣщавшихъ, и такъ мало выполнившихъ, такъ великими казавшихся еще недавно, и такъ незначительныхъ теперь!... И все то благо, все добро! Благодаря этому обстоятельству, теперь только развѣ низшіе слои публики, полуграмотная чернь, можетъ принимать за поэзію дикія, изысканныя и вычурныя фразы, и приходить въ неистовый восторгъ отъ тривіальнаго сравненія голубыхъ глазъ съ небомъ, а черныхъ—съ адомъ... Точно также, теперь только развѣ необразованная, не воспитанная посредственность рѣшится «призывать вдохновеніе на высь чела вѣнчаннаго

звѣздой»; выдумать «грудь, которая высоко взметалась безпредметною любовью», или отпускать другія подобныя стихотворныя вычуры. А прежде—и еще очень недавно, все это могло и даже должно было нравиться всѣмъ, за исключеніемъ только немногихъ избранныхъ поклонниковъ искусства. Честь и слава гг. Марлинскому, Языкову, Хомякову, Шевыреву и Бенедиктову! Они навсегда обратили русскую литературу къ благородной простотѣ, и навсегда избавили нашу публику отъ наклонности къ изысканной дичи въ мысляхъ и выраженіи! Ихъ образъ дѣйствованія, и усилія, для этой цѣли, были совершенно обратные и отрицательные; но за то результаты вышли теперь и прямые и положительные. Въ этомъ случаѣ, намъ мало нужды даже до намѣреній и мотивовъ: результатъ все выкупаетъ, хотя бы онъ былъ и совершенно неожиданъ для самихъ дѣйствователей... Здѣсь нельзя не упомянуть съ благодарностію имени г. Полеваго, который стремился къ той же цѣли, и притомъ еще двумя совершенно различными путями: безсознательно—философско-историческими статьями, критиками и повѣстями; и сознательно—превосходными пародіями на стихи нѣкоторыхъ дикихъ поэтовъ, которыя помѣщалъ онъ въ своемъ «Новомъ Живописцѣ Общества и Литературы»—этомъ лучшемъ произведеніи всей его литературной дѣятельности... Да, заслуги этихъ людей, вольныя и невольныя, сознательныя и безсознательныя, поставили, такъ сказать, на ноги нашу юную литературу и нашъ младенчествующій вкусъ. Это произвело важныя и благодѣтельныя слѣдствія. Маленькое дарованіе теперь не попадетъ въ геніи. Посредственность и бездарность можетъ теперь сколько ей угодно пѣть стихами и скрипѣть прозою, не подвергаясь опасности быть замѣченною со стороны публики: она теперь обращаетъ на себя вниманіе только журналовъ, и только въ тѣхъ, которые сродни ей, встрѣчаетъ себѣ похвалы. Чѣмъ труднѣе теперь обратить на себя

общее вниманіе, тѣмъ легче истинному таланту быть тотчасъ же замѣченнымъ. Въ прозѣ, еще до сихъ поръ, и маленькое дарованіе можетъ быть замѣчено; но стихами, которые не то, чтобъ худы, да и не то, чтобъ очень хороши, ужь невозможно пріобрѣсти ни малѣйшей извѣстности. Время рифмованныхъ побрякушекъ прошло невозвратно; ощущеньица и чувствованьица ставятся ни во что: на мѣсто того и другаго требуются глубокія чувства и идеи, выраженныя въ художественной формѣ, съ рифмами, или безъ рифмъ — все равно. Для успѣха въ поэзіи, теперь мало одного таланта — нужно еще и развитіе въ духѣ времени. Поэтъ уже не можетъ жить въ мечтательномъ мірѣ: онъ уже гражданинъ царства современной ему дѣйствительности; все прошедшее должно жить въ немъ. Общество хочетъ въ немъ видѣть уже не потѣшника, но представителя своей духовной, идеальной жизни; оракула, дающаго отвѣты на самые мудреные вопросы; врача, въ самомъ себѣ, прежде другихъ, открывающаго общія боли и скорби, и поэтическимъ воспроизведеніемъ исцѣляющаго ихъ...

Если такой взглядъ на важность поэзіи, высокое значеніе поэта не помѣшалъ намъ посвятить цѣлую критическую статью разбору первыхъ опытовъ г. Майкова, — значитъ, мы много видимъ въ дарованіи новаго поэта. Но это обстоятельство и требуетъ отъ насъ возможно-критической строгости, которую молодой поэтъ долженъ принять только за доказательство нашего уваженія къ его таланту.

Стихотворенія г. Майкова хоть и расположены безъ всякой системы, безъ всякаго раздѣленія, тѣмъ не менѣе они сами собою раздѣляются, въ глазахъ читателя, на два разряда, неимѣющіе между собою ничего общаго, кромѣ развѣ хорошаго стиха, почти вездѣ составляющаго неотъемлемую принадлежность музы молодаго поэта. Къ первому разряду должно отнести стихотворенія въ древнемъ духѣ и антологическомъ родѣ. Это перлъ поэзіи г. Майкова, торжество

таланта его, поводъ къ надеждѣ на будущее его развитіе. Второй разрядъ составляютъ стихотворенія, въ которыхъ авторъ думаетъ быть современнымъ поэтомъ, и которыхъ лучшая сторона — хорошій стихъ. Но объ этихъ послѣ; сперва поговоримъ о стихствореніяхъ перваго разряда.

Читателямъ «Отечественныхъ Записокъ» должно быть извѣстно наше понятіе о сущности и важности такъ называемой антологической поэзіи, и потому мы, не желая повторять себя, мы будемъ говорить только о поэзіи г. Майкова; тѣхъ же изъ читателей, которые не знаютъ нашего понятія объ антологической поэзіи, попросимъ заглянуть въ статью о «Римскихъ Элегіяхъ Гёте» (ч. IV, стр. 442). Теорія антологической поэзіи имѣетъ такое близкое отношеніе къ нѣкоторымъ изъ стихотвореній г. Майкова, что мы, въ помянутой статьѣ, (ч. IV, стр. 477), выписали, какъ превосходнѣйшій образецъ въ антологическомъ родѣ, его дивно-поэтическую, роскошно-художественную піесу «Сонъ» (Когда ложиться тѣнь прозрачными клубами), не зная кому она принадлежитъ, и написалъ ли авторъ ея еще что-нибудь. Эта піеса была напечатана первоначально въ «Одесскомъ Альманахѣ» на 1840 годъ,—и мы, при разборѣ этого «Альманаха», еще за долго до статьи о «Римскихъ Элегіяхъ», выписали въ нашемъ журналѣ, это стихотвореніе, скромно подписанное буквою *М.* И безъ подписи знаменитаго, или, по крайней мѣрѣ, знакомаго имени, оно поразило насъ до того, что мы перенесли его на страницы своего журнала при громкой похвалѣ, и потомъ, съ неослабѣвшимъ энтузіазмомъ, припомнили его черезъ четырнадцать мѣсяцевъ.

Это именно одно изъ тѣхъ произведеній искусства, которыхъ кроткая, цѣломудренная, замкнутая въ самой себѣ красота совершенно нѣма и незамѣтна для толпы, и тѣмъ болѣе краснорѣчива, ярко блистательна для посвященныхъ въ таинства изящнаго творчества. Какая мягкая, нѣжная

кисть, какой виртуозный рѣзецъ, обличающіе руку твердую и искушенною въ художествѣ! Какое поэтическое содержаніе, и какіе пластическіе, благоуханные, граціозные образы! Одного такого стихотворенія вполнѣ достаточно, чтобъ признать въ авторѣ замѣчательное, выходящее за черту обыкновенности, дарованіе. У самого Пушкина это стихотвореніе было бы изъ лучшихъ его антологическихъ піесъ. Въ немъ искусство является истиннымъ искусствомъ, гдѣ пластическая форма прозрачно дышетъ живой идеею.

Чтобъ опредѣлить значеніе и достоинство антологической поэзіи г. Майкова, мы должны указать на ея мотивы, найдти въ ней художническое profession de foi автора. Въ слѣдующихъ стихотвореніяхъ, мы находимъ все это, ясно и ярко выраженное.

Сомнѣніе.

Пусть говорятъ—поэзія мечта,
Горячки сердца бредъ ничтожный,
Что міръ ея есть міръ пустой и ложный,
И блѣдный вымыслъ—красота;
Пусть нѣтъ для мореходцевъ дальнихъ
Сиренъ опасныхъ, нѣтъ дріадъ
Въ лѣсахъ густыхъ, въ ручьяхъ кристальныхъ
Золотовласыхъ нѣтъ наядъ;
Пусть Зевсъ изъ длани не низводитъ
Разящій молніи потокъ,
И на ночь Геліосъ не сходитъ
Къ Ѳетидѣ въ пурпурный чертогъ:
Пусть такъ! но въ полдень листьевъ шопотъ
Такъ полонъ тайны; шумъ ручьи
Такъ сладкозвученъ; моря ропотъ
Глубокомысленъ; солнце дня
Съ такой любовію пріемлетъ
Пучина моря; лунный ликъ
Такъ сокровенъ,—что сердце внемлетъ
Во всемъ таинственный языкъ;

И ты невольно симъ явленьямъ
Даруешь жизни красоты,
И этимъ милымъ заблужденьямъ
И вѣришь и не вѣришь ты!

Остановимся на этомъ стихотвореніи, и взглянемъ на него прежде, чѣмъ перейдемъ къ другимъ. По содержанію — это превосходная піеса; но форма не вездѣ соотвѣтствуетъ своему содержанію, и изъ-за поэтическаго, полнаго жизни и опредѣленности языка, мѣстами слышится несвязный лепетъ неповинующейся слову мысли... Стихъ: «Что міръ ея есть міръ пустой и ложный», прозапченъ; «и блѣдный вымыслъ — красота»: неопредѣленъ и блѣденъ; выраженіе о Зевсѣ, «низводящемъ изъ длани потокъ разящей молніи» невѣрно и въ отношеніи къ языку, и въ отношеніи къ поэзіи; «Лучшій ликъ такъ сокровенъ» ничего не говоритъ ни уму, ни фантазіи читателя, по причинѣ неточности эпитета; «И ты невольно симъ явленьямъ даруешь жизни красоты» —выражено слабо и неопредѣленно. Послѣдніе два стиха въ піесѣ прекрасны; но не вполнѣ удовлетворительны по мысли: въ нихъ слишкомъ много сдѣлано уступки, вмѣсто которой читатель самою піесою настроенъ ожидать, что поэтъ опредѣлитъ и объяснитъ, почему неодушевленныя явленія природы производятъ на него впечатлѣнія живыхъ индивидуальныхъ существъ, и въ яркомъ образѣ, замыкающемъ стихотвореніе, примиритъ чисто поэтическое созерцаніе древнихъ съ нашимъ, на опытѣ и наукѣ основаннымъ, и все-таки поэтическимъ созерцаніемъ природы. Но тогда бы эта піеска была превосходнымъ произведеніемъ искусства: такъ много въ ней взмаху и отважнаго намѣренія, такъ много высказано стихами, которые мы оставили безъ замѣчаній. Но все это мы говоримъ мимоходомъ; главное въ этомъ стихотвореніи для насъ, по намѣренію нашей статьи, есть то, что исходный пунктъ поэзіи г. Майкова—природа съ ея живыми впечат-

лѣніями, такъ сильными, таинственными и обаятельными для юной души, еще неизвѣдавшей другой сферы жизни...

Октава.

Гармоніи стиха божественныя тайны
Не думай разгадать по книгамъ мудрецовъ:
У брега сонныхъ водъ, одинъ бродя случайно,
Прислушайся душой къ шептанью тростниковъ,
Дубравы говору; ихъ звукъ необычайный
Прочувствуй и пойми... Въ созвучіи стиховъ
Невольно съ устъ твоихъ размѣрныя октавы
Польются, звучныя, какъ музыка дубравы.

Искусство.

Срѣзалъ себѣ я тростникъ у прибережья шумнаго моря.
Нѣмъ, онъ забытый лежитъ въ моей хижинѣ бѣдной.
Разъ увидалъ его старецъ прохожій, къ ночлегу
Въ хижину къ намъ завернувшій. (Онъ былъ непонятенъ,
Чуденъ на нашей глухой сторонѣ). Онъ обрѣзалъ
Стволъ и отверстій надѣлалъ, къ устамъ приложилъ ихъ,—
И оживленный тростникъ вдругъ исполнился звукомъ
Чуднымъ, какимъ оживлялся порою у моря,
Если внезапно Зефиръ, зарябивъ его воды,
Трости коснется и звукомъ наполнитъ поморье.

Этихъ двухъ стихотвореній уже никакъ нельзя сравнить съ первымъ; все недосказанное или неопредѣленно высказанное въ немъ, явилось въ нихъ такъ полно, такъ опредѣленно; прекрасное содержаніе выразилось въ нихъ въ прекрасныхъ формахъ, отличающихся виртуозностію отдѣлки. Что же до содержанія — оно здѣсь представляетъ собою основное положеніе, основное начало эстетики автора, что природа есть наставница и вдохновительница поэта; что у ней онъ прежде всего началъ брать уроки въ искусствѣ слагать сладкія пѣсни; что есть соотношеніе, есть родственность между звучною октавою, гармоническимъ гекзаметромъ—и шептаньемъ тростниковъ, говоромъ дубравъ...

Глубоко-жизненное, поэтически-вѣрное начало! Поэзія принадлежитъ къ числу такихъ предметовъ, уразумѣніе которыхъ должно начинаться съ ощущенія, а не съ рефлексіи: послѣдняя должна быть результатомъ перваго, при нормальномъ развитіи. Симпатія къ природѣ есть первый моментъ духа, начинающаго развиваться. Каждый человѣкъ начинаетъ съ того, что̀ непосредственно поражаетъ его умъ формою, краскою, звукомъ; а природа полна формъ, красокъ и звуковъ. Поэтъ—существо, которое наиболѣе испытываетъ на себѣ непосредственное вліяніе явленій природы: онъ по преимуществу ея сынъ, ея любимецъ, наперсникъ тайнъ ея. Говоря объ этомъ, нельзя не вспомнить чудныхъ стиховъ Пушкина:

Все волновало нѣжный умъ:
Цвѣтущій лугъ, луны блистанье,
Въ часовнѣ ветхой бури шумъ,
Старушки чудное преданье.
Какой-то демонъ обладалъ
Моими играми, досугомъ;
За мной повсюду онъ леталъ,
Мнѣ звуки дивные шепталъ,
И тяжкимъ, пламеннымъ недугомъ
Была полна моя глава;
Въ ней грезы чудныя раждались;
Въ размѣры стройные стекались
Мои послушные слова
И звонкой рифмой замыкались.
Въ гармоніи соперникъ мой
Былъ шумъ лѣсовъ, иль вихорь буйный,
Иль иволги напѣвъ живой,
Иль ночью моря гулъ глухой,
Иль шопотъ рѣчки тихоструйной.

Да, естественно, что поэтъ видитъ поэзію прежде всего въ природѣ, и что природа прежде всего пробуждаетъ поэтическія силы въ юномъ талантѣ. Въ этомъ отношеніи, піесы г. Майкова «Октава» и «Искусство» составляютъ

главу эстетики,—и эстетикъ не усомнится перенести ихъ въ свою книгу, для яснѣйшаго подтвержденія доказательства своихъ понятій объ искусствѣ, если только его понятія объ этомъ предметѣ вѣрны. Но природа бываетъ колыбелью поэзіи не только для отдѣльныхъ лицъ: въ лицѣ древнихъ Эллиновъ, природа была паѳосомъ поэзіи цѣлаго человѣчества. И въ этомъ отношеніи, муза г. Майкова родственна, по своему происхожденію, древне-эллинской музѣ: подобно этой музѣ, она изъ природы почерпаетъ свои кроткія, тихія, дѣвственныя и глубокія вдохновенія; подобно ей, въ движеніяхъ и чувствахъ еще младенчески ясной души, еще въ лонѣ природы непосредственно ощущающаго себя сердца, находитъ она неизчерпаемое содержаніе для своихъ благоуханно гармоническихъ и безыскусственно изящныхъ пѣсень. Разумѣется, эта родственность могла бы остаться только въ возможности, еслибъ знакомство съ древними классическими языками не пробудило ее: обстоятельство, много обѣщающее въ будущемъ для развитія прекраснаго дарованія молодаго поэта! Еще въ той порѣ возраста, съ которой самъ Пушкинъ только что началъ писать *не*-лицейскія стихотворенія, и въ которую жизнь едва ли еще можетъ дать содержаніе какому угодно таланту,—г. Майковъ, изученіемъ изящной древне-классической поэзіи, завоевалъ плодоносную почву для своихъ вдохновеній. И зато — посмотрите, сколько эллинскаго и антологическаго въ его стихотвореніяхъ: любое изъ нихъ можно принять за превосходный переводъ съ грѣческаго; любое изъ нихъ можно перевести съ русскаго на чужой языкъ, какъ греческое, и только бы переводъ былъ изященъ и художественъ, никто не будетъ спорить о греческомъ происхожденіи піесы... Эллинское созерцаніе составляетъ основный элементъ таланта г. Майкова: онъ смотритъ на жизнь глазами Грека, и — какъ мы увидимъ ниже — иначе и не умѣетъ еще смотрѣть на нее. Если взять въ разсчетъ его

молодость (а ея, въ этомъ случаѣ, нельзя не брать въ разсчетъ), то мы увидимъ въ этомъ начало съ самаго начала, а не съ средины или конца, увидимъ нормальное, художественное развитіе.

На мысѣ семъ дикомъ, увѣнчанномъ бѣдной осокой,
Покрытомъ кустарникомъ ветхимъ и зеленью сосенъ,
Печальный Менискъ, престарѣлый рыбакъ, схоронилъ
Погибшаго сына. Его взлелѣяло море,
Оно же его и пріяло въ широкое лоно,
И на берегъ бережно вынесло мертвое тѣло.
Оплакавши сына, отецъ подъ развѣсистой ивой
Могилу ему ископалъ, и, накрывъ ее камнемъ,
Плетеную вершу изъ ивы надъ нею повѣсилъ—
Угрюмой ихъ бѣдности памятникъ скудный!

Вчитайтесь въ эту піесу, вчитайтесь въ ея простой, повидимому, чуждый всякаго убранства, всякой красоты и всякаго содержанія языкъ,—вы ощутите душою и безконечную красоту и глубокое содержаніе. Кажется, тутъ нѣтъ ни начала, ни конца, ни цѣлаго, нѣтъ ни намѣренія, ни цѣли, ни мысли; но оставьте піесу и вникните, вдумайтесь въ собственное ощущеніе, возбужденное въ васъ ею, и вы въ этомъ ощущеніи уловите цѣлое и уразумѣете намѣреніе, цѣль и мысль... Если же духу вашему и не чуждо древнее міросозерцаніе,—вы не можете не признать, что или это стихотвореніе переведено съ греческаго, или, что и человѣкъ нашего времени, въ эллинской эпохѣ своей жизни, можетъ становиться Грекомъ, такъ что самый взыскательный Аѳинянинъ, современникъ Алкивіада, не назвалъ бы его объэллинившимся варваромъ а призналъ бы своимъ соотечественникомъ, коренным жителемъ Аттики и гражданиномъ города Паллады... Но муза г. Майкова не всегда бываетъ тиха и кротка, какъ въ этой скромной идилліи: нерѣдко блистаетъ и жжетъ она упоительною роскошью красокъ и образовъ, не переставая ни на минуту быть спо-

койною, самообладающею и цѣломудренною, въ качествѣ благородной эллинской музы, какъ въ «Вакханкѣ». Въ примѣръ такихъ стихотвореній можно привести и—

Дорпдѣ.

Дорида милая! къ чему уборъ блестящій,
Гирлянды свѣжія, алмазъ, огнемъ горящій,
И ткани пышныя, и поясъ золотой,
Упругій твой корсетъ, сжимающій собой
Такъ жадно, пламенно твои красы младыя,
Твой стройный, гибкій станъ и перси наливныя?...
Нѣтъ, милая! оставь, оставь уловку ты
Насъ разомъ поражать и блескомъ красоты
И блескомъ пышныхъ ризъ. Явись мнѣ не богиней:
Благоговѣніе такъ хладно предъ святыней!
Я не его пщу. Явися дѣвой мнѣ,
Земною дѣвою. Со мной наединѣ
Ты косу отрѣши изъ-подъ кольца златаго,
Сорви съ своей груди рукой своей перловой
Ты розу блѣдную, желанный дай просторъ
Горящимъ персямъ. Пусть непринужденный взоръ
Забудетъ всѣ любви приманки!... Другъ мой нѣжный!
Пусть сердце юное волнуется мятежно
Пускай спадетъ во прахъ и злато и жемчугъ
Съ твоихъ роскошныхъ плечь, съ полупрозрачныхъ рукъ...
Ахъ, Боже мой! какъ ты мила, какъ милъ и сладокъ
Одежды и рѣчей волшебный безпорядокъ!

Знаемъ, что лицемѣрнымъ моралистамъ эта піеса не только не понравится, но и возбудитъ все негодованіе ихъ; но потому-то она и прекрасна. Есть люди, которые отрицательно и навыворотъ безошибочны въ своихъ сужденіяхъ и приговорахъ: на что̀ напали они съ остервененіемъ,—знайте, что это превосходно; что̀ восхвалили они съ неистовствомъ—знайте, что это пошло или мертво. Лицемѣрные моралисты въ высшей степени обладаютъ этою выворотною вѣрностію сужденія... Что-же до ихъ строгости—она понятна: Шиллеръ, въ одной изъ своихъ ксеній, сказалъ,

что для этихъ господъ особенно важна власть закона: не будь въ нихъ страха наказанія, они обокрали бы свою невѣсту, обнимая ее... Кто имѣетъ счастіе быть не моралистомъ, а человѣкомъ, и понимать все человѣческое,—для тѣхъ стихотвореніе «Доридѣ», при всей шаловливой вольности своего содержанія, будетъ образцомъ дѣвственной граціозности выраженія, подобно лукавой улыбкѣ на невинномъ лицѣ юной красавицы.

Жалѣемъ, что мѣсто и время, а главное—право собственности, не позволяютъ намъ выписать изъ книги г. Майкова всѣхъ антологическихъ стихотвореній—особенно «Гезіода» и «Вакха», тѣмъ болѣе, что мы не можемъ не выписать еще двухъ піесъ, довольно большихъ и болѣе, нежели прочія характеристическихъ. Вотъ образецъ граціозной наивности древней музы:

Муза, богиня Олимпа, вручила двѣ звучныя флейты
Рощь покровителю Пану и свѣтлому Фебу.
Фебъ прикоснулся къ божественной флейтѣ,—и чудный
Звукъ полился изъ бездушнаго ствола. Внимали
Вкругъ присмирѣвшія воды, не смѣя журчаньемъ
Пѣсни тревожить, и вѣтеръ заснулъ между листьевъ
Древнихъ дубовъ, и заплакали, тронуты звукомъ,
Травы, цвѣты и деревья; стыдливыя нимфы
Слушали, робко толпясь межъ сильвановъ и фавновъ.
Кончилъ пѣвецъ, и помчался на огненныхъ коняхъ,
Въ пурпурѣ алой зари, на златой колесницѣ.
Бѣдный лѣсовъ покровитель напрасно старался припомнить
Чудные звуки, и ихъ воскресить своей флейтой;
Грустный, онъ трели выводитъ, но трели земныя...
Горькій безумецъ! ты думаешь, небо не трудно
Здѣсь воскресить на землѣ? *Посмотри: улыбаясь,*
Съ взглядомъ насмѣшливымъ слушаютъ нимфы и фавны.

Слѣдующее стихотвореніе покажетъ, какъ умѣетъ нашъ поэтъ быть разнообразнымъ, не выходя изъ тона антологической поэзіи:

Дитя мое, ужь нѣтъ благословенныхъ дней,
Поры душистыхъ липъ, сирени и лилей;
Не свищутъ соловьи и иволги не слышно...
Ужь полно! не плести тебѣ гирлянды пышной
И незабудками головки не вѣнчать;
По утренней росѣ авроры не встрѣчать,
И поздно вечеромъ уже не любоваться,
Какъ теплые пары надъ озеромъ клубятся,
И звѣзды смотрятся сквозь нихъ въ его стеклѣ;
Не плющъ и не цвѣты вiются по скалѣ,
А мохъ въ разсѣлинахъ пушится раннимъ снѣгомъ.
А ты, мой другъ, все та-жь: рѣзва, мила... Люблю,
Какъ, разгорѣвшися и утомившись бѣгомъ,
Ты, вѣя холодомъ, врываешься въ мою
Глухую хижину, стряхаешь кудри снѣжны,
Хохочешь, и меня цѣлуешь звонко, нѣжно!

Здѣсь уже другая картина, другое небо, другой климатъ; но тонъ поэзіи, по созерцаніе, составляющее ея фонъ, все тѣ же дышущія сладостію и нѣгою свѣтлаго неба Эллады!...

Однакожь, тотъ не понялъ бы насъ, кто захотѣлъ бы видѣть въ антологическихъ стихотвореніяхъ г. Майкова полное выраженіе древней поэзіи, или полное выраженіе элементовъ жизни древнихъ, классическаго духа. Гармоническое единство съ природою, проникнутое разумностію и изяществомъ, еще далеко не составляетъ исключительнаго элемента древняго міросозерцанія. Жизнь древнихъ выражается не въ одной идилліи, или застольной пѣснѣ, но и въ трагедіи, которая составляла одинъ изъ основныхъ элементовъ ихъ жизни. И если со стороны идилліи и пѣсни, жизнь Грековъ была наивно-прелестна, очаровательно-граціозна, мила и любезна, то, со стороны трагедіи, она была благородна, доблестна и возвышенна. Первая сторона жизни заставляетъ любить жизнь; вторая сторона—заставляетъ уважать ее и гордиться ею. Греки это понимали,—и трагедія была послѣднимъ, самымъ пышнымъ, самымъ благоуханнымъ цвѣтомъ ихъ поэзіи. Трагическій элементъ преобла-

даетъ уже и въ самой «Иліадѣ»—этой прародительницѣ всѣхъ трагедій греческихъ, въ послѣдствіи явившихся. Что же разумѣлъ Грекъ подъ «трагическимъ»?—Не печальную судьбу человѣка, вслѣдствіе противорѣчащихъ условій жизни, или вслѣдствіе случайности. Человѣкъ, попавшійся на встрѣчу дикому звѣрю и растерзанный имъ, не могъ быть героемъ греческой трагедіи. Трагическое Грековъ заключалось или въ борьбѣ долга съ влеченіемъ сердца, воли со страстями, или въ борьбѣ разумнаго, двигательнаго начала съ общественнымъ мнѣніемъ; результатомъ борьбы всегда была гибель героя, которою онъ, въ случаѣ побѣды, запечатлѣвалъ торжество божественной идеи надъ массами, и которою, въ случаѣ паденія героя, божественная истина запечатлѣвала свое торжество надъ ограниченностію человѣческой личности. Въ обоихъ случаяхъ, источникъ борьбы былъ внутренній и заключался въ духовной натурѣ героя трагедіи, которымъ могъ быть только великій человѣкъ, созданный дѣйствовать на аренѣ исторіи, предназначенный осуществить собою какое-либо нравственное начало, быть представителемъ какой-либо идеи. Такъ въ «Антигонѣ» Софокла героями являются: Антигона, какъ поборница закона родственности, великодушно жертвующая своею жизнію для выполненія того, что́ она считала своимъ долгомъ, и невыполненія чего унизило бы ее въ собственныхъ глазахъ и было бы ей горше смерти,—и Креонъ, какъ представитель непреложной власти закона въ гражданскомъ обществѣ. И потому вся трагедія эта есть не что иное какъ трагическая ошибка двухъ равно разумныхъ и великихъ, но на этотъ разъ враждебныхъ началъ. Люди погибли, подобно воинамъ, храбро сражавшимся за правое дѣло: сердце наше скорбитъ о ихъ гибели; но, благословляя падшихъ, мы уже не клянемъ судьбы, ибо видимъ въ гибели героевъ не случайность, но добровольное самопожертвованіе. Антигона могла бы легко спастись отъ гибели, оставивъ свое вели-

кодушное намѣреніе похоронить убитаго брата; но тогда она не была бы великою женщиною, не была бы героинею, и не было бы трагедіи. Вотъ почему трагедія есть высшій родъ поэзіи; вотъ почему такъ возвышаетъ нашу душу ея окровавленный кинжалъ, ея устланный трупами благороднѣйшихъ жертвъ помостъ... Герой есть высочайшее и благороднѣйшее явленіе духа міровой жизни; его личность есть апоѳеоза человѣчества, которое воздвигаетъ ему вѣковѣчные памятники изъ мрамора и мѣди, какъ-бы поклоняясь себѣ въ этихъ гигантскихъ образахъ; герой возбуждаетъ все удивленіе, весь восторгъ, всю любовь человѣчества; образъ его поддерживаетъ въ человѣчествѣ возвышенную вѣру въ великое, истинное и доблестное жизни, во мракѣ ежедневности и случайности поддерживаетъ вѣчный свѣтъ разума... Но почему же герой есть—герой? что дѣлаетъ человѣка героемъ?—Неизмѣнная возможность трагической гибели, этотъ паѳосъ къ идеѣ, простирающійся до веледушной готовности смертію запечатлѣть ея торжество, принести ей въ жертву то, что дается на землѣ только разъ и никогда не возвращается, и чего, слѣдовательно, нѣтъ драгоцѣннѣе—жизнь, и иногда жизнь во цвѣтѣ, въ порѣ надеждъ, въ виду милаго, ласкающаго призрака счастія... Итакъ, возможность трагическаго заключается въ условіяхъ ограниченности нашей личности, которой бытіе отдѣляется отъ небытія едва замѣтною и слабою нитью, волосомъ, готовымъ порваться отъ дуновенія вѣтра, и порваться невозвратно... Насъ огорчаетъ и ужасаетъ эта невозвратность однажды утраченнаго счастія, однажды полученной жизни, однажды пріобрѣтеннаго друга, или милой сердца: но уни чтожьте эту возможность въ одну минуту потерять данное цѣлою жизнію—и гдѣ же величіе и святость жизни, гдѣ доблесть души, гдѣ истина и правда?... О, безъ трагедіи жизнь была бы водевилемъ, мишурною игрою мелкихъ страстей и страстишекъ, ничтожныхъ интересовъ, грошовыхъ

и конечныхъ помысловъ .. Трагическое, это—Божія гроза, освѣжающая сферу жизни послѣ зноя и удушья продолжительной засухи... Грекъ понималъ его своею высокою душею—и, умѣя наслаждаться жизнію, умѣлъ и быть достойнымъ ея наслажденій. Безпечно веселиться на пиру и твердо умирать гдѣ и когда велитъ судьба,—вотъ что было для Грека идеаломъ разумной жизни.

Все великое, земное
Разлетается, какъ дымъ:
Нынѣ жребій выпалъ Троѣ,
Завтра выпадетъ другимъ...
Смертный, силѣ, насъ гнетущей,
Покоряйся и терпи!
Спящій въ гробѣ—мирно спи!
Жизнью пользуйся—живущій!

Въ этихъ стихахъ заключается весь кодексъ нравственности Грека.

Шиллеръ особенно глубоко постигнулъ своей великою душою трагическую сторону жизни, въ противности съ свѣтлою ея стороною,—и глубоко, мощно, со всею роскошью пластической художественности, выразилъ свое созерцаніе древней жизни въ дивномъ, великомъ созданіи своемъ—«Торжество Побѣдителей», такъ прекрасно переданномъ по-русски Жуковскимъ.

Сколькихъ бодрыхъ жизнь поблекла!
Сколькихъ низкихъ рокъ щадитъ!...
Нѣтъ великаго Патрокла,
Живъ презрительный Тирситъ.
Смертный, вѣчный Дій Фортунѣ
Своенравной предалъ насъ:
Уловляй же быстрый часъ,
Не тревожа сердца втунѣ!

Какіе переходы отъ высокихъ созерцаній трагической судьбы всего великаго къ веселому взгляду на жизнь!... Вспоми-

ная Аякса, убившаго себя въ гнѣвѣ за коварное похищеніе Одиссеемъ выигранныхъ имъ доспѣховъ Ахилла, братъ его, Оилидъ, говоритъ:

Миръ тебѣ во тьмѣ Эрева!
Жизнь твою не врагъ пожалъ:
Ты своею силой палъ,
Жертвой гибельнаго гнѣва!

Какое величіе, какой паѳосъ въ этой догматикѣ героизма, въ этихъ стихахъ:

О Ахилъ! о мой родитель!
(Возгласилъ Неоптолемъ)
Быстрый міра посѣтитель,
Жребій лучшій взялъ ты въ немъ.
Жить съ людьми племенъ дѣлами —
Благо первое земли;
Будемъ вѣчны именами
И сокрытые въ пыли!
Слава дней твоихъ нетлѣнна;
Въ пѣсняхъ будетъ цвѣсть она:
Жизнь живущихъ невѣрна,
Жизнь отжившихъ неизмѣнна!

Смерть велитъ умолкнуть злобѣ:
(Діомедъ провозгласилъ)
Слава Гектору во гробѣ!
Онъ краса Пергама былъ;
Онъ за край, гдѣ жили дѣды,
Веледушно пролилъ кровь;
Побѣдившимъ — честь побѣды!
Охранявшему — любовь!
Кто, на судъ явясь кровавый,
Славно палъ за отчій домъ:
Тотъ, почтенный и врагомъ,
Будетъ жить въ преданьяхъ славы.

Но нисколько не менѣе эллинизма и въ слѣдующей рѣчи Нестора къ Гекубѣ, хоть ея содержаніе, повидимому, и совершенно противоположно выписаннымъ стихамъ выше:

Несторъ, жизнью убѣленный,
Нацѣдилъ вина фіалъ,
И Гекубѣ сокрушенной
Дружелюбно выпить далъ.
Пей страданій утоленье;
Добрый Вакховъ даръ вино:
И веселость и забвенье
Проливаетъ въ насъ оно.
Пей, страдалица! печали
Услаждаются виномъ.
Боги жалостные въ немъ
Подкрѣпленье сердцу дали.
Вспомни матерь Ніобею:
Что̀ извѣдала она!
Сколь ужасная надъ нею
Казнь была совершена!
Но и съ нею, безотрадной,
Добрый Вакхъ не даромъ былъ:
Онъ струею виноградной
Вмигъ тоску въ ней усыпилъ.
Если грудь виномъ согрѣта,
И въ устахъ вино кипитъ:
Скорби наши быстро мчитъ
Ихъ смывающая Лета.

Нельзя спрашивать поэта, зачѣмъ у него есть то, а нѣтъ этого; но долгъ критики замѣтить, что у него есть и чего нѣтъ. Вотъ почему мы распространились здѣсь о сущности и значеніи элемента «трагическаго» въ древнемъ искусствѣ, и вотъ почему почитаемъ себѣ въ правѣ замѣтить, что г. Майковъ и не коснулся этого элемента. Думаетъ, что причина этого заключается не столько въ характерѣ его таланта, сколько въ его молодости, еще переживающей моментъ гармоническаго единства съ природою, въ духѣ древнихъ. Но прійдетъ время — и, можетъ-быть, въ духѣ поэта совершится движеніе: прекрасная природа не будетъ болѣе заслонять отъ его глазъ явленій высшаго міра — міра нравственнаго, міра судебъ человѣка, народовъ и че-

ловѣчества... И мы почли бы себя счастливыми, еслибъ эти строки могли послужить хоть косвенною причиною къ ускоренію этого времени... Г. Майковъ вполнѣ владѣетъ орудіемъ искусства — стихомъ, который у него напоминаетъ стихъ первыхъ мастеровъ русской поэзіи; а это великій и подающій самыя лестныя надежды признакъ! Стихъ въ поэзіи—то же, что слогъ въ прозѣ, а слогъ — это самъ талантъ, и талантъ необыкновенный... Но мѣрка великаго таланта состоитъ не въ одномъ стихѣ, хотя бы и поэтическомъ, и художественномъ; но еще и въ движеніи, въ развитіи содержанія поэзіи, источникъ котораго есть движеніе и развитіе духа самого поэта, а движеніе и развитіе состоитъ въ безпрерывномъ отрицаніи низшихъ моментовъ въ пользу высшихъ. Я никогда не назову великимъ поэта, котораго стихотворенія можно печатать по родамъ піесъ, а не въ хронологической послѣдовательности. Батюшковъ—поэтъ съ замѣчательнымъ талантомъ; но нѣтъ никакой нужды видѣть подъ его піесами годъ и число, означающіе время ихъ сочиненія...

Но мы отдалились отъ своего предмета. Возвращаясь къ нему, должны повторить, что какъ родственъ и присущъ духу нашего поэта элементъ «наивнаго» и «природнаго», такъ чуждъ элементъ «трагическаго» въ древней поэзіи. Разъ г. Майковъ былъ близокъ къ нему, по содержанію, избранному имъ для самой большой своей піесы; но онъ и не коснулся трагическаго, хоть, можетъ-быть, и думалъ вполнѣ его выразить... Мы говоримъ о его драматической поэмѣ «Олиѳъ и Эсѳирь» (римскія сцены временъ пятаго вѣка христіанства). Мысль поэмы—контрастъ и взаимныя отношенія умирающаго языческаго и торжествующаго христіанскаго міра. Поэма занимаетъ шестьдесятъ страницъ, которыя, въ чтеніи, легко могутъ показаться шестьюстами страницами: такъ все неглубоко, блѣдно, слабо, поверхностно и растянуто въ этомъ произведеніи! Чѣмъ выше на-

мѣреніе поэта, тѣмъ выше должно быть и исполненіе; но г. Майковъ явно взялся за дѣло не по вдохновенію, а изъ рефлексіи, и къ понравившейся ему мысли придѣлалъ сюжетъ и какіе-то образы безъ лицъ, вмѣсто того чтобъ слѣдовать безотчетному желанію дать жизнь преслѣдующимъ его образамъ, еще не зная, какую мысль выразятъ они... А между тѣмъ, сколько элементовъ «трагическаго» съ обѣихъ сторонъ могло бъ и должно бъ было быть! Римская литература не представляетъ ни одной хорошей трагедіи; но за то, римская исторія есть безпрерывная трагедія,—зрѣлище, достойное народовъ и человѣчества, неистощимый источникъ для трагическаго вдохновенія. Въ этомъ отношеніи, едва ли есть другой народъ, котораго исторія могла бы соперничать съ исторіею Римлянъ. Страстное самозабвеніе въ идеѣ государственности, въ идеѣ политическаго величія своего отечества, паѳосъ къ гражданской свободѣ, къ непарушимости и неприкосновенности правъ сословій и каждаго гражданина отдѣльно, гражданская доблесть, въ цвѣтущія времена великой республики, и гордая, стоистическая борьба съ рокомъ, увлекавшимъ къ паденію великую отчизну великихъ гражданъ, и уступчивость судьбѣ, вслѣдствіе геніальнаго предвидѣнія будущаго, уступчивость, роковая для начавшихъ, и счастливая для менѣе великихъ, но болѣе во время явившихся — вотъ гдѣ элементы «трагическаго» въ исторіи Рима, великой отчизны Коріолановъ, Фабіевъ, Гракховъ, Сципіоновъ, Маріевъ, Лукулловъ, Помпеевъ, Цезарей и Антоніевъ—этихъ колоссальныхъ ликовъ, сіяющихъ блескомъ героическаго величія, нестерпимаго для слабонервныхъ глазъ выродившихся людей нашеговремени!... Правда, поэтъ избралъ эпоху уже выродившагося, умирающаго Рима; но, въ противоположность христіанству, онъ бы долженъ былъ избрать послѣдняго Римлянина, который, независимо отъ всего окружающаго его, въ своемъ личномъ характерѣ, выразилъ бы—сколько стоистическою жизнію и

трагическою смертію, столько же и тоскою по цвѣтущимъ временамъ своего отечества, все субстанціальное, все, чѣмъ великъ былъ республиканскій Римъ. Но Олиѳъ г. Майкова только эпикуреецъ и больше ничего; собственно, онъ—образъ безъ лица. Другая сторона поэмы—христіанская, тоже полна трагическаго величія, ибо ея альфа и омега — мученичество и смерть за истину; но и она такъ же слаба и блѣдна у нашего поэта, какъ и языческая. Впрочемъ, вся поэма отличается хорошими, звучными, а иногда и поэтическими стихами, какъ, напр., пиршественная пѣсня Римлянъ-язычниковъ.

Вообще, когда г. Майковъ выходитъ изъ сферы антологической поэзіи, его талантъ какъ будто слабѣетъ. Доказательствомъ этого можетъ служить маленькая поэмка его «Венера Медицейская», содержаніе которой, какъ можно видѣть изъ самаго ея заглавія, относится къ сферѣ классической поэзіи. Существуетъ преданіе, что знаменитая статуя, извѣстная подъ именемъ Венеры Медицейской, есть изображеніе одной римской императрицы. Поэтъ заставляетъ ее, выходя изъ волны, восхищаться собственною красотою—

И вотъ красавицы надменной
Мечта сбылась: перенесло
Волшебство кисти вдохновенной
На мрамора обломокъ бренный
И это гордое чело,
Вѣнчанное красой Изиды (?!),
И стройный станъ и шелкъ кудрей:
И Римъ нарекъ се Кипридой!
И Римъ молился передъ ней!

Мысль, какъ видите, мало поэтическая, слишкомъ незрѣлая и какъ-будто изысканная, не говоря уже объ унижающей достоинства искусства мысли—видѣть простую копію, портретъ въ вдохновенномъ созданіи свободнаго творчества. Самые стихи этой поэмы только красивы и ловки, но не

художественны; есть между ними даже оскорбляющіе тонкій эстетическій вкусъ, любящій благородную простоту и точность выраженій, какъ, напримѣръ:

На грудь высокую пустите
Змѣистый локоновъ разливъ.

Что такое: «пустить на грудь змѣистый разливъ локоновъ»? Это было бы хорошо развѣ въ стихотвореніи г. Бенедиктова, но очень дурно въ стихотвореніи г. Майкова. Или:

Прошли вѣка. Ихъ молотъ твердый
Величья храмы раздробилъ.

Что такое: «молотъ вѣковъ, раздробляющій храмы величья»? Неужели это поэзія, не риторика?...

Не безъ достоинствъ слѣдующія стихотворенія, съ болѣе или менѣе антологическимъ оттѣнкомъ: «Радость», «Измѣна», «XXXIII», «Жизнь», «Прощаніе съ Деревней«, «Заря», «Горы», «Мраморный Фавнъ». Что до послѣдняго стихотворенія,—оно было бы лучше, еслибъ не было растянуто приставкою и кончилось 25-мъ стихомъ, или—можетъ быть, и еще лучше—13-мъ стихомъ.

Теперь мы переходимъ ко второму разряду стихотвореній г. Майкова, и съ сожалѣніемъ предупреждаемъ нашихъ читателей, что здѣсь намъ больше должно будетъ порицать, чѣмъ хвалить... Въ этихъ стихотвореніяхъ, мы желали бъ найдти поэта современнаго и по идеямъ, и по формамъ, и по чувствамъ, по симпатіи и антипатіи, по скорбямъ и радостямъ, надеждамъ и желаніямъ, но—увы!—мы не нашли въ нихъ, за исключеніемъ слишкомъ немногихъ, даже и просто поэта... Тамъ хорошіе стихи при сбивчивости идеи, а иногда и при пустотѣ содержанія; тутъ неопредѣленность и вычурность выраженія при усиліи сказать что-то такое, чего у автора не было ни въ представленіи, ни въ фантазіи; между всѣмъ этимъ иногда удачный стихъ, прекрасный

образъ, а все остальное—риторика: вотъ общій характеръ этихъ стихотвореній. Пересмотримъ ихъ.

Въ «Чудномъ Вѣкѣ» поэтъ воспѣваетъ эпоху Петра Великаго, которая возсіяла—

... Въ странѣ, загроможденной
Цѣпями горъ; въ странѣ, гдѣ вьется лѣсъ
Средь блатъ и тундръ; *въ той храминѣ священной,*
Гдѣ льды горятъ какъ въ храминѣ чудесъ...

Не риторика ли это?... Въ концѣ піесы, авторъ заставляетъ Петра «выливать вѣнецъ на голову Россіи, сардамскимъ млатомъ скрѣплять ея оковы и выковывать ей булаву (?) и мечъ», а «громовымъ топоромъ (?) сбивать оковы съ широкихъ вратъ въ Европу», забывъ, что тогда воротъ (ни широкихъ, ни узкихъ) въ Европу не было, и что въ томъ-то и состоитъ великій подвигъ Петра, что онъ, по выраженію Альгаротти, создалъ Петербургъ, qui est la fenêtre par laquelle la Russie regarde en Europe, а слѣдовательно, первый сдѣлалъ и ворота... Стихотвореніе, означенное N V., превосходно по стихамъ, но мысль—приписать скалѣ глубокое участіе къ страданію человѣка — изысканна... Прекрасны послѣдніе шесть стиховъ стихотворенія «Воспоминаніе»; но ихъ-то едва ли кто и прочтетъ послѣ первыхъ восьми стиховъ и, особенно, этого начала:

Когда ты *въ пучины былаго*
Окунешься думой...

«Еврейская Пѣснь» отличается прекрасными, звучными стихами и библейскимъ колоритомъ въ выраженіи. Піеса «Монастырь» откровенно названа авторомъ «введеніемъ къ ненаписанной поэмѣ». Она начинается непоэтическими стихами;

Во дни кровавые, когда Тевтонъ суровый
Эстонцевъ уловлялъ въ желѣзные оковы...

За тѣмъ слѣдуетъ риторика, изрѣдка прерываемая стихами въ родѣ слѣдующихъ:

Колонны гордыя, какъ бы утомлены
На мощныхъ раменахъ держатъ обломки сводовъ,
Пригнулися къ землѣ...

Обращаемся къ эстетическому чувству и художежественному такту автора, и спрашиваемъ его: можно ли, не говоримъ — печатать, но читать безъ напряженія и утомленія подобные стихи?—

Все тлѣніе и прахъ?
Здѣсь, за оградою, въ окованныхъ стѣнахъ,
Гулъ міра умолкалъ предъ образомъ Распятья,
Гласъ вѣры укрощалъ безумныя проклятья.
Усталые пловцы здѣсь пристань обрѣли;
И въ мірной келіи, отъ суеты вдали,
Прахъ міра отряхнувъ, какъ саванъ надѣвали
Одежду мертвую и къ небу воспаряли...
Но вѣренъ ли онъ былъ, монашескій покровъ?
Всегда ль, въ полуночномъ молчаніи дубровъ,
Въ часы весенніе мечтательныхъ безсонницъ,
Когда, ниспавъ между готическихъ оконницъ,
Лучъ блѣдный мѣсяца ложился на нѣмомъ
Чугунномъ помостѣ блистательнымъ ковромъ,
Всегда ль, о ложе сна холодномъ забывая,
Склонившися къ окну отшельница младая,
Смотря на небеса, летѣла въ горній міръ.
На лоно вѣчности, въ подоблачный эоиръ,
Гдѣ ангелы поютъ божественные гимны,
Откуда бѣдную зовутъ гостепріимно?

Каковъ періодъ: не угодно ли прочесть вамъ его, не переводя духа, или не скрывъ смысла?... И что за неточность въ эпитетахъ? Что такое «окованныя стѣны», «одежда мертвая (авторъ хотѣлъ, вѣроятно, сказать — «одежда мертвыхъ», да мѣра стиха не позволила), «вѣренъ ли монашескій обѣтъ» (кому и чему вѣренъ?)? Что такое «весенніе часы и мечтательныя безсонницы»?...

Теперь обращаемся ко всѣмъ людямъ съ эстетическимъ вкусомъ и художественнымъ тактомъ: можно ли безъ наслажденія и восторга читать послѣдніе, окончательные стихи этой піесы, столь пламенные и вдохновенные?—

Не правда ль, часто взоръ, какъ небо, голубой,
На небѣ обрѣталъ прекрасный ликъ земной,
И уху робкому мечтались не молитвы,
А цитры тихій звонъ, иль кликъ опасной битвы,
И грудь вздымалася, и грѣшная слеза,
Тумани ясные красавицы глаза,
По блѣдному лицу жемчужиной блистала,
И юная глава въ волненьи упадала
На руки бѣлыя, и прядь златыхъ кудрей
Волною падала по мрамору грудей,
И мѣсяцъ осыпалъ ихъ блѣдными лучами.
И трепетно игралъ змѣистыми тѣнями?...

Піеса, означенная № XIV (стр. 30), принадлежитъ не къ числу худшихъ, особенно по окончанію. Въ піесахъ: «Воробьевы Горы» «Два Гроба», «Истинное Благо», «Мститель» (скандинавская баллада), и «Кладбище» — мы рѣшительно не узнаёмъ г. Майкова,—и подпишите подъ ними: г. Щепкинъ, г. Кропоткинъ, г. Гогніевъ, г. Романовичъ — никто бы не удивился... «Воробьевы Горы» написаны точно какъ-будто г. Бенедиктовымъ; въ нихъ есть «кровель море разливное» (жаль, что не разливанное!), въ нихъ есть стихи: «И до-полюсныя воды у монхъ восплещутъ пятъ», въ нихъ «крадется пламени змѣя»: но въ нихъ нѣтъ ни мысли, ни даже хорошихъ стиховъ. Въ «Двухъ Гробахъ» собственно нѣтъ ни одного гроба: рѣчь идетъ о посылкахъ Карла XII и о вѣнцѣ Наполеона, будто-бы забытомъ имъ въ Москвѣ. Исполненіе совершенно соотвѣтствуетъ этой изысканной и натянутой мысли, какъ можете судить даже по этимъ двумъ съ половиною стихамъ:

Взманивъ къ себѣ на грудь увѣнчаннаго змія (?),
Въ объятіяхъ его замучила Россія,
И гробомъ стала...

Вы ли это, г. Майковъ?...

Въ «Двухъ Моряхъ» воспѣты Средиземное и Мертвое (въ Сиріи) моря: идеи нѣтъ, но стихи не дурны, хотя между ними есть и вотъ какіе: «Въ вѣнцѣ береговъ, на яблокѣ земли» (?), «По немъ (по морю), воздѣвъ шеломъ сереброкосматый, станица волнъ не ратуетъ во вѣкъ» (?). — Стихотвореніе «В. А. С.....у» замѣчательно, по хорошимъ стихамъ, какъ этюдъ. — Въ маленькой поэмѣ «Іафетъ» много ума, есть недурные стихи, но нисколько нѣтъ поэзіи. Впрочемъ, мы, безошибочно высчитавъ, чего нѣтъ въ этомъ «рефлектированномъ» произведеніи, не-все высчитали, что̀ есть въ немъ: въ немъ есть изысканныя выраженія: «міръ, обновленный въ купели моря; Кавказскія Горы — гордыя врата Европы». — «Молитва Бедуина» была бы очень хороша, еслибъ въ ней нѣкорые стихи не были такъ тяжелы. — «Горный Ключъ» принадлежалъ бы къ лучшимъ піесамъ г. Майкова, еслибъ въ немъ ручьи не были названы «рѣзвыми нитями земли». Очень недурна піеска «Кто онъ?» — Къ хорошимъ можно причислить еще: «Призывъ», «Безвѣтріе», «Мысль Поэта», «Пѣвцу», «Жизнь», «Мысль», «Заря» и «Е. П. М.».

Да, много, много превосходнаго много хорошаго; но есть и такое, что̀ непріятно встрѣтить въ печати, и что̀ бываетъ интересно и поучительно развѣ въ полныхъ собраніяхъ твореній великихъ поэтовъ, по смерти ихъ изданныхъ... Явно, что піесы въ родѣ «Воробьевыхъ Горъ» и «Кладбища» написаны г. Майковымъ давно уже, и милы ему, можетъ быть, потому именно, что были первыми пробными звуками его музы; но мы судимъ о нихъ какъ чужіе и посторонніе имъ... Но болѣе всего совѣтуемъ молодому поэту — и да пріметъ онъ нашъ совѣтъ съ тѣмъ же радушіемъ и тою любовію, съ какими мы даемъ его! — совѣтуемъ беречься изысканности въ идеяхъ и образахъ, совѣтуемъ слѣдовать больше своему непосредственному чувству и ху-

дожественному такту, чѣмъ вкусу толпы... О, берегитесь этой толпы, молодой поэтъ! Она измѣнчива въ своей благосклонности, и постоянно уважаетъ только тѣхъ, кого боится, а боится только тѣхъ, кто не за ней идетъ, а за собою ведетъ ее, не оглядываясь назадъ... Ей ничего не стоитъ низвергнуть истуканъ, ею же самою слѣпленный (обыкновенно изъ весенняго снѣгу—это любимый ея матеріалъ); но она всегда проходитъ съ потупленными очами и на цыпочкахъ мимо не ею созданнаго кумира... Вспомните, что у насъ есть теперь великіе поэты, которыхъ слава продолжалась не дольше трехъ лѣтъ... по крайней мѣрѣ, я слышалъ объ одномъ, который такъ могъ угодить толпѣ мишурнымъ блескомъ и изысканными выраженіями, что она, толпа, въ нѣсколько мѣсяцевъ раскупила первую часть его стихотвореній; но вторая часть ихъ была издана только разъ, третья давно готова... въ рукописи, да дѣло стало за тѣмъ, что никто не берется издать... Странное дѣло! въ антологическихъ стихотвореніяхъ г. Майкова стихъ—просто Пушкинскій, нѣтъ неточныхъ эпитетовъ, лишнихъ словъ, натянутыхъ или изысканныхъ выраженій, нѣтъ полутона фальшиваго: въ нихъ, онъ—истинный, глубокій и притомъ опытный, искушенный художникъ, въ рукѣ котораго не дрожитъ рѣзецъ и не даетъ произвольныхъ штриховъ; но въ не антологическихъ стихотвореніяхъ, по крайней мѣрѣ, въ большей части ихъ, есть и не точные эпитеты, и неопредѣленность въ идеѣ, и изысканныя фразы, и чуждыя всякаго внутренняго значенія слова...

Однакожь и между послѣдними есть, какъ мы уже видѣли, хорошія; мы нарочно ничего не говорили до сихъ поръ о четырехъ піесахъ не антологичнаго содержанія, но превосходныхъ; указаніемъ на нихъ мы достойно заключимъ статью свою.

Піесы эти особенно примѣчательны, какъ свидѣтельство духовной движимости поэта: въ нихъ видно зерно и заро-

дышъ новой для него эпохи творчества, новыхъ созданій въ будущемъ... Такова піеса LV (стр. 119), которой не выписываемъ, потому что и безъ того много уже выписано; такова эта маленькая піеска:

Жизнь безъ тревогъ—прекрасный, свѣтлый день;
Тревожная—весны младыя грозы,
Тамъ—солнца лучъ, и въ зной оливы сѣнь;
А здѣсь—и громъ, и молнія, и слезы...
О! дайте мнѣ весь блескъ весеннихъ грозъ
И горечь слезъ, и сладость слезъ!

На эту піеску не нужно комментаріевъ; кто жаждетъ такъ же и горечи, какъ и сладости грезъ, тотъ будетъ—«царства дивнаго всесильный властелинъ»... Но перлы не антологическихъ стихотвореній г. Майкова это — «Ангелъ и демонъ» и «Раздумье». Вотъ первое.

Подъемлютъ споръ за человѣка
Два духа мощные: одинъ—
Эдемской двери властелинъ
И вѣрный стражъ ея отъ вѣка;
Другой—во всемъ величьи зла,
Владыка сумрачнаго міра:
Надъ огненной его порфирой
Горятъ два огненныхъ крыла.
Но торжество кому жъ уступитъ.
Въ пыли рожденный человѣкъ:
Вѣнецъ ли вѣчныхъ пальмъ онъ купитъ,
Иль чашу временную нѣгъ?
Господень ангелъ тихъ и ясенъ:
Его живитъ смиренья лучъ;
Но *пышный* (!) демонъ такъ прекрасенъ.
Такъ лучезаренъ и могучъ!

Какая глубокая идея! Но форма—надо сказать правду—не совсѣмъ охватила и выразила это необъятное содержаніе: чего-то не достаетъ, что-то недоговорено; эпитетъ «пышный» не удовлетворителенъ — мы думаемъ, что даже «гордый» больше бы шелъ къ внутреннему смыслу піесы.

За то «Раздумье»—верхъ совершенства во всѣхъ отношеніяхъ... въ анталогической, роскошно-художественной формѣ оно поражаетъ содержаніемъ изъ другой сферы:

Блаженъ, кто подъ крыломъ своихъ домашнихъ ларъ
Ведетъ спокойно вѣкъ! Ему обильный даръ
Прольютъ всѣ боги: лугъ еще заблещетъ, нивы
Церера озлатитъ; акаціи, оливы
Вѣтвями домъ его обнимутъ, надъ прудомъ
Пирамидальные, стоящіе вѣнцомъ,
Густые тополи взойдутъ и засребрятся,
И лозы каждый годъ подъ осень отягчатся
Кистями сочными: ихъ Вакхъ благословитъ!...
Не грозенъ для него свѣтильникъ эвменидъ,
Безъ страха будетъ ждать онъ ужасовъ Эреба;
А здѣсь рука его на жертвенникѣ неба
Повергнетъ не дрожа плоды, янтарный медъ,
Ихъ розъ гирляндами и миртомъ обовьетъ...
Но я бы не желалъ сей жизни безъ волненья,
Мнѣ тягостно ея размѣрное теченье.
Я втайнѣ бы страдалъ и жаждалъ бы порой
И бури, и тревогъ, и вольности святой,
Чтобъ духъ мой крѣпнуть могъ въ бореніи мятежномъ
И, крылья распустивъ, орломъ широкобѣжнымъ
При общемъ ужасѣ надъ льдами горъ витать,
На бездну упадать и въ небѣ утопать.

Да, позволительно и можно многаго надѣяться въ будущемъ отъ духа, способнаго отрываться отъ участи столь полной обаятельнаго счастія, и питать, въ молодой груди, желанія, отъ которыхъ не у всѣхъ и не у каждаго не поблѣднѣютъ ланиты отъ ужаса, но запылаютъ яркимъ румянцемъ могучаго рѣшенія, а очи заблещутъ гордымъ сознаніемъ собственной силы и упоеніемъ безконечнаго блаженства.

КУЗЬМА ПЕТРОВИЧЪ МИРОШЕВЪ, русская быль временъ Екатерины II. *Соч. М. Н. Загоскина. Четыре части. Москва, 1842.*

Г. Загоскинъ пишетъ очень мало, но сравнительно съ другими, онъ у насъ самый плодовитый романистъ. Въ десять лѣтъ слишкомъ—вотъ уже шестой романъ, да въ промежуткахъ, повѣстей съ пятокъ: по нашему, по-русски, это много, очень много. Самъ г. Булгаринъ написалъ всего на все только пять романовъ, и ужь больше—можно поручиться—не напишетъ ни одного: такъ ему посчастливилось въ этомъ дѣлѣ. Важный фактъ въ исторіи русскаго романа, потому что въ ней г. Булгаринъ играетъ гораздо большую и важнѣйшую роль, нежели какъ думаютъ и враги и почитатели его несравненнаго таланта! Такъ какъ мы принадлежимъ къ числу послѣднихъ, т. е. почитателей, то и почитаемъ долгомъ объяснить значеніе г. Булгарина въ плачевной исторіи русскаго романа,— тѣмъ болѣе, что, безъ этого, мы никакъ не въ состояніи сдѣлать настоящей оцѣнки послѣднему роману г. Загоскина.

Всѣ русскіе романы можно раздѣлить на два разряда. Первый разрядъ ихъ начался «Бурсакомъ» и «Двумя Иванами» Нарѣжнаго, а окончился тремя попытками даровитаго И. П. Лажечникова — «Послѣднимъ Новикомъ», «Ледянымъ Домомъ» и «Басурманомъ». Здѣсь не мѣсто сравнивать между собою таланты обоихъ романистовъ; довольно сказать, что это таланты яркіе, замѣчательные, и что ничего общаго, никакой исторической связи между ними нѣтъ. Нарѣжный явился слишкомъ рано, не издавалъ ни журнала, ни газеты, гдѣ бы могъ ежедневно хвалить самого себя,—и прошелъ незамѣченнымъ, остался безъ подражателей. Романы Лажечникова были, напротивъ, оцѣнены публикою по достоинству, безъ всякихъ на этотъ счетъ стараній съ его стороны, или со стороны его друзей издаю-

щихъ газеты и журналы. Романы Лажечникова были фактами эстетическаго и нравственнаго образованія русскаго общества, и навсегда будутъ достойны почетнаго упоминовенія въ исторіи русской литературы. Къ этому же разряду надо причислить и «Юрія Милославскаго» г. Загоскина; но о немъ рѣчь послѣ.

Второй разрядъ романовъ ведетъ свое начало издалека.

У насъ образовался особый родъ романа, который сперва назывался правоописательнымъ, нравственно-сатирическимъ, а теперь ужь никакъ не называется, хотя бы и долженъ былъ называться моральнымъ. Блистательный талантъ г. Булгарина былъ творцомъ этого рода романовъ; не менѣе блистательный талантъ г. Загоскина былъ его утвердителемъ и распространителемъ. Господа Зотовъ и Воскресенскій принадлежатъ къ числу самыхъ счастливыхъ и даровитыхъ подражателей этихъ двухъ сочинителей. Проницательный читатель и безъ насъ угадаетъ имена прочихъ многочисленныхъ романистовъ этой категоріи. Но, сверхъ морально-сатирическаго романа, есть еще два разряда романовъ, которые, впрочемъ, составляютъ одинъ разрядъ съ нимъ. Мы говоримъ о романѣ восторженномъ, патетическомъ, живописующемъ растрепанные волосы, всклокенныя чувства и кипящія страсти. Основателемъ этого рода романа былъ даровитый Марлинскій, у котораго есть тоже свои счастливые подражатели. Третій родъ романа—идельно-сантиментальный: его началъ г. Полевой своими сладенькими повѣстями, онъ же и кончилъ его въ переслащенномъ романѣ своемъ «Аббаддонна»;—подражателей у г. Полеваго не имѣется. Всѣ эти три рода романа образуютъ собою одинъ разрядъ. Разсмотримъ его.

До Вальтеръ-Скотта не было истиннаго романа. Великое твореніе Сервантеса «Донъ-Кихотъ» составляло исключеніе изъ общаго правила, а знаменитый «Жилблазъ де Сантилана» Француза Лесажа прославленъ не въ мѣру и не

по достоинству. Это не больше, какъ довольно недурное произведеніе, которое однако было бы лучше, еслибъ не было такъ растянуто, или еслибъ его сократить на половину, т. е. изъ восьми частей сдѣлать только четыре. Романы восьмнадцатаго вѣка: Радклифъ, Дюкре-дю-Мениля, Жанлисъ, Коттенъ, Шписа, Клаурена и другихъ,—только до Вальтеръ-Скотта могли считаться романами; они изображали не общество, не людей, не дѣйствительность, а призраки больнаго, или праздпаго воображенія. Знаменитые англійскіе Памелы, Клариссы, Грандиссоны и Ловеласы держались ближе общества и дѣйствительности; но дидактическая цѣль убила въ нихъ поэзію. Вальтеръ-Скоттъ первый показалъ, чѣмъ долженъ быть романъ. До него думали, что «пѣсня—быль, а сказка—ложь», какъ говоритъ русская поговорка, и что, поэтому, чѣмъ больше нелѣпицъ въ романѣ, тѣмъ, онъ лучше. Желая придать ему какую-нибудь цѣну въ глазахъ людей солидныхъ и разсудительныхъ, навязали ему полезную цѣль—исправлять нравы, осмѣивая порокъ и хваля добродѣтель. Такимъ образомъ, роману было приказано быть органомъ ходячихъ моральныхъ истинъ своего времени. Да, своего времени, ибо ходячая мораль такъ же измѣнчива, какъ и курсъ голландскаго червонца: въ прошломъ вѣкѣ мораль предписывала бѣдному и незначительному человѣку имѣть патрона-благодѣтеля, низко ему кланяться, почитать за честь быть допущеннымъ къ его столу или къ его ручкѣ: теперь все это считается униженіемъ человѣческаго достоинства. И такъ, что теперь называется подличаньемъ, тогда называлось умѣньемъ жить; что теперь называется подлостью—тогда называлось скромностью и смиреніемъ; что теперь называется благородствомъ души—тогда называлось гордостью, она же есть смертный грѣхъ... Такимъ образомъ, сочинители давали человѣческія имена и фамиліи своимъ жалкимъ, а нерѣдко и подленькимъ моральнымъ понятьицамъ, выдавая свое резоперство

за «нравственность» да еще «чистѣйшую», а свою картофельную сантиментальность—за «любовь». Эти ограниченныя понятьица и сладенькія чувствованьица означались нумерами на особыхъ ярлычкахъ, а ярлычки наклеивались на лбахъ безобразныхъ фигуръ, грубо вырѣзанныхъ изъ картонной бумаги: весьма остроумно придуманное удобство для читателя романа! благодаря ему, читатель уже не могъ запутаться во множествѣ именъ и одинаковыхъ фигуръ, потому что на лбу каждой читалъ: «добродѣтельный № 1», «злодѣй № 2» и т. д. Тогда все были или добродѣтельные или злодѣи; не было необходимѣйшихъ и многочисленныхъ членовъ общества—глупцовъ и безцвѣтныхъ характеровъ, которые ни добры, ни злы, и т. п. Романъ всегда оканчивался благополучно, и зѣвающій читатель оставлялъ книгу не прежде, какъ послѣ расправы, т. е. брака гонимой четы, награды добрымъ и наказанія злымъ. Всѣ говорили одинакимъ языкомъ: о колоритѣ мѣстности, различіи сословій никто и не спрашивалъ.

Мы не безъ умысла распространились о старинномъ романѣ и высказали о немъ читателю истины, нѣсколько уже старыя и давно всѣмъ извѣстныя: намъ это было нужно для того, чтобъ показать, какъ новѣйшій романъ нѣкоторыхъ знаменитыхъ сочинителей далеко ушелъ отъ романа добраго стараго времени; чѣмъ отъ него разнится и чѣмъ на него похожъ. «Но вѣдь вы обѣщали намъ разобрать новый романъ г. Загоскина, а говорите о романахъ, которые были за сто и дальше лѣтъ до г. Загоскина?»—Я о немъ-то и говорю, какъ увидите ниже.

Вальтеръ-Скоттъ не изобрѣлъ, не выдумалъ романа, но открылъ его, точно также, какъ Коломбъ не изобрѣлъ и не выдумалъ Америки, а только открылъ ее. Сервантесъ, задолго до Вальтеръ-Скотта, написалъ истинный историческій романъ. Правда, онъ явно имѣлъ сатирическую цѣль—осмѣять запоздалое и противное духу времени рыцарство-

ваніе въ мечтахъ и дурныхъ романахъ, — и этой цѣлью великій человѣкъ заплатилъ дань своему вѣку; но творческій художественный элементъ его духа былъ такъ силенъ, что побѣдилъ разсудочное направленіе, и Сервантесъ, стремясь къ правоисправительной цѣли, достигъ совсѣмъ другой цѣли—именно художественной, а черезъ нее и правоисправительной. Его донъ-Кихотъ есть не каррикатура, а характеръ, полный истины и чуждый всякаго преувеличенія, не отвлеченный, но живой и дѣйствительный. Идея донъ-Кихота не принадлежитъ времени Сервантеса: она—обще-человѣческая, вѣчная идея, какъ всякая «идея»; донъ-Кихоты были возможны съ тѣхъ поръ, какъ явились человѣческія общества, и будутъ возможны, пока люди не разбѣгутся по лѣсамъ. Донъ-Кихотъ—благородный и умный человѣкъ, который весь, со всѣмъ жаромъ энергической души, предался любимой идеѣ; комическая же сторона въ характерѣ донъ-Кихота состоитъ въ противоположности его любимой идеи съ требованіемъ времени, съ тѣмъ, что она не можетъ быть осуществлена въ дѣйствіи, приложена къ дѣлу. Донъ-Кихотъ глубоко понимаетъ требованія истиннаго рыцарства, разсуждаетъ о немъ справедливо и поэтически, а дѣйствуетъ, въ качествѣ рыцаря, нелѣпо и глупо; когда же разсуждаетъ о предметахъ внѣ рыцарства, то является истиннымъ мудрецомъ. И вотъ почему есть что-то грустное и трагическое въ судьбѣ этого комическаго лица, а его сознаніе заблужденій своей жизни на смертномъ одрѣ возбуждаетъ въ душѣ глубокое умиленіе и невольно наводитъ васъ на созерцаніе печальной судьбы человѣчества. Каждый человѣкъ есть немножко донъ-Кихотъ; но болѣе всего бываютъ донъ-Кихотами люди съ пламеннымъ воображеніемъ, любящею душою, благороднымъ сердцемъ, даже съ сильною волею и съ умомъ, но безъ разсудка и такта дѣйствительности. Вотъ почему въ нихъ столько комическаго, а комическое ихъ такъ грустно, что возбуждаетъ смѣхъ

сквозь слезы; еслибъ это были люди ничтожные—они не были бы даже и слишкомъ смѣшны: истинныхъ донъ-Кихотовъ можно найти только между не дюжинными людьми. Но главное: они всегда были, есть и будутъ. Это типъ вѣчный, это единая идея, всегда воплощающаяся въ тысячѣ разныхъ видовъ и формъ, сообразно съ духомъ и характеромъ вѣка, страны, сословія и другими отношеніями, необходимыми и случайными. Такъ и теперь сколько есть донъ-Кихотовъ, напр., въ одной литературѣ! Человѣкъ, который искренно убѣжденъ въ томъ, чему уже никто не вѣритъ, и который жертвуетъ трудомъ, достояніемъ, спокойствіемъ и здоровьемъ для убѣжденія другихъ въ своемъ убѣжденіи,—развѣ онъ не донъ-Кихотъ? Сколько ума-паго, истиннаго въ томъ, что̀ говоритъ онъ, а цѣлое все-таки—ложь, возбуждающая уже не негодованіе, а смѣхъ, вызывающая не возраженія, а насмѣшки...

Итакъ, достоинство Сервантесова романа—въ идеѣ: идея сдѣлала его вѣчнымъ, никогда неумирающимъ и никогда нестарѣющимся поэтическимъ произведеніемъ. Въ идеѣ заключается причина того, что, несмотря на испанскія имена, мѣстность, обычаи, частности,—люди всѣхъ націй и всѣхъ вѣковъ читаютъ и будутъ читать «Донъ-Кихота». Что же касается до испанскаго колорита и событій, характеровъ и лицъ—этотъ колоритъ свидѣтельствуетъ, что идея «Донъ-Кихота» — живая, воплотившаяся, и обособившаяся, а не отвлеченно общая и отвлеченная идея.

Вотъ это-то жизненно-органическое сліяніе общаго (идеи) съ особнымъ (вѣкъ, страна, индивидуальные характеры) составляетъ сущность и достоинство романовъ Вальтеръ-Скотта. Этотъ великій поэтъ былъ человѣкъ, Британецъ и баронетъ въ добавокъ: у него были свои личныя понятія и понятьица, свои личныя чувства и чувствованьица, національныя вражды и непависти, народные предразсудки, что̀ все, вмѣстѣ взятое, и сгубило его «Исторію Наполеона».

Но онъ ничего этого не вносилъ въ свою творческую дѣятельность, и входя въ созерцаніе судебъ человѣчества и человѣка, откладывалъ въ сторону свою личность и свое баронетство: онъ хотѣлъ только приковать къ бумагѣ видѣнія и образы, возникавшіе передъ его внутреннимъ окомъ, а судить, резонерствовать о нихъ предоставлялъ другимъ. И хорошо сдѣлалъ: онъ вообще не мастеръ былъ судить; но въ творчествѣ былъ великій мастеръ. Потому-то романы его были зеркаломъ дѣйствительности, въ которомъ она походила сама на себя больше, нежели тогда, когда оставалась бы просто дѣйствительностію. Въ его романахъ вы видите и злодѣевъ, но понимаете, почему они—злодѣи, и иногда интересуетесь ихъ судьбою. Большею же частію, въ романахъ его вы встрѣчаете мелкихъ плутовъ, отъ которыхъ происходятъ всѣ бѣды въ романахъ, какъ это бываетъ и въ самой жизни. Герои добра и зла очень рѣдки въ жизни; настоящіе хозяева въ ней—люди середины, ни то, не сё. Вальтеръ-Скоттъ былъ натуры глубокой, но спокойной и тихой, пользовался отличнымъ здоровьемъ и не зналъ нищеты и бѣдности. Оттого, взглядъ его на жизнь веселъ и ясенъ, а романы, большею частію, оканчиваются счастливо; но, какъ человѣкъ геніальный, а слѣдовательно, и уважавшій свято объективную истину изображаемаго имъ міра, онъ написалъ нѣсколько романовъ, которые очень похожи на ужасныя трагедіи, какъ, напримѣръ, «Ламмермурская Невѣста», «Сенъ Ронанскія воды», «Айвенго, или Ivanhoe» (со стороны судьбы Ревекки), «Морской Разбойникъ» (Бренда)... Да, романы Вальтеръ-Скотта потому великія произведенія искусства, что они не прикрашенное и не разспропленное, а дѣйствительное, хотя и идеальное, изображеніе жизни какъ она есть. Только жалкіе писаки подбѣливаютъ и подрумяниваютъ жизнь, стараясь скрывать ея темныя стороны, и выставляя только утѣшительныя. Но романы этихъ господъ-сочинителей похожи на грошевые

пряники, которые услаждаютъ вкусъ одной черни, подонковъ и осадковъ человѣчества. Истина выше всего, и какъ ни закрывайте глаза отъ зла — зло отъ этого не меньше существуетъ таки. Недавно было въ модѣ нападать на современныхъ французскихъ романистовъ за исключительно мрачный взглядъ ихъ на жизнь; но теперь порядочныя люди уже не нападаютъ на нихъ за это, сколько потому, что эти нападки уже старая пѣсня, столько и вслѣдствіе умной, хотя и поздней догадки, что никто не можетъ видѣть вещи иначе, какъ онѣ представляются ему, и что кто не любитъ мрачныхъ картинъ, тотъ не смотри на нихъ, а писать ихъ все-таки не мѣшай. Теперь эти нападки сдѣлались достояніемъ меньшей литературной братіи,—и Боже мой! какія тонкія остроты, какія грозныя анаѳемы бросаетъ она на бѣдную французскую литературу, втайнѣ удивляясь ей, и въявь питаясь убогими крохами съ ея богатаго стола... Смѣшно и жалко!...

Какъ великій геній, Вальтеръ-Скоттъ не могъ не имѣть сильнаго вліянія на свой вѣкъ и даже на людей, съ которыми у него и у которыхъ съ нимъ не было ничего общаго. Всѣ бросились писать историческіе романы, не зная исторіи, будучи чужды всякаго историческаго созерцанія и взгляда на жизнь, и думая, въ простотѣ сердца, что романы великаго Шотландца оттого такъ удались, что въ нихъ исторія слита съ частнымъ бытомъ, и что имъ стоитъ только перелистовать какой-нибудь томъ исторіи Карамзина, да придумать любовь, разлуку, препятствіе и благополучный бракъ—такъ и они будутъ Вальтеръ-Скоттами—и разбогатѣютъ, и прославятся. Нѣкоторымъ, въ самомъ дѣлѣ, удалось это въ каррикатурѣ и миніатюрѣ. Впрочемъ, не должно думать, чтобъ таковы только были результаты движенія, произведеннаго Вальтеръ Скоттомъ: они были безконечно важны во всѣхъ отношеніяхъ, и для всѣхъ литературъ, слѣдственно и для нашей. Мы уже упоминали о

прекрасныхъ попыткахъ Лажечникова, и могли бы сдѣлать еще важнѣйшія указанія,—но это не относится собственно къ роману. Любопытно бы было взглянуть, какъ подѣйствовалъ Вальтеръ-Скоттъ на большую, по числу, часть своихъ подражателей; но это когда-нибудь,—а теперь обратимся къ романамъ г. Загоскина и къ другимъ одной съ ними категоріи.

«Юрій Милославскій» былъ первымъ историческимъ романомъ на русскомъ языкѣ. Историческаго въ немъ было—надо сказать правду—очень мало, если исключить собственныя имена, числа и внѣшнія событія. Русскіе люди первой половины XVII вѣка у него очень похожи на мужичковъ и бородатыхъ торговцевъ нашего времени. Герой — образъ безъ лица, не человѣкъ и не тѣнь: его ни руками схватить, ни глазами увидѣть; но что всего забавнѣе, этому безтѣлесному существу авторъ навязалъ понятія, чувства и деликатность сантиментальныхъ героевъ прошлаго вѣка. Замашка—основать русскій романъ XVII вѣка на любви, показываетъ, что авторъ не вникъ въ бытъ старой Руси и увлекался подражаніемъ Вальтеръ-Скотту. Всѣ лица романа — осуществленіе личныхъ понятій автора; всѣ они чувствуютъ его чувствами, понимаютъ его умомъ. Нѣкоторыя изъ этихъ лицъ нравятся въ чтеніи, потому что авторъ умѣлъ придать имъ какой-то призракъ дѣйствительности, и это умѣнье обличало въ немъ прежняго драматическаго писателя. Особенно же нравятся эти лица тѣмъ достолюбезнымъ добродушіемъ, которое умѣлъ придать имъ авторъ. Познакомившись съ такимъ лицомъ на одной страницѣ романа, вы знаете, что̀ онъ будетъ говорить и дѣлать на другой, третьей—и такъ до послѣдней, а все-таки съ удовольствіемъ слѣдите за нимъ. Но герои добра и зла ужасно не удачны: мы говорили уже о самомъ Милославскомъ, а теперь скажемъ, что и таинственный незнакомецъ, открывающійся потомъ Мининымъ, не лучше его; боярин Кру-

чина и другъ его сбиваются на мелодраматическихъ злодѣевъ... И однакожь романъ произвелъ въ публикѣ фуроръ: онъ былъ первая попытка на русскій историческій романъ; сверхъ того, въ немъ много теплоты и добродушія, которыя сдѣлали его живымъ и одушевленнымъ; разсказъ легкій, льющійся, увлекательный: ничему не вѣрите, а читаете, словно «Тысячу и Одну Ночь». Его и теперь можно перелистовать съ удовольствіемъ, какъ, вѣроятно, вы перелистываете иногда «Робинзона Крузое», который въ дѣтствѣ доставлялъ вамъ столько чистѣйшаго и упоительнѣйшаго наслажденія. — За «Юрьемъ Милославскимъ» послѣдовалъ другой русскій историческій романъ г. Загоскина «Рославлевъ». Онъ былъ повтореніемъ «Юрія Милославскаго»: тѣ же лица, тѣ же характеры, тѣ же начала, тѣ же достоинства и недостатки, исключая одной героини, которая сдѣлалась виновата передъ судомъ автора въ томъ, что, какъ женщина, полюбила мущину, не спрашивая, какой онъ націи. И за это авторъ старался всѣми силами выставить ее въ самомъ неблагопріятномъ свѣтѣ, а героя тѣмъ паче возвеличить; но какъ сей великій мужъ былъ роднымъ братомъ боярина Юрія Милославскаго, то романъ и палъ, несмотря на возгласы пріятелей. Не будемъ и мы тревожить его праха. — «Аскольдова Могила» была могилою славы автора, какъ историческаго романиста; онъ самъ это увидѣлъ, и утѣшился тѣмъ, что изъ плохаго романа сдѣлалъ плохое либретто для хорошей оперы. Тогда онъ обратился къ простымъ, неисторическимъ романамъ, въ которыхъ талантъ его явно попалъ въ свою настоящую сферу, хоть и повыбился изъ силъ, напрягая ихъ въ чуждой ему сферѣ, куда приманила его подражательность. Подлинно, справедливо сказано:

Гони природу въ дверь — она влетитъ въ окно!...

Оставимъ пока романы г. Загоскина и обратимся къ историческому обозрѣнію романической дѣятельности другаго зна-

менитаго таланта: такъ требуетъ внутренняя связь нашей статьи.

Первымъ романомъ г. Булгарина былъ знаменитый въ русской литературѣ «Иванъ Выжигинъ»,—это извѣстно всей просвѣщенной Европѣ. Сатира и мораль составляютъ душу этого превосходнаго произведенія; сатира отличается такимъ жолчнымъ остроуміемъ, а мораль—такою убѣдительностію, что тотчасъ же по выходѣ «Ивана Выжигина», въ Россіи уже нельзя было увидать ни одного изъ пороковъ и недостатковъ, осмѣянныхъ г. Булгаринымъ. И не удивительно: въ сатирѣ ему служилъ образцомъ Сумароковъ, «гонитель злыхъ пороковъ»... Вторымъ романомъ г. Булгарина былъ «Димитрій Самозванецъ», который, впрочемъ, показалъ, что историческая почва нисколько не родственна таланту г. Булгарина, столь сильному и поэтическому на моральной почвѣ. Романъ палъ, и только чрезвычайный успѣхъ «Выжигина» помогъ разойдтись единственному изданію «Самозванца». Въ немъ были всѣ недостатки «Юрія Милославскаго», но не было ни тѣни теплоты и добродушія, составляющихъ неотъемлемое достоинство произведенія г. Загоскина. Врочемъ, г. Булгаринъ умѣлъ, съ другой стороны, сдѣлать свой историческій романъ, если не интереснымъ, то заслуживающимъ неоспориваемое уваженіе: именно, съ моральной стороны, съ которой онъ такъ замѣчателенъ. Вотъ что̀ сказалъ о немъ Пушкинъ, прикинувшійся разъ Θеофилактомъ Косичкинымъ: «Что̀ можетъ быть нравственнѣе сочиненій г. Булгарина? Изъ нихъ мы ясно узнаемъ: сколь не похвально лгать, красть, предаваться пьянству, картежной игрѣ и т. п. Г. Булгаринъ наказуетъ лица разными затѣйливыми именами: убійца названъ у него Ножовымъ, взяточникъ—Взяткинымъ, дуракъ—Глаздуринымъ, и проч. Историческая точность одна не дозволила ему назвать Бориса Годунова—Хлопоухинымъ, Димитрія Самозванца—Каторжниковымъ, а Марину Мнишекъ—княжной Шмохиною: за то и лица сіи представлены нѣсколько блѣдно» (см. «Те-

лескопъ» 1831 года, ч. IV). Третьимъ романическимъ подвигомъ г. Булгарина былъ «Петръ Ивановичъ Выжигинъ»— опять историческій романъ, гдѣ Наполеонъ былъ представленъ въ контрастѣ съ Петромъ Ивановичемъ, и гдѣ Петръ Ивановичъ совершенно заслонилъ Наполеона—что и доказало неспособность г. Булгарина живописать историческія личности, особенно такія великія, какъ Наполеонъ. Г. Загоскинъ въ то же время и такъ же неудачно изображалъ Наполеона въ своемъ «Рославлевѣ»: чудное сходство въ направленіи романической дѣятельности обоихъ этихъ писателей!... Тогда г. Булгаринъ съ горя отъ неудачи впалъ въ новую неудачу—написалъ третій и послѣдній историческій романъ свой—«Мазепу». Дружба всѣми силами старалась поддержать это произведеніе, но и сама рушилась подъ тяжестію такого подвига: читатели, можетъ-быть, вспомнятъ ловкую статью о «Мазепѣ» въ «Библіотекѣ для Чтенія». Тогда г. Булгаринъ написалъ «Записки Чухина», гдѣ снова, и уже навсегда, вошолъ въ родственную его таланту сферу.

Теперь намъ остается разсмотрѣть, что такое моральный романъ, т. е., какъ онъ пишется и къ чему онъ годенъ. О восторженномъ родѣ романовъ новаго сказать нечего; что же до идеально-сантиментальныхъ, то здѣсь не мѣсто и не время распространяться о нихъ; мы предоставляемъ себѣ воспользоваться этимъ удовольствіемъ при появленіи перваго романа въ такомъ родѣ, или—чего лучше!—при выходѣ послѣднихъ двухъ частей «Аббаддонны» г. Полеваго: извѣстно, что первыя четыре части были изданы два раза безъ хвоста, о которомъ мы имѣемъ понятіе по двумъ большимъ отрывкамъ, напечатаннымъ въ «Сынѣ Отечества» 1840 года. Итакъ, приступаемъ прямо къ разбору «Кузьмы Петровича Мирошева» какъ типическаго представителя цѣлаго рода романовъ, который должно назвать морально-сатирическимъ.

Всѣ главы въ новомъ романѣ г. Загоскина означены разными затѣйливыми заглавіями, которыя вошли въ моду въ

нашей литературѣ съ появленія въ свѣтъ «Повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ». Первая глава «Кузьмы Петровича Мирошева» гласитъ «О томъ, гдѣ и когда случилось то, о чемъ разсказывается въ этой истинной повѣсти». Начинается она возраженіемъ противъ несправедливо пріобрѣтенной рѣкою Сурою извѣстности въ народѣ (вѣроятно, народѣ Пензенской губерніи, гдѣ она только извѣстна): авторъ справедливо замѣчаетъ, что покрытыя сосновыми лѣсами берега Суры очень мрачны, и что Сура течетъ на сѣверъ. Вы ожидаете, читатель, встрѣтить на берегу этой несправедливо прославленной (что́ неопровержимо доказано г. Загоскинымъ почти на двухъ страницахъ) рѣки городъ, или деревню, гдѣ родился герой, или гдѣ началось дѣйствіе романа: ничего не бывало! Сура не имѣетъ никакого отношенія къ роману, точно такъ же, какъ и Гангесъ или Нилъ; на берегу Хопра начался и кончился романъ... Вы, можетъ-быть, думаете, что авторъ распространился ни съ того ни съ сего о Сурѣ только для того, чтобъ къ его роману, тощему содержаніемъ прибавились, полторы лишнія странички: ошибаетесь, читатель! Нѣтъ, это просто подражаніе русскимъ пѣснямъ: кто не знаетъ, что почти всѣ наши народныя пѣсни начинаются не съ того, съ чего начинаются, а именно съ того, съ чего не начинаются, напримѣръ:

Ужъ не лебедь ходитъ бѣлая
По зеленой травкѣ шолковой,
Ходитъ красна дѣвица душа
Во кручинѣ, въ мысляхъ горестныхъ, и пр.

Или:

Не былинушка въ чистомъ полѣ зашаталася,
Зашаталася безпріютная головушка,
Безпріютная головушка молодецкая, и пр.

Продолжаю. Хопру посвящено только нѣсколько строкъ; за тѣмъ на тринадцати страницахъ слѣдуетъ описаніе деревни, принадлежащей герою романа. Деревня—какъ всѣ

русскія деревни — ничего особеннаго! Въ число этихъ тринадцати страницъ должно включить легенду объ источникѣ, или родникѣ въ деревнѣ Мирошева. Вотъ ужъ этого не понимаемъ: зачѣмъ сюда зашла эта легенда, если не для забавы читателей? ибо тѣ добрые люди, которые могли бы прійдти отъ нея въ умиленіе, за безграмотностію, не прочтутъ романа г. Загоскина. Изъ второй главы узнаемъ, «Откуда происходитъ родъ Мирошевыхъ, и отчего у прадѣда Кузьмы Петровича было двѣ тысячи душъ, а ему досталось только пятьдесятъ». Авторъ начинаетъ родъ Мирошевыхъ не съ яицъ Леды; а только лѣтъ за сто съ небольшимъ до царя Ѳеодора Іоанновича; и потому надо прочесть, по крайней мѣрѣ, три страницы, прежде, чѣмъ дойдешь до отца героя романа, Кузьмы Петровича. Отецъ его тянулся изъ всѣхъ силъ имѣть псарню — не меньше, чѣмъ у князя Ромодановскаго, и протянулъ тысячу шестьсотъ душъ, а сыну оставилъ съ небольшимъ четыреста. Петръ Кузмичъ женился на модницѣ, которая разорила его въ разоръ и терпѣть не могла своего сына (онъ-то и герой романа) за его кучерское имя, — что и заставило Петра Кузмича отвезти малолѣтнаго Кузьму Петровича въ Петербургъ и отдать въ кадетскій корпусъ. Чрезъ пять лѣтъ, родители Кузьмы Петровича умерли, и ему отъ четырехъсотъ душъ крестьянъ осталось только триста рублей денегъ.

Теперь мы будемъ слѣдовать за романомъ не по главамъ, а постараемся разсказать содержаніе всей книги покороче. У Кузьмы Петровича былъ дядька, Прохоръ Кондратьевичъ — маленькое, и не совсѣмъ удачное подражаніе Савельичу въ «Капитанской Дочкѣ». Здѣсь особенно интересно мнѣніе автора о слугахъ такого рода; представляемъ его на судъ читателей:

„Куда дѣвалось это поколѣніе вѣрныхъ слугъ боярскихъ? Оно изчезло вмѣстѣ съ патріархальными нравами нашихъ предковъ. Теперь такая безкорыстная любовь къ чужому ребенку можетъ по-

казаться невѣроятною, а встарину это бывало сплошь. Обыкновенно *барское дитя*, переходило отъ кормилицы къ нянюшкѣ, отъ няни мальчикъ поступалъ подъ надзоръ дядьки, и всѣ эти хожатые: кормилица, нянюшка и дядька сохраняли до самой смерти неизмѣнную привязанность къ ребенку, который впослѣдствіи становился ихъ барином. *Разумѣется*, эта любовь была всегда самая слѣпая и безотчетная; обыкновенно каждая нянюшка и каждый дядька не сомнѣвались, что ихъ дитя и умнѣе и лучше своихъ братьевъ и сестеръ. Это бы еще ничего: но они также были увѣрены, что оно не могло быть никогда и ни въ чемъ виноватымъ. Отъ этого происходили иногда споры, которые не всегда оканчивались миролюбиво: бывало два братца подерутся между собою, а тамъ—глядишь и нянюшки таскаютъ другъ друга за волосы" (ч. I, стр. 52).

Получивъ наслѣдство (300 руб.), Мирошевъ былъ выпущенъ изъ корпуса офицеромъ и заказалъ себѣ Нѣмцу портному полную форменную экипировку; а Прохоръ выторговалъ у Нѣмца 30 рублей изъ ста, расплакавшись передъ нимъ о бѣдности барина. Затѣмъ, Мирошевъ пошелъ въ прусскую кампанію. По увѣренію почтеннаго и даровитаго автора «всѣ товарищи полюбили его за кроткій нравъ, примѣрное добродушіе и веселый обычай, который, однакожь, не помѣшалъ ему быть самымъ разсудительнымъ и степеннымъ прапорщикомъ во всей арміи; служивые говорили о немъ, какъ о самомъ отличномъ и исправномъ фрунтовомъ офицерѣ, а вся молодежь называла его дядюшкой. Лицо, какъ видите, идеальное, вполнѣ заслуживающее чести быть героемъ такого прекраснаго романа, какъ «Кузьма Петровичъ Мирошевъ». Прохоръ тоже попалъ въ большую честь за свою услужливость и честность, а главное—за умѣнье объясняться съ Нѣмцами. Одинъ русскій офицеръ попросилъ у Нѣмца молока, а тотъ подалъ ему колбасу—офицеръ было и по зубамъ Нѣмца; но позвали Прохора, и тотъ сталъ на четвереньки, заревѣлъ теленкомъ (?!). Нѣмецъ догадался—и дѣло кончилось миролюбиво. Въ полку былъ поручикъ Фурсиковъ—забіяка въ мирѣ и трусъ на войнѣ. Мирошевъ былъ свидѣтелемъ его трусости (повтореніе слово въ слово

исторіи съ княземъ Блёсткинымъ въ «Рославлевѣ»). Когда кончилась война, и Мирошевъ воротился съ полкомъ въ Россію, Фурсиковъ былъ эскадроннымъ командиромъ и такъ распекалъ при всякомъ случаѣ нашего Мирошева, что тотъ подалъ въ отставку и поѣхалъ въ Москву искать своихъ сослуживцевъ—не помогутъ ли они найдти ему штатское мѣстечко. Имѣнія съ нимъ было—пара крестьянскихъ лошадей, телега, да пять цѣлковыхъ въ карманѣ. Жалѣлъ о немъ болѣе всѣхъ гуляка и рубака, добрый малый, Костоломовъ... Да! я и забылъ сказать, что у Мирошева была родная тетка, старая дѣвица, у которой было 50 душъ крестьянъ, и съ которою мать его, а ея сестра, была во враждѣ. На дорогѣ къ Москвѣ, Мирошевъ разговорился съ Прохоромъ о томъ о семъ, и Прохоръ, между прочими умными вещами, которыя онъ такой мастеръ говорить, сказалъ, что не худо бы Кузьмѣ Петровичу имѣть душъ тысячи двѣ крестьянъ. «Э!—отвѣчалъ Мирошевъ: хорошо было бы, еслибъ хоть вотъ и этакую деревеньку,—вотъ, что стоитъ на лѣво-то!» Тутъ баринъ и деньщикъ пустились въ запуски хвалить деревеньку,—и у Мирошева ни съ того ни съ сего загорѣлось остановиться въ ней кормить лошадей, хоть они еще и мало отъѣхали. Слуга было заспорилъ, но скоро согласился: вѣдь противъ судьбы не пойдешь... Да, судьбы, читатель, судьбы: радостное біеніе вашего сердца и тонкая проницательность вашего ума давно уже сказали вамъ, къ чему ведутъ всѣ эти подробности... Путешественники остановились въ крайней избѣ у старосты Парѳена. Прохоръ предлагаетъ барину обѣдъ, но баринъ хочетъ гулять. Оно такъ и должно: всѣ истинные герои романовъ любятъ гулять и мечтать, хоть бы они родились и жили въ такое время, когда по пусту шататься не любили и всякому гулянью предпочитали—поплотнѣе набивши желудокъ, хорошенько всхрапнуть. Но Мирошевъ былъ изъ грамотныхъ и, вѣроятно, уже прочелъ «Приключенія Никанора, несчаст-

наго Дворянина»:—похожденія знаменитаго «Георга Милорда Англинскаго» тогда едва ли еще были изданы. Вотъ Мирошевъ и спрашиваетъ у одного мужичка, можно ли погулять въ рощѣ.—«Сколько душѣ угодно, не то, что въ рощѣ, да и въ саду».—Стало-быть, господъ нѣтъ дома?—«Была барыня, да и та умерла».—(Понимаете?...) Такъ и домъ посмотрѣть можно?—«Вѣстимо». Пока ключница пошла за ключами, Мирошевъ глядь въ дверь одной комнаты, да и остолбенѣлъ... Тамъ—видите—сидѣла, облокотясь на столъ и читая книжку, прелестная молодая дѣвица съ печальнымъ лицомъ. Описаніе ея красоты пропускаемъ: оно превосходно, но нѣсколько сбивается на общій тонъ чувствительныхъ романовъ. Вдругъ у дѣвицы выступили на глазахъ слезы, а у Мирошева облилось сердце кровью. «Боже мой—подумалъ онъ:—и это небесное созданіе, этотъ ангелъ несчастливъ!» Краснѣя, онъ разспросилъ ключницу потомъ объ этой дѣвицѣ и узналъ, что она—«дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей», сирота, призрѣнная покойною владѣтельницею деревеньки. Яркими красками описала Мирошеву ключница Ѳедосья добродѣтели сей дѣвицы, и какъ она, Ѳедосья, видѣла во снѣ свою умершую дочь и прочее, все такое... Гуляя, Мирошевъ расплакался,—изъ сего ясно видно, что онъ «полюбилъ сильно, глубоко и вѣчно, а не тою чувственною любовью, что вспыхнетъ да пройдетъ». Наплакавшись и нагулявшись, онъ воротился въ деревню—глядь, въ ней движеніе: мужики и бабы въ праздничныхъ платьяхъ, и лишь кто увидитъ его, бухъ ему въ ноги... Что такое? спрашиваетъ изумленный Мирошевъ. Такъ-съ ничего-съ! отвѣчаетъ ему таинственнымъ голосомъ Прохоръ. Короче, читатель: помѣщица села Хопровки, недавно умершая, была вышереченная тетка Мирошева, и Кузьмѣ Петровичу не даромъ захотѣлось кормить лошадей въ этой деревенькѣ... Впрочемъ, вы давно уже ожидали такого чуда. Но вотъ бѣда: тетенька-то хотѣла отказать имѣніе своей

питомицѣ; Кузьма Петровичъ даже нашелъ написанную вчернѣ духовную, которую не успѣли перебѣлить за смертію помѣщицы. Какъ истинный герой романа, чувствительный и великодушный, онъ почитаетъ себя не въ правѣ воспользоваться наслѣдствомъ, не ему отказаннымъ, и, къ величайшему огорченію Прохора, отдаетъ деревню Марьѣ Дмитріевнѣ, которая жила въ людской, въ семействѣ добродѣтельнаго лакея Лаврентія,—а самъ хочетъ уѣхать въ Москву. Героиня наша и не прочь было, да какъ узнала отъ Прохора, что у его барина-то имѣнія всего-на-все, и съ лошадьми, рублей на 50,—то и не хотѣла уступить герою въ великодушіи, и печатнымъ, т. е. книжнымъ слогомъ плохихъ романовъ второй четверти текущаго столѣтія, начисто отказалась отъ деревни: иду-де, говоритъ, въ монастырь. Затѣмъ слѣдуетъ въ высшей степени патетическая сцена: Мирошевъ, собравшись съ духомъ, предлагаетъ ей владѣть деревнею вмѣстѣ, а то—говоритъ—я уѣду на край свѣта, и сойду съ ума, и умру съ тоски. Все это очень хорошо, весьма трогательно, только во всемъ этомъ не видно нисколько людей того времени, а слѣдовательно, и никакихъ людей. Но передъ вѣнцомъ, оба они явились вдругъ людьми того времени: не говоря уже о невѣстѣ, самъ женихъ страшно затосковалъ о томъ, что ихъ некому проводить къ вѣнцу, и не будь Ѳедосьи и Прохора, я думаю, что бракъ не состоялся бы, а романъ кончился бы, вовремя... Изъ церкви, Мирошевъ, по предложенію новобрачной, пошелъ на могилу тетки: тамъ Марья Дмитріевна посадила кустъ розановъ, который сначала было сталъ расти, а потомъ завялъ, листья облетѣли. Приходятъ, и—о, диво дивное и чудо чудное!—кустъ разросся, раззеленѣлся, разцвѣлъ. «О, матушка, матушка!» вскричала Марья Дмитріевна, упавъ на могилу своей благодѣтельницы: «я понимаю тебя: ты благословляешь дитя свое, ты радуешься его счастью»! Послѣ этого трогательнаго воззванія по такому

чувствительному поводу, молодые упали на колѣни на могилѣ. Замѣтивъ эффектъ, произведенный надъ мужемъ своею рѣчью, Марья Дмитріевна проговорила другую—еще лучше, обнявъ своего нѣжнаго супруга: «О, мой другъ! теперь нѣтъ сомнѣнья, мы будемъ счастливы! она благословляетъ нашъ союзъ. Вчера этотъ кустъ походилъ на мертвый трупъ, а сегодня... Посмотри, какъ пышны эти розаны, какъ свѣжа эта зелень! Видишь ли, какъ блестятъ на листочкахъ эти алмазныя капли росы?... О, нѣтъ, нѣтъ! Это не роса: это радостныя слезы моей второй матери!»... Милое, доброе созданіе эта Марья Дмитріевна: и говоритъ, какъ пишетъ, или словно по печатному читаетъ; во всякомъ случаѣ, говоритъ какъ не говорятъ и теперь, и какъ еще менѣе могли говорить въ тѣ времена, когда вслѣдствіе родительской предосторожности насчетъ нравственности дочерей, дѣвушекъ не учили ни читать, ни писать... Зачѣмъ же она такъ говоритъ, какъ нигдѣ не говорятъ, кромѣ плохихъ романовъ! Затѣмъ, милостивые государи, чтобъ плѣнить воображеніе, тронуть сердце и убѣдить умъ читателя, какъ это предписывается къ любой риторикѣ... Вы думаете, что тутъ и все? что наши герои зажили благополучно и— и роману конецъ?... Какъ бы не такъ! Это еще только первая часть, только вступленіе, за которымъ слѣдуютъ три части; это только присказка, а сказка-то впереди... Доскажемъ же ее какъ-нибудь.

Между первою и второю частью проходитъ 18-ть лѣтъ. Марья Дмитріевна уже превратилась въ барыню толстую, плотную и румяную—простонародный идеалъ русской красоты! (Замѣчательно, что у г. Загоскина въ этомъ романѣ дѣйствующія лица большею частію плотныя, толстыя, а мужчины почти всѣ лысые...). Она уже объясняется просто, иногда даже черезчуръ просто, какъ всѣ русскія помѣщицы того времени, т. е. 1780 года. Кузьма Петровичъ мало перемѣнился, да и не отъ чего: вѣдь онъ это время только

ѣлъ, пилъ да спалъ; человѣкъ онъ былъ добрый — мухи не обидитъ, на слугу не осердится; итакъ, не удивительно, что онъ только постарѣлъ немного. У нихъ есть дочь Варинька—вотъ ужь милочка-то: глаза голубые (счетомъ два), носикъ... ну, да вы и такъ ее знаете наизустъ. Авторъ очень жалѣетъ, что принужденъ былъ сравнить ея станъ съ аравійскою пальмою, а не съ русскою сосною, — и мы вполнѣ раздѣляемъ его горе.

„Пылкое сердце и какая-то наклонность къ мечтательности составляли отличительную черту ея характера: въ этомъ она вовсе не похожа на своихъ родителей, которые не давали волю (*и*) своему воображенію (*и не мудрено: у нихъ его вовсе не было*!), не залетали въ *туманную даль*, а жили по просту, какъ Богъ велѣлъ, — и вѣрно въ нашъ романтическій вѣкъ показались бы людьми весьма обыкновенными, прозаическими и даже пошлыми (*вотъ что правда, то правда!*). Бѣдняжки! они не знали, что разгульная и буйная жизнь имѣетъ свою поэзію (*но неужели же животной жизни противополагается только разгульная и буйная: есть еще разумно-человѣческая, которая выше той и другой*); что жизнь спокойная, не волнуемая страстями, вовсе не жизнь, а прозябаніе; что мы, хотя живемъ на сѣверѣ, а должны смотрѣть на западъ, и такъ же, какъ тамъ, думать объ одномъ только земномъ просвѣщеніи, т. е. что мы можемъ забыть о земной нашей родинѣ; но за то должны передъ наукою благоговѣть какъ передъ святынею, и художеству покланяться какъ божеству“.

А! вотъ что! понимаемъ... Но возьмите немного терпѣнія—то ли еще поймете: для того то мы и пересказываемъ вамъ содержаніе этого романа. Недалеко отъ Мирошевыхъ деревня Кирсанова, богатаго помѣщика, у котораго есть сынъ. Разумѣется, онъ влюбленъ въ нее, а она начала «обожать» его. Къ Мирошевымъ ѣздятъ сосѣди Вертлюгины, мужъ—дуракъ, а жена—кокетка, модница, сплетница и все что угодно: авторъ изобразилъ ее со всею ѣдкостію своей неподражаемой ироніи; потомъ, бѣдный помѣщикъ, Зарубкинъ, сплетникъ, пьяница, побироха и шутъ. Мы и не упомянули бы о немъ, да съ нимъ былъ анекдотъ, который

вѣрно характеризуетъ то прекрасное время, когда люди «передъ наукою не благоговѣли, какъ передъ святынею, и художеству не поклонялись, какъ божеству». Послушайте разсказъ самаго Зарубкина о томъ, что сдѣлалъ съ нимъ Аѳонька, шутъ Кирсанова:

Да, сударь! привязался ко мнѣ, проклятый! Научили что ль его — не знаю. Началъ такія не пригожія рѣчи говорить, всячески меня порочить; я сначала все въ шутку поворачивалъ, да онъ ужь больно сталъ нахальничать: натянулъ палецъ, да и щолкъ меня по носу; я его отпихнулъ — а онъ и ну драться. А Иванъ Никифоровичъ, чѣмъ бы дурака-то унять, кричитъ: „Не поддавайся, Аѳонька!“ — а тотъ и пуще! Гляжу: ахти! дуракъ-то ужь и до рожи добирается!... Я и руками, и ногами, кричу: „батюшки бьетъ! батюшки бьетъ!“ а *его высокородіе* такъ и умираетъ со смѣху. Да ужь сынокъ-то его, Владиміръ Ивановичъ, дай Богъ ему здоровье, такой добрый! схватилъ Аѳоньку за воротъ и оттащилъ прочь; а все этотъ шальной раза два съѣздилъ меня по уху. Что будешь дѣлать!“ (*Часть II, стр. 20—21*).

Да, можно повѣрить, что Зарубкинъ «не благоговѣлъ передъ наукою, какъ передъ святынею, и художеству не поклонялся, какъ божеству»: такое самоуниженіе и животное незнаніе своего человѣческаго достоинства никогда не соединяется съ благородною любовію къ наукѣ и возвышенною страстью къ искусству. И что идетъ къ Зарубкину, то же можно сказать и о вѣкѣ «Зарубкиныхъ»...

Въ сосѣдствѣ деревни Мирошевыхъ было имѣніе одного богача-графа, который, поручивъ его управленію холопа своего, Курочкина, не хотѣлъ и знать о немъ: въ немъ было всего только 400 душъ! Курочкинъ этотъ былъ знаменитый, въ духѣ того времени, законовѣдецъ: чуть кто ему не поправится — тяжбу, да и оттягаетъ, именемъ графа, сколько захочетъ десятинъ земли, или лѣсу. У Курочкина былъ сынъ — офицеръ... Я и забылъ сказать, что въ семействѣ Мирошевыхъ есть дѣвушка Дуняша — родъ подруги и горничной Вариньки, дочь того Лаврентія, что нѣкогда призрѣлъ было Марью Дмитріевну. Курочкинъ началъ на-

мекать Мирошеву о сватовствѣ, а тотъ думая, что дѣло идетъ о Дуняшѣ, и радехонекъ; но когда недоразумѣніе разрѣшилось—въ Мирошевѣ проснулась дворянская гордость. Прохоръ чуть не избилъ сваху; Марья Дмитріевна—та, что говорила по печатному на могилѣ—не уступила въ ревности Прохору: насилу отстоялъ отъ нихъ Мирошевъ бѣдную сваху. Впрочемъ, этой свахѣ досталось и отъ автора: онъ такое принялъ горячее участіе въ оскорбленіи Мирошева, что изобразилъ ее хуже чорта и такъ смѣшно, что еслибъ прочелъ Прохоръ, то сказалъ бы: «батюшки свѣты, животики надорвешь—умора да и только»... Такъ же саркастически изображенъ и сынъ Курочкина: самъ Митрофанъ Фонъ-Визина—умница передъ нимъ. Оно такъ и надо; чѣмъ солонѣй севрюжина, тѣмъ вкуснѣе для извѣстнаго разряда гастрономовъ... Между тѣмъ наши голубки вздыхаютъ, воркуютъ, и разъ такъ разворковались, что и кольцами помѣнялись. Владиміръ Ивановичъ Кирсановъ—второе изданіе Кузьмы Петровича, только съ корректурными поправками въ правописаніи: онъ надѣленъ всѣми возможными добродѣтелями, и не имѣетъ только лица и характера, но похожъ на вырѣзанную изъ картузной бумаги фигурку, у которой изъ-подъ головы тотчасъ же начинаются ноги, и на лбу ярлычокъ съ нумеромъ.—«Я—говоритъ онъ—противъ воли отца на тебѣ не женюсь, а любить буду до гроба и умру твоимъ суженымъ».

„О! какое неизъяснимое блаженство изобразилось въ глазахъ Варинькн! Моимъ суженымъ! повторила она. — Да чего еще я могу просить у Бога? Ты станешь вѣчно любить меня—да! вѣчно!... *Здѣсь* ты будешь женихомъ моимъ, а *тамъ* — Господь назоветъ насъ супругами! Онъ услышитъ мою молитву: твоя невѣста умретъ прежде тебя... О! какъ она будетъ тебя дожидаться!... Владиміръ!—продолжала Варинька, снимая съ пальца золотое колечко,—можетъ-быть въ церкви Божіей намъ не удастся никогда обмѣняться кольцами; надѣнь его и дай мнѣ свое. Если ты самъ не снимешь его съ моего пальца, то, будь увѣренъ, я лягу съ нимъ въ могилу...

— Теперь мы съ тобой обручены!—сказалъ Владиміръ, глядя съ *неизъяснимою любовью* на Вариньку. О, мой ангелъ невинности и доброты!—продолжалъ онъ, *цѣлуя ея руки*,—какая женщина въ мірѣ можетъ равняться съ тобою!... О, повѣрь, мой другъ! еслибъ любовь моя не была также чиста, какъ эти ясныя небеса... еще чище—какъ душа твоя! я не смѣлъ бы тогда прикоснуться къ тебѣ, не смѣлъ бы взять тебя за руку!... Какъ я люблю тебя *здѣсь*, такъ можно будетъ мнѣ любить тебя и *тамъ*, гдѣ нѣтъ ничего земнаго Ты правду сказала, Варинька: если не въ здѣшнемъ, такъ въ будущемъ мірѣ Господь благословитъ нашъ союзъ" *(ч. II, стр. 240—241)*.

Каково?—Попробуйте найти такую сцену любви у Шекспира, Байрона, Вальтеръ-Скотта, Купера, Шиллера, Гёте, Руссо, Пушкина: увѣряю васъ, что не найдете, лучше и не трудитесь, не ищите напрасно... Вотъ перо, такъ перо!... Господи, подумаешь, какіе есть сочинители на свѣтѣ: начнешь читать—такъ невольно и плачешь и смѣешься, смѣешься и плачешь...

Эта трогательная сцена любви была подслушана Вертлюгиною, которая нагло навязывалась на Кирсанова и ревновала его къ Варинькѣ. Вслѣдствіе этого, старикъ Кирсановъ увезъ своего сына въ Воронежъ, чтобъ насильно женить его тамъ на дочери своего богатаго пріятеля; отъ этого Варинька, на 94 стр. III части, упала въ обморокъ, и съ той же минуты, какъ истинная героиня романа, сдѣлалась больна, а Курочкинъ между тѣмъ затѣялъ дѣло, вслѣдствіе котораго Мирошевъ увидѣлъ себя въ необходимости ѣхать въ Москву, Варинька исхудала—узнать нельзя; къ большему несчастію, ее чуть не залѣчилъ Нѣмецъ лѣкарь. Игнатьева (которую мы доселѣ знали подъ именемъ Ѳедосьи) ворожитъ и колдуетъ, несмотря на свою набожность.

„Несмотря на это грубое невѣжество, на эту странную смѣсь вѣры съ суевѣріемъ, въ старину едва ли ужь не тверже вѣрили, и ужь конечно лучше нашего умѣли любить".

И спору нѣтъ: въ романѣ г. Загоскина столько представлено неоспоримыхъ доказательствъ этой истины, что невольно жалѣешь о своемъ отчаянномъ безвѣріи въ гаданія,

нашептыванія, вспрыскиванія, и о своей рѣшительной неспособности объясняться въ любви на манеръ Мирошевыхъ и Кирсановыхъ...

Дуняша давно уже играетъ не послѣднюю роль въ романѣ, а ея грудь все еще высоко взметывается безпредметною любовію, говоря высокимъ слогомъ. Но не безпокойтесь: такая достойная дѣвица не останется безъ «предмета»; авторъ неусыпно бдитъ за героями и героинями своего романа; онъ любитъ пары, и когда понадобится, у него голубокъ какъ съ неба свалится. На святкахъ Дуняша пошла ворожить въ баню, которая стояла въ полѣ за околицею. Вдругъ звонъ колокольчика — оглянулась: за ней косматое чудовище — ахъ!...и въ обморокъ. Очнувшись, увидѣла она не чудовище, а его... Онъ сбился съ дороги (въ тотъ вечеръ была страшная метель) и пришелъ на огонекъ... Оказалось, что это русскій лѣкарь, изъ Воронежа. Онъ вмигъ вылѣчилъ Вареньку, сказавъ ей наединѣ, разумѣется, что Владиміръ вѣренъ, а въ вящшее доказательство вручилъ ей и письмо. Словно рукой сняло болѣзнь—отецъ и мать въ восторгѣ: они увѣрены, что лѣкарство подѣйствовало. Уѣзжая, «лѣкарь поглядѣлъ на Дуняшу такъ чудно, что она вся вспыхнула». Понимаете?... Вотъ вамъ и еще пара голубковъ. Они же и ровня: лѣкарь тоже сынъ крѣпостнаго человѣка... Надо сознаться, что подъ чудотворнымъ перомъ г. Загоскина все такъ хорошо улаживается, что лучше желать нельзя. Онъ повертываетъ законами дѣйствительности подобно тому герою русской сказки, который только скажетъ: «по моему прошенію, по щучьему велѣнію»—и какъ тутъ было...

Мирошевъ отправился съ прохоромъ въ Москву, и на дорогѣ (очень кстати) встрѣтился съ Костоломовымъ, который тоже ѣдетъ въ Москву искать себѣ мѣста городничаго въ какомъ-нибудь городишкѣ. Онъ—видите—любилъ несчастно, и, по великодушію, рѣшился подарить отцу своей

возлюбленной любимаго полвопѣгова борзаго кобеля, Буяна, чтобъ тотъ согласился отдать свою дочь за того, кого она любила (ч. III, стр. 263—276). Въ Москвѣ пріятели остановились на подворьѣ, и тотчасъ же были свидѣтелями, какъ сыщикъ Ванька Каинъ поймалъ разбойника, обманувъ его прежней пріязнью. Хлопоты Мирошева о дѣлѣ кончились тѣмъ, что подъячій Тетерькинъ, которому онъ, по простотѣ своей, несмотря на всѣ предостереженія Прохора, ввѣрился,—разорилъ его въ конецъ. Нашелся идеально честный человѣкъ, который взялъ на себя трудъ объяснить простаку, что его стряпчій сидитъ въ тюрьмѣ, откуда пойдетъ на каторгу, а его дѣло едва ли когда кончится. Домой! Но не на чемъ; ѣсть тоже нечего. Одна надежда на Костоломова, а тотъ самъ идетъ къ Мирошеву попросить взаймы. Узнавъ о положеніи пріятеля, Костоломовъ тащитъ его обѣдать къ какому-то графу.

„У нѣкорыхъ изъ вельможъ, жившихъ въ Москвѣ на покоѣ, почти ежедневно были такъ называемые *открытые столы*. Каждый опрятно одѣтый, человѣкъ, хотя бы онъ вовсе незнакомъ хозяину, могъ смѣло приходить обѣдать за этотъ столъ, его не спрашивали, кто онъ такой. Дождавшись въ столовой хозяина и *отвѣсивъ ему низкій поклонъ*, онъ садился за общую трапезу и кушалъ на здоровье во славу Божію и въ честь гостепріимнаго хозяина, которому и кушанье показалось бы не вкуснымъ, еслибъ за его столомъ сидѣло менѣе ста человѣкъ гостей. Этотъ обычай извѣстенъ намъ по одному преданію. Мы не дошли еще до просвѣщенной разсчетливости нашихъ западныхъ сосѣдей, у которыхъ отдѣленный сынъ не придетъ незваный обѣдать къ отцу; но несмотря на это съ трудомъ уже вѣримъ, что русское хлѣбосольство могло когда-нибудь существовать въ такомъ обширномъ размѣрѣ,—и вотъ почему я нашелъ необходимымъ предварить своихъ читателей, что этотъ обычай дѣйствительно существовалъ на Руси, и что были у насъ такіе бояре, которые находили удовольствіе угощать однимъ и тѣмъ же столомъ и бѣдныхъ и богатыхъ, и друзей и незнакомыхъ; однимъ словомъ, дѣлятся со всѣми богатствомъ, которымъ наградилъ Господь—и проживать свои доходы дома, а не копить деньги для того, чтобъ проматывать ихъ на чужой сторонѣ, ради *пріобрѣтенія себѣ* европейскаго имени“ *(ч. IV, стр. 122—123)*.

Теперь мы понимаемъ, въ чемъ дѣло...

Какъ ни допытывался Мирошевъ у Костоломова имени графа—тотъ не хотѣлъ его сказать до обѣда. Сѣли. Мирошеву досталось сидѣть подлѣ какого-то отставнаго драгунскаго офицера, который очень странно велъ себя и походилъ на помѣшаннаго. Надо замѣтить, что и Мирошевъ служилъ въ драгунахъ и былъ въ отставномъ драгунскомъ мундирѣ. Послѣ обѣда, узнавъ отъ Костоломова, что они обѣдали у того самого графа, съ которымъ у него процессъ, Мирошевъ, отъ простоты своей, перепугался—и бѣжать, а съ испугу едва могъ проговорить свою фамилію спрашивавшему его о ней дворецкому. На другой день вечеромъ Прохоръ, къ несказанной своей радости, получилъ, на имя своего барина, одинадцать серебряныхъ ложекъ. Черезъ нѣсколько часовъ, Мирошевъ узналъ, черезъ разговоры незнакомыхъ ему людей въ гостинницѣ, что отставной поручикъ Мирошевъ, обѣдая у графа такого-то, укралъ серебряную ложку, а графъ, когда ему донесли, велѣлъ отдать ему и остальныя одинадцать, говоря, что, можетъ-быть, бѣдный человѣкъ нуждается—такъ пусть уже у него будетъ цѣлая дюжина... Мирошевъ съ отчаянія о потерѣ честнаго имени наговорилъ короба три великолѣпныхъ фразъ и совсѣмъ бы зарѣзался, еслибъ Костоломовъ не напомнилъ ему о женѣ и дочери.

Здѣсь я прерву повѣствованіе (которое, впрочемъ, скоро кончится), чтобъ замѣтить, какой великій мастеръ г. Загоскинъ завязать и развязать узелъ романа. Процессъ Мирошева явно долженъ былъ быть проигранъ; Мирошевъ—нищій безъ земли съ 50-ю душами; ему не на что и домой воротиться—бѣда да и только! Чѣмъ кончиться роману? гдѣ быть свадьбѣ и богатству, которыми оканчивается всякій порядочный романъ въ трогательномъ родѣ? Но геній тамъ то и найдется, гдѣ обыкновенный умъ потеряется: авторъ самымъ естественнымъ образомъ свелъ Мирошева

съ графомъ въ ту самую минуту; когда уже самъ читатель видитъ, что безъ участія графа роману не распутаться. Встрѣча съ графомъ была несчастна для Мирошева: она лишила его еще и чести, когда уже онъ былъ лишенъ куска хлѣба,—не безпокойтесь, это не что другое, какъ «игра трудностями» со стороны автора. Вы ближе къ развязкѣ, чѣмъ думаете. Костоломовъ, идя отъ Мирошева домой, увидѣлъ, что на какого-то одѣтаго по-нѣмецки человѣка напали три мужика: Костоломовъ разогналъ ихъ, а въ томъ, котораго спасъ отъ нихъ, узналъ сыщика Ваньку Каина. Счастливая встрѣча, не правда ли?...—Отецъ родной, услуга за услугу: помоги отыскать вора, что, нарядившись въ драгунскій мундиръ, укралъ у графа серебряную ложку!—Изволь, сударь!—Стучатся молодцы въ избушку. Отворить имъ замѣшкались: замѣтно было, что кого-то прятали. Вошли, а подъ лавкой лежитъ казакинъ, картузъ и драгунская шапка. Гостей встрѣтила баба, торговка всякимъ товаромъ, какой Богъ пошлетъ.—Нѣтъ ли чего купить, Матренушка?—спросилъ Каинъ.—Вынесла разное платье.—Нѣтъ ли серебреца?—Какъ не быть!—да и тащитъ ларецъ; открыла, а ложка-то тутъ: вотъ и графскій гербъ на ней...—Гдѣ взяла?—Мѣщанинъ продалъ.—Вотъ не этотъ ли, что ходитъ въ этомъ?—сказалъ Каинъ, вытаскивая изъ-подъ лавки казакинъ, картузъ и саблю. Свистнулъ Каинъ—налетѣла его команда, и скрутили молодца, что былъ за перегородкою... Видите ли, какъ все счастливо случилось, удалось, и уладилось? Видите ли, что невинность всегда оправдается, а преступленіе всегда откроется?... Поутру, Каинъ представилъ молодца съ ложкою къ графу. Мирошевъ, извѣщенный Костоломовымъ обо всемъ, тотчасъ же началъ каяться въ грѣхѣ отчаянія... Развязку немудрено понять: графъ проситъ у Мирошева извиненія, увѣряетъ его, что процессъ кончился въ его пользу, даетъ ему денегъ на дорогу и пакетъ, который проситъ его ве-

лѣть Курочкину прочесть при себѣ вслухъ. Мирошевъ униженно благодаритъ графа и проситъ его походатайствовать о мѣстѣ городничаго въ Новохоперскъ для Костоломова.—Извольте: намъ это ни-почемъ.—Наконецъ, блаженный Мирошевъ упалъ въ объятія дородной супруги и чувствительной дочери, а Прохоръ побѣжалъ звать Курочкина. Между тѣмъ, въ отсутствіе Мирошева, у Кирсанова съ отцемъ была горячая сцена: молодецъ такъ расплакался и такъ «трогательно» говорилъ, что старикъ махнулъ рукою—«только, говоритъ, самъ не поѣду сватать, а письмо напишу». Мирошевъ вслѣдствіе правилъ, Богъ знаетъ почему навязанныхъ на него авторомъ, не соглашается на этотъ вынужденный и неровный бракъ, и говоритъ женѣ, книжнымъ нашего времени языкомъ, слѣдующую рацею: «Эхъ, Марья Дмитріевна! тѣми ли мы смотримъ на нее (т. е. на дочь) глазами, какими будетъ смотрѣть Иванъ Никифоровичъ? Она единственное дитя наше, наша радость, наше утѣшеніе; а что она для него? Деревенская барышня, дочь нечиновнаго дворянина, безъ всякаго свѣтскаго образованія, помѣха всѣмъ честолюбивымъ его видамъ, и вдобавокъ ко всему этому—бѣдная дѣвушка, которая, по смерти отца и матери, получитъ пятьдесятъ душъ!... О, мой другъ и пр. (ч. IV. стр. 258—299).—«Вотъ какъ бы за нею было душъ хоть двѣсти»—прибавилъ, онъ... Тутъ явился Курочкинъ съ поклонами и трепетомъ, чуя бѣду; распечаталъ конвертъ—тамъ купчая на село Воздвиженское, состоящее изъ четырехъ сотъ тридцати семи душъ, со включеніемъ въ ихъ число и Курочкина; купчая на имя Мирошева... О, великодушный графъ!... И такъ все это кстати!... Добродѣтельный Мирошевъ простилъ Курочкина и, несмотря на сопротивленіе Прохора, отпустилъ его на волю даромъ. Тутъ какъ нарочно и старый Кирсановъ раскаялся въ своей гордости и—шасть на дворъ... Боже мой, какъ все это кстати!... Говорите послѣ этого, что на землѣ нѣтъ счастія!...

Вы думаете—конецъ: нѣтъ еще! Авторъ понялъ, какъ больно читателю будетъ разстаться скоро съ такими прекрасными и нравственными людьми, каковы герои его несравненнаго романа: онъ показываетъ намъ ихъ всѣхъ ровно черезъ пятнадцать лѣтъ послѣ знаменитаго дня чтенія купчей. Бывшая Варинька Мирошева, а теперь Варвара Кузминишна Кирсанова, стала женщиною прекрасною, но дородною... Удивительное счастіе для героинь романовъ г. Загоскина—чуть перестанутъ сантиментальничать и выражаться «высокимъ слогомъ»—тотчасъ и разжирѣютъ: видимая благодать Божія!... Марья Дмитріевна уже очень поустарѣла, а Кузьма былъ еще довольно свѣжъ. У дородной Варвары Кузьминишны было двѣ дочери и сынъ. Авторъ показываетъ намъ всѣхъ ихъ за чаемъ, подъ липкою: умилительная картина семейственнаго счастія!... Тутъ сидитъ и старикъ Кирсановъ, и Новохоперскій городничій Костоломовъ, и Новохоперскій уѣздный врачъ Логиновъ, супругъ Дуняши. Изъ ихъ разговоровъ узнаемъ, что Алексѣй Панкратьичъ Курочкинъ, сынъ бывшаго прикащика, теперь уѣздный засѣдатель,—тотъ, что было лѣзъ въ женихи Варинькѣ—попалъ въ уголовную. Вертлюгина по духовной покойнаго мужа владѣла его имѣніемъ; племянникъ его вступился и доказалъ, что духовная фальшивая, и что Вертлюгина вложила перо въ руку уже умершаго своего сожителя, и подписала такимъ образомъ духовную, а дуралей Курочкинъ подписался свидѣтелемъ... Боже мой! какія гнусныя дѣла творились въ тѣ блаженныя времена, когда «не благовѣли передъ наукою, какъ передъ святынею, и не поклонялись искусству, какъ божеству, когда тверже вѣрили и пламеннѣе любили, чѣмъ теперь»!...

Далѣе изъ разговоровъ собесѣдниковъ узнаемъ, что Прохоръ Кондратьевичъ—лежитъ при смерти, и немудрено: ему уже за девяносто. Вдругъ докладываютъ, что умеръ и велѣлъ барину отдать какой-то ларецъ: въ немъ былъ обра-

зокъ, 10 цѣлковыхъ, двѣ игрушки и истертые дѣтскіе башмачки Мирошева...

Изъ этого длиннаго изложенія содержанія длиннаго романа г. Загоскина можете видѣть, читатель, какъ легко писать такіе романы для всякаго, кто только захочетъ писать: стоитъ разъ осмѣлиться, а тамъ ужь не трудно набить руку. О талантѣ, идеяхъ и тому подобныхъ вещахъ нечего и говорить, когда рѣчь идетъ о такихъ романахъ. Спрашиваемъ прямо и не шутя: неужели сколько-нибудь образованный и начитанный человѣкъ увидитъ въ Мирошевѣ и Кирсановѣ — героевъ романа, лица и характеры типическіе?... Скажите, чѣмъ они отличаются одинъ отъ другаго, и не похожи ли одинъ на другаго, какъ двѣ капли воды, взятыя изъ одного и того же пруда?... Умные люди говорятъ, что въ Божіемъ мірѣ нельзя сыскать двухъ листочковъ, совершенно сходныхъ между собою; а тутъ вдругъ два героя въ одномъ романѣ, которыхъ нечѣмъ отличить другъ отъ друга! Образъ мыслей ихъ одинъ и тотъ же, языкъ и фразы—тѣ же; притомъ въ нихъ нѣтъ ничего принадлежащаго къ ихъ времени. Неужели трудно выдумать, за одинъ присѣстъ, сто такихъ героевъ, какъ двѣ капли воды похожихъ другъ на друга, и въ то же время ни на кого, ни на что, даже на самихъ себя, не похожихъ? И это искусство, литература, романъ... Но далѣе... Но что говорить далѣе? Вѣдь героини такъ же хороши, какъ герои. По крайней мѣрѣ, онѣ хоть жирѣютъ съ годами, слѣдовательно, измѣняются хоть физически... А сахарныя сцены любви, пряничныя фразы приторныхъ чувствованьицъ и водяныхъ ощущеньицъ?... И это мы читаемъ въ 1842 году, и это будутъ хвалить пріятельскіе журналы и покупать довѣрчивые покупатели? А что за содержаніе романа? Человѣкъ получилъ чудеснымъ (т. е. несбыточнымъ) образомъ наслѣдство, и таковымъ же образомъ влюбился и женился, за неумѣніемъ и неспособностью сдѣлать что-нибудь болѣе необыкно-

венное. Этимъ бы слѣдовало и кончить; кажется и самъ авторъ такъ думалъ, но дописавъ послѣднюю страницу, вѣрно рѣшился продолжать на авось, довѣрившись не фантазіи, а рукѣ и перу... Во второй части являются новые уже герои: зачѣмъ же романъ названъ Кузьмою Петровичемъ Мирошевымъ? И опять — что за содержаніе? — Путаница несбыточно-счастливыхъ событій, страшныя хлопоты судьбы, нарушившей законы дѣйствительности,—и все это для того только, чтобъ оставить за Мирошевымъ его 50 душъ и наклеить носъ Курочкину!... Даже не для того, чтобъ соединить «законнымъ бракомъ» два безличныя, но добродѣтельныя существа; ибо старикъ Кирсановъ рѣшился переломить свою гордость и пріѣхать къ Мирошевывымъ, ничего не зная объ окончаніи процесса. Слѣдовательно, процессъ, наполняющій собою двѣ съ половиною части романа, не имѣетъ никакого отношенія съ судьбѣ «злополучныхъ любовниковъ»? Итакъ, къ чему же все это и зачѣмъ все это? Какой смыслъ, какая цѣль, какое намѣреніе?— И однакожъ, въ романѣ есть все это: и смыслъ, и цѣль, и намѣреніе, только плохо выраженныя, безталантно выполненныя. Но о нихъ сейчасъ.

Мы видѣли, что всѣ герои и героини романа г. Загоскина раздѣляются на три разряда: № 1, добродѣтельные, № 2, злодѣи, № 3, лица комическія. Каковы первые—мы уже говорили. Вторые—каррикатуры, въ которыхъ, однакожъ, есть призракъ дѣйствительности, какъ, напримѣръ, въ негодяѣ Курочкинѣ. Третьи всѣхъ удачнѣе въ лицѣ Ѳедосьи и Прохора. Это не личности, не характеры; но искусственныя олицетворенія сословія. Все это, разумѣется, лучше, безцвѣтныхъ героевъ. Они, покрайней мѣрѣ, говорятъ человѣческимъ языкомъ—слѣдствіе Вальтеръ-Скотта даже на «сочинителей» романовъ. Этотъ языкъ грубо и неизящно вѣренъ природѣ. Въ Прохорѣ заключена вся мысль романа; на немъ сосредоточено все вдохновеніе, весь пафосъ кон-

ціи; онъ истинный и единый герой романа. Ахиллъ этой вывороченной на изнанку «Иліады». Авторъ любитъ его, удивляется ему; онъ искренно жалѣетъ, что ужь нѣтъ болѣе такихъ слугъ. Прохоръ является на первыхъ страницахъ романа и сходитъ съ него — на послѣдней. Въ немъ основная мысль, въ немъ смыслъ, цѣль и намѣреніе романа. Мысль эта—превосходство нравовъ старины передъ современными, разумность того времени, когда «не благоговѣли передъ наукою, какъ передъ святынею, и не поклонялись искусству, какъ божеству»... Странная ненависть къ наукѣ и искусству, удивительная вражда къ просвѣщенію!...

Героиня романа—Ѳедосья. Въ ней мы видимъ неоспоримый документъ (запыленный, заплесневѣлый и подгнившій отъ времени), доказывающій, что только во времена суевѣрія «умѣютъ и твердо вѣрить и горячо любить». Напрасно даровитый сочинитель не сдѣлалъ изъ Прохора и Ѳедосьи—злополучныхъ любовниковъ, въ концѣ романа преодолѣвающихъ всѣ препятствія и вступающихъ въ «законный бракъ». Тогда бы юное поколѣніе нашего времени знало у кого учиться любить.

Но довольно, читатели! Если мы заняли ваше вниманіе разборомъ «Кузьмы Петровича Мирошева»—это потому, что романъ г. Загоскина есть типъ моральныхъ и сатирическихъ русскихъ романовъ нашего времени, глава всѣхъ ихъ. Скоро о подобныхъ явленіяхъ уже не будутъ ни говорить, ни писать, какъ уже не говорятъ и не пишутъ больше о Выжигиныхъ—и цѣль нашей статьи—ускорить по возможности это вождѣленное время, которое будетъ свидѣтельствомъ, что наша литература и общественный вкусъ сдѣлали еще шагъ впередъ...

ЧАСЫ ВЫЗДОРОВЛЕНІЯ (,) *стихотворенія А. Полежаева. Москва. 1842.*
СТИХОТВОРЕНІЯ А. ПОЛЕЖАЕВА. *Москва. 1832.*
КАЛЬЯНЪ. *Стихотворенія А. Полежаева. Москва. 1838.*
АРФА. *Стихотворенія А. Полежаева. Москва. 1838.*

И я жилъ, но я жилъ
На погибель свою...
Буйной жизнью убилъ
Я надежду мою...
Не разцвѣлъ, и отцвѣлъ
Въ утрѣ пасмурныхъ дней;
Что любилъ, въ томъ нашелъ
Гибель жизни моей.
Духъ унылъ, въ сердцѣ кровь
Отъ тоски замерла,
Миръ души погребла
Къ шумной волѣ любовь...
Не воскреснетъ она!...

А. Полежаевъ.

Первая изъ книгъ, заглавіе которыхъ выставлено въ началѣ этой статьи, заключаетъ въ себѣ оборышъ стихотвореній талантливаго Полежаева и не заслуживаетъ никакого вниманія. Это явно или—спекуляція на имя, или слѣдствіе необдуманнаго дружественнаго усердія къ покойному автору. Тѣмъ не менѣе мы рады появленію этой книжки, потому что она даетъ намъ удобный случай поговорить о Полежаевѣ какъ о поэтѣ вообще, и сдѣлать критическую оцѣнку всей его поэтической дѣятельности.

Слава дается людямъ геніемъ и не зависитъ ни отъ какихъ случайныхъ отношеній. Противъ нея безсильны предубѣжденія, зависть и злоба. Они даже служатъ ей, стараясь уничтожить ее,—и если имъ удается иногда помрачить ея лучезарный блескъ, то не болѣе, какъ на минуту, и для того только, чтобъ она явилась еще лучезарнѣе: такъ соли-

це является въ бо̀льшемъ блескѣ, когда пройдутъ мимо застилавшія его облака, а они не могутъ же не проходить мимо его! Время всегда на сторонѣ «славы», и опираясь на него, она торжествуетъ даже надъ самымъ временемъ. Но слава дается однимъ геніямъ, — и какъ между геніемъ и обыкновеннымъ человѣкомъ есть множество посредствующихъ ступеней и звеньевъ, называемыхъ «талантами» и дарованіями, такъ и между «славою» и «неизвѣстностію», есть посредствующія величины славы, называемыя бо̀льшею или меньшею «извѣстностью». Вотъ эти то таланты и дарованія, эти-то извѣстности болѣе или менѣе и испытываютъ на себѣ вліяніе случайныхъ отношеній и временныхъ обстоятельствъ, ничтожныхъ и безсильныхъ для генія и славы. Нельзя провести рѣзкой черты, отдѣляющей геній отъ таланта, ибо есть таланты близкіе къ генію, и вообще подобное разграниченіе окончательно совершается временемъ и вѣками. Въ этомъ вопросѣ, для насъ важно только то, что чѣмъ выше, сильнѣе, многосторонніе, глубже, словомъ, огромнѣе талантъ — тѣмъ больше его извѣстность приближается къ славѣ, тѣмъ менѣе могутъ вредить ему случайныя отношенія; и на оборотъ: чѣмъ меньше и односторонніе талантъ, или низшая его степень—дарованіе, тѣмъ больше зависитъ оно не отъ самого себя, а отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, вліяніе которыхъ особенно сильно обнаруживается на него въ самое его возникновеніе и развитіе. Часто случается, что совершенно пустое и ничтожное дарованіе пользуется въ свое время громкою извѣстностію, похожею на славу, а истинный и замѣчательный талантъ проходитъ, незамѣченный толпою при жизни, забытый ею по смерти. И когда потокъ времени поглотитъ всѣ случайныя извѣстности и эфемерныя славы, тщетно сталъ бы кто-нибудь воскрешать непризнанную славу вотще промелькнувшаго таланта: его вновь заслоняютъ вновь возникшія извѣстности, его слава, его творенія принадлежатъ

исключительно его времени, которое прошло для него и безплодно и безвозвратно. Потомство согласится, что онъ былъ выше тѣхъ, которые заслоняли его, но и на немъ не захочетъ остановить своего вниманія такъ же, какъ и на нихъ. Впрочемъ, нельзя сдѣлать общаго правила изъ такого случая, потому именно, что онъ случай. Часто бываетъ и на оборотъ: часто пальма первенства достойно дается современниками первому по достоинству; но въ томъ-то и состоитъ зависимость таланта отъ случайности, что онъ также можетъ быть признанъ современниками, какъ и не признанъ ими. Только мировые геніи поставлены внѣ закона этой случайности, ибо не могутъ быть ни непризнанными, ни забытыми.

Конечно, не стоитъ хлопотать о талантѣ, который умеръ не живя, и котораго имени нельзя воззвать къ жизни. Но этому могутъ противорѣчить два обстоятельства. Во-первыхъ, истина и справедливость сами себѣ цѣль; для нихъ иногда можетъ быть важенъ предметъ болѣе по отношенію къ нимъ самимъ, чѣмъ къ себѣ самому. Во-вторыхъ, если дѣло идетъ о такомъ талантѣ, который, будучи не признанъ при жизни, не можетъ возвратить должнаго себѣ послѣ своей смерти, не столько по недостатку въ силѣ, сколько по неразвитости, ложному направленію, или по причинамъ, скрывавшимся въ самой эпохѣ, въ которую онъ явился; тогда критикѣ стоитъ и очень стоитъ заняться имъ, какъ предметомъ замѣчательнымъ и поучительнымъ. Къ такимъ-то талантамъ принадлежитъ Полежаевъ. Теперь много именъ въ нашей литературѣ, пользующихся только прошедшею своею извѣстностію, и на этомъ зыбкомъ основаніи тщетно требующихъ себѣ вниманія равнодушной къ нимъ современности: и однакожь всѣ они нѣкогда заслоняли собою Полежаева, котораго и теперь не видно изъ-за ихъ поблекшей извѣстности. И какъ имъ было не заслонить его? ихъ стихотворенія печатались въ Петербургѣ, издавались такъ кра-

сиво, сами они писали другъ къ другу посланія, участвовали въ пріятельскихъ журналахъ, и нѣкоторыхъ изъ нихъ самъ Пушкинъ печатно величалъ своими сподвижниками... Стихи Полежаева ходили по рукамъ въ тетрадкахъ, журналисты печатали ихъ безъ спросу у автора, который былъ далеко; наконецъ, они и издавались или за его отсутствіемъ, или безъ его вѣдома, на плохой бумагѣ, неопрятно и грубо, безъ разбора и безъ выбора—хорошее вмѣстѣ съ посредственнымъ, прекрасное съ дурнымъ...

Часто случается встрѣтить въ критикахъ и рецензіяхъ мнѣніе, что такой то поэтъ могъ бы пріобрѣсти себѣ прочную славу, но погубилъ свое дарованіе, увлекшись звономъ рѳмы, вычурностію въ выраженіяхъ, и т. п. Справедливо ли такое мнѣніе?—Можетъ быть и справедливо, только крайне односторонне, по нашему мнѣнію. Почему Шиллеръ великій поэтъ?—Потому что получилъ отъ природы великій геній. А почему Шиллеръ не погубилъ своего великаго генія, почему онъ не увлекся звономъ рѳмы, вычурностію выраженія? Потому что онъ получилъ отъ природы великую душу, которая презирала мелочами и стремилась къ одному истинному, великому и вѣчному. Видите ли: здѣсь причина прежде всего въ натурѣ поэта, которая, уже по самой сущности своей, не допустила бы его сбиться съ пути. Но, скажутъ намъ, поэзія Шиллера велика не одною силою художническаго генія, не однимъ пламенемъ любви къ человѣчеству и къ истинѣ, но и мірообъемлющимъ, вѣчно-юнымъ и вѣчно-развивающимся содержаніемъ, котораго только возможность лежала въ его натурѣ, но которое усвоено, развито и обогащено было имъ посредствомъ ученія и неослабнаго стремленія за современными интересами. Такъ; но опять-таки начало всего—въ натурѣ поэта, душа котораго вѣчно сгарала жаждою знанія, и сердце котораго вѣчно билось только для идеи. Потомъ, здѣсь причина еще и въ духѣ, жизни и развитіи, словомъ — исторіи народа, среди

котораго родился поэтъ, и наконецъ въ историческомъ моментѣ, въ которомъ засталъ поэтъ современное ему человѣчество. Это ужь не его заслуга—это дѣло судьбы, велѣвшей ему родиться Германцемъ, а не Китайцемъ. Природа вездѣ природа, человѣкъ вездѣ человѣкъ: и въ Китаѣ можетъ родиться поэтъ съ организаціею и духомъ Шиллера, но Шиллеромъ никогда не будетъ, останется Китайцемъ: онъ выразитъ своими твореніями бѣдное содержаніе китайской жизни и въ уродливыхъ китайскихъ формахъ; Китайцы будутъ имъ восхищаться, но Европеецъ не пойметъ его ни въ подлинникѣ, ни въ лучшемъ переводѣ. Таково вліяніе національности на духъ и достоинство твореній поэта: она, эта національность, дѣлаетъ его и великимъ и ничтожнымъ. Но если бы этотъ предположенный нами китайскій Шиллеръ и выдвинулся изъ своего народа, усвоивъ себѣ европейскую образованность и европейское знаніе, и тогда бы въ своихъ твореніяхъ былъ онъ только любопытнымъ фактомъ феноменологіи духа человѣческаго, а не великимъ явленіемъ въ сферѣ творчества, ибо великій поэтъ можетъ возникнуть только на національной почвѣ. Содержаніе для поэзіи даетъ поэту жизнь а не наука: наука только обогащаетъ и развиваетъ это содержаніе. Не изъ книгъ почерпнулъ Шиллеръ свою ненависть къ униженному человѣческому достоинству въ современномъ ему обществѣ: онъ самъ, еще дитятей и юношей, перестрадалъ болѣзнями общества и перенесъ на себѣ тяжкое вліяніе его устарѣлыхъ формъ; наука только познакомила его съ причинами настоящаго, скрывавшимися въ вѣкахъ, уяснила вопросъ и дала сознательное направленіе энергической дѣятельности его могучаго духа. Равнымъ образомъ, не наукою постигъ онъ все великое и истинное въ среднихъ вѣкахъ: наука только уяснила ему этотъ вопросъ, а самый вопросъ возбудила въ немъ жизнь, ибо современная ему цивилизація была результатомъ среднихъ вѣковъ, съ ихъ добромъ и зломъ. Болѣе ощутитель-

но вліяніе науки на Шиллера въ его сочувствіи съ древнимъ міромъ; но и тутъ корень этого сочувствія скрывался въ исторіи его отечества, связанной съ исторіею Рима, а чрезъ нее и съ исторіею Греціи. Предполагаемый нами китайскій геній могъ бы усвоить себѣ только извнѣ европейскую образованность и просвѣщеніе: выростая безъ почвы, она не принесла бы и плодовъ; не понятый соотечественниками, онъ не былъ бы оцѣненъ и Европейцами. Другое дѣло, еслибъ, родившись въ Европѣ, или перевезенный туда младенцемъ, онъ выросъ и развился въ духѣ и жизни той страны; но тогда бы онъ могъ быть только поэтомъ этой страны, а отнюдь не китайскимъ поэтомъ. Итакъ, два обстоятельства творятъ великихъ поэтовъ — натура и исторія.

Вслѣдствіе этого, и величайшій по своей натурѣ и поэтическимъ силамъ поэтъ не можетъ достигнуть въ искусствѣ назначенной ему высоты, если онъ родился среди народа, котораго національность или лишена міроваго значенія, или еще не развилась до него; въ такомъ случаѣ, онъ можетъ быть ниже не только равнымъ ему, но и низшей натуры и меньшими творческими силами одаренныхъ поэтовъ, которыхъ геній воспитался на почвѣ національности, имѣющей міровое значеніе. При оцѣнкѣ степени достоинства того или друго поэта, нельзя не брать въ соображеніе этого обстоятельства, если хотите быть справедливыми и многосторонними въ своемъ приговорѣ.

Все сказанное нами относится только къ тѣмъ великимъ поэтамъ, которые столько же принадлежатъ человѣчеству, сколько и своему отечеству, и къ которымъ, поэтому, такъ идетъ эпитетъ «міровыхъ». Нельзя не быть великимъ поэтомъ, будучи міровымъ поэтомъ; но можно быть великимъ поэтомъ, не будучи міровымъ поэтомъ: эта разница не въ натурѣ поэта, а въ историческомъ значеніи его отечества. Но гдѣ жизнь, тамъ и поэзія, а слѣдовательно и содержаніе для поэзіи. Только содержаніе можетъ быть истиннымъ

мѣриломъ всякаго поэта,—и геніяльнаго и просто даровитаго. Слѣдовательно, прежде, чѣмъ говорить: «такой-то поэтъ могъ бы быть великимъ, но погубилъ свое дарованіе», должно, на основаніи содержанія его поэзіи, показать сперва: дѣйствительно ли его талантъ былъ великъ, а потомъ: столько ли онъ былъ великъ, чтобы, опираясь на своей силѣ, не могъ сбиться съ настоящаго пути и утратить свою силу. А то говорятъ: «г. NN обѣщалъ много, но увлекся звономъ риѳмы—и изъ него не вышло ничего!» Но, милостивые государи! на чемъ же вы основываете, что онъ много обѣщалъ, если такіе пустяки, какъ звонъ риѳмы, или вычурность въ выраженіи, могли сбить его съ толку? Не все ли это равно, что сказать: «такой то господинъ подавалъ блестящія надежды быть великимъ полководцемъ; но, къ сожалѣнію, увлекшись врожденною трусостію, оставилъ военное поприще и рѣшился опредѣлиться въ становые приставы?» Если бы въ васъ было больше эстетическаго такта, то, увѣряемъ васъ—вы въ первыхъ же произведеніяхъ вашей мнимо-великой будущей надежды увидѣли бы только звонъ риѳмы и поняли бы, что больше звонаря изъ него ничего никогда не выйдетъ! Странно было бы назвать Лермонтова великимъ поэтомъ за двѣ написанныя имъ книжки; но о немъ всѣ говорятъ какъ о великомъ поэтѣ, ибо въ этихъ двухъ книжкахъ онъ далъ залогъ своего будущаго великаго развитія,—и никому, кромѣ людей, которые въ искусствѣ ничего не смыслятъ,—никому не прійдетъ въ голову сказать, что Лермонтовъ могъ бы современемъ погубить свой талантъ, увлекшись звономъ риѳмы, или вычурностію фразы. Такіе таланты обезсиливаютъ себя не подобными пустяками, а развѣ тѣмъ, что, отрываясь отъ современныхъ интересовъ, предаются созерцательному отчужденію отъ живой дѣйствительности и засыпаютъ въ поэтическомъ аскетизмѣ, или живутъ жизнію прошедшаго,

холодные къ современному, которое, въ свою очередь, равнодушно къ ихъ запоздалымъ интересамъ.

Какъ бы то ни было, но если и для великихъ талантовъ возможно свое паденіе, тѣмъ болѣе возможно оно для дарованій второстепенныхъ. Но и въ отношеніи къ нимъ, мы все таки разумѣемъ не «риѳменный звонъ» и не «вычурную фразу», которыми способны увлекаться только дарованія внѣшнія, лишенныя внутренней самостоятельной силы, чуждыя всякаго содержанія. Гладкій и звучный стихъ, внѣ содержанія, обнаруживаетъ только способность къ формѣ поэтической; въ отношеніи къ истинной поэзіи, онъ то же самое, что риторика въ отношеніи къ истинному краснорѣчію. Чтобъ стихъ былъ поэтическій, не только мало гладкости и звучности, но не достаточно и одного чувства: нужна мысль, которая и составляетъ истинное содержаніе всякой поэзіи. Эта мысль даетъ себя чувствовать въ поэзіи, какъ извѣстный взглядъ на извѣстную сторону жизни, какъ начало (principe), которымъ вдохновляются и живутъ творенія поэта. Каждый вѣкъ и каждое время питаетъ свою думу о жизни, стремится къ своимъ цѣлямъ, и источникомъ всѣхъ своихъ побужденій имѣетъ единое начало; и чѣмъ поэтъ выше, тѣмъ болѣе выражается въ немъ эта дума его времени. Всякое истинное содержаніе отличается жизненностію, вслѣдствіе которой оно движется впередъ, развивается, а не стоитъ, оцѣпенѣлое, на одномъ мѣстѣ, или, подобно попугаю, не повторяетъ вѣчно одного и того же, и притомъ одними и тѣми же словами. Вотъ почему истинные поэты постепенно, съ теченіемъ времени, становятся глубже и совершеннѣе въ своихъ твореніяхъ; и вотъ почему творенія истинныхъ поэтовъ располагаются умными издателями не породамъ, а въ хронологическомъ порядкѣ, сообразно съ временемъ появленія на свѣтъ каждаго изъ нихъ. А откуда же возьмется это движеніе, эта постепенность совершенствованія, если поэтъ барабанитъ своими

гладкими и звучными стихами вѣчно одно и то же,—напримѣръ: студентскія попойки, звонъ рюмокъ, хлопанье пробокъ, дѣву красоту, у которой перси всегда полны, а сердце пусто? Тутъ можетъ быть услуга только языку и версификаціи, а отнюдь не поэзіи. И не диво, если такой стихотворецъ, ошибочно провозглашенный поэтомъ, скоро выпишется, всѣмъ надоѣстъ старыми погудками на новый ладъ, или новыми погудками на старый ладъ, утратитъ даже свой бойкій, звонкій и гладкій стихъ, и, мертвый для всякихъ современныхъ, живыхъ интересовъ, по привычкѣ будетъ отъ времени до времени, плохими стихами, воспѣвать, въ пріятельскихъ журналахъ, то рейнвейнъ, который пѣжитъ такъ-сказать глубокомысленно, то малагу, которую пьютъ, когда уже ничего другаго желудокъ не выноситъ?... Важное дѣло знать намъ, какое вино пьетъ господинъ стихотворецъ... Послѣ такой фамильярности съ доброю публикою, ему остается только увѣдомлять ее, разумѣется, въ стихахъ, въ какомъ погребѣ беретъ онъ свое вино. Оно бы и лучше: тогда стихи его имѣли бы цѣну и достоинство хоть прейсъ-курантовъ, и потому хоть на что-нибудь годились бы... И послѣ этого еще говорятъ, что онъ много обѣщалъ, но жаль-де, что, увлекшись звономъ рюмы, погубилъ свой талантъ!... Да въ рюменномъ то звонѣ и заключался весь его талантъ, почтенные господа-аристархи!...

Но не лучше его и тѣ рюмотворцы, у которыхъ, кажется, что ни слово, то мысль, а какъ вглядишься—такъ что ни слово, то риторическая завитушка, или дикое сближеніе несближаемыхъ предметовъ. Одинъ изъ такихъ господъ, пожалуй, такъ опишетъ вамъ дружбу: «у меня, скажетъ онъ—есть въ сердце рана: она вѣчно истекаетъ кровью; ее нанесъ мнѣ другъ нѣжною рукою, и сквозь ту рану онъ смотритъ въ мое сердце», и тому подобное. Другой, пожалуй, пропищитъ: «что въ морѣ купаться, то де читать Данта; его стихи упруги и полны, какъ моря упругія

волны». Третій чудакъ, пожалуй, соблазнясь этимъ образцовымъ примѣромъ, затянетъ: «что макароны ѣсть съ пармезаномъ—то Петрарку читать; стихи его гладко скользятъ въ душу, какъ эти обмасленныя, круглыя и длинныя бѣлыя нити скользятъ въ горло». Четвертый посовѣтуетъ юношамъ не «призывать вдохновенія на высь чела, вѣнчаннаго звѣздой», или станетъ воспѣвать грудь, которая «высоко взметалась безпредметною любовію»; любовь, которая гнѣздится въ ущеліяхъ сердецъ»; дѣву, которой станъ поэтъ вносилъ въ вихрь круженія на огненной ладони; струи времени, «возрастившія мохъ забвенія на развалинахъ любви»; гибкій станъ, въ которомъ «поэтъ утопляетъ горящую ладонь»; искру души, которая «прихотливо подлетѣла къ парѣ черненькихъ глазъ и умильно посмотрѣла въ окна своей храмины»; дѣву, которая, «сидя на жеребцѣ, гордится усѣстомъ»,—и тому подобную дикую галиматью, которую иногда и на самомъ дѣлѣ выдаютъ намъ за полную мыслей поэзію, и которую основательная критика должна преслѣдовать огнемъ и мечемъ, какъ преступленіе противъ здраваго смысла, языка, литературы и искусства... Нѣтъ, не такова поэзія, полная мысли: она проста, естественна, неизыскана, какъ творенія природы, выразившія собою мысль Творца... О такихъ риѳмачахъ, если только бываютъ на свѣтѣ такіе риѳмачи, нельзя говорить «они многое обѣщали, а мало сдѣлали»; но должно говорить: «они ничего не обѣщали хорошаго, и много написали вздорнаго».

Есть поэты, въ которыхъ нельзя не признать ни чувства, ни вдохновенія, ни поэтической формы, но о которыхъ, по первымъ же ихъ произведеніямъ, можно безошибочно сказать, что они не далеко пойдутъ и скоро выпишутся. Это тѣ односторонніе дарованія, которыя пробуждаются отъ какой-нибудь случайности—несчастія, утраты, и, открывъ въ душѣ своей затаенный родникъ грустной поэзіи, скоро изчерпываютъ его весь, настроивъ свою лиру на одинъ

тонъ; а потомъ, когда неглубокій родникъ истощится и пересохнетъ, уже по привычкѣ къ рѣчамъ, продолжаютъ вяло и бездушно выговаривать то, что̀ нѣкогда нѣлось у нихъ по крайней мѣрѣ искренно и тепло... Потомъ, это тѣ эфемерныя души, которыя, бываютъ юны только во время юности; переживъ юность, онѣ тотчасъ же отцвѣтаютъ, и скоро мирятся съ прозою жизни. И слава имъ, если они, изъ поэтовъ сдѣлавшись агрономами, чиновниками, спекулянтами, совсѣмъ забываютъ свою лиру для счетовъ, аршина или дѣловыхъ бумагъ; и позоръ имъ, если они вздумаютъ обманывать и себя и другихъ рѣчованною стукотнею безчувственныхъ чувствъ и безсмысленныхъ мыслей!... Юность дается человѣку только разъ въ жизни, и въ юности каждый изъ насъ доступнѣе, чѣмъ въ другомъ возрастѣ, всему высокому и прекрасному. Благо тому, кто сохранитъ юность до старости, не давъ душѣ своей остыть, ожесточиться, окаменѣть.

Въ мертвящемъ упоеньи свѣта,
Среди бездушныхъ гордецовъ,
Среди блистательныхъ глупцовъ,
Среди лукавыхъ, малодушныхъ,
Шальныхъ, балованныхъ дѣтей,
Злодѣевъ и смѣшныхъ, и скучныхъ,
Тупыхъ, привязчивыхъ судей,
Среди кокетокъ богомольныхъ,
Среди холопьевъ добровольныхъ,
Среди вседневныхъ, модныхъ сценъ,
Учтивыхъ, маленькихъ измѣнъ,
Среди холодныхъ приговоровъ
Жестокосердой суеты,
Среди досадной пустоты
Разсчетовъ, думъ и разговоровъ,
Въ семъ омутѣ, гдѣ съ вами я
Купаюсь, милые друзья.

Да, возможное совершенство каждаго человѣка, то, къ чему долженъ и можетъ стремиться каждый человѣкъ, состоитъ именно въ томъ, чтобъ, и доживши до сѣдыхъ во

лось, даже у края могилы, не пережить своей юности... Но увы! сколь немногіе достигаютъ этого, и сколь многіе старѣются, когда еще не миновалась и юность ихъ! Эта разница происходитъ, при многихъ причинахъ, прежде всего отъ разницы въ натурахъ, съ которыми родятся люди. Это же и главная причина, отчего одинъ поэтъ всю жизнь сохраняетъ свое вдохновеніе, а другой теряетъ его послѣ десятка хорошихъ, впрочемъ, стихотвореній. И напрасно о такихъ поэтахъ говорятъ: «какъ много обѣщалъ онъ и какъ мало выполнилъ!» О такихъ, напротивъ, чаще можно говорить: «онъ обѣщалъ еще меньше, нежели сколько выполнилъ»... «Но, говорятъ, еслибы онъ писалъ такъ, а не этакъ, воспѣвалъ то, а не это—онъ сохранилъ бы свой талантъ». Нѣтъ, милостивые государи, тому нѣтъ спасенія, кто въ самомъ себѣ, въ слабости своей натуры, носитъ своего врага... «Но еслибы онъ слушался критики?»—Но этовъ творитъ природа и жизнь, а не критика, и для нихъ поучительнѣе критика на чужія сочиненія, чѣмъ на ихъ собственныя... «Однакожь, отчего же нибудь онъ сбился же?»—Для такихъ талантовъ на каждомъ шагу жизни стоятъ силки, и отчего бы то ни было, но имъ надо сбиться... Въ отношеніи къ нимъ, даже не интересно и изслѣдовать причины паденія.

Гораздо поучительнѣе паденіе такихъ поэтовъ, которые не такъ сильны, чтобъ не бояться паденія, и не такъ слабы, чтобъ выдохнуться незамѣтно и испариться въ болотной атмосферѣ житейской повседневности; но которые, или достигаютъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ той степени развитія, что ихъ творенія дѣлаются капитальнымъ, хотя и второстепеннымъ сокровищемъ отечественной литературы; или, при неблагопріятствѣ судьбы, пролетаютъ по пути жизни блудящею кометою, являя своею жизнію и своими произведеніями зрѣлище печальное и поучительное. Таковъ былъ талантъ Полежаева...

Стихотворенія Полежаева начали являться въ печати съ 1826 года; но они были знакомы Москвѣ еще прежде, равно какъ и имя ихъ автора. Извѣстность Полежаева была двоякая, и въ обоихъ случаяхъ печальная: поэзія его тѣсно связана съ его жизнію, а жизнь его представляла грустное зрѣлище сильной натуры, побѣжденной дикою необузданностью страстей, которая, совративъ его талантъ съ истиннаго направленія, не дала ему ни развиться, ни созрѣть. И потому, къ своей поэтической извѣстности, не для всѣхъ основательной, онъ присовокупилъ другую извѣстность, которая была проклятіемъ всей его жизни, причиною ранней утраты таланта и преждевременной смерти... Это была жизнь буйнаго безумія, способнаго возбудить къ себѣ и ужасъ и состраданіе: Полежаевъ не былъ жертвою судьбы и, кромѣ самого себя, никого не имѣлъ права обвинять въ своей гибели. Полежаева уже нѣтъ, и потому о немъ можно говорить прямо и открыто: подобная откровенность никого не оскорбитъ, но многимъ будетъ поучительна. Онъ былъ явленіемъ общественнымъ, историческимъ,—и, говоря о немъ, мы говоримъ не о частномъ человѣкѣ. Къ тому же, въ нашемъ сужденіи о Полежаевѣ, мы будемъ основываться не на какихъ-нибудь посторонннихъ и сомнительныхъ свидѣтельствахъ, а на его собственныхъ поэтическихъ признаніяхъ: ибо всѣ лучшія его произведенія суть не иное что, какъ поэтическая исповѣдь его безумной, страдальческой жизни. Мы пишемъ не для того, чтобъ осуждать, а для того чтобъ поучать и поучаться изъ такого разительнаго примѣра: могила миритъ все, и надъ нею должны раздаваться не проклятія и осужденія, а слова примиренія и благословенія....

Слишкомъ рано понявъ безотчетнымъ чувствомъ, что толпа жила и держалась правилами, которыхъ смысла сама не понимала, но къ которымъ равнодушно привыкла, Полежаевъ, подобно многимъ людямъ того времени, не подумалъ, что онъ могъ и долженъ былъ уволить себя только

отъ понятій и нравственности толпы, а не отъ всякихъ понятій и всякой нравственности. Освобожденіе отъ предразсудковъ онъ счелъ освобожденіемъ отъ всякой разумности, и началъ обожать эту буйную свободу. Свобода была его любимымъ словомъ, его любимою риѳмою,—и только въ минуты душевной муки понималъ онъ, что то была не свобода, а своеволіе, и что наиболѣе свободный человѣкъ есть въ то же время и наиболѣе подчиненный человѣкъ. Избытокъ силъ пламенной натуры заставилъ его обожать другаго, еще болѣе страшнаго идола—чувственность. Для человѣка необходимъ періодъ идеальныхъ, восторженныхъ стремленій: перешедъ черезъ него, онъ можетъ отрѣшиться отъ всего мечтательнаго и фантастическаго, но уже не можетъ остаться животнымъ даже въ своихъ чувственныхъ увлеченіяхъ, которыя у него будутъ смягчены и облагорожены чувствомъ красоты и примутъ характеръ эстетическій. И Полежаевъ пережилъ этотъ періодъ идеальнаго чувства, но уже слишкомъ не во время, какъ мы увидимъ. Сначала, онъ, который не имѣлъ права сказать о себѣ, что не зналъ мятежнаго волненія страстей,—онъ имѣлъ право сказать:

Какъ минутный
Прахъ въ эфирѣ,
Безпріютный
Странникъ въ мірѣ,
Одинокъ,
Какъ челнокъ,
Узъ любви
Я не зналъ,
Жаждой крови
Не сгаралъ!

Онъ имѣлъ право, не клевеща на самого себя для краснаго словца, сказать красавицѣ, не сводившей съ него задумчивыхъ очей и припадавшей къ нему на грудь въ порывахъ забвенія:

Ты ничего въ меня вдохнуть
Не можешь, кромѣ сожалѣнья!
Меня не въ силахъ воскресить
Твои горячія лобзанья.
Я не могу тебя любить,
Не для меня очарованья!
. . . . . .
Я рано сорвалъ жизни цвѣтъ;
. . . . . .
И прежнихъ чувствъ и прежнихъ лѣтъ
Не возвратитъ ничто земное!.
Еще мнѣ милы—красота
И дѣвы пламенные взоры;
Но сердце мучитъ пустота,
А совѣсть—мрачные укоры!
Люби другаго: быть твоимъ
Я не могу, о другъ мой милый!...
Ахъ, какъ ужасно быть живымъ,
Полуразрушась надъ могилой!

И потому не удивительно, если не во-время и не-въ пору явившееся мгновеніе было для поэта не вѣстникомъ радости и блаженства, а вѣстникомъ гибели всѣхъ надеждъ на радость и блаженство, и исторгнуло у его вдохновенія не гимнъ торжества, а вотъ эту страшную, похоронную пѣснь самому себѣ:

О грустно мнѣ! Вся жизнь моя—гроза!
Наскучилъ я обителью земною!
Зачѣмъ же вы горите предо мною,
Какъ райскіе лучи предъ сатаною,
Вы—черные волшебные глаза!
Увы! давно печаленъ, равнодушенъ,
Я привыкалъ къ лихой моей судьбѣ:
Неистовый, безжалостный къ себѣ,
Презрѣлъ ее въ отчаянной борьбѣ,
И гордо былъ несчастію послушенъ!
Старинный рабъ мучительныхъ страстей,
Я испыталъ ихъ бремя роковое—
И буйный духъ, и сердце огневое
Давно смирилъ въ обманчивомъ покоѣ,

Какъ лютый врагъ покоя и людей!
Въ моей тоскѣ, въ неволѣ безотрадной,
Я не страдалъ, какъ робкая жена;
Меня несла противная волна,
Несла на смерть—и гибель не страшна
Казалась мнѣ, въ пучинѣ безпощадной,
И мракъ небесъ, и громъ, и черный валъ,
Любилъ встрѣчать я думою суровой,
И свисту бурь, подъ молніей багровой,
Внимать, какъ мужъ, отважный и готовый
Испить до дна губительный фіалъ..,
И погрузясь въ преступныя сомнѣнья
. . . . . о цѣли бытія,
Я трепеталъ, чтобъ истина меня,
Какъ яркій лучъ, внезапно осѣня,
Не извлекла изъ тьмы ожесточенья.
Мнѣ страшенъ былъ великій переходъ,
Отъ дерзкихъ думъ до свѣта провидѣнья;
Я избѣгалъ невиннаго творенья,
Которое бъ могло, изъ сожалѣнья,
Моей душѣ дать выспренній полетъ—
И вдругъ оно, какъ ангелъ благодатный...
О, нѣтъ!—какъ духъ карающій и злой,
Свѣтлѣе дня явилось предо мной,
Съ улыбкой розъ, пылающихъ весной,
На муравѣ долины ароматной!...
Явилось... все изчезло для меня:
Я позабылъ, въ мучительной невзгодѣ,
Мою любовь и ненависть къ природѣ,
Безумный пылъ къ утраченной свободѣ,
И все, чѣмъ жилъ, дышалъ доселѣ я..
Въ ея очахъ, алмазныхъ и привѣтныхъ
Увидѣлъ я съ невольнымъ торжествомъ,
Земной эдемъ!... Какъ-будто существомъ
Другихъ міровъ—какъ-будто божествомъ
Исполненъ былъ въ мечтаніяхъ завѣтныхъ.
И дѣва-рай, и дѣва-красота
Лила мнѣ въ грудь невыразимымъ взоромъ
Невинную любовь, съ таинственнымъ укоромъ,
И пѣла въ ней душа небеснымъ хоромъ:
„Люби меня!—И въ очи и въ уста

Лобзай меня! пѣвецъ осиротѣлый,
Какъ мотылекъ лилею поутру!
Люби меня, какъ милую сестру,
И снова я и къ небу, и къ добру
Направлю твой разсудокъ омертвѣлый!"...

И что жь? Совершилось ли возрожденіе—этотъ великій актъ любви? и святая власть женственнаго существа побѣдила ли ожесточенную мужскую твердость?—Нѣтъ! поэтъ не воскресъ, а только пошевелился въ гробѣ своего отчаянія: солнечный лучъ поздно упалъ на поблекшій цвѣтъ его души.... Остальная половина этого стихотворенія, или лучше сказать, этой поэтической исповѣди, отличается тою хаотической неопредѣленностью, въ какую погрузило душу поэта его полувозрожденіе: и какъ ничего положительнаго не могло выйдти изъ новаго состоянія души поэта, такъ ничего не вышло и изъ стихотворенія, въ которомъ онъ силился его выразить. Эта неопредѣленность отразилась и на стихахъ: стихъ, доселѣ поэтическій, даже крѣпкій и сжатый, становится прозаическимъ, вялымъ и растянутымъ, и только мѣстами сверкаетъ прежнимъ огнемъ, какъ угасающій волканъ; цѣлые куплеты ничего не заключаютъ въ себѣ, кромѣ словъ, въ которыхъ видно одно тщетное усиліе что-то сказать. Можно догадываться изъ этихъ стиховъ, что душа поэта пережила его тѣло и, живой трупъ, онъ умиралъ медленною смертью, томимый уже безплодными желаніями... Страшное состояніе! И какъ же понятны, послѣ этого, стихи Полежаева:

Ахъ, какъ ужасно быть живымъ,
Полуразрушась надъ могилой!...

Эти «черные глаза», очевидно, были важнымъ, хотя уже и безвременнымъ фактомъ въ жизни Полежаева: скорбному воспоминанію о нихъ посвящена еще цѣлая, и притомъ прекрасная пьеса—«Грусть».

Но это только мгновеніе въ жизни поэта; другая любовь неотступно жила съ нимъ и погубила его—это та, о которой онъ самъ сказалъ:

Въ сердцѣ кровь
Отъ тоски замерла,
Міръ души погребла
Къ шумной волѣ любовь!
Не воскреснетъ она!

Эта-то любовь, извлекшая столько грязныхъ пѣсенъ, извлекала иногда и поэтическіе звуки изъ души поэта, какъ въ прекрасной пѣснѣ его—«Цыганка». Но апоѳеозу идола, спалившаго цвѣтъ жизни поэта, представляетъ его пьеса «Гаремъ». Въ этомъ дифирамбѣ выражено объясненіе ранней гибели его таланта... Онъ извѣстенъ былъ подъ названіемъ «Ренегата» и, по множеству мѣстъ цинически безстыдныхъ и безумно вдохновенныхъ, не могъ быть напечатанъ вполнѣ. Азія — колыбель младенческаго человѣчества и, какъ элементъ, не могла не войдти и въ жизнь возмужавшаго и одухотворившагося Европейца, но какъ элементъ — не больше; исключительное же ея обожаніе — смерть души и тѣла, позоръ и гибель при жизни и за могилою... Полежаевъ жилъ въ Азіи, а Европа только на мгновеніе шевелила его душою; удивительно ли, что онъ

Не разцвѣлъ и отцвѣлъ
Въ утрѣ пасмурныхъ дней,
Что̀ любилъ, въ томъ пашелъ
Гибель жизни своей?

Отличительный характеръ поэзіи Полежаева— необыкновенная сила чувства. Явившись въ другое время, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, при наукѣ и нравственномъ развитіи, талантъ Полежаева принесъ бы богатые плоды, оставилъ бы послѣ себя замѣчательныя произведенія и занялъ бы видное мѣсто въ исторіи русской литературы. Мысль для поэзіи то же, что масло для лампы: съ нимъ

она горитъ пламенемъ ровнымъ и чистымъ, безъ него вспыхиваетъ по временамъ, издаетъ искры, дымится, чадомъ и постепенно гаснетъ. Мысль всегда движется, идетъ впередъ, развивается. И потому творенія замѣчательныхъ поэтовъ (не говоря уже о великихъ) постепенно становятся глубже содержаніемъ, совершеннѣе формою. Полежаевъ остановился на одномъ чувствѣ, которое всегда безотчетно и всегда заперто въ самомъ себѣ, всегда вертится около самого себя, не двигаясь впередъ, всегда монотонно, всегда выражается въ однообразныхъ формахъ.

Въ піесѣ «Ночь на Кубани», вопль отчаянія смягченъ какою-то грустью и совпадаетъ съ единственно-возможною надеждою на прощеніе отъ подобнаго себѣ несчастливца, собственнымъ опытомъ познавшаго, что такое несчастіе:

Лишь онъ одинъ постигнуть можетъ,
Лишь онъ одинъ пойметъ того,
Чье сердце червь могильный гложетъ!
Какъ пальма въ зеркалѣ ручья,
Какъ тѣнь налетная въ лазури,
Въ немъ отразится послѣ бури
Душа унылая моя!

Естественно, что Полежаевъ, въ свѣтлую минуту душевнаго умиленія, обрѣлъ столько еще тихаго и глубокаго вдохновенія, чтобы такъ прекрасно выразить одно изъ величайшихъ преданій Евангелія, въ піесѣ «Грѣшница». Можетъ-быть, послѣ этого, намъ будетъ легче и поучительнѣе внимать страшнымъ признаніямъ поэта... Тяжесть паденія его была бы не вполнѣ обнята нами безъ двухъ піесъ его—«Живой мертвецъ» и «Цѣпи». «Вечерняя заря», одна изъ лучшихъ піесъ Полежаева, есть та же погребальная пѣсня всей жизни поэта; но въ ней отчаяніе растворено тихою грустью, которая особенно поразительна при сжатости и могучей энергіи выраженія—обыкновенныхъ качествъ его поэзіи. Но Полежаевъ зналъ не одну муку паденія: онъ

зналъ также и торжество возстанія, хотя и мгновеннаго; съ энергической и мощной лиры его слетали не одни диссонансы, проклятія и вопли, но и гармонія благословеній... Такъ въ пьесѣ:

Я погибалъ;
Мой злобный геній
Торжествовалъ!

Въ другое время, сорвались съ его лиры звуки торжества и возстанія, но уже слишкомъ поздняго, и уже не столь сильные и громкіе: посмотрите, какая нескладица въ большой половинѣ піесы «Раскаяніе», какъ хорошіе стихи мѣшаются въ ней съ плохими до безсмыслицы, и какъ торжественно окончаніе ея; оно можетъ служить образцомъ того, что называется въ эстетикѣ «высокимъ».

Полежаевъ никогда бы не былъ однимъ изъ тѣхъ поэтовъ, которыхъ главное достоинство—пластическая художественность и виртуозность формъ; которыхъ значеніе бываетъ такъ велико въ сферѣ собственно искусства, и такъ не велико въ сферѣ общей, объемлющей собою не одно искусство, но и всю область духа; въ которыхъ такая бездна поэзіи, и такъ мало современныхъ вопросовъ, такъ мало общихъ интересовъ... Талантъ Полежаева могъ бы сдѣлаться безсмертнымъ, если бы воспитался на плодородной почвѣ историческаго міросозерцанія. Въ его поэзіи мало содержанія; но изъ нея же видно, что она, по своему духу, должна была бы развиться преимущественно въ поэзію содержанія. Отсюда эта крѣпость и мощь стиха, сжатость и рѣзкость выраженія. Но къ этому не достаетъ отдѣлки, точности въ словахъ и выраженіяхъ; причиною этого было сколько то, что онъ небрежно занимался поэзіею и никогда не отдѣлывалъ окончательно своихъ стихотвореній, замѣняя неточныя выраженія опредѣленными, слабые стихи—сильными, растянутыя мѣста—сжатыми; столько и то, что, оставшись при одномъ непосредственномъ чувствѣ, онъ не развилъ и не возвы-

силъ его, наукою и размышленіемъ, до вкуса. Другой важный недостатокъ его поэзіи, тѣсно связанный съ первымъ, состоитъ въ неумѣньи овладѣть собственною мыслію и выразить ее полно и цѣлостно, не примѣшивая къ ней ничего посторонняго и лишняго. Причина этого опять въ неразвитости и происходящей изъ нея неясности и неопредѣленности созерцанія. Поучительнымъ для молодыхъ поэтовъ примѣромъ подобной невыдержанности могутъ служить двѣ прекрасныя, но испорченныя піесы Полежаева, въ совершенно различныхъ родахъ. Первая называется «Море», а вторая «Баю, баюшки-баю». Какая грубая смѣсь прекраснаго съ низкимъ и безобразнымъ; граціознаго съ безвкуснымъ! Окончаніе послѣдней піесы, въ которомъ заключена вся мысль ея, стоило, чтобъ для нея выписать всю піесу. Истинное эстетическое чувство и истинный критическій тактъ состоятъ не въ томъ, чтобъ, замѣтивъ несовершенство, или дурныя мѣста въ произведеніи, отбросить его отъ себя съ презрѣніемъ, но чтобъ не пропустить немногаго хорошаго и во многомъ дурномъ оцѣнить его и насладиться имъ. Впрочемъ, съ лиры Полежаева сорвалось нѣсколько произведеній, безукоризненно прекрасныхъ. Такова его дивная Пѣснь плѣннаго Прокезца»—этотъ высокій образецъ благородной силы въ чувствѣ и выраженіи; такова его прекрасная по мысли, хотя и не безусловно непогрѣшительная по выраженію, піеса «Божій Судъ»; таковъ его переводъ піесы Байрона «Вальтасаръ», который нѣкогда былъ неправо присвоенъ себѣ однимъ стихотворцемъ и напечатанъ въ «Московскомъ Телеграфѣ»,—что и произвело большіе споры между этимъ журналомъ и «Галатеею», гдѣ спорная піеса была получена изъ настоящаго источника.—Есть у Полежаева нѣсколько піесъ въ народномъ тонѣ; тонъ ихъ не вездѣ выдержанъ, но онѣ вообще показываютъ въ нашемъ поэтѣ большую способность къ произведеніямъ этого рода. Таковы: «У меня-ль молодца», «Окно», «Долго ль будетъ

вамъ безъ умолку идти», «Тамъ на небѣ высоко» и «Узникъ». Послѣдняя особенно невыдержана и, несмотря на то, особенно прекрасна. Доказательствомъ же, что въ натурѣ Полежаева лежало много человѣческихъ элементовъ, можетъ служить его стихотвореніе на погребеніе дѣвушки.

Полежаевъ свободно владѣлъ и языкомъ и стихомъ: изысканность въ выраженіяхъ происходила у него отъ небрежности въ трудѣ и отъ недостатка въ развитіи. Онъ часто какъ-будто игралъ стихами, выбирая трудные по короткости стиховъ размѣры, гдѣ одна рифма могла бы стать непреоборимымъ препятствіемъ. Можно ли выказать больше одушевленія, чувства, и въ такихъ прекрасныхъ стихахъ, какъ въ піесѣ. «Пѣснь погибающаго пловца», писанной двухстопными хореями съ рифмами. «Вальтасаръ» можетъ служить доказательствомъ необыкновенной способности Полежаева переводить стихи. Только ему надо было переводить что нибудь, гармонировавшее съ его духомъ, и преимущественно лирическія произведенія, по причинѣ субъективной настроенности его натуры. Но неразвитость его была причиною неудачнаго выбора піесъ для перевода. Полежаевъ съ жадностію переводилъ водяныя «медитаціи» Ламартина, которыя всего вѣрнѣе можно назвать «риторическими разглагольствованіями». Онъ перевелъ ихъ съ полдюжину, и притомъ самыхъ длинныхъ. Переводы его прекрасны, и если чрезвычайно скучны, то это ужь вина Ламартина, а не Полежаева.

Мы выше сказали, что натура Полежаева была чисто субъективная. Поэтому, настоящимъ его призваніемъ была лирическая поэзія, и всѣ попытки его на поэмы были весьма неудачны. Поэма его «Коріоланъ» отличается риторическимъ характеромъ; звучныхъ стиховъ въ ней много, но поэтическихъ весьма мало. Этому причиною и неразвитость его: онъ не понималъ ни духа римскаго народа, ни историческаго значенія избраннаго имъ героя. И потому, содержаніе его

«Коріолана»—общія риторическія мѣста. То же можно сказать, не боясь ошибиться, и о другой его поэмѣ «Видѣніе Брута». Даже и лирическія его произведенія, отличающіяся длинотою, относятся къ такимъ же неудачнымъ попыткамъ, какъ напримѣръ, піеса «Гременчугское кладбище». Впрочемъ, длинныя лирическія произведенія и у какого угодно поэта рѣдко бываютъ хорошими произведеніями. Полежаевъ много писалъ въ сатирическомъ родѣ — и это самыя неудачныя, самыя жалкія его попытки. Таковы: «Имамъ Козелъ», «День въ Москвѣ», «Кредиторы», «Чудакъ», «Авторъ и Читатель» и разныя мелочи. Всѣ онѣ отзываются дурнымъ топомъ харчевенъ и простонародныхъ ресторацій, и могутъ восхищать своимъ остроуміемъ развѣ ту почтенную публику, которая съ господскими шубами на рукахъ присутствуетъ въ корридорахъ театровъ и въ прихожихъ домовъ. Это происходило не отъ недостатка у поэта въ природномъ остроуміи, а отъ того круга общества, въ которомъ онъ погубилъ свой талантъ, свое счастіе и свою жизнь. Піеска «Тарки»—показываетъ, что онъ не чуждъ былъ юмористической веселости, но что ему не доставало лишь тонкаго эстетическаго такта приличія.

Нельзя не пожелать, чтобъ люди, имѣющіе право на собственность сочиненій Полежаева и такъ дурно издающіе ихъ—издали бы ихъ опрятно, на хорошей бумагѣ, безъ искаженія стиховъ, безъ грамматическихъ ошибокъ, безъ опечатокъ, а главное—съ разборомъ и съ толкомъ, исключивъ нелѣпыя сатирическія піесы, о которыхъ мы говорили, и плоскія эпиграммы («Картина», «Напрасное подозрѣніе»): надутыя и пустозвонныя торжественныя оды («Въ память благотвореній», «Геній») и всѣ слабыя изъ мелкихъ лирическихъ піесъ. Безъ этого хлама, книжка выйдетъ небольшая, за то прекрасная по содержанію и необходимая для каждаго любителя отечественной литературы. Можно, если угодно, включить въ нее и «Оскара Альоскаго» и всѣ не-

реводы изъ Ламартина и Делавиня, для почитателей этихъ поэтовъ и для образца способности Полежаева къ переводамъ; но въ такомъ случаѣ, всѣхъ ихъ должно соединить въ одномъ отдѣлѣ, въ концѣ книги, не мѣшая съ мелкими піесами. Можно включить въ нее и эпическіе опыты—«Коріолана» и «Видѣніе Брута», какъ фактъ ложнаго развитія сильнаго дарованія; но опять съ условіемъ, чтобъ они были помѣщены въ особомъ отдѣлѣ. Вотъ перечень мелкихъ піесъ, которыя могутъ войдти въ дѣльное изданіе сочиненій Полежаева: «Посвященіе другу его А. П. Л—му»; «Морни и тѣнь Кормала» (изъ Оссіана); «Вальтасаръ»; «Море»; «Водопадъ»; «Живой Мертвецъ»; «Ожесточенный»; «Провидѣніе»; «Цѣпи»; «Погребеніе»; «Вечерняя Заря»; «Пѣснь плѣннаго Прокезца»; «Пѣснь погибающаго пловца»; «Любовь»; «Звѣзда»; «Зачѣмъ задумчивыхъ очей»; «У меня ль молодца»; «Тамъ на небѣ высоко»; «Пышно льется свѣтлый Терекъ»; «Черкесскій романсъ»: «Ночь на Кубани»; «Черная Коса»; Мертвая голова»; «Гаремъ»; «Табакъ»; «Тарки»; «Цыганка»; «Раскаяніе»; «Лунный свѣтъ» (изъ В. Гюго); Ахалукъ»; «Призваніе»; «Окно»; «Отрывокъ изъ Посланія къ А. П. Л—му»; «Черные глаза»; «Божій Судъ»; «Негодованіе»; «Грѣшница»; «Грусть»; «Долго ль будетъ вамъ безъ умолку идти»; «Прощаніе»; «Узникъ»; «Баю баюшки-баю». Сверхъ того, въ одномъ московскомъ журналѣ, чуть ли не въ «Галатеѣ» 1830 года, былъ напечатанъ замѣчательный по своему поэтическому достоинству отрывокъ изъ какого-то большаго стихотворенія Полежаева; мы не помнимъ его названія, но помнимъ стихи, которыми онъ начинается.

. . . . . И я въ тюрьмѣ...
Передо мной едва горитъ
Фитиль въ разбитомъ черепкѣ,
Съ ружьемъ въ ослабленной рукѣ,
У двери дремлетъ часовой...

Вотъ все, что можетъ и должно войдти въ порядочное изданіе стихотвореній Полежаева.

Отличительную черту характера и особенности поэзіи Полежаева составляетъ необыкновенная сила чувства, свидѣтельствующая о необыкновенной силѣ его натуры и духа, и необыкновенная сила сжатаго выраженія, свидѣтельствующая о необыкновенной силѣ его таланта. Правда, одна сила еще не все составляетъ: важны подвиги, въ которыхъ бы она проявилась; Раппо одаренъ чрезвычайною силою, но играть чугунными шарами, какъ мячиками, еще не значитъ быть героемъ. Такъ; но вѣдь все же не Раппо ходитъ смотрѣть на людей и дивиться имъ, а толпы людей ходятъ смотрѣть на него и дивиться ему. И въ сферѣ своихъ подвиговъ не выше ли онъ тѣхъ людей, которые почитаютъ себя силачами, и крихтя подъ тяжестію не по силамъ, надрываясь отъ натуги, думаютъ удивлять людей силою!... Мы не видимъ въ Полежаевѣ великаго поэта, котораго творенія должны перейдти въ потомство; мы безпристрастно высказали, что онъ погубилъ себя и свой талантъ избыткомъ силы, неуправляемой браздами разума; но въ то же время, мы хотѣли показать, что Полежаевъ и въ паденіи замѣчательнѣе тысячи людей, которые никогда не спотыкались и не падали, выше многихъ поэтовъ, которые превознесены ослѣпленіемъ толпы, и что его паденіе и поэзія глубоко поучительны; мы хотѣли показать, что источникъ всякой поэзіи есть жизнь, что судьба всякаго могучаго таланта—быть представителемъ извѣстнаго момента общественнаго развитія, и что, наконецъ, могутъ падать только сильные, замѣчательные таланты... При другихъ условіяхъ, поэзія Полежаева могла бы развиться, разцвѣсть пышнымъ цвѣтомъ и дать плодъ сторицею: возможность этого видна и въ томъ, что̀ имъ написано при ложномъ его направленіи, при неестественномъ развитіи. Мы необинуясь скажемъ, что изъ всѣхъ поэтовъ і явившихся въ первое время Пушкина, исключая ген‘аль-

наго Грибоѣдова, который образуетъ въ нашей литературѣ особую школу,—несравненно выше всѣхъ другихъ и достойнѣе вниманія и памяти—Полежаевъ и Веневитиновъ... Къ буйной и страдающей музѣ Полежаева можно примѣнить эти стихи Пушкина:

И мимо всѣхъ условій свѣта
Стремится до утраты силъ,
Какъ беззаконная комета
Въ кругу разсчисленномъ свѣтилъ...

Комета—явленіе безобразное, если хотите, но ея страшная красота для каждаго интереснѣе мгновеннаго блеска падучей звѣзды, случайно возникающей и безъ слѣда исчезающей на горизонтѣ ночнаго неба...

РѢЧЬ О КРИТИКѢ, *произнесенная въ собраніи Императорскаго Санктпетербургскаго Университета, марта 25-го дня 1842 года, экстра-ординарнымъ профессоромъ, А. Никитенко. Спб. 1842.*

1.

Духъ анализа и изслѣдованія—духъ нашего времени. Теперь все подлежитъ критикѣ, даже сама критика. Наше время ничего не принимаетъ безусловно, не вѣритъ авторитетамъ, отвергаетъ преданіе; но оно дѣйствуетъ такъ не въ смыслѣ и духѣ прошедшаго вѣка, который, почти до конца своего, умѣлъ только разрушать, не умѣя созидать; напротивъ, наше время алчетъ убѣжденій, томится голодомъ истины. Оно готово принять всякую живую мысль, преклонится предъ всякимъ живымъ явленіемъ; но оно не спѣшитъ имъ на встрѣчу, а спокойно ожидаетъ ихъ къ себѣ, безъ страсти и увлеченія. Боясь разочарованія, оно боится и очаровываться на-скоро. Какъ-будто враждебно смотритъ

нашъ, закаленный въ буряхъ ученій и событій вѣкъ, на все новое, которое претендуетъ замѣнить ему неудовлетворяющее его старое; но эта враждебность есть въ сущности только благоразумная осторожность, плодъ тяжелыхъ опытовъ. Нашъ вѣкъ и восхищается какъ будто холодно; но эта холодность у него не въ сердцѣ, а только въ манерѣ; она признакъ не старости, а возмужалости. Скажемъ болѣе: эта холодность есть сосредоточенность внутренняго восторга, плодъ самообладанія, умѣющаго видѣть всему настоящее мѣсто и настоящія границы, равно презирающаго и искусственную, на живую нитку сметанную золотую середину—этого идола посредственности, и фанатическое увлеченіе крайностями, этой болѣзни односторонпихъ умовъ. И это покажется намъ очень естественнымъ, когда вспомнимъ, что послѣдняя половина прошедшаго и еще некончившаяся половина настоящаго вѣка могутъ многіе изъ своихъ дней назвать вѣками: такъ много въ продолженіи ихъ было испытано и пережито человѣчествомъ. Юноша на все бросается горячо и опрометчиво: ему ничего не стоитъ пасть на колѣни, воздѣть руки горѣ и обоготворить то, къ чему черезъ минуту онъ будетъ или холоденъ, или враждебенъ. Мужъ, искушенный опытомъ, не скоро поддается увлеченію: онъ сперва хочетъ изслѣдовать и повѣрить, онъ начинаетъ съ сомнѣнія и если что выдержитъ его строгое, холодное изслѣдованіе, то уже не на мигъ овладѣетъ его любовью и уваженіемъ. Возмужалый человѣкъ доволенъ чувствомъ, и не хлопочетъ, чтобъ это чувство замѣчали другіе; онъ дорожитъ имъ для него самого, и скорѣе постарается скрыть его, чѣмъ обнаружить. Юноша все любитъ для восторга, и восторгъ давитъ и рветъ грудь ему, если онъ не сообщитъ его другимъ. На нашъ вѣкъ много нападокъ, и весьма справедливыхъ. Дѣйствительно, это вѣкъ какой-то нерѣшимости, разъединенія, индивидуальности, вѣкъ личныхъ страстей и личныхъ интересовъ (даже умственныхъ), вѣкъ

перехода, вѣкъ котораго одна нога уже переступила за порогъ невѣдомаго будущаго, а другая осталась на сторонѣ отжившаго прошедшаго, и который оборачивается то назадъ, то впередъ, не зная, куда двинуться. Все это правда; но въ то же время, правда и то, что этотъ вѣкъ уже такъ опытенъ, такъ уменъ, такъ много помнитъ и знаетъ, что не можетъ рѣшиться играть роль паладина среднихъ вѣковъ, жить мечтами и ломать копья за невѣдомую красоту, или, подобно донъ-Кихоту, увѣрить себя въ несравненной красотѣ какой-нибудь безобразной Дульцинеи, за неимѣніемъ въ наличности красоты дѣйствительно существующей.

Да, прошли безвозвратно блаженныя времена той фантастической эпохи человѣчества, когда чувство и фантазія давали ему отвѣты на всѣ его вопросы, и когда отвлеченная идеальность составляла блаженство его жизни. Міръ возмужалъ: ему нуженъ не пестрый калейдоскопъ воображенія, а микроскопъ и телескопъ разума, сближающій его съ отдаленнымъ, дѣлающій для него видимымъ невидимое. Дѣйствительность,—вотъ лозунгъ и послѣднее слово современнаго міра! Дѣствительность въ фактахъ, въ знаніи, въ убѣжденіяхъ чувства, въ заключеніяхъ ума,—во всемъ и вездѣ дѣйствительность есть первое и послѣднее слово нашего вѣка. Онъ знаетъ, что лучше на картѣ Африки оставить пустое мѣсто, чѣмъ заставить вытекать Нигеръ изъ облаковъ, или изъ радуги. И сколько отважныхъ путешественниковъ жертвуетъ жизнію изъ географическаго факта, лишь бы доказать его дѣйствительность! Для нашего вѣка, открыть песчаную пустыню, дѣйствительно существующую, болѣе важное пріобрѣтеніе, чѣмъ вѣрить существованію Эльдорадо, котораго не видали ничьи смертныя очи. Онъ знаетъ, что въ песчаной степи, дѣйствительно-существующей, болѣе видно всемогущество Творца и величіе природы, чѣмъ во всѣхъ Эльдорадо, существующихъ только въ праздномъ воображеніи мечтателей. Нашему вѣку не нужно шутовскихъ бубенчиковъ, пріятныхъ

заблужденій, ребяческихъ погремушекъ, отрадныхъ, утѣшительныхъ лжей. Если бы ложь предстала передъ нимъ въ видѣ юной и прекрасной женщины и съ улыбкою манила его въ свои роскошные объятія, а истина въ видѣ страшнаго остова смерти, летящаго на гигантскомъ конѣ съ косою въ рукахъ: онъ отвергся бы, съ презрѣніемъ и ненавистію, отъ обольстительнаго призрака, и бросился бы въ мертвящія объятія остова...Ему лучше ощутить себя въ дѣйствительныхъ объятіяхъ страшной смерти духа, чѣмъ схватить въ свои руки призракъ, долженствующій изчезнуть при первомъ къ нему прикосновеніи... И это совсѣмъ не скептицизмъ: это, напротивъ, обожествленіе истины, которая можетъ быть страшна только для ограниченности индивидуальнаго человѣка, а сама въ себѣ есть вѣчная красота и вѣчное блаженство. Скептизмъ отчаявается въ истинѣ и не ищетъ ея; нашъ вѣкъ—весь вопросъ, весь стремленіе, весь искапіе и тоска по истинѣ... Онъ не боится, что его обманетъ истина, но боится лжи, которую человѣческая ограниченность часто принимаетъ за истину.

И однакожь, человѣкъ всегда стремился къ познанію истины; слѣдовательно, всегда мыслилъ, изслѣдовалъ, повѣрялъ. Такъ; но его изслѣдованіе не было свободно: оно всегда находилось подъ вліяніемъ его непосредственнаго созерцанія, или зависѣло отъ авторитета чувства и заранѣе принятыхъ началъ. Если же когда-нибудь изслѣдованіе освобождалось отъ авторитета и преданія, то враждебно разрушало полноту непосредственной жизни, не замѣняя ея полнотою новой жизни. Такъ въ Греціи, сначала всѣ явленія дѣйствительности, фантастически представлявшіяся людямъ, и объясняемы были фантастически же. Умъ явно находился подъ преобладающимъ вліяніемъ фантазіи и чувства. И эта фантастическая дѣйствительность не выдержала разлагающей философіи Сократа: она пошатнулась, рухнула и погребла философа подъ своими развалинами. Въ фан-

тастическіе средніе вѣка философія была чѣмъ-то въ родѣ кабалистики, химія — алхиміей, астрономія — астрологіей, исторія—романомъ, географія—волшебною сказкою. Въ XVI и XVII вѣкахъ умъ началъ вступать въ права свои, постепенно завоевывая у чувства и фантазіи принадлежавшія ему области. Въ XVIII вѣкѣ онъ одержалъ надъ ними рѣшительную побѣду, нанесъ имъ послѣдній ударъ. Но эта побѣда и показала ему, что одинъ и самъ по себѣ онъ долженъ страшиться собственной силы, которая увлекла бы его къ исключительности и односторонности. И потому, въ XIX вѣкѣ, разумъ обнаружилъ стремленіе къ примиренію съ чувствомъ и фантазіею; онъ призналъ ихъ права, но какъ подчиненныхъ ему союзниковъ, которые должны дѣйствовать подъ его преобладающимъ вліяніемъ. И теперь разумъ во всемъ ищетъ самого себя, и только то признаетъ дѣйствительнымъ, въ чемъ находитъ самого себя. Этимъ наше время рѣзко отличилось отъ всѣхъ прежнихъ историческихъ эпохъ. Разумъ все покорилъ себѣ, надъ всѣмъ воспреобладалъ: для него уже ничто не есть болѣе само себѣ цѣль, но все должно отъ него получать утвержденіе своей самостоятельности и дѣйствительности. Сомнѣніе и скептицизмъ уже болѣе не враги ему, приводящіе его въ отчаяніе на пути сознанія истины, но его орудія, средства, помогающія ему въ сознаніи истины.

Мы сказали, что разумъ тогда только признаетъ извѣстную истину, ученіе, или явленіе дѣйствительными, когда находитъ въ нихъ себя, какъ содержаніе въ формѣ. Для этого, ему только одинъ путь и одно средство—разъединеніе идеи отъ формы, разложеніе элементовъ, образующихъ собою данную истину, или данное явленіе. И это дѣйствіе разума отнюдь не отвратительный анатомическій процессъ, разрушающій прекрасное явленіе для того, чтобъ опредѣлить его значеніе. Разумъ разрушаетъ явленіе для того, чтобы оживить его для себя въ новой красотѣ и новой

жизни, если онъ найдетъ себя въ немъ. Отъ процесса разлагающаго разума умираютъ только такія явленія, въ которыхъ разумъ не находитъ ничего своего, и объявляетъ ихъ только эмпирически существующими, но не дѣйствительными. Этотъ процессъ и называется «критикою». Многіе подъ критикою разумѣютъ или охужденіе разсматриваемаго явленія, или отдѣленіе въ немъ хорошаго отъ худаго:—самое пошлое понятіе о критикѣ! Нельзя ничего ни утверждать, ни отрицать на основаніи личнаго произвола, непосредственнаго чувства, или индивидуальнаго убѣжденія: судъ предлежитъ разуму, а не лицамъ, и лица должны судить во имя обще-человѣческаго разума, а не во имя своей особы. Выраженія: «мнѣ нравится, мнѣ не нравится» могутъ имѣть свой вѣсъ, когда дѣло идетъ о кушаньѣ, винахъ, рысакахъ, гончихъ собакахъ и т. п.; тутъ могутъ быть даже свои авторитеты. Но когда дѣло идетъ о вліяніяхъ исторіи, науки, искусства, нравственности,—тамъ всякое *я*, которое судитъ самовольно и бездоказательно, основываясь только на своемъ чувствѣ и мнѣніи, напоминаетъ собою несчастнаго въ домѣ умалишенныхъ, который, съ бумажною короною на головѣ, величаво и благоуспѣшно правитъ своимъ воображаемымъ народомъ, казнитъ и милуетъ, объявляетъ войну и заключаетъ миръ, благо никто ему не мѣшаетъ въ этомъ невинномъ занятіи. Критиковать—значитъ искать и открывать въ частномъ явленіи общіе законы разума, по которымъ и чрезъ которые оно могло быть, и опредѣлять степень живаго, органическаго соотношенія частнаго явленія съ его идеаломъ. А такъ какъ бываютъ явленія вполнѣ выражающія общее въ частномъ, идеалъ въ конечномъ, и бываютъ явленія, только въ извѣстной степени выражающія это единство частнаго съ общимъ, и бываютъ явленія только претендующія на это единство, въ самомъ же дѣлѣ совершенно чуждыя его; слѣдовательно, и критика не только безусловно хулитъ, или

только похваливаетъ и побраниваетъ, но иногда ограничивается одною похвалою. У насъ, на Руси, особенно, критика получила въ глазахъ массы превратное понятіе: критиковать—для многихъ значитъ ругать, а критика одно и то же съ ругательною статьею. Мало того: критикою называютъ и сатиру и пасквиль, а въ провинціи, въ среднихъ кругахъ общества, критикою называютъ пересуды, сплетни и злоязычіе. Понимать такимъ образомъ критику все равно, что правосудіе смѣшивать только съ обвиненіемъ и карою, забывая объ оправданіи. Равнымъ образомъ, критика не ограничивается однимъ искусствомъ, хотя ея имя и употребляется больше только въ отношеніи къ искусству. Критика происходитъ отъ греческаго слова, означающаго «судить»; слѣдовательно, въ обширномъ значеніи, критика есть то же, что «сужденіе». Поэтому, есть критика не только для произведеній искусства и литературы, но и критика предметовъ наукъ, исторіи, нравственности, и пр. Лютеръ, напримѣръ, былъ критикомъ папизма, какъ Боссюэтъ, былъ критикомъ исторіи, а Вольтеръ критикомъ феодальной Европы.

Критика всегда соотвѣтственна тѣмъ явленіямъ, о которыхъ судитъ: поэтому, она есть сознаніе дѣйствительности. Такъ, напримѣръ, что̀ такое Буало, Баттё, Лагарпъ? Отчетливое сознаніе того, что̀ непосредственно (какъ явленіе, какъ дѣйствительность) выразилось въ произведеніяхъ Корнеля, Расина, Мольера, Лафонтена. Здѣсь не искусство создало критику, и не критика создала искусство; но то и другое вышло изъ одного общаго духа времени. То и другое—равно сознаніе эпохи; но критика есть сознаніе философское, а искусство—сознаніе непосредственное. Содержаніе того и другаго—одно и то же; разница только въ формѣ. Въ этомъ-то обстоятельствѣ и заключается важность критики, особенно для нашего времени, которое по преимуществу мыслящее и судящее, слѣдовательно, крити-

кующее время. Въ критикѣ нашего времени, болѣе, чѣмъ въ чемъ-нибудь другомъ, выразился духъ времени. Что такое само искусство нашего времени?—Сужденіе, анализъ общества; слѣдовательно, критика. Мыслительный элементъ теперь слился даже съ художественнымъ,—и для нашего времени мертво художественное произведеніе, если оно изображаетъ жизнь для того только, чтобъ изображать жизнь, безъ всякаго могучаго субъективнаго побужденія, имѣющаго свое начало въ преобладающей думѣ эпохи, если оно не есть вопль страданія, или дифирамбъ восторга, если оно не есть вопросъ, или отвѣтъ на вопросъ. Удивляться ли, послѣ этого, что критика есть самовластная царица современнаго умственнаго міра? Теперь вопросъ о томъ, что скажутъ о великомъ произведеніи, не менѣе важенъ самаго великаго произведенія. Чтобы и какъ бы ни сказали о немъ,—повѣрьте, это прочтется прежде всего, возбудитъ страсти, умы, толки. Иначе и быть не можетъ: намъ мало наслаждаться—мы хотимъ знать; безъ знанія для насъ нѣтъ наслажденія. Тотъ обманулся бы, кто сказалъ бы, что такое-то произведеніе наполнило его восторгомъ, если онъ не отдалъ себѣ отчета въ этомъ наслажденіи, не изслѣдовалъ его причинъ. Восторгъ отъ непонятаго произведенія искусства—мучительный восторгъ. Это теперь выражается не только въ отдѣльныхъ, лицахъ, но и въ массахъ.

Въ Россіи пока еще существуетъ только критика искусства и литературы. Это обстоятельство придаетъ ей еще большій интересъ и большую важность. Литературныя мнѣнія разносятся у насъ скоро и быстро, и каждое находитъ себѣ послѣдователей. Можно сказать безъ преувеличенія, что пока еще только въ искусствѣ и литературѣ, а слѣдовательно, въ эстетической и литературной критикѣ, выражается интеллектуальное сознаніе нашего общества. Поэтому, нисколько не должно казаться страннымъ, что почтенный профессоръ, оффиціально избранный быть органомъ

годичнаго торжества ученаго заведенія, избралъ предметомъ своей рѣчи—критику. Нельзя было избрать лучшаго предмета, вопроса болѣе современнаго и болѣе близкаго къ жизни. И нѣтъ пріятнѣе зрѣлища, какъ то, что у насъ наука сближается съ жизнію и обществомъ, перестаетъ быть чѣмъ-то въ родѣ элевзинскихъ таинствъ, отправляемыхъ, въ добавокъ, на латинскомъ языкѣ, понятномъ лишь оратору да еще десяти человѣкамъ изъ нѣсколькихъ сотъ, присутствующихъ на торжественномъ собраніи. Неменѣе пріятно и то, когда органами ученаго сословія и ученаго общества бываютъ люди, умѣющіе соединить интересъ предмета и основательность, глубокость взглядовъ съ живымъ, краснорѣчивымъ изложеніемъ. Этимъ умѣньемъ вполнѣ обладаетъ авторъ рѣчи, подавшей намъ поводъ къ этой статьѣ. Рѣчи г. Никитенко, какъ и все, что̀ ни выходитъ изъ-подъ его пера, полны мыслей и отличаются особенною красотою выраженія. Каждый имѣетъ свое убѣжденіе, и потому не каждый безусловно согласится съ г. Никитенко во всемъ, что̀ составляетъ основаніе, или частности его идей; но каждый, даже и не соглашаясь съ ними вполнѣ, прочтетъ ихъ съ тѣмъ вниманіемъ и уваженіемъ, которыя могутъ возбуждаться только мыслями, вызывающими на размышленіе, поражающими умъ. Парадоксъ или явная ложь не могутъ возбудить критическаго спора (ибо критика есть сужденіе, сравненіе явленія съ его идеаломъ), но могутъ возбудить опроверженіе; критическіе споры могутъ возбуждаться только мыслями. Опровергаютъ то, что̀ считаютъ ложью; спорятъ о томъ, что̀ обѣ стороны, несмотря на ихъ противорѣчіе, уважаютъ. Опровергающій мнѣніе считаетъ себя безусловно правымъ; спорящій старается быть правымъ, но почитаетъ побѣду столько же возможною и для противной стороны, какъ и для самого себя. Судъ побѣды предоставляется обществу и времени.

У насъ такъ мало является по части критики (сужденія)

достойнаго даже опроверженій, не только спора, что мы вдвойнѣ обрадовались рѣчи г. Никитенко: какъ прекрасному произведенію мысли и краснорѣчія, которое обратило бы на себя вниманіе во всякой литературѣ,—и какъ случаю поговорить о дѣлѣ. Сверхъ того, предметъ рѣчи профессора такъ близокъ нашему сердцу, что для насъ поговорить о немъ, по такому достойному поводу,—истинное наслажденіе.

Съ первыхъ же строкъ «Рѣчи» поражаютъ читателя и блескъ ея изложенія, и ея живые мотивы, такъ сказать, животрепещущіе интересомъ современности. Ораторъ разсматриваетъ критику только въ отношеніи къ искусству, и опредѣляетъ ее «судомъ разума надъ творчествомъ».

„Но (говоритъ онъ) какъ же разумъ осмѣливается присвоить себѣ право суда и приговора надъ августѣйшею, первоначальною властію міра, совершительницею жизни и судебъ ея? Что значатъ блѣдныя, безкровныя и безплодныя понятія предъ яркимъ и звучнымъ могуществомъ событій! То, что родитъ только тѣни, дерзаетъ состязаться съ силою, воздвигающею вещи?.. И какъ взглянуть въ нѣдра волкана, или въ лицо солнцу, чтобъ спросить у нихъ: „Зачѣмъ эти непріязненныя тревоги веществъ, обуздываемыхъ закономъ тяготѣнія, зачѣмъ это сіяніе?“ или сказать имъ: „вотъ этому быть бы такъ, а тому иначе“. Сустны слова тамъ, гдѣ нѣтъ имъ другаго отзыва, кромѣ жизни или смерти.

„И точно, есть творчество неподвластное суду и приговору разума человѣческаго: это творчество природы. У нея нѣтъ разнорѣчащаго смысла въ требованіи и рѣшеніи, нѣтъ ни теорій, ни идеаловъ недостижимыхъ; что есть, то и должно быть и должно быть такъ, какъ есть. Каждая степень развита, каждый моментъ въ явленіяхъ природы содержитъ въ себѣ безъ недостатка все свое, все имъ подобающее; ничѣмъ другимъ и ничѣмъ большимъ они уже не могутъ быть. Цвѣтокъ раскинулся во всемъ блескѣ роскошной красоты, или неожиданно поникъ юношескимъ вѣнцомъ своимъ предъ хладнымъ дыханіемъ сѣвера—законъ природы одинаково и окончательно выполненъ, тамъ въ законномъ развитіи отдѣльнаго организма, здѣсь въ законныхъ послѣдствіяхъ превозмогающей силы—и нѣтъ другаго приговора событію, какъ: „оно свершилось“.

Съ этимъ нельзя вполнѣ согласиться, и вотъ на какомъ основаніи: духъ, или разумъ, произведшій природу, выше природы, слѣдовательно, можетъ судить ее. Сужденіе не всегда состоитъ въ томъ, чтобъ произнести приговоръ судимому предмету, рѣшивъ: «вотъ этому быть бы такъ, а тому иначе», но часто состоитъ въ оправданіи предмета такъ, какъ онъ есть, въ признаніи, что онъ хорошъ только такъ, какъ есть, и другимъ быть не можетъ. «Что значатъ блѣдныя, безкровныя и безплотныя понятія предъ яркимъ и звучнымъ могуществомъ событій? То, что родитъ только тѣни, дерзаетъ состязаться съ силою, воздвигающею вещи?...» Такъ говоритъ ораторъ, но сама природа—что же она такое, если не самыя эти блѣдныя, безкровныя и безплотныя понятія, воплотившіяся въ живые образы,—изъ міра возможности и идеаловъ перешедшія въ міръ дѣйствительности?... Понятія родятъ не тѣни—тѣни родятъ только ложь; весь міръ, вся жизнь есть явленный образъ этихъ понятій. И какъ же разуму не дерзать состязаться съ силою, имъ же самимъ рожденною? Какъ духу уступать первенство имъ живущей и имъ дышащей матеріи? Еслибъ разумъ, судя о природѣ, т. е. приводя для себя въ сознаніе его же собственные законы, ею выраженные, сталъ доходить до заключеній, что вотъ это не такъ, а то могло бъ быть иначе,—онъ этимъ пришелъ бы въ противорѣчіе съ самимъ собою, отрекся бы отъ самого себя и изрекъ бы страшный приговоръ надъ самимъ собою. Природа есть нѣчто мертвое, несуществующее само для себя: только духъ человѣческій знаетъ, что она есть, что она полна жизни и красоты, что въ ней скрыта глубокая мудрость; только духъ человѣческій знаетъ все это, и блаженствуетъ въ своемъ знаніи. Зеркало отражаетъ въ себѣ стоящіе противъ него предметы, но не видитъ ихъ и для него все равно, отражать ихъ, или нѣтъ; важность и неважность такого вопроса существуетъ только для человѣка. Умри на землѣ

человѣчество—и земли больше не будетъ, хотя бы она и осталась такою, или еще и лучшею, чѣмъ была при человѣчествѣ: ея не будетъ, потому что некому будетъ знать, что она есть. Даже нельзя безусловно думать, чтобъ духъ, или разумъ только видѣлъ себя въ природѣ, а не дѣйствовалъ на нее. Разумъ не скажетъ: зачѣмъ листья растеній зелены? имъ слѣдовало бъ быть голубыми; зачѣмъ дубъ высокъ, а розанъ низокъ? и т. п. Онъ знаетъ, что такъ должно быть, что дѣйствующія силы природы неизмѣнны; онъ не претендуетъ измѣнять ихъ; но, сообразуясь съ ними и дѣйствуя черезъ нихъ же, онъ измѣняетъ климаты, осушаетъ болота и тундры, утучняетъ песчаныя степи, и на тѣ и другія призываетъ богатство и роскошь растительной природы, велитъ течь водѣ тамъ, гдѣ ея не было, и каналами соединяетъ разъединенныя природою моря, озера и рѣки; цвѣтокъ, взлелѣянный имъ, лучше, красивѣе и благоуханнѣе цвѣтка дико-растущаго; вода и вѣтеръ покорно работаютъ на его машинахъ, мелятъ и пилятъ, пары съ быстротою молніи носятъ его по сушѣ и по морю; обезоруженные громы минуютъ его жилища и зданія; онъ побѣдилъ и время и пространство; онъ царь природы, повелѣвающій ею въ неизмѣнномъ и предвѣчномъ духѣ собственныхъ законовъ. Совсѣмъ иное видитъ ораторъ въ искусствѣ, чѣмъ въ природѣ. Съ этимъ опять нельзя безусловно согласиться. Впрочемъ, дѣло можетъ быть понято и такъ и иначе, смотря по тому, съ какой стороны на него взглянешь. Дѣйствительно, каждое произведеніе природы, на какой бы ступени ея ни стояло оно, совершенно въ отношеніи къ самому себѣ, тогда какъ произведенія искусства, часто самыя совершеннѣйшія, заключаютъ въ себѣ какую-то примѣсь временнаго и случайнаго, что теряетъ свое достоинство въ глазахъ потомства. Но это означаетъ скорѣе превосходство, чѣмъ низшую степень искусства въ отношеніи къ природѣ: это значитъ, что искусство

развивается свободно, а природа неподвижно заключена въ математическіе законы своего существованія. Свободное можетъ ошибаться, несвободное никогда не ошибается; и потому, животныя чужды заблужденій, ошибокъ и пороковъ, которымъ подверженъ человѣкъ. Притомъ же, преходящее въ созданіяхъ искусства есть ошибка не творящаго духа художника, а времени, въ которое онъ дѣйствовалъ. То, что мы отвергаемъ въ такихъ произведеніяхъ, отвергаемъ не какъ ошибку искусства, но какъ утратившее свою силу начало, бывшее нѣкогда истиннымъ; слѣдовательно, отвергаетъ форму не за форму, а за ея содержаніе. Сознательное творчество не можетъ не быть выше безсознательнаго. И если въ природѣ явилась мудрость Божія, то развѣ не она же является и въ дѣйствіяхъ разумной воли человѣка, и развѣ человѣкъ творитъ великое отъ себя и собою, а не Богомъ и черезъ Бога?... Только въ неразумныхъ дѣйствіяхъ своей воли личность человѣческая является самостоятельною и отпавшею отъ божественнаго источника, въ которомъ ея жизнь и сила; но тогда-то она и является ничтожною, случайною, безсильною и униженною.

«Творчество человѣческое есть только безпрерывно повторяемое покушеніе осуществить безконечную идею изящества—идею полноты и совершенства жизни» говоритъ ораторъ. Опредѣленіе справедливое, но, смѣемъ думать, не совсѣмъ полное и удовлетворительное. Во первыхъ, идеи «полноты и совершенства жизни» не должны быть смѣшиваемы съ идеею «изящества» и «красоты», особенно если это «полнота и совершенство жизни» не опредѣлены ничѣмъ, даже эпитетомъ. Во вторыхъ, изящество и красота еще не все въ искусствѣ. Мы сами были нѣкогда жаркими послѣдователями идеи красоты, какъ не только единаго и самостоятельнаго элемента, но и единой цѣли искусства. Съ этого всегда начинается процессъ постиженія искусства и, красота для красоты, самоцѣльность искусства, бываетъ всегда пер-

вымъ моментомъ этого процесса. Миновать этотъ моментъ — значитъ никогда не понять искусства. Остаться при этомъ моментѣ значитъ односторонне понять искусство. Все живое движется и развивается; понятіе объ искуствѣ не алгебраическая формула, всегда мертво-неподвижная. Заключая въ себѣ много сторонъ, оно требуетъ развитія во времени каждой изъ нихъ, прежде, чѣмъ дастся въ своей полнотѣ и цѣлостности. Подвинуться впередъ въ сознаніи, отъ низшей его ступени перейдти къ высшей, не значитъ измѣнить своимъ убужденіямъ. Убѣжденіе должно быть дорого потому только, что оно истинно, а совсѣмъ не потому что оно наше. Какъ скоро убѣжденіе человѣка перестало быть въ его разумѣніи истиннымъ, онъ уже не долженъ называть его своимъ: иначе онъ принесетъ истину въ жертву пустому, ничтожному самолюбію, и будетъ называть «своимъ» ложь. Людей послѣдняго разряда довольно на бѣломъ свѣтѣ; они заставляютъ себя насильно вѣрить тому, чему вѣрили прежде сводобно и чему теперь уже имъ не вѣрится. Они думаютъ унизиться, отказавшись отъ одного убѣжденія въ пользу другаго, забывая, что это другое есть истина, и что истина выше человѣка. Другое дѣло переходить отъ убѣжденія къ убѣжденію вслѣдствіе внѣшнихъ разсчетовъ, эгоистическихъ побужденій: это низко и подло...

Что красота есть необходимое условіе искусства, что безъ красоты нѣтъ и не можетъ быть искусства — это аксіома. Но съ одною красотою искусство еще не далеко уйдетъ, особенно въ наше время. Красота есть необходимое условіе всякаго чувственнаго проявленія идеи. Это мы видимъ въ природѣ, въ которой все прекрасно, исключая только тѣ уродливыя явленія, которыя сама природа оставила недокончеными и спрятала ихъ во мракѣ земли и воды (моллюски, черви, инфузоріи, и т. п.). Но намъ мало красоты эмпирической дѣйствительности: любуясь ею, мы все-таки требуемъ другой красоты, и отказываемъ въ названіи искусства самому точному

копированію природы, самой удачной подѣлкѣ подъ ея произведенія. Мы называемъ это ремесломъ. Какая же та красота, которой жаждетъ нашъ духъ, неудовлетворяющійся красотою природы, и которой мы требуемъ отъ искусства? Красота міра идеальнаго, міра безплотнаго, міра разума, гдѣ отъ вѣка заключены всѣ прототипы живыхъ образовъ, откуда исходитъ все реально существенное. Слѣдовательно, красота есть дщерь разума, какъ Афродита—дщерь Зевеса. Но у Грековъ, несмотря на это подчиненіе красоты разуму, красота болѣе, чѣмъ у какого-нибудь другаго народа, имѣла самостоятельное, обсолютное значеніе. Они все созерцали подъ преобладающимъ вліяніемъ красоты, и у нихъ было искусство, по преимуществу имѣвшее цѣлью красоту—ваяніе. Впрочемъ, и сами Греки отдѣляли красоту отъ другихъ сторонъ бытія и обожествили ее только въ идеальномъ образѣ Аѳродиты. Красота Зевса есть красота царственнаго величія міродержавнаго разума; красота другихъ боговъ также выражаетъ и еще какую-нибудь идею, кромѣ красоты. Что же касается до ихъ поэзіи, въ ея прекрасныхъ образахъ выражалось цѣлое содержаніе эллинской жизни, куда входила и религія, и нравственность, и наука, и мудрость, и исторія, и политика, и общественность. Красота безусловная, абсолютная, красота какъ красота, выражалась только въ Аѳродитѣ, которою вполнѣ могло выражать только ваяніе. Слѣдовательно, даже и о греческомъ искусствѣ нельзя сказать безусловно, чтобъ цѣлью его было одно воплощеніе изящества. Содержаніе каждой греческой трагедіи есть нравственный вопросъ, эстетически рѣшаемый.

Христіанство нанесло рѣшительный ударъ безусловному обожанію красоты, какъ красоты. Красота мадонны есть красота нравственнаго міра, красота дѣвственной чистоты и материнской любви; ее могла выразить только живопись, но ужь никакимъ образомъ не могла выразить бѣдная скульптура. Конечно, какое нравственное выраженіе ни придайте

дурному лицу, оно отъ этого все-таки не будетъ прекраснымъ лицомъ, и потому красота греческая вошла и въ новое искусство, но уже какъ элементъ, подчиненный другому высшему началу, слѣдовательно, она стала уже скорѣе средствомъ, чѣмъ цѣлью искусства. Только здѣсь слово «средство» не должно понимать, какъ что-то внѣшнее искусству, но какъ единую, ему присущую форму проявленія, безъ которой искусство невозможно. Съ другой стороны, искусство безъ разумнаго содержанія, имѣющаго историческій смыслъ, какъ выраженіе современнаго сознанія, можетъ удовлетворять развѣ только записныхъ любителей художественности по старому преданію. Нашъ вѣкъ особенно враждебенъ такому направленію искусства. Онъ рѣшительно отрицаетъ искусство для искусства, красоту для красоты. И тотъ бы жестоко обманулся, кто думалъ бы видѣть въ представителяхъ новѣйшаго искусства какую-то отдѣльную касту артистовъ, основавшихъ себѣ свой собственный фантастическій міръ, среди современной имъ дѣйствительности. Вальтеръ Скоттъ, своими романами, рѣшилъ задачу связи исторической жизни съ частною. Онъ живописецъ среднихъ вѣковъ, равно какъ и всѣхъ эпохъ, которыя онъ изображалъ; онъ вводитъ насъ въ тайники ихъ семейной домашней жизни. Онъ столько же романистъ и поэтъ, сколько и историкъ. Поэтому неудивительно, что историческій критикъ, Гизо, ненаписавшій не только ни одного романа—даже ни одной повѣсти, съ признательностію ученика называетъ Вальтеръ Скотта своимъ учителемъ. Дать историческое направленіе искусству XIX вѣка—значило геніально угадать тайну современной жизни. Байронъ, Шиллеръ и Гёте—это философы и критики въ поэтической формѣ. О нихъ всего менѣе можно сказать, что они поэты, и больше ничего. Правда, Гёте, вслѣдствіе своей уже слишкомъ нѣмецкой натуры и аскетическаго образа воззрѣнія на міръ, Гёте еще могъ бы подходить подъ идеалъ поэта, который поетъ,

какъ птица, для себя, не требуя ничьего вниманія (лишь печатаетъ свои пѣснопѣнія для людей); но и онъ не могъ не заплатить дани духу времени: его «Вертеръ» есть не что иное, какъ вопль эпохи; въ его «Фаустѣ» заключены всѣ нравственные вопросы, какіе только могутъ возникнуть въ груди внутренняго человѣка нашего времени; его «Прометей» дышитъ преобладающимъ духомъ вѣка; многіе изъ его мелкихъ лирическихъ пьесъ суть не что иное, какъ выраженіе философскихъ идей. Изъ великихъ поэтовъ современности, Куперъ болѣе другихъ держится въ чисто-художественной сферѣ, потому только, что гражданственность его юнаго отечества еще не выработала изъ себя элементовъ для современной поэзіи. Впрочемъ, какъ живой человѣкъ, а не птица, поющая для себя, Куперъ взялъ возможно полную дань съ жизни Сѣверо-Американскихъ Штатовъ: содержаніе «Шпіона» составляетъ борьба его отечества за независимость; въ «Американскихъ Пуританахъ», въ «Эвѣ Эффингемъ» и другихъ романахъ, онъ касается разныхъ сторонъ невыформировавшейся гражданственности страны будущаго.

Духъ нашего времени таковъ, что величайшая творческая сила можетъ только изумить на время, если она ограничится «птичьимъ пѣніемъ», создастъ себѣ свой міръ, неимѣющій ничего общаго съ историческою и философическою дѣйствительностію современности, если она вообразитъ, что земля недостойна ея, что ея мѣсто на облакахъ, что мірскія страданія и надежды не должны смущать ея таинственныхъ ясновидѣній и поэтическихъ созерцаній. Произведенія такой творческой силы, какъ бы ни громадна была она, не войдутъ въ жизнь, не возбудятъ восторга и сочувствія ни въ современникахъ, ни въ потомствѣ. Возьмемъ, для подтвержденія этой истины, современную французскую литературу. Викторъ Гюго, Бальзакъ, Дюма, Жаненъ, Сю, де-Виньи, конечно, не громадные таланты, особенно пятеро послѣднихъ; но все

же это люди замѣчательно-даровитые. И что́ же?—они не успѣли еще и состарѣться, какъ ихъ слава, занимавшая всю читающую Европу, умерла уже. Первый еще пользуется старинною славою, не прибавляя къ ея увядающимъ лаврамъ ни одного свѣжаго лепестка; а другіе стали во Франціи то же самое, что у насъ теперь иные правоописательные и нравственно-сатирическіе сочинители:—горе-богатыри, модели для каррикатуръ, мишень для насмѣшекъ критики. Отчего же эти французскіе литераторы такъ скоро выписались?—Оттого, что съ однимъ естественнымъ талантомъ недалеко уйдешь; талантъ имѣетъ нужду въ разумномъ содержаніи, какъ огонь въ маслѣ, для того, чтобъ не погаснуть. А эти люди или сами не знали что́ пѣли и изъ чего хлопотали, за отсутствіемъ всякихъ живыхъ интересовъ, или съ добродушною искренностію—результатомъ безсознательности и мелкости ихъ натуръ выдавали пороки современнаго общества за добродѣтели, заблужденія—за мудрость, и гордились тѣмъ; что это прекрасное общество нашло въ нихъ достойныхъ выразителей. Послѣ нихъ явились другіе даровитые люди—Сульé, Бернаръ, и пр. Но что же?—читая повѣсть, написанную тѣмъ или другимъ изъ этихъ новыхъ геніевъ, вы удивляетесь необыкновенному таланту разсказа, мастерской рисовкѣ характеровъ, живости изложенія; читаете ее съ наслажденіемъ, и—забываете завтра же, какъ кушанье, о которомъ помнятъ только тогда, когда ѣдятъ его. Отчего это?—оттого, что у этихъ людей нѣтъ ни взгляда на жизнь, ни кровныхъ убѣжденій, составляющихъ вѣрованіе души и сердца, ни доктрины, ни началъ; оттого, что они пишутъ для того только, чтобъ писать, какъ птицы поютъ для того, чтобъ только пѣть. Въ нихъ нѣтъ ни любви, ни ненависти, ни сочувствія, ни вражды къ обществу, съ которымъ они связаны только внѣшними узами, а не духовнымъ родствомъ, основаннымъ на поѳосѣ къ идѣе вѣка и общества. Общество, въ свою очередь, смотритъ на нихъ, какъ

на своихъ потѣшниковъ и забавниковъ, не любя, не ненавидя, не уважая и не презирая ихъ; оно кричитъ о нихъ, пока они для него новы, и тотчасъ же забываетъ, какъ скоро они наскучатъ ему и какъ скоро явятся другіе потѣшники и забавники съ новыми выдумками и фокусъ-покусами. Но такое зрѣлище представляетъ собою геніяльная женщина, извѣстная подъ именемъ Жоржъ Занда. Это, безспорно, первая поэтическая слава современнаго міра. Каковы бы ни были ея начала, съ ними можно не соглашатся, ихъ можно не раздѣлять, ихъ можно находить ложными; но ея самой нельзя не уважать, какъ человѣка, для котораго убѣжденіе есть вѣрованіе души и сердца. Оттого, многія изъ ея произведеній глубоко западаютъ въ душу и никогда не изглаживаются изъ ума и памяти. Оттого талантъ ея не слабѣетъ ни въ силѣ, ни въ дѣятельности, но крѣпнетъ и растетъ. И—что еще болѣе доказываетъ истину нашего убѣжденія—всѣ такіе таланты замѣчательны еще и какъ характеры нравственные, энергическіе, которыхъ жизнь такъ же безукоризненна, какъ глубоки и свѣтлы ихъ созданія, трепещущія симпатіею къ человѣчеству, любовію къ истинѣ. И это очень естественно; только птица поетъ оттого, что ей поется: не сочувствуя ни горю, ни радости своего птичьяго племени... И какъ горько думать, что и между людьми, при рожденіи помазанными свыше елеемъ вдохновенія, есть «птицы»; они счастливы, если имъ поется, они выше человѣчества, выше своихъ страждущихъ братій, тщетно обращающихъ къ нимъ полныя мольбы и ожиданія очи; они живутъ въ себѣ, они въ душѣ своей умѣютъ находить радости и утѣшенія, и этотъ опоэтизированный эгоизмъ называютъ жизнью въ непреходящемъ и вѣчномъ, чуждомъ мелкой современности... Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что искусство подчинено, какъ и все живое и обсолютное, процессу историческаго развитія, и что ускусство нашего времени есть выраженіе, осуществленіе въ изящныхъ обра-

захъ современнаго сознанія, современной думы о значеніи и цѣли жизни, о путяхъ человѣчества, о вѣчныхъ истинахъ бытія...

Переходя собственно къ критикѣ, какъ къ главному предмету рѣчи, краснорѣчивый ораторъ дѣлитъ критику на три разряда: на личную, аналитическую и философскую, или по преимуществу художественную.

Намъ кажется, что личная критика, судя по тому значенію, какое ей даетъ авторъ, есть не родъ и не видъ, а злоупотребленіе критики. Личную критику можно раздѣлить на два рода—искреннюю и пристрастную. Первая иногда заслуживаетъ вниманія. Она принадлежитъ тѣмъ критикамъ, которые, не зная ни о современномъ состояніи теоріи изящнаго, ни объ отношеніи искусства къ обществу, все выводятъ изъ себя, опираясь на собственныхъ воззрѣніяхъ и собственномъ, непосредственномъ чувствѣ и вкусѣ. Это критика добродушнаго невѣжества, которое думаетъ, что съ него начался міръ, и что прежде него ничего не было. Если такой критикъ человѣкъ съ природнымъ, хотя и неразвитымъ умомъ, съ чувствомъ и душою,—въ его критикахъ могутъ встрѣчаться проблески здравыхъ мыслей, горячаго чувства, но смѣшанные со множествомъ парадоксовъ, давно остывшихъ основаній, давно забытыхъ заблужденій (ибо человѣкъ, все выводящій изъ себя, не можетъ сказать и новаго заблужденія); все у него неопредѣленно и сбивчиво. Такіе критики иногда встрѣчаются между плодовитымъ и мелкимъ народомъ фѣльетонистовъ; они возбуждаютъ искреннее сожалѣніе къ своимъ парализированнымъ чрезъ невѣдѣніе дарованіямъ Если же критикъ, основывающійся на личныхъ убѣжденіяхъ, при невѣжествѣ своемъ, еще и человѣкъ ограниченный,—то берите его скорѣе въ фѣльетонисты газеты, гдѣ великіе писатели судятся со стороны грамматики и опечатокъ, и, ради всего святаго, упражняйте ихъ больше въ объяв

леніяхъ о табачныхъ и кондитерскихъ лавочкахъ, о ножевщикахъ и водосчистительныхъ машинахъ. Это литературная тля, о которой не стоитъ и говорить... Разсуждая о личной критикѣ, ораторъ разумѣетъ исключительно лично-пристрастную критику, которую онъ характеризуетъ сильно, энергически, живописно, но слишкомъ общими чертами,— чему причиною, разумѣется, оффиціальный характеръ торжества, подавшаго поводъ въ рѣчи, который не долженъ былъ допустить ничего такого, что могло бы послужить поводомъ къ намеку или примѣненію. Если рыцарей добродушной, искренней личной критики, отличающейся вдругъ и невѣжествомъ и ограниченностью, мы назвали тлею, то витязей пристрастно-личной критики можно назвать саранчою литературною. Здѣсь чѣмъ умнѣе такой критикъ, тѣмъ вреднѣе онъ для вкуса неустановившагося общества: его литературному безстыдству и наглости нѣтъ никакихъ преградъ, и онъ безнаказанно можетъ издѣваться надъ публикою, увѣряя ее, что умъ «надуваетъ» человѣчество; что добродѣтель есть полезный предразсудокъ; что Сократъ былъ тонкій плутъ, «надувшій» Грековъ своимъ мнимымъ демономъ, прославляя имъ посредственность и наглою ложью унижая истинные таланты, или говоря о своихъ талантахъ и своихъ добродѣтеляхъ, о невѣжествѣ, злобѣ и глупости своихъ враговъ, и т. п. Впрочемъ, такимъ критикамъ и такой критикѣ, вѣрно, будутъ не по сердцу многія строки въ энергической филиппикѣ г. Никитенко.

Теперь, безъ сомнѣнія, интересно будетъ для читателя узнать, какъ понимаетъ ораторъ истинную критику, которую онъ дѣлитъ на аналитическую и философскую, или по преимуществу художественную.

„Не такова, мм. гг., истинная критика, органъ блюстительнаго разума, приводящаго въ гармонію человѣческое свободное творчество со всеобщимъ и необходимымъ порядкомъ вещей, представительница вѣчныхъ законовъ искусства, мысль, произносящая судъ

торжественный и всенародный надъ дѣломъ, предвозвѣстница приговора потомства, драгоцѣнная награда дарованія, кара нелицепріятная бездарности, стражъ народнаго вкуса. Принявъ на себя характеръ аналитическій, она пзслѣдуетъ стихіи, изъ конхъ слагается красота въ готовыхъ произведеніяхъ таланта, и условія ея развитія. Она разсматриваетъ писателя со стороны его генія, направленія, взгляда на вещи; рисуетъ картину общества, отношеніе къ нему писателя, степень принимаемаго имъ участія въ движеніяхъ современной мысли и жизни. Обращаясь къ самому произведенію, аналитическая критика разсматриваетъ его содержаніе, разлагаетъ образы на ихъ элементы, обнажаетъ пружины, коими авторъ дѣйствуетъ для достиженія своей цѣли, и изъясняетъ, какъ зрѣла, чѣмъ питалась основная, завѣтная мысль его созданія, что принадлежитъ въ ней его свободному художническому воззрѣнію на вещи, и что принадлежитъ набѣгу случайныхъ обстоятельствъ, волновавшихъ его душу. Мудрая аналитическая критика знаетъ, какія изъ этихъ понятій могутъ осуществиться только въ разсматриваніи произведеній, сдѣлавшихся уже достояніемъ исторіи, и какія должно прилагать къ искусству современному. Здѣсь вы читаете, такъ сказать, отчетъ самой природы о томъ, какъ она поступаетъ въ важнѣйшей части своей экономіи—въ творчествѣ умственномъ...

„Аналитическая критика, однакожъ, не удовлетворяетъ еще цѣли искусства. Мы знаемъ, какъ образовалось твореніе, но не знаемъ, что такое самое твореніе. „Вы, возразятъ мнѣ, видите его предъ собою раскрытымъ со всѣхъ сторонъ, объясненнымъ—чего жь болѣе?“—Такъ! Но у каждаго изящнаго произведенія, кромѣ отношеній къ художнику, эпохѣ, народу и проч., есть еще одно отношеніе, очень важное—это отношеніе къ идеѣ красоты. Вѣдь оно для нея и существуетъ; всѣ творческія операціи, которыя аналитическою критикою такъ хорошо намъ раскрыты, именно для нея и предприняты. Прекрасно ли и почему прекрасно то, что произвело искусство? Этихъ вопросовъ она не рѣшитъ.

„Всѣ начинанія человѣческаго творчества подлежатъ двумъ законамъ: закону частныхъ соотношеній съ вещами и закону идей. То, чему назначено занять мѣсто между первыми, войдти въ дружескій союзъ съ ними, участвовать въ исторіи, то должно и дѣйствовать въ духѣ ихъ судьбы и потребностей. Но высокое дѣло разума и воли не было бы разумнымъ и свободнымъ, еслибы оно не соединялось также узами съ тѣмъ, что выше вещей—съ основнымъ ихъ началомъ, съ родовой своей идеей. И отъ кого же, какъ не отъ нея

дѣло получаетъ опредѣленный характеръ, неизгладимую физіономію? Одно становится заслугою въ наукѣ, потому что его направляетъ идея истины, другое пріобрѣтаетъ значеніе въ искусствѣ, потому что его оживотворила идея красоты. Критика, руководимая идеей истины по пути анализа, возвышается наконецъ къ идеѣ изящнаго и становится вполнѣ художественною... Критика наперсница искусства, посвященная въ глубочайшія его тайны; въ то же время она органъ общества, коимъ оно принимаетъ прекрасные дары искусства и несетъ ихъ къ своему сердцу. Высоко и достославно ея назначеніе! Двѣ могущественнѣйшія силы,—искусство и духъ общественный, опираются на ея мудрость и правоту: одно ввѣряетъ ей драгоцѣннѣйшее свое достояніе—славу, другой—честь и достоинство своихъ чувствованій.

Нельзя не согласиться въ сущности со всѣмъ этимъ. Дѣйствительно, критика аналитическая, какъ называетъ ее ораторъ, или историческая, какъ называютъ ее во Франціи и Германіи, необходима. Миновать ее, особенно теперь, когда вѣкъ принялъ рѣшительно историческое направленіе, значило бы убить искусство, или, еще скорѣе, опошлить критику. Каждое произведеніе искусства непремѣнно должно разсматриваться въ отношеніи къ эпохѣ, къ исторической современности, и въ отношеніяхъ художника къ обществу; разсмотрѣніе его жизни, характера, и т. п. также могутъ служить часто къ уясненію его созданія. Съ другой стороны, невозможно упускать изъ виду и собственно эстетическихъ требованій искусства. Скажемъ болѣе: опредѣленіе степени эстетическаго достоинства произведенія должно быть первымъ дѣломъ критики. Когда произведеніе не выдержитъ эстетическаго разбора, оно уже не стóитъ исторической критики; ибо, если произведеніе искусства чуждо животрепещущаго историческаго содержанія, если въ немъ искусство было само себѣ цѣлью,—оно все еще можетъ имѣть хотя одностороннее, относительное достоинство; но если, при живыхъ современныхъ интересахъ, оно не ознаменовано печатію творчества и свободнаго вдохновенія, то ни въ какомъ отношеніи не можетъ имѣть никакой цѣнности,

и самая жизненность его интересовъ, будучи выражена насильственно въ чуждой имъ формѣ, будетъ безсмысленна и нелѣпа. Изъ этого прямо выходитъ, что не для чего и раздѣлять критику на разные роды, а лучше, признавъ одну критику, отдать въ ея завѣдываніе всѣ элементы и стороны, изъ которыхъ слагается дѣйствительность, выражающаяся въ искусствѣ. Критика историческая безъ эстетической, и наоборотъ, эстетическая безъ исторической, будетъ односторонняя, а слѣдовательно, и ложна. Критика должна быть одна, разносторонность взглядовъ должна выходить у нея изъ одного общаго источника, изъ одной системы, изъ одного созерцанія искусства. Это и будетъ критикою нашего времени, въ которомъ многосложность элементовъ ведетъ не къ дробности и частности, какъ прежде, а къ единству и общности. Что же касается до слова «аналитическій»—оно происходитъ отъ слова «анализъ», означающаго разборъ, разложеніе, которые составляютъ свойство всякой критики, какая бы ни была она, историческая, или художественная.

Насъ спросятъ: какимъ образомъ въ одной и той же критикѣ могутъ органически слиться два различныя воззрѣнія, историческое и художественное? или: какъ можно требовать отъ поэта, чтобы онъ, въ одно и то же время, свободно слѣдовалъ своему вдохновенію, и служилъ духу современности, не смѣя выйдти изъ ея заколдованнаго круга? Этотъ вопросъ весьма легко рѣшить и теоретически и исторически. Каждый человѣкъ, а слѣдовательно, и поэтъ, испытываетъ на себѣ неизбѣжное вліяніе времени и мѣстности. Съ молокомъ матери всасываетъ онъ въ себя тѣ начала, ту сумму понятій, которою живетъ окружающее его общество. Отъ этого, онъ дѣлается Французомъ, Нѣмцемъ, Русскимъ, и т. д.; отъ этого онъ, родившись, напримѣръ, въ XII вѣкѣ, благочестиво убѣжденъ, что самое святое дѣло жечь на кострахъ людей, думающихъ такъ,

какъ не всѣ думаютъ, а родившись въ XIX вѣкѣ, онъ религіозно убѣжденъ, что никого не должно жечь и рѣзать, что дѣло общества не мстить наказаніемъ за проступокъ, а исправить наказаніемъ преступника, чрезъ что удовлетворится и оскорбленное общество, и выполнится святой законъ христіанской любви и христіанскаго братства. Но человѣчество не вдругъ же перескочило отъ XII вѣка къ XIX-му: оно должно было прожить цѣлые шесть вѣковъ, въ продолженіи которыхъ развивалось, въ своихъ моментахъ, его понятіе объ истинномъ, и въ каждомъ изъ сихъ шести вѣковъ это понятіе принимало особенную форму. Вотъ эту-то форму философія и называетъ моментомъ развитія обще-человѣческой истины; а этотъ-то моментъ и долженъ быть пульсомъ созданій поэта, ихъ преобладающею страстію (паѳосомъ), ихъ главнымъ мотивомъ, основнымъ аккордомъ ихъ гармоніи. Нельзя жить въ прошедшемъ и прошедшимъ, закрывъ глаза на настоящее: въ этомъ было бы что-то неестественное, ложное и мертвое. Отчего европейскіе живописцы среднихъ вѣковъ писали все мадонны да святыхъ?—Оттого, что религіозность христіанская была преобладающимъ элементомъ жизни Европы того времени. Послѣ Лютера всѣ попытки къ возстановленію религіозной живописи въ Европѣ были бы тщетны. «Но», скажутъ намъ: «если нельзя выйдти изъ своего времени, то не можетъ быть и поэтовъ не въ духѣ своего времени, а слѣдовательно, нечего и вооружаться противъ того, чего быть не можетъ». — Нѣтъ, отвѣчаемъ мы: это не только можетъ быть, но и есть, особенно въ наше время. Причина такого явленія—въ обществахъ, которыхъ понятія діаметрально противоположны ихъ дѣйствительности, которыя учатъ въ школахъ дѣтей своихъ такой нравственности, за которую надъ ними же теперь смѣются, когда тѣ выйдутъ изъ школы. Это есть состояніе безрелигіозности, распаденія, разъединенія, индивидуальности

и — ея необходимаго слѣдствія — эгоизма: къ несчастію, слишкомъ рѣзкія черты нашего вѣка! При такомъ состояніи обществъ, живущихъ старыми преданіями, которымъ болѣе не вѣрятъ, и которыя противоположны новымъ истинамъ, открытымъ наукою; выработавшимся изъ историческихъ движеній, — при такомъ состояніи обществъ иногда самыя даровитыя личности чувствуютъ себя отдѣленными отъ общества, одинокими, и тѣ изъ нихъ, которыя послабѣе характеромъ, добродушно дѣлаются жрецами и проповѣдниками эгоизма и всѣхъ пороковъ общества, думая, что такъ видно должно быть, что иначе быть не можетъ, что не нами-де началось, не нами и кончится; другіе,—и это, увы! часто лучшіе,—убѣгаютъ во внутрь себя, съ отчаяніемъ махнувъ рукою на эту оскорбляющую чувство и разумъ дѣйствительность. Но это средство къ спасенію ложное и эгоистическое: когда на улицѣ пожаръ, должно бѣжать не отъ него, а къ нему, чтобъ, вмѣстѣ съ другими, искать средствъ и трудиться братски для потушенія его. Но многіе, напротивъ, изъ этого эгоистическаго и малодушнаго чувства сдѣлали себѣ начало, доктрину, правило жизни, наконецъ догматъ высокой мудрости. Они имъ горды, они съ презрѣніемъ смотрятъ на міръ, который, изволите видѣть, не стоитъ ихъ страданій и ихъ радостей; засѣвъ въ разубранномъ теремѣ своего фантастическаго замка и смотря изъ него сквозь разцвѣченныя стекла, они поютъ себѣ какъ птицы... Боже мой! человѣкъ дѣлается птицею! Какое истинно-овидіевское превращеніе! Къ этому еще присоединилась обаятельная сила нѣмецкихъ воззрѣній на искусство, въ которыхъ дѣйствительно много глубокости, истины и свѣта, но въ которыхъ также много и нѣмецкаго, филистерскаго, аскетическаго, анти-общественнаго. Что же изъ этого должно было выйдти?—Гибель талантовъ, которые, при другомъ направленіи, оставили бы по себѣ въ обществѣ яркіе слѣды своего существованія, могли бы

развиваться, идти впередъ, мужать въ силахъ. Отсюда происходитъ это размноженіе микроскопическихъ геніевъ, маленькихъ великихъ людей, которые дѣйствительно обнаруживаютъ много таланта и силы, но пошумятъ, пошумятъ, да и замолкнутъ, скончавшись вмалѣ еще прежде своей смерти, часто во цвѣтѣ лѣтъ, въ настоящей порѣ силы и дѣятельности. Свобода творчества легко согласуется съ служеніемъ современности, для этого не нужно принуждать себя писать на темы, насиловать фантазію; для этого нужно только быть гражданиномъ, сыномъ своего общества и своей эпохи, усвоить себѣ его интересы, слить свои стремленія съ его стремленіями; для этого нужна симпатія, любовь, здоровое практическое чувство истины, которое не отдѣляетъ убѣжденія отъ дѣла, сочиненія отъ жизни. Что вошло, глубоко запало въ душу, то само собою проявится во внѣ. Когда человѣкъ сильно потрясенъ страстію, исключительно занятъ одною мыслію,—все, о чемъ онъ думаетъ днемъ, повторяется у него въ снахъ. Пусть же творчество будетъ прекраснымъ сномъ, въ роскошныхъ видѣніяхъ своихъ повторяющимъ святыя думы и благородныя симпатіи художника! Въ наше время талантъ, въ чемъ бы ни проявлялся—въ практической ли общественной дѣятельности, или въ наукѣ и искусствѣ, долженъ быть добродѣтелью, или гибнуть въ себѣ самомъ и черезъ себя самого. Человѣчество дошло наконецъ до такихъ убѣжденій, которыхъ нечистые люди, уже изъ собственныхъ видовъ, чтобъ не осудить себя, не рѣшатся произнести и выговорить. Они знаютъ, что общество имъ не повѣрило бы, ибо въ нихъ самихъ увидѣло бы лучшее опроверженіе ихъ идей...

Высказавъ наше воззрѣніе на искусство и критику, и разсмотрѣвъ «Рѣчь», подавшую поводъ къ этой статьѣ,—сдѣлаемъ историческое обозрѣніе русской критики, отъ начала ея до нашего времени.

2.

Обозрѣть историческій ходъ и развитіе русской критики—значитъ обозрѣть, въ общихъ чертахъ, исторію русской литературы, ибо, какъ мы уже сказали въ первой статьѣ, содержаніе критики, какъ сужденіе, есть то же самое, что и содержаніе литературы, какъ судимаго; вся разница въ формѣ. Художникъ и литераторъ выражаютъ свое понятіе объ искусствѣ и литературѣ непосредственно, самыми твореніями своими; критикъ выражаетъ свое понятіе объ искусствѣ и литературѣ чрезъ посредство мысли, сознательно. Въ этомъ случаѣ, искусство и литература идутъ объ руку съ критикою, и оказываютъ взаимное дѣйствіе другъ на друга. Если новый геній открываетъ міру новую сферу въ искусствѣ и оставляетъ за собою господствующую критику, нанося ей тѣмъ смертельный ударъ; то, въ свою очередь, и движеніе мысли, совершающееся въ критикѣ, приготовляетъ новое искусство, опереживая и убивая старое. Такое явленіе было въ Германіи, гдѣ литературный переворотъ совершился не чрезъ великаго поэта, а чрезъ умнаго, энергическаго критика—Лессинга. Такъ называемая романтическая школа, или юная литература Франціи, водрузила свои побѣдоносныя знамена на завоеванной ею у псевдо-классицизма почвѣ, едва ли не болѣе при помощи критики, чѣмъ собственными усиліями. Жаненъ, нѣкогда столь даровитый, а теперь столь пустой фѣльетонный крикунъ, горячо сражался противъ мертвой литературы имперіи еще прежде, чѣмъ написалъ свой романъ «Мертвый Оселъ и Гильйотинированная Женщина». И этотъ союзъ искусства съ критикою со дня на день становится тѣснѣе и неразрывнѣе. Оттого, теперь искусство становится мышленіемъ въ образахъ, а критика—искусствомъ.

Русская литература была не плодомъ развитія національнаго духа, а плодомъ реформы. Хотя Петръ Великій ничего не писалъ и не издавалъ, подобно Екатеринѣ II, но тѣмъ не менѣе онъ такъ же творецъ русской литературы, какъ и творецъ русской цивилизаціи, русскаго просвѣщенія, русскаго величія и славы, словомъ—творецъ новой Россіи. Написать исторію русской литературы, не сказавъ ни слова о Петрѣ Великомъ,—это все равно что написать о происхожденіи міра, не сказавъ ни слова о Творцѣ міра. Русь до Петра кипѣла дикими и нестройными силами: его всемощное «да будетъ!» водворило порядокъ и гармонію въ этомъ хаосѣ, дало боровшимся въ немъ элементамъ опредѣленную форму и указало имъ цѣль. Уже болѣе вѣка прошло послѣ смерти Великаго; но Русь все еще движется отъ него, слѣдовательно, и чрезъ него. Русь уже давно не та; Петръ не узналъ бы ея, еслибъ могъ взглянуть на нее изъ своего гроба. Русь уже не та, но и не другая. Такъ широколиственный дубъ совсѣмъ не то, что жолудь, изъ котораго онъ вышелъ; но онъ все же дубъ, а не береза, и не другое дерево; все же онъ вышелъ изъ жолудя и безъ жолудя не могъ бы быть.

Реформа Петра вообще была искусственная, ибо совершилась не въ сферѣ русской жизни и не ея собственными средствами, а посторонними посредствомъ чуждой ей жизни. Однакожь, это можетъ не нравиться только раскольникамъ и старовѣрамъ; въ глазахъ же людей, умѣющихъ проникать въ глубь явленій, это-то самое и свидѣтельствуетъ о колоссальности генія творца новой Россіи. Правда, можно много остраго и забавнаго наговорить, напримѣръ, о русскихъ мужикахъ, вдругъ, экспромтомъ, превращенныхъ въ подобіе цесарскихъ и прусскихъ солдатъ, съ выбритыми бородами, съ пучками на затылкахъ, въ смѣшныхъ мундирахъ XVII вѣка, объ этихъ солдатахъ, которые съ трудомъ заучивали на память нѣмецкую военную терминологію, муд-

реные нѣмецкіе чины и званія; сверхъ того, нарвская битва могла служить прекраснымъ фактомъ противъ преобразованій, но за то, битва подъ Лѣснымъ заставляетъ разумниковъ призадуматься, смѣшаться, прикусить язычокъ, какъ выразительно говорится по-русски; а полтавская битва лучше всякихъ доказательствъ, теоретическихъ и философскихъ, доказываетъ, что у генія своя логика, свой здравый смыслъ, свое ясновидѣніе дѣйствительности, которыя чѣмъ менѣе подходятъ подъ сужденія толпы, тѣмъ истиннѣе и дѣйствительнѣе. Реформа, повидимому, чисто внѣшняя, повидимому, состоявшая только въ формахъ, могла казаться странною не только для Русскихъ, бывшихъ ея жертвою, но и для тогдашней Европы; теорія и практика; умозрѣніе и опытъ — все повидимому было противъ нея. Несчастное нарвское дѣло походило на порывъ урагана, сдувшій со стола карточный домикъ; оно всѣхъ убѣдило въ невозможности улучшеній—всѣхъ, кромѣ самого реформатора. Но подъ Лѣснымъ обстоятельства перемѣняются и для непріятеля настаетъ прологъ трагедіи, а при Полтавѣ разыгралась и самая трагедія.

Такимъ же точно образомъ, много умнаго и остроумнаго можно наговорить о новыхъ гражданскихъ литерахъ, которымъ нечего было выражать собою; о заведенныхъ имъ типографіяхъ, которымъ нечего было печатать; о высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, когда еще негдѣ было учиться грамотѣ; о проэктѣ Академіи Наукъ, когда еще не было приходскихъ и уѣздныхъ училищъ; словомъ, обо всемъ этомъ неестественномъ развитіи сверху внизъ, не снизу вверхъ, съ крыши къ фундаменту, не съ фундамента къ крышѣ. А между тѣмъ, это то и положило прочное основаніе русскому просвѣщенію, ибо прежде всего дало учителей, безъ которыхъ ученики не могутъ учиться. Каково бы ни было наше просвѣщеніе, на какой бы ступени ни стояло оно и теперь, но надо быть слѣпымъ, чтобъ не ви-

дѣть, что оно все развивается, все идетъ впередъ. Иначе, какъ бы могли у насъ являться и полководцы, и моряки, и инженеры, и врачи, и математики? Давно ли было время, когда безъ иностранцевъ мы не въ состояніи были сдѣлать шагу? А теперь, мы нуждаемся въ Европѣ, но уже не въ иностранцахъ; намъ надо слѣдить за успѣхами въ Европѣ наукъ, искусствъ и промышленности, но не выписывать оттуда людей для заведенія того и другаго и третьяго, какъ было прежде. Если же мы и теперь иногда нуждаемся въ иностранцахъ и приглашаемъ ихъ къ себѣ, то такіе случаи уже кажутся теперь исключеніями изъ общаго правила.

Не менѣе дѣльнаго, умнаго и остраго можно наговорить (да и было уже довольно наговорено) о русской литературѣ, возникшей не изъ потребностей общества, а изъ слѣпаго подражанія иностраннымъ литературамъ. И чего бы, въ самомъ дѣлѣ, можно было ожидать отъ этого сколка, списка, отъ этой копіи съ чужихъ образцовъ, отъ этого мертваго, бездушнаго, слѣпаго подражанія и передразниванія чужихъ мыслей и чужихъ формъ? А между тѣмъ, мы гордимся именами (конечно, еще не многими) національныхъ и самостоятельныхъ поэтовъ — Крылова, Пушкина, Грибоѣдова, Гоголя, Лермонтова... А между тѣмъ, наша литература имѣла на общество великое и благодѣтельное вліяніе, какъ живой источникъ гуманическаго, человѣчественнаго образованія...

Странное дѣло! какъ же такія живыя слѣдствія могли выйдти изъ такой мертвой, чисто внѣшней, отвлеченно-формальной реформы? Здѣсь въ томъ то и дѣло, что только близорукіе, ограниченные люди, да развѣ еще раскольники и старовѣры, поборники ложно понимаемой народности и дикаго невѣжества, могутъ видѣть въ реформѣ Петра одно внѣшнее и формальное. Люди мыслящіе, способные проникать взоромъ своего разума въ сокровенную глубь вещей, очень хорошо видятъ, что Петръ старался не объ одномъ

внѣшнемъ европеизмѣ, что онъ былъ столько же духовнымъ, сколько и матеріальнымъ реформаторомъ. Его великій, зиждительный духъ былъ источникомъ его преобразовательной дѣятельности,—онъ началъ реформу прежде всего съ себя самого. Неумолимый къ другимъ, онъ былъ еще безпощаднѣе къ самому себѣ. Поставивъ идею правосудія выше личнаго произвола, онъ готовъ былъ бы самого себя отдать подъ уголовный судъ, еслибъ могъ умышленно поступить неправо въ дѣлѣ государственной правды. Поставивъ идею государства выше личнаго значенія, онъ бодро и неуклонно прошелъ длинную и тяжкую лѣствицу чиноначалія, былъ солдатомъ, юнгою, и съ такою страстію подчинялся повиновенію, съ какою въ его возрастъ предаются обаянію властвованія. Счастію Россіи, ея будущности принесъ онъ въ жертву своего сына, говоря, что лучше чужой да достойный, чѣмъ свой недостойный... Онъ искушалъ своихъ сановниковъ, прося у нихъ себѣ мѣсто, слѣдовавшее достойнѣйшему ему по службѣ, и сказалъ, что благо имъ, отказавшимъ ему въ просьбѣ... Говоря о Петрѣ, многіе видятъ въ немъ больше реформатора, и забываютъ колоссально-нравственный и религіозный духъ, котораго вся жизнь была страстнымъ служеніемъ идеѣ. А паѳосъ къ идеѣ есть живой источникъ, изъ котораго не могутъ не вытекать живые результаты. Еслибъ Петръ былъ только необыкновенно умный человѣкъ, только политическій, а не религіозно-нравственный дѣйствователь, его реформа не имѣла бы такихъ великихъ слѣдствій. Глубокое религіозно-нравственное начало, составлявшее основу его духа, въ соединеніи съ исполинскою геніальностью,—вотъ что оплодотворило и оживило реформу Петра, дало ей силу, прочность и жизненность... Но объ этомъ можно было бы написать цѣлую книгу; здѣсь мы говоримъ только вскользь, какъ о предметѣ, который имѣетъ отношеніе къ главной мысли нашей статьи и не составляетъ ея прямаго содержанія. Обращаемся къ рус-

ской литературѣ, чтобъ отъ нея перейдти къ русской критикѣ.

Русская литература началась такъ же, какъ и русская цивилизація — подражаніемъ, слѣпымъ усвоеніемъ формъ. Подобно цивилизаціи, ея движеніе и развитіе состояли въ стремленіи къ самобытности и національности, и каждый успѣхъ ея былъ шагомъ къ этой цѣли. Русская поэзія сперва проблеснула въ басняхъ Крылова, которыхъ форма была заимствованная и подражательная, но въ которыхъ несмотря на то, русскій языкъ и русскій практическій умъ нашли средство развернуться широко, свободно и непринужденно. Но басня есть только родъ поэзіи, и притомъ созданный XVIII вѣкомъ, а не самая поэзія. Русская поэзія началась собственно съ Пушкина. Утверждая это, мы нисколько не думаемъ унижать блестящіе таланты, предшествовавшіе нашему поэтическому Протею. Безъ нихъ не было бы и его, или по крайней мѣрѣ, онъ былъ бы далеко не тѣмъ, чѣмъ былъ. Каждый изъ этихъ талантовъ былъ для нашей литературы шагомъ впередъ; и неполнота ихъ успѣха заключалась не въ слабости дарованія, а въ незрѣлости общества, еще не могшаго выработать никакого содержанія для самобытной поэзіи. Пушкинъ былъ первый русскій поэтъ въ смыслѣ художника. Природная поэтическая сила Державина выше поэтической силы, напримѣръ, Батюшкова; но какъ художникъ, Батюшковъ несравненно выше Державина. Державинъ, этотъ богатырь русской поэзіи, былъ связанъ духомъ своего времени, которое понимало поэзію не иначе, какъ торжественною одою на какой бы то ни было случай—на побѣду, или просто на иллюминацію, и которое было увѣрено, что поэзія «сладостна и пріятна какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ». Оно требовало отъ поэзіи высокопарности—и больше ничего; оно исключало изъ нея это внутреннее, субъективное начало, которое, въ послѣдствіи, господствовало въ русской по-

эзіи, подъ неопредѣленнымъ именемъ элегическаго тона, и безъ котораго нѣтъ истинной поэзіи. Душа Державина была поэтическая и уже посему самому не чуждая этого внутренняго, субъективнаго, задушевнаго и сердечнаго начала; и оно у него часто проторгалось, но какъ бы противъ его воли, ибо, по духу своего времени, онъ не давалъ ему воли и простора, стараясь постоянно держаться въ напряженной торжественности. Прибавьте къ этому, что въ его время языкъ русскій былъ крайне необработанъ, вращался въ тяжелыхъ славяно-латинскихъ формахъ, въ которыя заковалъ его Ломоносовъ; о гармоніи и пластикѣ, словомъ, виртуозности стиха, никто тогда не имѣлъ и малѣйшаго понятія; усѣченія прилагательныхъ, коверканіе словъ, какофоніи реченій, были узакопены самою піитикою того времени подъ именемъ «піитическихъ вольностей». И вотъ почему Державинъ, будучи столь великимъ явленіемъ въ исторіи русской поэзіи и литературы, мертвъ для современнаго общества; поэзія же его стала теперь предметомъ изученія записныхъ литераторовъ, а не предметомъ наслажденія для общества, которое какъ бы едва знаетъ о Державинѣ, и то изъ піитикъ, по которымъ когда-то училось въ лѣта своего дѣтства. Есть люди, которые, даже не читая Державина, почитаютъ такой взглядъ на него оскорбленіемъ его имени и чести русской литературы. Но неужели и въ самомъ дѣлѣ значитъ унижать Державина, говоря, что его огромный талантъ явился въ неблагопріятное для развитія время? Не думаемъ! И неужели можно унизить великаго человѣка, поставивъ его въ историческую зависимость отъ времени, отъ которой не освобождался ни одинъ геній съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ міръ? Едва ли!... Державинъ—великій талантъ для всякаго времени; но великій поэтъ онъ—только для своего времени; а для нашего — едва ли онъ какой-нибудь поэтъ, потому что для насъ мертвы и идеальные мотивы и самая форма его по-

эзіи. Это уже не наша вина, да и не его, конечно. И мы не винимъ его, а только судимъ о немъ; пусть же судятъ и насъ, а не дѣлаютъ безъ вины виноватыми.—Жуковскій внесъ въ русскую поэзію именно тотъ самый элементъ, котораго не доставало поэзіи Державина: мечтательная грусть, унылая мелодія, задушевность и сердечность, фантастическая настроенность духа, безвыходно погруженнаго въ самомъ себѣ — вотъ преобладающій характеръ поэзіи Жуковскаго, составляющій и ея непобѣдимую прелесть и ея недостатокъ, какъ всякой неполноты и всякой односторонности. Жуковскій діаметрально противоположенъ Державину,—и хотя содержаніе и топъ поэзіи Жуковскаго суть экзотическія растенія въ отношеніи къ русской поэзіи, переселенцы съ чуждой почвы, изъ-подъ чуждаго неба, однако, вопреки толкамъ и крикамъ поборниковъ народности въ поэзіи, Жуковскій поэтъ не одной своей эпохи; его стихотворенія всегда будутъ находить отзывъ въ юныхъ поколѣніяхъ, приготовляющихся къ жизни и еще только мечтающихъ о жизни, но не знающихъ ея. Не можемъ сказать, способствовало ли какое-нибудь внѣшнее обстоятельство къ обращенію юнаго Жуковскаго, еще ученика въ Благородномъ Пансіонѣ при Московскомъ Университетѣ, къ нѣмецкой и англійской поэзіи; но во всякомъ случаѣ духъ времени былъ главною причиною этого обращенія. Псевдо-классическая поэзія Франціи XVII и XVIII вѣковъ уже не могла безусловно нравиться юному поколѣнію XIX вѣка, и оно должно было искать другихъ источниковъ эстетическаго наслажденія. Нѣмецкая литература тогда уже дѣлалась извѣстною самой Франціи; въ Россіи, она могла плѣнять только немногихъ юношей знакомыхъ съ ея языкомъ. Не знаемъ, къ сожалѣнію, когда написана Державинымъ его передѣлка одной Шиллеровой піесы (вѣроятно, съ французскаго перевода, или подражанія), названная имъ «Арфою»; не знаемъ также и времени передѣлки извѣст-

ной піесы Гёте Дмитріевымъ (тоже, должно быть, съ французскаго перевода, или подражанія), названной имъ «Размышленіемъ по случаю грома»: знакъ, что темные слухи о Шиллерѣ и Гёте доходили еще и до патріарховъ нашей поэзіи, и что въ лицѣ Жуковскаго, съ малолѣтства знакомаго съ нѣмецкимъ языкомъ, наша литература сдѣлала естественный шагъ впередъ, обратившись къ новому и болѣе жизненному источнику питанія—къ нѣмецкой поэзіи. Что же касается до англійской литературы, съ нею наша была знакома еще до Жуковскаго; самъ Карамзинъ писалъ о ней въ своемъ путешествіи, даже перевелъ монологъ Лира во время бури и отрывокъ изъ Оссіана; но о Шекспирѣ, несмотря на то, знали черезъ Французовъ, какъ о варварѣ, и почетными именами англійской литературы считались Попъ, Аддиссонъ, Драйденъ, Томсонъ, Грей, Юнгъ, Мильтонъ, Фильдингъ, Ричардсонъ, Стернъ. Жуковскій первый перевелъ, своимъ крѣпкимъ и звучнымъ стихомъ, нѣсколько (впрочемъ, очень мало) англійскихъ балладъ и написалъ въ ихъ духѣ свою («Эолову Арфу»), чѣмъ вѣрно передалъ романтическій характеръ англійской поэзіи. Когда уже англійская поэзія сдѣлалась знакома русской публикѣ и черезъ журнальные толки и прозаическіе переводы,—Жуковскій далъ бо́льшую прочность и дѣйствительность этому знакомству своими переводами изъ Вальтеръ-Скотта, Байрона, Мура, Сутэя и пр. Это оригинальное (уже по одному тому, что новое) направленіе, эта обаятельная сила и богатство содержанія, заимствованныя Жуковскимъ у его нѣмецкихъ и англійскихъ образцовъ поставили его на высокую среду между русскими поэтами, какъ самобытнаго поэта, а не переводчика. Прибавьте къ этому неизмѣримое пространство, раздѣляющее языкъ и стихъ Жуковскаго отъ языка и стиха Державина. Причина этого явленія заключается не въ одной силѣ превосходнаго таланта пѣвца Миваны, но и въ историческомъ развитіи русской литературы: между Держави-

нымъ и Жуковскимъ стоятъ Карамзинъ и Дмитріевъ, которымъ такъ много обязанъ русскій языкъ и русская версификація. Батюшковъ внесъ въ русскую поэзію совершенно новый для нея элементъ: античную художественность, которой, кромѣ его, были чужды всѣ наши поэты—до Пушкина. Душа Батюшкова была по преимуществу артистическая. Онъ сочувствовалъ древнимъ, превосходно перевелъ нѣсколько антологическихъ пьесъ, любилъ образовательныя искусства, съ страстью писалъ о живописи. Преобладающій паѳосъ его поэзіи—артистическая жажда наслажденія прекраснымъ, идеальный эпикуреизмъ: но эта жажда часто растворяется у него кроткою меланхоліею, легкою и свѣтлою грустію. И потому мечтательность у него замѣняется задумчивостію, фантазмъ — радужными образами фантазіи; читая его, вы чувствуете себя на почвѣ дѣйствительности и въ сферѣ дѣйствительности. Кажется, какъ-будто въ граціозныхъ созданіяхъ Батюшкова русская поэзія хотѣла явить первый результатъ своего развитія, примиреніемъ дѣйствительнаго, но односторонняго направленія Державина, съ односторонне-мечтательнымъ направленіемъ Жуковскаго. Этотъ результатъ не былъ удовлетворителенъ, потому ли, что талантъ Батюшкова не былъ для этого довольно могучъ, глубокъ и многостороненъ, или потому, что онъ слишкомъ увлекался вліяніемъ французской литературы XVIII вѣка, и больше любилъ и зналъ итальянскую, чѣмъ нѣмецкую и англійскую словесность, хорошо былъ знакомъ съ латинскою, и, кажется, не зналъ греческой поэзіи. По той или другой причинѣ, или по обѣимъ вмѣстѣ, но въ Батюшковѣ есть что-то неполное, недоконченное; идеи его не глубоки, содержаніе его поэзіи вообще бѣдно; самый языкъ обилуетъ усѣченіями и вольностями, а художественность часто борется съ риторикою. Батюшкову дѣйствительно не доставало геніальности, чтобъ освободиться изъ подъ вліянія своей эпохи. Несчастная болѣзнь парализировала его та-

лантъ и дѣятельность именно передъ тѣмъ временемъ, когда на небосклонѣ русской поэзіи взошло ея великое свѣтило, которое не могло бы не имѣть на него сильнаго и благодѣтельнаго вліянія... Мы говоримъ о Пушкинѣ, поэзія котораго была повершеніемъ всѣхъ усилій, достиженіемъ всѣхъ стремленій, плодомъ и результатомъ всего искусственнаго развитія русской поэзіи. Да, Пушкинъ—первый, даже и по времени, поэтъ русскій: ибо все, что въ предшествовавшихъ ему поэтахъ было или отдѣльными силами, или односторонними элементами, или только усиліемъ, или стремленіемъ,—въ немъ явилось какъ разрѣшенная загадка, какъ уже обрѣтенное слово, какъ исполненіе, какъ единство, полнота и цѣлость разнообразнаго и многосторонняго. Въ Державинѣ часто проблескиваетъ русская натура, русская душа: Пушкинъ вездѣ и во всемъ національно-русскій поэтъ. Паренiе, возвышенность, сила,—все, что у Державина вспыхиваетъ по временамъ, часто заливаемое тотчасъ же прѣсною водою риторики, у Пушкина горитъ свѣтлымъ, чистымъ и ровнымъ пламенемъ безъ треска, дыма и чада. Грусть составляетъ одинъ изъ основныхъ звуковъ въ аккордѣ поэзіи Пушкина, и потому она придаетъ ей задушевность, сердечность, мягкость, влажность (если можно такъ выразиться, говоря о противоположномъ сухости качествѣ), а не преобладаетъ надъ нею: это грусть души великой, знающей свою силу; въ ней нѣтъ ничего общаго съ унынiемъ — болѣзнію слабыхъ душъ. Кромѣ того, въ грусти Пушкина такъ много русскаго, того самаго, что такъ сильно овладѣваетъ душою въ протяжной и разгульной русской пѣсни. И такъ какъ эта грусть составляетъ только одинъ звукъ въ аккордѣ поэзіи Пушкина, а не цѣлый аккордъ,—то поэзія Пушкина и чужда всякой монотонности, всякой односторонности. Фантастическое иногда является и въ поэзіи Пушкина, но оно у него естественно, такъ какъ бываетъ въ самой дѣйствительности: вспомните сонъ Татьяны,

балладу «Женихъ». Что же касается до фантазма, его нѣтъ и признаковъ въ поэзіи Пушкина: душа Пушкина была такъ крѣпка и здорова, что не могла подчиниться этому болѣзненному направленію. А между тѣмъ, хотя и трудно показать слѣды вліянія Жуковскаго на Пушкина (ибо почва и сфера поэзіи послѣдняго слишкомъ дѣйствительны и чужды всего отвлеченнаго, туманнаго и неопредѣленнаго); однакожь нельзя отрицать, чтобъ Жуковскій не имѣлъ вліянія на Пушкина, когда онъ самъ называетъ его «наставникомъ, пѣстуномъ и хранителемъ своей вѣтреной музы». Не менѣе, если еще не болѣе, любилъ Пушкинъ сладостные стихи Батюшкова: вліяніе этой любви ярко замѣтно на первыхъ произведеніяхъ Пушкина. И не могло быть иначе: Пушкинъ былъ по преимуществу артистическая натура; слѣдовательно, Батюшковъ былъ ему родственнѣе всѣхъ другихъ русскихъ поэтовъ. Но, что такое стихъ Батюшкова, пластика и виртуозность его поэзіи, передъ стихомъ, пластикою и виртуозностію поэзіи Пушкина! Какъ поэзія Батюшкова, поэзія Пушкина вся основана на дѣйствительности; но какая же безконечная разница въ объемѣ, глубокости и значеніи той и другой поэзіи! Ужь нечего и говорить о томъ, что поэзія Батюшкова чужда національности, тогда какъ поэзія Пушкина по преимуществу русская. Все, что прежніе поэты имѣли каждый порознь, все это Пушкинъ имѣлъ одинъ, имѣя еще много и своего, чего ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ; всѣмъ, что обладало прежними поэтами,—всѣмъ этимъ спокойно владѣлъ Пушкинъ. Вотъ почему мы отъ него ведемъ русскую поэзію и называемъ его первымъ русскимъ поэтомъ. Это совсѣмъ не значитъ, чтобъ до него не было поэтовъ и притомъ еще достойныхъ вниманія, уваженія, любви, извѣстности и славы; но значитъ только, что въ нихъ выразились постепенныя усилія русской поэзіи, начиная отъ Кантемира и Ломоносова — изъ искусственной и подражательной сдѣлаться естественною и самобытною, стремленіе

изъ книжной сдѣлаться живой, общественною, сблизиться съ жизнью и обществомъ: а въ Пушкинѣ выразились торжество и побѣда этихъ усилій и стремленій. Пушкинъ — художникъ въ полномъ значеніи этого слова; это его преобладающее значеніе, его высочайшее достоинство и, можетъ быть, его недостатокъ, вслѣдствіе котораго онъ чѣмъ болѣе становился художникомъ, тѣмъ болѣе отклонялся отъ современной жизни и ея интересовъ, и принималъ аскетическое направленіе, наконецъ охолодившее къ нему общество, которое дотолѣ безусловно обожало его. Кажется, въ этой натурѣ не было капли прозаической крови, но все былъ чистый огонь поэзіи. Къ чему ни прикасался онъ — всему давалъ поэтическіе образы, полные жизни и очарованія, всему, даже самымъ уже по существу своему прозаическимъ предметамъ. Его стихъ — это скульптура, живопись и музыка вмѣстѣ. Къ нему безусловно можно приложить его же собственные стихи объ Овидіи:

Имѣлъ онъ пѣсень дивный даръ
И голосъ, шуму водъ подобный...

Никто такъ не былъ связанъ исторически съ преданіями русской литературы, какъ Пушкинъ. Онъ изучилъ старинныхъ писателей, которыхъ теперь никто не читаетъ; онъ бралъ эпиграфы изъ Хераскова и Княжнина. Изъ лицейскихъ его стихотвореній (за напечатаніе которыхъ нельзя довольно возблагодарить издателей трехъ послѣднихъ томовъ его сочиненій) видно, что онъ былъ ученикъ не только Державина, Дмитріева, Жуковскаго и Батюшкова, но и дяди своего В. Пушкина, — и первые дѣтскіе опыты его являютъ въ немъ стихотворца первыхъ годовъ текущаго столѣтія, хотя онъ родился только въ послѣдній годъ прошлаго. Особенно любопытны и поучительны тѣ изъ его лицейскихъ пьесъ, которыя онъ потомъ передѣлалъ: какое искусство иногда однимъ словомъ; однимъ эпитетомъ передѣлать стихъ такъ, что его не узнаешь. Какой тонкій художественный

тактъ въ знаніи того, что̀ можно оставить безъ перемѣны, что̀ надо переправить, и изъ чего нельзя ничего сдѣлать! Удивительно ли, что этотъ человѣкъ какъ-будто перестроилъ вновь и языкъ и версификацію, съ такимъ успѣхомъ уже перестроенные Карамзинымъ и Дмитріевымъ, Жуковскимъ и Батюшковымъ! Стихъ Пушкина — это вѣковѣчный образецъ, неумирающій типъ русскаго стиха: не было и не будетъ лучшаго. Искусство какъ искусство, поэзія какъ поэзія на Руси—это дѣло Пушкина. Безъ него не было бы у насъ поэзіи; и это потому, что онъ былъ слишкомъ поэтъ, слишкомъ художникъ, можетъ быть, въ ущербъ своей великости въ другихъ значеніяхъ. И вотъ почему—повторяемъ—отъ него ведемъ мы русскую поэзію и называемъ его первымъ, даже по времени, русскимъ поэтомъ...

Такъ думаемъ мы о развитіи русской поэзіи и русской литературы: ея исторія, по нашему мнѣнію, есть исторія ея усилій отъ искусственности и подражательности перейдти къ естественности и самобытности, изъ книжной сдѣлаться живою и общественною. Это продолжается и теперь, но уже въ другой сферѣ—въ сферѣ «возведенія въ перлъ сознанія прозы жизни». И скоро наступитъ время, когда совсѣмъ рѣшится эта задача и кончится эта работа. Уже и теперь замѣтно новое требованіе отъ искусства—требованіе разумнаго содержанія, которое соотвѣтствовало бы историческому духу современности. И уже явился было на Руси новый великій поэтъ, въ первыхъ, еще юныхъ и незрѣлыхъ произведеніяхъ котораго проглядывали полнота и богатство глубокаго содержанія, при художественности формъ, достойной преемника Пушкина; но преждевременная смерть внезапно рушила надежды, которымъ не было конца и мѣры...

Прекрасное погибло въ пышномъ цвѣтѣ:
Таковъ удѣлъ прекраснаго на свѣтѣ!

Таковъ, въ особенности, прибавимъ мы, удѣлъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ талантовъ...

Повторяемъ: такъ думаемъ мы о развитіи русской поэзіи и литературы, и такъ многіе могутъ теперь думать объ этомъ предметѣ. Въ этомъ случаѣ, мы дали нашимъ читателямъ фактъ объ одной сторонѣ современной русской критики. Дай Богъ, чтобъ это была сторона свѣтлая! Что же до темной, — ея грустною картиною мы заключимъ нашу статью .. Теперь же перескажемъ, какъ думали современники о фазисахъ русской литературы, которые мы слегка означили. Это будетъ исторіею русской критики.

Исторія русской критики та же, что и исторія русской поэзіи и литературы: постепенное стремленіе изъ эха господствующихъ въ Европѣ мнѣній перейдти въ самобытный взглядъ на искусство. Посему, русская критика такъ же носитъ въ себѣ элементы всевозможныхъ чужихъ національностей, какъ и русская поэзія. Прежде, а отчасти и теперь, это, съ одной стороны, можно ставить ей въ недостатокъ: но со временемъ, изъ этого недостатка выйдутъ великія слѣдствія. Мы уже и теперь не можемъ удовлетворяться ни одною изъ европейскихъ критикъ, замѣчая въ каждой изъ нихъ какую-то односторонность и исключительность. И мы уже имѣемъ нѣкоторое право думать, что въ нашей сольются и примирятся всѣ эти односторонности въ многостороннее, органическое (а не пошлое эклектическое) единство. Можетъ быть, и назначеніе нашего отечества, нашей великой Руси состоитъ въ томъ, чтобъ слить въ себѣ всѣ элементы всемірно-историческаго развитія, доселѣ исключительно являвшагося только въ западной Европѣ. На этомъ условіи, на обѣщаніи этой великой будущности, наша скромная роль учениковъ, подражателей и перенимателей не должна казаться ни слишкомъ смиренною, ни слишкомъ незавидною... На томъ же основаніи, не будемъ отчаяваться и за нашу критику, видя, что она часто бросается изъ крайности въ крайность и является то чопорнымъ аббатомъ XVIII вѣка, то нѣмецкимъ буршемъ, съ длинными растрепанными

волосами на плечахъ, съ трубкою во рту и дубиною въ рукѣ, то неистовою вакханкою юной французской литературы, съ восторженною рѣчью, блуждающими взорами, бѣшеными движеніями; не будемъ отчаяваться, видя ее въ разноцвѣтной мантіи, сшитой изъ разныхъ лоскутковъ... Лучше порадуемся, что въ ней есть жизнь и движеніе, что она кипитъ и пѣнится... Дайте время, она отстоится... Пока не установилось еще искусство, критика не можетъ быть готова: нашей въ особенности много еще нужно фактовъ, много опытности, чтобъ возмужать, окрѣпнуть и получить собственную, оригинальную физіономію. .

Сначала, у насъ самовластно царила критика французская. Украшенное подражаніе природѣ: вотъ начало, прежде всего усвоенное отъ Французовъ XVIII вѣка нашею критикою; отъ себя прибавила она къ нему своего собственнаго—искаженный языкъ, тяжелый и шероховатый стихъ и «пінтическія вольности». Все это дѣлалось во имя господина Буало, который весьма бы удивился, еслибъ могъ узнать, какъ у насъ проказили во имя его. Впрочемъ, и у насъ были люди болѣе или менѣе понявшіе глубоко французскую теорію искусства, какова бы она ни была. Изъ нихъ всѣхъ примѣчательнѣе Мерзляковъ; но о немъ мы еще будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ, а теперь начнемъ сначала.

Первый свѣтскій поэтъ на руси былъ Кантемиръ—сатирикъ. Какъ литература искусственная и подражательная, русская литература не могла начаться съ другаго какого-либо рода поэзіи, кромѣ сатиры. Причина этого, сверхъ того, заключалась и въ историческомъ положеніи русскаго общества. Борьба внѣшняго, формально понимаемаго европеизма съ роднымъ, вѣками взлелѣяннымъ азіятскимъ варварствомъ не могла не вызвать сатиры. Вслѣдствіе этого, сатирическое направленіе Кантемира не было ни случайно, ни вредно, но было необходимо и чрезвычайно полезно. Оттого оно и укоренилось въ нашей литературѣ. Отсюда же

можно объяснить, почему Сумароковъ въ массѣ общества имѣлъ гораздо бо́льшій успѣхъ, чѣмъ Ломоносовъ—человѣкъ неизмѣримо высшій Сумарокова. Направленіе перваго было болѣе ученое и книжное, а втораго болѣе жизненное и общественное. Сумароковъ, желая быть «россійскимъ господиномъ Вольтеромъ» писалъ во всѣхъ родахъ; онъ же былъ и первымъ русскимъ критикомъ, ибо первый, такъ или сякъ, выражалъ печатно свои понятія объ искусствѣ и литературѣ. Это онъ сдѣлалъ въ предисловіи къ своему «Дмитрію Самозванцу», и въ отдѣльныхъ журнальныхъ статьяхъ, ибо Сумароковъ былъ и журналистомъ—издавалъ «Трудолюбивую Пчелу»... О чемъ не писало, т. е. о чемъ не высказывало своего мнѣнія живое, раздражительное, безпокойное самолюбіе этого человѣка! Перелистывать, отъ нечего дѣлать, его прозаическія статьи—истинное наслажденіе: столько въ нихъ добродушнаго, наивнаго, вѣющаго духомъ того давно прошедшаго для насъ времени, давно умершаго общества! Прозаическія статьи Сумарокова столь же интересны и забавны, сколько скучны и тяжелы его вздорныя трагедіи. Самую интересную сторону литературной дѣятельности Сумарокова составляетъ ея полемическое направленіе, источникомъ котораго былъ его раздражительно-самолюбивый характеръ, все относившій къ себѣ и все выводившій изъ себя. Это самое и заставляло его хвататься за все. Онъ рѣшительно почиталъ себя «россійскимъ Вольтеромъ», и кромѣ себя и господина Вольтера никого не хотѣлъ знать, ничьего не признавалъ авторитета. Онъ писалъ къ нему о разныхъ литературныхъ предметахъ, и получая лестные отвѣты со стороны фернейскаго оракула XVIII вѣка, еще болѣе увѣрялся въ своемъ геніи и своей всеобъемлемости.

Годы и здравый смыслъ давно уже произнесли свой судъ надъ поэтическими произведеніями Сумарокова: ихъ теперь невозможно читать, несмотря на то, что современники ими

восхищались. Однакожь никакъ нельзя презирать и судомъ современниковъ, обязанныхъ сочиненіямъ Сумарокова своею грамотностію и—что особенно важно—своею наклонностію къ благородному наслажденію чтеніемъ и театромъ. Слѣдовательно, поэтическія сочиненія Сумарокова, и не будучи читаемы, должны остаться навсегда фактомъ исторіи русской литературы и образованія русскаго общества. Что же касается до собственно литературныхъ статей Сумарокова, онѣ чрезвычайно интересны и для нашего времени, какъ живой отголосокъ давно прошедшей для насъ эпохи, одной изъ интереснѣйшихъ эпохъ русскаго общества. Сумароковъ обо всемъ судилъ, обо всемъ высказывалъ свое мнѣніе, которое было мнѣніемъ образованнѣйшихъ и умнѣйшихъ людей того времени. Плохой поэтъ, но порядочный по своему времени стихотворецъ, характеръ мелкій, завистливый, хвастливый, задорный и раздражительный,—Сумароковъ все-таки былъ человѣкъ умный и притомъ высокообразованный въ духѣ того времени. И потому въ его прозаическихъ статьяхъ много фактовъ о состояніи общества и духѣ его эпохи. Въ нихъ онъ является критикомъ въ многостороннемъ значеніи этого слова, какъ судія не только искусства и литературы, но и мнѣній и нравовъ современнаго ему общества. Поэтому, говоря о русской критикѣ, мы никакъ не могли обойдти перваго (по времени) ея представителя—Сумарокова. Мы должны взглянуть, хотя мимоходомъ, на тѣ изъ его сочиненій, гдѣ онъ является критикомъ и полемическимъ мыслителемъ. И мы увѣрены, что послѣ нашихъ указаній, многіе захотятъ покороче познакомиться съ прозаическими сочиненіями Сумарокова и пожалѣютъ, что они изданы Новиковымъ безъ толку, безъ плана, съ страшными опечатками и искаженіями смысла, безъ примѣчаній, и что теперь некому издать всѣхъ сочиненій Сумарокова какъ слѣдуетъ, а главное—съ необходимыми поясненіями и примѣчаніями. Вообще, надо замѣтить, что

компактныя дешевыя изданія старинныхъ русскихъ писателей, игравшихъ въ глазахъ своихъ современниковъ болѣе или менѣе важную роль, были бы очень полезны для литераторовъ, которымъ необходимо знать основательно исторію отечественной литературы и роднаго языка. Въ царствованіе Екатерины было много пишущаго народа и однако немногіе пользовались огромною извѣстностью, знакъ, что въ нихъ было нѣчто соотвѣтствовавшее ихъ эпохѣ и удовлетворявшее ея требованіямъ. Пусть вкусъ эпохи бываетъ иногда ложенъ, но эпоха всегда важнѣе человѣка, и самыя заблужденія его всегда представляютъ любопытный и поучительный фактъ для мыслителя. Смѣшно и жалко видѣть безплодныя усилія старичковъ прошлаго вѣка возстановить славу корифеевъ ихъ юности на-счетъ славы новыхъ талантовъ; смѣшно и жалко видѣть, какъ они силятся соблазнить новое поколѣніе умершею поэзіею прошедшаго; но въ то же время, можно уважать имена труженниковъ, которые своими сочиненіями, каковы бы они ни были, размножали въ обществѣ число грамотныхъ людей, возбуждали въ немъ любовь къ благороднымъ наслажденіямъ, и способствовали къ произведенію того, что называется «публикою» и безъ чего невозможна никакая литература. Такимъ образомъ, желательно было бы видѣть изданіе въ одинаковомъ форматѣ, компактное и дешевое, не только Ломоносова (старинныя и неопрятныя, притомъ и не со всѣмъ полныя изданія котораго составляютъ теперь библіографическую рѣдкость), или Державина, (Смирдинское изданіе котораго такъ неудачно и такъ безполезно, ибо въ немъ піесы расположены по родамъ, а не по времени ихъ явленія), или Фонъ-Визина (который изданъ г. Салаевымъ довольно толковито, но безъ переводовъ этого писателя), или Озерова, (котораго всѣ изданія уже устарѣли); но и Кантемира, и Третьяковскаго, Поповскаго, Сумарокова, Хераскова, Муравьева, Петрова, Богдановича, Княжнина, Кострова, Плавильщикова, Ильина,

Иванова, Макарова и другихъ; еще желательнѣе, чтобъ все это было издано съ примѣчаніями и поясненіями, какъ издаютъ своихъ старинныхъ писателей Французы.

Мы обратимъ вниманіе только на тѣ статьи Сумарокова, въ которыхъ видны понятія того времени объ искусствѣ, или которыя, при полемическомъ тонѣ, характеризуютъ общество его времени. Первое мѣсто между такими статьями Сумарокова должно занимать его предисловіе къ «Димитрію Самозванцу». Тонъ этого предисловія самый полемическій и устремленъ противъ такъ называвшейся у насъ встарину «слезной комедіи», что называлась въ Европѣ мелодрамою. Извѣстно, что мелодрамы были въ страшномъ гоненіи въ XVIII вѣкѣ, и тогдашніе судьи и теоретики искусства столько же не терпѣли ихъ, сколько любила ихъ та часть публики, которая цѣнила литературныя произведенія по мѣрѣ доставляемаго ими наслажденія, а не по піитикѣ Буало. Сумароковъ, въ свою очередь, не могъ не ненавидѣть ихъ, и одна изъ нихъ «Евгенія», переведенная какимъ-то московскимъ чиновникомъ, имѣла значительный успѣхъ на сценѣ, что еще болѣе возстановило противъ нея ревниваго ко всякому чужому успѣху Сумарокова. Въ его филиппикѣ противъ этой драмы *) высказывается и понятіе объ искусствѣ знатоковъ того времени, и нравы общества, и характеръ самого Сумарокова. Похвастався письмомъ Вольтера, Сумароковъ оканчиваетъ свою филиппику слѣдующимъ разсмотрѣніемъ содержанія «Евгеніи»:

«Содержаніе сей слезной комедіи есть слѣдующее. Молодой, худо воспитанный и нечистосердечный графъ внѣ Лондона распалился красотою дочери нѣкоего небогатаго дворянина, и велѣлъ своему слугѣ себя съ нею обвѣнчать: она обрюхатѣла, а онъ возвратился въ Лондонъ и помолвивъ жениться на какой-то знатной дѣвицѣ, собирается на это сочетаніе; первая его супруга пріѣхала въ его домъ: свѣдала, что сожитель ея съ другою бракомъ сочетавается:

*) «Смотри Сочиненія Бѣлинскаго» Ч. I. стр. 475.

бѣгаетъ растрепавъ волосы: она плачетъ, отецъ сердится: въ домѣ иной плачетъ, иной хохочетъ: наконецъ сожитель ея сей повѣса и обманщикъ достойный висѣлицы за поруганіе религіи и дворянской дочери, которую онъ плутовски обманулъ, обманываетъ другую невѣсту, знатную дѣвицу: входитъ изъ бездѣльства въ бездѣльство: отказываетъ невѣстѣ, и вдругъ перемѣнивъ свою систему опять женится вторично на первой своей женѣ; но кто за такова гнуснаго человѣка поручится, что онъ на завтрѣ еще на комъ-нибудь не женится, ежели правительство и духовенство его не истребятъ. Сей мерзкой повѣса не слабости и заблужденію подверженъ, но безсовѣстности и злодѣянію».

Изъ самаго этого изложенія видно, что піеса «Евгенія» самая моральная: повѣса раскаявается и бракомъ заглаживаетъ свой проступокъ; но нашъ критикъ никакъ не хочетъ простить ему рукоплесканій московской публики и упорствуетъ видѣть въ немъ злодѣя.

Онъ даже ругнулъ порядкомъ и актрису, за то, что она слишкомъ хорошо играла роль Евгеніи. Такіе критики не рѣдкость и въ наше время...

Выраженія: «Неужели Москва больше повѣритъ подъячему, нежели г. Вольтеру и мнѣ» и «А ежели ни г. Вольтеру, ни мнѣ кто въ этомъ повѣрить не захочетъ» и пр. показываютъ достаточно, какъ думалъ Сумароковъ о самомъ себѣ. Въ выходкахъ его самолюбія есть какая-то наивность и достолюбезность: это не столько наглое самохвальство, сколько теплая вѣра въ свою великость. Въ этомъ отношеніи, особенно забавна его статья «Отвѣтъ на критику», которая начинается такъ: «Не надлежало бы мнѣ отвѣтствовать на сочиненную противъ меня г. Т. критику; ибо я въ ней кромѣ брани ничего не нашелъ; однако надо его потѣшить и что-нибудь на то написать, чтобъ онъ не подумалъ, что я его такъ много уничтожаю, что ужъ и отвѣчать не хочу». Вотъ нѣсколько возраженій Сумарокова на эту критику, хорошо характеризующихъ вообще критику того времени:

«Не дивлюсь говоритъ онъ (авторъ критики), что поступка нашего автора, безмѣрно сходствуетъ съ цвѣтомъ его волосовъ, съ движеніемъ очей, съ обращеніемъ языка и съ біеніемъ сердца». О какомъ онъ говоритъ біеніи сердца, того я не понимаю, въ протчемъ сія новомодная критика очень преславна!

«Не думаетъ ли онъ, — говоритъ онъ обо мнѣ, чего онъ самъ стоитъ, что и каковъ тотъ, противъ котораго онъ какъ съ цѣпи спустилъ своевольную въ лихости свою музу?» — Думаю...

«И хотя оды свойство, говоритъ онъ, по мнѣнію авторову, что она
Взлетаетъ къ небесамъ, свергается во адъ,
И мчася въ быстротѣ во всѣ края вселенны,
Врата и путь вездѣ имѣетъ отворенны. *(Вторая изъ двухъ моихъ епистолъ).*

Однакожс *de* сіе не значитъ, чтобъ ей соваться во всѣ стороны, какъ угорѣлой кошкѣ». Я какъ угорѣлая кошка не суюсь, а подлому изъясненію, *какъ угорьлой кошкѣ*, кромѣ его сочиненій ни въ какой критикѣ мѣста не нахожу.

Говоритъ онъ о мнѣ моими стихами.

Нѣтъ тайны никакой безумственно писать.
Искусство, чтобъ свой слогъ неправно предлагать,
Чтобъ мнѣніе творца воображалось ясно,
И рѣчи бы текли свободно и согласно. *(Изъ второй изъ двухъ моихъ епистолъ).*

Я не знаю, къ кому сіи стихи, ко мнѣ или къ нему больше приличествуютъ. Пѣсенка:

Поютъ птички
Со синички,
Хвостомъ машутъ и лисички.
Плюнь на суку
Морску скуку.
Держись черней и знай штуку.

кажется мнѣ не лутче моихъ сочиненій.

Изъ послѣдняго возраженія ясно видно, что г. Т., написавшій на Сумарокова такую грозную критику, есть не кто иной, какъ профессоръ элоквенціи, а паче всего хитростей піитическихъ, безсмертный Василій Кирилловичъ Тредіаковскій.

Этотъ, эта, это, за (вмѣсто) *сей, сія, сіе,* имѣю (почитаю) я за вольность, что въ одѣ положить нельзя, а въ трагедіяхъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ полагать можно, ибо они слова не чужестранныя и непростонародныя: да я жъ кладу (употребляю) ихъ очень рѣдко.

Братіевъ вмѣсто *братій*, есть вольность же, такъ же *слидствіевъ*, и протчее; а братіевъ есть и весьма вольность малая; ибо хотя *братій* и правильнѣе, нежели *братіевъ*; однако вмѣсто *братіевъ* сокращенно *братьевъ* еще употребительнѣе, нежели *братій: зьло, зьло братьевъ я здьсь въ угодность его положилъ много.* А я употребленію съ такимъ же слѣдую раченіемъ, какъ и правиламъ: правильныя слова дѣлаютъ чистоту, а употребительныя слова изъ склада грубость выгоняютъ, на примѣръ: Я люблю сего, а ты любишь другова есть правильно, но грубо. Я люблю этова, а ты другова.—Отъ употребленія и изгнанія трехъ словъ *го* и *іаго* слышится пріятнѣе. Вотъ для чего я это дѣлаю, а не отъ незнанія, какъ гнѣваясь на меня г. Т. говорить изволитъ.

Кладетъ въ порокъ, что я пишу *опять* за *паки;* но прилично ли положить въ ротъ дѣвицѣ семьнадцати лѣтъ, когда она въ крайней съ любовникомъ разговариваетъ страсти, между нѣжныхъ словъ *паки*, а *опять* слово совершенно употребительно, и ежели не писать *опять* за *паки*, такъ и *который*, *которая*, *которое*, надобно отставить и вмѣсто того употреблять къ превеликому себѣ посмѣшеству, не употребительныя нынѣ слова *иже*, *яже*, *еже*, которыя хорошо слышатся въ церковныхъ нашихъ книгахъ, и очень будутъ дурны, не только въ любовныхъ, но и въ геройскихъ разговорахъ.

Особенно примѣчательны въ этой антикритикѣ Сумарокова слѣдующія слова объ авторѣ критики, т. е. Тредіаковскомъ: «Меня онъ пуще всѣхъ не любитъ, за нѣкоторыя въ одной моей епистолѣ стихи и за комедію, которыя онъ беретъ на свой счетъ. Пускай его беретъ, а я въ томъ, что не къ нему это сдѣлано, клясться причины не имѣю. Я то писалъ такъ, какъ вездѣ писать позволено, хотя бъ то и о немъ было; однако я не говорю, что то о немъ писалъ, можетъ-быть о немъ, а можетъ быть и не о немъ». Здѣсь дѣло идетъ о комедіи «Тресотиніусъ», въ которой подъ именемъ педанта Тресотиніуса дѣйствительно выведенъ Тредіаковскій, и въ которой, какъ во всѣхъ коме-

діяхъ Сумарокова, нѣтъ ни правовъ времени, ни характеровъ, ни комизма, ни остроумія, ни правдоподобія, ни здраваго смысла. Естественно, что Тредіаковскій особенно напалъ на комедію, въ которой увидѣлъ пасквиль на себя.

Жестоко злобясь и брани меня, говоритъ онъ, что *Тресотиніусъ* мой изъ Гольберга. Какимъ же образомъ подъ именемъ Тресотиніуса находитъ онъ себя, ежели сія комедія взята изъ Гольберга; или онъ думаетъ, что у нихъ такой же Русской не знающій педантъ былъ, какой подъ именемъ Тресотиніуса у меня представленъ. А капитанъ Брамарбасъ, по характеру своему взятъ изъ Терентьева Евнуха, который комикъ не только греческихъ комиковъ былъ подражателемъ, но почти переводчикомъ. Чтожъ имя Брамарбаса взято изъ Гольберга, и въ томъ онъ ошибается; ибо Гольберговъ офицеръ въ нѣмецкомъ переводѣ симъ названъ именемъ, а въ датцкомъ подлинникѣ, онъ не Брамарбасомъ называется.

Хоревъ, говоритъ онъ, взятъ весь изъ Корнелія, Расина и Вольтера, а наипаче изъ Расиновой Федры. Это не правда; а что есть въ ней подраженія, а стиховъ пять-шесть есть и переводныхъ, что я и укрывать не имѣлъ намѣренія; для того, что то ни мало не стыдно. Самъ Расинъ, сей великій стихотворецъ и преславный трагикъ, въ лутчія свои трагедіи взялъ подраженіемъ и переводомъ изъ Еврипида въ *Ифигенію*... стиховъ, *въ Федру*... стиховъ, чего ему никто не поставитъ въ слабость, да и ставить невозможно.

Гамлетъ мой, говоритъ онъ, не знаю отъ кого услышавъ, переведенъ съ французской прозы Аглинской Шекспировой Трагедіи, въ чемъ онъ очень ошибся. Гамлетъ мой, кромѣ монолога въ окончаніи третьяго дѣйствія и Клавдіева на колѣни паданія на Шекспирову трагедію сдва, сдва походитъ.

Кромѣ языка и тона, тутъ и весь кодексъ искусства и литературы того времени: взять цѣликомъ идею, сюжетъ чужаго сочиненія, перевести цѣлыя мѣста изъ него,— это не считалось похищеніемъ и не умаляло цѣны произведенія. И такъ дѣлалось не у однихъ у насъ: Французы нещадно обворовывали Грековъ, Римлянъ, Англичанъ и Испанцевъ, и изъ этого воровства не думали дѣлать тайны. Поэзія была сборомъ общихъ мѣстъ; ей можно было и учиться и выучиваться; собственно талантъ, какъ даръ природы,

составляло стихотворство, а не поэзія. Чтобъ писать стихи, особенно съ рифмами, нужно, если не таланта, то способности, по крайней мѣрѣ; чтобъ выдумать сюжетъ поэмы или драмы, нужно было только знать, въ подлинникѣ, или переводѣ, произведенія иностранныхъ поэтовъ: бери цѣликомъ и копируй—это значило «сочинять». Даже подражать рабски отечественнымъ писателямъ значило быть поэтомъ наравнѣ съ тѣми, которые въ состояніи были сами изобрѣтать. И въ смыслѣ поэзіи, какъ сбора общихъ мѣстъ, Сумароковъ былъ совсѣмъ не плохой поэтъ для своего времени, на которое, поэтому, онъ и не могъ не имѣть сильнаго вліянія. Онъ зналъ хорошо французскій и нѣмецкій языки, былъ хорошо воспитанъ и образованъ въ духѣ своего времени; и будь у него не много побольше вкусу, не много поменьше самолюбія, да владѣй онъ русскимъ языкомъ хоть такъ хорошо, какъ владѣлъ имъ Ломоносовъ,— то, при своемъ жизненномъ и общественномъ направленіи, онъ рѣшительно затмилъ бы всѣхъ писателей своего времени и былъ бы, въ отношеніи къ этому времени, дѣйствительно необыкновеннымъ и достойнымъ серьезнаго изученія явленіемъ. Въ статьѣ Сумарокова «О пребываніи въ Москвѣ Монбрана» есть пренаивно выраженное мнѣніе о «заимствованіяхъ». Кто этотъ Монбранъ—не знаемъ; дѣло только въ томъ, что онъ, какъ образованный Французъ, хорошо былъ принятъ въ лучшихъ московскихъ домахъ, и скоро обратилъ на себя общее вниманіе своею болтовнею о томъ, что въ Россіи нельзя достать хорошаго бургонскаго вина, что честныхъ людей нѣтъ и быть не можетъ на свѣтѣ. Но больше всего взбѣсилъ онъ Сумарокова разговорами «о бездѣльствахъ г. Вольтера и г. маркиза Даржинса и о не вѣжествѣ послѣдняго».

«А разговаривалъ онъ больше всѣхъ со мною (говоритъ Сумароковъ), думая искоренить мое къ г. Вольтеру и къ г. Даржинсу почтеніе. А не сбивъ меня съ моей дороги, солгалъ на меня, будто я

говорилъ, что г. Вольтеръ окрадываетъ стихотворцевъ, чего онъ отъ меня никогда не слыхалъ. А подраженіе ни которому стихотворцу безславія не приноситъ. Я и самъ изъ сочиненій г. Вольтера, г. Расина и г. Корнелія не таясь заимствовалъ, что изъ одной моей трагедіи, которая на французской переведена языкъ, всѣмъ довольно видно, а говорилъ я только то, что одна изъ новыхъ г. Вольтера трагедій съ одной моей трагедіей очень сходна. Изъ сего не слѣдуетъ, что я возвышалъ себя и поносилъ г. Вольтера, котораго трагедіи по достоинству ихъ, похвалу себѣ у всей Европы заслужили».

«Мнѣніе во сновидѣніи о французскихъ трагедіяхъ» есть настоящая критическая статья, кажется, писанная, по догадкѣ Новикова, къ Вольтеру. Форма критики затѣйлива въ духѣ того времени, какъ то показываетъ ея заглавіе къ ней:

Разныя обстоятельства отвратили меня вѣчно отъ театра. Легче было мнѣ разстаться съ Таліей, нежели съ прелюбезною моею Мельпоменою; но я нынѣ и о ней рѣдко думаю: не для того, что она мнѣ противна, но что она мила: а о той любовницѣ, которая мила, паче жизни, по разлученіи вспоминати мучительно. Но кто отъ мучительнаго сновидѣнія спастися можетъ? Востревожилъ меня сонъ, и извлекъ изъ очей моихъ, во время своего продолженія, слезы. Былъ я сновидѣніемъ на театральныхъ представленіяхъ парижскихъ, и видѣлъ нѣкоторыя трагедіи такъ живо, какъ на яву.

За тѣмъ, Сумароковъ начинаетъ съ «Цинны» Корнеля, излагая, какія онъ, во время представленія, имѣлъ чувствія и разсужденія. Потомъ слѣдуютъ замѣтки, что такой-то де стихъ «преславенъ», а такой то «скареденъ», что такой-то монологъ хорошъ, только дологъ, такое-то мѣсто «презящно», а такое-то «гнусно и подло». Сумароковъ, какъ русскій человѣкъ, сильно выражался! Но почему онъ одно находитъ хорошимъ, а другое дурнымъ,—этого въ наше время никто не пойметъ: такъ перемѣнчивы времена! Хваля особенно четыре стиха изъ «Федры» Расина, нашъ критикъ восклицаетъ: «Едино сіе явленіе соплело бы вѣчныя Расину лавры, еслибъ онъ и ничего болѣе не писалъ!» Разбирая Вольтерова «Брута», критикъ говоритъ: «Первое явленіе прекрасно. Во второмъ явленіи сіи стихи вкусъ вашъ раз-

начали (слѣдуетъ выписка семи стиховъ). Брутъ перервалъ Аратову рѣчь по вольтерски. Все явленіе достойно Вольтера и Музъ самихъ. Сіе явленіе не одну забаву приноситъ и не одни цвѣты, но пользу и плоды. Франція, Европа и Парижъ должны много Вольтеру, за нововведенный вкусъ, и къ удовольствію сердца и разума нашего. Остатокъ дѣйствія весь хорошъ. Первое явленіе Втораго дѣйствія вы отъ жара любовнаго нѣсколько отдерживаете, родъ искусства Авторскаго, дабы любопытство смотрителей умножено, и сердце послѣ сильно поражено было». Далѣе, онъ нашелъ такія красоты въ «Брутѣ», что говоритъ: «Восхищеніе и пораженіе симъ явленіемъ моего сердца, препятствуетъ устамъ моимъ изобразити чувствіе души моей, и жертвовати похвалою Французскому Софоклу, Расинову, Метастазіеву и можетъ-быть и моему совмѣстнику, которому я еще больше долженъ, нежели Расину». Мнѣніе о «Запрѣ» Вольтера такъ добродушно оригинально, или, можетъ-быть, такъ ловко и хитро выражено, что его пельзя не выписать вполнѣ.

Первое явленіе прекрасно, вкуса щегольскова. Второе прекрасно. Остатокъ дѣйствія хорошъ. Втораго Дѣйствія Первое Явленіе, хорошо, а паче многократно Христіянамъ. Второе Явленіе хорошо. Третіе Явленіе писано весьма хорошо и Христіянамъ крайне жалостно. Не плакали во время Явленія одни только невѣжи и Деисты: одни по причинѣ, а другіе по другой, хотя послѣднія были и тронуты, свиданіемъ и разительными обстоятельствами отца и дочери. Сія Трагедія весьма хороша, но я, по нещастію окруженъ былъ беззаконниками, которыя во все время кощунствовали, и ради того, вступающія въ очи мои слезы, не вытекали на лицо мое. Видно, что сію сочиняя Драму Авторъ, о томъ имѣлъ попеченіе, дабы Христіанскій Законъ утвердити въ сердцахъ нашихъ, и отвлечи беззаконниковъ, спхъ заблужденныхъ людей, отъ естественнаго Богопочитанія, которыя не пріемлютъ Священнаго Писанія. И ежели сія Драма съ прямымъ успѣхомъ передъ Деистами представлена будетъ, такъ и Драма Магометъ въ Константинополѣ понравится. Брутъ когда-нибудь можетъ войдти больше въ моду въ Парижѣ; ибо изъ Монархіи республики дѣлаются. А Запра никогда изъ моды не выдетъ; Христіанскій Законъ не изчезнетъ никогда, по словамъ

вочеловѣчившагося Бога. Вы здѣлали велякое по общему Христіянскому мнѣнію, дѣло, проповѣдывая и утверждая Христіянство; хотя и думаютъ безбожники, что вы сею прекрасною Трагедіею отвлекаете людей отъ истиннаго Богопочитанія, и уже зараженныхъ людей, еще заражаете. Ежели бы вы были Деистъ; такъ бы я въ вѣчномъ остался невѣденіи, ради чего вы сію Трагедію сочинили. А зная, что вы Христіянинъ вѣдаю и то, что вы ее сочинили, умножая нашу по Христіянству вѣрность.

Послѣ одного стиха въ «Альзирѣ» критикъ нашъ былъ восторженъ, а восторженный партеръ восплескалъ громко и троекратно. Въ IV актѣ, сочиненномъ самою Мельпоменою, критику не понравилось то, что Альзира, въ предыдущихъ дѣйствіяхъ «ругавшаяся европейскому о чести разсудку», тутъ говоритъ о томъ въ другомъ совсѣмъ духѣ. «Я хвалю васъ безстрастно, такъ безстрастно говорю, что мнѣ это крайне не нравится; а рѣчи и Альзиры и Замора божественны». Критика заключается разборомъ «Меропы», и послѣднія строки его могутъ служить и resumé и характеристикою всей критики:

«Нечего отличати: все прекрасно въ сей Трагедіи, по сіе время: придемъ въ Четвертому Явленію Третьяго Дѣйствія: Музы его писали. Чего оно достойно, я чувствую, но словами изобразити не могу. Остатокъ Дѣйствія прекраснѣ. Четвертое Дѣйствіе все весьма прекрасно. Второе Явленіе несравненно. Четвертое Явленіе Пятаго Дѣйствія несравненно, и все Дѣйствіе прекрасно. Альзира, Цинна и Аталія кажется мнѣ должны уступить первенство Меропѣ и Федрѣ. Сіи двѣ Трагедіи будутъ вѣчною честію своимъ Авторамъ и Мельпоменѣ, и вѣчною славою Франціи, Европѣ, и всему роду человѣческому».

Точно подписи учителя на тетрадкахъ школьниковъ: не дурно, порядочно, изрядно, хорошо, очень хорошо, отлично хорошо, прекрасно, превосходно!... Но это-то и называлось тогда критикою, и, право, Сумароковъ ни чѣмъ не хуже многихъ знаменитыхъ критиковъ въ Европѣ того времени...

Переводъ съ Французскаго языка изъ чужестраннаго журнала мѣсяца Апрѣля 1755 года, стран. 114 и слѣд. напечатаннаго въ Парижѣ. Сипавъ и Труворъ Россійская

трагедія сочиненная Стихами господиномъ Сумароковымъ»— есть не что иное, какъ разборъ «Синава и Трувора», напечатанный въ парижскомъ журналѣ, переведенный самимъ же Сумароковымъ, и, можетъ быть, имъ же и написанный.

Критики Сумарокова на Ломоносова составляютъ самую забавную сторону авторства Сумарокова. Замѣтивъ въ одѣ погрѣшность (не всегда истинную), Сумароковъ иногда очень ясно даетъ знать, что онъ такихъ погрѣшностей избѣгать старается, напримѣръ: «Межь льдистыми горами!» межь льдистыми дѣлаетъ выговору великую трудность, что (чего) я весьма обѣгать стараюсь». Замѣчаніе его на два первые стиха одной оды Ломоносова можетъ дать понятіе о цѣлой критикѣ:

Возлюбленная тишина,
Блаженство селъ, градо́въ ограда.

Градо́въ ограда, сказать не можно. Можно молвить, селенія ограда, а не ограда града; градъ отъ того и имя свое имѣетъ, что онъ огражденъ! Я не знаю, сверхъ того, что за ограда града тишина Я думаю, что ограда града войско и оружіе, а не тишина. Городъ имѣетъ въ родительномъ падежѣ множественнаго числа городовъ, а градъ гра́довъ, а не градо́въ; для того, что въ именительномъ падежѣ множественнаго числа, городъ имѣетъ званіе города́, а градъ гра́ды, а не града́ и не грады.

Все это отчасти и справедливо; но самъ Сумароковъ, въ своихъ стихахъ, даетъ еще болѣе чудовищные факты подобнаго терзанія и коверканія языка и смысла.

Особенно оригинальна статья Сумарокова «Разсмотрѣніе одъ г. Ломоносова». Въ ней пѣтъ никакихъ разсужденій, даже никакого приступа: все дѣло въ ней рѣшается цифрами, такимъ образомъ: «Строфы прекраснѣйшія: (слѣдуютъ римскія цифры для означенія одъ и обыкновенныя цифры для означенія строфъ); строфы прекрасныя: (цифры); строфы весьма хорошія: (цифры); строфы хорошія: (цифры); строфы изрядныя: (цифры); строфы, по моему мнѣнію, требующія большова исправленія: (цифры); строфы о которыхъ я ничего не говорю: (цифры).

Но этимъ не оканчивается смѣшное въ соперничествѣ Сумарокова съ Ломоносовымъ: есть у Сумарокова отдѣльная статья подъ названіемъ «нѣкоторыя строфы», она вся состоитъ изъ 12-ти строфъ, изъ которыхъ, попеременно, надъ одною стоитъ «его», а надъ другою «моя». Слѣдующее же предисловіе объясняетъ эту странную загадку:

Мнѣ уже прискучилося слышати всегдашнія о г. Ломоносовѣ и о себѣ (т. е. обо мнѣ) разсужденія. Слово громкая ода къ чести автора служить не можетъ; да сіе же объясненіе значитъ галиматію, а не великолѣпіе. Мнѣ приписываютъ нѣжность и сіе изъясненіе трагическому автору чести не приноситъ. Можетъ ли лирическій авторъ составити честь имени своему громомъ! и можетъ ли представленный въ драмѣ Геркулесъ быти нѣжною Сильвіею и Амариллою воздыхающими у Тасса и Гваринія! Во стихахъ г. Ломоносова многое для почерпанія лирическимъ авторамъ сыщется: а я имъ совѣтую взирати на его лирическія красоты и отдѣляти хорошее отъ худова. Г. Ломоносовъ со мною нѣсколько лѣтъ имѣлъ хорошее знакомство и ежедневное обхожденіе, и нерѣдко слыхалъ я отъ него, что онъ самъ часто гнушался, что нѣкоторые его громкимъ называли. Ево достоинство въ одахъ не громкость. А что жъ? объ етомъ долго говорить, и я прилагаю здѣсь предисловіе, и нѣкоторые къ чести ево строфы, для сравненія съ моими, а не толкованія. О преимуществѣ себѣ я публику не прошу; ибо похвалы выпрошенныя гадки: а есть-ли и г. Ломоносову дастся и въ одахъ преимущество, я объ етомъ тужить не стану: желалъ бы я только того, чтобы разборъ и похвалы были основательны. Въ протчемъ я свои строфы расположилъ, какъ распоряжали Мальгербъ и Руссо (Жанъ Батистъ) и всѣ нынѣшніе лирики, а г. Ломоносовъ етова не наблюдалъ; ибо наблюденіе сево, какъ чистота языка, гармонія стихосложенія, изобильныя рифмы, разношеніе негласныхъ литеръ, не привыкшимъ писателямъ толикаго стоятъ затрудненія, коликую приносятъ они сладость. Наконецъ: во надгробной надписи г. Ломоносова изображено, что онъ учитель поэзіи и краснорѣчія: а онъ ни кого не училъ и ни кого не выучилъ; ибо г. Ломоносова честь не въ риторикѣ его состоитъ, но въ одахъ. Потомки и ево и мои стихи увидятъ и судить насъ будутъ, или паче письма наши; но потомки могутъ, или должны будутъ подумати, что и я по сей ему надгробной надписи былъ ево ученикъ: а я стихи писалъ еще тогда, когда г. Ломоносова и имени не слыхала публика. Онъ же въ Германіи писати

зачалъ, а я въ Россіи, не имѣя отъ него нетолько наставленія, но ниже зная его по слуху. Г. Ломоносовъ меня нѣсколькими лѣтами былъ постарѣе, но изъ того не слѣдуетъ сіе, что я ево ученикъ, о чемъ я не трогая ни мало чести сево стихотворца предувѣдомляю потомковъ, которыя и г. Ломоносова и меня не скоро увидятъ: а особливо ради того, что и языкъ нашъ и поэзія наша изчезаютъ: а зараза пінтичества весь россійскій Парнасъ невѣжественно охватила: а я истребленія оному предвидѣти не могу, жалѣя, что прекрасный нашъ языкъ гибнетъ. А что протчемъ до г. Ломоносова надлежитъ; такъ я, похваляя ево, думаю только о живности его духа виднаго во строфахъ его. *Великій былъ бы онъ мужъ во стихотворствѣ, ежели бы онъ могъ вычищати оды свои, а во протчія поэзіи не вдавался.*

Вотъ какъ! Сумароковъ не любилъ шутить тамъ, гдѣ чья-нибудь слава могла бросать тѣнь на его славу. Въ длинной статьѣ своей «О правописаніи», онъ безпрестанно придирается къ Ломоносову, съ профессорскимъ топомъ какого-то неоспоримаго преимущества передъ нимъ. Нападая на употребленіе буквы *е* вмѣсто буквы *і*, достоенъ вмѣсто достоинъ, бывшей, вмѣсто бывшій, Сумароковъ не безъ основательности замѣчаетъ, что «сіе нововведенное правило, не имѣетъ основанія, ни на свойствѣ языка, ни на древнихъ книгахъ, ни на употребленіи: а единственно на произволеніи г. Ломоносова и на почтеніи къ нему его послѣдователей, или паче сказать на семъ правилѣ, что г. Ломоносовъ былъ академикъ; такъ полагаютъ основаніе на академіи, хотя онъ не составлялъ академіи, но былъ ея членъ; и ни академія, ни Россія того не утвердила да и утверждати того Академіи не можно: ибо она въ наукахъ, а не въ словесныхъ наукахъ упражняется». Далѣе, Сумароковъ жалуется, что Ломоносовъ ввелъ въ нѣкоторыхъ словахъ провинціяльное произношеніе, какъ напримѣръ, лѣта вмѣсто лѣта, градóвъ, вмѣсто грàдовъ, и что «многіе, не размышляя, таковыя его ошибки приняли украшеніемъ пінтическимъ, и употребляютъ оныя къ безобразію нашего языка, что г. Ломоносову яко провинціяльному уроженцу простительно,

какъ рожденному еще и не въ городѣ, и отъ поселянъ; но протчимъ, которыя рождены не въ провинціяхъ и не отъ поселянъ, сіе извинено быть не можетъ».—«Но (прибавляетъ онъ) дабы не подумали, что я о происхожденіи г. Ломоносова въ ругательство ему вспоминаю; такъ насъ не благородство, но Музы на Парнасъ возводятъ, ибо благородство есть послѣднее качество нашева достоинства, и тѣ только много о немъ думаютъ, которыя другова достоинства не имѣютъ».—Изъ отвѣта Ломоносова Сумарокову о причинѣ замѣненія буквы *о* буквою *ѳ*, видно, что Ломоносовъ не находилъ нужнымъ вступать съ нимъ въ серьёзныя объясненія: «Эта-де литера стоитъ подпершися, слѣдовательно бодряе».—«Отвѣтъ издѣвоченъ, но не важенъ» замѣчаетъ Сумароковъ. Говоря о томъ, что въ предлогѣ *при*, употребляемомъ слитно съ глаголами, должно сохранять букву *и*, не перемѣняя ее на *і*, Сумароковъ прибавляетъ: «Г. Ломоносовъ годъ цѣлый мнѣ въ семъ противурѣчилъ. и признавься по разъисканію точныя обстоятельности, мое мнѣніе съ великимъ утверждалъ жаромъ; но не успѣлъ письменно со мною въ ономъ согласиться, или по частнымъ со мною не до краснорѣчія и не до языка касающимся распрямъ, не хотѣлъ согласиться до времени: какъ онъ покритиковалъ у меня не знаю за что парѣчіе днесь, и не нашедъ другова къ тому реченія, зачалъ употреблять вмѣсто нынѣ, нынь; но нынѣ не знаменуетъ той краткой точности, а нынь не можно вмѣсто нынѣ писать; ибо *ъ* претворяти въ *ь* писатели вольности не имѣютъ, хотя они и стихотворцы; ибо и имъ дозволяется нѣчто, а не все, да и то что рѣчи нимало не обезображиваетъ. Да и на что нынь; ибо нынь сво тоже изображаетъ какъ и нынѣ: а краткость одного слога не стоитъ труда искуснаго риѳмотворца».—Дѣйствительно, Ломоносова нынь вмѣсто нынѣ, такъ же нелѣпо, какъ и Сумарокова *мя* и *тя*, вмѣсто меня и тебя. Вообще, говоря о другихъ, Сумаро-

ковъ нерѣдко бываетъ и основателенъ и справедливъ: такъ, напримѣръ, жалуясь на постепенную порчу языка, онъ приводитъ разительные примѣры этой порчи, какъ-то употребленіе «февраль» вмѣсто «февраръ», «пролубь» вмѣсто «прорубь». Но зато, видитъ иногда гибель тамъ, гдѣ нѣтъ даже и опасности, и часто противорѣчитъ самому себѣ; такъ, напримѣръ, съ одной стороны, требуя, чтобы для сохраненія кореннаго происхожденія словъ, писать *пріятный* вмѣсто *пріятный*, съ другой стороны не хочетъ, чтобъ предлогъ *возъ*, соединяясь съ глаголами, сохранялъ кореннную свою букву *з*, и вооружается противъ этого со всѣмъ комизмомъ своей запальчивости. «Но бывало ли отъ начала міра въ какомъ-нибудь народѣ такое въ писаніи скаредство, каково мы нынѣ дожили! Возтокъ, източникъ, превозходительство! Конечно, паденіе нашего языка скоро будетъ, когда такая нелѣпица могла быть воспріята!»

Замѣчательно, какъ фактъ того времени, что Сумароковъ за искаженіе русскаго языка жалуется на Малороссіянъ, и не только писателей, но и на пѣвчихъ, которые, вмѣсто «во вѣки вѣковъ», писали и пѣли «во вики виковъ», вмѣсто «Тебѣ Господи»—«Теби Господы», и т. п. «Не подумаетъ ли кто (прибавляетъ Сумароковъ), что я вооружаюся противъ ученыхъ Малороссіянъ; нѣтъ: дай Боже, чтобъ не только мы, но хотя наши потомки изъ Малороссіи другаго Ѳеофана имѣли! Есть нѣчто во краснорѣчіи худова, но сколько напротивъ того и славы его имени, и славы нашихъ временъ!»

Замѣчательная выходка Сумарокова противъ перевода Тредіаковскаго Ролленевой исторіи: «Вотъ (говоритъ онъ) ожидаемая польза отъ умноженія сочиненій и переводовъ, которыми насъ невѣжи обогащаютъ! Вредно ободряли вралей похвалами, чтобъ они больше врали; ибо де не писавъ худо, нельзя писать и хорошо; но враки должно ли издавать на свѣтъ? Древняя исторія неоцѣненнаго Роллина, въ

переводѣ нашемъ, подаетъ читателю, не знающему чужихъ языковъ, нѣкоторое ему познаніе, къ малому просвѣщенію, безъ другихъ знаній, и ко прогнанію скуки; а языкъ нашъ какъ моровая заражаетъ язва».

Вообще, эта статья такъ и дышетъ своею современностію и личностію Сумарокова: въ ней онъ и его время какъ бы олицетворились и лично бесѣдуютъ съ нами. Кому тутъ не достается, кто не задѣвается! И писатели, и женщины, и подъячія!... «Женщины наши (говоритъ критикъ) по большой части никакова правописанія не соблюдаютъ, и пишутъ какъ ни попало, напримѣръ: матушка мая галубушка пожалуй атпишика мне душа мая гдѣ ты купила вчерашнай градитуръ, а иногда и гаритулъ».— Противъ безграмотности подъячихъ, по длиноте филиппики, и выписать нельзя: когда Сумароковъ заговаривалъ объ этомъ «крапивномъ зельи», объ этомъ «хамовомъ поколѣніи» (какъ онъ называлъ подъячихъ), его сатирическое негодованіе всегда лилось рѣкою, затоплявшею берега свои.

Статья «О стопосложеніи» изобилуетъ комически смѣшными выходками Сумарокова противъ Ломоносова.

Статья «О истребленіи чужихъ словъ изъ русскаго языка» можетъ быть отнесена къ любопытнѣйшимъ фактамъ исторіи русской литературы: она доказываетъ, что вторженіе въ нашъ языкъ французскихъ словъ и оборотовъ отнюдь не было слѣдствіемъ реформы Карамзина, ибо еще до него было въ самомъ сильномъ разливѣ. Сумароковъ смѣется надъ словами: «фрукты, сервизъ, антишамбера, камера, сюртукъ, супъ, гувернанта, аманта, дама, валетъ, атутъ (козырь), роа (король), мокеровaться, эложъ (похвала), принцъ, бурса, тоалетъ, пансивъ (задумчивъ), корреспонденція, кухмистръ, томъ, эдиція, жени (т. е. геній; подъ жени Сумароковъ понималъ остроуміе), бонсанъ (здравый смыслъ; Сумароковъ переводитъ разсужденіе), эдюкація, манификъ, деликатно, пассія». Однакожь если многія изъ

этихъ словъ вывелись изъ употребленія, за то многія и остались; геній языка умнѣе писателей, и знаетъ, что принять и что̀ исключить. Вѣроятно были употребительны и такія фразы, если Сумароковъ надъ ними смѣется: «Я въ дистракціи и дезеспере; амапта моя сдѣлала мнѣ инфиделите; а я à ку сюръ противъ ривала моего буду реванжироваться».

Какъ о чертѣ смѣшнаго и добродушно-наглаго самохвальства Сумарокова, нельзя не упомянуть о его вызовѣ проѣздить за границею два года и потомъ описать свое путешествіе. «Каково мое перо (говоритъ онъ), о томъ и по худымъ переводамъ всѣ ученѣйшія въ Европѣ знаютъ и ту мнѣ похвалу сплетаютъ, которая превосходитъ желаніе авторовъ и тѣхъ народовъ, въ которыхъ науки созрѣли и утвердилися. И что я Россіи сдѣлалъ честь моими сочиненіями, въ томъ я всѣхъ ученѣйшихъ людей во всей Европѣ свидѣтелями имѣю». За два года и четыре мѣсяца онъ просилъ у правительства, кромѣ своего жалованья, 12,000 рублей, «которыя деньги по изданіи моего путешествія возвратятся въ казну съ излишкомъ; ибо 6000 экземпляровъ продаваяся по три рубля, 18,000 рублевъ, а потомъ оная во всегдашнее время продаваться будетъ, и такъ казнѣ убытка не будетъ—«Еслибъ такимъ перомъ, каково мое, описана была вся Европа; не дорого бы стало Россіи, ежели бы она и 300,000 на это безвозвратно употребила. Я прошу о семъ не для себя, но для пользы моего отечества, а мой собственный прибытокъ изъ того только одна честь имени моему».

Эклоги Сумарокова таковы, что ихъ теперь странно видѣть въ печати. Всѣ онѣ оканчиваются одинаково, въ родѣ этого:

О лютый Періандръ!... невинность изчезаетъ:
Вручаюся тебѣ... Пастухъ на все дерзаетъ.
Не спитъ Туллія, гоня упрямство прочь
И въ изступленіи препровождаетъ ночь,

Въ веселіи пробывъ со пастухомъ безъ спора,
Доколѣ не взошла на паствѣ къ нимъ аврора...

И несмотря на это, Сумароковъ и не думалъ быть соблазнительнымъ, или неприличнымъ; а напротивъ, онъ хлопоталъ о нравственности, и былъ увѣренъ, что эклога такой ужъ родъ поэзіи, который, по сущности своей требовалъ, такихъ сюжетовъ и съ такими развязками. Онъ посвящаетъ свои эклоги «прекрасному россійскаго народа женскому полу», и въ этомъ посвященіи такъ излагаетъ теорію эклоги, какъ рода поэзіи:

Я вамъ, прекрасныя, сей мой трудъ посвящаю: а ежели кому изъ васъ подумается, что мои эклоги наполнены излишно любовію; такъ должно знати, что недостаточная (не полная) любовь не была бы матерію поэзіи: сверхъ того должно и то вообразити, что въ дни златаго вѣка не было ни бракосочетанія, ни обрядовъ къ оному принадлежащихъ: едина нѣжность только препровождаема жаромъ и вѣрностью была основаніемъ любовнаго блаженства. Говорятъ о воровствѣ, о убійствѣ, о грабежѣ, о ябедничествѣ беззазорно во всякихъ бесѣдахъ; не уже ли такіе разговоры благородныя рѣчей любовныхъ? А особливо когда не о скотской и не о непостоянной говорится любви. Въ еклогахъ моихъ возвѣщается нѣжность и вѣрность, а не злопристойное сластолюбіе, и нѣтъ таковыхъ рѣчей, кои бы слуху были противны. Презрѣнна любовь имущая едино сластолюбіе во основаніи, презрѣнны любовники, устремляющіеся обманывати слабыхъ женщинъ: подверженны нѣкоторому поношенію и женщины, въ обманъ давшіяся: презрѣнно неблагородное сластолюбіе; но любовныя нѣжность и вѣрность отъ начала міра были почтенны и до скончанія міра почтенны будутъ. Любовь источникъ и основаніе всякаго дыханія: а въ добавокъ сему источникъ и основаніе поэзіи; такъ можно ли сочинияти еклоги, естьли пиитъ ужаснется глупыхъ предвареній и невкусныхъ кривотолкованій. А вы, прекрасныя, помните только то, что неблагопристойная любовь и непостоянство стыдны, несносны, вредны и пагубны, а не любовь, и что любовію наполненныя эклоги и основанныя на нѣжности, подпертой честностію, и вѣрностію, читательницамъ соблазна, точною чертою, принести не могутъ; хотя и нѣтъ никакова блага, изъ котораго бы не могло быти злоупотребленія. Что почтенныя правосудія; но колико изъ него происходитъ ябедъ и крючкотвореній, а слѣдовательно

утѣсненій и погибели роду человѣческому? И что почтенные, эклоги ли составлять, наполненныя любовнымъ жаромъ и пишемыя хорошимъ складомъ, или тяжебныя ябедниковъ письма, наполненныя плутовствомъ и складомъ писанныя скареднымъ?

Оставьте въ сторонѣ старинный языкъ и вникните въ мысль этого предисловія: она была мыслію вѣка. Дезульеры, Гесперы и Флоріаны писали свои эклоги и идиліи именно по этой теоріи. Они изображали дѣйствительность, которой никогда и нигдѣ не бывало. Они воображали, что точно былъ золотой вѣкъ невинности, не понимая того, что состояніе невинности есть то же, что состояніе животности, какъ то доказываютъ всѣ дикія племена Африки, Америки и Австраліи. Этимъ то мнимо-невиннымъ людямъ придавали они сладенькія чувствованьица своего времени, и были вполнѣ увѣрены, что изображаютъ пасторальную жизнь, и что ихъ Дафнисы, Меналки, Титиры, Коридоны, Аглаи, Хлои, Амариллы и Галатеи суть лица живыя и невинныя, тогда какъ это просто общія риторическія мѣста, какъ и вся поэзія (а не литература въ обширномъ смыслѣ) XVIII вѣка. У Сумарокова вполнѣ достало ума и способности понять это искусство общихъ мѣстъ и воспользоваться имъ для своего времени.

Истинный критикъ своего времени, Сумароковъ судитъ обо всемъ—о добродѣтели, о философіи, о грамматикѣ, о поэзіи, о стѣснительной системѣ запретительной торговли, о большихъ бесѣдахъ, чтеніи романовъ, и проч. и проч. Часто у него попадаются мысли хотя не глубокія, но здравыя и тѣмъ болѣе полезныя для общества его времени. Можно написать цѣлую статью о его войнѣ противъ подъячихъ: Боже мой, гдѣ и какъ ни пятналъ, ни позорилъ ихъ этотъ неутомимый боецъ! Говоря о подъячихъ, Сумароковъ становится и жолченъ, и остеръ, и вдохновененъ! Ненависть къ этому гнусному отродію (говоря его выраженіемъ) была живою струною его души; и кто же не согласится, что источ-

никъ этой ненависти былъ благороденъ, а ея проявленіе не могло не принести пользы обществу: дидактическое направленіе въ поэзіи самобытной есть признакъ антиноэтическаго характера народа; но въ поэзіи подражательной, бывшей плодомъ реформы, нововведеніемъ, какова была, въ своемъ началѣ, поэзія русская, дидактическое направленіе есть признакъ жизненности, соціальности, и полезно какъ для общества, такъ и для самого искусства: ибо общество потому только и принялось за нее, что увидѣло въ ней поученіе, дѣйствительно полезное для него. Когда дидактическая поэзія истощила все свое содержаніе и не могла идти далѣе, противъ нея явилась реакція, заговорили о поэзіи, какъ о творчествѣ, какъ о цѣли самой себѣ, а между тѣмъ привычка къ чтенію, къ занятію поэзіею, благодаря ея дидактическому направленію, была уже сдѣлана. Послѣ этого не трудно было отвергнуть дидактическую поэзію, какъ ложную и враждебную истинному искусству. Но это, какъ мы покажемъ въ слѣдующей статьѣ, сдѣлалось не вдругъ, а постепенно. Сперва позволили поэзіи воспѣвать геройскіе подвиги и побѣды, не увольняя ея отъ обязанности поучать; потомъ, стали позволять ей, между прочимъ, быть выразительницею прихотей фантазіи и, наконецъ, ради граціи и обаятельности формъ, воспѣвать и шалости чувства, и пѣнистое вино, и веселыя пирушки, и сладостную лѣнь. Ужь послѣ этого провозгласили, къ крайнему соблазну литературныхъ старовѣровъ, что искусство есть само себѣ цѣль, что поэзія внѣ себя цѣли не имѣетъ и не должна имѣть. Такъ какъ въ этой мысли заключается значительная часть истины, и такъ какъ, не перейдя черезъ нее, нельзя было понять идеи искусства, какъ особной и самостоятельной сферы сознанія, то эта мысль и овладѣла свѣжими умами до того, что ее довели до односторонности, и исключительности, а слѣдовательно, и до нелѣпости. Теперь критикѣ предстоитъ новая задача — примирить свободу творчества

съ служеніемъ историческому духу времени, съ служеніемъ истинѣ.

Итакъ, дидактическое направленіе Сумарокова было полезно для современнаго ему общества. Въ этомъ отношеніи его эпистолы и сатиры имѣютъ свою относительную цѣнность. Несмотря на грубый языкъ, цинизмъ выраженій, для многихъ было весьма полезно и поучительно въ тотъ зараженный спѣсью барства вѣкъ читать, напримѣръ, такіе стихи:

Сію сатиру вамъ, дворяня, приношу
Ко членамъ первымъ я отечества пишу.
Дворяня безъ меня свой долгъ довольно знаютъ,
Но многія одно дворянство вспоминаютъ,
Не помня, что отъ бабъ рожденнымъ и отъ дамъ
Безъ исключенія всѣмъ праотецъ Адамъ.
На то ль дворяня мы, чтобъ люди работали,
А мы бы ихъ труды по знатности глотали?
Какое барина различье съ мужикомъ?
И тотъ, и тотъ земли одушевленный комъ.
И если не ясняй умъ барскій мужикова,
Такъ и различія не вижу никакова.
Мужикъ и пьетъ и ѣстъ, родился и умретъ,
Господскій такъ же сынъ, хотя и слаще жретъ,
И благородіе свое не рѣдко славитъ,
Что цѣлый полкъ людей на карту онъ поставитъ.
Ахъ, должно ли людьми скотинѣ обладать?
Не жалко ль? можетъ быкъ людей быку продать?

Въ числѣ эпистолъ, мы находимъ и слѣдующія: «Любовь къ отечеству есть первая добродѣтель», «Къ неправеднымъ судіямъ», «О русскомъ языкѣ», «О стихотворствѣ» (передѣлка L'Art Poëtique Буало) и «Наставленіе хотящимъ быти писателями». Во всемъ этомъ виденъ или критикъ искусства и литературы, или критикъ нравовъ. Въ томъ и другомъ Сумароковъ особенно примѣчателенъ, какъ представитель своего времени. Не изучивъ его, нельзя понимать и

его эпохи. Еслибъ кто вздумалъ написать историческій романъ, или историческую повѣсть изъ тѣхъ временъ,—изученіе Сумарокова дало бы ему богатые факты объ обществѣ того времени; а что̀ такое историческій романъ, какъ не исторія общества въ извѣстную эпоху? Да; предметъ исторіи—человѣчество, или народъ; предметъ историческаго романа—общество. Постепенность развитія идей въ обществѣ представляетъ собою картину въ высшей степени интересную. На само искусство нельзя смотрѣть только въ сферѣ самого искусства, безъ отношенія къ жизни: такой взглядъ можетъ быть иногда вѣренъ, но онъ всегда одностороненъ, особенно въ отношеніи къ искусству въ Россіи. Повторяемъ: наша поэзія, наша литература—плодъ реформы Петра Великаго, какъ наша цивилизація. Начавшись формами безъ жизни, они постепенно стремились къ жизни и самобытности, и достигли наконецъ того и другаго чрезъ историческій процессъ. Сумароковъ былъ однимъ изъ замѣчательныхъ фактовъ этого процесса, — что̀ и заставило насъ говорить о немъ подробнѣе.

3.

Статья наша о «Критикѣ» должна оставить принятый ею историческій путь и снова возвратиться къ настоящему, характеристикою котораго и заключится она. Мы и не хотѣли давать ей характеръ историческій; иначе, должны были бы написать много статей прежде, нежели добрались бы до настоящаго періода русской литературы. Въ предыдущей статьѣ мы желали только намекнуть на то, какъ, по нашему мнѣнію, должно было бы слѣдить русскую критику въ ея историческомъ развитіи,—заранѣе отказываясь написать полную ея исторію въ этомъ отдѣлѣ нашего журнала. Доселѣ еще не только не было никакой попытки—

начертать исторію русской литературы со стороны ея вліянія на мнѣніе общества, т. е. со стороны критики, въ обширномъ значеніи этого слова; но даже не было и попытокъ сдѣлать хоть какія-нибудь указанія на матеріялы, необходимые для подобнаго труда. А между тѣмъ, этотъ трудъ только слегка можетъ казаться легкимъ, въ сущности же онъ весьма сложенъ, кропотливъ и тяжолъ. Нужно не только перечесть вполнѣ нѣкоторыхъ писателей, но и рыться въ старыхъ и новыхъ журналахъ. Притомъ же, мы задали бы себѣ слишкомъ обширный вопросъ, еслибъ взяли критику въ ея общемъ значеніи. Для насъ важны не только тѣ русскіе писатели, которые посвящали свои труды или теоріи изящнаго, или собственно — критикѣ изящныхъ произведеній, или отрывочно, тамъ и сямъ, въ своихъ твореніяхъ, выговаривали свои понятія объ изящномъ и о критикѣ; но и тѣ писатели, которые, своими нравственными мнѣніями, выражали духъ времени, или давали ему новое направленіе. Въ этомъ отношеніи, какъ важенъ для насъ, напримѣръ, Фонъ-Визинъ, съ его «Недорослемъ» и «Бригадиромъ», въ которыхъ, въ лицѣ глупцовъ и чудаковъ, высказано понятіе того времени объ отрицательной сторонѣ современнаго общества, а въ лицѣ резоперовъ и добродѣтельныхъ людей, высказанъ, такъ сказать, идеалъ, къ которому должно было стремиться общество, высказаны начала, на основаніи которыхъ мыслили и дѣйствовали лучшіе люди той эпохи! А исповѣдь Фонъ-Визина, его мелкія сатирическія статьи, его вопросы, и проч.? Оцѣнка всего этого была бы полною оцѣнкою всего Фонъ-Визина, который замѣчателенъ совсѣмъ не какъ поэтъ (ибо поэтъ онъ не былъ), а какъ умный, мыслящій человѣкъ своего времени, даровитый писатель съ критическимъ направленіемъ. «Словарь Россійскихъ Писателей» Новикова — богатый фактъ собственно-литературной критики того времени: его тоже нельзя миновать въ историческомъ обзорѣ русской критики. Тутъ же

долженъ занять свое мѣсто и Макаровъ—одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ писателей и критиковъ того времени. Съ именемъ Карамзина соединяется понятіе о цѣломъ періодѣ русской литературы, стало-быть, отъ девятидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія до двадцатыхъ настоящаго. Тридцать-пять лѣтъ такой блестящей литературной дѣятельности и около сорока лѣтъ такого сильнаго вліянія на русскую литературу, а черезъ нее и на русское общество! И вліяніе не только литературное, но и, можно сказать, всяческое! Все это должно вновь перечитать, пересмотрѣть, а на все это нужно время и время. Критическая дѣятельность Мерзлякова, князя Вяземскаго, Каченовскаго и другихъ, характеристика многихъ журналовъ, изъ которыхъ иныхъ теперь и имена не извѣстны публикѣ,—также должны войдти въ этотъ обзоръ и, слѣдственно, также должны быть пересмотрѣны. Война карамзинистовъ съ шишковистами; прологъ къ войнѣ романтизма съ классицизмомъ, заключающій въ себѣ пренія, возбужденныя нѣмецкими, англійскими балладами Жуковскаго; далѣе, война поборниковъ классицизма и вмѣстѣ народности, съ поборниками классицизма чисто подражательнаго и чуждаго всякой народности (въ этой войнѣ замѣчательны имена Катенина, Жандра, и отчасти, Грибоѣдова); наконецъ, война классицизма и романтизма:—сколько для всего этого нужно пересмотрѣть книгъ, особенно журналовъ! Появленіе каждаго генія бываетъ чѣмъ-то нарушающимъ обыкновенный порядокъ вещей, съ непривычки кажется чѣмъ-то незаконнымъ и возбуждаетъ вражду и оппозицію со стороны людей, проникнутыхъ духомъ господствующаго порядка вещей. Въ пользу генія возстаетъ юное поколѣніе, и завязывается битва, концомъ которой всегда бываетъ торжество генія. И вотъ окончена битва—и видъ дѣла измѣняется: геній признанъ величайшимъ и непогрѣшительнымъ авторитетомъ; противъ него враждуютъ развѣ только хрипдые голоса немногихъ уцѣ-

лѣвшихъ развалинъ стараго времени. Но время идетъ, новыя идеи вторгаются, и такъ какъ не было и никогда не будетъ генія, который бы все сказалъ, все рѣшилъ, на все далъ отвѣтъ, изчерпалъ бы всѣ стороны бытія, такъ что уничтожилъ бы возможность явленія другихъ геніевъ, а слѣдственно, и возможность дальнѣйшаго развитія народа или человѣчества: то и геній, послѣ столькихъ усилій и битвъ, сдѣлавшійся властителемъ думъ своего времени, является наконецъ, представителемъ уже минувшей эпохи, не удовлетворяющимъ новаго времени. Противъ него воздвигается оппозиція, часто несправедливая и ослѣпленная въ своей крайности; за него стоитъ все, что не двинулось послѣ него впередъ—и опять битва! Но проходятъ годы, новое беретъ свое, мирно царитъ надъ настоящимъ и воздаетъ должное прошедшему. Все это было и въ русской литературѣ, хотя она существуетъ еще только сто лѣтъ, если началомъ ея взять 1739 годъ, когда Ломоносовъ написалъ первую свою оду—«На взятіе Хотина» (сатиры Кантемира были въ первый разъ изданы въ 1762 году). Такъ литературная дѣятельность Карамзина, явившаяся оппозиціею схоластическому направленію русской литературы, данному Ломоносовымъ, возстановила противъ себя славянофиловъ и пуристовъ русскаго языка. Время и разумъ рѣшили дѣло въ пользу реформы Карамзина, и Карамзинъ сдѣлался патріархомъ русской литературы; подъ страхомъ анаѳемы и отлученія отъ литературнаго православія, не позволялось усомниться ни въ одной строкѣ, ни въ одной буквѣ его сочиненій. Но оппозиція шишковистовъ была ничто въ сравненіи съ тою, которая ожидала Карамзина уже по смерти его. Такъ называемый романтизмъ развязалъ умы, вывелъ ихъ изъ узкой и избитой колеи преданія, авторитета и общихъ риторическихъ мѣстъ, изъ которыхъ прежде сплетались вѣнки славы прославленнымъ писателямъ; новыя идеи вторгались отвсюду, литературные и умственные

перевороты въ Европѣ, начавшей, по низверженіи Наполеона, новую жизнь, отозвались и въ нашей литературѣ. Тогда-то возстали противъ Карамзина... Но прошло и это время: теперь всѣ понимаютъ, что не Карамзинъ виноватъ, если его поклонники приписали ему больше, чѣмъ онъ сдѣлалъ, видѣли въ немъ что-то большее нежели то, чѣмъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ, что вопросъ не въ томъ, чего не сдѣлалъ Карамзинъ, а въ томъ что̀ онъ сдѣлалъ, и что не его была вина, если онъ рано родился и образовался подъ вліяніемъ литературныхъ идей прошлаго вѣка; теперь у Карамзина нѣтъ ни ослѣпленныхъ друзей, ни ожесточенныхъ враговъ—теперь для него настало потомство, безпристрастное, спокойное, уважающее славное имя, цѣнящее его заслуги, давшее ему почетное мѣсто въ исторіи литературы и общественности.—Явился Пушкинъ,—и встрѣча, сдѣланная ему, была уже совсѣмъ не то, что̀ встрѣча Карамзину: восторгъ и негодованіе, любовь и ненависть были тутъ значительно глубже и сильнѣе. Одни только что не клялись именемъ Пушкина, другіе, слыша его, только что не зажимали съ благочестивымъ ужасомъ ушей своихъ. Битвы были ожесточенныя и упорныя, а вопросъ еще и теперь не рѣшенъ! Уже нѣсколько поколѣній произнесли судъ свой надъ Пушкинымъ, а потомство для Пушкина все еще не настало... Элементы нашей эпохи такъ многосложны и спутаны, вопросы такъ глубоко жизненны, что много надо пережить, перечувствовать и перемыслить, чтобы рѣшать ихъ: это дѣло времени и жизни—безъ нихъ люди ничего не сдѣлаютъ. Еще не рѣшился вопросъ о Пушкинѣ, и уже сколько новыхъ вопросовъ возникло, и возникло не изъ книгъ, какъ они возникали прежде, а изъ живыхъ явленій!... И развѣ эти безпрерывные толки и споры въ обществѣ о «Мертвыхъ Душахъ», эти восторженныя похвалы и ожесточенныя брани въ журналахъ, возбуждаемыя новымъ твореніемъ Гоголя,—развѣ это не живое явленіе, и развѣ это

не вопросъ, столько же литературный, сколько и общественный?... Мало того: развѣ весь этотъ шумъ и всѣ эти крики, не результатъ столкновенія старыхъ началъ съ новыми, развѣ они — не битва двухъ эпохъ?... Все, что является и успѣваетъ съ перваго разу, встрѣчаемое и провожаемое безусловною похвалою, все это не можетъ быть важнымъ и великимъ фактомъ: важно и велико только то, что раздѣляетъ мнѣнія и голоса людей, что мужаетъ и растетъ въ борьбѣ, что утверждается живою побѣдою надъ живымъ сопротивленіемъ. Полагать причиною этого сопротивленія одну зависть къ успѣху и къ генію, значило бы слишкомъ ограниченно смотрѣть на дѣло: то ошибка духовъ времени, то борьба старыхъ началъ съ новыми! Человѣкъ только до извѣстнаго возраста своей жизни обладаетъ способностію умственнаго движенія впередъ; разъ утвердившись въ извѣстномъ образѣ мыслей, по достиженіи извѣстнаго возраста, онъ дѣлается слѣпъ и глухъ для всякой новой истины, и видитъ въ ней ложь и нечестіе. Только сильные духомъ могутъ отрываться отъ ученій, въ которыхъ возрасли и укрѣпились; но и для нихъ, это движеніе сопряжено бываетъ съ тяжелымъ трудомъ, съ потрясеніемъ всего нравственнаго существованія ихъ. Цѣлое общество видѣло высочайшій идеалъ поэзіи въ трагедіяхъ Корнеля и Расина, съ малолѣтства заучило наизусть стихи ихъ, восторгъ свой къ этимъ поэтамъ довело до обожанія, уваженіе—до піэтическаго благоговѣнія,—и вдругъ этому то обществу говорятъ, что ихъ поэты—не поэты, а только изящные риторы, что въ образцовыхъ ихъ трагедіяхъ нѣтъ ни характеровъ, ни образовъ, ни людей, ни игры страстей и чувствъ, ни глубокихъ идей, словомъ, никакой дѣйствительности, и что, наконецъ, идеалъ великаго драматурга осуществился въ Шекспирѣ, котораго оно, это общество привыкло считать пьянымъ дикаремъ, вдохновеннымъ невѣждою!... Повѣрить на слово общество не могло, понять еще

менѣе; слѣдовательно, оставалось сознаться, что или оно всю жизнь свою обманывалось, или что оно не въ силахъ понять то, въ чемъ его увѣряютъ. Но это выше природы человѣческой: большей части людей легче понять непонятное ему, чѣмъ сознаться въ своей неспособности понимать. Однакожь, между молодыми людьми, которыхъ духъ новой жизни засталъ еще свѣжими, свободными, и способными къ его принятію, являются смѣлые поборники новыхъ идей. И вотъ завязывается борьба; время идетъ, старые ратники выбываютъ изъ рядовъ, молодые прибываютъ, и — лѣвая сторона является правою, а въ центрѣ остается двусмысленная изгарь двухъ мнѣній, люди полумѣръ, люди ни то, ни се... И потомъ опять такая же исторія,—и изъ этихъ то исторій составляется исторія развитія человѣчества, народовъ и обществъ.

Такую задачу, въ отношеніи къ русской литературѣ со стороны критики, мы хотѣли было предположить себѣ, начавъ писать статью о критикѣ; но такая статья могла бы слишкомъ далеко завлечь насъ. Однакожь, мы рѣшились приготовить на этотъ предметъ особую статью и перенести ее, изъ отдѣла критики, въ отдѣлъ наукъ. Тутъ будетъ цѣлая исторія русской литературы, обозрѣнная съ новой ея стороны, на которую еще никто не обращалъ вниманія—со стороны развитія литературныхъ, нравственныхъ и общественныхъ началъ. Статья эта будетъ помѣщена въ одной изъ первыхъ книжекъ «Отечественныхъ Записокъ» на 1843 годъ. Мы не будемъ въ ней повторять уже сказаннаго въ статьяхъ о «Критикѣ», и начнемъ прямо съ того, что непосредственно должно слѣдовать за Сумароковымъ, взглядомъ на котораго мы кончили нашу вторую статью о критикѣ. Теперь же возвратимся на предметъ болѣе близкій къ содержанію рѣчи г. Никитенко, подавшей поводъ къ этимъ тремъ статьямъ. Въ первой статьѣ мы говорили, что такое критика вообще и чѣмъ она должна

быть въ наше время. Здѣсь поговоримъ о томъ, какова бываетъ иногда критика. Не знаемъ, увидятъ ли читатели въ нашихъ словахъ характеристику современной русской критики; но во всякомъ случаѣ, мы никого не назовемъ, ни на кого не укажемъ: пусть дѣло говоритъ само за себя, пусть другіе ищутъ въ нашихъ словахъ кому кого угодно, а мы будемъ говорить вообще ни къ кому не относя, ни къ кому не примѣняя... Предметомъ нашихъ разсужденій будетъ уклоненіе критики отъ идеала критики...

Читатели «Отечественныхъ Записокъ» не могли не замѣтить, что критика этого журнала рѣзко отличается отъ критики всѣхъ другихъ журналовъ — своими началами, и своимъ характеромъ, и даже самымъ языкомъ. Враги «Отечественныхъ Записокъ» ставили и ставятъ имъ это въ величайшій недостатокъ; другіе же находятъ это большимъ достоинствомъ. Намъ скажутъ: никто въ собственномъ дѣлѣ судьею быть не можетъ, и только публика имѣетъ право приговора въ пользу достоинства критики журнала... Согласны; но развѣ мы хвалимъ собственную критику?— Отнюдь нѣтъ: мы только говоримъ, что она — особенная критика въ современной русской литературѣ, что она не имѣетъ ничего общаго съ критикою другихъ современныхъ журналовъ. А это такъ же можно почесть порицаніемъ, какъ и похвалою. Гдѣ жь тутъ самохвальство? Тутъ только фактъ, въ вѣроятности котораго согласны и друзья и враги наши.

Критика можетъ раздѣляться на разные роды, по ея отношеніямъ къ самой себѣ; но не то теперь въ виду у насъ. По отношенію же критики къ лицамъ, занимающимся ею, прежде всего должно раздѣлить ее на критику искреннюю, добросовѣстную, критику по убѣжденію, по началу, и на критику по разсчету, критику торговую. Послѣдняя всегда ложна, потому что еслибъ она иногда и находила для себя выгоднымъ обмолвиться истиною — эта истина,

все-таки не относилась бы къ высокимъ предметамъ человѣческаго сознанія, а ограничивалась бы только, и то не всегда, умнымъ взглядомъ на нѣкоторыя стороны практическихъ предметовъ, въ то же время парализируя себя всякими неправдами, всякою ложью и всяческими противорѣчіями. Въ злохудожную душу не впидетъ премудрость! Что̀ касается до критики искренней, критики по убѣжденію,—ее не всегда можно принимать за одно съ критикою истинною: убѣжденіе и истина—не одно и то же: это два отдѣльныя и самобытныя начала, которыя могутъ быть сильны только во взаимномъ проникновеніи, но которыя часто являются каждое самимъ по себѣ, и потому каждое безсильнымъ и безплоднымъ. Хотя въ наше время примѣры религіознаго фанатизма и рѣдки, однако и въ наше время могутъ существовать люди, которые отъ души убѣждены, что аутодафэ—вещь необходимая для спасенія душъ. Такое убѣжденіе можетъ быть и сильно, и глубоко, и безкорыстно; но тѣмъ не менѣе оно ложно. Притомъ же, въ дѣлѣ убѣжденій, должно обращать вниманіе на источникъ убѣжденія. Иногда случается такъ: какой-нибудь господинъ найдетъ и безопаснымъ и выгоднымъ для себя поддерживать извѣстную мысль, которая притомъ ни для кого не новость. И вотъ онъ начинаетъ съ того, что выдаетъ эту мысль за великое открытіе, за неслыханную новость; подводитъ подъ нее всѣ факты, и которые пейдутъ подъ нее,—онъ ихъ гнетъ, колотитъ, уродуетъ; вырабатываетъ себѣ странный и дикій языкъ, вопитъ о своемъ безкорыстіи, патріотизмѣ, о своей пламенной любви къ народности. Надъ нимъ начинаютъ смѣяться, доказываютъ ему, что мысль его и не нова и односторонняя, что гораздо прежде его было много охотниковъ выѣзжать на ней; что языкъ его, вмѣсто народности, отзывается цинизмомъ, тономъ извощиковъ и замашками Кутейкина (дѣйствующее лицо въ «Недорослѣ» Фонъ-Визина); что патріотизмъ его пока еще

одно хвастовство, ибо патріотизмъ, чей бы то ни былъ, доказывается не словами, а дѣлами, что титло патріота дается гражданину народомъ и исторіею, а не самозванствомъ; что народность его — не таинственная психея народной жизни, а грязь съ торговой площади... Все это, разумѣется, раздражаетъ господина-сочинителя; самолюбіе его оскорбляется, желаніе оправдаться возбуждаетъ въ немъ потребность самому убѣдиться въ собственныхъ убѣжденіяхъ. Эту потребность, возбужденную жаждою вещественныхъ выгодъ и оскорбленнымъ самолюбіемъ, онъ принимаетъ въ себѣ за убѣжденіе, и оканчиваетъ тѣмъ, что дѣйствительно дѣлается фанатическимъ послѣдователемъ наудачу и по разсчету выбраннаго ученія, и на немъ оправдывается французская пословица: à force de forger on devient forgeron. И вотъ онъ глубже и глубже тонетъ къ тинѣ своихъ дикихъ убѣжденій; неудача раздражаетъ его энергію, энергія его переходитъ въ фанатизмъ; — и горе было бы людямъ, еслибъ онъ имѣлъ возможность проявлять свое убѣжденіе не однимъ гусинымъ перомъ... Но перо его не страшно; сначала оно можетъ озадачить толпу, которая всегда отступаетъ передъ силою какою бы то ни было—силою убѣжденія или фанатизма—все равно. Но это не надолго: толпа не всегда чутка на ложь и истину съ перваго раза; когда же пройдетъ ея первое изумленіе, она иногда молча и безсознательно, рѣшитъ дѣло лучше всякаго ученаго и философа. Дѣло тутъ въ томъ, что надъ обществомъ имѣютъ прочную власть только идеи, а не слова; свойство же и существенное отличіе идеи отъ всего, что не есть идея, состоитъ въ томъ, что она движется, идетъ впередъ, — словомъ, развивается; а нашъ «патріотъ» твердитъ все одно и то же, одними и тѣми же словами; высказавшись весь въ первой статьѣ своей, онъ въ тысячѣ слѣдующихъ за нею только повторяетъ собственные зады свои.... Сверхъ того, не имѣя никакого внутрен-

няго созерцанія, изъ котораго выходила бы его система, ничего не зная основательно, не опираясь на современную науку, лишенный всякаго инстинкта истины и всякаго такта выраженія, — онъ впадаетъ въ нелѣпости, до которыхъ, впрочемъ, доходитъ послѣдовательно, логически, ибо онѣ лежатъ въ самомъ основаніи его нелѣпаго ученія. Онъ утверждаетъ, напримѣръ, что образованность высшихъ и среднихъ классовъ общества — мишура, что національная мудрость хранится въ черни,. что дѣти даже людей высшаго общества должны учиться отечественному языку въ избахъ мужиковъ, у ростовскихъ огородниковъ и рыбныхъ торговокъ... Съ публикою онъ объясняется языкомъ гостиподворскихъ сидѣльцевъ, почитая это и оригинальнымъ и національнымъ... Онъ набираетъ себѣ извѣстное число прозелитовъ—бездарныхъ людей, которые, за рѣшительною неспособностію выдумать что-нибудь свое, готовы повѣрить на-слово всякому, у кого горло широко, и которыхъ, между тѣмъ, мучитъ демонъ кропанья стиховъ и прозы. Сюда же присоединяются старые писаки, которые и въ свое время только смѣшили публику своимъ авторствомъ, своими мадригалами, трагедіями, романами, дѣтскими нравоучительными книжонками и азбуками. «Патріотъ» радъ ихъ даровымъ статьямъ, ихъ бездарному досужеству, ихъ готовности вторить его голосу: онъ одобряетъ ихъ, хвалитъ, ссылается на ихъ дикія и неслыханныя имена въ статьяхъ своихъ: какъ такой-то (имя рекъ) сказалъ, этакой-то выразился, см. стр. такую-то... Бѣдняки, рыцари печальнаго образа, радёхоньки, что имъ есть куда сбрасывать все, чѣмъ удастся имъ разрѣшиться,—пишутъ съ плеча статью за статьею, хвалятъ старину и другъ друга, бранятъ все новое и даровитое, геній называютъ злодѣйствомъ, талантъ—развратомъ, а выбранныя изъ дѣтскихъ прописей сентенціи — чистѣйшею нравственностью. Тутъ являются свои геніи, свои таланты по преимуществу, обыкновенно

человѣкъ пятокъ: эти всегда впереди, остальные за ними... Но, увы! ничто не поможетъ нашему «критику»: надъ его журналомъ и его статьями уже не смѣются даже, вовсе забывая о ихъ существованіи... «Критикъ» прибѣгаетъ къ послѣднему средству: прежде онъ только и дѣлалъ, что стрѣлялъ холостыми зарядами по журналу, котораго мнѣнія и успѣхъ въ публикѣ не давали ему спокойно заснуть и изъ котораго онъ сдѣлалъ себѣ какую-то мишень, не догадываясь, въ своей слѣпотѣ и ограниченности, что онъ этимъ еще болѣе возвышаетъ чужой журналъ; теперь онъ самъ пишетъ огромныя письма къ самому себѣ (разумѣется, подъ вымышленнымъ именемъ), разбираетъ въ нихъ собственный журналъ и собственныя статьи, удивляется собственному краснорѣчію, глубокости своихъ идей, благоговѣетъ передъ своимъ геніемъ, своею ученостію, и торжествуетъ мнимыя побѣды надъ враждебными журналами и враждебными мнѣніями... Но, увы!—и это не помогаетъ: письма остаются не разрѣзанными и не прочитанными, а о самомъ журналѣ пропадаетъ и слухъ... Туда ему и дорога!...

Есть еще одного рода убѣжденіе, сходное съ тѣмъ, которое мы описали, но разнящееся отъ него какою-то наивною добросовѣстностію: это убѣжденіе посредственности, убѣжденіе въ томъ, что она — талантъ, и что ей только по зависти не отдаютъ должной справедливости. Чтобъ доказать міру несправедливость враговъ своихъ, наивная посредственность рѣшается иногда — издавать журналъ. Это особенно часто бываетъ въ Германіи, гдѣ такъ много филистеровъ и много пишущихъ гофратовъ. Въ одной нѣмецкой газетѣ, мы недавно прочли объ одномъ изъ такихъ господъ слѣдующее. Добрякъ принялся издавать журналъ. «Меня, говорилъ онъ своимъ знакомымъ, ругали — теперь я буду ругать». А его совсѣмъ и не ругали: просто о немъ молчали—это-то было ему всего досаднѣе. Правда, когда-

то было кой-гдѣ замѣчено, что его поэмы и романы плохи; но какъ вся эта дрянь была имъ написана давно, то о немъ уже и забыли. Впрочемъ, онъ вкусилъ и сладость печатной похвалы: филистерскіе журналы объявили его пріятнымъ и моральнымъ писателемъ, и особенно остались довольны его слогомъ, дѣйствительно, столь же гладкимъ, сколь и безсмысленнымъ; только одинъ изъ рьяныхъ молодыхъ критиковъ, съ юношескою опрометчивостію, напалъ и на филистерскіе журналы и на сочинителя. Съ тѣхъ поръ, столько прошло времени, что рьяный критикъ забылъ и сочинителя-гофрата и многія изъ собственныхъ журнальныхъ статей. Каково же было его удивленіе, когда въ новомъ журналѣ онъ увидѣлъ выписки изъ своихъ старыхъ статей, выписки съ разными примѣчаніями, которыя еще были одобрены солидными остротами! Онъ прочелъ и выписки изъ своихъ статей и остроумныя противъ нихъ выходки—и добродушно посмѣялся надъ тѣми и другими... А издатель неугомонно продолжалъ ратовать противъ всего талантливаго, хваля посредственность и самого себя, пока не угомонилъ своего журнала (ибо самъ былъ едва ли не единственнымъ своимъ подписчикомъ и читателемъ)... Въ Германіи такое явленіе—не диковинка, а потому надъ нимъ даже и не смѣялись; оно прошло само собою, подобно мыльному пузырю, лопнувшему на воздухѣ. Но можно поручиться, что этимъ не кончатся затѣи добряка; самолюбіе посредственныхъ писакъ неугомонно: лопнулъ свой журналъ, а чужіе не пріймутъ его статей, — тогда остаются брошюры. Итакъ—до могилы! А все отъ наивнаго убѣжденія въ своемъ талантѣ и въ зависти къ нему враговъ...

Вообще, объ ограниченныхъ людяхъ съ убѣжденіями можно составить цѣлую книгу, которая была бы интереснымъ психологическимъ сочиненіемъ. Главное различіе между даровитыми и умными людьми съ убѣжденіями и между посредственностями съ убѣжденіями, состоитъ въ томъ, что

убѣжденія первыхъ выходятъ изъ истины, а убѣжденія вторыхъ—изъ мелкаго и раздражительнаго самолюбія. Человѣкъ съ умомъ всегда подверженъ сомнѣніямъ, которыя часто охлаждаютъ и ослабляютъ жаръ и энергію его убѣжденій; люди посредственные свято вѣруютъ во всякій вздоръ, потому только, что этотъ вздоръ вышелъ изъ ихъ головы. Чудаки эти часто не подозрѣваютъ, что и вздоръ-то, поддерживаемый ими, не ихъ, а навѣянъ на нихъ другими, которые имѣютъ свои виды на вздоръ извѣстнаго рода и на добродушное усердіе простяковъ, готовыхъ отъ души ратовать за чужое мнѣніе, за которое ловко умѣли заставить ихъ уцѣпиться, какъ будто за ихъ собственное. Такъ иной патріотъ, нажившій въ тихомолку, разными «патріотическими» средствами, «пиндѣкъ малую толику», приберетъ себѣ журнальнаго работника, да изъ-за его дюжаго въ работѣ плеча, обдѣлываетъ по маленьку свои дѣлишки, взявъ на себя только трудъ говорить отъ времени до времени, что онъ готовъ умереть за свое родное, и что онъ съ головы до ногъ—«патріотъ». А простякъ работаетъ, какъ волъ, изъ одного безкорыстнаго стремленія обобщить свои идеи о томъ, что гдѣ много просвѣщенія, тамъ все гніетъ, и что нравы праотцевъ лучше всякой заморской мудрости. Однакожъ этотъ простякъ бываетъ иногда не очень добръ, и часто обнаруживаетъ придирчивую взыскательность,—это съ нимъ случается всякій разъ, когда задѣнутъ его авторское самолюбіе, или его педантическій догматизмъ. Во всемъ остальномъ, это добрѣйшій человѣкъ; похвалите его, согласитесь съ нимъ въ его мнѣніяхъ,—онъ произведетъ васъ въ геніи. Это ему такъ легко, ибо у него нѣтъ никакихъ началъ: его мыслію управляютъ слова, а не мысли словами. Слова же его—это образецъ пухлаго безсмыслія, изысканныхъ фразъ. Если онъ давно пишетъ (особенно, если еще чему-нибудь учился, знаетъ языки и много читалъ), онъ набиваетъ руку и пріобрѣтаетъ способность много и скоро

писать обо всемъ, и притомъ такъ, что въ его писаніи есть какая-то оригинальность, какой-то блескъ выраженія. Но это оригинальность искусственная, это блескъ фольги. Прочтете — и не помните, что̀ и о чемъ вы прочли. Особенно поражаетъ васъ въ его слогѣ искусство парафразированія: одна и та же мысль, и притомъ простая и пустая, какъ напр., то, что деревянные столы дѣлаются изъ дерева, одна и та же мысль тянется у него длинною вереницею предложеній, періодовъ, троповъ, фигуръ; онъ переворачиваетъ ее съ боку на бокъ, плодитъ ее на цѣлыхъ страницахъ, и пересыпаетъ многоточіями. Все у него такъ кудряво, во всемъ такое изобиліе эпитетовъ, амплификацій, что неопытный читатель дивится этой живописности, этой рельефности, этимъ разноцвѣтнымъ и блестящимъ переливамъ слога,—и его очарованіе только тогда, изчезнетъ, когда онъ задастъ себѣ вопросъ о содержаніи бойко и затѣйливо написанной статьи: ибо, вмѣсто всякаго содержанія, онъ замѣчаетъ, къ удивленію своему, только одно пухлое самолюбіе и одинѣ пухлыя слова и фразы. Это особенно часто является на Западѣ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Западъ началъ гнить; у насъ на Руси, гдѣ еще писательство не обратилось въ привычку, такія явленія пока еще едва ли возможны.

Вообще, убѣжденія людей посредственныхъ, невѣжественныхъ и ограниченныхъ, представляютъ собою картину столько же смѣшную, сколько и жалкую. Они почти всегда оканчиваютъ рѣшительнымъ неуспѣхомъ и совершеннымъ отчаяніемъ. Не такое зрѣлище представляютъ собою люди ловкіе, но безъ всякихъ убѣжденій, критики не по призванію, а по нуждѣ, или по разсчету. Этимъ большею частію хорошо везетъ, особенно, если они умѣютъ во время остановиться, кстати замолчать. Но здѣсь-то они обыкновенно и попадаются въ сѣти своего чернаго демона. Привычка управлять мнѣніемъ довѣряющей имъ части публики

такъ вкореняется въ нихъ, что дѣлается равносильною страстію жаждѣ пріобрѣтенія. Это заставляетъ ихъ всю жизнь повторять одно и то же, т. е. кричать о своихъ заслугахъ, о своей народности, о зависти, невѣжествѣ, злобѣ и безталантности своихъ враговъ, о своей готовности умереть за истину (на бумагѣ), о томъ, что кто не написалъ самъ романа, тотъ не имѣетъ права судить о чужихъ романахъ... Какъ это не надоѣстъ имъ самимъ! Тактика ихъ очень проста и (до поры до времени) очень вѣрна; они льстятъ публикѣ, величая ее «почтеннѣйшею и милостивою государынею» (въ харчевняхъ такая галантерейность обращенія, говорятъ, въ большомъ ходу), и главное — хвалятъ себя безъ стыда и совѣсти. Одну и ту же книгу они и разбранятъ и расхвалятъ, и потомъ опять разбранятъ и расхвалятъ, смотря потому, что найдутъ въ книгѣ... Если ихъ уличатъ въ противорѣчіи, они ссылаются или на сотрудника, котораго, будто бы, не считаютъ себя въ правѣ стѣснять въ убѣжденіяхъ, или говорятъ, что ихъ листокъ даетъ мѣсто всѣмъ мнѣніямъ, не отвѣчая ни за одно. Притомъ же, они очень хорошо знаютъ, что журнальные листы живутъ одинъ день и завтра забываются: такъ гдѣ же публикѣ помнить всѣ противорѣчія и всѣ продѣлки его издателей! До убѣжденій, до началъ имъ нѣтъ дѣла: они знаютъ—будетъ день, будетъ и хлѣбъ. И потому, у нихъ что день, то новыя убѣжденія. Въ одномъ только вѣрны они себѣ—во враждѣ ко всякому успѣху, въ которомъ они не участники—и къ матеріяльному и къ умственному. Талантовъ они не любятъ по инстинкту, ибо сами богаты только звонкими ходячими талантами. Все это опять обыкновенное явленіе на Западѣ, гдѣ ежедневная журналистика сосредоточила въ себѣ всѣ интересы современной жизни. Тамъ даже бываютъ такіе газетёры, которые, прочтя въ другомъ журналѣ что-нибудь о литературныхъ плутняхъ, сейчасъ же пишутъ возраженія, и нападаютъ на дурной обычай упо-

треблять личности. Успѣхъ книги они обыкновенно измѣряютъ ея расходомъ; нападая на другой журналъ, всегда считаютъ по пальцамъ его подписчиковъ. Если имъ нѣкогда удалось поддѣть публику какими-нибудь шарлатанскими сочиненіями, то они такъ и колятъ глаза людямъ, которые ничего не издали отдѣльно, лишая ихъ, за это права писать въ журналахъ. Имъ нужды нѣтъ, что ихъ книги давно уже забыты: они тѣмъ громче кричатъ о своихъ заслугахъ, зная, что не всякій читатель захочетъ справляться насчетъ достоинства ихъ писаній. Но какъ же, спросятъ насъ, они такъ долго могутъ держаться? Очень просто: люди сметливые, они во время затѣяли изданіе, въ которомъ была нужда; прежде, чѣмъ публика ихъ разгадала, изданіе ихъ получило ходъ, а соперниковъ не являлось, потому что, за границею, основаніе новаго изданія очень трудно, въ денежномъ отношеніи.

Это промышленники мелкіе. Ихъ критика—фѣльетонная, мелочная; она состоитъ больше въ объявленіи о новыхъ книгахъ, съ приличными возгласами. Но бываютъ промышленники en grand, промышленники оптовые. Этимъ для успѣха нужна не одна ловкость и изворотливость, но и умъ и способности, если не талантъ. Мелкая изворотливость имъ нужна только для зазыва публики въ ихъ олимпійскій циркъ съ великолѣпными представленіями на лошадяхъ и съ фейерверками; но тутъ имъ можетъ помочь какая-нибудь пріятельская газета, которая закричитъ: «кто не подпишется, тотъ не любитъ отечественной литературы». Но вотъ великое дѣло совершено съ успѣхомъ; тысячи подписчиковъ жаждутъ читать новый журналъ—неслыханное чудо, невиданное диво въ мірѣ журналистики. Любопытно знать, какъ и чѣмъ оправдаетъ новый журналъ возбужденныя имъ безмѣрныя ожиданія въ публикѣ, какъ и чѣмъ упрочитъ онъ свое существованіе на будущее время. Разумѣется, критикою, которая есть душа всякаго журнала. Въ чемъ же бу-

детъ состоять направленіе новой критики, какой будетъ ея отличительный характеръ? — Нашъ журналистъ человѣкъ умный: онъ знаетъ, что надо блеснуть новизною, надо быть оригинальнымъ, надо озадачить. И вотъ онъ полагаетъ въ основу своей критики скептицизмъ и насмѣшку. На что же устремлены его скептицизмъ и насмѣшка? — На все, о чемъ ни говоритъ онъ, на все, чѣмъ ни великъ міръ науки, мысли, искусства. Онъ понимаетъ, что скептицизмъ—самая лучшая удочка для уловленія толпы. Простодушная, она обыкновенно удивляется тому, кто, много зная (т. е. обо многомъ говоря съ увѣренностію), ничему не вѣритъ и все считаетъ за вздоръ. Насмѣшка ее забавляетъ, не давая ей труда мыслить и вникать въ сущность дѣла. Толпа притомъ самолюбива; она низко кланяется генію, таланту, всякому роду нравственнаго превосходства; но отъ этихъ поклоновъ втайнѣ страждетъ ея самолюбіе; ей непріятно думать, что надъ нею такъ высоко стоятъ нѣсколько выскочекъ, что эти выскочки высшей натуры, что они—аристократы человѣчества, а она, бѣдная толпа, представляетъ собою простой народъ, plebs. Надо подслужиться ей, надо польстить ея тайной думѣ, которой она не смѣетъ высказать, надо говорить ей, что все хорошо только издали, что славны бубны за горами, что все великое велико только условно. И вотъ—въ новомъ журналѣ является біографія за біографіей, но совсѣмъ не въ родѣ Плутарховыхъ «жизнеописаній великихъ мужей». Простодушный и возвышенный Грекъ видѣлъ въ своихъ великихъ мужахъ проявленіе на землѣ божественнаго начала, торжество и славу человѣческаго духа, красу и утѣшеніе человѣчества. Онъ не скрывалъ отъ читателя темныхъ сторонъ своихъ героевъ, ибо зналъ, что, безъ этихъ сторонъ, они были бы не людьми, а призраками; онъ отыскивалъ силу въ слабости, разумъ въ ограниченности, добродѣтель въ борьбѣ со страстями, — такъ какъ все это является въ самой дѣйствительности и какъ, слѣд-

ственно, иначе являться не можетъ. Нашъ біографъ отправился отъ противоположной точки воззрѣнія: онъ отыскивалъ эгоизмъ въ самопожертвованіи, заблужденіе въ истинѣ, глупость и тщеславіе въ добродѣтели. Великіе люди у него явились и завистниками, и интриганами, и пролазами, и эгоистами, и невѣждами, и негодяями; онъ искусно умѣлъ оттѣнить ихъ этими качествами такъ, что изъ-за этихъ качествъ не видно стало великихъ людей. Когда же сами факты слишкомъ противорѣчили его уже черезчуръ субъективнымъ воззрѣніямъ на великое въ мірѣ, онъ — смѣло ломалъ дѣйствительность фактовъ, выворачивалъ ихъ наизнанку, или, опираясь на свою мнимую ученость, выдумывалъ небывалые факты, или отрицалъ дѣйствительность извѣстныхъ и доказанныхъ, ссылаясь на какія-нибудь небывалыя новыя сочиненія. И вотъ толпа обрадовалась, что ей все по плечу, что она нисколько не хуже, нисколько не ниже своихъ бывшихъ идоловъ, которые велики только благодаря прихоти ваятелей, давшихъ имъ колоссальные размѣры. Славный журналъ! толпа читаетъ и не нахвалится!... Но не однимъ этимъ ее тѣшатъ. Ей доказываютъ, что наука—вздоръ, изобрѣтеніе педантовъ, что разумъ, которымъ гордится человѣчество, есть не что иное, какъ обманщикъ человѣчества, который водитъ его за носъ; что система выдумана школярами, чтобъ затемнить истину, что можно все знать, ничему не учась и только читая журналъ, въ которомъ проповѣдуются такія удобоприложимыя къ жизни начала: что философы — шарлатаны, что самъ Сократъ былъ тонкій плутъ, морочившій Аѳинянъ своимъ демономъ, и пр. «Эге, ге!—говорила толпа, лукаво посвистывая,—такъ вотъ оно какъ! ай-да молодецъ! славно, ну!». Но толпа не можетъ жить безъ геніевъ: отсутствіе геніевъ такъ же оскорбляетъ ея самолюбіе, какъ и ихъ превосходство передъ нею. Ловкій критикъ-скептикъ понимаетъ это. И вотъ онъ дѣлаетъ своихъ геніевъ, выдавая патенты на

геніяльность своимъ клѣвретамъ, разной посредственности. Это ему и легко и весело: онъ ихъ и жалуетъ и разжалываетъ по своей волѣ; а они его трепещутъ, пишутъ по его заказамъ, работаютъ съ плеча,—и романамъ, повѣстямъ, драмамъ конца нѣтъ... Толпѣ любы эти геніи, съ которыми она можетъ обходиться за панибрата, которые велики, знамениты, славны, и въ то же время скромны и никого не могутъ оскорбить своимъ превосходствомъ; которые сочиняютъ славно, а зазнаться не смѣютъ, вѣдая, что съ ними церемониться не будутъ, какъ съ тѣми деревянными божками, которымъ Буряты кланяются и приносятъ жертвы во время ведра, и которыхъ они же нещадно сѣкутъ во время ненастья. Все истинно великое, истинно даровитое критикъ хвалитъ только по отношеніямъ, когда отъ этого есть польза его журналу; но и тутъ онъ хвалитъ такъ двусмысленно, что не разберешь, шутитъ онъ, или говоритъ серьезно-бранитъ или хвалитъ. Тѣ же таланты, которые гордо презираютъ и его бранью и его лестью, онъ неослабно преслѣдуетъ и намеками и явною бранью. Ему это такъ легко, онъ такъ смѣлъ и рѣшителенъ... Разбирая книгу, онъ выдастъ собственное сочиненіе за выписку изъ разбираемой книги, и скажетъ: «смотрите, какъ глупо!» Онъ же къ этому мастеръ смѣшить толпу,—а кто хохочетъ, тотъ побѣжденъ, тому некогда ни подумать, ни навести справки. Все это для критика-скептика очень хорошо: журналъ его цвѣтетъ, имя его пользуется извѣстностію, благосостояніе утверждено. Но высшая точка успѣха часто бываетъ опасна; кому нельзя идти выше, тотъ часто летитъ внизъ... Толпа—предатель, толпа не умираетъ, какъ человѣкъ; ея выбылые ряды безпрестанно замѣняются новыми свѣжими лицами, которыя требуютъ новаго и находятъ пошлымъ повтореніе стараго. Нашъ же журналистъ-скептикъ по неволѣ долженъ ограничиться повтореніемъ одного и того же, ибо только одна истина неистощима въ своемъ развитіи и, пребывая самой

собою, одною и тою же, всегда является, въ своемъ развитіи, новою и оригинальною. И благо скептическому критику, если онъ сумѣетъ остановиться во время, и будетъ забытъ, не напоминая о себѣ! изъ всѣхъ родовъ забвенія самый унизительный для человѣка тотъ, когда онъ еще твердитъ о себѣ, а о немъ уже забыли. Не помогутъ тогда ему никакіе фокусъ-покусы, и его журналъ падетъ, какъ ни вспрыскивай его мертвою и живою водою позднихъ преобразованій и улучшеній, какъ ни призывай себѣ на помощь и на поддержку неопытныхъ спекулянтовъ...

Скептицизмъ—слово великое и слово пошлое, смотря по тому, какъ его понимаютъ. Скептицизмъ никогда не бываетъ самъ себѣ цѣль, и не въ немъ удовлетвореніе стремленій и порываній духа, жаждущаго знанія! Глупцы и люди ограниченные всему вѣрятъ, потому что не могутъ ничего изслѣдовать. Люди глубокіе—скептики по натурѣ; но скептицизмъ такихъ людей есть признакъ души жаждущей знанія, а не холоднаго отрицанія. Чѣмъ больше любитъ человѣкъ истину, тѣмъ внимательнѣе ее изслѣдуетъ, тѣмъ осторожнѣе ее принимаетъ. Онъ вѣритъ въ достоинство истины, вѣритъ въ непреложность ея существованія: но онъ не вѣритъ на слово людямъ, занимавшимся изслѣдованіемъ истины, ибо знаетъ, что человѣкъ и истина—не одно и то же; но онъ не вѣритъ безусловно и самому себѣ, ибо знаетъ, что его, какъ человѣка, можетъ обманывать и привычка, и непосредственность, и чувство, и его собственный умъ. Скептицизмъ такихъ людей не отрицаетъ истины, а отрицаетъ только то, что можетъ быть примѣшано людьми къ истинѣ ложнаго и ограниченнаго. Во времена переходныя, во времена гніенія и разложенія устарѣвшихъ стихій общества, когда для людей бываетъ одно прошедшее, уже отжившее свою жизнь, и еще не наставшее будущее, а настоящаго нѣтъ,—въ такія времена скептицизмъ овладѣваетъ всѣми умами, дѣлается болѣзнію эпохи. Истинный

скептицизмъ заставляетъ страдать, ибо скептицизмъ есть неудовлетворяемое стремленіе къ истинѣ, и слѣдовательно—болѣзнь, какъ голодъ и жажда; но нормальное состояніе, средство, а не цѣль. Только умы мелкіе, души ничтожныя щеголяютъ скептицизмомъ, какъ моднымъ платьемъ, хвалятся имъ, какъ заслугою. Только маленькіе великіе люди, фокусники и потѣшники праздной толпы, только они сомнѣваются во всемъ легко и весело, забавляясь, а не страдая... И что за заслуга—надъ всѣмъ смѣяться и все бранить — и науку, и разумъ, и искусство? Это значитъ не быть умнымъ и великимъ.

Обращаясь отъ этихъ общихъ понятій снова къ русской критикѣ, мы, вмѣстѣ съ краснорѣчивымъ профессоромъ, подавшимъ намъ своею прекрасною рѣчью поводъ ко всѣмъ этимъ разсужденіямъ, желаемъ ей, т. е. русской критикѣ, «больше любви къ искусству и больше уваженія къ самой себѣ!»

СУМЕРКИ: *Соч. Евгенія Баратынскаго. Москва. 1842.*
СТИХОТВОРЕНІЯ. *Евгенія Баратынскаго. Двѣ части. Москва. 1835.*

Пытливый духъ изслѣдованій и анализа, по преимуществу характеризующій новѣйшую эпоху человѣчества, проникъ въ таинственныя нѣдра земли, и по ея слоямъ начертилъ исторію постепеннаго формированія нашей планеты. Естествознаніе еще прежде, чрезъ классификацію родовъ и видовъ явленій трехъ царствъ природы, опредѣлило моментальное развитіе духа жизни, отъ низшей его формы—грубаго минерала, до высшей—человѣка, существа разумно-сознательнаго. Все это богатство фактовъ, добытыхъ опытнымъ знаніемъ, послужило къ оправданію апріорныхъ

воззрѣній на жизнь міроваго духа, и очевидно доказало, что жизнь есть развитіе, а развитіе есть переходъ изъ низшей формы въ высшую, и, слѣдовательно, что̀ не развивается, т. е. не измѣняется въ формѣ, пребывая въ однообразной неподвижности, то не живетъ, то лишено плодотворнаго зерна органическаго развитія, рождаясь и погибая чрезъ случайность и по законамъ случайности. Такое же зрѣлище представляютъ и историческія общества, ибо и они—или существуютъ по тому же вѣчному закону развитія, т. е. перехожденія изъ низшихъ формъ жизни въ высшія, или вовсе не существуютъ, потому что одно фактическое, одно эмпирическое существованіе, какъ лишенное разумной необходимости, слѣдственно, случайное, равняется совершенному несуществованію: кто докажетъ теперь человѣку непросвѣщенному и необразованному, что Греція и Римъ существуютъ?—а между тѣмъ, для человѣчества, они и теперь существуютъ несомнѣнно; кто це докажетъ всѣмъ и каждому, что Китай подлинно существуетъ?—а между тѣмъ Китай все-таки существуетъ для человѣчества меньше, чѣмъ китайскій чай...

Внимательное изслѣдованіе открываетъ, что и жизнь обществъ, также какъ и жизнь планеты, на которой они обитаютъ, слагается изъ множества слоевъ, изъ которыхъ каждый въ свою очередь, подобно разноцвѣтнымъ волнующимся лентамъ, отличается множествомъ слоистыхъ пластовъ. Пласты эти—поколѣнія, изъ которыхъ каждое, удерживая въ себѣ многое отъ предшествовавшаго поколѣнія, тѣмъ не менѣе и отличается отъ него собственнымъ колоритомъ, собственнымъ характеромъ, собственно формою и собственною физіономіею. Каждое послѣдующее поколѣніе относится къ предшествующему, какъ корень къ зерну, стебель къ корню, стволъ къ стеблю, вѣтвь къ стволу, листъ къ вѣтви, цвѣтъ къ листу, плодъ къ цвѣту. Но это сравненіе относительно, только внѣшнимъ образомъ вѣрно, и не

обнимаетъ сущность предмета; дерево совершаетъ вѣчно-однообразный кругъ развитія: выходя изъ зерна, оно зерномъ вновь становится, чѣмъ и оканчивается вся органическая его дѣятельность. По новѣйшимъ открытіямъ, жизненная сила и прототипъ каждаго растенія заключаются не только въ зернѣ, но и во всякомъ листкѣ его: отпадая и разносясь вѣтромъ, листья вновь являются деревьями, и черезъ нихъ нагія степи покрываются лѣсами. Но отъ листа дуба и родится дубъ, совершенно во всемъ подобный тому, отъ котораго произошолъ, и тѣмъ дубамъ, которые самъ произведетъ въ свою очередь. Стало быть, здѣсь только повтореніе одного и того же типа во множествѣ одинаковыхъ его проявленій; здѣсь, стало-быть, то или другое дерево—явленія совершенно случайныя, а важна только идея рода дерева, который, возникши разъ, вѣчно повторяетъ себя черезъ однообразный процессъ органическаго развитія. Не таково общество: никто не помнитъ его историческаго начала, теряющагося въ туманной дали безсознательнаго младенчества; никто не скажетъ, гдѣ конецъ его развитія, ни того, что́ будетъ съ нимъ завтра, судя по вчера. И между тѣмъ, хотя его завтра и всегда заключено въ его вчера, однако завтра никогда не походитъ на вчера, если только общество живетъ исторической, а не одною эмпирическою жизнію.

Цѣлый циклъ жизни отжила наша Русь, и, возрожденная, преображенная Петромъ Великимъ, начала новый циклъ жизни. Первый продолжался болѣе восьми вѣковъ; отъ начала втораго едва прошло одно столѣтіе: но, Боже мой, какая неизмѣримая разница въ значеніи и объемѣ жизни, выраженныхъ этими восемью вѣками и этимъ однимъ вѣкомъ! Иногда въ жизни одного человѣка бываетъ день такого полнаго блаженства и такого глубокаго смысла, что передъ этимъ днемъ всѣ остальные годы жизни его, какъ бы они многочисленны ни были, кажутся только мгновеніемъ ка-

кого-то темнаго, смутнаго и тяжелаго сна. То же самое бываетъ и съ народами; то же самое было и съ Русью. Здѣсь мы опять должны сдѣлать оговорку, чтобъ добрые люди, любящіе толковать навыворотъ чужія мысли, не вздумали буквально понять нашего сравненія: единичный человѣкъ (индивидуумъ) и народъ—не одно и то же, какъ и счастливый день въ жизни человѣка и великая эпоха въ исторіи народа—не одно и то же. Подвигъ Петра Великаго не ограничился днями его царствованія, но совершался и послѣ его смерти, совершается теперь, и будетъ безконечно совершаться въ грядущихъ временахъ, и все въ болѣе громадныхъ размѣрахъ, все въ бо̀льшемъ блескѣ и бо̀льшей славѣ... И до Петра Великаго текло время, и поколѣнія смѣнялись поколѣніями; но эта смѣна состояла только въ томъ, что старики умирали, а дѣти заступали ихъ мѣсто на аренѣ жизни, а не въ живой послѣдовательности живыхъ идей. Поколѣніе смѣнялось поколѣніемъ, а идеи оставались все тѣ же, и послѣдующее поколѣніе такъ же походило на предшествующее, какъ одинъ листокъ походитъ на тысячи другихъ листьевъ одного и того же дерева. Правнукъ вѣнчался въ парадномъ кафтанѣ прадѣда, а внучка въ той же тѣлогрѣйкѣ, въ которой вѣнчалась ея бабушка; и все тѣ же тутъ свахи, тѣ же дружки, тѣ же пиры и проч... Ходъ времени измѣрялся круговращеніемъ планеты, ея вѣчною весною, за которою всегда слѣдовали лѣто, осень и зима, да еще лицами и именами, а не идеями,—случайными фактами, а не стройнымъ развитіемъ. Война или потрясала на время внѣшнее благоденствіе государства, или укрѣпляла и расширяла его извнѣ, а внутри все оставалось неизмѣннымъ... Явился исполинъ-преобразователь, привилъ къ плодородной и дѣвственной почвѣ русской натуры зерно европейской жизни,—и съ небольшимъ въ столѣтіе Русь пережила нѣсколько столѣтій. Развитіе Руси и доселѣ носитъ на себѣ отпечатокъ могучаго характера ея преобра-

зованія: она ростетъ не по днямъ, а по часамъ, какъ ея сказочные богатыри. Изъ многихъ сторонъ возьмемъ ближайшую къ предмету нашей статьи—литературу по отношенію къ обществу: давно ли завелась она у насъ, а уже сколько слоевъ осѣлось на днѣ ея недавняго прошедшаго, сколько поколѣній рѣзко обозначилось въ сферѣ ея движенія! И теперь еще на Руси есть цѣлая публика, хотя и небольшая, которая отъ всей души убѣждена, что Ломоносовъ «нашихъ странъ Малербъ и Пиндару подобенъ», что Херасковъ—«нашъ Гомеръ, воспѣвшій древни брани, Россіи торжество, паденіе Казани», что Сумароковъ въ притчахъ побѣдилъ Лафонтена, а въ трагедіяхъ далеко оставилъ за собою и Корнеля, и Расина, и господина Вольтера, и что съ этими тремя поэтами кончился цвѣтущій вѣкъ россійской словесности. Поклонники Державина уже холоднѣе къ нимъ, хотя все еще высоко ставятъ ихъ въ своемъ понятіи: извѣстно, что Державинъ съ горестью признавался, «сколь трудно соединить плавность Хераскова съ силою стиховъ Петрова». Вообще, до Карамзина особенно трудно прослѣдить измѣненіе литературныхъ понятій въ поколѣніяхъ; но съ Карамзинымъ начинается совершенно новая литература и совершенно новое общество: къ стукотнѣ громкихъ одъ до того прислушались, что ужь больше писали и хвалили ихъ (и то по преданію), чѣмъ читали; плакали надъ «Бѣдною Лизою», твердили нѣжные стихи ея творца «Пой во мракѣ тихой рощи, нѣжный, кроткій соловей», «Кто могъ любить такъ страстно» и пр.; зачитывали до лоскутковъ книжки умно, ловко и талантливо составляемаго имъ «Вѣстника Европы»; въ умныхъ, прекрасно, по своему времени, обработанныхъ стихахъ Дмитріева, думали видѣть бездну поэзіи... Литературное поколѣніе до Карамзина было торжественное: парадъ и иллюминація были неисчерпаемымъ источникомъ его вдохновеній, его громкихъ одъ. Остроумный Дмитріевъ мѣтко и ловко ха-

рактеризировалъ это поколѣніе въ своей прекрасной сатирѣ «Чужой Толкъ». Слѣдовавшее затѣмъ поколѣніе было чувствительное: оно охало, проливало токи слезны и воздыхало въ стихахъ и прозѣ. Любовь замѣнила славу, миртовые вѣнки вытѣснили лавровые, горлицы своимъ томнымъ воркованіемъ заглушали громкій клектъ орловъ. Права на любовь состояли въ нѣжности, въ одной нѣжности. Счастливый любовникъ восклицалъ своей Хлоѣ: «Мы желали—и свершилось!» Несчастный, отъ разлуки, или отъ измѣны, кротко и умиленно говорилъ милой или жестокой:

Двѣ горленки укажутъ
Тебѣ мой хладный прахъ.
Воркуя томно, скажутъ:
„Онъ умеръ во слезахъ!“

Нравственность при всемъ этомъ не забывалась и шла своимъ путемъ. Для доказательства этого, стоитъ только упомянуть о стократы-знаменитой пѣснѣ: «Всѣхъ цвѣточковъ болѣ», которая оканчивается слѣдующею сентенціею:

Хлоя, какъ ужасенъ
Этотъ намъ урокъ!
Сколь, увы, опасенъ
Для красы порокъ!

Въ этомъ чувствительномъ періодѣ русской литературы есть, конечно, своя смѣшная сторона, и надъ нею довольно посмѣялись послѣдовавшіе за тѣмъ періоды, воспроизводя его въ «Эрастахъ Чертополоховыхъ» и тому подобныхъ болѣе или менѣе остроумныхъ, болѣе или менѣе плоскихъ сатирахъ, какъ онъ самъ, въ «Чужомъ толкѣ», зло подтрунилъ надъ предшествовавшимъ ему торжественнымъ періодомъ. Это круговая порука: въ томъ и состоитъ жизненность развитія, что послѣдующему поколѣнію есть что отрицать въ предшествовавшемъ. Но это отрицаніе было бы пустымъ, мертвымъ и безплоднымъ актомъ, еслибъ оно

состояло только въ уничтоженіи стараго. Послѣдующее поколѣніе, всегда бросаясь въ противоположную крайность, однимъ уже этимъ показываетъ и заслугу предшествовавшаго поколѣнія, и свою отъ него зависимость, и свою съ нимъ кровную связь: ибо жизненная движимость развитія состоитъ въ крайностяхъ, и только крайность вызываетъ противоположную себѣ крайность. Результатомъ ошибки двухъ крайностей бываетъ истина, однакожъ эта истина никогда не бываетъ удѣломъ ни одного изъ поколѣній, выразившихъ собою ту или другую крайность, но всегда бываетъ удѣломъ третьяго поколѣнія, которое, часто даже смѣясь надъ предшествовавшими ему торжественными и чувствительными поколѣніями, безсознательно пользуется плодомъ ихъ развитія, истинною стороною выраженной ими крайности; а иногда, думая продолжать ихъ дѣло, творитъ новое, свое собственное, которое само по себѣ опять можетъ быть крайностію, но которое тѣмъ выше и превосходнѣе кажется, чѣмъ больше воспользовалось истинною стороною труда предшествовавшихъ поколѣній. Такъ Жуковскій—этотъ литературный Коломбъ Руси, открывшій ей Америку романтизма въ поэзіи, повидимому дѣйствовалъ какъ продолжитель дѣла Карамзина, какъ его сподвижникъ, тогда какъ въ самомъ-то дѣлѣ онъ создалъ свой періодъ литературы, который ничего не имѣлъ общаго съ Карамзинскимъ. Правда, въ своихъ прозаическихъ переводахъ, въ своихъ оригинальныхъ прозаическихъ статьяхъ и большей части своихъ оригинальныхъ стихотвореній, Жуковскій былъ не больше, какъ даровитый ученикъ Карамзина, шагнувшій дальше своего учителя; но истинная, великая и безсмертная заслуга Жуковскаго русской литературѣ состоитъ въ его стихотворныхъ переводахъ изъ нѣмецкихъ и англійскихъ поэтовъ и въ подражаніяхъ нѣмецкимъ и англійскимъ поэтамъ. Жуковскій внесъ романтическій элементъ въ русскую поэзію: вотъ его великое дѣло, его великій

подвигъ, который такъ несправедливо нашими аристархами былъ приписываемъ Пушкину. Но Жуковскій, нисколько не зависимый отъ предшествовавшихъ ему поэтовъ въ своемъ самобытномъ дѣлѣ введенія романтизма въ русскую поэзію, не могъ не зависѣть отъ нихъ въ другихъ отношеніяхъ: на него не могла не дѣйствовать крѣпость и полётистость поэзіи Державина, и ему не могла не помочь реформа въ языкѣ, совершенная Карамзинымъ. Карамзинъ вывелъ юный русскій языкъ на большую ровную дорогу изъ дебрей, тундръ и избитыхъ проселочныхъ дорогъ славянизма, схоластизма и педантизма; онъ возвратилъ ему свободу, естественность, сблизилъ его съ обществомъ. Но связь Карамзина и его школы (въ которой послѣ него первое и почетное мѣсто долженъ занимать Дмитріевъ) съ Жуковскимъ, заключается не въ одномъ языкѣ: пробудивъ и воспитавъ въ молодомъ и потому еще грубомъ обществѣ чувствительность, какъ ощущеніе (sensation), Карамзинъ, черезъ это самое, приготовилъ это общество къ чувству (sentiment), которое пробудилъ и воспиталъ въ немъ Жуковскій. Какъ ни безконечно-неизмѣримо пространство, отдѣляющее «Бѣдную Лизу», «Островъ Борнгольмъ» Карамзина, его же и Дмитріева нѣжные и чувствительные пѣсни и романсы, отъ «Эоловой Арфы», «Кассандры», «Ахилла», «Не узнавай, куда я путь склонила», «Орлеанской дѣвы» Жуковскаго; но общество не поняло бы послѣднихъ, еслибъ не перешло черезъ первыя. И этотъ переходъ былъ тѣмъ естественнѣе, что у самаго Жуковскаго были піесы, посредствующія для такого перехода, какъ то «Людмила», «Свѣтлана», «Двѣнадцать спящихъ Дѣвъ», «Пустынникъ», «Алина и Альсимъ» и т. п. Новый элементъ, внесенный Жуковскимъ въ русскую литературу, былъ такъ глубоко знаменателенъ, что не могъ ни быть скоро понятъ, ни произвести скорыхъ результатовъ на литературу, и потому Жуковскаго величали балладникомъ, пѣвцовъ могилъ

и привидѣній,— а подражатели его наводняли и книги и журналы чудовищными кладбищными балладами,—въ чемъ и заключается смѣшное этого періода русской литературы. Впрочемъ, Жуковскій такъ же виноватъ въ смѣшномъ этого періода, какъ Шекспиръ въ уродливыхъ и нелѣпыхъ нѣмецкихъ трагедіяхъ Грильпарцера, Раупаха, Шенка и подобныхъ имъ. Кромѣ того, надо замѣтить, что смыслъ поэзіи Жуковскаго обозначился для общества позднѣе, уже при Пушкинѣ, а до тѣхъ поръ, особенно при началѣ поприща Жуковскаго, литература русская представляла собою смѣшеніе разныхъ элементовъ, новое и старое, дружно дѣйствовавшее: Капнистъ допѣвалъ свои длинныя элегическія разсужденія въ стихахъ; Озеровъ сдѣлалъ изъ французской трагедіи все, что можно было сдѣлать изъ нея для Россіи, и въ лицѣ его французскій псевдоклассицизмъ совершилъ на руси полный свой циклъ, такъ что Озеровъ былъ у насъ послѣднимъ даровитымъ его представителемъ; Крыловъ продолжалъ созданіе народной басни; Пушкинъ (Василій) считался однимъ изъ знаменитѣйшихъ поэтовъ; Батюшковъ, какъ талантъ сильный и самобытный, былъ неподражаемымъ творцомъ своей особенной поэзіи на Руси; князь Вяземскій былъ творцомъ особенной, такъ называемой свѣтской поэзіи, и по справедливости почитался лучшимъ критикомъ своего времени, блестящимъ, живымъ и несвязаннымъ классическою схоластикою, которая такъ много повредила критическому вліянію Мерзлякова на общество. Съ появленіемъ Пушкина все измѣнилось, и новое поколѣніе рѣзче, чѣмъ когда-либо, отдѣлилось отъ стараго. Между прочими элементами началъ проникать въ русскую литературу элементъ историческій и сатирическій, въ которомъ выразилось стремленіе общества къ самосознанію. Пользуясь этимъ направленіемъ времени, нѣкоторые ловкіе литературщики съ успѣхомъ пустили въ ходъ разные нравоописательные, нравственно-сатиритическіе и исправительно-

исторические романы и повѣсти, которые будто-бы изображали Русь, но въ которыхъ русскаго было — одни собственные имена разныхъ Совѣстдраловъ и резонёровъ. Но тутъ были и достойныя уваженія исключенія, изъ которыхъ самое яркое — романы и повѣсти талантливаго, но не развившагося Нарѣжнаго. Въ Гоголѣ это направленіе нашло себѣ вполнѣ достойнаго и могучаго представителя.

Но мы здѣсь пишемъ не исторію русской литературы, а только слегка обозначаемъ моментальную послѣдовательность общественнаго развитія, которое въ каждомъ поколѣніи имѣло своего представителя. Еще и теперь есть люди, которые съ восторгомъ повторяютъ монологи изъ «Димитрія самозванца» и «Хорева», и даже печатаютъ восторженныя книжки о поэтическомъ геніи Сумарокова: эти люди — утлые остатки нѣкогда юнаго, живаго и многочисленнаго поколѣнія; въ ихъ хриплomъ старческомъ голосѣ, въ ихъ запоздалыхъ восторгахъ, слышится голосъ невозвратно прошедшаго для насъ времени. Другіе вздыхаютъ о «Титовомъ Милосердіи», «Рославлѣ» и «Сбитеньщикѣ» Княжнина, говоря про себя: «что теперь пишутъ — и читать нечего!» Третьи со слезами на глазахъ, но уже не споря, говорятъ равнодушному новому поколѣнію о томъ, что послѣ «Эдипа», «Димитрія Донскаго», «Поликсены» и «Фингала» не зачѣмъ и ѣздить въ театръ. Есть люди, для которыхъ русская поэзія умерла съ Ломоносовымъ и Державинымъ, и которые хотя не оспориваютъ заслугъ Жуковскаго, однако и не охотно говорятъ о нихъ. Есть люди, которые не иначе могутъ восхищаться Жуковскимъ, какъ отрицая всякое поэтическое достоинство въ Пушкинѣ. Но сколько теперь такихъ, которые, юношами встрѣтивъ первые опыты таланта Пушкина, остановились на Пушкинѣ, не въ силахъ ни на шагъ двинуться впередъ, и откровенно признаются, что не видятъ ничего особеннаго и необыкновеннаго въ Гоголѣ. Другіе же, которыхъ первыя созданія Гоголя застали еще

въ порѣ юности, въ порѣ живой и быстрой воспріемлемости впечатлѣній и способности умственнаго движенія,— высоко цѣнятъ и Пушкина и Гоголя; но даже и не подозрѣваютъ существеннаго значенія Лермонтова. Это, впрочемъ, не значитъ, чтобъ они не признавали въ Лермонтовѣ таланта: пѣть, кто отъ поэзіи Пушкина перешелъ черезъ поэзію Гоголя, тотъ уже по неволѣ видитъ дальше и глубже людей, остановившихся на Пушкинѣ, и не можетъ не восхищаться опытами Лермонтова; но восхищаться поэтомъ и понимать его—это не всегда одно и то же... И всѣ эти поклонники разныхъ мнѣній, живутъ въ одно и то же время, раздѣляясь на пестрые группы представителей и прешедшихъ уже, и проходящихъ, и существующихъ еще поколѣній... И ихъ существованіе есть признакъ жизни и развитія общества, въ которое нравственный Преобразователь-Зиждитель вдохнулъ душу живу, да живетъ вѣчно!... И чѣмъ больше количество, чѣмъ пестрѣе разнообразіе представителей прошедшихъ вкусовъ и мнѣній,—тѣмъ ярче и поразительнѣе выказывается жизненность общественнаго развитія. Отсталые могутъ возбуждать сожалѣніе и состраданіе, какъ люди заживо умершіе, какъ дряхлый старецъ, окруженный однѣми могилами милыхъ ему существъ, живущій однѣми воспоминаніями о невозвратно прошедшей порѣ счастія, чуждый и холодный для всѣхъ надеждъ и обольщеній, которыми кипятъ не-родныя ему новыя поколѣнія; но едва ли справедливо было презирать этихъ отсталыхъ, а тѣмъ болѣе обвинять ихъ. Благо тому, кто, «отличенный Зевеса любовію», неугасимо носитъ въ сердцѣ своемъ Прометеевъ огонь юности, всегда живо сочувствуя свободной идеѣ и никогда не покоряясь оцѣпеняющему времени, или мертвящему факту,—благо ему: ибо эта божественная способность нравственной движимости есть столько же рѣдкій, сколько и драгоцѣнный даръ неба, и не многимъ избраннымъ ниспосылается онъ! Прочувствовать ве-

ликаго поэта, вполнѣ выразившаго собою моментъ общественнаго развитія,—это значитъ пережить цѣлую жизнь, принять въ себя цѣлый, отдѣльный и самобытный міръ мысли, слѣдовательно, дать своему нравственному существованію особенную настроенность, отлить духъ свой въ особую форму. И потому только слишкомъ глубокая и сильная натура способна бываетъ принимать въ себя все, ничѣмъ не переполняясь, и носить въ груди своей цѣлые міры, всегда жаждая новыхъ. Но большей части, людямъ трудно отрываться отъ того, что разъ наполнило ихъ, разъ овладѣло ими, и они враждебно, какъ на ересь, смотрятъ на то, что наполняетъ и владѣетъ уже чуждыми имъ поколѣніями. Всякая литература не безъ живыхъ примѣровъ въ этомъ родѣ. Такъ иной пожилой критикъ, ci-devant поборникъ высшихъ взглядовъ и новыхъ идей, а теперь отсталой обскурантъ, такъ же точно и тѣми же словами нападаетъ на новаго великаго поэта и его почитателей, какъ нѣкогда нападали люди стараго поколѣнія на прежняго великаго поэта и его почитателей... Онъ и не подозрѣваетъ, что онъ повторяетъ жалкую роль тѣхъ самыхъ людей, которыхъ нѣкогда, можетъ быть, онъ первый заклеймилъ именемъ «отсталыхъ», что онъ теперь бросаетъ въ молодое поколѣніе тою же грязью, которою нѣкогда швыряли въ него классическіе парики, и что, подобно имъ, онъ только себя мараетъ этою грязью... Такое зрѣлище можетъ возбуждать лишь болѣзненное состраданіе—больше ничего.

На такія мысли навела насъ маленькая книжка г. Баратынскаго, названная имъ «Сумерками». Все, сказанное нами—нисколько не отступленіе отъ предмета статьи, не вступленіе съ яицъ Леды: нѣтъ, эти мысли возбудила въ насъ поэтическая дѣятельность г. Баратынскаго, и подъ вліяніемъ этихъ мыслей хотимъ мы разсмотрѣть ее критически. Кто скоро ѣдетъ, тому кажется, что онъ стоитъ, а все мимо его мчится: вотъ почему Россіи и не замѣтенъ

ея собственный ходъ, между тѣмъ, какъ она не только не стоитъ на одномъ мѣстѣ, но, напротивъ, движется впередъ съ неимовѣрною быстротою. Эта быстрота движенія выразилась и въ литературѣ. Голова кружится, когда подумаешь о разстояніи, которое раздѣляетъ предпрошлое десятилѣтіе (1820—1830) отъ прошлаго (1830—1840); а прошлое десятилѣтіе отъ этихъ двухъ протекшихъ лѣтъ настоящаго! Подлинно, скажешь:

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!

Давно ли было это наводненіе альманаховъ, которое затопило было всѣ библіотеки; давно ли издавался «Телеграфъ», котораго мнѣнія были такъ новы и глубоки, и который такъ справедливо величался своимъ чрезвычайнымъ расходомъ, опираясь на 12000 постоянныхъ подписчиковъ? Давно ли литература наша гордилась такимъ множествомъ (увы! забытыхъ теперь) знаменитостей, которыя были потому велики, что одна написала плохую романтическую трагедію и дюжину водяныхъ элегій; другая — издала альманахъ, третья—затѣяла листокъ, четвертая напечатала отрывокъ изъ неоконченной поэмы, пятая тиснула въ пріятельскомъ журналѣ нѣсколько невинныхъ и довольно пріятныхъ разсказовъ?... Давно ли Марлинскій былъ геніемъ? Давно ли повѣсти не только г. Полеваго, но и г. Погодина считались необходимымъ украшеніемъ и альманаха и журнала? Давно ли на «Ивана Выжигина» смотрѣли чуть-чуть не какъ на геніяльное сочиненіе? Давно они наводятъ на грустную думу о непостоянствѣ сего треволненнаго міра...

Нѣтъ; еще одинъ вопросъ! Давно ли г. Баратынскій, вмѣстѣ съ г. Языковымъ, составлялъ блестящій тріумвиратъ, главою котораго былъ Пушкинъ? А между тѣмъ, какъ уже давно одинокою стоитъ колоссальная тѣнь Пушкина, и, мимо своихъ современниковъ и сподвижниковъ, подаетъ руку поэту новаго поколѣнія, котораго талантъ засталъ и

оцѣнилъ Пушкинъ еще при жизни своей!... Давно ли каждое новое стихотвореніе г. Баратынскаго, явившееся въ альманахѣ, возбуждало вниманіе публики, толки и споры рецензентовъ?... А теперь тихо, скромно появляется книжка съ послѣдними стихотвореніями того же поэта — и о ней уже не говорятъ и не спорятъ, о ней едва упомянули въ какихъ-нибудь двухъ журналахъ, въ отчетѣ о выходѣ разныхъ книгъ, стихотворныхъ и прозаическихъ... Да не подумаютъ, что мы этимъ хотимъ сказать, что дарованіе г. Баратынскаго не значительно, что оно пользовалось незаслуженною славою: нѣтъ, мы далеки отъ подобнаго мнѣнія; мы высоко уважаемъ яркій, замѣчательный талантъ поэта уже чуждаго намъ поколѣнія, и потому именно, что уважаемъ его, хотимъ, въ обозрѣніи его поэтической дѣятельности, показать, почему его произведенія, будучи и теперь изящными, какъ и всегда были, уже не имѣютъ теперь той цѣны, какую имѣли прежде.

Такія явленія всегда имѣютъ двѣ причины: одна заключается въ степени таланта поэта, другая въ духѣ эпохи, въ которую дѣйствовалъ поэтъ. Никто не можетъ стать выше средствъ, данныхъ ему природою; но историческій и общественный духъ эпохи или возбуждаетъ природныя средства дѣйствователя до высшей степени свойственной имъ энергіи, или ослабляетъ и парализируетъ ихъ, заставляя поэта сдѣлать меньше, чѣмъ бы онъ могъ. Отношенія поэта къ его эпохѣ бываютъ двояки: или онъ не находитъ въ ея сферѣ жизненнаго содержанія для своего таланта; или, не слѣдя за современнымъ духомъ, онъ не можетъ воспользоваться тѣмъ жизненнымъ содержаніемъ, какое могла бы представить его таланту эпоха. Въ каждомъ изъ этихъ случаевъ результатъ одинъ—безвременный упадокъ таланта и безвременная утрата справедливо стяжанной славы. Открытіе причинъ такого печальнаго конца блестящимъ образомъ начатаго поприща, не принесетъ пользы поэту,

о которомъ идетъ дѣло; но уроки прошедшаго полезны для настоящаго и будущаго,—и одна изъ обязанностей основательной критики—обращать вниманіе на такіе уроки.

Было время, когда русская критика состояла изъ замѣтокъ объ отдѣльныхъ стихахъ. «Какой гармоническій стихъ! какъ удачно воспользовался поэтъ звукоподражаніемъ: въ этомъ стихѣ слышенъ рокотъ грома и завыванія вѣтра. Но слѣдующій за тѣмъ стихъ оскорбляетъ слухъ какофоніею, и притомъ, послѣ отрицательной частицы *не* поставленъ винительный падежъ, вмѣсто родительнаго. А вотъ въ этомъ стихѣ и ударенія не правильны и усѣченія многочисленны: конечно, піитическія вольности дозволяются стихотворцамъ, но онѣ должны имѣть свои границы. Какъ удачно, вотъ въ этомъ стихѣ, выражена нѣжность пастушки, и сколько простодушія и невинности въ ея отвѣтѣ!» Такъ, или почти такъ критиковали поэтовъ наши аристархи добраго стараго времени. Съ двадцатыхъ годовъ текущаго столѣтія стали критиковать иначе. Вмѣсто филологическихъ, грамматическихъ и просодическихъ замѣтокъ, вмѣсто похвалъ или порицаній отдѣльно взятымъ стихамъ, стали дѣлать эстетическія замѣчанія на отдѣльныя мѣста поэтическаго произведенія: такой-то характеръ выдержанъ, а такой-то не выдержанъ, такое-то мѣсто поразительно своимъ драматизмомъ, или своимъ лиризмомъ, а такое-то слабо, и т. п. Эта критика была большимъ шагомъ впередъ; но теперь и она неудовлетворительна. Теперь требуютъ отъ критики, чтобъ, не увлекаясь частностями, она оцѣнила цѣлое художественнаго произведенія, раскрывъ его идею и показавъ, въ какомъ отношеніи находится эта идея къ своему выраженію, и въ какой степени изящество формы оправдываетъ вѣрность идеи, а вѣрность идеи способствуетъ изяществу формы. Если же дѣло идетъ о цѣлой поэтической дѣятельности поэта, то отъ современной критики требуютъ не восклицаній въ родѣ слѣдующихъ:

«сколько души и чувства въ этой элегіи г. N., сколько силы и глубокости въ этой его одѣ, какими поразительными положеніями изобилуетъ его поэма, какъ вѣрно выдержаны характеры въ его драмѣ!» Нѣтъ, отъ современной критики требуютъ, чтобъ она раскрыла и показала духъ поэта въ его твореніяхъ, прослѣдила въ нихъ преобладающую идею, господствующую думу всей его жизни, всего его бытія, обнаружила и сдѣлала яснымъ его внутреннее созерцаніе, его паѳосъ.

Если мы скажемъ, что преобладающій характеръ поэзіи г. Баратынскаго есть элегическій, то скажемъ истину, но этимъ еще ничего не объяснимъ, ибо характеръ чьей бы то ни было поэзіи еще не составляетъ ея сущности, какъ физіономія не составляетъ сущности человѣка, хотя и намекаетъ на нее. Чтобъ объяснить то и другое, должно раскрыть идею и въ ней найдти причину и разгадку характера и физіономіи. Что́ такое элегическій тонъ въ чьей бы то ни было поэзіи?—грустное чувство, которымъ проникнуты созданія поэта. Но чувство само по себѣ еще не составляетъ поэзіи: надо, чтобъ чувство было рождено идеею и выражало идею. Безсмысленныя чувства—удѣлъ животныхъ; они унижаютъ человѣка. Къ чести г. Баратынскаго должно сказать, что элегическій тонъ его поэзіи происходитъ отъ думы, отъ взгляда на жизнь, и что этимъ самымъ онъ отличается отъ многихъ поэтовъ, вышедшихъ на литературное поприще вмѣстѣ съ Пушкинымъ. Разсмотримъ же идею, которая проникаетъ собою созданія г. Баратынскаго и составляетъ паѳосъ его поэзіи. Возьмемъ для этого одно изъ лучшихъ, хотя и позднѣйшихъ его произведеній — «Послѣдній Поэтъ». Въ этой піесѣ поэтъ высказался весь, со всею тайною своей поэзіи, со всѣми ея достоинствами и недостатками. Разберемъ же ее всю отъ слова до слова.

Вѣкъ шествуетъ путемъ своимъ желѣзнымъ,
Въ сердцахъ корысть, и общая мечта
Часъ отъ часу насущнымъ и полезнымъ
Отчетливѣй, безстыднѣй занята.
Изчезнули при свѣтѣ просвѣщенья
Поэзіи ребяческіе сны,
И не о ней хлопочутъ поколѣнья,
Промышленнымъ заботамъ преданы.

По этой энергіи и поэтической красотѣ стиховъ, ужъ тотчасъ видно, что поэтъ выражаетъ свое profession de foi, передаетъ огненному слову давно накипѣвшія въ груди его жгучія мысли... Настоящій вѣкъ служитъ исходнымъ пунктомъ его мысли; *по немъ* онъ дѣлаетъ заключеніе, что близко время, когда проза жизни вытѣснитъ всякую поэзію, высохнутъ растлѣнныя корыстію и разсчетомъ сердца людей, и ихъ вѣрованіемъ сдѣлается «насущное» и «полезное»... Какая страшная картина! Какъ безотрадно будущее! Поэзіи болѣе нѣтъ. Куда же дѣвалась она? — «изчезла при свѣтѣ просвѣщенія»... Итакъ, поэзія и просвѣщеніе — враги между собою? Итакъ, только невѣжество благопріятно поэзіи? Неужели это правда? Не знаемъ: такъ думаетъ поэтъ—не мы... Впрочемъ, поэтъ говоритъ не о поэзіи, но о «ребяческихъ снахъ поэзіи», а это — другое дѣло! Но посмотримъ, какъ разовьется далѣе мысль поэта

Для ликующей свободы
Вновь Эллада ожила,
Собрала свои народы
И столицы подняла:
Въ ней опять цвѣтутъ науки,
Дышитъ роскошь, блещетъ вкусъ;
Но не слышны лиры звуки
Въ первобытномъ раѣ музъ!

Блеститъ зима дряхлѣющаго міра,
Блеститъ! Суровъ и блѣденъ человѣкъ:
Но зелены въ отечествѣ Омира

Холмы, лѣса, брега лазурныхъ рѣкъ;
Цвѣтетъ Парнасъ! предъ нимъ, какъ въ оны годы,
Кастальскій ключъ живой струею бьетъ:
Нежданный сынъ послѣднихъ силъ природы,
Возникъ поэтъ: идетъ онъ и поетъ.

Теперь любопытно, о чемъ онъ поетъ; любопытно потому особенно, что въ его пѣснѣ ясно должна высказаться мысль автора этой піесы.

Воспѣваетъ простодушный
Онъ любовь и красоту,
И науки, *имъ ослушной*,
Пустоту и суету:
Мимолетныя страданья,
Легкомыслiемъ цѣля,
Лучше, смертный, въ дни незнанья,
Радость чувствуетъ земля!

А, вотъ что! теперь мы понимаемъ! Наука ослушна (т. е. непокорна) любви и красотѣ; наука пуста и суетна! Нѣтъ страданій глубокихъ и страшныхъ, какъ основнаго, первосущнаго звука въ аккордѣ бытія; страданіе мимолетно—его должно изцѣлять легкомыслiемъ; въ дни незнанія (т. е. невѣжества) земля лучше чувствуетъ радость!...

Это стихотвореніе написано въ 1835 году отъ Р. Х.!...

Какъ жаль, что люди не знаютъ языка, напримѣръ, птичьяго: какіе должны быть удивительные поэты между птицами! Вѣдь птицы не знаютъ глубокихъ страданій—ихъ страданія мимолетны, и онѣ цѣлятъ ихъ не только легкомыслiемъ, но даже и совершеннымъ безсмыслiемъ—что̀ для поэзіи еще лучше; а о наукахъ птицы и не слыхивали, стало быть, и понятія не имѣютъ о пустотѣ и суетѣ наукъ; что̀ же касается до незнанія—птицы ушли дальше его—онѣ пребываютъ въ рѣшительномъ невѣжествѣ... Какія благопріятныя обстоятельства для поэзіи, и какъ жаль, что, по незнанію птичьяго языка, мы не знакомы съ птичьею поэзіею!...

Но, полно, правъ ли поэтъ въ своей основной мысли? Полно, невѣжествомъ ли сильна поэзія? По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ извѣстно всему грамотному свѣту, что сильнѣйшее развитіе изящныхъ искусствъ совершалось только у просвѣщеннѣйшихъ народовъ міра — Грековъ, Римлянъ, Итальянцевъ, Англичанъ, Французовъ и Нѣмцевъ,—а не у Чукчей, Коряковъ и Самоѣдовъ...

Поклонникамъ Уранія холодной
Поетъ, увы! онъ благодать страстей:
Какъ нажити Эолъ буреногодный,
Плодотворятъ онѣ сердца людей;
Живительнымъ дыханіемъ развита,
Фантазія подъемлется отъ нихъ,
Какъ нѣкогда возникла Аѳродита
Изъ пѣнистой пучины волнъ морскихъ.
И зачѣмъ не предадимся
Снамъ улыбчивымъ своимъ?
Жаркимъ сердцемъ покоримся
Думамъ хладнымъ, а не имъ?
Вѣрьте сладкимъ убѣжденьямъ
Васъ ласкающихъ очесъ
И отраднымъ откровеньямъ
Сострадательныхъ небесъ!

Какіе чудные, гармоническіе стихи! Не грѣхъ ли заставить ихъ выражать такія неосновательныя мысли? И удивительно ли, что—

Суровый смѣхъ ему отвѣтомъ; персты
Онъ на струнахъ своихъ остановилъ,
Сомкнулъ уста *вещать полуотверсты* (?),
Но гордыя главы не преклонилъ.
Стопы свои онъ въ мысляхъ направлятъ
Въ нѣмую глушь, въ безлюдный край; *но свыть*
Ужъ праздная вертепа не являтъ,
И на земли уединенья нѣтъ!

Сила грустнаго чувства словно молнія проблеснула въ послѣднихъ стихахъ этого куплета: видно, что мысль стихо-

творенія явилась въ скорбяхъ рожденія! Видно, что она вышла не изъ праздно-мечтающей головы, а изъ глубоко-растерзаннаго сердца... И тѣмъ не менѣе все-таки она—ложная мысль!

Человѣку непокорно
Море синее одно:
И свободно и просторно
И привѣтливо оно;
И лица не измѣнило
Съ дня, въ который Аполлонъ
Поднялъ вѣчное свѣтило
Въ первый разъ на небосклонъ

Эти стихи такъ хороши, такъ хороши, что напоминаютъ собою строфы, переведенныя Жуковскимъ изъ стихотвореній Шиллера, посвященныхъ древнему міру.

Оно шумитъ передъ скалой Левкада
На ней пѣвецъ, мятежной думы полнъ,
Стоитъ... въ очахъ блеснула вдругъ отрада:
Сія скала... тѣнь Сафо!... голосъ волнъ...
Гдѣ погребла любовница Фаона
Отверженной любви несчастный жаръ,
Тамъ погребетъ питомецъ Аполлона
Свои мечты, свой *безполезный* даръ!

Именно—безполезный даръ!...

И по-прежнему блистаетъ
Хладной роскошію свѣтъ:
Серебритъ и позлащаетъ
Свой безжизненный скелетъ;
Но въ смущеніе приводитъ
Человѣка гласъ морской,
И отъ шумныхъ водъ отходитъ
Онъ съ тоскующей душой!

Опять повторяемъ: какіе дивные стихи! Что, если бы они выражали собою истинное содержаніе! О тогда это стихо-

твореніе казалось бы произведеніемъ огромнаго таланта. А теперь, чтобъ насладиться этими гармоническими, полными души и чувства, стихами, надо сдѣлать усиліе: надо заставить себя стать на точку зрѣнія поэта, согласиться съ нимъ на минуту, что онъ правъ въ своихъ воззрѣніяхъ на поэзію и науку; а это теперь рѣшительно невозможно! И оттого, впечатлѣніе ослабѣваетъ, удивительное стихотвореніе кажется обыкновеннымъ.

Бѣдный вѣкъ нашъ—сколько на него нападокъ, какимъ чудовищемъ считаютъ его! И все это за желѣзныя дороги, за пароходы—эти великія побѣды его, уже не надъ матеріею только, но надъ пространствомъ и временемъ! Правда, духъ меркантильности уже черезчуръ овладѣлъ имъ; правда, онъ уже слишкомъ низко поклоняется златому тельцу; но это отнюдь не значитъ, чтобъ человѣчество дряхлѣло и чтобъ нашъ вѣкъ выражалъ собою начало этого дряхлѣнія: нѣтъ, это значитъ только, что человѣчество, въ XIX вѣкѣ, вступило въ переходный моментъ своего развитія, а всякое переходное время есть время дряхлѣнія, разложенія и гніенія. И пусть за этимъ дряхлѣніемъ послѣдуетъ смерть—что̀ нужды! Человѣчество совсѣмъ не то, что̀ человѣкъ: умирая, человѣкъ уже не существуетъ болѣе на землѣ; но человѣчество, какъ идеальная личность, составляющаяся изъ милліоновъ реальныхъ личностей, которыя если и убываютъ, за то и пребываютъ, — человѣчество старымъ и дряхлымъ умираетъ на землѣ для того, чтобъ на землѣ же воскреснуть юнымъ и крѣпкимъ. Уже не разъ оно было и младенцемъ, и юношею, мужемъ и старцемъ, умирало и воскресало, подобно фениксу изъ собственнаго пепла. Развѣ послѣдніе дни древне-языческаго міра, дни отъ царствованія Августа почти до царствованія Августула, не были днями разложенія, гніенія и смерти, и развѣ за ними не послѣдовало воскресенія и новаго младенчества человѣчества? Развѣ послѣдовавшія потомъ девять столѣтій

не были эпохою пылкой юности человѣчества, а съ пятнадцатаго вѣка не вступило оно въ свой возрастъ мужества? Восьмнадцатый вѣкъ былъ вѣкомъ его старости.... А сколько было частныхъ смертей, означившихъ собою эпоху перелома и возрожденія? И развѣ не были эпохами смерти—крестовые походы, когда вся Европа въ ужасѣ ожидала страшнаго суда, и всѣ народы ея двинулись въ Азію, чтобы въ своей колыбели найти и свой гробъ; или тридцатилѣтняя война, когда выжженная, обгорѣлая Германія походила на разграбленный станъ?... Итакъ, думать, что человѣчество когда-нибудь умретъ, и что нашъ вѣкъ есть его предсмертный вѣкъ,—значитъ не понимать, что̀ такое человѣчество, значитъ не имѣть высокой вѣры въ его высокое значеніе... Если нашъ вѣкъ и индустріаленъ по преимуществу, это нехорошо для нашего вѣка, а не для человѣчества: для человѣчества жѐ это очень хорошо, потому что черезъ это будущая общественность его упрочиваетъ свою побѣду надъ своими древними врагами — матеріею, пространствомъ и временемъ. При этомъ, нехудо не забывать, что нашъ индустріальный вѣкъ гордо называетъ своими сынами Гёте, Бетховена, Байрона, Вальтеръ-Скотта, Купера, Бераже и многихъ другихъ художниковъ. Неужели же это—все послѣдніе поэты? Много же ихъ!... Мы еще понимаемъ трусливыя опасенія за будущую участь человѣчества тѣхъ недостаточно вѣрующихъ людей, которые думаютъ предвидѣть его погибель въ индустріальности, меркантильности и поклоненіи тѣльцу златому; но мы никакъ не понимаемъ отчаянія тѣхъ людей, которые думаютъ видѣть гибель человѣчества въ наукѣ. Вѣдь человѣческое знаніе состоитъ не изъ одной математики и технологіи, вѣдь оно прилагается не къ однѣмъ желѣзнымъ дорогамъ и машинамъ... Напротивъ, это только одна сторона знанія, это еще только низшее знаніе,—высшее объемлетъ собою міръ нравственный, заключаетъ въ области своего вѣдѣнія

все, чѣмъ высоко и свято бытіе человѣческое, все, что составляетъ достоинство и величіе имени человѣческаго, всѣ тѣ великіе вопросы, которые присущны самой натурѣ человѣка, съ которыми онъ родится и которые носитъ въ груди своей... Кромѣ математики и технологіи, есть еще философія и исторія—одна какъ наука развитія въ мышленіи довременныхъ и безплотныхъ идей; другая — какъ наука осуществленія въ фактахъ, въ дѣйствительности, развитія этихъ довременныхъ идей, таинственныхъ и первосущныхъ матерей всего сущаго, всего раждающагося и умирающаго, и несмотря на то, вѣчно живущаго!...

Намъ, можетъ быть, скажутъ, что стихотвореніе не есть философская система, и что особенно по одному стихотворенію нельзя заключать о мыслительномъ воззрѣніи поэта на міръ. На первое мы дадимъ отвѣтъ ниже; вмѣсто же отвѣта на второе, перейдемъ къ другимъ стихотвореніямъ г. Баратынскаго: они отвѣтятъ за насъ:

Пока человѣкъ естества не пытался
Горниломъ, весами и мѣрой;
Но дѣтски вещаньямъ природы внимался,
Ловилъ ея знаменья съ вѣрой;
Покуда природу любилъ онъ, она
Любовью ему отвѣчала.
О немъ дружелюбной заботы полна,
Языкъ для него обрѣтала.
Почуя бѣду надъ его головой,
Вранъ каркалъ ему въ опасенье,
И замысла, въ пору смирясь предъ судьбой,
Воздерживалъ онъ дерзновенье.
На путь ему выбѣжавъ изъ лѣсу волкъ,
Крутясь и подъемля щетину
Побѣду пророчилъ, и смѣло свой полкъ
Бросалъ онъ на вражью дружину.
Чета голубиная, вѣя надъ нимъ,
Блаженство любви прорицала;
Въ пустынѣ безлюдной онъ не былъ однимъ,
Не чуждая жизнь въ ней дышала.

Но чувство презрѣвъ, онъ довѣрилъ уму;
Вдался въ суету изысканій...
И сердце природы закрылось ему,
И пять на земль прозваній!

Коротко и ясно: все наука виновата! Безъ нея, мы жили бы не хуже Ирокезовъ.... Но хорошо ли, но счастливо ли живутъ Ирокезы, безъ науки и знанія, безъ довѣренности къ уму, безъ суеты изысканій, съ уваженіемъ къ чувству, съ томагоукомъ въ рукѣ и въ вѣчной рѣзнѣ съ подобными себѣ? Нѣтъ ли и у нихъ, у этихъ счастливыхъ, этихъ блаженныхъ Ирокезовъ, своей «суеты испытаній», нѣтъ ли у нихъ своихъ понятій о чести, о правѣ собственности, своихъ мученій честолюбія, славолюбія? И всегда ли врачъ успѣваетъ предостерегать ихъ отъ бѣды, всегда ли волкъ пророчитъ имъ побѣду? Точно ли они—невинныя дѣти матери-природы?... Увы, нѣтъ, и тысячу разъ нѣтъ!... Только животныя безсмысленныя, руководимыя однимъ инстинктомъ, живутъ въ природѣ и природою. Дикарь-человѣкъ татуируетъ свое тѣло, пронзаетъ свои ноздри и уши (въ послѣднемъ недалеко ушелъ отъ него и просвѣщенный Европеецъ, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ своего прекраснаго пола—знакъ, что еще много ему работы для освобожденія себя отъ первобытнаго варварства), пронзаетъ свои ноздри и уши, чтобъ украшать ихъ блестящими привѣсками: варварство и грубость—безъ сомнѣнія; но уже этимъ самымъ варварствомъ онъ стоитъ выше животнаго. Животное родится готовымъ; чего не выростетъ на немъ, того не придѣлаетъ оно себѣ искусственно; оно не можетъ сдѣлаться ни лучше, ни хуже того, какимъ создала его природа. Человѣкъ бываетъ животнымъ только до появленія въ немъ первыхъ признаковъ сознанія; съ этой поры, онъ отдѣляется отъ природы и, вооруженный искусствомъ, борется съ нею всю жизнь свою. Это мы видимъ на дикаряхъ: они тѣ же люди, что и просвѣщенные Евро-

пейцы, и существенное ихъ различіе отъ послѣднихъ заключается только въ томъ, что ихъ искусственность неразумна: озарите ихъ свѣтомъ разума, и они свое татуированіе замѣнятъ одеждой, т. е. ложную искусственность замѣнятъ истинною. Но въ самыхъ дикостяхъ и нелѣпостяхъ этихъ несчастныхъ дѣтей природы видно уже порываніе выйдти изъ оковъ природы, порываніе отъ инстинкта къ разуму. Въ XVIII вѣкѣ величайшіе умы были наклонны видѣть въ дикаряхъ образецъ неиспорченной человѣческой природы; тогда эта мысль, вызванная крайностію гнившаго въ ложной искусственности европейскаго общества, была и нова и блестяща. Въ XIX вѣкѣ, эта мысль и стара и пошла.

Все мысль, да мысль! Художникъ бѣдный слова!
О жрецъ ея! тебѣ забвенья нѣтъ:
Все тутъ, да тутъ, и человѣкъ и свѣтъ,
И смерть, и жизнь, и правда безъ покрова.
Рѣзецъ, органъ, кисть! счастливъ, кто влекомъ
Къ нимъ чувственнымъ, за грань ихъ не ступая!
Есть хмѣль ему на праздникѣ земномъ!
Но предъ тобой, какъ предъ нагимъ мечемъ,
Мысль, острый лучъ! блѣднѣетъ жизнь земная!

И это понятіе объ отношеніи мысли къ искусству совершенно гармонируетъ съ понятіями г. Баратынскаго объ отношеніи ума къ чувству, науки къ жизни. Что такое искусство безъ мысли?—то же самое, что человѣкъ безъ души,—трупъ... И почему разумъ и чувство—начала враждебныя другъ другу? Если они враждебны, то одно изъ нихъ—лишнее бремя для человѣка. Но мы видимъ и знаемъ, что глупцы бываютъ лишены чувства, а безчувственные люди не отличаются умомъ. Мы видимъ и знаемъ, что преимущественное развитіе чувства насчетъ ума дѣлаетъ человѣка, самымъ счастливымъ образомъ одареннаго отъ природы, или фанатикомъ-звѣремъ, или старою бабою, суевѣрною и слабоумною; такъ же, какъ одинъ умъ безъ

чувства дѣлаетъ человѣка или безнравственнымъ существомъ, эгоистомъ, или сухимъ діалектикомъ, безжизненнымъ педантомъ, который во всемъ видитъ однѣ логическія формальности, и ни въ чемъ не видитъ души и содержанія. Очевидно, что разумъ и чувство — двѣ силы, равно нуждающіяся другъ въ другѣ, мертвыя и ничтожныя одна безъ другой. Чувство и разумъ—это земля и солнце: земля, въ своихъ таинственныхъ нѣдрахъ, скрываетъ растительную силу и всѣ зародыши плодовъ своихъ; солнце возбуждаетъ ея растительную силу— и радостно рвутся на свѣтъ его изъ темной роковой страны зеленѣющіе стебли ея порожденій... Такъ въ груди человѣка—въ этомъ подземномъ царствѣ темныхъ предчувствій и нѣмыхъ ощущеній, скрываются, словно въ землѣ, корни всѣхъ нашихъ живыхъ стремленій и страстныхъ помысловъ; но только свѣтъ разума можетъ и развивать, и крѣпить, и просвѣтлять эти ощущенія и чувства до мысли, — безъ него онѣ остаются или животнымъ инстинктомъ, или дикими страстями, черными демонами, устрояющими гибель человѣка... Чувство, въ свою очередь, есть дѣйствительность разума, какъ тѣло есть реальность души: безъ чувства, идеи холодны, свѣтятъ, а не грѣютъ, лишены жизненности и энергіи, неспособны перейдти въ дѣло. Итакъ, полнота и совершенство человѣческой натуры заключаются въ органическомъ единствѣ разума и чувства. Горе дому, который раздѣляется самъ на себя; горе человѣку, въ которомъ чувство возстанетъ на разумъ, или разумъ возстанетъ на чувство! И, однакожь, это горе неизбѣжное, необходимое, и мертвъ, ничтоженъ тотъ человѣкъ, который не испыталъ его! Чувство, по натурѣ своей стремится къ положенію, любитъ останавливаться на положительныхъ результатахъ; разумъ контролируетъ положенія чувства и, если не найдетъ ихъ основательными, отрицаетъ ихъ. Отсюда происходитъ мука со-

мнѣнія. Но безъ этого сомнѣнія, человѣкъ, остановившись разъ на извѣстномъ положеніи, и закоснѣлъ бы въ немъ, не двигаясь впередъ, слѣдовательно, не развиваясь, — не дѣлался бы изъ младенца отрокомъ, изъ отрока юношей, изъ юноши мужемъ, изъ мужа старцемъ, но до смерти своей оставался бы младенцемъ. Духъ сомнѣнія гонитъ человѣка отъ одного опредѣленія къ другому,—и благо тому, кто сомнѣвался въ извѣстныхъ истинахъ, не сомнѣваясь въ существованіи истины, ибо истины преходящи, но истина вѣчна!

Помнится намъ, г. Баратынскій гдѣ-то сказалъ что-то въ родѣ слѣдующей мысли: положеніе поэта трудно потому, что, въ одно и то же время, онъ находится подъ противоположнымъ вліяніемъ огненной творческой фантазіи обливающаго холодомъ разсудка. Мысль, не скажемъ несправедливая, но не точная: обливающій холодомъ разсудокъ дѣйствительно входитъ въ процессъ творчества, но когда?—въ то время, когда еще поэтъ вынашиваетъ въ себѣ концепирующееся свое твореніе, слѣдовательно, прежде, нежели приступитъ къ его изложенію, ибо поэтъ излагаетъ уже готовое произведеніе. Разумѣется, здѣсь должно предполагать высшіе таланты, потому что только низшіе сочиняютъ съ перомъ въ рукѣ, еще не зная сами, что̀ сочиняютъ они; или затрудняются въ выраженіи собственныхъ идей. Истинный поэтъ тѣмъ и великъ, что свободно даетъ образъ каждой глубоко прочувствованной имъ идеѣ, выражаетъ словомъ постижимое для одного ума и невыразимое для каждаго, кто не поэтъ.

Этотъ несчастный раздоръ мысли съ чувствомъ, истины съ вѣрованіемъ, составляетъ основу поэзіи г. Баратынскаго, и почти всѣ лучшія его стихотворенія проникнуты имъ. Въ одномъ изъ нихъ ему предстаетъ, въ горькую минуту, истина, и обѣщаетъ успокоить путемъ холоднаго безстрастія. Она говоритъ поэту:

Пускай со мной ты сердца жаръ погубишь,
Пускай, узнавъ людей,
Ты, можетъ-быть, испуганный разлюбишь
И ближнихъ и друзей.
Я бытія всѣ прелести разрушу,
Но умъ наставлю твой,
Я оболью суровымъ хладомъ душу!
Но дамъ душѣ покой.

Поэтъ въ трепетѣ отказывается отъ страшнаго дара «неземной гостьи»; но въ заключеніи, проситъ его у ней такъ:

.....Когда мое свѣтило
Во звѣздной вышинѣ
Начнетъ блѣднѣть, и все, что̀ сердцу мило,
Забыть придется мнѣ,
Явись тогда! открой мнѣ очи,
Мой разумъ просвѣти,
Чтобъ жизнь презрѣвъ, я могъ въ обитель ночи
Безропотно сойти.

Такъ, въ другомъ стихотвореніи, поэтъ окриляетъ надеждами обольщеній безумную юность, но, обращаясь къ «знающимъ», говоритъ:

Но вы, судьбину испытавшіе,
Тщету надеждъ, печали власть,
Вы знанье бытія пріявшіе
Себѣ на тягостную часть!
Гоните прочь ихъ рой прельстительный;
Такъ! доживайте жизнь въ тиши,
И берегите хладъ спасительный;
Своей бездѣйственной души.
Своимъ безчувствіемъ блаженные,
Какъ трупы мертвыхъ изъ гробовъ,
Волхвы, словами пробужденные,
Встаютъ со скрежетомъ зубовъ;
Такъ вы, согрѣвъ въ душѣ желанія,
Безумно вдавшись въ ихъ обманъ,
Проснетесь только для страданія
Для боли новой прежнихъ ранъ.

Большое, отличающееся превосходными стихами стихотвореніе «Послѣдняя Смерть» есть апоѳеоза всей поэзіи г. Баратынскаго. Въ немъ вполнѣ выразилось его міросозерцаніе. Поэтъ представляетъ, въ яркой картинѣ, кипящій жизнію міръ; потомъ, въ другой картинѣ, увяданіе міра, а въ третьей—

Прошли вѣка, и тутъ моимъ очамъ
Открылась ужасная картина:
Ходила смерть по сушѣ, по водамъ,
Свершалася живущая судьбина.
Гдѣ люди, гдѣ? скрывалися въ гробахъ!
Какъ древніе столпы на рубежахъ
Послѣднія семейства истлѣвали;
Въ развалинахъ стояли города,
По пажитямъ заглохнувшимъ блуждали
Безъ пастырей безумныя стада;
Съ людьми для нихъ изчезло пропитанье.
Мнѣ слышалось ихъ гладное блѣянье.
И тишина глубокая во слѣдъ
Торжественно повсюду воцарилась,
И въ дикую порфиру древнихъ лѣтъ
Державная природа облачилась.
Величественъ и грустенъ былъ *позоръ* (?)
Пустынныхъ водъ, лѣсовъ, долинъ и горъ.
По прежнему животворя природу,
На небосклонъ свѣтило дня взошло;
Но на землѣ ничто его восходу
Произнести привѣта не могло:
Одинъ туманъ надъ ней, синѣя вился
И жертвою чистительной дымился.

Великолѣпная фантазія, но не болѣе, какъ фантазія! И главный ея недостатокъ заключается въ томъ, что она вездѣ является чорнымъ демономъ поэта. Жизнь какъ добыча смерти, разумъ какъ врагъ чувства, истина какъ губитель счастія, — вотъ откуда проистекаетъ элегическій тонъ поэзіи г. Баратынскаго, и вотъ въ чемъ ея величай-

шій недостатокъ. Зданіе, построенное на пескѣ, не долговѣчно; поэзія, выразившая собою ложное состояніе переходнаго поколѣнія, и умираетъ съ тѣмъ поколѣніемъ, ибо для слѣдующихъ не представляетъ никакого сильнаго интереса въ своемъ содержаніи. Мало того: сдѣлавшись органомъ ложнаго направленія, она лишается той силы, которую могъ бы сообщить ей талантъ поэта. Конечно, этотъ раздоръ мысли съ чувствомъ, явился у поэта не случайно,—онъ заключался въ его эпохѣ. Кто не знаетъ и не помнитъ Пушкинскаго «Демона»? Пушкинъ, какъ первый великій поэтъ русскій, котораго поэзія выходила изъ жизни, первый и встрѣтился съ демономъ. «Печальны были наши встрѣчи!» восклицаетъ онъ о своемъ демонѣ.

Его улыбка, чудный взглядъ,
Его язвительныя рѣчи,
Вливали въ душу хладный ядъ.
Неистощимый клеветою
Онъ провидѣнье искушалъ;
Онъ звалъ прекрасное мечтою;
Онъ вдохновенье презиралъ;
Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ,
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ—
И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ.

Въ самомъ дѣлѣ, это страшный демонъ, особенно для перваго знакомства! Впрочемъ, онъ опасенъ не тѣмъ, что онъ на самомъ дѣлѣ, а тѣмъ, чѣмъ онъ можетъ показаться человѣку. Люди имѣютъ слабость смѣшивать свою личность съ истиною; усомнившись въ своихъ истинахъ, они часто перестаютъ вѣрить существованію истины на землѣ. Вотъ тутъ-то демонъ и бываетъ опасенъ, тутъ-то онъ и губитъ людей. Отъ него можетъ спасти человѣка только глубокая и сильная, живая вѣра. Пусть онъ во всемъ разочаровался, пусть все, что любилъ и уважалъ онъ, оказалось недостойнымъ любви и уваженія, пусть все,

чему горячо вѣрилъ онъ, оказалось призракомъ, а все, что думалъ знать онъ, какъ непреложную истину, оказалось ложью, — но да обвиняетъ онъ въ этомъ свою ограниченность, или свое несчастіе, а не тщету любви, уваженія, вѣры, знанія! Пусть самое отчаяніе его въ тщетѣ истины, будетъ для него живымъ свидѣтельствомъ его жажды истины, а его жажда — живымъ свидѣтельствомъ существованія истины: ибо чего нѣтъ, о томъ несродно страдать человѣческой натурѣ. Пусть прошло для него время познанія истины, и онъ отчается навсегда узрѣть ея обѣтованную землю, но пусть же не смѣшиваетъ онъ себя съ истиною, и не думаетъ, что если она не для него, то уже и ни для кого. Но какъ же, скажутъ, вѣрить, если вся дѣйствительность есть отрицаніе всякой вѣры?... Дѣйствительность?— Но что̀ такое дѣйствительность, если не осуществленіе вѣчныхъ законовъ разума? Всякая другая дѣйствительность — временное затмѣніе свѣта разума, болѣзненный витальный процессъ,—а развѣ можетъ быть вѣчное затмѣніе солнца, развѣ солнце не является послѣ затмѣнія въ бо̀льшемъ блескѣ и большей лучезарности; развѣ страданіе, претерпѣваемое младенцемъ при прорѣзываніи зубовъ, бываетъ продолжительно и не составляетъ необходимаго временнаго зла для продолжительнаго добра? Скажутъ: младенцы часто умираютъ отъ процессовъ физическаго развитія. Правда, умираютъ — младенцы, которые подчинены необходимо болѣзненнымъ процессамъ органическаго развитія и которые смертны, но не человѣчество, которое подчинено болѣзненнымъ процессамъ историческаго развитія, и которое безсмертно. Надо умѣть отличать разумную дѣйствительность, которая одна дѣйствительна, отъ неразумной дѣйствительности, которая призрачна и преходяща. Вѣра въ идею спасаетъ, вѣра въ факты губитъ. Есть люди, которые отрицаютъ добродѣтель и достоинство женщины, потому что случай сводилъ ихъ все съ пустыми

и легкими женщинами, потому что они не знали ни одной женщины высшей натуры. И это безвѣріе, какъ проклятіе, служитъ достойнымъ наказаніемъ безвѣрію, ибо въ душѣ благодатной долженъ заключаться идеалъ женщины, — въ дѣйствительности же должно искать не идеала, а только осуществленія идеала; найдти или не найдти его, это дѣло случая. То же можно сказать и о людяхъ, которыхъ разложеніе и гніеніе элементовъ старой общественности, продажность, нравственный развратъ и оскуденіе жизни и доблести въ современномъ — заставляютъ отчаяваться за будущую участь человѣчества... Здѣсь очевидно демонъ губитъ ихъ на фактѣ, за которымъ они не видятъ идеи, не понимая, что умираетъ и гніетъ только отжившее, чтобъ уступить мѣсто новому и живому. Еслибъ вмѣсто того, чтобъ испугаться демона, они испытали его—онъ указалъ бы имъ на послѣднее время умиравшей древности, которая въ амфитеатрахъ своихъ тѣшилась кровавымъ зрѣлищемъ, какъ звѣри терзаютъ христіянъ, и которая, въ слѣпотѣ своей, не подозрѣвала, что этою побѣдою надъ мучениками она сама была побѣждена, съ своими уже опошлившимися богами... Тогда они поняли бы, что смерть старой истины еще не означаетъ смерти истины вообще... Демонъ, по своей демонической натурѣ, золъ и насмѣшливъ. Онъ презираетъ безсиліе и веселится, терзая его; но онъ уважаетъ силу и сторицею воздаетъ ей за временное зло, которымъ ее терзаетъ. Онъ служитъ и людямъ и человѣчеству, какъ вѣчно движущая сила духа человѣческаго и историческаго. То страшный и мрачный, то веселый и злой, онъ, какъ Протей, неистощимъ въ формахъ своего проявленія, какъ Антей, неистощимъ въ своихъ средствахъ. Онъ внушалъ Сократу откровенія его нравственной философіи и помогалъ ему дурачить софистовъ ихъ же обоюдо-острымъ оружіемъ. Онъ внушалъ Аристофану его комедіи; онъ нашептывалъ ритору Лукіану его «Діалоги Боговъ»; онъ

помогъ Колумбу открыть Америку; онъ изобрѣлъ порохъ и книгопечатаніе; онъ продиктовалъ Ульриху Гуттену его злую сатиру «Epistola obscurorum divorum»; Бомарше—его «Фигаро», и много философскихъ сказокъ и сатирическихъ поэмъ продиктовалъ онъ Вольтеру; онъ уничтожилъ ошейники вассаловъ и рыцарскіе разбои феодальныхъ бароновъ, священную инквизицію и благочестивое ауто-да-фе. Гёте схватилъ его только за хвостъ въ своемъ Мефистофелѣ, а въ лицо только слегка заглянулъ ему. За то, колоссальный Байронъ не трепеща смотрѣлъ ему въ очи, и гордо мѣрялся съ нимъ силою духа, и какъ равный равному, подалъ ему руку на вѣчную дружбу. Изъ русскихъ поэтовъ, первый познакомился съ нимъ Пушкинъ, и тягостно было ему его знакомство, и печальны были его встрѣчи съ нимъ... Онъ не палъ отъ него, но и не узналъ, не понялъ его... И не удивительно: ничто не дѣлается вдругъ. За то, другой русскій поэтъ, явившійся уже по смерти Пушкина, не испугался этого страшнаго гостя: онъ знакомъ былъ съ нимъ еще съ дѣтства, и его фантазія съ любовію лелѣяла этотъ «могучій образъ»; для него:

Какъ царь нѣмой и гордый, онъ сіялъ
Такой волшебно-сладкой красотою,
Что было страшно...

Онъ былъ избраннымъ героемъ пламеннаго бреда его юности, и ему посвятилъ онъ цѣлую поэму, гдѣ, за всѣ утраченныя блага жизни, этотъ страшный герой сулитъ открыть «пучину гордаго познанья»...

Человѣкъ страшится только того, чего не знаетъ; знаніемъ побѣждается всякій страхъ. Для Пушкина, демонъ такъ и остался темною, страшною стороною бытія, и такимъ является онъ въ его созданіяхъ. Поэтъ любилъ обходить его, сколько было возможно, и потому онъ не вы-

сказался весь и унесъ съ собою въ могилу много нетронутыхъ струнъ души своей; но какъ натура сильная и великая, онъ умѣлъ, сколько можно было, вознаградить этотъ недостатокъ, тогда какъ другіе поэты, вышедшіе съ нимъ вмѣстѣ на поэтическую арену, пали жертвою неузнаннаго и неразгаданнаго ими духа, и для нихъ навсегда мысль осталась врагомъ чувства, истина бичемъ счастія, а мечта и ребяческіе сны поэзіи — высшимъ блаженствомъ жизни...

Изъ всѣхъ поэтовъ, появившихся вмѣстѣ съ Пушкинымъ, первое мѣсто безспорно принадлежитъ г. Баратынскому. Несмотря на его вражду къ мысли, онъ по натурѣ своей, призванъ быть поэтомъ мысли. Такое противорѣчіе очень понятно: кто не мыслитель по натурѣ, тотъ о мысли и не хлопочетъ; борется съ мыслію тотъ, кто не можетъ овладѣть ею, стремясь къ ней всѣми силами души своей. Эта невыдержанная борьба съ мыслію, много повредила таланту г. Баратынскаго: она не допустила его написать ни одного изъ тѣхъ твореній, которыя признаются капитальными произведеніями литературы, и если не на вѣчно, то надолго переживаютъ своихъ творцовъ.

Взглянемъ теперь на нѣкоторыя стихотворенія Баратынскаго со стороны мысли. Въ посланіи къ Г-чу, поэтъ говоритъ:

Врагъ суетныхъ утѣхъ и врагъ утѣхъ позорныхъ
Не уважаешь ты бездѣлокъ стихотворныхъ,
Не угодитъ тебѣ сладчайшій изъ пѣвцовъ
Развратной прелестью изнѣженныхъ стиховъ:
Возвышенную цѣль поэтъ избрать обязанъ.

Затѣмъ, онъ объясняетъ Г-чу, почему не можетъ принять его вызова—

Оставить мирный слогъ
И, ѣдкой желчію напитывая строки,
Сатирою возстать на глупость и пороки

И чѣмъ же?—тѣмъ, что сатирою можно нажить себѣ враговъ, а благодарность общества—плохая благодарность, ибо онъ, поэтъ, не вѣритъ благодарности. Вотъ заключеніе этого стихотворенія:

Нѣтъ, нѣтъ! *разумный* мужъ идетъ путемъ инымъ,
И снисходительный къ дурачествамъ людскимъ,
Не выставляетъ ихъ, но *сноситъ благонравно*,
Онъ не пытается, увѣренный забавно
Во всемогуществѣ болтанья своего,
Имъ въ людяхъ измѣнить людское естество,
Изъ насъ, я думаю, не скажетъ ни единый
Осинѣ: дубомъ будь, иль дубу: будь осиной;
Межъ тѣмъ—какъ странны мы!—межъ тѣмъ любой изъ насъ
Переиначить свѣтъ задумывалъ не разъ.

Подобныя мысли, безъ сомнѣнія, очень благоразумны и даже благонравны, но едва ли онѣ поэтически-великодушны и рыцарски-высоки... Благоразуміе не всегда разумность: часто бываетъ оно то равнодушіемъ и апатіею, то эгоизмомъ. Но вотъ еще нѣсколько стиховъ изъ этого же стихотворенія:

Полезенъ обществу сатирикъ безпристрастный,
Дыша любовію къ согражданамъ своимъ,
На ихъ дурачества онъ жалуется имъ:
То укоризнами возставъ на злодѣянье,
Его приводитъ онъ въ благое содраганье,
То ѣдкой силою забавнаго словца
Смиряетъ попыхи надменнаго глупца;
Онъ нравовъ опекунъ и вмѣстѣ правды воинъ.

Сличивъ эти стихи съ приведенными выше, легко понять, почему такое стихотвореніе, даже еслибы оно было написано и хорошими стихами, не можетъ теперь читаться...

«На смерть Гёте» есть одно изъ лучшихъ между мелкими стихотвореніями г. Баратынскаго. Стихи въ немъ удивительны; но стихотвореніе, не смотря на то, не выдержано и потому не производитъ того впечатлѣнія, какого бы можно было ожидать отъ такихъ чудесныхъ стиховъ. При-

чина этого очевидна: неопредѣленность идеи, невѣрность въ содержаніи. Поэтъ слишкомъ много и слишкомъ бездоказательно приписалъ Гёте, говоря, что

..... ничто не оставлено имъ
Подъ солнцемъ живымъ безъ привѣта;
На все отозвался онъ сердцемъ своимъ,
Что проситъ у сердца отвѣта:
Крылатою мыслью онъ міръ облетѣлъ,
Въ одномъ безпредѣльномъ нашелъ онъ предѣлъ.

Прекрасно сказано, но не справедливо! Не было, нѣтъ и не будетъ никогда генія, который бы одинъ все постигъ, или все сдѣлалъ. Такъ и для Гёте существовала цѣлая сторона жизни, которая, по его нѣмецкой натурѣ, осталась для него terra incognita. Эту сторону выразилъ Шиллеръ. Оба эти поэта знали цѣну одинъ другаго, и каждый изъ нихъ умѣлъ другому воздавать должное. Обидно видѣть, какъ люди, не понимая дѣла, все отдаютъ Гёте, все отнимая у Шиллера... Если ужъ надо сравнить другъ съ другомъ этихъ поэтовъ, то право, еще не рѣшеное дѣло—кто изъ нихъ долѣе будетъ владычествовать въ царствѣ будущаго;—и многіе не безъ основанія догадываются уже, что Гёте, поэтъ прошедшаго; въ настоящемъ умеръ развѣнчаннымъ царемъ... Вмѣсто безотчетнаго гимна Гёте — поэту слѣдовало бы охарактеризовать его,—и онъ сдѣлалъ это только въ четвертомъ куплетѣ, въ которомъ довольно удачно схваченъ пантеистическій характеръ жизни и поэзіи Гёте:

Съ природой одною онъ жизнью дышалъ:
Ручья разумѣлъ лепетанье,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ
И чувствовалъ травъ прозябанье,
Была ему звѣздная книга ясна,
И съ нимъ говорила морская волна.

Слѣдующіе за тѣмъ заключительные куплеты слабы выраженіемъ, темны и неопредѣленны мыслію, а потому и раз-

рушаютъ эффектъ всего стихотворенія. Все, что̀ говорится въ пятомъ куплетѣ, такъ же можетъ быть примѣнено ко всякому великому поэтому, какъ и къ Гёте; а что̀ говорится въ шестомъ, то ни къ кому не можетъ быть примѣнено, за темнотою и сбивчивостію мысли.

Теперь обратимся къ поэмамъ г. Баратынскаго. Въ нихъ много отдѣльныхъ поэтическихъ красотъ; но въ цѣломъ ни одна не выдержитъ основательной критики.

Русскій молодой офицеръ, на постоѣ въ Финляндіи, обольщаетъ дочь своего хозяина, Чухоночку Эду — добродушное, любящее, кроткое, но ничѣмъ особеннымъ не отличное отъ природы созданіе. Покинутая своимъ обольстителемъ, Эда умираетъ съ тоски. Вотъ содержаніе «Эды» — поэмы, написанной прекрасными стихами, исполненной души и чувства. И этихъ немногихъ строкъ, которыя сказали мы объ этой поэмѣ, уже достаточно, чтобы показать ея безотносительную неважность въ сферѣ искусства. Такого рода поэмы, подобно драмамъ, требуютъ, для своего содержанія, трагической коллизіи, — а что трагическаго (т. е. поэтически-трагическаго) въ томъ, что шалунъ обольстилъ дѣвушку и бросилъ ее? Ни характеръ такого человѣка, ни его положеніе, не могутъ возбудить къ нему участія въ читателѣ. Почти такое же содержаніе, напримѣръ, въ повѣсти Лермонтова «Бэла»; но какая разница! Печоринъ — человѣкъ, пожираемый страшными силами своего духа, осужденнаго на внутреннюю и внѣшнюю бездѣйственность; красота Черкешенки его поражаетъ, а трудность овладѣть ею раздражаетъ энергію его характера и усиливаетъ очарованіе ожидающаго его счастія; холодность Бэлы еще болѣе подстрекаетъ его страсть, вмѣсто того, чтобъ ослабить ее. Но когда онъ упился первыми восторгами этой оригинальной любви къ простой и дикой дочери природы, онъ почувствовалъ, что для продолжительнаго чувства мало одной оригинальности, для счастія въ любви мало одной любви,—и

его начинаетъ терзать мысль о гибели милаго, хотя и дикаго, женственнаго существа, которое, въ своей естественной простотѣ, не умѣло ни требовать, ни дать въ любви ничего, кромѣ любви. Трагическая смерть Бэлы, вмѣсто того, чтобъ облегчить положеніе Печорина, страшно потрясаетъ его, съ новою силою возбуждая въ немъ вспышку прежняго пламени,—и отъ его дикаго хохота содрогается сердце не у одного Максима Максимыча, и становится понятно, почему онъ, послѣ смерти Бэлы, долго былъ нездоровъ, весь исхудалъ и не любилъ, чтобъ при немъ говорили о ней... Это не волокита, не водевильный донъ-Хуанъ, вы не вините его, но страдаете съ нимъ и за него, говоря мысленно: «о горе намъ, рожденнымъ въ свѣтъ!» Для нѣкоторыхъ характеровъ, не чувствовать, быть внѣ какой бы то ни было духовной дѣятельности—хуже, чѣмъ не жить; а жить, это больше чѣмъ страдать,—и вотъ является трагическая коллизія, какъ мысль неотразимой судьбы, достойная и поэмы и драмы великаго поэта...

Гораздо глубже, по характеру героини, другая поэма г. Баратынскаго—«Балъ»:

Презрѣнья къ мнѣнію полна,
Надъ добродѣтелію женской
Не насмѣхается ль она,
Какъ надъ ужимкой деревенской?
Кого въ свой домъ она манитъ;
Не записныхъ ли волокитъ,
Не новичковъ ли миловидныхъ?
Не утомленъ ли слухъ людей
Молвой побѣдъ ея безстыдныхъ
И соблазнительныхъ связей?
Но какъ влекла къ себѣ всесильно
Ея живая красота!
Чьи непорочныя уста
Такъ улыбалися умильно?
Какая бы Людмила ей,

Смирясь, лучей благочестивыхъ
Своихъ лазоревыхъ очей
И свѣжести ланитъ стыдливыхъ,
Не отдала бы сей же часъ
За яркій глянецъ черныхъ глазъ,
Облитыхъ влагой сладострастной,
За пламя жаркое ланитъ?
Какая феѣ самовластной,
Не уступила бъ изъ харитъ?

—

Какъ въ близкихъ сердцу разговорахъ
Была плѣнительна она!
Какъ угодительна нѣжна!
Какая ласковость во взорахъ
У ней сіяла! Но порой
Ревнивымъ гнѣвомъ пламенѣя,
Какъ зла въ словахъ, страшна собой,
Являлась новая Медея!
Какія слезы изъ очей
Потомъ катилися у ней!
Терзая душу, проливали
Въ нее томленье слезы тѣ:
Кто бъ не отеръ ихъ у печали,
Кто бъ не оставилъ красотѣ?

—

Страшись прелестницы опасной,
Не подходи: обведена
Волшебнымъ очеркомъ она;
Кругомъ ея заразы страстной
Исполненъ воздухъ! Жалокъ тотъ,
Кто въ сладкій чадъ его вступаетъ:
Ладью пловца водоворотъ
Такъ на погибель увлекаетъ!
Бѣги ее: нѣтъ сердца въ ней!
Страшися вкрадчивыхъ рѣчей
Одурѣвающей приманки;
Влюбленныхъ взглядовъ не лови,
Въ ней жаръ упившейся вакханки,
Горячки жаръ—не жаръ любви.

И этотъ демоническій характеръ въ женскомъ образѣ, эта страшная жрица страстей, наконецъ должна расплатиться за всѣ грѣхи свои:

Посланникъ рока ей предсталъ,
Смущенный взоръ очаровалъ,
Поработилъ воображенье,
Слилъ всѣ мысли въ мысль одну
И пролилъ страстное мученье
Въ глухую сердца глубину.

Въ этомъ «посланникѣ рока» должно предполагать могучую натуру, сильный характеръ,—и въ самомъ дѣлѣ портретъ его, слегка, но рѣзко очерченный поэтомъ, возбуждаетъ въ читателѣ большой интересъ:

Красой изнѣженный Арсеній
Не привлекалъ къ себѣ очей:
Слѣды мучительныхъ страстей,
Слѣды печальныхъ размышленій
Носилъ онъ на челѣ: въ очахъ
Безпечность мрачная дышала,
И не улыбка на устахъ—
Усмѣшка праздная блуждала.
Онъ не задолго посѣщалъ
Края чужіе; тамъ искалъ,
Какъ слышно было, развлеченья,
И снова родину узрѣлъ;
Но видно сердцу исцѣленья
Дать не возмогъ чужой предѣлъ.
Предсталъ онъ въ домъ моей Лансы.
И остряковъ задорный полкъ
Не знаю какъ предъ нимъ умолкъ—
Главой поникли Адонисы.
Онъ въ разговорѣ поражалъ
Людей и свѣта знаньемъ рѣдкимъ,
Глубоко въ сердце проникалъ
Лукавой шуткой, словомъ ѣдкимъ,
Судилъ разборчиво пѣвца,
Зналъ цѣну кисти и рѣзца,
И сколько ни былъ хладно сжатымъ

Привычный складъ его рѣчей,
Казался чувствами богатымъ
Онъ въ глубинѣ души своей.

Нашла коса на камень: узелъ трагедіи завязался. Любопытно, чѣмъ развяжетъ его поэтъ, и какъ оправдаетъ онъ, въ дѣйствіи, портретъ своего героя. Увы! все это можно разсказать въ короткихъ словахъ: Арсеній любилъ подругу своего дѣтства и приревновалъ ее къ своему пріятелю; на упреки его Ольга отвѣчала дѣтскимъ смѣхомъ, и онъ, какъ обиженный ребенокъ, не понимая ея сердца, покинулъ ее съ презрѣніемъ... Воля ваша, а портретъ невѣренъ!... Что же потомъ?—Потомъ Нина получила отъ него письмо:

Чтожь медлить (къ ней писалъ Арсеній)
Открыться должно... небо! въ чемъ?
Едва владѣю я перомъ,
Ищу напрасно выраженій.
О, Нина! Ольгу встрѣтилъ я;
Она понынѣ дышитъ мною,
И ревность прежняя моя
Была неправой и смѣшною
Удѣлъ рѣшонъ. По старинѣ
Я вѣренъ Ольгѣ, вѣрной мнѣ.
Прости! твое воспоминанье
Я сохраню до позднихъ дней:
Въ немъ понесу я наказанье
Ошибокъ юности моей.

Несмотря на трагическую смерть Нины, которая отравилась ядомъ, такая развязка такой завязки похожа на водевиль, вмѣсто пятаго акта придѣланный къ четыремъ актамъ трагедіи... Поэтъ очевидно не смогъ овладѣть своимъ предметомъ... А сколько поэзіи въ его поэмѣ, какими чудными стихами наполнена она, сколько въ ней превосходныхъ частностей!...

«Цыганка», самая большая поэма г. Баратынскаго, была издана имъ, въ 1831 году, подъ названіемъ: «Наложница»,

съ предисловіемъ, весьма умно и дѣльно написаннымъ. «Цыганка» исполнена удивительныхъ красотъ поэзіи,—но опять-таки въ частностяхъ; въ цѣломъ же не выдержана. Отравительное зелье, данное старою Цыганкою бѣдной Сарѣ, ничѣмъ не объясняется и очень похоже на deus ex machina для трагической развязки во что бы то ни стало. Чрезъ это ослабляется эффектъ цѣлаго поэмы, которая, кромѣ хорошихъ стиховъ и прекраснаго разсказа, отличается еще и выдержанностію характеровъ. Очевидно, что причиною недостатка въ цѣломъ всѣхъ поэмъ г. Баратынскаго есть—отсутствіе опредѣленно выработавшагося взгляда на жизнь, отсутствіе мысли крѣпкой и жизненной.

Кромѣ этихъ трехъ поэмъ, у г. Баратынскаго есть и еще три: «Телема и Макаръ», «Переселеніе Душъ», и «Пиры». Первыхъ двухъ — признаемся откровенно—мы совершенно не понимаемъ, ни со стороны содержанія, ни со стороны поэтической отдѣлки. «Пиры» собственно не поэма, а такъ—шутка въ началѣ и элегія въ концѣ. Поэтъ какъ будто принявшись воспѣвать пиры, замѣтилъ что уже прошла пора и для пировъ и для воспѣванія пировъ... У времени есть своя логика, противъ которой никому не устоять...

Въ «Пирахъ» г. Баратынскаго много прекрасныхъ стиховъ. Какъ хороши, напримѣръ, эти:

Любви слѣпой, любви безумной
Тоску въ душѣ моей тая,
Насилу, милые друзья,
Дѣлить восторгъ бесѣды шумной
Тогда осмѣливался я.
Что потакать мечтѣ унылой,
Кричали вы, смѣлѣе пей!
Развеселись, товарищъ милый,
Для насъ живи, забудь о ней!
Вздохнувъ, разсѣянно послушный,
Я пилъ съ улыбкой равнодушной:
Свѣтлѣла мрачная мечта,

Толпой скрывался печали,
И задрожавшія уста
„Богъ съ ней!“ невнятно лепетали...

Говоря о поэзіи г. Баратынскаго мы были чужды всякихъ предубѣжденій въ отношеніи къ поэту, котораго глубоко уважаемъ. Не скрывая своего мнѣнія и открыто, безъ уклончивости, высказывая его, тамъ, гдѣ оно было не въ пользу поэта, мы и не старались, въ пользу нашего мнѣнія, скрывать его достоинства, и выписывали только такіе отрывки изъ его стихотвореній, которые могли дать высокое понятіе о его талантѣ. Стихъ г. Баратынскаго не только благозвученъ, но часто крѣпокъ и силенъ. Однакожь, говоря о художественной сторонѣ поэзіи г. Баратынскаго, нельзя не замѣтить, что онъ часто грѣшитъ противъ точности выраженія, а иногда впадаетъ въ шероховатость и прозаичность выраженія.

Кромѣ стихотвореній, на которыя мы уже ссылались, въ сборникѣ г. Баратынскаго особенно достойны памяти и вниманія еще слѣдующія: «Финляндія»; «Завыла буря»; «Я возвращуся къ вамъ, поля моихъ отцовъ»; «Лета»; «Паденіе листьевъ»; «Глупцы не чужды вдохновенья»; «Когда печалью вдохновенный»; «Тебя изъ Тьмы не изведу я»; «Идилликъ новый на искусъ»; «Элизійскія поля»; «Когда взойдетъ денница золотая»; «Когда изчезнетъ омраченье»; «Напрасно, мы, Дельвигъ, мечтаемъ найти»; «Не бойся ѣдкихъ осужденій»; «Разувѣреніе»; «Старикъ»; «Притворной нѣжности не требуй отъ меня»; «Болящій духъ врачуетъ пѣснопѣнье»; «Черепъ»; «О, мысль, тебѣ удѣлъ цвѣтка»; «Наяда»; «Мудрецу»; «На что вы, дни!»; «Осень», и проч.

Нельзя вѣрнѣе и безпристрастнѣе охарактеризовать безотносительное достоинство поэзіи г. Баратынскаго, какъ онъ сдѣлалъ это самъ въ слѣдующемъ прекрасномъ стихотвореніи:

Не ослѣпленъ я музою моею,
Красавицей ее не назовутъ,

И юноши, узрѣвъ ее, за нею
Влюбленною толпой не побѣгутъ.
Приманивать изысканнымъ уборомъ,
Игрою глазъ, блестящимъ разговоромъ,
Ни склонности у ней, ни дара нѣтъ,
Но пораженъ бываетъ мелькомъ свѣтъ
Ея лица необщимъ выраженьемъ,
Ея рѣчей спокойной простотой,
И онъ, скорѣй чѣмъ ѣдкимъ осужденьемъ,
Ее почтитъ небрежной похвалой.

Не беремъ на себя тяжелой обязанности опредѣлять поэтическое достоинство г. Баратынскаго относительно къ другимъ поэтамъ и въ отношеніи историческомъ, т. е. въ отношеніи къ выраженной имъ эпохѣ, къ настоящему и будущему положенію и значенію его въ русской литературѣ. Скажемъ только—и то, чтобъ чѣмъ-нибудь закончить нашу статью, а не для какого-нибудь поучительнаго вывода,—скажемъ, что всѣ поэты, по нашему мнѣнію, раздѣляются на два разряда. Одни называются великими, и ихъ отличительную черту составляетъ развитіе: по хронологическому порядку ихъ созданій можно прослѣдить діалектически развивающуюся живую идею, лежащую въ основаніи ихъ творчества и составляющую его пафосъ. Неподвижность, т. е. пребываніе въ однихъ и тѣхъ же интересахъ, воспѣваніе одного и того же, однимъ и тѣмъ же голосомъ, есть признакъ таланта обыкновеннаго и бѣднаго. Безсмертіе—удѣлъ движущихся поэтовъ. Если и прошли навсегда интересы ихъ времени,—ихъ поэзія непреходяща, именно потому, что представляетъ собою памятникъ эпохи: такъ вѣчна исторія, написанная великимъ историкомъ, хоть она и содержитъ въ себѣ давно прошедшія дѣла и интересы. Другіе поэты болѣе или менѣе могутъ приближаться къ первымъ, особенно, если они выразили своими созданіями то, что было въ ихъ эпохѣ существенно-историческаго, а не одни ея недостатки. Для такихъ поэтовъ всего невыгоднѣе являться въ пере-

ходныя эпохи развитія обществъ; но истинная гибель ихъ таланта заключается въ ложномъ убѣжденіи, что для поэта довольно чувства... Это особенно вредно для поэтовъ нашего времени: теперь всѣ поэты, даже великіе, должны быть вмѣстѣ и мыслителями, иначе не поможетъ и талантъ... Наука, живая, современная наука, сдѣлалась теперь пѣстуномъ искусства, и безъ нея—немощно вдохновеніе, безсиленъ талантъ!...

II.

БИБЛІОГРАФІЯ.

ЖИЗНЬ И ПОХОЖДЕНІЯ ПЕТРА СТЕПАНОВА СЫНА СТОЛБИКОВА, *помѣщика въ трехъ намѣстничествахъ. Рукопись XVIII вѣка. Спб. 1841.*

Не понимаемъ, что́ за охота такому почтенному и талантливому писателю, какъ г. Основьяненко, тратить время и трудъ на изображеніе глупцовъ, подобныхъ Столбикову. Петръ Столбиковъ самъ, отъ своего лица, разсказываетъ исторію своей жизни, и въ этомъ разсказѣ не всегда бываетъ вѣренъ собственному характеру: изъ пошлаго глупца, идіота, иногда вдругъ становится онъ умнымъ и чувствительнымъ человѣкомъ, а потомъ опять дѣлается глупцомъ. Въ поступкахъ онъ также противорѣчитъ самому себѣ: то умно управляетъ имѣніями помѣщиковъ, то, сдѣлавшись предводителемъ дворянства, подаетъ губернатору проектъ о истребленіи саранчи такимъ образомъ: пусть она ѣстъ хлѣбъ, а мужики должны въ это время оборвать у нея крылья,—или что-то въ этомъ родѣ...

Ничѣмъ другимъ не можемъ мы объяснить этого страннаго направленія такого замѣчательнаго дарованія, какимъ владѣетъ г. Основьяненко, какъ словомъ «провинція»... Можемъ ошибаться, но, пока не докажутъ намъ противнаго, остаемся при своемъ убѣжденіи;—мы вотъ что думаемъ: въ провинціи (разумѣется, нѣтъ правилъ безъ исключенія), свое понятіе о литературѣ, свой взглядъ на изящное: идеалъ высокаго и патетическаго заключается тамъ въ повѣстяхъ Марлинскаго; идеалъ комическаго—въ «Энеидѣ, вывороченной на изнанку». Одно сто́итъ другаго!... Нѣтъ,

господа! комическое и смѣшное — не всегда одно и то же; а смѣшное для толпы иногда совсѣмъ не смѣшно для образованнаго класса общества... Элементы комическаго скрываются въ дѣйствительности такъ какъ она есть, а не въ каррикатурахъ, не въ преувеличеніяхъ. Вообще, такіе провинціялы не худо сдѣлали бы, еслибъ подражали столичнымъ жителямъ не въ однѣхъ модахъ, но и въ литературѣ; а для этого сперва должно присматриваться и изучать внимательно, что̀ считается въ столицѣ смѣшнымъ и острымъ, и что̀ плоскимъ. Вотъ, напримѣръ, какую бы великую пользу могло принести иному провинціяльному «юмористу» внимательное чтеніе «Аптекарши» гр. Соллогуба, и особенно пристальное изученіе лица «уѣзднаго франта въ венгеркѣ». Этотъ франтъ именно потому и смѣшонъ, что онъ—вѣрное изображеніе дѣйствительнаго явленія, а не каррикатурное. Провинціяльный авторъ, для вящшаго удовольствія своей уѣздной публики, сдѣлалъ бы этого франта и пьяницей, и воромъ, и пошехонцемъ, такъ что сосѣди сочинителя «надорвали бы животики». Но въ повѣсти, на которую мы ссылаемся, франтъ есть то, чѣмъ онъ есть въ дѣствительности, и потому онъ смѣшонъ, а не отвратителенъ. Встрѣтясь съ такимъ господиномъ въ жизни, вы не могли бы смотрѣть на него безъ досады и презрѣнія; но въ повѣсти онъ очень милъ. Вотъ въ какомъ смыслѣ природа должна являться въ искусствѣ умытою и очищенною...

Въ провинціи есть общіе предметы для смѣшнаго и общія мѣста для его выраженія; это обыкновенно такія вещи, надъ которыми смѣяться въ столицѣ давно уже почитается смѣшнымъ: французскій языкъ, французскія моды, иностранцы-гувернёры. Столбиковъ г. Основьяненка не потому, видите, дуракъ, что родился дуракомъ, не потому не могъ добиться отличать въ картахъ масть отъ масти, что у него были грубые нервы и мало мозгу; даже не потому, что мошенникъ-опекунъ съ умысломъ дурно воспитывалъ его; а

потому, что оный Столбиковъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ пансіонѣ у Француза Филу... По понятію г. Основьяненка, всѣ иностранцы—злодѣи и мерзавцы; отъ нихъ все зло на свѣтѣ—и холодъ зимою, и жаръ лѣтомъ, и ревматизмъ въ старости, и незнаніе грамоты въ дѣтствѣ... Всѣ иностранцы, выведенные въ его повѣсти, ссылаются въ Сибирь, а иностранки дѣлаются развратницами... Старая пѣсня! Теперь всякому извѣстно, что много было вреда для общества отъ разныхъ выходцевъ, но что между ими бывали и достойные люди, сдѣлавшіе много добра. Да и кого должно винить во злѣ: французскаго ли маркёра, который выдалъ себя за профессора, или русскаго помѣщика, который могъ принять его за профессора?... Вина была съ обѣихъ сторонъ,—и, право, нѣтъ никакой нужды обновлять такихъ старыхъ вопросовъ, къ которымъ теперь всѣ такъ равнодушны. Кстати: почему авторъ не сказалъ, въ какомъ пансіонѣ воспитывался опекунъ Столбикова, члены суда, которые, вопреки законамъ, сдѣлали его опекуномъ, и прочія лица, въ такой наготѣ и такъ рѣзко изображенныя въ романѣ?...

ЦВѢТЫ МУЗЫ. *Соч. Александра Градцева. Спб. 1842.*

Не смотря на неблагопріятное время для поэзіи, несмотря на то, что теперь почти совсѣмъ не читаютъ стиховъ,—новые поэты не перестаютъ являться, нежданные, непрошенные, а новыя стихотворенія такъ и плодятся, словно грибы послѣ дождя. Давно ли вышли стихотворенія г. Бочарова; давно ли восхищались мы поэмою г. Молчанова «Повѣсть Ангелина»—и вотъ являются «Цвѣты Музы» г. Градцева... Но это еще не все: сколько надеждъ впереди, сладостныхъ надеждъ! «Сынъ природы», Ѳедотъ Кузмичевъ, приготовилъ «Поэму въ 14 пѣсняхъ», и—почему же не на-

дѣяться!—можетъ быть, скоро потянутся, одно за другимъ, собранія стихотвореній поэтовъ «Библіотеки для Чтенія» и покойной «Галатеи»—гг. Кропоткина, Щеткина, Степанова, Зотова, Чужбинскаго, Третьякова, Чернецкаго, Скачкова, Соколова, Волкова, г-жъ Шаховой, Надеркой и инихъ... Прекрасныя стихотворенія гг. Сушкова, Бахтурина, Быстроглазова давно уже изданы и, сдѣлавъ свое дѣло, т. е., доставивъ публикѣ большое удовольствіе, покоятся въ кладовыхъ — сихъ Елисейскихъ поляхъ умершихъ стиховъ и прозы... Но обратимся къ «Цвѣтамъ Музы» г. Градцева. Надо признаться, что эти цвѣты не совсѣмъ красивы и ароматны; но въ этомъ виновата не муза г. Градцева, а типографія г. Іогансона, на безплодной почвѣ который возросли они... Проницательные читатели поймутъ, что мы говоримъ о внѣшнемъ безобразіи «Цвѣтовъ» г. Градцева; что же до внутренняго—о немъ сейчасъ будетъ рѣчь...

Снарядили корабль—громадный: онъ недвижимъ стоитъ у морской бездны, и по влажной и бурной степи летитъ взоромъ какъ соколъ,—а самъ думаетъ: «о, гремучія волны! не долго мнѣ стоять; спущусь я тяжелою пятою къ вамъ на хладную грудь, какъ геній раздора...

Мнѣ небо отвагу и силу дало
Носиться надъ бурною глубью;
Разрѣжу я ваше сѣдое чело
Своею широкою грудью!

Теперь, читатели, мы вамъ самимъ предоставляемъ пріятный и полезный трудъ отыскать единство образности въ смѣлыхъ и «цвѣтистыхъ» тропахъ музы г. Градцева: сперва корабль грозитъ волнамъ спуститься тяжелою пятою на ихъ (или, какъ выражается муза г. Градцева, къ нимъ) хладную грудь; а потомъ хочетъ своей широкою грудью рѣзать ихъ сѣдое чело: изъ этого сбивчиваго обстоятельства очень естественно вытекаетъ вопросъ о фигурѣ корабля, т. е., о томъ, гдѣ у него грудь и гдѣ ноги, или «пята»; и потомъ о

фигурѣ волнъ, т. е. гдѣ у нихъ «сѣдое чело» и гдѣ «хладная грудь»... Не сознавая себя въ силахъ рѣшить такой мудреный вопросъ, будемъ продолжать исторію корабля и волнъ.—Погрозивши волнамъ, нашъ кораблъ, «одѣтый величьемъ и съ пламенемъ въ очахъ», торжественно погрузился въ воды ме(ѣ)дной пятой, «всклубляя свой флагъ распущенный»; волны осердились—и давай бросаться ему на грудь; но «бѣгунъ морей» не струсилъ — онъ началъ работать и грудью и пятою: грудью онъ дерется, а пятой «смялъ волны». Волны, видя, что плохо дѣло, что дракой ничего не возьмешь, очень хитро придумали испугать «бѣгуна морей» дикими, напыщенными стихами: «Ты де»—говорятъ онѣ—«быстрой и упорной встрѣчей разрушалъ наше возстаніе (чудная мысль, смѣлый оборотъ!) и исторгалъ изъ насъ рыданья; но не гордись своею стальною грудью — ты рукотворность человѣка, ты духомъ тлѣнья отягченъ; а мы (т. е. волны) созданы отъ вѣка, къ намъ недоступенъ смертный сонъ; бѣги же вонъ изъ моря». Но корабль себѣ на умѣ: его не надуешь плохими и безсмысленными стихами—вѣдь онъ и самъ мастеръ кропать ихъ; «врете вы» крикнулъ онъ на нихъ—

И быстро сорвалъ свой якорь чугунный,
Торжественной думой взлетѣвъ къ небесамъ,
Наперстникъ стихіи надменной и бурной
Стрѣлою помчался по чернымъ волнамъ.

Вотъ такъ ужъ корабль — подлинно, что удивительный: самъ срываетъ якорь, а не снимается съ якоря, думой прямо въ небеса, а стрѣлою—по чернымъ волнамъ... Но и это еще не все: сперва мы видѣли его врагомъ «надменной и бурной стихіи», а теперь онъ вдругъ является ея «наперсникомъ»—видно, насильно влѣзъ въ дружбу...

Все разсказанное нами составляетъ содержаніе перваго цвѣтка музы г. Градцева. Что же въ этомъ «содержаніи?» спросите вы: — что за мысль? что́ за смыслъ? Не знаемъ

навѣрное, но думаемъ, что это этюдъ. Вы, читатель, конечно, учились въ дѣтствѣ нелѣпой наукѣ, называемой «риторикою»; васъ, конечно, заставляли «сочинять» на заданныя темы; слѣдовательно, вы знаете, какъ пишутся такія сочиненія. Если же не знаете, мы вамъ скажемъ. Вотъ, напримѣръ, дана тема—«корабль»: что жь тутъ писать?—Какъ что? если въ классическомъ родѣ, то благосклонныя небеса, попутные вѣтры, морскія божества, милая жена и прекрасныя дѣти, ожидающія въ мирной хижинѣ дорогаго ихъ сердцу пловца; потомъ буря, кораблекрушеніе, гибель, а затѣмъ правоученіе: какъ-де не надёжны всѣ надежды человѣческія, и въ виду, де-скать, берега погибаетъ пловецъ, тщетно простирая объятія къ «вѣрной подругѣ и безцѣннымъ залогамъ нѣжнаго союза», а наконецъ — выводъ: слѣдовательно, коли ужь ѣздить, такъ сухимъ путемъ, а не моремъ; лучше же всего не ѣздить, а сидѣть дома, не гоняясь за богатствомъ и славою,—да, впрочемъ, вы ужь читали басню «Два Голубя...» Если же угодно въ романтическомъ родѣ, назовите корабль «бѣгуномъ моря», «человѣческою мыслью, одѣтою въ дерево, желѣзо и смоленую пеньку, окрыленную парусами»; море сравните съ душою злодѣя, и потомъ заставьте его ругаться съ кораблемъ, потомъ драться, и кого-нибудь изъ нихъ сдѣлайте побѣдителемъ; но бойтесь вывести какое-нибудь заключеніе: романтизмъ требуетъ таинственности, неопредѣленности; въ немъ все дѣло въ ничемъ, или въ чемъ-то... Славная наука риторика, особенно та глава въ ней, которая трактуетъ объ «изобрѣтеніи» и «общихъ мѣстахъ»!.. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, стоитъ только посмотрѣть, какое прекрасное стихотвореніе помогла она написать г. Градцеву. Дѣло идетъ о «холмѣ»:—простомъ, обыкновенномъ холмѣ; ну, что бы, кажется, можно сказать о холмѣ, кромѣ того, что онъ—холмъ; но геній и риторика найдутся наговорить всего о ничемъ. Былъ—изволите видѣть—въ степяхъ за

Волгою холмъ, на которомъ «орелъ обитель основалъ»; на холмѣ было тихо, какъ во всякой «обители», и «безмолвіе оживлялось» только крикомъ орловъ. Вотъ муза г. Градцева и начинаетъ допрашивать холмъ: гдѣ-де была обитель твоей младенческой поры и кто тебя сюда занесъ?— Холмъ ни слова, какъ будто (такой гордецъ!) и знаться не хочетъ съ музою г. Градцева; а между тѣмъ—

Сбѣжались тучи; заклубился
Мятежный вихе (*о*) рь; застоналъ
На волгѣ грозно пѣнный валъ;
И, гулъ гремучій покатился
Съ холма раскатомъ громовымъ,
И мнѣ казалось, озарился
Недвижный (*гулъ?*) пламенемъ живымъ.
Но нѣтъ... гулъ шумный, не отвѣты,—
Не рѣчь холма на говоръ мой;
Затихла степь: въ туманъ одѣтый
Молчитъ холмъ черный и нѣмой.

Этими стихами заключается піеса: поняли ль вы ихъ?..

Муза г. Градцева произращаетъ не одни цвѣты, но и цѣлыя деревья: на первый случай она подчуетъ только сукомъ съ большаго дерева—одною сценою изъ жизни Владиміра (?) «князя новгородскаго», которая сцена, какъ гласитъ выноска, есть «Отрывокъ» изъ драматическихъ сценъ: «Владиміръ и Рогнеда съ 980 по 986 годъ». Первый опытъ въ Д(д)рамѣ!—наивно замѣчаетъ авторъ... По суку видно, что «Рогнеда съ 980 по 986 годъ» есть дерево большое, но водяное—нѣчто въ родѣ ветлы...

Всѣ замашки музы г. Градцева обличаютъ въ немъ поэта романтическаго, изъ школы г. Бенедиктова. Да, г. Градцевъ романтикъ, а слѣдовательно и несчастный человѣкъ, потому что всѣ романтики несчастные люди. Читайте—и страдайте:

Одинокъ я въ этой жизни
Чуждо все душѣ моей,
Нѣтъ мнѣ друга, нѣтъ отчизны,
Нѣтъ мнѣ ласки отъ людей.
Тяжко, други! подъ луною
Безпріютный я брожу,
И не съ радостью, съ тоскою
Я на Божій міръ гляжу.
Одичалъ я въ жизни бурной,
И увялъ какъ въ осень цвѣтъ.
О друзья! подъ мрачной урной
Горько лечь во цвѣтѣ лѣтъ.

ЭВЕЛИНА ДЕ ВАЛЬЕРОЛЬ. *Романъ въ четырехъ томахъ. Соч. Н. Кукольника. Спб. 1841—1842.*

Читателямъ уже извѣстно наше мнѣніе о романѣ г. Кукольника. Это далеко не художественное произведеніе: въ немъ нѣтъ ни идеи, ни слишкомъ вѣрнаго и глубокаго взгляда на эпоху, ни внутренняго содержанія, поражающаго единствомъ впечатлѣнія и ясною ощутительностію того, чего нельзя выразить словомъ и чего поэтическая форма была только чувственнымъ проявленіемъ. Героиня романа служитъ лишь внѣшнимъ центромъ множества событій и множества лицъ, имѣющихъ къ ней слишкомъ мало отношенія. Сама по себѣ она—ни глубоко задуманный и хорошо выполненный женскій характеръ, ни даже особенно интересное описаніе характера: блѣдна, безцвѣтна, обозначена чертами общими и неопредѣленными. Другія лица не чужды внѣшняго интереса въ запутанномъ механизмѣ романа; но ни одно изъ нихъ не можетъ назваться типическимъ лицомъ. Лучше другихъ Гаръ-Піонъ. Гойко сбивается на мелодраматическаго героя,—а онъ-то собственно и есть герой романа: по крайнѣй мѣрѣ, въ романѣ, все чѣрезъ

него и имъ, и ничего безъ него, такъ что еслибъ Гойко не спасался безпрестанно отъ смерти чудеснымъ образомъ, чрезвычайно похожимъ на deus ex machina, то романъ остановился бы, и авторъ не зналъ бы, что ему дѣлать съ своими героями и дѣйствующими лицами и куда ихъ дѣвать. На Ришльё г. Кукольникъ смотритъ слишкомъ невѣрно: Ришльё, по его мнѣнію, подорвалъ, гоненіемъ аристократіи, французскую монархію и приготовилъ новѣйшіе перевороты въ исторіи Франціи... Такой взглядъ есть лучшая мѣрка достоинства романа: на ложномъ основаніи нельзя создать хорошаго произведенія. Всякая великая историческая личность творитъ волю пославшаго ее, хотя, повидимому, и совершаетъ только свою собственную волю; всякій великій историческій дѣйствователь выполняетъ требованія духа времени, которыхъ онъ есть только представитель, а не производитель, хоть онъ и думаетъ осуществлять лишь свои собственныя понятія о потребностяхъ общества; потому ни о какомъ историческомъ героѣ, какъ бы великъ онъ ни былъ, нельзя сказать, что онъ сдѣлалъ не то, что должно,—или хвалить его за то, что онъ сдѣлалъ хорошо, когда бы могъ, еслибъ захотѣлъ, сдѣлать худо. Историческое лицо дѣлаетъ только то, что необходимо,—по крайней мѣрѣ, только необходимыя изъ его дѣйствій производятъ результаты; все же принадлежащее его личному произволу, и доброе и худое, существуетъ временно, не оставляя никакихъ слѣдствій и изчезая вмѣстѣ съ лицомъ. Что за гигантъ такой кардиналъ Ришльё, что могъ сдѣлаться владыкою судебъ цѣлаго народа и произвести не то, чего высшія силы хотѣли, а что его кардинальской эминенціи было угодно!... Подобное историческое созерцаніе и мелко, и ограниченно и старо. Да притомъ, г. Кукольникъ навязалъ Ришльё дѣло, котораго тотъ и не думалъ дѣлать; онъ сокрушилъ феодализмъ и пріуготовилъ монархію Лудовика XIV, которая потомъ пала вслѣдствіе

причинъ, нисколько независѣвшихъ отъ кардинала Ришльё; а г. Кукольникъ заставляетъ его подрывать монархію и религію!!....

Въ изображеніи характера Ришльё авторъ держался извѣстнаго романа Альфреда де-Виньи «Сенъ-Маръ». Вообще, этотъ романъ имѣлъ большое вліяніе на романъ г. Кукольника, и несмотря на то, ихъ никакъ нельзя сравнивать между собою въ достоинствѣ. Мы не слишкомъ высокаго, или, лучше сказать, слишкомъ невысокаго понятія объ «облизанномъ» (какъ назвалъ его Пушкинъ) произведеніи щепетильнаго французскаго романиста; но оно, по нашему мнѣнію, все-таки несравненно выше своего русскаго отпрыска. Оно проще, малосложнѣе, ярче по очеркамъ характеровъ, и проникнуто началами, которыя, каковы бы они ни были, даютъ ему жизнь и колоритъ. Г. Кукольникъ писалъ свой романъ безъ особенныхъ притязаній: ему, кажется, просто хотѣлось написать повѣсть съ разными похожденіями, способными занять своею калейдоскопическою пестротою не слишкомъ взыскательное вниманіе праздпаго читателя,—и онъ вполнѣ достигъ своей цѣли. Сверхъ того, у него была еще и задушевная мысль—представить картину состоянія искусствъ въ Италіи и Франціи XVII столѣтія. Въ этомъ у него нѣтъ ничего общаго съ де-Виньи; но за то все это у него нисколько не вяжется съ романомъ, и составляетъ какъ бы вставку, занимающую пять главъ, названныхъ авторомъ «римскими» и отмѣченныхъ предостерегательнымъ эпиграфомъ «ad libitum», а это значитъ, что авторъ избавляетъ отъ чтенія этихъ римскихъ главъ всякаго, кому «почему-либо подробности художественной исторіи могутъ показаться незанимательными и утомительными». Что касается до насъ,—намъ эти подробности не показались незанимательными и утомительными, мы прочли ихъ съ бо́льшимъ удовольствіемъ, чѣмъ самый романъ.—Есть и еще важное различіе романа г. Кукольника

отъ романа де Виньи: русскій романистъ представилъ Сенъ-Мара совершенно иначе, чѣмъ французскій, и гораздо ближе къ исторической истинѣ.

Говоря вообще, если разсматривать романъ г. Кукольника внѣ строгихъ требованій искусства,—это очень пріятное явленіе въ нашей мертвой и скудной литературѣ; это просто—длинная повѣсть, переполненная затѣйливо запутанными и удовлетворительно распутанными происшествіями; повѣсть, умно задуманная, внимательно соображенная, но не концепированная; повѣсть для которой много было употреблено труда, изученія, но мало вдохновенія; наконецъ повѣсть, въ которой мало внутренняго, но бездна внѣшняго интереса, какимъ отличается, напримѣръ «Тысяча и Одна Ночь». Въ ней есть эффекты, довольно неловкіе, какъ напримѣръ, смерть кардинала Ришльё; но большая часть ея эффектовъ отличается умомъ и вкусомъ. Вообще, этотъ романъ написанъ для образованной части публики, а не для полуграмотной черни, для которой сочиняются беззубо-сатирическіе, пошло-моральные и приторно-чувствительные романы. Мы не поклонники произведеній Кукольника: видимъ въ немъ дарованіе, котораго и не оспориваемъ; но не видимъ въ немъ ни гепія, ни огромнаго таланта, который въ немъ признается иногда (когда требуютъ того особенныя обстоятельства) нѣкоторыми журналами, печатно называющими себя его друзьями и пріятелями...

СТИХОТВОРЕНІЯ АПОЛЛОНА МАЙКОВА. *Спб. 1842.*

Русская литература пріобрѣтаетъ въ г. Майковѣ новое весьма замѣчательное и подающее о себѣ хорошія надежды дарованіе. Это собраніе изящныхъ стихотвореній г. Майкова, можетъ во всѣхъ отношеніяхъ, назваться сюрпризомъ

публикѣ, которая въ одно и то же время, безъ всякихъ предварительныхъ приготовленій, увѣрится въ истинности дарованія новаго поэта и узнаетъ о его существованіи. Причина этого заключается въ томъ, что г. Майковъ мало печаталъ въ повременныхъ изданіяхъ свои стихотворенія,—и если печаталъ, то большею частію безъ подписи имени, и большею частію въ такомъ журналѣ, въ которомъ публика не читаетъ стихотвореній, увѣренная напередъ, что тамъ стихи находятся въ большей или меньшей аналогіи съ персидскимъ выраженіемъ: «нанизывать жемчугъ на нить описаній»,—а извѣстно, что вслѣдствіе этого выраженія стихъ есть нѣчто условное, искусственное, неимѣющее никакого отношенія къ своему содержанію... Въ отдѣлѣ критики (стр. 102) мы помѣстили подробный разборъ стихотвореній г. Майкова, гдѣ, со всею искренностію и прямотою изложили свое мнѣніе почти о каждой піесѣ особенно, желая сдѣлать нашу статью полезнѣе для молодаго поэта. Хорошее назвали мы хорошимъ, дурное дурнымъ, и только объ иномъ посредственномъ совсѣмъ умолчали. Посмотримъ и послушаемъ, что́ скажутъ другіе, и позабавятъ ли насъ неловкимъ употребленіемъ словъ: «художественность», «субъективность», «идея» и т. п. O, imitatores!... Особенно забавно будетъ читать сужденія о достоинствѣ стихотвореній г. Майкова, какъ все лучшее въ нихъ будетъ похулено, во имя такъ называемой «моральности», которая вѣдь въ томъ и состоитъ, чтобъ не понимать ничего истинно прекраснаго, и какъ все худшее въ нихъ будетъ превознесено за изысканныя выраженія, неопредѣленныя и незрѣлыя мысли и мнимую идеальность:—недостатки, которыхъ тоже не чужда муза г. Майкова. Но мы слышали, что одинъ изъ моральныхъ критиковъ уже выполнилъ эту задачу къ полному своему удовольствію, подавъ г. Майкову мудрый совѣтъ не воспѣвать языческихъ боговъ, во избѣжаніе соблазна міряпъ, но услаждать «братію» назидательными стихотвореніямъ, которыхъ

главное условіе, по его мнѣнію—отсутствіе всякаго изящества и надутые возгласы о томъ, что̀ всѣ уважаютъ, но чему уже никто не вѣритъ, напримѣръ, о томъ, что люби добродѣтель—будешь богатъ, не имѣй таланта—станешь хорошо писать, и т. п. Говорятъ, что, вслѣдствіе этой прекрасной теоріи, сей критиканъ съ презрѣніемъ отозвался объ антологическихъ стихотвореніяхъ, составляющихъ торжество таланта г. Майкова, и расхвалилъ именно тѣ его стихотворенія, которыхъ бы ему совсѣмъ не слѣдовало печатать. Мы не читали знаменитой критики, и потому незнаемъ до какой степени справедливы эти слухи о ея содержаніи, равно какъ и то, что будто бы этотъ же аристархъ открылъ въ г. Славинѣ великій талантъ; но мы почитаемъ здѣсь кстати сказать нѣсколько словъ о современномъ невѣжествѣ, которое, прикрывая себя именемъ какой-то лицемѣрной морали, скрежещетъ зубами на Аполлона Бельведерскаго и Венеру Медичейскую... Дай только волю этимъ кабаньимъ зубамъ—они сгрызли бы божественный мраморъ какъ гнилую картофелину; да не уцѣлѣть бы тогда отъ нихъ ни Дрезденской галлереѣ, ни нашей Академіи художествъ...

ПАРИЖЪ ВЪ 1838—1839 ГОДАХЪ. *Соч. Владиміра Строева. Двѣ части. Спб. 1841—1842.*

Нѣтъ ничего труднѣе, какъ писать интересно о предметѣ всѣмъ извѣстномъ, старомъ и избитомъ; но въ то же время нѣтъ и ничего легче этого. Причина трудности, кромѣ неспособности со стороны автора, заключается чаще всего въ томъ, что хотятъ быть новыми во что бы ни стало, ищутъ предметовъ поразительныхъ, важныхъ, и, пренебрегая фактами, пускаются въ философскія воззрѣнія и поэтическія описанія. Это общій недостатокъ девяносто-девяти изъ ста

путешествій. Почти всѣ они бываютъ удивительно глубокомысленны, бываютъ удивительно живописны, и—невыносимо скучны. Все хорошо въ нихъ, а зѣваешь; все ново, а между тѣмъ извѣстные и дешевые «guides» въ 16-ю и 32-ю долю листа, напечатанные мелкимъ шрифтомъ, такъ и толпятся въ вашей памяти. Вы хотите познакомиться съ характеромъ народа въ его домашнемъ быту, у себя, дома, такъ сказать,—а васъ душатъ скучными описаніями памятниковъ и зданій, щедро разсыпая архитектурные термины. Если у васъ станетъ терпѣнія прочесть такую книгу,—вы обыкновенно говорите, протяжно зѣвая: «стоило ли ѣздить такъ далеко, чтобъ написать книгу, которую всякій можетъ составить и не выѣзжая изъ своего захолустья, не только изъ предѣловъ родины»? Чтобъ путешествіе было интересно, надо только смотрѣть на вещи просто и, не гоняясь за поразительнымъ, передавать вѣрно, какое впечатлѣніе произвели на автора самые обыкновенные и вседневные предметы. Само собою разумѣется, что всякая страна имѣетъ свое значеніе, свою физіономію и свою вседневность. Въ Англіи, кромѣ парламентовъ, важны фабрики, купеческія конторы и рабочій классъ народа; въ Германіи всего важнѣе университеты; но во Франціи, прежде всего улицы, кафе́, театры, бульвары и гулянья. У кого есть глаза, чтобъ видѣть, уши, чтобъ слышать, и разсудокъ, чтобъ понимать видимое и слышимое, тотъ сейчасъ пойметъ, гдѣ на что должно обратить особенное вниманіе, и съ которой стороны должно взглянуть на предметъ, общій многимъ странамъ. Газеты издаются во всей Европѣ, такъ же, какъ и театры есть во всей Европѣ; но вездѣ они или наслажденіе или удобство жизни, а во Франціи—необходимость, насущный хлѣбъ, какъ въ старой Испаніи—бои съ быками и ауто-дафе еретиковъ. Литература составляетъ важную сторону жизни каждаго европейскаго народа; но въ Германіи она тѣсно связана съ наукою, въ Англіи она—просто литература; въ

въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ — обнародованіе богословскихъ мнѣній разныхъ сектъ; а во Франціи, литература—сама жизнь, по преимуществу народная, и тѣмъ менѣе обще-человѣческая. Опера въ Парижѣ—или наслажденіе немногихъ, или тщеславіе цѣлаго народа; а въ Италіи, это цѣлая жизнь, какъ во Франціи литература и журналистика. Итакъ, оставьте въ сторонѣ и длину, и вышину, и размѣры, и формы Nôtre Dame, Лувра, Тюльери, Пале-Рояля и пр., а лучше, если ужь заговорили о нихъ, разскажите намъ, какимъ образомъ возникли эти зданія изъ исторической жизни народа, и какими обстоятельствами, невозможными у всякаго другаго народа, сопровождалось ихъ построеніе; какъ смотритъ на нихъ народъ, какихъ событій въ его жизни были они театромъ или свидѣтелями. Не пересчитывайте число улицъ, не знакомьте насъ съ ихъ названіями: все это и мелко, и ничтожно, и трудно для памяти; а лучше скажите намъ, какъ толпится по нимъ живое народонаселеніе города: идетъ ли оно важно, размѣреннымъ шагомъ, съ скучною и апатическою физіономіею, или суетится, веселое, беззаботное, полное жизни и интереса. Словомъ, такъ покажите намъ народъ на улицѣ, чтобъ мы тотчасъ же узнали, каковъ онъ и у себя въ домѣ, а въ домѣ покажите намъ его такъ, чтобъ мы могли догадаться, каковъ онъ въ театрѣ. Стѣны ничего не значатъ: важны только люди...

Для наблюдательнаго путешественника очень легко схватить характеристическія черты страны, потому что характеръ страны прежде всего овладѣваетъ имъ самимъ, какъ прилипчивая болѣзнь. Въ Парижѣ вамъ не посидится дома, хоть бы вы были мизантропъ или подагрикъ: вамъ захочется бѣгать съ утра до ночи по кафе́, улицамъ,бульварамъ, театрамъ. Тамъ всего легче излѣчиться отъ русской хандры, или апатіи, и англійскаго сплина. Тамъ по неволѣ вы сдѣлаетесь говорливы, почувствуете охо-

ту до вѣстей и новостей. Тамъ вы будете даже любезнымъ, хотя бы вы были семинаристъ, квакеръ, или степной житель. Въ Италіи (вообще) вы сдѣлаетесь обожателемъ прекрасной природы, хотя бы отъ роду не видѣли въ природѣ ничего другаго, кромѣ полей, которыя производятъ хлѣбъ, и навозу, которымъ удобряются поля; сдѣлаетесь меломаномъ, хотя бы уши ваши неспособны были отличить романса Глинки отъ пѣсни Шуберта, или уличной шарманки отъ скрипки Оле-Буля. Въ Римѣ же вы непремѣнно сдѣлаетесь антикваріемъ и особенно комментаторомъ Вся сущность науки тамъ въ комментаріяхъ. Понять Данта, какъ поэта—будетъ для васъ посторонпимъ дѣломъ: вся ваша забота, вся дѣятельность и трудолюбіе устремятся на то, чтобъ на каждый стихъ Данта быть въ состояніи прочесть наизустъ тысячу комментаріевъ. А Данта читать извѣстное дѣло—все равно, что купаться въ Адріатическомъ морѣ... Избави васъ Богъ поддаваться этой страсти къ комментаріямъ, этому прилипчивому міазму: иначе вы воротитесь домой съ огромнымъ запасомъ пустыхъ комментаріевъ, но безъ живой души и здраваго смыслу, сдѣлаетесь страшнымъ педантомъ, заклятымъ врагомъ животворной идеи, изступленнымъ обожателемъ мертвой буквы, жаднымъ лакомкой до пергаментной гнили и фоліантной пыли... О, берегитесь, берегитесь! Иначе что за смѣшную роль будете вы играть, какъ лукаво будутъ улыбаться, слушая какъ вы въ высокопарныхъ фразахъ, прерываемыхъ точками, какъ-будто отъ одышки, будете производить въ геніи и Вальтеръ Скотты какого-нибудь посредственнаго итальянскаго романиста, или кстати и не кстати обращаться къ классической почвѣ и голубому небу Италіи.

Часто путешественники вредятъ себѣ и своимъ книгамъ дурною замашкою видѣть въ той или другой странѣ не то, что̀ въ ней есть, но то, что̀ они заранѣе, еще у себя дома, рѣшились въ ней видѣть, вслѣдствіе односторонпихъ

убѣжденій, закоренѣлыхъ предразсудковъ, или какихъ нибудь внѣшнихъ цѣлей и корыстныхъ разсчетовъ. Нѣтъ ничего хуже кривыхъ и косыхъ взглядовъ; нѣтъ ничего несноснѣе искаженныхъ фактовъ. А факты можно искажать и не выдумывая лжи. Иностранецъ, пріѣхавшій въ Петербургъ въ праздничный день, можетъ встрѣтить на улицахъ много пьяныхъ мужиковъ, — и если онъ будетъ выходить изъ своей квартиры только по праздникамъ, и притомъ вечеромъ, то безъ всякой лжи будетъ въ правѣ написать, что на петербургскихъ улицахъ ему попадалось много пьянаго народу изъ черни; но будетъ ли онъ правъ, если напишетъ, что когда ни выйди въ Петербургѣ на улицу, всегда встрѣтишь множество пьяныхъ «джентльменовъ»? Во всѣхъ большихъ городахъ есть большіе пороки, и кто хочетъ искать въ нихъ только одной этой стороны, тотъ всегда найдетъ ее. Поэтому, нѣтъ ничего легче, какъ оклеветать, или превознести страну: не нужно выдумывать фактовъ, стоитъ только обратить вниманіе преимущественно на тѣ факты, которые подтверждаютъ заранѣе составленное мнѣніе, закрывая глаза на тѣ, которые противорѣчатъ этому мнѣнію. Такимъ образомъ, никого не обманывая вымышленною ложью, можно увѣрять, что Французы—народъ суровый, тяжелый, разсчетливый, корыстный; а Англичане — народъ живой, легкій, увлекающійся, симпатичный и даже—чего добраго—гуманный!.... При этомъ случаѣ, очень удобно, можно доказать, что вездѣ и все худо, что Европа гніетъ, что желѣзныя дороги ведутъ въ адъ, и тому подобныя странности... Но эти странности,— чтобъ не назвать ихъ иначе, — бываютъ еще смѣшнѣе, когда путешественникъ худо играетъ принятую на себя по разсчетамъ роль; когда, въ немъ невольно проглядываетъ подобострастное удивленіе къ предметамъ, въ отношеніи къ которымъ онъ силится выказать притворное равнодушіе. Такъ иной, говоря съ презрѣніемъ о Беранже, Жоржъ

Зандѣ, Викторѣ Гюго, — вдругъ падаетъ на колѣни передъ какимъ-нибудь Ламартиномъ, какимъ-нибудь Альфредомъ де Виньи, какимъ-нибудь господиномъ де-Бальзакомъ. Такіе путешественники въ обоихъ случаяхъ обнаруживаютъ дикость правовъ, не смягченныхъ цивилизаціею и образованіемъ.

Путешествія пишутся иногда въ формѣ ежедневныхъ записокъ, — и тогда центромъ описаній дѣлается личность самого путешественника. Эта форма чрезвычайно интересна и увлекательна. Разумѣется, для этого прежде всего нужно, чтобъ личность путешественника не только не оскорбляла своимъ цинизмомъ, но еще и заинтересовывала бы читателя благоуханнымъ впечатлѣніемъ своей непосредственности. Но каково же будетъ это «благоуханное впечатлѣніе», если путешественникъ разсказываетъ вамъ, какъ и что̀ покупалъ онъ на площади?... Такая простонародная, площадная и циническая сцена не можетъ быть пріятна даже и тогда, когда дѣло идетъ о дырявомъ плащѣ; но каково же, когда вопросъ заключается въ сапогахъ, или въ чемъ-нибудь еще болѣе домашнемъ?... Что за удовольствіе для читателя узнать, что нашъ путешественникъ такъ чуждъ чувства изящнаго, что приходитъ въ изступленіе при видѣ прекрасныхъ, но безполезныхъ вещей, которыми любитъ окружать себя образованное чувство даже и въ житейскихъ мелочахъ, и на которыя даже бѣдный, но эстетически настроенный человѣкъ нашего времени охотно удѣляетъ часть своихъ средствъ, какъ на необходимости?... Нашъ вѣкъ не любитъ чопорной изысканности въ формахъ, но онъ еще далѣе отъ циничской неопрятности въ наружности. Есть люди, которые и въ халатѣ умѣютъ быть пристойными; но есть люди, которые и во фракѣ оскорбляютъ чувство приличія. Авторъ можетъ показаться своимъ читателямъ и въ халатѣ; но подобныя фамильярности съ его стороны не должны впадать въ ци-

низмъ. Записки путешественника не только могутъ, должны быть просты; но всему есть границы, полагаемыя чувствомъ и смысломъ, и отрывистыя отмѣтки, подобныя слѣдующимъ: «ѣли, легли спать;—вчера пошли было въ дешовый кабакъ обѣдать—на дорогѣ застигъ проливной дождь,—писали съ женою письма» напомнили бы собою записки прославленнаго Гоголемъ титулярнаго совѣтника Попрыщина ...

Иногда путешествія пишутся въ нѣкоторомъ систематическомъ порядкѣ. Авторъ сперва описываетъ зданія, потомъ промышленность, нравы народа, и такъ далѣе, посвящая каждую главу на особый предметъ, о которомъ онъ уже не имѣетъ нужды говорить въ другихъ главахъ своей книги. Эта форма имѣетъ свою выгоду и свою хорошую сторону, представляя читателю рядъ отдѣльныхъ и цѣлыхъ картинъ. Если она теряетъ въ калейдоскопической живости описанія, за то дѣлаетъ безопаснѣе личность автора отъ непріятнаго впечатлѣнія на читателя. Г. Строевъ очень хорошо поступилъ, избравъ эту форму, хотя къ описанію Парижа отрывочныя записки и всего лучше идутъ. Г. Строевъ болѣе или менѣе, но почти вездѣ избѣгъ исчисленныхъ нами недостатковъ, которые въ особенности вредятъ книгамъ путешествій. Правда, найдется въ его книгѣ нѣсколько ничего незначущихъ выраженій въ родѣ «Сѣверной Пальмиры», подъ которою, не знаемъ почему, ему угодно разумѣть нашъ Петербургъ. Конечно, Петербургъ городъ великолѣпный и необыкновенно красивый, но это совсѣмъ не причина называть его ни Пальмирою, ни Вавилономъ, ни другимъ древнимъ чуть-чуть не допотопнымъ городомъ, о которомъ мы не можемъ себѣ сдѣлать никакого представленія. Вообще, обыкновеніе называть новое старыми именами—Наполеона Цезаремъ, Барклая Фабіемъ, Кутузова сѣвернымъ Сципіономъ (для отличія отъ южнаго) прилично только для новыхъ изданій исторіи г. Кайданова, и развѣ еще литературщикамъ, подвизающимся въ заднихъ рядахъ

фельетонной литературы. Можно еще упрекнуть г. Строева за разсужденія, хоть ихъ у него—слава Богу—и немного. Такъ, напримѣръ, онъ могъ бы, безъ всякаго ущерба, но съ явною выгодою для своей книги, уволить насъ отъ своихъ взглядовъ на современную французскую литературу, ограничиваясь фактами и не мудрствуя... Мы охотно вѣримъ, что г. Строеву, какъ бывшему фельетонисту и автору давно забытыхъ (по счастію для него) «Сценъ Петербургской Жизни», Бальзакъ кажется великимъ романистомъ. Г. Бальзакъ дѣйствительно колоссъ передъ всѣми нашими бальзачниками, которые съ такимъ подробнымъ анализомъ расплываются въ описаніи будуара, наряда, движеній сердецъ своихъ графинь, княгинь и княженъ. Одно уже то, что Бальзакъ всегда шелъ своею дорогою и не только никому не подражалъ, но родилъ тысячи плохихъ подражателей, доказываетъ, что Бальзакъ человѣкъ съ замѣчательнымъ талантомъ. Онъ большой мастеръ разсказывать, и еслибъ не расплывался въ водяномъ и растянутомъ многословіи, которое онъ выдаетъ за тонкій анализъ платья, комнатъ, душъ, сердецъ, страстей и чувствъ — плодъ будто-бы глубокой наблюдательности; еслибъ онъ не выдумывалъ графинь и маркизъ, какія существуютъ только въ его воображеніи, прикованномъ къ прихожимъ салоновъ, а описывалъ болѣе доступную и болѣе знакомую ему дѣйствительность,—онъ былъ бы однимъ изъ замѣчательныхъ писателей втораго или третьяго разряда, не былъ бы теперь забытъ и осмѣянъ въ Парижѣ, не выписался бы такъ скоро и не издавалъ бы плохихъ статеекъ подъ фирмою плохаго «Revue parisienne». Также, мы охотно вѣримъ, что г. Строеву не можетъ слишкомъ нравиться г-жа Д'Юдеванъ: у всякаго свой вкусъ. И потому не будемъ спорить съ г. Строевымъ, а скажемъ просто, что его книга о Парижѣ чрезвычайно любопытна по содержанію, богата фак-

тами, хорошо написана, живо изложена, — и вообще такъ интересна, что трудно отъ нея оторваться.

РЕПЕРТУАРЪ РУССКАГО И ПАНТЕОНЪ ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ТЕАТРОВЪ ЗА 1842 ГОДЪ.

Изданіе И. Песоцкаго. Спб. 1842, №№ 1, 2, 3, 4.

Соединеніе двухъ названій на заглавномъ листкѣ одного изданія не новость на Руси: такъ «Сынъ Отечества» и «Сѣверный Архивъ» долго играли, во взаимныхъ объятіяхъ, роль двуутробки; обнявшіеся «Репертуаръ» и «Пантеонъ»—вторая, если не ошибаемся, двойчатка въ русской литературѣ: она представляетъ собою самый разительный примѣръ измѣнчивости судебъ всего подлуннаго и умилительное зрѣлище примирившихся враговъ, которые, въ порывѣ новой дружбы, смѣнившей старую вражду, такъ и хотятъ задушить другъ друга въ тѣсныхъ объятіяхъ... Но сущность дѣла заключается въ самомъ дѣлѣ, а не въ его названіи. Такъ иная книга смѣло называетъ себя, напримѣръ, исторіею русскаго народа, а въ самомъ-то дѣлѣ есть перефразировка исторіи Карамзина, сдобренная высшими взглядами, высокопарными философскими выходками, не кстати приводимыми и плохо понятыми идеями Гизо, Тьери, Нибура; такъ иное сочиненіе смѣло называетъ себя «драматическимъ представленіемъ», тогда, какъ въ самомъ-то дѣлѣ оно есть оскорбительная пародія на великое созданіе величайшаго генія, пелѣпость, оскорбляющая и эстетическій вкусъ, и здравый смыслъ... Такъ и «Репертуаръ», соединившись въ «Пантеономъ», измѣнился и расширился только въ заглавномъ своемъ листкѣ, сжавшись однако въ числѣ листовъ: все же прочее осталось въ немъ по прежнему, развѣ съ тою разницею, что стало еще хуже, чѣмъ

было прежде. Эта разница неоспоримо доказывается содержаніемъ первыхъ четырехъ книжекъ журнала-двойчатки. Вотъ что говоритъ редакція на 39 стр. первой книжки: «Въ прошедшіе три года, удерживаясь въ сихъ предѣлахъ, Репертуаръ нерѣдко затруднялся при печатаніи піесъ, принужденный иногда выбирать не изъ хорошаго лучшее, а изъ дурнаго посредственное». Итакъ, «Репертуаръ» наконецъ самъ съ наивною откровенностію сознался, что цѣлые три года выбиралъ изъ дурнаго посредственное, и слѣдовательно набивался одною посредственностію!... Къ этому прибавлять нечего: собственное сознаніе паче всякаго свидѣтельства... Можно развѣ замѣтить, что слово «посредственный» употреблено редакціею изъ деликатности къ собственному самолюбію, и замѣняетъ слова «вздоръ» и «пустяки»... «Но,—продолжаетъ откровенная въ прошедшемъ и осторожная въ настоящемъ редакція,—«нынѣ это неудобство устранено: соединившись съ Пантеономъ, Репертуаръ раздвигаетъ предѣлы свои и, не ограничиваясь піесами игранными, будетъ давать читателямъ своимъ такія оригинальныя и переводныя піесы, которыя хотя бы не были, но могутъ быть играны на русской сценѣ». Мы сами думаемъ, что «Репертуаръ» будетъ давать такія піесы: ибо онъ уже перевелъ съ французскаго на скорую руку новую піесу Скриба «Цѣпь», но кромѣ ея, онъ печатаетъ все игранныя на сценѣ чудища театральнаго міра: «Отецъ и дочь» — пошлость первой величины; «Елена Глинская» — скучная и длинная пародія на Шекспирова «Макбета»; «Приключеніе на искусственныхъ водахъ» — комедія водевиль, передѣланный съ французскаго г. П. Каратыгинымъ, конечно, въ тысячу разъ лучше «Отца и Дочери» и «Елены Глинской», но эта бездѣлка хороша на сценѣ, особенно если хорошо играется, а не въ печати. Вотъ драматическія сокровища, напечатанныя въ четырехъ первыхъ книжкахъ «Репертуара и Пантеона»: было изъ чего соединяться,

какъ будто бы для подобныхъ пустяковъ нужны соединенныя силы!...

Изъ статей не-драматическихъ, самыя замѣчательныя въ этихъ четырехъ книжкахъ «Репертуара»: «Отрывки изъ философическихъ записокъ суфлера, Фоки Савельича Пѣтушкова» Ѳ. Булгарина, и «Обзоръ русской драматической словесности», князя А. А. Шаховскаго. Извѣстно всѣмъ, что г. Булгаринъ особенно силенъ въ статьяхъ юмористическихъ. Вотъ образчикъ дивнаго остроумія его, украсившаго первую книжку «Репертуара» на нынѣшній годъ:

„Однажды (слова суфлера), за столомъ, на именинахъ жены его (подрядчика), попросилъ онъ прочесть монологъ изъ *Андромахи*, графа Хвостова. Передо мною стояло преогромное блюдо съ воздушнымъ пирожнымъ, называемымъ *безе!* Я какъ рванулъ, со всего размаха, первый монологъ, такъ всѣ пирожки разлетѣлись съ блюда, какъ пчелы изъ улья, и улеглись на прическахъ купеческихъ женъ и дочекъ, убранныхъ руками парикмахеровъ изъ подъ вывѣски: *Здѣсь брѣютъ и кровь отворяютъ*. Пошла кутерьма! У одной дамы пирожекъ оттянулъ локонъ и, прилѣпившись къ лицу, снялъ слой свинцовыхъ бѣлилъ и сурьмы; у другой сѣлъ на чепцѣ, какъ ворона на гнѣздѣ; у третьей залѣпилъ глазъ, которымъ она умильно посматривала на путейскаго офицера“, и т. п.

Не правда ли: какъ все это остро и мило, безъ натяжки, безъ преувеличенія, безъ дурнаго тона?... Мы увѣрены, что почитатели «Репертуара» животики надорвали, хохоча до слезъ и крича: «Ай, уморушка! ну, ужъ господинъ Булгаринъ! распотѣшилъ душеньку!». Но лучшая острота во всей статьѣ — это «излѣченіе отъ гнѣва декоктомъ дубинорумъ»!!!...

«Обзоръ Русской Драматической Словесности» есть какой-то запоздалый голосъ, нескладно вопіющій о геніи Сумарокова, съ важностію разбирающій красоты его трагедій. Статья начинается такъ: «Предки наши, Славяне, занимавшіе пространство отъ Балтійскаго до Чернаго морей, и въ соединеніи съ норманскими воинами составлявшіе одно обширное государство» и проч. Скажите на милость: какое

отношеніе имѣютъ Славяне и Норманы, Балтійское и Черное море къ русскому театру, начавшемуся въ губернскомъ городѣ Ярославлѣ, въ половинѣ XVIII вѣка?... Мнѣнія, изложенныя въ этой статьѣ, такъ вѣрны, что даже редакція «Репертуара» принуждена была, на каждой страницѣ, дѣлать оговорки въ выноскахъ: «Это мнѣніе почтеннаго автора сей статьи, а не редакціи Репертуара»... Такъ зачѣмъ же было помѣщать все это?... Вѣрно, затѣмъ, что ваше изданіе есть корзина, въ которую каждый можетъ бросать все, что̀ ему вздумается?...

О критикѣ «Репертуара» много говорить нечего, кромѣ того, что здѣсь набиваютъ руку и вострятъ свое перо и способности дѣти, которымъ страхъ какъ хочется поскорѣе имѣть усы и быть литераторами: это замѣтно и по взглядамъ, и по понятіямъ, и по слогу, и по дѣтскому неумѣнію выражаться грамотно и складно...

Въ Смѣси помѣщаются разные остроумные куплеты изъ такихъ водевилей, которые даже «Репертуару» совѣстно было принять на свои страницы. Вотъ для образчика:

Я одурѣлъ, я ошалѣлъ
И отъ вина, и отъ испуга;
Съ начала до конца ревѣлъ,
Какъ быкъ, или во сто пудъ бѣлуга!
Ну, словомъ, всѣхъ я удивилъ,
И пьесу *дьявольски* украсилъ.
Лунзѣ ногу отдавилъ
И президенту носъ раскварсилъ.

Скажите, Бога ради: для кого печатаются всѣ эти плоскости и пошлости? Неужели у «Репертуара» можетъ быть своя публика?...

ДВА ПРИЗРАКА. *Романъ. Соч. Ѳ. Фанъ-Дима. Спб. 1842. Четыре части.*

Въ оправданіе мудрой русской пословицы: «не родись ни уменъ, ни пригожъ, а родись счастливъ», недавно появившееся имя г-на Фанъ-Дима грозитъ сдѣлаться знаменитымъ именемъ въ современной русской литературѣ, благодаря вкусу, образованности, безпристрастію и добросовѣстности нѣкоторыхъ нашихъ журналовъ, которые до седьмаго неба превознесли водяную, дѣтски несвязную и напыщенную повѣсть «Александрина»—первый опытъ г. Фанъ-Дима. «Два Призрака» были превознесены ими только еще въ видѣ извѣщеній о появленіи этого романа: что же будетъ въ критикахъ и рецензіяхъ о немъ?... А между тѣмъ «Два Призрака» не только не уступаютъ въ пухлости и водянисти «Александринѣ», но едва ли еще и не превосходятъ ее въ этихъ качествахъ—ужъ тѣмъ однимъ, что въ четверо длиннѣе и пухлѣе ея. Эти «Два Призрака» не что иное, какъ одинъ призракъ, и суть самое «призрачное» явленіе современной литературы—четырехъ-томный пуль, огромное вмѣстилище словъ безъ значенія и фразъ безъ содержанія, длинный утомительный разсказъ о происшествіяхъ и случаяхъ, которыхъ не бываетъ въ дѣйствительности; вялое и безцвѣтное изображеніе людей, характеровъ и общества, которыхъ не было, нѣтъ и не будетъ нигдѣ, кромѣ холоднаго воображенія безталантныхъ сочинителей...

Мѣркою достоинства всякаго литературнаго произведенія, претендующаго на изображеніе дѣйствительности, должно быть его сходство съ изображаемою дѣйствительностію. Посмотримъ же до какой степени г. Фанъ-Димъ является вѣрнымъ живописцемъ современной дѣйствительности, которую онъ рисуетъ въ своихъ «Двухъ Призракахъ».

Идеальный кирасирскій офицеръ, Владиміръ Марлинъ, «страстно влюбленъ» въ Агаѳью, или Агату Леновскую,

преидеальную дѣвицу рѣдкой красоты, но и безпримѣрной глупости. Въ послѣдствіи оказывается, что она втайнѣ «боготворила» идеальнаго кирасира, а дурочкой только прикидывалась, вслѣдствіе добровольно даннаго ею обѣщанія своему ревнивому жениху, Васильскому, бывшему любовнику ея матери, которая, умирая, взяла съ ребенка Агаты клятву выдти за своего уже пожилаго обожателя. Вотъ основа романа.—Скажите: гдѣ бываютъ такія дѣвушки, которыя даютъ и сдерживаютъ слово играть въ обществѣ роль дуръ? Гдѣ бываютъ женихи, которые, изъ ревности, требуютъ подобныхъ условій отъ своихъ невѣстъ? Гдѣ бываютъ общества, въ которыхъ совершаются такія чудныя исторіи? Видите ли, какъ проста и естественна завязка романа, какъ она въ духѣ современнаго общества, и какъ вѣрно характеризуетъ она современную дѣйствительность!.... Но далѣе: идеальная Агата тайно присылаетъ къ идеальному кирасиру письма, по добродушному убѣжденію автора, полныя ума, чувства и женской прелести, и подписывается подъ письмами Аріэлемъ. Идеальный Марлинъ, любя Агату, влюбляется и въ таинственнаго Аріэля, и такимъ образомъ колеблется между «двумя призраками» до тѣхъ поръ, пока дѣло не объяснилось въ концѣ четвертой части и онъ не женился, вмѣсто двухъ, на одномъ призракѣ. Въ первой и въ половинѣ второй части приплетена, ни къ селу, ни къ городу, какая-то Аменаида Гольцева,—тоже «идеальная» женщина, страстно влюбленная въ «идеальнаго» Марлина. Это обстоятельство значительно увеличиваетъ пухлую толщину и томительную скуку романа.

Характеровъ въ этомъ романѣ нѣтъ: въ немъ все призраки, которые говорятъ длинно, утомительно, надуто и плоско. Самъ Марлинъ, что называется—просто глупъ, и слава Богу; его высокопарная дичь явно заимствована изъ «Милорда Англинскаго» и «Гуака, или Непреоборимая Вѣрность». Агата... но мы объ ней не скажемъ ни слова, изъ

уваженія къ ея твердой рѣшимости слыть глупою и, въ оправданіе этой благородной рѣшимости, выпишемъ нѣсколько словъ изъ ея писемъ:

„Я сейчасъ изъ Александринскаго театра..... Я видѣла M-me Allan въ трогательной роли la lectrice.. .. Исполненіе прекрасно, я была въ восхищеніи, плакала, но не забывала, что я въ театрѣ и что она актриса,—впрочемъ (,) кажется (,) актриса замѣчательная и любимая публикою".

Конечно, не рѣшившись твердо играть роль глупой, нельзя восхищаться, плакать отъ игры артиста, и въ то же время не забыть, что онъ актёръ?... Еще менѣе пельзя говорить холодно, предположительнымъ тономъ, что г жа Алланъ, кажется, актриса замѣчательная и любимая публикою... Но смѣшнѣе и карикатурнѣе всѣхъ другихъ дѣйствующихъ лицъ романа—Петръ Александровичъ Смѣльскій, на которомъ авторъ хотѣлъ показать опытъ своего комическаго дарованія. Если прочія лица надуты и натянуты, то лицо Смѣльскаго плоско и тривьяльно, тогда какъ авторъ явно силился сдѣлать изъ него умнаго, милаго и достолюбезнаго чудака.—«Но я не хочу ее любить!»—говоритъ Марлинъ Смѣльскому.—«Не хочешь? вотъ это новость! Давно ли въ твоей поэтической, художнической башкѣ слова: любовь и воля стали ходить въ одной упряжкѣ? Ты не хочешь ее любить, прошу покорно! За что же такія немилости?»—Такъ, отвѣчалъ Смѣльскій Марлину.

Только не желая распространяться о пустякахъ, не приводимъ изъ этого романа примѣровъ приторной дружбы, сладенькой любви, пряничной сантиментальности и другихъ подобныхъ жалкихъ чувствованьицъ. Но, вмѣсто этого, приведемъ нѣсколько примѣровъ романическаго слога г. Фанъ-Дима: «посовѣтую ему залить шампанскимъ свои сухіе вздохи, и, съ доброй подорожной проклятій, отправить къ чорту свою глупую страсть»; — «авторъ владѣетъ внимательнымъ слухомъ: онъ слышитъ даже быструю рѣчь воображенія (?), нѣмой говоръ сердца или шопотъ таинствен-

ной души (??), такъ же ясно, какъ громкій перебой рѣчей гостиной, какъ звонкую трещотку людскихъ мнѣній, или гласную тревогу поэтическаго восторга...»;—«въ груди ея горѣлъ жаръ тропиковъ»;— самыя высокія идеи являлись въ разговорахъ его естественно (,) мило, безъ малѣйшей натяжки, не на ходуляхъ напыщеннаго романтизма, но на двухъ здоровыхъ ногахъ образованнаго здраваго смысла»;—«разговоръ съ Смѣльскимъ вспѣнилъ ея чувства надеждой»;—«когда же напротивъ въ фантастическомъ эскадронѣ думъ Владиміра все обстояло благополучно»;—«дума человѣческая—такая же бездна, когда въ ней заволнуютъ волны злобствующей ревности»... Но довольно—всего не перечтешь и не выпишешь... Подражая такъ каррикатурно Марлинскому въ слогѣ, г. Фанъ-Димъ, къ сожалѣнію, не подражаетъ ему въ правильности языка: «въ Двухъ Призракахъ» часто попадаются галлицизмы.

Въ заключеніе, должно сказать, что «Два Призрака» наполнены множествомъ разсужденій, изъ которыхъ иныя обнаруживаютъ въ авторѣ человѣка умнаго и образованнаго; но которыя, вмѣстѣ съ тѣмъ, доказываютъ, что умъ и начитанность, при отсутствіи эстетическаго чувства, вкуса и творческой изобрѣтательности, при незнаніи сердца человѣческаго и современной дѣйствительности, никого не могутъ сдѣлать романистомъ и поэтомъ...

АМЪМАНАХЪ *въ память двухсотлѣтняго юбилея Императорскаго Александровскаго университета, изданный Я. Гротомъ, Гельсингфорсъ, 1842.*

Заглавіе этой книги само говоритъ о причинѣ и цѣли ея явленія,—и потому мы прямо приступимъ къ разсмотрѣнію составляющихъ ее статей.

Первая статья «Воспоминанія Александровскаго Университета» принадлежитъ самому издателю и содержитъ въ себѣ подробную исторію финляндскаго святилища наукъ. Абоскій университетъ основанъ 1640 года 14 іюля, слѣдовательно, существуетъ слишкомъ 200 лѣтъ, и потому— старѣйшій университетъ въ Россійской имперіи, послѣ Дерптскаго, который основанъ въ 1632 году, но былъ закрытъ съ 1710 по 1719 годъ. Еще Густавъ-Адольфъ думалъ объ основаніи университета въ Финляндіи; но тридцатилѣтняя война помѣшала ему въ этомъ, и онъ успѣлъ только обратить старинную абоскую школу въ гимназію. Вотъ эта-то гимназія и была обращена королевою Христиною въ университетъ, по старанію графа Браге, губернатора Финляндіи. Въ обнародованной по сему случаю королевской грамматѣ, между прочимъ, излагается, на старинномъ шведскомъ языкѣ, какъ «во всѣ времена міра признавалось, что школы и академіи подобны разсадникамъ и растилищамъ, гдѣ изъ книжныхъ искусствъ добрые нравы и добродѣтели свое первое происхожденіе извлекаютъ» и какъ «въ прежнія времена не только язычники крайне заботились объ основаніи и учрежденіи такихъ школъ, но и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ было какое-нибудь понятіе и свѣдѣніе о Богѣ, всегда о томъ же пеклись; особливо съ тѣхъ поръ, какъ христіянство стало озарять вселенную, начали разные христіянскіе короли и регенты не менѣе прилагать величайшее стараніе»... и пр. Потомъ говорится, что по столькимъ полезнымъ примѣрамъ въ чужихъ земляхъ и въ отечествѣ, а наиболѣе по примѣру Густава Адольфа Великаго, который между прочимъ возстановилъ академію въ Упсалѣ и основалъ новую въ Дерптѣ, признается за благо «къ чести и украшенію нашего Великаго Княжества Финляндскаго» учредить въ Або, вмѣсто гимназіи «academiam или университетъ». Далѣе, предоставляются новому учрежденію тѣ же права и преимущества, какими пользуется

Академія Упсальская, и повелѣвается всѣмъ уважать по достоинству «реченный нашъ Абоскій университетъ, какъ мастерскую добродѣтелей и свободныхъ книжныхъ искусствъ».

На содержаніе университета первоначально назначено было только 6125 серебряныхъ талеровъ, часть которыхъ выплачивалась изъ Абоскаго казначейства, а остальная— натурою, т.-е. хлѣбомъ, сѣномъ и пр. Профессоровъ первоначально было 11, изъ которыхъ только два Финна, а прочіе — Шведы; студентовъ 44, изъ которыхъ только 8 было Финновъ. Любопытно распредѣленіе предметовъ по философскому факультету, въ которомъ было 6 кафедръ: политики и исторіи (politices et historiarum), греческаго и еврейскаго языковъ (linguarum hebraeae et graecae), математики (mathematum), физики и ботаники (physices et botanices), логики и поэзіи (logices et poëseos), краснорѣчія (eloquentiae, куда собственно относилась только латинская литература). Не прошло года, какъ число учащихся возросло до 300. Лекціи читались на латинскомъ языкѣ. Въ 1643 году университетъ уже назначилъ промоцію, или возведеніе студентовъ на степень магистровъ. Отъ высшаго начальства послѣдовало строжайшее предписаніе возводить въ эту степень только самыхъ достойнѣйшихъ. Объ одномъ студентѣ при этомъ случаѣ постановлено было, что такъ какъ онъ «in vita et moribus (по поведенію) грубоватъ, хотя впрочемъ ученая персона», то и позволить ему только держать преніе на степень, но не промовировать его. Объ одномъ магистрѣ, dominus Torpensis, сказано въ протоколѣ консисторіи (универс. совѣта): «Не благопристойно, что онъ въ разныхъ мѣстахъ сватается, почему per occasionem и замѣтить ему, чтобы онъ впредь не такъ часто, какъ доселѣ, пѣлъ свои пѣсни и вирши; онѣ ни ему, ни академіи похвалы не приносятъ». Также, какъ черту тогдашнихъ нравовъ, приводимъ резолюцію, приложенную при

промоціи: «Поелику оный Сигфридусъ къ отвѣту не готовъ, то философскому факультету потребовать, чтобъ онъ еще 3 года пробылъ здѣсь при академіи и учился прилежно. Впрочемъ, означенный Dr. S. можетъ тотчасъ послѣ промоціи отправиться куда-нибудь въ Швецію, гдѣ бы его слабость in studiis не могла обнаружиться къ посрамленію сей академіи».

Но разительнѣйшую черту вѣка представляетъ осужденіе на смерть одного студента, Эоленіуса, за колдовство, въ 1661 г. Въ числѣ обвиненій были и его быстрые успѣхи въ латинскомъ и восточныхъ языкахъ, красивый почеркъ и легкость, съ какою другой студентъ выучился у него латинскому языку. Быть бы бѣдному на кострѣ, еслибъ не вступился за него Браге, пенашедшій достаточныхъ причинъ къ осужденію Эоленіуса, и велѣвшій зачесть ему въ наказаніе долговременное заключеніе въ карцерѣ. Подобный же случай былъ въ 1670 году. У студента Гупперуса, въ Ревелѣ, нашли тетрадь, въ которую онъ, бывши еще въ Або, выписалъ откуда-то нелѣпыя правила о томъ, какъ посредствомъ союза съ нечистымъ духомъ сдѣлаться вдругъ ученымъ и т. п. По возвращеніи въ Або, онъ за это былъ присужденъ къ тюремному заключенію, къ покаянію и удаленію навсегда изъ университета. Самъ тогдашній проканцлеръ Гецеліусъ старшій, человѣкъ во многихъ отношеніяхъ замѣчательный, участвовалъ въ этомъ рѣшеніи; но и оно, по жалобѣ обвиненнаго, было уничтожено графомъ Браге. Этотъ замѣчательный человѣкъ, стоявшій выше своего грубаго вѣка, до самой смерти своей, слишкомъ 40 лѣтъ былъ покровителемъ Абоскаго университета.

Изъ нашихъ сокращенныхъ выписокъ читатели могутъ видѣть, какъ интересна статья г. Грота; не желая разстаться съ нею такъ скоро, выписываемъ вполнѣ слѣдующее мѣсто:

„Но ничто такъ не показываетъ грубости тогдашнихъ нравовъ, даже въ самыхъ школахъ, какъ обычай, извѣстный подъ именемъ *депозиціи*. На молодыхъ людей, хотѣвшихъ поступить въ университетъ, надѣвали платье изъ разноцвѣтныхъ лоскутьевъ, черный плащъ, шапку съ ослиными ушами и съ рогами. Потомъ, начернивъ лицо ихъ и въ каждый уголъ рта вставивъ имъ по длинному свиному клыку, депозиторъ—такъ назывался особый человѣкъ—съ огромной аллебардой въ рукѣ, гналъ ихъ, какъ стадо, въ университетскую залу, гдѣ ихъ ожидало многочисленное общество. Тамъ они становились въ кружокъ около своего пастыря: онъ начиналъ выравнивать и мѣрить ихъ своею аллебардой, корчить передъ ними лицо, присѣдать, смѣяться надъ ихъ маскарадомъ. Потомъ произносилъ онъ рѣчь, доказывалъ по своему необходимость воспитанія и, задавая разные вопросы, слегка ударялъ новичковъ, когда клыки мѣшали имъ отвѣчать; особыми щипцами схватывалъ ихъ за горло, валилъ на полъ; клыки ихъ, рога и уши сравнивалъ съ пороками, невѣжествомъ и глупостью. Вырывая послѣ эти украшенія, говорилъ, что такъ точно науки должны истреблять въ нихъ все дурное. Еще вынималъ онъ изъ особаго мѣшка стругъ, приказывалъ имъ ложиться по очереди на полъ, стругалъ ихъ во всѣхъ направленіяхъ и дѣйствіе это уподоблялъ дѣйствію ученія на душу. Слѣдовали разныя другія церемоніи въ томъ же родѣ, послѣ чего онъ окачивалъ своихъ мучениковъ цѣлымъ ведромъ воды и вытиралъ имъ лицо жесткой тряпкой. Тутъ онъ провозглашалъ ихъ *свободными студентами академіи*; но съ тѣмъ, чтобъ они еще 6 мѣсяцевъ ходили въ своихъ черныхъ плащахъ и прислуживали старымъ студентамъ съ безусловною покорностью. Служба эта называлась *пенализмомъ* и до послѣднихъ временъ сохранилась въ нѣкоторой степени при Абоскомъ университетѣ. Должность же депозитора была уничтожена еще въ исходѣ 17-го столѣтія (постановленіемъ 25 ноября 1691 г.). До того времени она поручалась обыкновенно какому-нибудь магистру, пользовавшемуся общимъ уваженіемъ. Депозиторъ содержался на иждивеніе студентовъ. Консисторія должна была напоминать ему, чтобы онъ обращался съ ними порядочно и пристойно“.

„Другимъ обычаемъ того времени было представленіе въ университетѣ комедій при торжественныхъ случаяхъ: актерами были студенты, игравшіе подъ руководствомъ одного изъ профессоровъ. Этотъ обычай перешелъ въ Або изъ Упсалы, куда занесенъ былъ изъ школъ іезуитскихъ.

„Какъ черту, характеризующую вѣкъ, приведемъ здѣсь отрывокъ

опредѣленія университетской консисторіи отъ 1642 года". На ректорскихъ угощеніяхъ (т.-е. обѣдахъ, даваемыхъ новыми ректорами) должно подавать 6 ординарныхъ блюдъ, не считая масла, хлѣба и окорока; послѣ обѣда не разносить конфектъ, а развѣ только сыръ. И надлежитъ ректору подавать хорошее финское пиво и немного французскаго вина" и т. п. Потомъ исчислены почетные чины, которыхъ ректоръ долженъ торжественно приглашать; „что касается до типографщика, книгопродавца и переплетчика, то ректоръ можетъ приглашать ихъ черезъ своего собственнаго слугу, если заблаго-разсудитъ". Сверхъ того, дозволяется ректору позвать одного или двухъ добрыхъ пріятелей или родственниковъ и тѣхъ изъ студентовъ, которые при торжествѣ участвовали въ музыкѣ. Женщинъ отнюдь не велѣно приглашать, ни даже женъ профессоровъ или другихъ гостей, и подъ опасеніемъ штрафа запрещено пировать до другаго дня.

Также подробно и также интересно разсказываетъ г. Гротъ и дальнѣйшую исторію Абоскаго университета до незабвеннаго дня $^{4}/_{16}$ іюня 1808 года, когда Высочайшимъ рескриптомъ на имя проканцлера, епископа Тенгстрема, Императоръ Александръ утвердилъ «силу всѣхъ правъ и преимуществъ, Абоскому университету присвоенныхъ», и когда богатыя милости высокаго ревнителя просвѣщенія дали этому учрежденію новую силу и новую жизнь.

Вторая статья въ альманахѣ г. Грота есть «Путешествіе на Юбилей 1840 года – большое стихотвореніе (117—132), знаменитаго финляндскаго поэта Францёна. Оно отличается общими качествами всѣхъ, писанныхъ на торжественные случаи стихотвореній. — «Финляндія въ русской поэзіи», письмо къ Цигнеусу г. Плетнева, замѣчательно, какъ фактъ, до какой степени Финляндія имѣла вліяніе на вдохновеніе нашихъ поэтовъ. — «Нѣсколько дней въ Лапландіи» — въ высшей степени любопытная статья г. Кастрена, доцента финскаго и древнихъ сѣверныхъ языковъ при Александровскомъ университетѣ. Г. Кастренъ не разъ путешествовалъ по разнымъ областямъ Финляндіи, собирая памятники народной финской словесности. Главный трудъ г. Ка-

стрена есть шведскій переводъ въ стихахъ большой финской поэмы «Калевала».—«Необойденный Домъ»—повѣсть князя Одоевскаго, прекрасно разсказанная.—«О національномъ характерѣ Финновъ»—чрезвычайно любопытная статья г. Эмина, лектора исторіи при гимназіи въ Борго, и издателя литературнаго листка. — «Макбетъ христіянская ли трагедія?» статья г. Рунеберга, не обличающая въ авторѣ особеннаго критическаго такта, или современныхъ понятій объ искусствѣ. «О литературной совѣстливости»— письмо къ Рунебергу графа Соллогуба, содержаніемъ и изложеніемъ своимъ не совсѣмъ напоминаетъ даровитаго автора «Исторіи Двухъ Калошъ», «Тарантаса» и «Аптекарши». Немного странны могутъ показаться эти нападки на журналистику и на французскую литературу, какъ-будто отъ нихъ гибнетъ міръ?... Гдѣ люди, тамъ и зло; но гдѣ люди, тамъ же и добро: вольно же, видя одно, не указывать на другое?... И какъ сравнить Парижъ съ Або? Въ послѣднемъ не удивительна чистота нравовъ и безкорыстіе ученой и литературной дѣятельности: въ этомъ маленькомъ свѣтломъ ручейкѣ нѣтъ подводныхъ камней, на немъ не бываетъ бурь и урагановъ,—плыви себѣ, ничего не бойся, ничѣмъ соблазняйся, созерцая бѣдную, но величавую природу и погружаясь во внутрь святилища души своей... Парижъ—море, океанъ; но тамъ-то и слава смѣлому пловцу, презирающему и ярость волнъ и губительную твердость подводныхъ камней. А такіе отважные пловцы только и бываютъ, что на большихъ моряхъ... Немного странна и, признаться, немного смѣла мысль—изрекать анаѳему на цѣлый народъ, и объявлять его никуда негоднымъ.... Пора бы оставить намъ выходки на цѣлыя націи, вмѣстѣ съ оставленными выходками противъ моднаго платья, французскаго языка, баловъ и танцевъ: все это не худо бы предоставить моральнымъ и бездарнымъ романистамъ... Деньги—вотъ зло въ литературѣ!—кричатъ всѣ. Да помилуйте,

кто же можетъ существовать безъ денегъ, или кто захочетъ трудиться безъ вознагражденія.

Не продается сочиненье,
Но можно рукопись продать?

справедливо сказалъ Пушкинъ. Торгуетъ своими трудами только посредственность; истинный талантъ не почтетъ для себя унизительнымъ взять деньги за свой литературный трудъ, но почтетъ низостію писать для денегъ. Нѣтъ, и у насъ есть благородные дѣйствователи, отрадныя исключенія изъ общаго правила. Ссылаемся въ этомъ на самого графа Соллогуба, который, вѣроятно, самъ знаетъ не двухъ, не трехъ изъ нихъ... Тоже и въ журналистикѣ: это «Отечественныя Записки» могутъ сказать смѣло, гордо и не краснѣя... Но не съ одной этой стороны мы не согласны съ статьею графа Соллогуба: мы думаемъ также, что онъ несовсѣмъ опредѣлительно характеризуетъ русскихъ писателей:

„Передъ нами Державинъ съ своимъ мощнымъ стихомъ, Крыловъ съ народными баснями, Карамзинъ совѣстливыми и прекрасными трудами, Пушкинъ, пылающій страстію и остроуміемъ (*и только?...*), Жуковскій докторъ вашего университета, гремящій о славѣ русскаго величія на кровавомъ полѣ бородинской битвы. Вотъ имена, которыя мы произносимъ съ гордостью... а за ними имена Батюшкова, Веневитинова, Козлова, Языкова, Гоголя, Хомякова...“

Впрочемъ, если мы и «нападаемъ» на статью графа Соллогуба, то нападаемъ только на сущность ея, на содержаніе, а не на небрежности въ языкѣ: это предоставляемъ мы на разживу нищей братіи; только ея терпѣнію сродно высчитывать опечатки и мелкія обмолвки противъ грамматики, которую она такъ «твердо выучила». Судить о содержаніи она не въ силахъ; если жъ когда и пріймется, то наскажетъ такихъ диковинокъ, что досыта нахохочешься: ей, напримѣръ, вдругъ покажется, что повѣсти Нарѣжнаго во сто кратъ лучше повѣстей Гоголя (дался ей этотъ Гоголь!), что въ повѣстяхъ Гоголя нѣтъ философскаго взгляда на

свѣтъ (эти господа не шутя хлопочутъ о философскихъ взглядахъ!...), нѣтъ познанія сердца человѣческаго, и, наконецъ, что князь Одоевскій и графъ Соллогубъ выше Гоголя, какъ Чимборасо выше Пулковской горы... Избави насъ Богъ вступать въ споры съ этими господами о дѣлѣ вкуса, котораго имъ не далъ Богъ; но зачѣмъ же они ставятъ князя Одоевскаго и графа Соллогуба ниже даже гг. Булгарина и Греча и объявляютъ, что оба означенные литератора не умѣютъ писать, не знаютъ языка и грамматики (если грамматики г. Греча—такъ правда: да кто же ее и знаетъ кромѣ самого «почтеннаго» ея автора?)?... Что все это доказываетъ?—То, что гдѣ есть литераторы, тамъ есть и «сочинители», гдѣ люди, тамъ и разныя насѣкомыя, созданныя только для того, чтобъ жужжать и надоѣдать людямъ, которые то и дѣло прихлопываютъ ихъ...

«Нынѣшіе крестьяне-поэты Финляндіи»—прелюбопытная статья г. Леврота, провинціальнаго врача въ Каянѣ. Г. Леврогъ—ревностный собиратель финнскихъ народныхъ пѣсень, пословицъ и т. п. Онъ обошелъ нѣкоторыя части Финляндіи пѣшкомъ, и важнѣйшими плодами его странствованій были: «Кантелетаръ» (Дочь Арфы), огромное собраніе отдѣльныхъ пѣсень, и «Калевала» (Финляндія), 32 большія пѣсни, составляющія, по открытію, одно цѣлое, родъ эпической поэмы.

Вообще, любопытнѣйшія статьи въ альманахѣ г. Грота суть тѣ, которыя непосредственно относятся къ Финляндіи.

КОМАРЫ. *Всякая всячина, Ѳаддея Булгарина. Рой первый. Спб. 1842.*

КАРТИНКИ РУССКИХЪ НРАВОВЪ. *Спб. 1842.*

СКАЗКА О СЛАВНОМЪ ВИТЯЗѢ И МОГУЧЕМЪ БОГАТЫРѢ ИВАНѢ ТРОФИМОВИЧѢ ЛЯГУШКИНѢ, О ПРЕКРАСНОЙ ЦАРЕВНѢ СВѢТЛОВИДѢ И КОСОЛАПОМЪ ДРУГѢ МЕДВѢДѢ. *Спб. 1841.*

Вотъ почти все, чѣмъ даритъ насъ апрѣль мѣсяцъ по части изящной словесности и изящной прозы! Больше ничего! Ни одного романа, ни одного собранія повѣстей, ни одной сносной повѣсти!... Скудный, безплодный мѣсяцъ... Вообразите: всего на все—«Комары», новыя картинки къ старымъ сказкамъ будто-бы о русскихъ нравахъ, и—новая сказка о Богатырѣ Лягушкинѣ, Царевнѣ Свѣтловидѣ и косолапомъ медвѣдѣ!...

«Комары»—чрезвычайно интересное явленіе въ современной русской литературѣ: здѣсь извѣстный сочинитель, г. Ѳ. Булгаринъ, вылился весь со всею солью, со всѣмъ блескомъ своего остроумія, со всею силою своего таланта, со всею своею философіею (?)... Это, можно сказать, результаты его литературной дѣятельности, его литиратурныя убѣжденія. И потому, нельзя отдѣлаться отъ этой книжонки двумя словами; надо перебрать ее внимательнѣе—для пользы читателей, которымъ, вѣроятно, не прійдется читать ее.

Первая статейка въ «Комарахъ» г. Булгарина называется «Вмѣсто Предисловія»: въ ней очень тонко и очень зло критикуются люди, которымъ ничего не стоитъ проиграть въ преферансъ десять цѣлковыхъ, и которымъ жаль заплатить за «Комаровъ» полтора цѣлковыхъ. Признаемся, въ этомъ случаѣ, мы сами готовы причислить себя къ этимъ

окритикованнымъ людямъ! Лучше убить вечеръ за преферансомъ, нежели читать старые разсказы, давно истертые въ газетныхъ фельетонахъ. Во второй статейкѣ, объясняется разница между «Осами» (les Guêpes) Альфонса Карра и «Комарами» г. Булгарина. Мы думаемъ, что подобное объясненіе совершенно излишне: «Осы» французскаго литератора довольно скучны, какъ и всѣ книги, въ которыхъ авторы берутся острить наподрядъ и въ срокъ; но въ «Осахъ» Альфонса Карра встрѣчаются иногда вещи дѣйствительно остроумныя. Ниже, читатели ясно увидятъ разницу въ этомъ отношеніи между «Осами» и «Комарами»... Дальнѣйшее различіе между ними состоитъ еще въ томъ, что А. Карръ сражается въ своихъ «Осахъ» не съ лицами, а съ началами (principes), и преслѣдуетъ не своихъ личныхъ непріятелей, а доктрину, непріязненную его собственной доктринѣ; господинъ же Булгаринъ, напротивъ, сдѣлалъ изъ своихъ «Комаровъ» апоѳеозу собственной своей литературной личности заживо и говоритъ въ нихъ только или о самомъ себѣ и своихъ сочиненіяхъ, или о людяхъ, которымъ его сочиненія не столько нравятся, какъ ему самому. Вотъ объ этомъ-то различіи слѣдовало бы ему распространиться, но объ немъ-то онъ и умолчалъ, вѣроятно, предполагая, что это и безъ того замѣчено будетъ людьми догадливыми... Вмѣсто того, г. Булгаринъ распространился о томъ, что «Осы» исполнены личностей, а «Комары», будто-бы, чужды личностей—изъ чего и выводится подразумѣваемое имъ скромное заключеніе, что «Комары» лучше «Осъ». Но хотя «Комары» г. Булгарина и жужжатъ безпрестанно то прямою бранью, то намеками на «толстые журналы» и на «Петербургскія Квартиры», извѣстную комедію-водевиль г. Кони, которая по весьма понятнымъ причинамъ такъ не нравится ему,—однакожъ, мы не хотимъ тутъ видѣть никакихъ литературныхъ личностей и намековъ, и очень жалѣемъ, что господинъ-сочинитель «Ко-

маровъ» не поступилъ такъ же, и вздумалъ видѣть личности тамъ, гдѣ не имѣлъ права подозрѣвать ихъ. Г. Булгаринъ утверждаетъ, будто въ русской литературѣ есть люди, которые за критику мстятъ своимъ противникамъ—клеветою!!... Послушайте, что онъ говоритъ объ этомъ: «Для удовлетворенія жаждѣ мщенія, за какую-нибудь критику, или острое словцо, эти господа представляютъ литераторовъ въ гнусномъ видѣ, и тѣмъ наносятъ величайшій вредъ нашей юной литературѣ. И кто же пишетъ все это?... Вотъ, напримѣръ, посмотрите, какимъ образомъ выставленъ русскій журналистъ въ такъ называемой комедіи-водевилѣ: «Петербургскія Квартиры!» Хуже всякаго подъячаго ябедника!... Это самое гнусное лицо въ мірѣ, лжецъ, взяточникъ... Онъ беретъ деньги за похвалы съ книгопродавцевъ... Они даютъ ему золото!...» (стр. 10 и 11). Затѣмъ, г. Булгаринъ старается изо всѣхъ силъ увѣрить своихъ читателей, что наши книгопродавцы и золото—понятія несовмѣстныя, и что такихъ безнравственныхъ журналистовъ на Руси нѣтъ. Да изъ чего же всѣ эти хлопоты? Почему г. Булгаринъ нападаетъ именно съ этой стороны на «Петербургскія Квартиры»? Непостижимо! Намъ кажется, что всякій благоразумный читатель долженъ видѣть въ этомъ водевилѣ только чистый вымыселъ фантазіи, а отнюдь не статистическое, или историческое сочиненіе? Публика хочетъ смѣяться—и водевилистъ смѣшитъ ее изображеніемъ разныхъ чудаковъ,—а иногда и негодяевъ, если онъ къ тому имѣетъ еще и нравственную цѣль, какъ вѣроятно имѣлъ ее авторъ означеннаго водевиля. Литература, въ смыслѣ вымысловъ воображенія, рисуетъ не то, что есть въ самомъ-дѣлѣ, а то что возможно; для уничтоженія этой-то возможности и пишутся нравственно-сатирическія сочиненія, въ которыхъ, по увѣренію г. Булгарина, онъ самъ съ такимъ блестящимъ успѣхомъ подвизался. Г. Булгаринъ написалъ столько чорныхъ, и между тѣмъ, конечно, ни на кого не похожихъ

портретовъ взяточниковъ,—и однакожь, можно ли утвердительно сказать, что на Руси есть такіе взяточники? Ихъ нѣтъ; но есть возможность ихъ существованія,—для того-то грѣхъ лихоимства и изображается въ такихъ гнусныхъ чертахъ, чтобы предотвратить въ будущемъ возможность появленія взяточниковъ. Здѣсь предается казни общественнаго мнѣнія идея, а не лицо, или лица. Также точно и г. Кони, вѣроятно, имѣлъ въ виду предать публичному позору идею безсовѣстнаго и безчестнаго журналиста, наносящаго срамъ и литературѣ и журнальному дѣлу, а отнюдь не оскорбить журналистовъ намекомъ. И лучшимъ доказательствомъ справедливости нашего мнѣнія служитъ то, что доселѣ ни одинъ изъ журналистовъ не думалъ оскорбиться піесою г. Кони, напротивъ, многіе хвалили ее, а публика ей апплодировала, вызывала автора, актеровъ, и всѣ единодушно жалѣли, что автору вздумалось исключить при представленіи самый лучшій ея актъ, въ которомъ именно изображенъ журналистъ-взяточникъ, и котораго высокое достоинство всѣмъ извѣстно было не изъ рукописи, а изъ печатной книги.

Нападки «Комаровъ» г. Булгарина на піесу г. Кони тѣмъ страннѣе и непонятнѣе, что самъ же г. Булгаринъ, весьма основательно замѣчаетъ: «правда всегда выходитъ на верхъ, какъ масло въ водѣ, и несправедливость вредна не тому, противу кого устремлена, а тому, кто сочинилъ, ее» (стр. 12). Но при всемъ своемъ негодованіи на «Петербургскія Квартиры», господинъ сочинитель «Комаровъ» называетъ піесу г. Кони только цвѣточками, а ягодками называетъ—что бы вы думали?—нѣсколько строкъ, почему-то зацѣпившихъ его за живое, изъ статьи князя Вяземскаго, напечатанной въ «Утренней Зарѣ» на 1841 годъ!... Для повѣрки нашей справедливости въ спорѣ съ господиномъ сочинителемъ «Комаровъ», выписываемъ ихъ изъ самыхъ «Комаровъ» (стр. 13).

Должно однакожь замѣтить, что литературныя несогласія того времени были не иное что, какъ рыцарскіе поединки, въ которыхъ дѣйствовали однимъ законнымъ и честнымъ оружіемъ; тогда искали торжества мнѣнію своему, хотѣли выказать искусство свое, удовлетворить нѣкоторой удалости ума, искавшаго въ подобныхъ сшибкахъ случайности, гласности и блеска. По вышеприведенному замѣчанію, что у насъ тогда было болѣе аматеровъ, нежели артистовъ, слѣдуетъ, что и въ сихъ распряхъ выходили другъ противъ друга добровольные, безкорыстные бойцы, а не наемники, которые ратуютъ изъ денегъ, нападаютъ сегодня на того, за котораго дрались вчера, торгуютъ равно и присягою и оружіемъ своимъ, и за безсиліемъ своимъ въ бою на чистоту, готовы прибѣгать ко всѣмъ пособіямъ предательства. Убѣгая съ открытаго поля битвы, поруганныя и уязвленныя побѣдителемъ, они не признаютъ себя побѣжденными; если стрѣлы ихъ не мѣтки и удары не вѣрны, то они имѣютъ въ запасѣ другое оружіе, потаенное, ядовитое, имѣютъ свои неприступныя засады, изъ коихъ поражаютъ противниковъ своихъ навѣрное. Сей язвы литературъ и обществъ, которыя ихъ терпятъ потому, что и въ Божіемъ твореніи пресмыкаются ядовитые гады и слѣдовательно, нужны въ общемъ планѣ созданія, къ счастію и къ чести своей, не знала *старинная* литература наша".

Выписавъ эти строки, г. Булгаринъ начинаетъ утверждать, будто онѣ могутъ заставить иного недогадливаго (именно, недогадливаго!) читателя справляться, съ кѣмъ не въ ладахъ ихъ авторъ, на чью критику онъ сердится, и на кого метитъ... Помилуйте, можно ли быть такъ пугливу и безпокоиться на такихъ зыбкихъ основаніяхъ! Князь Вяземскій, пиша эти строки, утверждалъ только, что тогда, въ описываемое имъ время, не было того-то и того-то; но онъ не говоритъ, что теперь есть все это: въ его строкахъ нѣтъ ни одного слова, на основаніи котораго можно было бы доказать подобное намѣреніе. Толковать же такъ и сякъ чьи либо слова и придавать имъ, по своему произволу, такой смыслъ, котораго не подтверждаетъ ихъ буквальное знаменованіе,—то же, что судить совѣсть другаго и судить ее судомъ инквизиторскимъ...

Но возвратимся снова á nos moutons,—къ нашимъ ба-

рашкамъ, или къ «Комарамъ»... Французская поговорка здѣсь кстати пришлась, потому что «Комары» г. Булгарина невинны, кротки и незлобивы, какъ барашки... Будемъ слѣдовать за ихъ сочинителемъ изъ страницы въ страницу, останавливаясь на томъ, что̀ покажется намъ болѣе замѣчательнымъ.

На стр. 24 «Комаровъ» находимъ прелюбопытное библіографическое извѣстіе и драгоцѣнный фактъ въ исторіи русской книжной торговли. Грозно обращаясь къ кому-то, будто бы цѣлый годъ трубившему похвалы «Герою Нашего Времени», который, не смотря на то, лежалъ не трогаясь съ мѣста въ книжныхъ лавкахъ, г. Булгаринъ говоритъ: «А сказала «Сѣверная Пчела» правду — и «Герой нашего времени» мгновенно изчезъ изъ книжныхъ лавокъ... и пошелъ бродить по свѣту». Не знаемъ, до какой степени достовѣрно это скромное «объявленіе», но если оно точно достовѣрно, то мы первые отдаемъ полную справедливость неподражаемой ловкости «Сѣверной пчелы» составлять книгопродавческія объявленія.

Отъ стр. 29 до 73 включительно, простирается философическій взглядъ на гордость, какъ губительный порокъ, и правоучительный разсказъ, фактически подкрѣпляющій собою глубокомысленный взглядъ сочинителя на предметъ, самъ по себѣ довольно старый и избитый. Статья эта называется «Нищій»; въ ней трогательно и поучительно разсказано, какъ одинъ купецъ милліонеръ разорился отъ гордости, пошелъ по міру, и какъ сочинитель «Комаровъ», вмѣстѣ съ добрыми своими пріятелями, помогъ ему, и тѣмъ пріобрѣлъ отъ него право разсказывать всѣмъ о своемъ благодѣтельномъ поступкѣ... Впрочемъ, какъ не умилительно разсказанъ этотъ анекдотъ безъ всякаго содержанія, какъ ни высоко цѣнимъ мы талантъ г. Булгарина — разсказывать длинно о томъ, о чемъ совершенно нечего разсказывать, и какъ ни глубоко уважаемъ мы его усердіе

повторять всѣмъ извѣстныя изъ азбукъ правила нравоученія, — однакожь должно сознаться, что извѣстный сочинитель дѣтскихъ книгъ г. Борисъ Ф(Ѳ)едоровъ въ этомъ искусствѣ далеко превосходитъ г. Булгарина, и что онъ еще убѣдительнѣе могъ бы доказать вредъ, происходящій отъ такого ужаснаго порока, какъ гордость...

За «Нищимъ» слѣдуетъ «Метемпсихоза», въ которой фантазія господина сочинителя «Комаровъ» развертывается во всемъ блескѣ радужныхъ лучей своихъ, выказываетъ всю свою затѣйливость, впрочемъ, такими выдумками, которыми она уже не разъ удивляла всѣхъ, и безъ особенныхъ отмѣнъ или новыхъ прибавленій противъ прежняго... Сочинитель, въ одно изъ своихъ многочисленныхъ странствованій по бѣлому свѣту, отправившись на кораблѣ (кажется, изъ Испаніи, можетъ-быть, во времена Наполеона) на островъ, нашелъ тамъ жреца, который видитъ душу каждаго человѣка. Сочинитель говоритъ жрецу, что онъ заглядываетъ въ толстую книгу, выходящую ежемѣсячно, и каждый разъ видитъ тамъ похвалы литературному безкорыстію и проклятія литераторамъ, продающимъ литературные труды свои за деньги. Жрецъ успокоиваетъ сочинителя, увѣряя его, что издатель «толстой книги» выдаетъ ее не даромъ, а за деньги, и что, слѣдовательно, литературное безкорыстіе—вздоръ, и что всѣ издатели въ мірѣ похожи на него, господина-сочинителя... Утѣшившись этимъ пріятнымъ увѣреніемъ, сочинитель спрашиваетъ жреца о водевелистѣ, который поставилъ на сцену «Собачьи Канупы»; жрецъ ему отвѣчаетъ, что «Собачьи Канупы» достойны всякаго уваженія, ибо изъ нихъ выползъ пройдоха, герой извѣстнаго романа, и въ нихъ же получила свое начало безкорыстная литературная дѣятельность извѣстнаго рода... Тѣмъ все и кончается.

На 99 стр. «Комаровъ», у какого то сочинителя, когда онъ что-то писалъ, убѣжала изъ головы мысль, которая

всегда бѣгаетъ отъ него, когда онъ пишетъ. Потому статья и названа полицейскимъ терминомъ: «Бѣглая мысль». Когда реченный сочинитель кончилъ свое писаніе, мысль къ нему воротилась и разсказала свои «похожденія», какъ ее отвсюду гоняли. Статья эта отличается свойственнымъ г. Булгарину игривымъ и граціознымъ остроуміемъ; для доказательства этого, намъ стóитъ сказать, что мысль, въ разговорѣ съ сочинителемъ, всегда называетъ его «папенькою», а папенька называетъ ее «бѣглянкою».

Когда мысль снова убѣжала отъ господина-сочинителя, онъ безсмысленный, отправился на англійскомъ кораблѣ путешествовать, заѣхалъ къ антиподамъ, отчего статья и получила затѣйливое и остроумное названіе «Путешествія къ антиподамъ на цѣлебный островъ». На этомъ островѣ, сочинитель-путешественникъ нашелъ всѣхъ своихъ враговъ, т. е. тѣхъ литераторовъ, которыхъ презрѣніе такъ оскорбляло его на этой сторонѣ земнаго шара. Но — о чудо! — всѣ эти литераторы, поживя на цѣлебномъ островѣ, совершенно излѣчились отъ своей благородной гордости, бросаются къ сочинителю на шею, нѣжно цѣлуютъ, обнимаютъ его, жмутъ ему руки, и хоромъ кричатъ, что онъ былъ правъ, совершенно правъ, говоря о нихъ въ одномъ и томъ же листкѣ будто-бы по сту разныхъ правдъ, и что они были виноваты, находя притворѣчія въ его о нихъ отзывахъ. Скромный и озадаченный неожиданностію такого пріема, сочинитель едва успѣвалъ откланиваться и отцѣловываться. Вотъ, для образчика этой сцены, одинъ отрывочекъ:

—„Чокнемся“—сказалъ, улыбаясь, *высокій парень съ раздутымъ лицомъ*. „Вѣдь мы съ тобою были нѣкогда пріятелями, а прогнѣвался я на тебя въ припадкѣ болѣзни, когда ты не хотѣлъ признать меня преобразователемъ драмы и драматическаго искусства... драматургомъ—превыше Лопеса де Вега, Кальдерона, Шекспира и Шиллера!.. Ну выпьемъ же... *благо есть случай выпить!..*, Какой я геній“—продолжалъ ораторъ—„просто дюжинный писатель, на какихъ въ Германіи и во Франціи смотрѣть не хотятъ!... А у насъ..

вы же господа журналисты, свели меня съ ума, хваля мои пустяки, за то, что я добрый малой... и даже заставляя книжниковъ платить мнѣ... Слава Богу... теперь я излечился, и вижу, что мнѣ надобно еще крѣпко поучиться русской грамотѣ... Но что толковать— обнимемся!...

Истинно-прекрасное литературное общество и по чувствамъ, и по тону!... Ну, если бы кто нибудь, забывъ, что это просто игра фантазіи г. Булгарина, вздумалъ увидѣть въ этомъ изображеніе русской литературы? Не правъ ли бы онъ былъ, сдѣлавъ заключеніе, что арена русской литературы грязнѣе Сѣнной Площади и Толкучаго Рынка?...

«Путешествіе къ антиподамъ на цѣлебный островъ» замѣчательно еще и многими автобіографическими чертами, которыя дышутъ удивительною откровенностію... «Не дерзаю себя сравнивать ни съ Шатобріаномъ, ни съ Вальтеръ Скоттомъ, ни съ Байрономъ, ни (даже) съ Гюго и Дюма», говоритъ г. Булгаринъ (стр. 14): похвальная, хотя и неумѣстная скромность, ибо говорить, что между г. Булгаринымъ и такими людьми, какъ Вальтеръ Скоттъ и Байронъ— есть общее развѣ только въ томъ, что онъ, подобно имъ, не можетъ жить безъ пищи и воздуха, говорить это—значитъ утверждать съ важностію великую истину, что золото дороже глины... Равнымъ образомъ, кажутся намъ не совсемъ умѣстными фразы, въ родѣ слѣдующихъ: «по словамъ враговъ моихъ я—литературный торгашъ, спекулянтъ» (стр. 123)... «Враги мои изображаютъ меня сущимъ змѣемъ-горынычемъ» (стр. 122), и тому подобныхъ... Не помнимъ, гдѣ и когда называли враги г-на Булгарина такими незавидными именами. Мы думаемъ даже, что едва ли бы возможно было напечать такіе рѣзкіе эпитеты. Это, должно быть просто выдумка. Но мы никакъ не можемъ понять странное расположеніе въ г. Булгаринѣ выдумывать подобныя вещи, или принимать на свой счетъ все, что говорится дурнаго въ литературномъ смыслѣ о комъ нибудь вообще...

Намъ кажется также невѣрнымъ извѣстіе, сообщаемое г-мъ Булгаринымъ на 122—123 страницахъ «Комаровъ», именно: «Люди стали отыскивать то зло, которое я, по мнѣнію враговъ моихъ, надѣлалъ на земномъ шарѣ—и не нашли вовсе ни обманутыхъ, ни оклеветанныхъ, ни ограбленныхъ мною, этимъ змѣемъ-горынычемъ»... Это извѣстіе вдвойнѣ несправедливо: во первыхъ, зло на земномъ шарѣ могутъ дѣлать только Чингисъ-Ханы и Атиллы, а не частные люди, кругъ дѣятельности которыхъ ограниченъ «Сѣверною Пчелою» и «Экономомъ»; во вторыхъ, люди больше думаютъ о себѣ и своихъ дѣлахъ, и имъ некогда терять времени на справки о томъ, о чемъ не стоитъ труда справляться... А вотъ, когда г. Булгаринъ благодаритъ за распространеніе его извѣстности и въ Россіи и за границею, — это дѣло, и тутъ есть за что благодарить: слава г. Булгарина гремитъ и за границею...

Съ стр. 135 до конца книжки, разсыпана разная мелочь, которая весьма удивила и обрадовала насъ. Глядимъ—и не вѣримъ глазамъ своимъ: старые знакомцы! Дѣло въ томъ, что два послѣднія отдѣленія «Комаровъ», названныя у господина-сочинителя «Комариками» и «Комарьими Вѣстями», состоятъ въ отдѣльныхъ, краткихъ и отрывочныхъ статьяхъ, изъ которыхъ первые отличаются свойственною г-ну Булгарину глубокостію философическаго созерцанія, а вторыя—свойственнымъ ему остроуміемъ. Первые суть нѣчто въ родѣ афоризмовъ и полиметровъ Жанъ-Поля Рихтера, а вторыя—въ родѣ сатирическаго вѣстника, вторично изданнаго Страховымъ въ 1795 году, подъ титуломъ: «Сатирическій Вѣстникъ, удобоспособствующій разглаживать наморщенное чело старичковъ, забавлять и купно научать молодыхъ барынь, дѣвушекъ, щеголей, вертопраховъ, волокитъ, игроковъ и прочаго состоянія людей». Въ томъ и другомъ отдѣленіи, талантъ г. Булгарина торжествуетъ рѣшительно и можно съ достовѣрностію сказать, что никогда еще не

поднимался онъ до такой высоты. Но что́ удивило и обрадовало насъ,—это явное и несомнѣнное сходство въ тонѣ, замашкѣ и мыслительности «Комариковъ» и «Комарьихъ Вѣстей» съ нашими старыми знакомцами—«Сатирическими Вѣдомостями», которыми остроумный А. Измайловъ, ровно двадцать лѣтъ назадъ тому, украшалъ свой журналъ «Благонамѣренный». Сравните, если угодно, то и другое и судите сами, кто остроумнѣе въ своихъ сатирическихъ bon-mots — г. Булгаринъ, или г. Измайловъ; что касается до насъ, мы думаемъ, что оба они остроумнѣе, т. е. оба лучшѣе. Замѣтимъ при этомъ какъ видѣнъ во всѣхъ дѣлахъ человѣческихъ, даже самыхъ ничтожныхъ, перстъ судьбы неотразимой: покойный Измайловъ не любилъ «Отечественныхъ Записокъ», издававшихся тогда основателемъ ихъ П. П. Свиньинымъ,—и надо же было судьбѣ сдѣлать такъ, чтобъ Измайловъ, вмѣстѣ съ остроуміемъ своимъ, передалъ г. Булгарину, какъ будто по наслѣдству, и свое нерасположеніе къ «Отечественнымъ Запискамъ»!... Странные, право, случаи бываютъ на свѣтѣ!

Выписываемъ два, особенно замѣчательные, образчика остроумія господина-сочинителя «Комаровъ».

„Хозяева домовъ чрезвычайно жалуются, что съ тѣхъ поръ какъ появилась на сценѣ комедія-водевиль *Петербургскія Квартиры*, никто не нанимаетъ квартиръ, опасаясь, что онѣ также дурны, какъ и эта комедія.

Чудное дѣло! Дались же сочинителю «Комаровъ» эти «Петербургскія Квартиры»: вотъ уже ровно двадцать первый разъ упоминаетъ онъ о нихъ въ своей книжкѣ!... это не даромъ!...

«Помните ли вы, какимъ образомъ Сикстъ V заставилъ избрать себя въ папы? Онъ притворился хилымъ, хворымъ, полуглухимъ, полуслѣпымъ и выжившимъ изъ ума, т, е. не опаснымъ никому, и близкимъ къ очисткѣ вакансіи. Послѣ избранія, онъ выпрямился и появился въ свѣтъ здоровымъ, веселымъ и умнымъ. Когда близкій къ папѣ человѣкъ изъявилъ свое удивленіе на счетъ этой внезапной

перемѣны, папа отвѣчалъ: «Еслибъ я зналъ, что меня можно отрѣшить отъ мѣста—я бы не перемѣнился послѣ моего возвышенія!» *Зарубите на стѣнку это, господа, кому вѣдать о семъ надлежитъ!*

Предоставляя другимъ отыскивать таинственный смыслъ этихъ угрожающихъ и не совсѣмъ понятныхъ словъ,—съ своей стороны, объявляемъ тому, «кому сіе вѣдать надлежитъ», что «Отечественныя Записки», также намѣреваются, въ отдѣленіи смѣси, прибавить постоянную статью, въ юмористическомъ тонѣ, на манеръ «Комаровъ» г. Булгарина. Цѣль ихъ—показать, «кому сіе вѣдать надлежитъ», какъ должны писаться статьи такого рода. Общее названіе статьи будетъ видно тогда, когда появится самая статья... Но въ ожиданіи будущаго, представляемъ на первый разъ маленькій образчикъ навыдержку, что̀ попалось изъ приготовленнаго запаса:

«Писатели, которые надѣются жить въ потомствѣ, всего менѣе хлопочутъ о томъ, что̀ и какъ думаютъ о нихъ современники; рѣшеніе вопроса о своей личности и своихъ твореніяхъ предоставляютъ они времени. Такіе писатели иногда ведутъ подробныя записки своей жизни, и ихъ не смущаетъ мысль, что эти записки могутъ быть напечатаны только послѣ ихъ смерти... Напротивъ, чѣмъ ничтожнѣе и эфемернѣе писатель—тѣмъ раздражительнѣе его самолюбіе, тѣмъ неугомоннѣе его печатная драка съ мнимыми его врагами. Во всякой бранѣ, хотя бы ему случилось услышать ее на площади, или на рынкѣ, онъ видитъ личности на себя,—и мститъ, огрызаясь площадною бранью. Когда онъ увидитъ, что книжные продукты его забыты и поступили пудами на толкучіе рынки, что извѣстность его поддерживается только его же бранью и литературною клеветою на другихъ, что репутація его, какъ плохаго сочинителя, утверждена на прочныхъ основаніяхъ, пути къ разживѣ посредствомъ книжнаго шарлатанства пресѣчены: тогда ему остается одно—писать книжонки о самомъ себѣ, о своихъ сочиненіяхъ: прикидываться жертвою зависти, происковъ, интригъ... Но это продѣлка уже ему не поможетъ, а развѣ еще больше повредитъ, ибо для него только одно могло бъ еще быть спасеніемъ: молчаніе—въ надеждѣ, что его такъ же скоро забудутъ, какъ скоро забыли его маранья, которыя онъ съ такою смѣлостію предавалъ тисненію.

Нравится ли вамъ этотъ отрывокъ?...

Кончивъ все о «Комарахъ», перейдемъ къ «Картинкамъ Русскихъ Нравовъ». Соревнованіе—великій двигатель промышленности и всякаго совершенствованія. Успѣхъ «Нашихъ» г. Башуцкаго возбудилъ въ г. Булгаринѣ стремленіе—пріобрѣсти успѣхъ еще большій. И вотъ для этого онъ далъ двѣ весьма посредственныя статейки свои (изъ стараго, давнымъ давно напечатаннаго хламу)—«Салопница» и «Корнетъ» для прекрасныхъ рисунковъ г. Тима; а г. Тимъ, въ свою очередь, къ весьма посредственнымъ статейкамъ г. Булгарина приложилъ свои прекрасные рисунки, сдѣланные имъ съ гораздо бо́льшимъ стараніемъ, чѣмъ его же рисунки къ «Нашимъ»,—отчего и вышли двѣ маленькія изящно изданныя книжечки. Нечего говорить, что̀ для чего здѣсь употреблено—текстъ для картинокъ, или картинки для текста, и соотвѣтствуетъ ли одно другому. Разумѣется, всякій полюбуется картинками, а читать текста ужь вѣрно не будетъ.

Что же касается до «Сказки о славномъ витязѣ, храбромъ и могучемъ богатырѣ, Иванѣ Трофимовичѣ Лягушкинѣ, о прекрасной царевнѣ Свѣтловидѣ и о косолапомъ другѣ медвѣдѣ»,—эта вещь весьма нелѣпая, что́ уже видно изъ самаго ея заглавія, и столь же дурно изданная, сколь хорошо изданы «Картинки Русскихъ Нравовъ». Скромный авторъ «Сказки» не выставилъ своего имени: и хорошо сдѣлалъ! Имя его, вѣроятно, не такъ еще извѣстно, чтобъ онъ имѣлъ право выставлять его, и въ книжонкѣ своей жаловаться на враговъ, завистниковъ, клеветниковъ, или распространяться о своей добродѣтели, своихъ заслугахъ, своихъ талантахъ и своихъ сочиненіяхъ. И потому, вся его книжонка не многимъ развѣ нелѣпѣе иной сочинительской апологіи самому себѣ, за то, гораздо благопристойнѣе ея и назидательнѣе...

АЛЬФЪ И АЛЬДОНА. *Историческій романъ въ четырехъ томахъ. Соч. Н. Кукольника. Спб. 1842.*

Нельзя не удивляться неистощимой дѣятельности г. Кукольника. Это, рѣшительно, плодовитѣйшій и неутомимѣйшій изъ всѣхъ современныхъ нашихъ писателей. Самъ г. Полевой долженъ уступить, въ этомъ отношеніи, пальму первенства г. Кукольнику, ибо г. Полевой удивляетъ публику своею дѣятельностію больше или по части объявленій и программъ о многомъ множествѣ своихъ сочиненій, или только первыми томами самихъ сочиненій, никогда не представляя послѣднихъ томовъ; господинъ же Кукольникъ, напротивъ, не обѣщаетъ, а дѣлаетъ, или обѣщая немногое, исполняетъ очень много,—словомъ, какъ говорится, продаетъ товаръ лицомъ. И, однакожь, удивительная дѣятельность г. Кукольника вовсе не сфинксова загадка, для рѣшенія которой былъ бы нуженъ новый Эдипъ. Дѣло, напротивъ, очень понятно и весьма ясно. Еслибъ талантъ г. Кукольника равнялся дѣятельности его и трудолюбію—г. Кукольникъ былъ бы теперь первымъ талантомъ во всей Европѣ, не только у себя дома. Чрезвычайная дѣятельность обыкновенно бываетъ признакомъ или великаго генія, или посредственности. Тредьяковскій, Сумароковъ и Херасковъ,—каждый изъ нихъ сочинилъ, перевелъ, словомъ, напечаталъ не меньше Пушкина, который, если сообразить количество написаннаго имъ съ числомъ прожитыхъ имъ лѣтъ, написалъ очень много. Нѣмецкій авторъ, Тикъ, насочинилъ не менѣе Шиллера и Гёте,—и это, однакожь, доказываетъ совсѣмъ не то, чтобъ Тикъ былъ равенъ по таланту двумъ упомянутымъ корифеямъ богатой нѣмецкой литературы, но то, что и посредственность бываетъ иногда такъ же производительна, какъ геній. Впрочемъ, мы называемъ Тика посредственностію не безусловно, а относительно къ Шиллеру и Гёте, изъ которыхъ съ послѣднимъ добрый Нѣмецъ

Тикъ когда-то думалъ даже соперничествовать, повѣривъ на слово братьямъ Шлегелямъ, объявившимъ его, по своимъ католическимъ разсчетамъ, главою романтической школы. Взятый самъ по себѣ, безъ сравненія съ великими поэтами, Тикъ человѣкъ съ замѣчательнымъ дарованіемъ, не послѣдній писатель въ Германіи; у насъ онъ былъ бы изъ первыхъ и—чего добраго!—слылъ бы за генія... Мы не ставимъ г. Кукольника наравнѣ ни съ такими сочинителями, какъ Тредьяковскій, Сумароковъ и Херасковъ, ни съ такимъ писателемъ, какъ Тикъ: г Кукольникъ, безъ всякаго сомнѣнія, столько же выше первыхъ, сколько ниже послѣдняго. Несомнѣнное превосходство г. Кукольника передъ тремя плодовитыми авторами добраго стараго времени нашей литературы заключается не въ одномъ преимуществѣ настоящей эпохи передъ семидесятыми годами прошлаго столѣтія, но и въ талантѣ. Превосходство Тика передъ г. Кукольникомъ состоитъ не въ одномъ талантѣ, но и въ бо́льшей артистически-ученой настроенности души, въ бо́льшей обширности не однихъ фактическихъ свѣдѣній и многосторонней эрудиціи, но и въ философскомъ, мыслительномъ, идеальномъ образованіи. Плодовитые писатели, подобные Тику, всегда означаютъ или цвѣтущее состояніе, или упадокъ литературы: если они являются при великихъ творцахъ, какъ явился Тикъ при Шиллерѣ и Гёте,—они служатъ несомнѣннымъ признакомъ цвѣтущаго состоянія литературы; если же они дѣйствуютъ одиноко на первомъ планѣ, какъ дѣйствуетъ теперь въ Германіи Тикъ, со времени смерти Гёте,—они означаютъ упадокъ литературы. Еслибъ мы не ожидали на дняхъ выхода «Похожденій Чичикова» Гоголя, то, смотря на усердные и обильные труды гг. Кукольника, Полеваго и Ободовскаго, не на шутку подумали бы, что русской литературѣ настаетъ конецъ концовъ...

Подобно Тику, г. Кукольникъ написалъ кое-что весьма

замѣчательное, если взять въ разсчетъ бѣдность русской литературы; подобно Тику, онъ не написалъ ничего рѣшительно дурнаго... Здѣсь мы опять должны оговориться, что сближеніе г. Кукольника съ Тикомъ, по нашему мнѣнію, можно основывать не на равенствѣ ихъ между собою, а на общности значенія, какое каждый изъ нихъ имѣетъ въ отношеніи къ своей литературѣ — не болѣе. Такъ, напр., смѣшно было бы и сравнивать «Эвелину де Вальероль» г. Кукольника съ романомъ Тика «Витторія Аккоромбона»: послѣдній романъ могъ живо заинтересовать собою даже образованную нѣмецкую публику; а первая не произвела особеннаго впечатлѣнія даже между читателями «Библіотеки для Чтенія». И между тѣмъ, все-таки, сравнительно съ современными русскими романами, каковы: «Человѣкъ съ высшимъ взглядомъ», «Жизнь и Похожденія Столбикова», «Семейство Холмскихъ» (изданное прошлаго года въ третій разъ) «Автоматъ», «Непостижимая», «Два Призрака», «Мпрошевъ» и пр.,—сравнительно съ ними, «Эвелина де Вальероль» есть произведеніе геніяльное, великое, громадное, словомъ то же самое, что́ романы Вальтеръ-Скотта въ сравненіи съ «Эвелиною де Вальероль»...

Что же касается до новаго романа г. Кукольника «Альфъ и Альдона» — онъ особеннымъ образомъ относится къ изчисленнымъ нами современнымъ русскимъ романамъ. Онъ и лучше и хуже ихъ: лучше потому, что въ немъ больше не только смыслу, но и ума; хуже потому, что въ немъ меньше свободы и добродушной искренности. Дѣло въ томъ, что гг. сочинители помянутыхъ романовъ пропѣли свои эпопеи тѣмъ голосомъ, какой дала имъ природа, и если ихъ пѣснопѣнія вышли довольно усыпительны — больше всего виновата въ томъ природа, не давшая пѣвцамъ лучшаго голоса, а самихъ пѣвцовъ можно винить развѣ въ томъ только, что они нисколько не обработали ученіемъ своихъ и безъ того посредственныхъ голосовъ; г-нъ же

Кукольникъ пропѣлъ эпопею объ «Альфѣ и Альдонѣ» нѣсколькими тонами выше своего природнаго голоса, а потому и разыгралъ роль пѣвца, который, утомивъ безполезнымъ напряженіемъ грудь свою, измучилъ и истомилъ своихъ слушателей. Еслибъ «Мирошева» напечатать такъ сжато, какъ напечатанъ новый романъ г. Кукольника, то всѣ четыре части «Мирошева» легко сравнялись бы въ объемѣ съ одною частію «Альфа и Альдоны»; но это-то и составляетъ одинъ изъ главныхъ недостатковъ романа г. Кукольника. Обширность объема имѣетъ значеніе только какъ результатъ обширности содержанія, требующаго для себя широкихъ рамъ: въ противномъ же случаѣ, она очень сбивается на пухлость, водяность, растянутость и тому подобныя незавидныя качества. Въ новомъ романѣ г. Кукольника нѣтъ никакого содержанія; заключающіяся въ немъ приключенія и похожденія могли бы умѣститься въ повѣсть обыкновеннаго размѣра. Чрезвычайное множество дѣйствующихъ лицъ, которыми, такъ сказать, напичканъ и начиненъ романъ, также принадлежитъ къ числу его главнѣйшихъ недостатковъ. Дѣйствующее лицо въ романѣ непремѣнно должно быть характеромъ, или совсѣмъ не должно существовать: въ этомъ отношеніи, ни одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ «Альфѣ и Альдонѣ» не имѣло бы ни малѣйшаго права на вниманіе къ себѣ со стороны не только мыслящей, но и просто читающей публики. Г. Кукольникъ хотѣлъ, въ своемъ романѣ, начертать картину нравственнаго и политическаго состоянія Литвы въ половинѣ XIV столѣтія, когда князья частію исповѣдывали христіянскую религію, съ половиною народа, частію покровительствовали ей, между тѣмъ, какъ другая половина народа держалась издыхающаго язычества. Не знаемъ, до какой степени подобная эпоха можетъ служить романисту; но знаемъ, что г. Кукольнику она весьма плохо послужила. Въ романѣ его безпрестанно упоминается объ «эпохѣ»; онъ испещренъ

литовскими именами мѣстъ, урочищъ и людей того времени, но колорита и духа эпохи нѣтъ и признаковъ. Ольгердъ, честолюбивый, хитрый воинъ и политикъ въ духѣ временъ полуварварскихъ, является у г. Кукольника цивилизованнымъ человѣкомъ нашего времени, добрякомъ, сантиментальнымъ фразеромъ, хоть авторъ и увѣряетъ читателя, что это—герой и великій человѣкъ. Братъ Ольгерда, Кейстутъ, настоящій герой романа, тоже похожъ на человѣка нашего времени, которому пришла въ голову фантазія нарядиться воинственнымъ варваромъ XIV вѣка и, подобно донъ-Кихоту, прикинуться рыцаремъ, вмѣсто того, чтобъ жить добрымъ помѣщикомъ, — сражаться съ баранами, а не заниматься овцеводствомъ. Альфъ и Альдона — плодъ любви Литвянки и нѣмецкаго рыцаря, совоспитанники дѣтей Гедымина. Кейстутъ любилъ Альдону; Альфъ — Анастасію, дочь боярина. Тотъ и другой влюбились потомъ въ вайделотку Бируту. Эта Бирута—существо неземное, красота неописанная, умъ высокій, богиня душою и сердцемъ, идеалъ женскаго совершенства, внѣшняго и внутренняго. Все это очень хорошо; худо только, что во всемъ этомъ мы должны вѣрить на-слово описаніямъ автора; сами же мы видимъ въ Бирутѣ собраніе общихъ риторическихъ мѣстъ, полую воду фразъ и словъ, натянутость и напыщенность. Альдона, въ свою очередь, то же идеалъ невообразимыхъ совершенствъ, и намъ очень жаль, что авторъ не позаботился помочь нашему недоразумѣнію, сказавъ, которая изъ этихъ «неземныхъ дѣвъ» выше... Итакъ, Альфъ и Кейстутъ—соперники; но первый долженъ былъ уступить Кейстуту; вслѣдствіе чего и сдѣлался негодяемъ, предателемъ, навелъ Кейстута на засаду и живаго выдалъ Нѣмцамъ, а самъ какъ ни въ чемъ не бывалъ. Правда, онъ же потомъ и помогъ Кейстуту вырваться изъ плѣна, но потому только, что Бирута дала ему слово не принадлежать никому, кромѣ какой-то глупой богини, которой она

посвятила свое дѣвство. Между тѣмъ, мы не знаемъ, кого изъ нихъ любитъ Бирута, или любитъ ли она кого-нибудь: хотя Бирута и разговариваетъ на нѣсколькихъ страницахъ, но изъ ея болтовни ничего нельзя выжать. И вдругъ, ни съ того ни съ сего, Бирута рѣшается выйдти за Кейстута; Альфъ же, затаивъ ненависть къ Кейстуту, уѣзжаетъ въ Москву, чѣмъ и кончается длинный и скучный романъ. Но и достигши вожделѣннаго конца романа, читатель не видитъ конца своему умственному истязанію! Послѣднія строки сильно заставляютъ его опасаться еще новаго романа, въ которомъ, вѣроятно, безчестный Альфъ будетъ играть уже не третьестепенную, а первую ролю...

Къ главнымъ лицамъ романа г. Кукольника принадлежитъ лицо князя овручьскаго Юрія Романовича, иначе барона Кристофа. Это, извольте видѣть, человѣкъ, который съ молоду только и дѣлалъ, что насиловалъ женщинъ, не разъ былъ женатъ, потомъ исправился и — сдѣлался шпіономъ... Право, такъ! Пріобрѣтя довѣренность Нѣмцевъ, онъ знаетъ тайны ордена и передаетъ ихъ Ольгерду. Онъ въ романѣ вездѣ и нигдѣ: является всегда нечаянно, эффектно театрально, изчезаетъ также внезапно. Онъ водитъ за носъ Нѣмцевъ, не потому, чтобъ самъ былъ слишкомъ уменъ и слишкомъ хитеръ, — напротивъ, онъ довольно простъ и ограниченъ, какъ всѣ болтуны (а онъ, надо признаться, большой болтунъ) — нѣтъ, онъ обманываетъ Нѣмцевъ потому только, что г. Кукольнику угодно было представить Нѣмцевъ глупѣе даже самого овручьскаго князя, Юрія Романовича, барона Кристофа тожъ. Цѣлую жизнь надувалъ онъ Нѣмцевъ самыми дѣтскими штучками, ни разу не возбудивъ въ нихъ ни малѣйшаго подозрѣнія,—и они не повѣсили его... А вѣдь стоило бы повѣсить: онъ былъ предатель, шпіонъ, и все это не изъ какого-нибудь важнаго побужденія, какъ, напримѣръ, религіознаго, политическаго, или національнаго фанатизма, или, наконецъ, изъ жажды

личнаго мщенія; а такъ — отъ нечего дѣлать, изъ уваженія къ Ольгерду и изъ желанія доставить г. Кукольнику оригинальное лицо для романа, лицо благороднаго предателя, идеальнаго шпіона, который тѣмъ не менѣе достоинъ висѣлицы по законамъ военнымъ и гражданскимъ. Нельзя безъ смѣха читать, какими ребяческими продѣлками способствуетъ баронъ Кристофъ (онъ же и князь овручьскій, Юрій Романовичъ) бѣгству Кейстута изъ нѣмецкаго плѣна, какъ кстати помогаетъ ему въ томъ и глупость коммандора, и его давнишняя связь съ сумасшедшею Гертрудою, и любовь ея дочери, Матильды, къ графу Герарду, и буря, и наводненіе, и пьянство Омельки, и охота въ Маріенталѣ, и проч. и проч.!... И несмотря на то, что этотъ человѣкъ равнодушно, безъ сожалѣнія, безъ раскаянія обманываетъ людей, съ которыми связанъ и дружбою и любовью, авторъ сплится представить его человѣкомъ благороднымъ и возвышеннымъ!...

Послѣ Юрія Романовича, или прежде его, — не знаемъ, право — должно занимать первое мѣсто въ романѣ лицо Цвиркуна, пѣстуна Гедыминовичей и Альфа. Въ немъ благосклонный читатель долженъ видѣть также человѣка идеально высокаго, но въ то же время и простаго, комически-веселаго, милаго, любезнаго; и автору не можетъ быть пріятно, если неблагосклонный читатель увидитъ въ Цвиркунѣ пустаго болтуна, который, думая быть оригинальнымъ и шутливымъ въ своемъ многоглаголаніи, бываетъ только несносно скученъ. Натянутость и неестественность въ комическомъ еще несноснѣе, чѣмъ въ трагическомъ... А вотъ сейчасъ являются на сцену и трагическія ходули: на нихъ громоздится, шатаясь и падая безпрестанно, сумасшедшая Вундина — лицо мелодраматическое до смѣшнаго и шутовскаго. Кстати о шутовскомъ: въ романѣ г. Кукольника оно имѣетъ особеннаго представителя въ лицѣ Ларчика, маленькаго урода и шута при дворѣ Ольгерда. Этотъ Ларчикъ не

простой шутъ: онъ сгараетъ пламенною страстію къ Альдонѣ, за что Ольгердъ то и дѣло бьетъ его костылемъ...

Но не перечесть всѣхъ героевъ въ романѣ г. Кукольника. На обрисовку каждаго изъ нихъ авторъ не пожалѣлъ словъ, и каждое изъ нихъ не жалѣетъ словъ, чтобъ наскучить собою читателю. Въ романѣ, какъ и въ самой дѣйствительности, могутъ быть лица случайныя и незначительныя; но только великіе поэты умѣютъ одною чертою, однимъ словомъ очеркивать ихъ характеры; обыкновенные таланты оставляютъ ихъ такъ, а посредственности заставляютъ ихъ высказывать себя пустымъ многословіемъ, которое дѣлаетъ ихъ еще безличнѣе. Вообще, характеры у г. Кукольника очерчены такими общими, безхарактерными чертами, что трудно отличить одно лицо отъ другаго, и читатель невольно запутывается въ чащѣ именъ, словно въ густомъ лѣсу. Характеръ разсказа г. Кукольника эпизодическій: кончишь главу и прощаешься надолго съ выведенными въ ней лицами и событіями, чтобъ въ слѣдующей познакомиться съ новыми, а когда потомъ опять встрѣтишься съ первыми, то уже и не узнаёшь ихъ. Самъ романъ начинается съ 225-й страницы перваго тома: все предыдущее есть родъ введенія. Слогъ романа соотвѣтствуетъ содержанію и характерамъ дѣйствующихъ лицъ: онъ какъ-то утомляетъ и наводитъ дремоту...

ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ, *арабскія сказки. Спб. 1839 и 1842. Части 6, 7, 8, 9 и 10.*

Арабскія сказки суть полнѣйшее выраженіе національнаго духа и общественности важнѣйшаго изъ мухаммеданскихъ народовъ, нѣкогда игравшаго въ мірѣ такую великую роль. Созданія пламенной фантазіи, отрѣшившейся отъ

всѣхъ прочихъ способностей души, онѣ отличаются сплетеніемъ и переплетеніемъ частей и эпизодовъ, образующихъ собою какое-то уродливое цѣлое, — узорчатою пестротою своей фантастической ткани и рѣзкою яркостію своихъ восточныхъ красокъ; онѣ невольно поражаютъ этимъ безмысленнымъ, произвольнымъ искаженіемъ дѣйствительности, или, лучше сказать, этою дѣйствительностію, построенною на воздухѣ, лишенною всѣхъ подпоръ возможности, вопреки здравому смыслу. Это-то самое и придаетъ имъ колоритъ оригинальности, составляющій главную ихъ прелесть.

Всѣ восточные народы—страстные охотники до разсказовъ и, такъ какъ восточная жизнь лишена всякаго движенія и разнообразія, они хотятъ, чтобъ эти разсказы были исполнены чудесъ и небывалыхъ приключеній, которыя составляли бы собою контрастъ съ ихъ однообразною, скучною дѣйствительностью. И какъ понятно, что, несмотря на всю нелѣпость вымысла, эти сказки слушаются бритыми правовѣрными головами съ самымъ добродушнымъ убѣжденіемъ въ непреложной истинѣ каждой черты ихъ! Это не глупость, а младенческое состояніе ума, погруженнаго въ вѣчную дремоту. Вотъ почему для дѣтей чтеніе «Арабскихъ Сказокъ» доставляетъ столько наслажденія: человѣкъ-дитя въ Европѣ сочувствуетъ народу-дитяти въ простодушныхъ откровеніяхъ его фантазіи. Человѣкъ взрослый не можетъ читать залпомъ этихъ сказокъ: ему наскучитъ одно и то же—и чудесныя красавицы, и разумные принцы, и повторенія однихъ и тѣхъ же рѣчей, въ которыхъ ровно ничего нѣтъ. Но такъ какъ и между взрослыми много дѣтей, то «Арабскія Сказки» всегда будутъ имѣть у себя обширный кругъ читателей и почитателей.

ОПЫТЪ БИБЛІОГРАФИЧЕСКАГО ОБОЗРѢНІЯ, *или очеркъ послѣдняго полугодія русской литературы. съ октября 1841 по апрѣль 1842 (Л. Бранта). Спб. 1842.*

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ПЕРІОДИЧЕСКИХЪ ИЗДАНІЯХЪ РУССКИХЪ *Спб.*

Занятіе «литературою», видно, становится у насъ занятіемъ очень привлекательнымъ. Страсть къ сочинительству съ каждымъ днемъ возрастаетъ. Не говоримъ уже о томъ, что почти ежедневно,—и все чаще и чаще,—появляются въ печати на русскомъ языкѣ книжки и книжонки, изумляющія своею пустотою и рецензентовъ, которые обязаны читать ихъ, и тѣхъ горемычныхъ людей, которымъ случайно попадаются онѣ на глаза и которыми читаются «скуки-ради». Кто пишетъ ихъ? кто ихъ издаетъ? для кого издаются онѣ?—Богъ вѣсть! Извѣстно только, что все это дѣйствительно пишется, издается и, можетъ быть, продается, благодаря ловкости бородатыхъ разносителей просвѣщенія по темнымъ угламъ обширнаго царства русскаго. Но еслибъ вы, почтенный читатель мой, знали, сколько еще не печатается, изъ того, что̀ пишется: вы ужаснулись бы этой громадной массы исписанной бумаги, этого изумительнаго потока бездарности, пошлости и безграмотности. Когда бъ вы знали, сколько, напримѣръ, пишущій эти строки обязанъ, по долгу журналиста, прочесть, въ теченіе года, стихотвореній большихъ и малыхъ, повѣстей, разсказовъ, отрывковъ, такъ называемыхъ «ученыхъ» статей и пр. и пр., — вамъ сдѣлалось бы страшно, увѣряю васъ! Но прибавьте еще, что бо̀льшую часть всего этого должно читать по пустякамъ, потому что бо̀льшая часть статей, присылаемыхъ отъ господъ анонимовъ, псевдонимовъ, и другихъ, подписывающихъ свои подлинныя, невыдуманныя имена, остается безъ употребленія и отсылается

въ контору Отечественныхъ Записокъ «для возвращенія». Еслибъ печатать все получаемое редакціею, то въ теченіе года можно было бы издавать три такіе журнала, по объему, какъ «Отечественныя Записки», и каждая книжка этого журнала могла бъ быть втрое толще каждой книжки «Отечественныхъ Записокъ». Ужасъ! Откуда все это берется? что за имена неслыханныя и невиданныя въ русской литературѣ, которыя пишутъ и присылаютъ эти статьи? гдѣ скрываются они? Отъ Архангельска до Ахалцыха, отъ Варшавы до Иркутска едва ли есть хоть одна губернія, которая не надѣлила бы редакціи «Отечественныхъ Записокъ» нѣсколькими статьями, переводными и оригинальными, повѣстями, разсказами, стихами,—особенно же стихами... Охъ, ужь эти стихи! отъ нихъ рѣшительно нѣтъ отбоя: они присылаются ежедневно со всѣхъ сторонъ, на разноцвѣтныхъ бумажкахъ, удивительно красиво переписанные, весьма часто запечатанные въ пакетахъ, застрахованныхъ на почтѣ. И что за умилительныя письма получаются съ этими статьями! Васъ просятъ такъ униженно, такъ ласково, какъ будто дѣло шло Богъ-знаетъ о какомъ благополучіи; вамъ говорятъ, что хоть статья и не имѣетъ никакого достоинства, но для поощренія юнаго таланта, только что выступающаго на литературное поприще, вы должны поправить ее и напечатать, чѣмъ безконечно обяжете автора и поощрите его къ дальнѣйшимъ трудамъ (какъ-будто журналъ — пансіонская тетрадка, въ которой мальчики пробуютъ свои перья, плохо очиненныя и непривыкшія еще къ орѳографіи!); иногда убѣждаютъ васъ несчастными обстоятельствами автора, его безпомощностью, бѣдностью и пр.,—какъ будто журналъ—богадѣльня или лазаретъ для пособія нуждающимся! Еще чаще читаете, что не авторское самолюбіе, но единственно желаніе видѣть статью свою напечатанною въ такомъ прекрасномъ журналѣ, какой вы издаете, заставляетъ автора просить

васъ о помѣщеніи его статьи, которую онъ самъ смиренно признаетъ недостойною такого прекраснаго журнала... О, да сколько могъ бы я поразсказать вамъ о тѣхъ изворотахъ, которые употребляютъ господа-сочинители, чтобъ какъ-нибудь попасть въ журналъ съ своею статьею и видѣть подъ нею свое неизвѣстное имя! Повѣрьте, это презабавная исторія. Когда-нибудь, на досугѣ, я побесѣдую о ней съ вами; но и теперь не могу удержаться, чтобъ не упомянуть объ одномъ престранномъ письмѣ, недавно полученномъ мною со стихами изъ города Лубны—письмѣ, которое вѣрно удивитъ васъ не менѣе того, какъ и меня удивило. Вообразите: къ стихамъ, — весьма похожимъ на старческіе, хоть немножко безсмысленнымъ, но за то съ рифмами,—приложено десять рублей ассигнаціями, которые авторъ проситъ редакцію оставить у себя, если стихи будутъ напечатаны! Вотъ до чего доводитъ наконецъ страсть къ сочинительству! Люди отверженные искусствомъ, не только силятся писать, не только тратятъ время на написаніе, и деньги на переписываніе своихъ статей,—часто огромныхъ тетрадей in folio—не только платятъ вѣсовыя и страховыя на почту, но еще хотятъ платить редакціямъ за то только, чтобы хоть какъ-нибудь напечататься!... Жалкая, гибельная страсть впрочемъ весьма понятная тамъ, гдѣ литература—не искусство, а только забава, гдѣ равнодушіе публики равняется лишь дерзости и невѣжеству литературщиковъ, смѣло выступающихъ впередъ и гордо называющихъ себя «сочинителями»; гдѣ само искусство — плодъ еще несозрѣвшій снаружи, но уже гніющій внутри; гдѣ наконецъ нѣтъ никакой литературы, а есть только геніяльные проблески, подобно молніи, на минуту озаряющіе темный горизонтъ и быстро изчезающіе... Но за то, въ этой же тьмѣ гнѣздятся цѣлыя стаи особыхъ существъ, родъ мелкихъ гномовъ, которые, вообразивъ себя поэтами, романистами, драматистами, критиками, трудятся, хлопо-

чутъ, пищатъ, кричатъ, и очень обижаются, когда ихъ никто не слушаетъ, или когда кто-нибудь прикрикнетъ на нихъ, чтобъ замолчали. Раздутое самолюбіе этихъ маленькихъ человѣчковъ мѣшаетъ имъ видѣть въ себѣ людей очень обыкновенныхъ, очень пошлыхъ, и непремѣнно требуетъ, чтобъ они пріобрѣли себѣ громкое имя; а какъ громкое имя легче всего пріобрѣтается черезъ типографскіе станки, то они и силятся во что бы ни стало попасть въ «сочинители». И это-то движеніе, незнаемое публикою, примѣтное только для микроскопа журналиста, многіе чествуютъ именемъ литературы русской, видятъ въ ней жизнь, дѣятельность, партіи, и Богъ знаетъ что̀ еще.... Бѣдная литература! бѣдное искусство!

Вотъ недалекій примѣръ: передъ нами лежатъ двѣ брошюры, которыхъ названія выписаны выше. Что̀ это такое? Посмотрите, сдѣлайте милость. Сочинитель ихъ—какой-то господинъ Брантъ, который написалъ, по его собственному увѣренію, какія-то повѣсти и, разобиженный журналами, издалъ еще какую-то брошюру «Петербургскіе Критики и Русскіе Писатели». Повѣстей его, вѣроятно, никто не читалъ; даже и мы позабыли о нихъ, какъ забываемъ обыкновенно весь этотъ печатный хламъ, отдавъ о немъ въ свое время отчетъ публикѣ; брошюры его «Петербургскіе Критики» также не припомнимъ; но отыскавъ рецензію свою о ней въ нашемъ же журналѣ, видимъ, что это былъ—слабенькій голосъ обиженнаго самолюбица, желавшаго какъ-нибудь попасть въ извѣстность, силившагося нашумѣть о себѣ какъ можно больше, и жестоко обманувшагося въ своихъ разсчетахъ, потому что шума оно никакого не сдѣлало, а брошюра умерла, только что родившись, и погребена, какъ теперь извѣщаетъ самъ г. Брантъ, въ магазинѣ г. Юнгмейстера: желающіе поклониться праху ея могутъ адресоваться къ этому книгопродавцу. Такимъ образомъ, первая попытка не далась г. Бранту: читатели не

слыхали его имени, не читали его «сочиненій»; надо было выдумывать новое средство, чтобъ какъ-нибудь да попасть въ «сочинители». Какое же средство? Съ повѣстями г. Бранта публика не заблагоразсудила познакомиться, съ брошюрою его тоже; дай попытаться—сдѣлаться критикомъ, или, правильнѣе, «критиканомъ»: публика любитъ критики, она съ жадностію читаетъ этотъ отдѣлъ въ журналахъ, многіе ищутъ тутъ предмета для разговоровъ, даже для сплетенъ, — и вотъ г. Брантъ дѣлается критиканомъ, собираетъ 70 книгъ, вышедшихъ съ октября 1841 по апрѣль 1842 года, и на 72-хъ страничкахъ отдастъ о нихъ кому-то отчетъ—(мы говоримъ: «кому-то», потому что никто не просилъ объ этомъ г. Бранта, никто не возлагалъ на него этой обязанности, никто не требовалъ у него отчета...) Но тутъ новое затрудненіе: кто же будетъ читать эту брошюру? кому нужно знать, что̀ думаетъ г. Брантъ о той или другой книжкѣ, изъ вышедшихъ съ октября 1841 по апрѣль 1842 года? Г. Брантъ тотчасъ нашелся: онъ вздумалъ разослать свою брошюру при газетахъ безденежно. Теперь ужь, конечно, вы, по неволѣ, если не прочтете, то хоть увидите ее, и на ней увидите имя его, г. Бранта,— а ему этого только и хочется... Славная выдумка! Немножко убыточна, правда, потому что напечатать нѣсколько тысячъ экземпляровъ чего-нибудь—стоитъ денегъ; но вѣдь почему же не потѣшить своего сочинительскаго самолюбія? Это такъ весело, такъ дѣтски-невинно, такъ пансіонски-простодушно! Притомъ и не то еще приносится въ жертву страсти сочинительствовать.... Удивительно только, какъ никто до сихъ поръ не воспользуется этимъ для водевилей...

Но возвращаемся къ г. Бранту. Обѣ брошюры его: и «Опытъ Библіографическаго обозрѣнія» и «Нѣсколько словъ» суть новые холостые выстрѣлы въ поле. Смѣшно было бы и отыскивать въ нихъ какого-нибудь критическаго кодекса,

принадлежащаго ихъ сочинителю: о критеріумѣ не можетъ быть тутъ и помина. Да, впрочемъ, г. Брантъ, какъ видно, и не хлопоталъ объ этомъ, — нѣтъ, онъ весьма простодушно, хоть и весьма широковѣщательно, цвѣтисто, съ невыразимыми претензіями на краснорѣчіе, говоритъ, что такая-то книжка очень хороша, другая только хороша, третья не болѣе какъ изрядна, не отдавая никакого отчета, почему все это ему кажется такъ, а не иначе, —ибо общихъ мѣстъ, которыя онъ повторяетъ съ голосу, нахвативъ ихъ оттуда-отсюда по журналамъ, нельзя же назвать основаніями въ дѣлѣ критики: это годно только для критиканства тѣхъ господъ «сочинителей», которые цѣлый вѣкъ свой пѣтушатся изъ того, чтобъ ихъ называли «сочинителями». Чтобъ видѣть, какъ г. Брантъ мало понимаетъ значеніе критики, довольно взглянуть на заглавіе его «Опыта». Скажите, сдѣлайте милость, на чемъ основывался онъ, начавъ свое обозрѣніе съ октября 1841 года? Почему не началъ онъ его прежде, или послѣ этого времени? Вѣдь книга или брошюра должна представлять изъ себя нѣчто цѣлостное; а что́ цѣлостнаго могутъ доставить книги, вышедшія съ октября 1841 по апрѣль 1842 года? Былъ ли этотъ періодъ эпохою въ русской литературѣ? Ознаменовался ли онъ чѣмъ-нибудь особеннымъ, что́ могло бы доставить обозрѣнію общій выводъ? Ничего не бывало! Г. Брантъ, принявшись случайно въ апрѣлѣ мѣсяцѣ «критиковать въ своей литературѣ» книги и книжонки, просто отсчиталъ шесть мѣсяцевъ назадъ, и — какъ надо ему отдать справедливость, считать онъ умѣетъ очень вѣрно, ибо мартъ, февраль, январь, декабрь, ноябрь, октябрь составляютъ ровно полгода,—то и остановился на октябрѣ, съ котораго начинается это полугодіе, да и пошелъ себѣ расписывать тому похвалу, тому совѣтъ, тому замѣчаніе... Господи Боже мой! откуда что́ берется! Мы, де-скать, и о томъ-то просимъ, и то-то совѣтуемъ,—и все такъ важно,

такъ ораторски, все мы, да мы,—точно редакція какого-нибудь журнала... Дѣтство, литературное простоумное дѣтство, такъ охотно копирующее все, что дѣлаютъ взрослые!.. Но будемъ надѣяться, эта новая неудавшаяся попытка авось образумитъ г. Бранта, и онъ перестанетъ сочинительствовать, для того, чтобъ разсылать свои сочиненія даромъ при газетахъ ..

Болѣе нечего сказать объ этихъ брошюркахъ... Однакожь, позвольте, позвольте, что это на послѣдней страницѣ «Опыта»? Боже великій! да это объявленіе... да, да, глаза не обманываютъ насъ,—объявленіе о новой затѣѣ г. Бранта,—о новомъ романѣ въ трехъ частяхъ, подъ названіемъ «Жизнь, какъ она (?) есть», съ психологическими интересами, съ историческими лицами, съ д'Абрантесъ и Гёте (Гёте, изображаемый господиномъ Брантомъ!!!), съ событіями 1814 и 1815 годовъ... Нѣтъ, ужь такое средство втискиваться въ сочинители превосходитъ всякую мѣру. Надобно этимъ шуткамъ и конецъ знать! Побойтесь Аполлона, г. Брантъ! Мы пропускаемъ безъ вниманія ваши похвалы самому себѣ, такъ скромно выраженныя въ предисловіи къ «Опыту», пропускаемъ то мѣсто, гдѣ, говоря о «Нашихъ» и юридически придираясь къ статьѣ «Армейскій Офицеръ», вы разсказываете своимъ читателямъ, что вы родились и выросли «на бивуакѣ, въ лагеряхъ съ отцомъ-ветераномъ», какъ будто это нужно знать кому-нибудь; пропускаемъ безъ упоминанія вашу непостижимо отчаянную выходку на стр. VI брошюры «Нѣсколько Словъ о періодическихъ изданіяхъ Русскихъ», что будто бы «большая часть журналовъ нашихъ сильно заговорили (а) о добросовѣстности критики именно съ изданія вашей брошюры «Петербургскіе критики и Русскіе писатели», которой никто не читалъ и которая, поэтому, не могла имѣть ни на что и ни на кого никакого вліянія, — выходку, которая вамъ не обошлась бы даромъ, еслибъ намъ не жалко было

тратить словъ по пустому и доказывать вамъ, что нехудо бы иногда знать и мѣру... Все это мы пропускаемъ; но пощадите же и вы насъ, пощадите самого себя, бросьте свое несчастное намѣреніе печатать трехтомный романъ для подваловъ книжныхъ лавокъ, или для подарковъ подписчикамъ разныхъ газетъ. Имѣйте, наконецъ, хоть маленькое состраданіе къ бѣдной русской литературѣ, которая имѣетъ уже у себя гг. Алипановыхъ, Сиговыхъ, Кузмичевыхъ...

РОБИНЗОНЪ КРУЗЕ. *Романъ для дѣтей. Сочиненіе Кампе. Спб. 1842.*

Въ предисловіи, говоря объ извѣстности, которою такъ заслуженно пользуется дѣтская книга «Робинзонъ Крузе», переводчикъ приводитъ мнѣніе Руссо, изъ книги его «Emile ou de l'Education», и затѣмъ, объясняя, что Руссо говоритъ не о «Робинзонѣ» Нѣмца Кампе, а о «Робинзонѣ» Англичанина Даніэля Фоэ, прибавляетъ:

„Но добрый Жанъ-Жакъ, говоря о томъ Робинзонѣ, котораго онъ имѣлъ къ виду, не совсѣмъ вѣрно выражается, что будто бы Робинзонъ на своемъ островѣ, „dépourvu des instruments de tous les arts“; нѣтъ, Робинзонъ Даніэля Фоэ попадаетъ на островъ не совсѣмъ съ голыми руками: у него есть карманный ножикъ, есть кремень, трутъ, а въ скоромъ времени съ разбитаго корабля онъ добываетъ себѣ многіе инструменты: топоръ, пилу, наконецъ ружья, порохъ и пр. Отъ этого „Робинзонъ“ теряетъ много занимательности для юныхъ читателей, потому что хотя онъ и уединенъ на островѣ, удаленъ отъ общественной жизни, но не лишенъ многихъ орудій, которыя доставила ему именно жизнь общественная“.

Здѣсь г. переводчикъ гораздо больше «не совсѣмъ вѣрно выражается», чѣмъ добрый Жанъ-Жакъ, и ровно дважды грѣшитъ противъ истины. Во первыхъ, эпитетъ добраго (граничащій своимъ значеніемъ съ эпитетомъ «простодушнаго») нисколько не идетъ къ Руссо, къ имени котораго

гораздо больше шелъ бы эпитетъ геніяльнаго и титло великаго писателя. Руссо не былъ философомъ въ новѣйшемъ смыслѣ этого слова, въ смыслѣ ученаго, который занимается философіею, какъ наукою, и для котораго философія имѣетъ чисто ученый, кабинетный интересъ внѣ жизни; но Руссо былъ мудрецъ, въ смыслѣ древнихъ, т. е. человѣкъ, котораго вся жизнь была мышленіемъ, котораго мышленіе было любовію, а любовь мышленіемъ... Руссо не создалъ никакой философской системы, но обогатилъ идеями новѣйшую философію, такъ что самъ Гегель ссылается на него, какъ на величайшій авторитетъ. И Руссо былъ правъ, видя столь важную для воспитанія книгу въ «Робинзонѣ» Даніэля Фоэ; а переводчикъ Кампе совсѣмъ не правъ, отдавая преимущество переведенной имъ книгѣ передъ «Робинзономъ» англійскимъ. Правда, Англійскій Робинзонъ очутился на островѣ съ ножомъ, трубкою и малымъ количествомъ табаку въ карманѣ, и вскорѣ перевезъ съ корабля все ему нужное; но это обстоятельство нисколько не ослабило основной мысли романа,—мысли человѣка, поставленнаго въ необходимость, для поддержки своего существованія, бороться со всевозможными препятствіями и побѣждать ихъ, развивая въ себѣ спавшую дотолѣ способность изобрѣтательности, и однимъ собою представляя цѣлое общество; ибо всевозможныя орудія работы были бы Робинзону, ничему неучившемуся съ малолѣтства, совершенно безполезны, если бы необходимость и чувство самосохраненія, вмѣсто того, чтобъ убить его энергію, напротивъ не укрѣпили ее и не вызвали на борьбу всѣхъ силъ духа его, самому ему дотолѣ непзвѣстныхъ. Сверхъ того, Робинзонъ Фоэ запасся ружьями, порохомъ, компасами, математическими инструментами, зрительными трубками и книгами; но не имѣетъ кирки, лопатокъ, заступовъ, иголъ, нитокъ, полотна и многаго другаго. Дѣлая себѣ столъ и стулъ, онъ принужденъ былъ рубить цѣлое дерево и, обрубивъ сучья.

тесать его до тѣхъ поръ, пока не выходила изъ него доска желаемой толщины. Слѣдовательно, «добрый» Руссо былъ правъ, говоря о Робинзонѣ, какъ о человѣкѣ, лишенномъ необходимыхъ инструментовъ.

Вообще, «Робинзонъ» Фоэ несравненно лучше «Робинзона» Кампе: послѣдній состоитъ, большею частію, изъ піэтистическихъ и резонёрскихъ разговоровъ отца, разсказывающаго дѣтямъ исторію Робинзона. Эти разговоры для дѣтей, болѣе способны произвести въ дѣтяхъ скуку и отвращеніе къ морали, чѣмъ быть для нихъ наставительными. «Робинзонъ» Фоэ большею частію наполненъ разсказомъ, котораго интереса и занимательности для дѣтей ни съ чѣмъ нельзя сравнить; разсужденіями онъ наскучаетъ довольно рѣдко. Этотъ первоначальный и истинный «Робинзонъ» былъ переведенъ и по-русски (съ французскаго перевода) въ 1814 году подъ заглавіемъ: «Жизнь и приключенія Робинзона Круза природнаго Англичанина. Переведена съ французскаго Яковымъ Трусовымъ.»

Во всякомъ случаѣ, и новый переводъ книги Кампе не лишній въ нашей литературѣ, такъ бѣдной сколько-нибудь сносными сочиненіями для дѣтей; тѣмъ болѣе не лишній, что онъ сдѣланъ порядочно, со смысломъ, и изданъ опрятно.

ПОХОЖДЕНІЯ ЧИЧИКОВА, ИЛИ МЕРТВЫЯ ДУШИ. *Поэма Н. Гоголя. Москва. 1842.*

Есть два способа выговаривать новыя истины. Одинъ—уклончивый, какъ будто непротиворѣчащій общему мнѣнію, больше намекающій, чѣмъ утверждающій; истина въ немъ доступна избраннымъ и замаскирована для толпы скромными выраженіями: «если смѣемъ такъ думать, если позволено такъ выразиться, если не ошибаемся» и т. п. Другой спо-

собъ выговаривать истину—прямой и рѣзкій; въ немъ человѣкъ является провозвѣстникомъ истины, совершенно забывая себя и глубоко презирая робкія оговорки и двусмысленные намеки, которые каждая сторона толкуетъ въ свою пользу, и въ которыхъ видно низкое желаніе служить и нашимъ и вашимъ. «Кто не за меня, тотъ противъ меня»—вотъ девизъ людей, которые любятъ выговаривать истину прямо и смѣло, заботясь только объ истинѣ, а не о томъ, что̀ скажутъ о нихъ самихъ... Такъ какъ цѣль критики есть истина же, то и критика бываетъ двухъ родовъ: уклончивая и прямая. Является великій талантъ, котораго толпа еще не въ состояніи признать великимъ, потому что имя его не притвердилось ей,—и вотъ уклончивая критика, въ осторожнѣйшихъ выраженіяхъ, докладываетъ «почтеннѣйшей публикѣ», что явилось-де замѣчательное дарованіе, которое, конечно, не то, что высокіе геніи гг. А, Б и В, уже утвержденные общественнымъ мнѣніемъ, но которое, не равняясь съ ними, все-таки имѣетъ свои права на общее вниманіе; мимоходомъ намекаетъ она, что хотя-де и не подвержено никакому сомнѣнію геніяльное значеніе гг. А, Б и В, но что-де и въ нихъ не можетъ не быть своихъ недостатковъ, потому-де, что «и въ солнце и въ лунѣ есть темныя пятна»; мимоходомъ, приводитъ она мѣста изъ новаго автора и, ничего не говоря о немъ самомъ, равно какъ и не опредѣляя положительно достоинства приводимыхъ мѣстъ, тѣмъ не менѣе говоритъ о нихъ восторженно, такъ что задняя мысль этой уклончивой критики нѣкоторымъ, весьма не многимъ, даетъ знать, что новый авторъ выше всѣхъ геніяльныхъ гг. А, Б и В, а толпа охотно соглашается съ нею, уклончивою критикою, что новый авторъ очень можетъ быть и не безъ дарованія, и затѣмъ забываетъ и новаго автора и уклончивую критику, чтобъ снова обратиться къ геніяльнымъ именамъ, которыя она, добродушная толпа, затвердила уже наизустъ. Не знаемъ, до

какой степени полезна такая критика. Согласны, что можетъ-быть, только она и бываетъ полезна; но какъ натуры своей никто перемѣнить не въ состояніи, то, признаемся, мы не можемъ побѣдить нашего отвращенія къ уклончивой критикѣ, какъ и ко всему уклончивому, ко всему, въ чемъ мелкое самолюбіе не хочетъ отстать отъ другихъ въ уразумѣніи истины и, въ то же время, боится оскорбить множество мелкихъ самолюбій, обнаруживъ, что знаетъ больше ихъ, а потому и ограничивается скромною и благонамѣренною службою и нашимъ и вашимъ... Не такова критика прямая и смѣлая: замѣтивъ въ первомъ произведеніи молодаго автора исполинскія силы, пока еще несформировавшіяся и не для всѣхъ примѣтныя, она, упоенная восторгомъ великаго явленія, прямо объявляетъ его Алкидомъ въ колыбели, который дѣтскими руками мощно душитъ завистливыя мелкія дарованьица, пристрастныхъ, или ограниченныхъ и недальновидныхъ критиковъ... Тогда на бѣдную «прямую» критику сыплятся насмѣшки и со стороны литературной братіи, и со стороны публики. Но эти насмѣшки и шутки чужды всякаго спокойствія и всякой добродушной веселости; напротивъ, онѣ отзываются какимъ то безпокойствомъ и тревогою безсилія, исполнены вражды и ненависти. И не мудрено: «прямая критика» не удовольствовалась объявленіемъ, что новый авторъ обѣщаетъ великаго автора; нѣтъ, она, при этомъ удобномъ случаѣ, выразилась съ свойственною ей откровенностію, что геніяльные гг. А, Б и В съ компаніею, никогда не были даже и замѣчательно-талантливыми господами; что ихъ слава основалась на неразвитости общественнаго мнѣнія и держится его лѣнивою неподвижностью, привычкою и другими чисто внѣшними причинами; что одинъ изъ нихъ, взобравшись на ходули ложныхъ, натянутыхъ чувствъ и надутыхъ, пустозванныхъ фразъ, оклеветалъ дѣйствительность ребяческими выдумками; другой ударился въ противоположную крайность и грязью съ грязи

мазалъ свои грубыя картины, приправляя ихъ провинціальнымъ юморомъ; и такъ третьяго, четвертаго и пятаго... Вотъ тутъ-то и начинается борьба старыхъ мнѣній съ новыми, предразсудковъ, страстей и пристрастій—съ истиною (борьба, въ которой всего болѣе достается «прямой критикѣ», и о которой всего менѣе хочетъ знать «прямая критика»)... Врагами новаго таланта являются даже и умные люди, которые уже столько прожили на бѣломъ свѣтѣ и такъ утвердились въ извѣстномъ образѣ мыслей, что ужъ въ новомъ свѣтѣ истины по неволѣ видятъ только помраченіе истины; если же изъ нихъ найдется хоть одинъ такой, который въ свое время и самъ понималъ больше другихъ, былъ поборникомъ новой истины, теперь уже ставшей старою,—то спрашиваемъ, какова же должна быть его немощная вражда противъ новаго таланта, въ которомъ онъ чуетъ что-то, но котораго понять не можетъ? И если у этого ci devant-умнаго и шедшаго впереди съ высшими взглядами, а теперь отсталаго отъ времени человѣка, если у него характеръ слабый, ничтожный и завистливый, а самолюбіе мелкое и раздражительное, то спрашиваемъ, какое жалкое зрѣлище должна представлять его отчаянно-безсильная борьба съ новымъ талантомъ?... Что же сказать о тѣхъ «господахъ-сочинителяхъ», которые, благодаря своей ловкости и сметливости, замѣняющихъ у людей ограниченныхъ и бездарныхъ умъ и талантъ, пошлыми, въ камердинерскомъ вкусѣ остротами надъ французскимъ языкомъ, балами и модами, лорнетками, куцыми фраками, прическою à la russe, усами, бородами и т. п., успѣли во-время подтибрить себѣ извѣстность нравственно-сатирическихъ и нравственно-описательныхъ талантовъ? Правда, новый талантъ ничего имъ не сдѣлалъ, ничего о нихъ не сказалъ, никогда съ ними не знался ни лично, ни литературно, какъ съ людьми, съ которыми у него общаго ничего нѣтъ и быть не можетъ; но за то, онъ показалъ, что такое истинный

юморъ и непрощаемая невѣжествомъ и порокомъ истинная ирошія, и какъ должно дѣйствовать въ пользу общественной нравственности, не разопёрствуя о нравственности, но только «возводя въ перлъ созданія» типическія явленія дѣйствительности: а это развѣ не то же самое, что убить наповалъ нашихъ нравственно-сатирическихъ сочинителей, даже и не принимая на себя труда знать о ихъ незанимательномъ существованіи? И вотъ они, эти господа нравственне-сатирическіе и другихъ родовъ сочинители, прославившіеся не одними романами, но и въ качествѣ грамотѣевъ и исправныхъ корректоровъ, прибѣгаютъ, для униженія страшнаго имъ таланта, ко всевозможнымъ свойственнымъ имъ уловкамъ: сперва не признаютъ въ немъ никакого таланта и видятъ рѣшительную бездарность; но сознавая, къ своему ужасу, что слава таланта все растетъ и растетъ, все идетъ и идетъ своею дорогою и не замѣчаетъ раздающагося вокругъ него лая, они начинаютъ милостиво замѣчать въ немъ талантъ, изъявляя сожалѣніе, что онъ дозволяетъ себѣ сбиваться съ пути, увлекаться непомѣрными похвалами пріятелей (изъ которыхъ со многими онъ даже и не знакомъ совсѣмъ), которые видятъ въ немъ и Богъ-знаетъ что́, тогда какъ онъ въ самомъ-то дѣлѣ имѣетъ талантъ только вѣрно и забавно списывать съ натуры; далѣе, «при сей вѣрной оказіи», доказываютъ, что онъ даже и языка-то не знаетъ, въ подтвержденіе чего указываютъ на мелкіе промахи противъ грамматики г. Греча, на типографскія ошибки, или осуждая со всѣмъ негодованіемъ, свойственнымъ «угнетенной невинности», сильныя, оскорбляющія приличіе выраженія, въ родѣ слова вопять, котораго по ихъ увѣренію, не скажетъ въ ихъ обществѣ и порядочный лакей... Большинство публики, съ своей стороны, оскорбленное, сколько похвалами «прямой критики» новому таланту, къ которому оно еще не привыкло, и котораго, потому, еще не могло понять, столько же—или еще боль-

ше—ея откровенными выходками противъ геніяльныхъ гг. А, Б и В, къ которымъ оно давно привыкло, и которыхъ хотя ужъ и не читаетъ, но по привычкѣ и преданію все еще считаетъ геніями,—это большинство публики вдвойне не благоволитъ къ новому таланту. Господа нравственно-сатирическіе сочинители хорошо понимаютъ это и еще лучше пользуются этимъ: они по-времени перестаютъ говорить о себѣ и своихъ безсмертныхъ сочиненіяхъ, и являются жаркими поклонниками чужой славы, прежде, т. е. когда она была въ ходу, ими ненавидимой и оскорбляемой, а теперь, т. е. когда она скоропостижно скончалась, будто-бы дорогой и священной для нихъ... И вотъ они кричатъ о духѣ партій, который заставляетъ иной «толстый журналъ» хвалить писателя, неумѣющаго писать по русски, и пристрастно унижать истинныя дарованія... Но вотъ, слава геніяльныхъ господъ А, Б и В наконецъ забывается, благодаря времени и рѣзкой откровенности «прямой критики»; новый талантъ дѣлается авторитетомъ: его оригинальныя и самобытныя созданія, полныя мысли, сіяющія художественною красотою, вѣющія духомъ новой, прекрасной жизни, проникаютъ въ сознаніе общества, производятъ новую школу въ искусствѣ и литературѣ, такъ что сами нравственно-сатирическіе сочинители, волею или неволею, принуждены перечинить на новый ладъ свои притупившіяся перья и передразнивать форму недоступныхъ имъ по содержанію твореній генія; общественное мнѣніе круто поворачивается въ пользу великаго поэта,—и вопіющая партія отсталыхъ посредственностей теряется, не знаетъ что дѣлать, грозитъ ругательными статьями и не смѣетъ выполнить угрозы, боясь конечнаго для себя позора... Не знаемъ, какую роль во всемъ этомъ играла «прямая критика» и на сколько содѣйствовала она этому процессу общественнаго сознанія: но знаемъ, что тѣ же люди, которые изъ порицателей великаго поэта сдѣлались жалкими его поклонниками, не лю-

бятъ вспоминать, что такой-то критикъ, еще при первомъ появленіи поэта, не боясь идти противъ общественнаго мнѣнія, не боясь раздразнить гусей, равно презирая и насмѣшки и ненависть, смѣло и рѣзко сказалъ о немъ то, что́ теперь говоритъ о немъ большинство и они сами, эти безпамятные люди... Знаемъ также, что явись опять новое, свѣжее дарованіе, первыми своими созданіями обѣщающее великую будущность,—«прямая критика» также честно разыграетъ свою ролю, и ту же игру повторятъ, въ отношеніи къ ней и къ поэту, и завистливая посредственность, и тугая, медленная въ процессахъ своего сознанія толпа... Но знаемъ при этомъ еще и то, что «прямота», какъ и все истинное и великое, должна быть сама себѣ цѣлью и въ самой себѣ находить свое удовлетвореніе и свою лучшую награду...

Все это — такъ, взглядъ, разсужденія; теперь скажемъ слова два о нѣкоторыхъ фактахъ, подавшихъ намъ поводъ къ этимъ разсужденіямъ и имѣющихъ близкое отношеніе къ автору книги, заглавіе которой выставлено въ началѣ этой статьи. Не углубляясь далеко въ прошедшее нашей литературы, не упоминая о многихъ предсказаніяхъ «прямой критики», сдѣланныхъ давно и теперь сбывшихся, скажемъ просто, что изъ нынѣ существующихъ журналовъ, только на долю «Отечественныхъ Записокъ» выпала роль «прямой» критики. Давно ли было то время, когда статья о Марлинскомъ (ч. III, стр. 434) возбудила противъ насъ столько криковъ, столько непріязненности, какъ со стороны литературной братіи, такъ и со стороны большинства читающей публики? — И что же? смѣшно и жалко видѣть, какъ съ голосу «Отечественныхъ Записокъ», словами и выраженіями (не новы, да благо ужъ готовы!) преслѣдуютъ теперь блѣдный призракъ падшей славы этого блестящаго фразёра — Богъ-знаетъ изъ какихъ щелей попаползшіе въ современную литературу критиканы, Богъ-вѣдаетъ

какіе журналы и какія газеты! Большинство публики не только не думаетъ сердиться, но тоже, въ свою очередь, повторяетъ вычитываемыя имъ о Марлинскомъ фразы! Давно ли многіе не могли намъ простить, что мы видѣли великаго поэта въ Лермонтовѣ? Давно ли писали о насъ, что мы превозносимъ его пристрастно, какъ постояннаго вкладчика въ нашъ журналъ? — И что же! Мало того, что участіе и устремленныя на поэта полныя изумленія и ожиданія очи цѣлаго общества, при жизни его, и потомъ общая скорбь образованной и необразованной части читающей публики, при вѣсти о его безвременной кончинѣ, вполнѣ оправдали наши прямые и рѣзкіе приговоры о его талантѣ,—мало того: Лермонтова принуждены были хвалить даже тѣ люди, которыхъ не только критикъ, но и существованіе онъ не подозрѣвалъ, и которые гораздо лучше и приличнѣе могли бы почтить его талантъ своею враждою, чѣмъ пріязнію... Но эти нападки на нашъ журналъ за Марлинскаго и Лермонтова ничто въ сравненіи съ нападками за Гоголя... Изъ существующихъ теперь журналовъ «Отечественныя Записки» первыя и однѣ сказали, и постоянно, со дня своего появленія до сей минуты, говорятъ, что̀ такое Гоголь въ русской литературѣ... Какъ на величайшую нелѣпость со стороны нашего журнала, какъ на самое темное и позорное пятно на немъ, указывали разные критиканы, сочинители и литературщики на наше мнѣніе о Гоголѣ... Еслибъ мы имѣли несчастіе увидѣть генія и великаго писателя въ какомъ-нибудь писакѣ средней руки, предметѣ общихъ насмѣшекъ и образцѣ бездарности, — и тогда бы не находили этого столь смѣшнымъ, нелѣпымъ, оскорбительнымъ, какъ мысль о томъ, что Гоголь—великій талантъ, геніяльный поэтъ и первый писатель современной Россіи... За сравненіе его съ Пушкинымъ на насъ нападали люди, всѣми силами старавшіеся бросать грязью своихъ литературныхъ воззрѣній въ страдальческую тѣнь

перваго великаго поэта Руси... Они прикидывались, что ихъ оскорбляла одна мысль видѣть имя Гоголя подлѣ имени Пушкина; они притворялись глухими, когда имъ говорили, что самъ Пушкинъ первый понялъ и оцѣнилъ талантъ Гоголя, и что оба поэта были въ отношеніяхъ, напоминавшихъ собою отношенія Гёте и Шиллера. Изъ всѣхъ немногихъ высоко-превозносимыхъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» поэтовъ, только одинъ Лермонтовъ находился съ ихъ издателемъ въ близкихъ пріятельскихъ отношеніяхъ и почти исключительно одному ему отдавалъ свои произведенія; такъ какъ этого нельзя было поставить въ упрекъ ни издателю, ни его журналу,—то вздумали увѣрять, что немногимъ (sic!) успѣхомъ своимъ «Отечественныя Записки» обязаны Лермонтову. Это увѣреніе воспослѣдовало послѣ многихъ другихъ увѣреній въ томъ, что «Отечественныя Записки» никогда не имѣли, не имѣютъ и не будутъ имѣть никакого успѣха... Судя по такому постоянству въ мнѣніи объ успѣхѣ «Отечественныхъ Записокъ», можно думать, что эти люди скоро убѣдятся въ слѣдующей истинѣ: если стихотворенія такого поэта, какъ Лермонтовъ, не могли не придать собою бо̀льшаго блеска журналу, то еще не было на Руси (да и нигдѣ) примѣра, чтобъ какой-нибудь журналъ держался чьими бы то ни было стихотвореніями... При этомъ, можетъ-быть, вспомнятъ они, что «Московскій Вѣстникъ», въ которомъ Пушкинъ исключительно печаталъ свои стихотворенія, не имѣлъ никакого успѣха, ни большаго, ни малаго, потому что въ немъ, кромѣ стиховъ Пушкина, ничего интереснаго для публики не было... Издатель «Отечественныхъ Записокъ» всегда сохранитъ, какъ лучшее достояніе своей жизни, признательную память о Пушкинѣ, который удостоивалъ его больше, чѣмъ простаго знакомства; но признаетъ себя обязаннымъ отречься отъ высокой чести быть пріятелемъ, или, какъ обыкновенно говорится «другомъ» Пушкина: если онъ вы-

соко ставитъ поэтическій геній Пушкина, такъ это по причинамъ чисто литературнымъ... Въ его журналѣ читатели не разъ встрѣчали восторженныя похвалы Крылову и Жуковскому:—и это опять по причинамъ чисто литературнымъ, хотя издатель и пользуется честью знакомства съ обоими лауреатами нашей литературы, и хотя послѣдній удостоилъ его журналъ помѣщеніемъ въ немъ нѣсколькихъ піесъ своихъ... Въ «Отечественныхъ Запискахъ» читатели не разъ встрѣчали также восторженныя похвалы Батюшкову и особенно Грибоѣдову; но этихъ двухъ поэтовъ издатель «Отечественныхъ Записокъ» даже никогда и не видывалъ... Что̀ касается до Гоголя, издатель «Отечественныхъ Записокъ» дѣйствительно имѣлъ честь быть знакомъ съ нимъ; но не больше какъ знакомъ, — и въ то время, какъ «Отечественныя Записки» своими отзывами о Гоголѣ возбуждали въ себѣ ненависть и навлекали на себя осужденія разныхъ критикановъ, — Гоголь жилъ въ Италіи, а возвращаясь на родину, жилъ преимущественно въ Москвѣ, и ни одной строки его еще не было въ нашемъ журналѣ... Что̀ же заговорятъ наши критическіе рыцари печальнаго образа, если когда-нибудь увидятъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» повѣсть Гоголя?... О, тогда они завопятъ: «видите ли все хвалятъ своихъ!...»

Мы не безъ умысла разговорились по поводу поэмы Гоголя, о такихъ не прямо-литературныхъ предметахъ. Что дѣлать! наша литература еще такъ молода, общественное мнѣніе такъ еще не твердо, что намъ должно говорить о многомъ, о чемъ уже давно не говорится въ иностранныхъ литературахъ, и о чемъ, есть надежда, скоро совсѣмъ перестанутъ говорить и въ нашей литературѣ... Журналъ издается не для извѣстнаго круга, а для всѣхъ: «Отечественныя Записки» имѣютъ такой обширный кругъ читателей, въ которомъ нельзя никакъ предполагать единства въ мнѣніи. Притомъ же, иногородная публика, которая издалека

смотритъ на Петербургъ, какъ на центръ литературной дѣятельности въ Россіи, не можетъ иногда не приходить въ смущеніе отъ противорѣчащихъ журнальныхъ толковъ, не зная кому вѣрить, кому не вѣрить: и потому должно давать ей ключъ къ истинѣ не одними словами, но и фактами. Чего добраго!—можетъ-быть, скоро ей начнутъ превозносить Гоголя тѣ же самые люди, которые поносили насъ за похвалы ему, и которые теперь, потерявшись отъ неслыханнаго успѣха «Мертвыхъ Душъ», подобно утопающему, хватаются даже за соломенку для своего спасенія отъ потопленія въ волнахъ Леты, и увѣряютъ, что «Кузьма Петровичъ Мирошевъ» выше «Мертвыхъ Душъ»... Чего добраго!—можетъ-быть, скоро эти люди будутъ упрекать насъ въ невѣжествѣ, безвкусіи и пристрастіи, еслибы намъ когда-нибудь случилось какое-нибудь новое произведеніе Гоголя найдти неудовлетворительнымъ... Времена перемѣнчивы... Притомъ же есть люди, которые думаютъ, что то и хорошо, что̀ въ ходу...

Но пока, для насъ еще существуетъ достовѣрность, что всѣ знаютъ, кто первый оцѣнилъ на Руси Гоголя... Мы знаемъ, что еслибъ гдѣ и случилось публикѣ встрѣтить болѣе или менѣе подходящее къ истинѣ сужденіе о Гоголѣ, особенно въ тонѣ и духѣ «Отечественныхъ Записокъ», публика будетъ знать источникъ, откуда вытекло это сужденіе, и не прійметъ его за новость... Теперь всѣ стали умны, даже люди, которые родились неумны, и каждый съумѣетъ поставить яйцо на столъ...

Послѣ появленія «Мертвыхъ Душъ» много найдется литературныхъ Коломбовъ, которымъ легко будетъ открыть новый великій талантъ въ русской литературѣ, новаго великаго писателя русскаго—Гоголя...

Но не такъ-то легко было открыть его, когда онъ былъ еще дѣйствительно новымъ. Правда, Гоголь, при первомъ появленіи своемъ встрѣтилъ жаркихъ поклонниковъ своему

таланту; но ихъ число было слишкомъ мало. Вообще, ни одинъ поэтъ на Руси не имѣлъ такой странной судьбы, какъ Гоголь: въ немъ не смѣли видѣть великаго писателя даже люди, знавшіе наизустъ его творенія; къ его таланту никто не былъ равнодушенъ: его или любили восторженно, или ненавидѣли. И этому есть глубокая причина, которая доказываетъ скорѣе жизненность, чѣмъ мертвенность нашего общества. Гоголь первый взглянулъ смѣло и прямо на русскую дѣйствительность, и если къ этому присовокупить его глубокій юморъ, его безконечную иронію, то ясно будетъ, почему ему еще долго не быть понятнымъ, и что обществу легче полюбить его, чѣмъ понять... Впрочемъ, мы коснулись такого предмета, котораго нельзя объяснить въ рецензіи. Скоро будемъ мы имѣть случай поговорить подробно о всей поэтической дѣятельности Гоголя, какъ объ одномъ цѣломъ, и обозрѣть всѣ его творенія въ ихъ постепенномъ развитіи. Теперь же, ограничимся выраженіемъ въ общихъ чертахъ своего мнѣнія о достоинствѣ «Мертвыхъ Душъ»—этого великаго произведенія.

Нашей литературѣ, вслѣдствіе ея искусственнаго начала и неестественнаго развитія, суждено представлять изъ себя зрѣлище отрывочныхъ и самыхъ противорѣчащихъ явленій. Мы уже не разъ говорили, что не вѣримъ существованію русской литературы, какъ выраженію народнаго сознанія въ словѣ, исторически развившагося; но видимъ въ ней прекрасное начало великаго будущаго, рядъ отрывочныхъ проблесковъ, яркихъ какъ молнія, широкихъ и размашистыхъ, какъ русская душа, но не болѣе, какъ проблесковъ. Все остальное, изъ чего слагается вседневная дѣятельность нашей литературы, имѣетъ мало или совсѣмъ не имѣетъ отношенія къ этимъ проблескамъ, кромѣ развѣ того, какое отношеніе имѣетъ тѣнь къ свѣту и мракъ къ блеску. Гоголь началъ свое поприще еще при Пушкинѣ и съ смертію его замолкъ, казалось, навсегда. Послѣ «Ревизора», онъ

не печаталъ ничего до половины текущаго года. Въ этотъ промежутокъ его молчанія, столь печалившаго друзей русской литературы и столь радовавшаго литературщиковъ, успѣла взойдти и погаснуть на горизонтѣ русской поэзіи яркая звѣзда таланта Лермонтова. Послѣ «Героя Нашего времени» только въ журналахъ (читатели знаютъ, въ какихъ) и альманахѣ Смирдина явилось нѣсколько повѣстей, болѣе или менѣе замѣчательныхъ; но ни въ журналахъ, ни отдѣльно не явилось ничего капитальнаго, ничего такого, что̀ составляетъ вѣчное пріобрѣтеніе литературы и, какъ лучи солнечные въ фокусѣ стекла, сосредоточиваетъ въ себѣ общественное сознаніе, въ одно и то же время возбуждая и любовь, и восторженныя похвалы, и ожесточенныя порицанія, полное удовлетвореніе и совершенное недовольство, но во всякомъ случаѣ общее вниманіе, шумъ, толки и споры. Какое-то апатическое уныніе овладѣло литературою; торжество посредственности было полное; видя, что никто ей не мѣшаетъ, она овладѣла и романомъ, и повѣстью, и театромъ; она выпустила длинную фалангу уродовъ и недоносковъ, то передразнивая Марлинскаго въ призракахъ, то шарлатаня французскою исторіею и литовскими преданіями, растягивая ихъ на длинные томы скучныхъ росказней; то перебиваясь старою ветошью мнимо патріотическихъ и мнимо-народныхъ сценъ пресловутой старины; то выдавая намъ за народность грязь простонародья, за патріотизмъ сало и галушки, а за юморъ и остроуміе карикатуры нигдѣ небывалыхъ идіотовъ, которые, по волѣ г. сочинителя, то глупы, то умны, то опять глупы; то пародируя Шекспира и перелагая его драмы на русскіе нравы; то переводя на русскій языкъ и русскую сцену мусоръ и щебень съ задняго двора нѣмецкой драматической литературы... И вдругъ, среди этого торжества мелочности, посредственности, ничтожества, бездарности среди этихъ пустоцвѣтовъ и дождевыхъ пузырей литературныхъ, сре-

ди этихъ ребяческихъ затѣй, дѣтскихъ мыслей, ложныхъ чувствъ, фарисейскаго патріотизма, приторной народности,— вдругъ, словно освѣжительный блескъ молніи среди томительной и тлетворной духоты и засухи, является твореніе чисто русское, національное, выхваченное изъ тайника народной жизни, столько же истинное, сколько и патріотическое, безпощадно сдергивающее покровъ съ дѣйствительности и дышащее страстною, нервистою, кровною любовію къ плодовитому зерну русской жизни; твореніе необъятно-художественное по концепціи и выполненію, по характерамъ дѣйствующихъ лицъ и подробностямъ русскаго быта,—и въ то же время, глубокое по мысли, соціяльное, общественное и историческое... Въ «Мертвыхъ Душахъ» авторъ сдѣлалъ такой великій шагъ, что все, доселѣ имъ написанное, кажется слабымъ и блѣднымъ въ сравненіи съ ними... Величайшимъ успѣхомъ и шагомъ впередъ считаемъ мы со стороны автора то, что въ «Мертвыхъ Душахъ» вездѣ ощущаемо и, такъ сказать, осязаемо проступаетъ его субъективность. Здѣсь мы разумѣемъ не ту субъективность, которая, по своей ограниченности или односторонности, искажаетъ объективную дѣйствительность изображаемыхъ поэтомъ предметовъ; но ту глубокую, всеобъемлющую и гуманную субъективность, которая въ художникѣ обнаруживаетъ человѣка съ горячимъ сердцемъ, симпатичною душою и духовно-личною самостію,—ту субъективность, которая не допускаетъ его съ апатическимъ равнодушіемъ быть чуждымъ міру, имъ рисуемому, но заставляетъ его проводить черезъ свою душу живу явленія внѣшняго міра, а черезъ то и въ нихъ вдыхать душу живу... Это преобладаніе субъективности, проникая и одушевляя собою всю поэму Гоголя, доходитъ до высокаго лирическаго паѳоса и освѣжительными волнами охватываетъ душу читателя даже въ отступленіяхъ, какъ, напримѣръ, тамъ, гдѣ онъ говоритъ о завидной долѣ писателя, «который изъ великаго омута

ежедневно вращающихся образовъ избралъ одни не многія исключенія; который не измѣнялъ ни разу возвышеннаго строя своей лиры, не ниспускался съ вершины своей къ бѣднымъ, ничтожнымъ своимъ собратіямъ и, не касаясь земли, весь повергался въ свои далеко отторгнутые отъ нея и возвеличенные образы»; или тамъ, гдѣ говоритъ онъ о грустной судьбѣ «писателя, дерзнувшаго вызвать наружу все, что ежеминутно передъ очами и чего не зрятъ равнодушныя очи, всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавшихъ нашу жизнь, всю глубину холодныхъ, раздробленныхъ, повседневныхъ характеровъ, которыми кишитъ наша земная, подчасъ горькая и скучная дорога, и крѣпкою силою неумолимаго рѣзца дерзнувшаго выставить ихъ выпукло и ярко на всенародныя очи»; или тамъ еще, гдѣ онъ, по случаю встрѣчи Чичикова съ плѣнившею его блондинкою, говоритъ, что «вездѣ, гдѣ бы ни было въ жизни, среди ли чорствыхъ, шероховато-бѣдныхъ, неопрятно-плѣсивѣющихъ, низменныхъ рядовъ ея, или среди однообразно-хладныхъ и скучно-опрятныхъ сословій высшихъ, вездѣ, хоть разъ, встрѣтится на пути человѣку явленье, непохожее на все то, что случалось ему видѣть дотолѣ, которое хоть разъ пробудитъ въ немъ чувство, непохожее на тѣ, которыя суждено ему чувствовать всю жизнь; вездѣ, поперегъ какимъ бы то ни было печалямъ, изъ которыхъ плетется жизнь наша, весело промчится блистающая радость, какъ иногда блестящій экипажъ съ золотою упряжью, картинными конями и сверкающимъ блескомъ стеколъ, вдругъ неожиданно промчится мимо какой-нибудь заглохнувшей бѣдной деревушки, невидавшей ничего, кромѣ сельской телеги,—и долго мужики стоятъ, зѣвая съ открытыми ртами, не надѣвая шапокъ, хоть давно уже унесся и пропалъ изъ виду дивный экипажъ»... Такихъ мѣстъ въ поэмѣ много—всѣхъ не выписать. Но этотъ пафосъ субъективности поэта проявляется не въ однихъ такихъ высоко-лирическихъ от-

ступленіяхъ: онъ проявляется безпрестанно, даже и среди разсказа о самыхъ прозаическихъ предметахъ, какъ, напримѣръ, объ извѣстной дорожкѣ, проторенной забубённымъ русскимъ народомъ... Его же музыку чуетъ внимательный слухъ читателя и въ восклицаніяхъ, подобныхъ слѣдующему: «Эхъ, русскій народецъ! не любитъ умирать своею смертью!»...

Столь же важный шагъ впередъ со стороны таланта Гоголя видимъ мы и въ томъ, что въ «Мертвыхъ Душахъ» онъ совершенно отрѣшился отъ малороссійскаго элемента и сталъ русскимъ національнымъ поэтомъ во всемъ пространствѣ этого слова. При каждомъ словѣ его поэмы, читатель можетъ говорить:

Здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ!

Этотъ русскій духъ ощущается и въ юморѣ, и въ ироніи, и въ выраженіи автора, и въ размашистой силѣ чувствъ, и въ лиризмѣ отступленій, и въ паѳосѣ всей поэмы, и въ характерахъ дѣйствующихъ лицъ, отъ Чичикова до Селифана и «подлеца чубараго» включительно,—въ Петрушкѣ, носившемъ съ собою свой особенный воздухъ, и въ будочникѣ, который, при фонарномъ свѣтѣ, въ просонкахъ, казнилъ на ногтѣ звѣря и снова заснулъ. Знаемъ, что чопорное чувство многихъ читателей оскорбится въ печати тѣмъ, что такъ субъективно свойственно ему въ жизни, и назоветъ сальностями выходки въ родѣ казненнаго на ногтѣ звѣря; но это значитъ не понять поэмы, основанной на паѳосѣ дѣйствительности, какъ она есть. Изображайте мѣщанско-филистерскую жизнь Нѣмцевъ, и вы принуждены будете упоминать (въ похвалу, или насмѣшку) о педантизмѣ ихъ опрятности; касаясь же жизни русскаго простонародья, неотличающагося, какъ извѣстно, излишнею чистоплотностью, значило бы пропустить одну изъ характеристическихъ чертъ ея, еслибъ не замѣтить, что не только

въ деревняхъ, днемъ, сидя у воротъ, бабы усердно занимаются казненіемъ звѣрей у ребятишекъ, изъявляя имъ этимъ свою нѣжность и заботливость, но и въ столицахъ извощики на биржахъ и работники на улицахъ, не рѣдко оказываютъ другъ другу подобную услугу, единственно изъ безкорыстной любви къ такому занятію... Мы знаемъ напередъ, что наши сочинители и критиканы не пропустятъ воспользоваться расположеніемъ многихъ читателей къ чопорности и ихъ склонностію находить въ себѣ образованность большаго свѣта, выказывая при этомъ собственное знаніе приличій высшаго общества. Нападая на автора «Мертвыхъ Душъ» за сальности его поэмы, они съ сокрушеннымъ сердцемъ воскликнутъ, что и порядочный лакей не станетъ выражаться, какъ выражаются у Гоголя благонамѣренные и почтенные чиновники...

Но мимо ихъ, этихъ столь посвященныхъ въ таинства высшаго общества критикановъ и сочинителей, пусть ихъ хлопочутъ о томъ, чего не смыслятъ, и стоятъ за то, чего не видали, и что не хочетъ ихъ знать...

«Мертвыя Души» прочтутся всѣми, но понравятся, разумѣется, не всѣмъ. Въ числѣ многихъ причинъ есть и та, что «Мертвыя Души» не соотвѣтствуютъ понятію толпы о романѣ, какъ о сказкѣ, гдѣ дѣйствующія лица полюбили, разлучились, а потомъ женились и стали богаты и счастливы. Поэмою Гоголя могутъ вполнѣ насладиться только тѣ, кому доступна мысль и художественное выполненіе созданія, кому важно содержаніе, не «сюжетъ»; для восхищенія всѣхъ прочихъ остаются только мѣста и частности. Сверхъ того, какъ всякое глубокое созданіе, «Мертвыя Души» не раскрываются вполнѣ съ перваго чтенія даже для людей мыслящихъ: читая ихъ во второй разъ, точно читаешь новое, никогда невиданное произведеніе. «Мертвыя Души» требуютъ изученія. Къ тому же еще должно повторить, что юморъ доступенъ только глубокому

и сильно развитому духу. Толпа не понимаетъ и не любитъ его. У насъ, всякій писака такъ и таращится рисовать бѣшеныя страсти и сильные характеры, списывая ихъ, разумѣется, съ себя и съ своихъ знакомыхъ. Онъ считаетъ для себя униженіемъ снизойдти до комическаго и ненавидитъ его по инстинкту, какъ мышь кошку. «Комическое» и «юморъ» большинство понимаетъ у насъ какъ шутовское, какъ каррикатуру, — и мы увѣрены, что многіе не шутя, съ лукавою и довольною улыбкою отъ своей проницательности, будутъ говорить и писать, что Гоголь въ шутку назвалъ свой романъ поэмою... Именно такъ! Вѣдь Гоголь большой острякъ и шутникъ, и что за веселый человѣкъ, Боже мой! Самъ безпрестанно хохочетъ и другихъ смѣшитъ!... Именно такъ, вы угадали умные люди...

Что̀ касается до насъ, то, не считая себя въ правѣ говорить печатно о личномъ характерѣ живаго писателя, мы скажемъ только, что не въ шутку назвалъ Гоголь свой романъ «поэмою», и что не комическую поэму разумѣетъ онъ подъ нею. Это намъ сказалъ не авторъ, а его книга. Мы не видимъ въ ней ничего шуточнаго и смѣшнаго; ни въ одномъ словѣ автора не замѣтили мы намѣренія смѣшить читателя: все серьёзно, спокойно, истинно и глубоко... Не забудьте, что книга эта есть только экспозиція, введеніе въ поэму, что авторъ обѣщаетъ еще двѣ такія же большія книги, въ которыхъ мы снова встрѣтимся съ Чичиковымъ и увидимъ новыя лица, въ которыхъ Русь выразится съ другой своей стороны... Нельзя ошибочнѣе смотрѣть на «Мертвыя Души» и грубѣе понимать ихъ, какъ видя въ нихъ сатиру. Но объ этомъ и многомъ другомъ мы поговоримъ въ своемъ мѣстѣ, подробнѣе; а теперь пусть скажетъ что-нибудь самъ авторъ:

«....И опять по обѣимъ сторонамъ столбоваго пути пошли вновь писать версты, станціонные смотрители, колодцы, обозы, сѣрыя деревни съ самоварами, бабами и бойкимъ бородатымъ хозяиномъ,

бѣгущимъ изъ постоялаго двора съ овсомъ въ рукѣ; пѣшеходъ въ протертыхъ лаптяхъ, плетущійся за 800 верстъ; городишки, выстроенные живьемъ, съ деревянными лавчонками, мучными бочками, лаптями, калачами и прочей мелюзгой; рябые шлагбаумы, чинимые мосты, поля неоглядныя и по ту сторону и по другую; помѣщичьи рыдваны, солдатъ верхомъ на лошади, везущій зеленый ящикъ съ свинцовымъ горохомъ и подписью: «такой то артиллерійской батареи»; зеленыя, желтыя и свѣжо-разрытыя черныя полосы, мелькающія по степямъ; затянутая вдали пѣсня, сосновыя верхушки въ туманѣ, пропадающій далече колокольный звонъ, вороны какъ мухи и горизонтъ безъ конца... Русь! Русь! вижу тебя, изъ моего чуднаго прекраснаго далёка тебя вижу: бѣдна природа въ тебѣ, не развеселятъ, не испугаютъ взоровъ дерзкія ея дива, вѣнчанныя дерзкими дивами искусства, города съ многооконными, высокими дворцами, вросшими въ утесы, картинныя дерева и плющи, вросшіе въ домы, въ шумѣ и въ вѣчной пыли водопадовъ; не опрокинется назадъ голова посмотрѣть на громоздящіяся безъ конца надъ нею и въ вышинѣ каменныя глыбы; не блеснутъ сквозь наброшенныя одна на другую темныя арки, опутанныя виноградными сучьями, плющами и несметными милліонами дикихъ розъ, не блеснутъ сквозь нихъ вдали вѣчныя линіи сіяющихъ горъ, несущихся въ серебряныя, ясныя небеса. Открыто-пустынно и ровно все въ тебѣ; какъ точки, какъ значки, непримѣтно торчатъ среди равнинъ невысокіе твои города; ничто не обольститъ и не очаруетъ взора! Но какая же непостижимая, тайная сила влечетъ къ тебѣ? Почему слышится и раздается немолчно въ ушахъ твоя тоскливая, несущаяся по всей длинѣ и ширинѣ твоей, отъ моря до моря, пѣсня? Что̀ въ ней, въ этой пѣснѣ? Что̀ зоветъ, и рыдаетъ, и хватаетъ за сердце? Какіе звуки болѣзненно лобзаютъ и стремятся въ душу и вьются около моего сердца? Русь! чего же ты хочешь отъ меня? какая непостижимая связь таится между нами? Что̀ глядишь ты такъ, и зачѣмъ все, что̀ ни есть въ тебѣ, обратило на меня полныя ожиданія очи?... И еще, полный недоумѣнія, неподвижно стою я, а уже главу осѣнило грозное облако, тяжелое грядущими дождями, и онѣмѣла мысль передъ твоимъ пространствомъ. Что̀ пророчитъ сей необъятный просторъ? Здѣсь ли, въ тебѣ ли не родиться безпредѣльной мысли, когда ты сама безъ конца? Здѣсь ли не быть богатырю, когда есть мѣсто, гдѣ развернуться и пройтись ему? И грозно объемлетъ меня могучее пространство, страшною силою отразясь во глубинѣ моей; неестественной властью освѣтились мои очи: у! какая сверкающая, чудная, незнакомая землѣ даль! Русь!... (121—127).

. . . . И какой же Русскій не любитъ быстрой ѣзды? Его ли душѣ, стремящейся закружиться, загуляться, сказать иногда: «чертъ побери все!», его ли душѣ не любить ея? Ея ли не любить, когда въ ней слышится что-то восторженно-чудное? Кажись, невѣдомая сила подхватила тебя на крыло къ себѣ—и самъ летишь, и все летитъ: летятъ версты, летятъ навстрѣчу купцы на облучкахъ своихъ кибитокъ, летитъ съ обѣихъ сторонъ лѣсъ темными строями елей и сосенъ, съ топорнымъ стукомъ и вороньимъ крикомъ, летитъ вся дорога нивѣсть куда въ пропадающую даль—и что-то страшное заключено въ семъ быстромъ мельканьи, гдѣ не успѣваетъ означиться пропадающій предметъ; только небо надъ головою, да легкія тучи, да продирающійся мѣсяцъ одни кажутся недвижны. Эхъ, тройка! птица-тройка! кто тебя выдумалъ? Знать у бойкаго народа ты могла только родиться, въ той землѣ, что не любитъ шутить, а ровнемъ-гладнемъ разметнулась на полсвѣта, да и ступай считать версты, пока не зарябитъ тебѣ въ очи. И не хитрый, кажись, дорожный снарядъ, не желѣзнымъ схваченъ винтомъ, а на-скоро живьёмъ, съ однимъ топоромъ да долотомъ снарядилъ и собралъ тебя ярославскій расторопный мужикъ. Не въ нѣмецкихъ ботфортахъ ямщикъ: борода да рукавицы, и сидитъ чортъ знаетъ на чемъ; а привсталъ да замахнулся, да затянулъ пѣсню—кони вихремъ, спицы въ колесахъ смѣшались въ одинъ гладкій кругъ, только дрогнула дорога, да вскрикнулъ въ испугѣ остановившійся пѣшеходъ! И вонъ она понеслась, понеслась, понеслась!... И вотъ уже видно вдали, какъ что-то пылитъ и сверлитъ воздухъ ..

Не такъ ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка несешься? Дымомъ дымится подъ тобою дорога, гремятъ мосты, все отстаетъ и остается назади. Остановился, пораженный Божьимъ чудомъ созерцатель: не молнія ли это, сброшенная съ неба? Что́ значитъ это наводящее ужасъ движеніе? И что за невѣдомая сила заключена въ сихъ невѣдомыхъ свѣтомъ коняхъ? Эхъ, кони, кони, что за кони! Вихри ли сидятъ въ вашихъ гривахъ? чуткое ли ухо говоритъ во всякой вашей жилкѣ? Заслышали съ вышины знакомую пѣсню, дружно и разомъ напрягли мѣдныя груди и, почти не тронувъ копытами земли, превратились въ однѣ вытянутыя линіи, летящія по воздуху,—и мчится вся вдохновленная Богомъ!... Русь, куда жь несешься ты, дай отвѣтъ? Не даетъ отвѣта! Чуднымъ звономъ заливается колокольчикъ, гремитъ и становится вѣтромъ разорванный въ куски воздухъ; летитъ мимо все, что́ ни есть на земли, и косясь, посторанняются и даютъ ей дорогу другіе народы и государства. (472— 5

Грустно думать, что этотъ высокій лирическій паѳосъ, эти гремящіе, поющіе диѳирамбы блаженствующаго въ себѣ національнаго самосознанія, достойные великаго русскаго поэта, будутъ далеко не для всѣхъ доступны, что добродушное невѣжество отъ души станетъ хохотать отъ того, отчего у другаго волосы встанутъ на головѣ при священномъ трепетѣ... А между тѣмъ, это такъ, и иначе быть не можетъ. Высокая, вдохновенная поэма пойдетъ для большинства за «преуморительную штуку». Найдутся также и патріоты, о которыхъ Гоголь говоритъ на 468-й стран. своей поэмы, и которые, съ свойственною имъ проницательностію, увидятъ въ «Мертвыхъ Душахъ» злую сатиру, слѣдствіе холодности и нелюбви къ родному, къ отечественному,—они, которымъ такъ тепло въ нажитыхъ ими потихоньку домахъ и домикахъ, а можетъ быть и деревенькахъ—плодахъ благопамѣренной и усердной службы... Пожалуй, еще закричатъ и о личностяхъ... Впрочемъ, это и хорошо съ одной стороны: это будетъ лучшею критическою оцѣнкою поэмы... Что́ касается до насъ, мы, напротивъ, упрекнули бы автора скорѣе въ излишествѣ непокореннаго спокойно-разумному созерцанію чувства, мѣстами слишкомъ юношески увлекающагося, нежели въ недостаткѣ любви и горячности къ родному и отечественному... Мы говоримъ о нѣкоторыхъ,—къ счастію немногихъ, хотя къ несчастію и рѣзкихъ — мѣстахъ, гдѣ авторъ слишкомъ легко судитъ о національности чуждыхъ племенъ, и не слишкомъ скромно предается мечтамъ о превосходствѣ славянскаго племени надъ ними (стр. 208 — 430). Мы думаемъ, что лучше оставлять всякому свое, и, сознавая собственное достоинство, умѣть уважать достоинство и въ другихъ... Объ этомъ много можно сказать, какъ и о многомъ другомъ, — что́ мы и сдѣлаемъ скоро въ свое время и въ своемъ мѣстѣ.

—

Всякая литература подвержена своимъ законамъ — это уже общее правило. Литературы задпихъ рядовъ, предводимыя гг. Кузмичевыми и разными иными знаменитостями въ томъ же родѣ, также имѣютъ свои законы, свои условія; но эти условія, кажется, въ томъ только и состоятъ, что въ нихъ заключается чистое отрицаніе самыхъ простыхъ законовъ, общихъ всѣмъ литературамъ, выражающимъ сколько-нибудь разумное содержаніе. Такъ хоть бы это условіе: есть въ году время, время жаровъ и зноя, когда едва ли не всякій нѣсколько сокращаетъ свою обыкновенную дѣятельность, когда даже умственныя силы теряютъ много своей энергіи, и когда самыя требованія на произведенія высшей, умственной дѣятельности по необходимости должны быть умѣреннѣе, ограниченнѣе, въ эту пору и литература, не истощаясь совершенно, впрочемъ, также уменьшаетъ свою производимость и какъ бы отдыхаетъ, собирая силы для новыхъ трудовъ, для будущей дѣятельности:—это можетъ случиться не только въ нашей, но и во всякой другой, болѣе солидной литературѣ. Но попробуйте наблюдать—не только вооруженными, но и простыми глазами—надъ этими безвременными литературами, которыхъ достоинство измѣряется только вѣсомъ и количествомъ, и вы увидите совсѣмъ противное явленіе: онѣ какъ будто существуютъ внѣ законовъ пространства и времени; условія климата и атмосферы для нихъ совершенно не имѣютъ значенія; въ то время, какъ для васъ наступаетъ пора отдыха, у нихъ начинается работа самая живая, самая дѣятельная: работаютъ головы, руки, перья,—больше всего перья, а отъ нихъ не отстаютъ и типографскіе станки. Тутъ не только печатается и издается изъ тьмы въ свѣтъ «новое», но перепечатывается, или ужь по крайней мѣрѣ получаетъ новую обертку и все старое: такимъ образомъ, первое изданіе вдругъ, по волшебному манію, становится вторымъ, пѣсенникъ дѣлается собраніемъ

емъ пѣсень; большое изданіе — маленькимъ, карманнымъ, для удобнѣйшаго употребленія и проч. и проч.; всѣхъ пріемовъ и увертокъ этой литературы не перескажешь. И что́ это бываетъ за работа, особенно если ужь «Макарьевская»-то недалеко! По русской пословицѣ—тяпъ да ляпъ, и вышелъ корабль! Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Всѣ, мало мальски сложные инструменты, въ такомъ случаѣ, чтобъ не мѣшали, отлагаются въ сторону: топоръ, обухъ и долото—вотъ всѣ орудія производителей макарьевской литературы. Имъ некогда, они спѣшатъ,—такъ до чистоты ли тутъ? Лишь было бы что́ продать къ великому дню, да выручить хоть свои-то: ужь за большимъ не гонятся. Дадимъ имъ дорогу, этимъ скороспѣлымъ издѣліямъ книжной мануфактуры: теперь именно то время, когда они кучами валятъ на макарьевскую, спѣша захватить себѣ тамъ мѣстечко рядомъ съ желѣзомъ и кожею. Намъ не нужно долго задерживать ихъ и всматриваться въ ихъ физіономію: лица все знакомыя, да притомъ есть и вещи, и даже лица, которыя стóитъ только назвать по имени, чтобъ въ одномъ словѣ разсказать вамъ ихъ прошедшую и будущую исторію. Итакъ, начнемъ же нашъ осмотръ:

ДАГЕРОТИПЪ. *Тетрадь вторая. Спб. 1842.*

Вторая тетрадь «Дагеротипа», подобно первой, начинаетя «Дагеротипомъ», котораго содержаніе также мистически таинственно и для не посвященныхъ недоступно, какъ и названіе. «Всѣ опыты въ началѣ бываютъ слабы, но никогда не заслуживаютъ насмѣшки, потому что неизвѣстно, какой они пріймутъ оборотъ». Этимъ оракульскимъ изрѣченіемъ начинается первая статья во второй тетради «Дагеротипа», называющаяся «Дагеротипъ». Но нынче ни-

кого не запугаешь оракульскими изрѣченіями и потому мы не обинуясь скажемъ, что оракулъ говоритъ рѣшительную неправду, утверждая, что надъ опытами, какъ ни слабы они, никогда не должно смѣяться, изъ уваженія къ неизвѣстности оборота, какой они пріймутъ. Мы думаемъ, напротивъ, что будущее можетъ приниматься въ разсчетъ только на основаніи настоящаго, а если настоящее нелѣпо, то можно и должно надъ нимъ смѣяться. Если начало дурно и ничего хорошаго не обѣщаетъ, почему же не смѣяться надъ нимъ? Если продолженіе, или конецъ, сверхъ чаянія, будутъ хороши, почему же не похвалить ихъ? Одно другому не мѣшаетъ. Если, напримѣръ, третья тетрадь «Дагеротипа» будетъ хороша, мы охотно похвалимъ ее; но какъ вторая плоха, подобно первой, мы пока будемъ продолжать смѣяться надъ «Дагеротипомъ».

За первою статейкою «Дагеротипа», наполненною какими-то таинственными намеками о мистическомъ значеніи «Дагеротипа», слѣдуетъ «Мудрецъ Платонъ и ученикъ его Ктезиппъ», легенда Гёте, переводъ г. Струговщикова. Въ этой легендѣ, Ктезиппъ изображенъ такимъ, какимъ Ктезиппъ какой-нибудь могъ быть въ самомъ дѣлѣ; но Платонъ рѣшительно не похожъ на себя, такъ же, какъ этотъ переводъ ни мало не похожъ на другіе переводы г. Струговщикова, и такъ же, какъ вся эта піеска похожа скорѣе на дѣтское сочиненіе г. Ф (Ѳ)едорова, чѣмъ на произведеніе сколько-нибудь даровитаго поэта.

«Семенъ Семеновичъ Огурчиковъ» — что то въ родѣ повѣсти безъ завязки, и развязки, безъ начала и конца, безъ цѣли и плана, наконецъ безъ всякаго содержанія, сочиненіе г. Полеваго. Ни истины, ни правдоподобія, ни занимательности — ничего этого нѣтъ и тѣни въ разсказѣ г. Полеваго. Это какая-то каррикатура на дѣйствительность, что-то въ родѣ сатиры на русскій европеизмъ. Г. Полевой занимаетъ самое пріятное положеніе въ современ-

ной русской литературѣ: онъ все во всемъ, онъ вездѣ и нигдѣ, онъ редакторъ журнала, онъ драматургъ и, послѣ г. Кукольника, глава театральной и сценической литературы, онъ пишетъ въ свой журналъ начала повѣстей, которымъ не суждено никогда кончиться, отрывки, изъ которыхъ никогда ничего цѣлаго не выдетъ. Умилительнѣе всего, что онъ пишетъ легко и скоро: это — благодѣтельные плоды долговременнаго упражненія въ россійской словесности, счастливые результаты навыка, похвальнымъ трудолюбіемъ пріобрѣтеннаго! Вслѣдствіе всего этого, г. Полевой сталъ почетнымъ лицомъ въ современной русской литературѣ; новый журналъ — и тамъ долженъ быть его «отрывокъ», или по крайней мѣрѣ его обѣщаніе что-нибудь написать, о чемъ-нибудь разсудить, какой нибудь вопросъ рѣшить; новый альманахъ: безъ него какъ-то неловко — имя громкое; бенефиціантъ нуждается въ піесѣ: все къ нему же, все къ г. Полевому, который, по выраженію одного изъ друзей его, «пишетъ полосами»; нужна исторія—Петра, Колумба, Чингисъ-Хана, Россіи, Испаніи. Дауріи: одно слово, и паровая машина записала или вступленіе, или отрывокъ, или одинъ конецъ... Правда, все это отзывается скоростью, все это ни хорошо, ни худо, все это постоянно носитъ на себѣ отпечатокъ посредственности; но все это тѣмъ лучше гармонируетъ съ характеромъ современной русской литературы, и все это тѣмъ завиднѣе и блестящее дѣлаетъ литературное положеніе г. Полеваго... Имя его извѣстно публикѣ, а такъ какъ очарованіе именъ у насъ еще не изчезло, то статью прочтутъ и зная впередъ, что она ни то ни сё; прочитавъ, будутъ говорить, что плоха, но объ изданіи всегда отзовутся какъ о чемъ-то заслуживающемъ вниманія: тамъ-де статьи г. Полеваго... Однимъ словомъ, г. Полевой драгоцѣнный человѣкъ для современной русской литературы: въ этомъ, вѣрно, съ нами согласенъ и «Дагеротипъ»...

За «Огурчиковымъ» слѣдуютъ двѣ музыкальныя статьи, одна въ двѣ съ половиною, другая въ полторы странички; подъ обѣими красуется имя г. Ноткина, и въ обѣихъ ровно ничего нѣтъ, кромѣ буквъ, словъ и знаковъ препинанія. Но вотъ и «Астраханскія Письма», которыя, ужасно отзываются Астраханью, и которыя писаны, вѣроятно, для астраханскихъ Татаръ, которымъ мы охотно и предоставляемъ восхищаться ими и судить о нихъ.

Вотъ и все. Что̀ такое это все, къ чему оно, зачѣмъ, для чего, — это тайна, которой мы не возмемся рѣшить. Кто это читаетъ, кому это нужно—Богъ вѣсть!

ПАРИЖСКАЯ КРАСАВИЦА. *Романъ Поль-де-Кока. Спб. 1842. Четыре части.*

Несмотря на ожесточенные вопли идеальныхъ критиковъ и моральныхъ людей, которые вслухъ громко бранятъ Поль-де-Кока, а про себя прилежно читаютъ его,—добрый, милый и талантливый Поль-де-Кокъ не перестаетъ писать, а переводчики не перестаютъ взапуски переводить его на всѣ языки Европы. И Поль-де-Кокъ вполнѣ достоинъ этой чести. Онъ не берется за идеалы, которые ему не по силамъ; а въ томъ, что̀ не выходитъ изъ круга его созерцанія и его способностей, онъ несравненъ и превосходенъ. Знаніе людей и общества, добродушіе, веселость, вѣрность истинѣ, мѣстами душа и чувство, шаловливость легкой французской фантазіи въ подробностяхъ, и нравственное чувство въ цѣломъ, умѣнье хорошо концепировать и ровно выдерживать характеры, завязать и развязать просто, естественно и безъ натяжекъ узелъ возможнаго, взятаго изъ

современнаго общества, каково бы оно ни было, узелъ разсказа, — изложить его легко, увлекательно, живо, насмѣшить до слезъ, а иногда и тронуть,—вотъ неотъемлемыя достоинства Поль-де-Кока и неотъемлемыя права его на скромную и тихую славу. Въ «Парижской Красавицѣ» онъ остался вѣренъ себѣ, и этотъ романъ читается скоро, легко. Характеръ героини и ея судьба возбуждаютъ живое участіе своимъ благородствомъ и женскимъ достоинствомъ; прекрасно очерченъ характеръ Елены де Бреванъ, кокетки, испорченной богатствомъ и пансіонскимъ воспитаніемъ; прочія лица морятъ со смѣху своею оригинальностію. Особенно хорошо обрисованы соблазнительныя парижскія гризетки.

Мы не разъ уже говорили, что Поль-де-Кока можно читать только по-французски. Этому двѣ причины: первая та, что Поль-де-Кокъ по преимуществу французскій писатель; живость и оригинальность его разсказа неразрывно связана съ духомъ разговорнаго французскаго языка; вторая та, что наши россійскіе перелагатели нещадно уродуютъ Поль де-Кока. Стирая съ его разсказа колоритъ добродушія и граціозности, они заставляютъ русскихъ читателей видѣть въ немъ однѣ сальности и плоскія, грубыя картины цинизма. Переводчикъ «Парижской Красавицы» не отсталъ въ этомъ похвальномъ обыкновеніи отъ своихъ многочисленныхъ товарищей по ремеслу, и варварски опошлилъ, огрубилъ и обезсмыслилъ «La jolie Fille du Faubourg». Съ этимъ обстоятельствомъ, относящимся ко вкусу, соединяется еще и грубое незнаніе отечественнаго языка.

СЕЛЬСКІЯ БЕСѢДЫ. *Спб. 1842.*

Книга, изданная для простонародья и касающаяся своимъ содержаніемъ быта земледѣльцевъ. Доброе дѣло! Жаль только, что изложеніе не довольно увлекательно и не до-

вольно доступно для православныхъ бородъ и остриженныхъ въ кружокъ головъ. Жаль еще, что книжка оканчивается «Русскою сказкою о бѣлой царицѣ, русь-дѣвицѣ, и о чудѣ богатырѣ славномъ царевичѣ»: поддѣлки подъ тонъ и манеры народныхъ сказокъ всегда болѣе или менѣе приторны; сверхъ того, у мужиковъ много и своихъ сказокъ, которыя ничѣмъ не умнѣе, даже глупѣе той, которою подчуютъ ихъ «Сельскія Бесѣды». «Русскій мужикъ сѣръ, а умъ-то у него не чортъ съѣлъ», говоритъ пословица: у русскаго мужичка много природнаго ума, много разумнаго чутья, которое заставляетъ его смотрѣть на сказки, какъ на пустяки, и уважать только то, что̀, будучи доступно его разумѣнію, въ то же время можетъ сдѣлать его умнѣе и поставить выше понятій его сословія и быта, а не то, что̀ только держитъ его въ кругѣ его же ограниченной жизни, или еще толкаетъ ниже этого круга. Жаль также, что и цѣна этой книжки, незначительная для горожанъ (25 к. сер.), высока для мужиковъ.

РУССКАЯ БЕСѢДА. *Собраніе сочиненій русскихъ литераторовъ. Въ пользу А. Ф. Смирдина. Томъ III. Спб. 1842.*

Знаменитое предпріятіе, долженствовавшее поправить разстроенныя дѣла г. Смирдина и прославить таланты и великодушіе русскихъ литераторовъ, кончилось: передъ нами лежитъ третій и послѣдній томъ «Русской Бесѣды». Мы бесѣдовали съ этимъ третьимъ томомъ, и сладка была намъ эта безмолвная бесѣда въ часъ дремоты... Точнѣе сказать: бесѣда была довольно тяжеленька, но заключеніе ея было и легко и пріятно... Не шутя, что̀ это такое: шутка или дѣйствительно плодъ усердія—чѣмъ богаты, тѣмъ и рады, по русской пословицѣ?... Нашъ вопросъ относится не къ

г. Смирдину, который могъ быть издателемъ, но отнюдь не критикомъ добровольныхъ приношеній со стороны великодушныхъ литераторовъ; притомъ же, какъ человѣкъ, знающій общежитіе, а можетъ—быть и до робости деликатный въ обращеніи съ нищущимъ людомъ, г. Смирдинъ, хоть и со слезами (ужь конечно не признательности), долженъ былъ принимать всякій хламъ, который вручали ему съ такою добродушною готовностію... Нѣтъ, мы хотимъ сказать, какъ достало у иныхъ гг. сочинителей столько храбрости, чтобъ напечатать свои произведенія, да еще и выставить подъ ними имена свои?... Но мы опять обмолвились: дивиться тутъ нечему, а было бы чему подивиться, еслибъ многіе сочинители не воспользовались такимъ прекраснымъ случаемъ втереться въ печать, подъ предлогомъ великодушія, о которомъ никто не просилъ ихъ... Въ первыхъ двухъ томахъ были два прекрасныя, хотя и не равныя по достоинству, беллетрическія произведенія: «Аптекарша» графа Соллогуба и «Барыня» г. Панаева: за эти двѣ піесы очень можно простить двумъ первымъ томамъ «Бесѣды» всѣ прочія повѣсти, которыми они были начинены. Но въ третьемъ томѣ, какъ будто по тщательному выбору, помѣщено, по части повѣстей—такое, хуже чего ни написать, ни выдумать нельзя. Вотъ, нѣкто г. Смирновъ, пухло, водяно, дрябло, растянуто, съ дикими претензіями на глубокомысліе, знаніе жизни (пріобрѣтенное, вѣроятно, на ученической скамейкѣ), съ претензіями на юморъ, остроуміе, оригинальность и прочія достоинства, въ которыхъ природа положительно и безжалостно отказала ему, разсказываетъ длинныя и скучныя, какъ кавказская дорога по благословенной плоскости Земли Войска Донскаго, похожденія какого-то Ѳомы Ѳедоровича, и еще какого-то Мефистофеля изъ семинаристовъ, съ «рафинированно-дьявольской» улыбкой. Остроумныя выходки (которыхъ острота, впрочемъ, ощутительна только для сочини-

теля) называетъ онъ «витцами», пичкаетъ свой вялый разсказъ полонизмами, барбаризмами, безсмыслицами и московскими любезностями. Мѣстами, кстати и не кстати, сочинитель любитъ щегольнуть намекомъ на свое знаніе того или другаго автора, того или другаго сочиненія, изъ чего ясно видно, что сочинитель еще очень молодой человѣкъ и не успѣлъ еще отвыкнуть отъ школьныхъ замашекъ. Но, не желая только хулить, съ удовольствіемъ выписываемъ лучшее мѣсто изъ его длинныхъ разглагольствій:

„Къ чему корчить изъ себя то, къ чему Богъ не создалъ, и подниматься на какую бы то ни было дыбу? Если въ самомъ дѣлѣ есть люди, призванные въ жизнь для того, чтобъ изучать движеніе чужихъ жизней внутреннею, глубокою силою постиженія, то вѣдь они не маскируются и не натягиваются, не громоздятся на пьедесталы и не драпируются *тамъ* лохмотьями жалкаго эффекта, а мѣшаются съ толпою смѣло и дружно, не боясь потеряться *тамъ*, но научаясь *тамъ* вызнавать *людъ*, съ которымъ живутъ и дѣйствуютъ. Они просты, потому что естественны“ (стр. 58).

Какъ жаль, что эту истину г. Смирновъ понялъ только теоретически! Иначе, онъ никакъ не написалъ бы «Жизнь и Смерть Ѳомы Ѳедоровича»...

Вотъ, авторъ «Семейства Холмскихъ» на сорока одной страницѣ разсказываетъ о «Послѣдствіяхъ услуги, оказанной кстати». Разсказъ его дышетъ чистѣйшею нравственностію, напоминая блаженное время романовъ г-жъ Жанлисъ, Коттенъ, дѣвицы Марьи Извѣковой, гг. Августа Лафонтена, Клаурена и пр. и пр.

Вотъ, какой-то г. М. И., ни съ того ни съ сего, какъ говорится, ни къ селу, ни къ городу, повѣствуетъ о «Сраженіи при Коссовѣ, происходившемъ 27-го августа 1389-го года, между Османами, подъ начальствомъ султана Мурада I-го, и христіянскими союзниками, подъ главнымъ предводительствомъ короля Сербіи Лазаря». Повѣствованіе его улеглось на 20-ти страницахъ, и явилось, вѣроятно, вслѣдствіе желанія что-нибудь напечатать.

Вотъ, какой-то г. Кузмичъ (тоже изъ новыхъ сочинителей) въ повѣсти «Монастырская Гора» представилъ, или, какъ выражается С. Н. Глинка, предъявилъ неудачный опытъ пародіи на Гоголя въ изображеніи нравовъ малороссійскаго простонародья, и, въ то же время, довольно удачное подражаніе Марлинскому — въ изображеніи глубокихъ чувствъ, могучихъ страстей, невыразимыхъ бѣдствій и несбыточныхъ приключеній. Повѣсть длинная, странная, но за то усыпительная въ юмористическихъ мѣстахъ и забавная въ патетическихъ сценахъ.

Вотъ, нѣкто г. Войтъ огромляетъ (по выраженію того же С. Н. Глинки) россійскій бытъ разсказомъ «Маякъ Утэ(,) или Эпизодъ изъ Жизни». Самое примѣчательное въ этомъ «огромленіи россійскаго быта» — то, что Маякъ Утэ не играетъ въ повѣсти никакой дѣйствующей роли, но скромно и безмолвно остается въ качествѣ слушателя. Не менѣе замѣчательно было бы въ этомъ разсказѣ и невѣроятное обиліе морскихъ терминовъ, равно какъ и дикихъ до безсмысленности фразъ a la Marlinsky, еслибъ все это не было уже старо, пошло, истерто и истаскано. Герой разсказа — одинъ изъ тѣхъ Звонскихъ, Линскихъ, Лидиныхъ, Греминыхъ и всякихъ ловкихъ военныхъ людей, о которыхъ упоминаетъ Гоголь на 319 и 320 страницахъ «Мертвыхъ Душъ». Будучи столь же любезенъ, какъ и они, онъ не уступаетъ имъ и въ бурномъ краснорѣчіи адскихъ страстей: «То была ужасная ночь» — говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ: «во мнѣ скопилось столько пламени и крови; я боялся, чтобъ отъ жара не распался мой черепъ, и я сдерживалъ его въ своихъ рукахъ. Когда я дотрогивался до головы, то волосы клочьями повисали между пальцевъ; я чувствовалъ, что они подгарали въ корняхъ. Эти волосы я показывалъ, утѣшаясь, что и я сгорю страстями, какъ и они» (стр. 32)... Страшно, читатели, страшно! и потому не старайтесь узнавать, что̀ еще, кромѣ этого, содержится

въ «Маякѣ Утэ», иначе, и вы сгорите страстями, какъ волосы г. Тіова, который такъ бѣшено изображалъ клокотаніе своихъ растрепанныхъ чувствъ, или какъ уши г. Лапитина, который слушалъ это повѣствованіе, впрочемъ не подозрѣвая въ немъ натянутой галиматьи и, съ своей стороны, отвѣчая на нее такою же высокопарною дичью...

Вотъ, кто-то г. Струковъ (еще новый сочинитель!) разсказываетъ о такомъ приключеніи, будто бы случившемся на Петровскомъ-острову, какого и во снѣ не увидишь: такъ оно длинно, невѣроятно, безцвѣтно, вяло, скучно, дѣтски безсвязно, и старчески безсильно!.. За нимъ, г. Гречъ (старый и «заслуженный» сочинитель) изъ разныхъ Guides и подобныхъ компиляцій сшилъ довольно пустенькую и безцвѣтную статейку объ «Окрестностяхъ Неаполя»: больше нечего сказать объ этой кучѣ общихъ мѣстъ, старыхъ новостей и ничего не заключающихъ въ себѣ описаній.

Неужели, въ самомъ дѣлѣ, обо всемъ этомъ говорить подробно, излагать содержаніе, разбирать съ отчетливостью?— Пусть дѣлаютъ это другіе: съ насъ довольно и того подвига, что мы все это прочли, и что, поэтому, намъ будетъ за что долго помнить третій томъ «Русской Бесѣды», составленный изъ «сочиненій лучшихъ литераторовъ...»

Мы сказали нѣсколько словъ о статейкѣ г. Греча, и читатели навѣрное ждутъ, что мы сейчасъ заговоримъ о статейкѣ г. Булгарина?

Читатели правы. На этотъ разъ, нравоописательное и нравственно-сатирическое перо г. Булгарина, съ свойственнымъ ему юморомъ и вѣрностію дѣйствительности, описало, на 18-ти страницахъ, «Чиновника». Извѣстно всѣмъ, что этотъ интересный классъ русскаго и петербургскаго общества не разъ былъ воспроизводимъ творческимъ перомъ Гоголя; тѣмъ не менѣе г. Булгаринъ покусился на подобный же подвигъ — и хорошо сдѣлалъ: можемъ утвердитель-

но сказать, что г-ну Булгарину не суждено самою судьбою ни въ чемъ сталкиваться съ Гоголемъ, и потому онъ остался самимъ собою, сохранилъ свою неподражаемую оригинальность, вслѣдствіе которой въ его «Чиновникѣ» можете найдти все, что́ вамъ угодно, кромѣ одного—именно чиновника. Оно и лучше: никто не обвинитъ скромнаго сочинителя въ личностяхъ, которыя русскіе читатели любятъ видѣть во всякомъ литературномъ произведеніи, гдѣ нѣтъ Лидиныхъ, Греминыхъ, Звонскихъ, Линскихъ, Ланитиныхъ, и другихъ исполненныхъ свѣтскости и пламенныхъ страстей героевъ. За то, изъ статейки г. Булгарина читатели могутъ узнать, во первыхъ, что скромные чиновники превосходно переплетаютъ книги, дѣлаютъ лучшіе картонажи для кандитерскихъ и отличныя игрушки съ механизмомъ—и все это самоучкою; во вторыхъ, что рядомъ съ книжною лавкою Заикина есть игрушечная лавка честнаго купца Мухина, а въ ней продаются лучшія дѣтскія игрушки,—что-де хорошо извѣстно г-ну Булгарину (стр. 12—13); въ третьихъ, что г. Булгаринъ бываетъ на крестинахъ у чиновниковъ и тамъ говоритъ свысока съ дамами и «коренно порусски» съ мущинами, но вина не пьетъ, хотя и любитъ выпить рюмку хорошаго вина за столомъ, а это-де потому, что г. Булгаринъ знакомъ съ сосѣднимъ погребщикомъ (стр. 17)!... Особеннаго вниманія заслуживаютъ заключительныя строки статейки г. Булгарина. Надо сказать, что, вмѣстѣ съ статейкою, умеръ и герой ея; эта, повидимому, весьма естественная развязка подала поводъ сочинителю разчувствоваться такъ: «Вѣчная память и миръ праху твоему, добрый человѣкъ! Много истребилъ ты бумаги въ жизни, много искрошилъ перьевъ, пролилъ рѣки чернилъ, растопилъ горы сургуча; но ты не писалъ ни пасквилей, ни доносовъ, ни глупыхъ и злобныхъ критикъ, не заставилъ никого проливать слезы, не рѣзалъ языкомъ чу-

жой репутаціи и не прижегъ ни чьего сердца клеветою». Имѣющій уши да слышитъ!

Не менѣе, если еще не болѣе, послѣ статейки г. Булгарина, заслуживаетъ вниманія статейка г. Погодина. Извѣстно всѣмъ, что г. Погодинъ вотъ уже другой годъ разсказываетъ о своемъ путешествіи по омраченному буйствомъ знанія Западу, и разсказываетъ съ истинно достойною всякаго удивленія оригинальностью. На сей разъ, мы узнаемъ, что и какъ дѣлалъ г. Погодинъ въ Лондонѣ. Завидѣвъ Лондонъ, г. Погодинъ восклицаетъ: «Вотъ онъ всемірный базаръ, вотъ столица народа купующаго и продающаго, съ похотью очей и гордостью житейской!» Если читатели спросятъ насъ, почему же народа «купующаго», а не покупающаго, и неужели только Лондонъ покупаетъ и продаетъ «съ похотью очей и гордостью житейской», а Парижъ, Амстердамъ, Брюссель, Лейпцигъ, Гамбургъ, Лиссабонъ, Петербургъ, Москва и пр. покупаютъ и продаютъ безъ похоти очей и безъ гордости житейской,—мы отвѣтимъ имъ, что не знаемъ, и посовѣтуемъ имъ обратиться съ этимъ вопросомъ къ самому г. сочинителю.

Въ таможнѣ, чемоданы г. Погодина, въ отличіе отъ прочихъ путешественниковъ, были осматриваемы «дверемъ затворенымъ».

«Перехвативъ кое-что», г. Погодинъ отправился въ театръ, прямо въ раекъ (стр. 6); за мѣсто въ райкѣ онъ заплатилъ очень недорого—всего одинъ рубль. «Надо было (говоритъ онъ) много храбрости для этого рѣшенія: во-первыхъ, какъ найдти дорогу, купить билетъ, дойти до мѣста, а потомъ какъ воротиться въ полночь домой, среди мошенниковъ, которые, говорятъ, попадаются здѣсь на каждомъ шагу, и, главное дѣло, не умѣя объясняться по-англійски» (стр. 6). Дѣйствительно, нельзя не подивиться удивительному присутствію духа г. Погодина, который не только рѣшился дойдти до театра, взять билетъ въ раёкъ,

но и рисковалъ, возвращаясь въ полночь домой, повстрѣчаться съ англійскими мошенниками, которые не умѣютъ объясняться по-англійски!... Но не пугайтесь, читатели, за храбраго путешественника: онъ пошелъ. Хозяинъ наговорилъ ему о дорогѣ въ раекъ столько страшнаго, что онъ было оробѣлъ, несмотря на свою примѣрную и столь блестящимъ образомъ доказанную храбрость. «Какъ вдругъ (говоритъ г. Погодинъ) мелькнула счастливая мысль, выпросить у него (у хозяина) проводника, который бы отвелъ меня и послѣ пришелъ за мною, въ раекъ; такъ и сдѣлалось. Однакожь страхъ не кончился. Сидя на мѣстѣ, я все боялся, ну если мальчикъ не придетъ за мною, или я не найду его, и проч. и проч.» (стр. 6—7). Мимоходомъ, между прочимъ, доказавши ясно, какъ дважды два—четыре, что должность разнощика аффишъ возмущаетъ его душу, г. Погодинъ зашелъ въ лотерею, — и читатель поражается слѣдующими строками: «За всякимъ прилавкомъ сидитъ по разряженной красавицѣ для выставки и приманки. Препротивное впечатлѣніе! Одна получаетъ деньги, другая выдаетъ билетъ, третья вертитъ колесомъ, четвертая читаетъ выпавшій нумеръ, пятая отдаетъ выигранную вещь. Ахъ, какъ мнѣ было гадко обойти ихъ кругомъ»!

Да не подумаютъ читатели, что тутъ есть какое нибудь недоразумѣніе. Такъ какъ за границею пѣтъ лѣнтяевъ, тунеядцевъ, Петрушекъ и Селифановъ, такъ какъ тамъ время есть тотъ же капиталъ, а трудъ человѣка тѣмъ болѣе капиталъ; такъ какъ тамъ одинъ успѣваетъ дѣлать то, чего у насъ не успѣваетъ дѣлать цѣлая дворня дармоѣдовъ,— то мущины тамъ взяли на себя труды серьёзные, которые не подъ силу женщинѣ, а женщины отправляютъ всѣ легкія и требующія порядка и чистоты обязанности. Поэтому, за границею, женщины служатъ и въ гостинницахъ и въ трактирахъ, и сидятъ за прилавками магазиновъ, лотерей и т. п. Это и разсчетливо и изящно, ибо видъ хорошень-

кой, со вкусомъ и опрятно одѣтой женщины, особенно гармонически дѣйствуетъ на всякую душу.

Описаніе парламента у г. Погодина—верхъ оригинальности! Но вотъ г. Погодинъ опять былъ въ райкѣ. Лишь только онъ оттуда, какъ вдругъ... Но нѣтъ, пусть самъ г. Погодинъ скажетъ, что́ съ нимъ случилось по выходѣ изъ райка, а мы такъ перепугались за ужасныя слѣдствія, которыя могли бы выйдти изъ этого случая, что не можемъ слова сказать... «Вдругъ кинулась почти на меня какая-то вакханка, и я едва убѣжалъ отъ нея въ свой Leister-street!»—Страшно!...

По поводу англійскаго банка, Погодинъ выводитъ утѣшительное для Россіи слѣдствіе, что никогда наша торговля не сравнится съ англійскою, потому-де, что нашъ купецъ чуть наживетъ капиталъ, да и на бокъ, на печь, словно въ раекъ, и что мы Русскіе можемъ быть счастливы только дома, у себя въ своей избѣ (?!...), и что такъ-де было вездѣ у Славянъ... Помилуйте! да изъ чего же хлопоталъ Петръ Великій, какъ не изъ того, чтобъ сдѣлать насъ изъ славянъ людьми образованными, а избы наши замѣнить домами и зданіями?... Впрочемъ, нашъ путешественникъ, кажется, и самъ увидѣлъ, что немного заговорился, почему и поспѣшилъ пренаивно воскликнуть: «Вотъ объ чемъ пришлось мнѣ подумать на дорогѣ въ Товеръ!» Правду сказать, было о чемъ и думать!...

Въ Товерѣ, съ г. Погодинымъ случилось слѣдующее достопамятное происшествіе, о которомъ пусть онъ самъ разскажетъ: «Хоть я мирный человѣкъ и терпѣть не могу ничего огнестрѣльнаго, а почти охрабрился, глядя на сверкающія груды, и даже взмахнулъ рукою, но опустилъ ее скорѣе, и вонъ изъ великолѣпной галлереи, которая такъ торжественно свидѣтельствуетъ о звѣрствѣ нашего просвѣщеннаго человѣчества» (стр. 16).

Когда проходившіе по Темзѣ пароходы приближались къ

мостамъ высокими мачтами или трубами, по словамъ г. Погодина, у него замирало сердце, а по тѣлу пробѣгала дрожь: ну какъ-де забудутъ опустить трубу и пароходъ расшибется!... Но, къ крайнему удивленію путешественника, такого несчастія не случилось. «Мы Москвичи (говоритъ онъ далѣе) не привыкли къ дѣйствіямъ машинъ, и къ этой точности заведенныхъ часовъ, которая здѣсь перешла во всеобщее вѣрованіе, для насъ неизвѣстное» (стр. 22). Въ звѣринцѣ, говоритъ г. Погодинъ, всѣ звѣри живутъ какъ баря... Описаніе Виндсорскаго замка у г. Погодина—прелесть! Словомъ, кто хочетъ вполнѣ насладиться путевыми записками г. Погодина и вполнѣ оцѣнить ихъ, тотъ читай ихъ самъ «дверемъ затвореннымъ»... увѣряемъ, что удовольствіе будетъ полное и совершенное...

Есть въ третьемъ томѣ «Русской Бесѣды» и стихи; но о стихахъ вообще мы рѣшились говорить только въ крайнихъ случаяхъ.

Впрочемъ, третій томъ «Русской Бесѣды» набитъ не одними вздорами; есть въ немъ двѣ очень дѣльныя статьи. Первая—«Ѳедоръ Ивановичъ Соймоновъ» принадлежитъ г. Бантышъ-Каменскому, и, по своему содержанію, весьма интересна и любопытна. Вторая—«Прокофій Ляпуновъ» принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ произведеніямъ г. Полеваго, которыя доказываютъ, что этотъ литераторъ и теперь еще могъ бы заниматься чѣмъ-нибудь лучшимъ, нежели изданіе плохаго журнала, составленіе плохихъ неоконченныхъ повѣстей и конкурренція съ разными водевилистами и другими господами, съ успѣхомъ и славою подвизающимися въ «Репертуарѣ» г. Песоцкаго и на сценѣ Александринскаго театра. Цѣль статьи г. Полеваго—доказать, что Ляпуновъ былъ только человѣкъ съ сильнымъ характеромъ, но отнюдь не патріотъ, а напротивъ безнравственный человѣкъ, игравшій присягами и клятвами, измѣнявшій всѣмъ партіямъ. Мысль справедливая, хорошо изложенная и доста-

точно подтвержденная фактами. Но авторъ слишкомъ далеко ею увлекся и не могъ остановиться на той серединѣ истины, которая и должна быть искомою истиною, какъ примиреніе двухъ крайностей. Справедливо нападая на Карамзина, который первый сдѣлалъ изъ Ляпунова героя въ древнемъ духѣ, г. Полевой совсѣмъ несправедливо осуждаетъ какихъ-то «поэтовъ», будто бы, по слѣдамъ Карамзина, представляющихъ Ляпунова въ апоѳеозѣ гражданскаго и патріотическаго героизма. Если какой-нибудь посредственный талантъ эффектировалъ Ляпуновымъ въ посредственной драмѣ, а вслѣдъ за нимъ какой-нибудь бездарный писака вновь поставилъ Ляпунова на героическія ходули героизма, да еще въ какомъ-нибудь плохомъ романѣ Ляпуновъ выведенъ съ той же дѣтской точки зрѣнія,—изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобъ русская поэзія ошибочно увлеклась Ляпуновымъ: ибо русская поэзія не хочетъ имѣть ничего общаго съ посредственными дарованіями и плохими рифачами и писаками. Напротивъ, скорѣе можно удивляться, какъ никто изъ истинныхъ поэтовъ не воспользовался такимъ характеромъ. Если изобразить Ляпунова, какимъ онъ явился въ исторіи, то это истинный кладъ для поэзіи. Дѣло въ томъ, что Ляпуновъ, несмотря на свою совершенную безнравственность, все таки лицо, одаренное душою сильною, человѣкъ, властвовавшій надъ нестройною толпою единственно силою своего характера. Словомъ, это одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ природа создаетъ такъ же на великое добро, какъ и на великое зло, смотря по тому, какое даетъ имъ направленіе воспитаніе и общество. Мы скажемъ, не обинуясь, что Ляпуновъ, злодѣй и предатель, какимъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ, лицо болѣе поэтическое, нежели всѣ его современники, за исключеніемъ Скопина-Шуйскаго, который, въ свою очередь, лицо тоже довольно загадочное. Ляпуновъ былъ тѣмъ, чѣмъ не могъ не быть: его пороки суть пороки общества того времени, а его могучій духъ принадлежитъ одному ему.

Итакъ, вотъ и весь третій томъ «Русской Бесѣды. Въ одномъ московскомъ журналѣ, по выходѣ перваго тома этого изданія было сказано, что если кто можетъ поддержать г. Смирдина, такъ конечно не петербургскіе литераторы. Вслѣдствіе этого, во II-мъ томѣ «Русской Бесѣды» явились стихи «На смерть Поэта», и въ III-мъ томѣ—дорожныя записки... Кстати: статей гг. Сенковскаго и барона Брамбеуса, нѣтъ въ «Русской Бесѣдѣ»! O tempora! o mores!

ФИЗІОЛОГІЯ ВЛЮБЛЕННАГО. *Передѣлана съ французскаго Н. Г. Р. Спб. 1842.*

Хитеръ русскій человѣкъ! Не хочетъ онъ ни въ чемъ уступить Нѣмцу! Посмотритъ на хитрую нѣмецкую работу, почешетъ въ затылкѣ, возьметъ топоръ—тяпъ да ляпъ, да и крѣпко. Прежде, онъ тягался такимъ образомъ съ Нѣмцемъ только въ ремеслахъ: теперь онъ не хочетъ ему уступать ни въ литературѣ, ни въ изящныхъ искусствахъ. Угодно ли доказательствъ? въ Парижѣ вышли карикатуры на литературныя знаменитости Франціи: въ Москвѣ, Логиновъ перелитографировалъ ихъ и издалъ съ стихами, имъ самимъ переведенными съ французскаго. Литографіи вышли плохи, стихи, переведенные Логиновымъ, еще хуже; но ему и дѣла нѣтъ до того: онъ не въ накладѣ, и изъ-подтишка посмѣивается и надъ Французами и надъ Русскими. Въ Парижѣ вышло изданіе «La Physiologie des Amoureux»: въ Петербургѣ, книгопродавецъ Поляковъ вырѣзалъ такіе же политипажи, перевелъ прозу, подбавилъ своихъ собственныхъ и Пушкина стиховъ, прирѣзалъ, ради народности нѣсколько политипажей съ русскими мужичками и бабами, и издалъ книжонку, которая также похожа на свой парижскій оригиналъ, какъ орангутангъ на человѣка. Но ему-то, Полякову, что̀ до того? онъ показалъ свои таланты въ качествѣ

переводчика, поэта, рисовальщика и, особенно, ловкаго издателя, хорошо знающаго «физіологію русскаго читающаго люда», да и знать ничего не хочетъ. Поляковъ истинный философъ; онъ знаетъ, что слава—дымъ, то же, что̀ статья «Сѣверной Пчелы»,—знаетъ это, и смѣло издаетъ «Физіологію Влюбленнаго», гдѣ живая, игривая французская болтовня превратилась въ тяжелую бесѣду чиновническаго круга, а граціозная вольность въ довольно неопрятную грубость; гдѣ картинки напоминаютъ собою искусство суздальскихъ граверовъ, оттиски блѣдны, бумага сквозитъ, русскіе мужички и бабы не кстати мѣшаются съ парижскими франтами, дамами и гризетками, русскія пѣсни и стихи Пушкина безъ толку попали въ французское сочиненіе...

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ПОЭМѢ ГОГОЛЯ: ПОХОЖДЕНІЯ ЧИЧИКОВА ИЛИ МЕРТВЫЯ ДУШИ. *Москва. 1842.*

Мы ничего не хотѣли было говорить объ этой странной брошюрѣ; но насъ побудили къ этому слѣдующія въ ней строки:

«Мы знаемъ, многимъ покажутся странными слова наши; но мы просимъ въ нихъ вникнуть. Что касается до мнѣнія петербургскихъ журналовъ, очень извѣстно, что они подумаютъ (впрочемъ исключая можетъ-быть «Отечественныхъ Записокъ», которыя хвалятъ Гоголя); но не о петербургскихъ журналистахъ говоримъ мы; напротивъ, мы о нихъ и не говоримъ; развѣ въ Петербургѣ можетъ существовать кругъ ихъ дѣятельности!...»

Хоть мы и не имѣемъ никакихъ причинъ особенно горячиться за всѣ петербургскія журналы; но все-таки долгъ справедливости требуетъ замѣтить автору брошюры, что кругъ дѣятельности нѣкоторыхъ петербургскихъ журналовъ простирается не только на Петербургъ, но и на Москву и на всѣ провинціи Россіи, куда выписываются они тысячами,

и что, наоборотъ, кругъ дѣятельности нѣкоторыхъ московскихъ журналовъ не простирается даже и на Москву, ибо ни найдти ихъ тамъ, ни услышать о нихъ тамъ что-нибудь рѣшительно невозможно. Это фактъ, противъ котораго не устоитъ никакое умозрѣніе—ни нѣмецкое, ни московское.

Но и не это обстоятельство заставило насъ говорить о томъ, о чемъ легко можно было бы умолчать, а снисходительное выключеніе «Отечественныхъ Записокъ» изъ опалы, подъ которую подпали у строгаго автора петербургскіе журналы. Пожалуй—чего добраго!—найдутся люди, которые заключатъ изъ этого, что «Отечественныя Записки» раздѣляютъ мнѣніе автора брошюры о Гоголѣ и о «Мертвыхъ Душахъ»: вотъ этого-то мы никакъ не хотѣли бы, и желаніе отклонить отъ себя незаслуженную честь участвовать въ ультра-умозрительныхъ московскихъ воззрѣніяхъ на просто-понимаемое нами дѣло, побудило насъ взяться за перо. Мысли автора брошюры о Гоголѣ и его твореніяхъ такъ оригинальны, такъ отважны, что едва ли кто-нибудь осмѣлился бы раздѣлить съ нимъ славу ихъ изобрѣтенія. Итакъ, спѣшимъ объясниться.

«Предъ нами возникаетъ новый характеръ созданія, является оправданіе цѣлой сферы поэзіи, сферы, давно унижаемой; древній эпосъ возстаетъ передъ нами».

Вотъ что прежде всего видитъ авторъ брошюры въ «Мертвыхъ Душахъ!» Дѣло, видите ли—такого рода: перенесенный изъ Греціи на Западъ, древній эпосъ мелѣлъ постепенно, и наконецъ со всѣмъ высохъ, низойдя до романовъ и наконецъ, до крайней степени своего униженія—до французской повѣсти... Но Гоголь спасъ древній эпосъ—и міръ имѣетъ теперь новую «Иліаду», т. е. «Мертвыя Души», и новаго Гомера, т. е. Гоголя!... Бѣдный Гоголь!

Не поздоровится отъ этакихъ похвалъ!..

Итакъ, эпосъ древній не есть исключительное выраженіе древняго міросозерцанія въ древней формѣ: напротивъ, онъ

что-то вѣчное, неподвижно стоящее, независимо отъ исторіи; онъ можетъ быть и у насъ, и мы его имѣемъ—въ «Мертвыхъ Душахъ»!... И такъ, эпосъ не развился исторически въ романъ, а снизошелъ до романа!... Поздравляемъ философское умозрѣніе, плохо знающее фактическую исторію!... Итакъ, романъ есть не эпосъ нашего времени, въ которомъ выразилось созерцаніе жизни современнаго человѣчества и отразилась сама современная жизнь: нѣтъ, романъ есть искаженіе древняго эпоса?... Ужъ и современное-то человѣчество не есть ли—искаженная Грецiя?... Именно такъ!...

Но, увы! какъ ни ясны умозрительные доводы автора брошюры, а мы, прозаическіе Петербургцы, все-таки остаемся при своихъ историческихъ убѣжденіяхъ, и думаемъ, что Гоголь такъ же похожъ на Гомера, а «Мертвыя Души» на «Иліаду», какъ сѣрое петербургское небо и сосновыя рощи петербургскихъ окрестностей на свѣтлое небо и лавровыя рощи Эллады. Далѣе, мы думаемъ, что Гоголь вышелъ совсѣмъ не изъ Гомера и не состоитъ съ нимъ ни въ близкомъ ни въ дальнемъ родствѣ,—думаемъ, что онъ вышелъ изъ Вальтеръ-Скотта, изъ того Вальтеръ-Скотта, который могъ явиться самъ собою, независимо отъ Гоголя, но безъ котораго Гоголь никакъ не могъ бы явиться. Во французской повѣсти, мы видимъ не крайнее униженіе древняго эпоса, а просто—французскую повѣсть, выраженіе, зеркало французской жизни. Мы уже не видимъ ничего особенно позорнаго и въ нѣмецкихъ повѣстяхъ, часто отражающихъ въ себѣ не сферу дѣйствительной жизни, а химеры фантазіи, испорченной пивомъ, кнастеромъ и филистерствомъ. Что выражаетъ собою духъ всемірно-исторической націи, то не можетъ быть вздоромъ, и та философія, которая называетъ вздоромъ подобныя вещи, сама—вздоръ, хотя бъ она была и абсолютная...

Правда, авторъ брошюры, кажется, и самъ смекнулъ, что онъ уже слишкомъ занесся, и поспѣшилъ замѣтить,

что «Мертвыя Души» не одно и то же съ «Иліадою», ибо-де «само содержаніе кладетъ здѣсь разницу»; но тутъ же, въ выноскѣ, замѣчаетъ: «Кто знаетъ, впрочемъ, какъ раскроется содержаніе «Мертвыхъ Душъ» (стр. 5). На это мы можемъ отвѣчать утвердительно, что какъ бы ни раскрылось оно, какой бы величавый, лирическій ходъ ни приняло оно, вмѣсто юмористическаго,—все таки «Иліада» будетъ сама по себѣ, а «Мертвыя Души» будутъ сами по себѣ. «Иліада» выразила собою содержаніе положительное, дѣйствительное, общее, міровое и всемірно-историческое, слѣдовательно, вѣчное и неумирающее; «Мертвыя Души», равно какъ и всякая другая русская поэма, пока еще не могутъ выразить подобнаго содержанія, потому что еще негдѣ его взять, а на «нѣтъ» и суда нѣтъ. Авторъ брошюры видитъ у Гоголя «эпическое созерцаніе, древнее, истинное, то же, какое у Гомера»: это показываетъ, что онъ совершенно не понялъ паѳоса «Мертвыхъ Душъ» и, обольстившись умозрѣніями собственнаго изобрѣтенія, навязалъ поэмѣ Гоголя значеніе, котораго въ ней вовсе нѣтъ. Напрасно онъ не вникнулъ въ эти глубо-знаменательныя слова Гоголя: «И долго еще опредѣлено мнѣ чудной властью идти объ руку съ моими странными героями, озирать всю громадно-несущуюся жизнь, озирать ее сквозь видный міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы» («Мертвыя Души», стр. 258). Въ этихъ немногихъ словахъ высказано все значеніе, все содержаніе поэмы, и намекнуто, почему она названа «поэмою». Въ смыслѣ поэмы, «Мертвыя Души» діаметрально противоположны «Иліадѣ». Въ «Иліадѣ», жизнь возведена на апоѳеозу: въ «Мертвыхъ Душахъ» она разлагается и отрицается; паѳосъ «Иліады» есть блаженное упоеніе, проистекающее отъ созерцанія дивно-божественнаго зрѣлища: паѳосъ «Мертвыхъ Душъ» есть юморъ, созерцающій жизнь сквозь видный міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы. Что же касается до эпическаго спокой-

ствія,—оно совсѣмъ не исключительное качество поэмы Гоголя: это—общее родовое качество эпоса. Романы Вальтеръ-Скотта и Купера, поэтому, также отличаются эпическимъ спокойствіемъ.

Нельзя безъ улыбки читать 9-й страницы брошюры, гдѣ авторъ заставляетъ Ахилла новой «Иліады», плутоватаго Чичикова, сливаться съ субстанціяльною стихіею русской жизни въ чемъ бы вы думали? — въ любви къ скорой ѣздѣ!... Итакъ, любовь къ скорой почтовой ѣздѣ—вотъ субстанція русскаго народа!... Если такъ, то конечно почему жь бы Чичикову и не быть Ахилломъ русской «Иліады», Собакевичу—Аяксомъ неистовымъ (особенно во время обѣда), Манилову— Александромъ Парисомъ, Плюшкину—Несторомъ, Селифану—Автомедономъ, полиціймейстеру, отцу и благодѣтелю города—Агамемнономъ, а квартальному съ пріятнымъ румянцемъ и въ лакированныхъ ботфортахъ—Гермесомъ?...

Въ сравненіяхъ, разсѣянныхъ по поэмѣ Гоголя, авторъ брошюры особенно видитъ сродство его съ Гомеромъ. Но это сродство существуетъ такъ же и между Пушкинымъ и Гомеромъ, — что можно фактически доказать ссылками на «Евгенія Онѣгина» и другія поэмы Пушкина... Думаемъ, что съ этой стороны у Гомера довольно наберется родни.

Говоря о полнотѣ жизни, въ которой изображаетъ Гоголь свои лица, и которая дѣйствительно удивительна, авторъ брошюры не точно выразился, сказавъ, будто «Гоголь не лишаетъ лицо, отмѣченное мелкостью, низостью, ни одного человѣческаго движенія»: надо было сказать — иногда не лишаетъ какихъ-нибудь человѣческихъ движеній, или что-нибудь подобное. А то, чего добраго! окажется, что и дура Коробочка, и буйволъ Собакевичъ не лишены ни одного человѣческаго чувства и, потому, ни чѣмъ не хуже любаго великаго человѣка. Напрасно также авторъ брошюры вздумалъ смотрѣть съ участіемъ на глупую и

сантиментальную размазню Манилова, когда тотъ идіотски мечтаетъ о томъ, какъ онъ съ Чичиковымъ пьетъ чай на бельведерѣ, съ котораго видна Москва, какъ они съ нимъ пріѣзжаютъ въ какое-то общество въ хорошихъ каретахъ, обворожаютъ всѣхъ пріятностію обращенія, и какъ само высшее начальство, узнавши о такой ихъ дружбѣ, пожаловало ихъ генералами... Признаемся, мы читали это со смѣхомъ и безъ всякаго участія къ личности Манилова, можетъ-быть, потому именно, что не имѣемъ въ себѣ ничего родственнаго съ такого рода «мечтательными» личностями.

Далѣе, авторъ брошюры доказываетъ, что такой полноты созданія, какова у Гоголя, не встрѣтить ни у кого; кромѣ какъ у Гомера и Шекспира. «Да», говоритъ онъ «только Гомеръ, Шекспиръ и Гоголь обладаютъ этою тайною искусства»».—А Пушкинъ?... Да куда ужь тутъ Пушкину, когда Гоголь заставилъ (впрочемъ безъ всякаго съ своей стороны желанія — мы за это ручаемся) автора брошюры забыть даже о существованіи Сервантеса, Данта, Гёте, Шиллера, Байрона, Вальтеръ-Скотта, Купера, Беранже, Жоржъ-Занда! Всѣ они — пасъ передъ Гоголемъ!... Куда имъ до него! Гомеръ, Шекспиръ и Гоголь—больше никого мы не хотимъ знать, что̀ ни говори себѣ «неблагонамѣренные» люди!... Однакожь, авторъ брошюры позволяетъ Гомеру и Шекспиру стоять подлѣ Гоголя только по «акту созданія», а по содержанію, онъ ставитъ ихъ выше его. «Въ отношеніи къ акту творчества, въ отношеніи къ полнотѣ самаго созданія—Гомера и Шекспира, и только Гомера и Шекспира, ставимъ мы рядомъ съ Гоголемъ». Какіе счастливцы эти Гомеръ и Шекспиръ! И какъ жаль, что Богъ не далъ имъ дожить до такого счастія!... «Мы», говоритъ авторъ брошюры: «далеки отъ того, чтобы унижать колоссальность другихъ поэтовъ, но, въ отношеніи къ акту творчества, они ниже Гоголя» (стр. 15). Но

говоря далѣе, авторъ брошюры жестоко проговаривается, самъ того не замѣчая, и даетъ намъ прекрасное средство его же орудіемъ сдуть построенные имъ карточные домики, фантазёрскихъ умозрѣній:

«Развѣ не можетъ быть такъ, напримѣръ (продолжаетъ авторъ брошюры), поэтъ, обладающій полнотой творчества, можетъ создать, положимъ, цвѣтокъ, но во всемъ его совершенствѣ, во всей свободѣ его жизни; другой создастъ великаго человѣка, взявши большее содержаніе, но только помѣтитъ его общими чертами; велико будетъ дѣло послѣдняго, но оно будетъ ниже въ отношеніи къ той полнотѣ и живости, какую даетъ поэтъ, обладающій тайною творчества» (стр. 15).

Во-первыхъ, разсуждая о дѣлѣ творчества, нечего и говорить о поэтахъ не обладающихъ тайною творчества и заставлять ихъ намѣчать общими чертами идеалы великихъ людей; надо великаго поэта противопоставлять великому же поэту. Въ такомъ случаѣ, мы не обинуясь скажемъ, что слегка намѣченный идеалъ великаго человѣка будетъ болѣе великимъ созданіемъ, нежели во всей полнотѣ и во всей свободѣ жизни воспроизведенный цвѣтокъ. Двѣ стороны составляютъ великаго поэта: естественный талантъ и духъ, или содержаніе. Это-то содержаніе и должно быть мѣриломъ при сравненіи одного поэта съ другимъ. Только содержаніе дѣлаетъ поэта міровымъ: — высшая точка, зенитъ поэтической славы. Прежде, смотря на поэта больше со стороны естественнаго таланта и желая выразить однимъ словомъ высшее его явленіе, мы думали воспользоваться для этого эпитетомъ «міроваго»; но скоро, увидѣвъ, что черезъ это смѣшиваются два различныя представленія, мы оставили безразличное употребленіе этого слова. Міровой поэтъ не можетъ не быть великимъ поэтомъ; но великій поэтъ еще можетъ быть и не міровымъ поэтомъ. Здѣсь не мѣсто распространяться объ этомъ предметѣ; но если вы хотите знать, что̀ такое «міровой» поэтъ, возьмите Байрона хоть въ прозаическомъ французскомъ пере-

водѣ, и прочтите изъ него что̀ вамъ прежде попадется на глаза. Если вы не падете въ трепетѣ предъ колоссальностію идей этого страшнаго ученика Руссо, этого глубокаго субъективнаго духа, этого потомка миѳическихъ титановъ, громоздившихъ горы на горы и осаждавшихъ Зевеса на его неприступномъ Олимпѣ,—тогда не понять вамъ, что̀ такое «міровой» поэтъ. Прочтите «Фауста» и «Прометея» Гёте, прочтите трепещущія паѳосомъ любви ко всему человѣческому созданія Шиллера, — и вы устыдитесь, что этихъ колоссовъ, идущихъ въ главѣ всемірно-историческаго движенія цѣлаго человѣчества, поставили вы ниже великаго русскаго поэта... Что̀ же касается до вашего сравненія художественно созданнаго цвѣтка съ легко наброшеннымъ идеаломъ великаго человѣка, мы укажемъ вамъ на примѣръ не изъ столь великой сферы. «Бояринъ Орша» Лермонтова—произведеніе не только слегка начертанное, но даже дѣтское, гдѣ большею частію ложны и нравы и костюмы; но просимъ васъ указать намъ на что-нибудь и побольше цвѣтка, что̀ могло бы сравниться съ этимъ геніяльнымъ очеркомъ. Отчего это?—оттого, что въ дѣтскомъ созданіи Лермонтова вѣетъ духъ, передъ которымъ потускнѣетъ не одно художественное произведеніе — цвѣтокъ ли то, или цѣлый цвѣтникъ...

«Итакъ (продолжаетъ авторъ брошюры), этимъ сравненіемъ (хотя вообще сравненія объясняютъ неполно, но чтобы не писать длинной статьи) надѣемся мы пояснить наши слова: *въ отношеніи къ акту творчества*. Но Боже насъ сохрани, чтобы миніатюрное сравненіе съ цвѣткомъ было въ нашихъ глазахъ мѣриломъ для великихъ созданій Гоголя: мы хотимъ только сказать, что онъ обладаетъ тою же тайною, какою обладали Шекспиръ и Гомеръ, и только они»... «Итакъ, повторимъ наши слова, какъ бы они странны ни казались: только у Гомера и Шекспира можемъ мы встрѣтить такую полноту созданій, какъ у Гоголя; только Гомеръ, Шекспиръ и Гоголь обладаютъ великою, одною и тою же тайною искусства» (стр. 15—16).

Положимъ даже, что все это и такъ, но вотъ вопросъ: что же во всемъ этомъ и чему именно тутъ радоваться?.. Во первыхъ, еще совсѣмъ не доказанная истина, совсѣмъ не аксіома, что Гоголь, по акту творчества, выше, хоть, напримѣръ, Пушкина и позволяетъ стоять подлѣ себя только Гомеру и Шекспиру,—и мы очень жалѣемъ, что авторъ брошюры не взялъ на себя труда доказать это, а ограничился нѣсколькими фразами, въ родѣ оракульскихъ. Во вторыхъ, акта творчества еще мало для поэта, чтобъ имя его стало на ряду съ именами Гомера и Шекспира... Все это ужасно сбивается на риторику и фразы, все это такъ похоже на игру въ эстетическіе каламбуры. Занятіе, конечно, невинное, но и ни къ чему не ведущее, кромѣ профанаціи именно того, что составляетъ предметъ дѣтскаго удивленія. Гдѣ, укажите намъ, гдѣ вѣетъ, въ созданіяхъ Гоголя, этотъ всемірно-историческій духъ, это равно общее для всѣхъ народовъ и вѣковъ содержаніе? Скажите намъ, что бы сталось съ любымъ созданіемъ Гоголя, еслибъ оно было переведено на французскій, нѣмецкій или англійскій языкъ? Что интереснаго (не говоря уже о великомъ) было бы въ немъ для Француза, Нѣмца или Англичанина? Гдѣ же права Гоголя стоять на ряду съ Гомеромъ и Шекспиромъ?—Знаете ли, что мы сказали бы на ушко всѣмъ умозрителямъ: когда развернешь Гомера, Шекспира, Байрона, Гёте, или Шиллера, такъ дѣлается какъ-то неловко при воспоминаніи о нашихъ Гомерахъ, Шекспирахъ, Байронахъ и проч. Вальтеромъ-Скоттомъ тоже шутить нечего: этотъ человѣкъ далъ историческое и соціяльное направленіе новѣйшему европейскому искусству.

И, однакожь, мы сами считаемъ Гоголя великимъ поэтомъ, а его «Мертвыя Души»—великимъ произведеніемъ. Но въ первомъ случаѣ, мы разумѣемъ естественный талантъ, по которому Гоголь, какъ и Пушкинъ, дѣйствительно напоминаютъ собою величайшія имена всѣхъ лите-

ратуръ. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не дивиться его умѣнію оживлять все, къ чему ни прикоснется, въ поэтическіе образы,—его орлиному взгляду, которымъ онъ проникаетъ въ глубину тѣхъ тонкихъ и для простаго взгляда недоступныхъ отношеній и причинъ, гдѣ только слѣпая ограниченность видитъ мелочи и пустяки, не подозрѣвая, что на этихъ мелочахъ и пустякахъ вертится, увы! — цѣлая сфера жизни. Но Гоголь великій русскій поэтъ, не болѣе; «Мертвыя Души» его—тоже только для Россіи и въ Россіи могутъ имѣть безконечно великое значеніе. Такова, пока, судьба всѣхъ русскихъ поэтовъ; такова судьба и Пушкина. Никто не можетъ быть выше вѣка и страны; никакой поэтъ не усвоитъ себѣ содержанія, неприготовленнаго и невыработаннаго исторіею. Немногое, слишкомъ немногое изъ произведеній Пушкина можетъ быть передано на иностранные языки, не утративъ съ формою своего субстанціальнаго достоинства; но изъ Гоголя—едва ли что-нибудь можетъ быть передано. И, однакожь, мы въ Гоголѣ видимъ болѣе важное значеніе для русскаго общества, чѣмъ въ Пушкинѣ: ибо Гоголь болѣе поэтъ соціяльный, слѣдовательно, болѣе поэтъ въ духѣ времени; онъ также менѣе теряется въ разнообразіи создаваемыхъ имъ объектовъ и болѣе даетъ чувствовать присутствіе своего субъективнаго духа, который долженъ быть солнцемъ, освѣщающимъ созданія поэта нашего времени. Повторяемъ: чѣмъ выше достоинство Гоголя, какъ поэта, тѣмъ важнѣе его значеніе для русскаго общества, и тѣмъ менѣе можетъ онъ имѣть какое-либо значеніе внѣ Россіи. Но это-то самое и составляетъ его важность, его глубокое значеніе и его—скажемъ смѣло — колоссальное величіе для насъ, Русскихъ. Тутъ нечего и упоминать о Гомерѣ и Шекспирѣ, нечего и путать чужихъ въ свои семейныя тайны. «Мертвыя Души» стóятъ «Иліады», но только для Россіи: для всѣхъ же другихъ странъ, ихъ значеніе мертво и непонятно.

Было время, когда на Руси никто не хотѣлъ вѣрить, чтобъ русскій умъ, русскій языкъ могли на что-нибудь годиться; всякая иностранная дрянь легко шла за геніяльность на святой Руси, а свое русское, хотя бы и отличенное высокою даровитостію, презиралось за то только, что оно русское. Время это, слава Богу, прошло, и теперь настало другое, когда намъ уже нипочемъ и Гомеры, и Шекспиры, и Байроны, потому что мы успѣли уже позавестись своими,—мы чужихъ становимъ въ шеренги, словно солдатъ, заставляемъ ихъ маршировать и справа и слѣва, и взадъ и впередъ, благо бѣдняжки молчатъ и повинуются нашему гусиному перу и тряпичной бумагѣ. Но пора кончиться и этому времени, пора бросить эти ребяческія фразы...

Юность не хочетъ и знать этого. Чуть взбредетъ ей въ голову какая-нибудь недоконченная мечта—тотчасъ ее на бумагу, съ тѣмъ наивнымъ убѣжденіемъ, что эта мечта—аксіома, что міру открыта великая истина, которой не хотятъ признать только невѣжды и завистники... А тамъ, что?—Кому суждено возмужать, тотъ потихоньку забудетъ о томъ, о чемъ такъ громко говорилъ прежде, или будетъ самъ смѣяться надъ этимъ, какъ надъ грѣхомъ юности.... Но есть люди, которые или навѣкъ остаются дѣтьми, или навѣкъ остаются юношами: ихъ убѣжденіе не слабѣетъ; они продолжаютъ высказывать его съ прежнимъ простодушіемъ, и новыя фантазіи, подобныя прежнимъ, тянутся у нихъ до гроба длинною вереницею, какъ мечты у Манилова, по отъѣздѣ Чичикова...

ДЕГОРОТИПЪ. *Тетради 3, 4, 5 и 6. Спб. 1842.*

Въ 6-й тетради этого страннаго изданія, о которомъ мы уже извѣщали нашихъ читателей, сказано, что съ выхо-

домъ ея прекращается отдѣльная продажа тетрадей, а согласно съ «постановленными правилами» (не для журналовъ ли?) принимается подписка на все изданіе, которое къ сентябрю мѣсяцу будетъ вполнѣ окончено. «Дагеротипъ» обезпечилъ себя разными союзами, вслѣдствіе которыхъ будучи разбраненъ въ 142 № «Сѣверной Пчелы», онъ теперь расхваленъ въ 163 № той же самой газеты. Тамъ прямо и искренно объявлено, что «Дагеротипъ» во сто разъ выше «Отечественныхъ Записокъ». Вотъ какъ! Изъ этого ясно видно, что «почтеннѣйшіе» объяснились и поняли другъ друга. Дай имъ Богъ совѣтъ и любовь: они стоятъ другъ друга... Есть и еще газета, которой мы не назовемъ: въ ней тоже «Дагеротипъ» сперва принятъ былъ очень круто, но потомъ расхваленъ въ пухъ. Ужь нечего и говорить, какъ со стороны пріятно видѣть, что люди, вполнѣ достойные другъ друга, живутъ и дѣйствуютъ ладно. Да зачѣмъ имъ и не ладить? Гоголевъ Селифанъ правду сказалъ: «Съ человѣкомъ хорошимъ мы всегда свои други, тонкіе пріятели: выпить ли чаю, или закусить—съ охотою, коли хорошій человѣкъ... Закуска не обидное дѣло; съ хорошимъ человѣкомъ можно закусить»... А между тѣмъ, все это хорошо и для литературы: черезъ это партіи яснѣе обозначаются, и публика знаетъ съ кѣмъ имѣетъ дѣло...

Мы ни слова не сказали бы и объ этихъ четырехъ тетрадкахъ «Дагеротипа», еслибъ въ нихъ не было драмы г. Лажечникова «Христіернъ II и Густавъ Ваза». Эта драма навела насъ на многія мысли, грустныя и поучительныя, изъ которыхъ подѣлимся съ читателями только двумя: именно, намъ пришло на мысль, что всякая муза, если она уважаетъ сама себя и хочетъ, чтобъ ее уважали другіе, должна вести себя съ крайнею осторожностію и не заходить всюду, куда зовутъ ее; иначе, она рискуетъ лишиться своей репутаціи, которая для женщины всего дороже. Еще пришло намъ на мысль, что когда имя извѣстнаго автора

начинаетъ появляться въ разныхъ аффишахъ, наполняемыхъ литературною бранью и сплетнями, если его находятъ подъ статьями, исполненными мелкой полемики и запальчивыхъ фразъ, и все это изъ дѣла, которое само по себѣ не стоитъ и двухъ словъ, то невольно возникаетъ опасеніе, чтобъ въ этихъ дрязгахъ не погибла извѣстность, не затмилось имя автора, нѣкогда замѣчательное...

Все это, разумѣется, не имѣетъ прямаго отношенія ни къ г. Лажечникову, ни къ его драмѣ, о которой должны мы сказать свое мнѣніе... Но что̀ сказать о ней? Г. Лажечниковъ не можетъ написать ничего дурнаго: такъ и въ драмѣ его много хорошаго; но не смотря на то, наша литература ровно ничего не пріобрѣтаетъ въ ней. Драма требуетъ характеровъ, дѣйствія, движенія драматическаго и, сверхъ всего этого,—мысли, мысли и мысли...

Все остальное въ «Дагеротипѣ» по прежнему поразительно отсутствіемъ цѣли, намѣренія, таланта и, даже, здраваго смысла. Каждая статья—шарада, послѣ которой изумленный читатель восклицаетъ: «да что̀ же это такое?» Вотъ стихи какого-то таинственнаго г. Ч., которые называются «Начало и Конецъ», и въ которыхъ ровно ничего нельзя понять;—вотъ что то̀ въ родѣ разсказа «Встрѣча» (г. Чужбинскаго), въ которомъ ничего не разсказано, кромѣ фразъ à la Марлинскій;—вотъ коротенькая статейка «Дача», въ которой тяжело и тупо силится пробиться искуственный юморъ;—вотъ «Надпись», стихотвореніе г. Кукольника, которое должно быть хорошо, какъ все что̀ выходитъ изъ-подъ многопишущаго пера этого неутомимаго сочинителя, но которое, подобно всему прочему, имъ написанному, читается тяжело и трудно,—вотъ плохое стихотвореніе г. Соколовскаго;—вотъ «Московскіе цыгане», стихотвореніе г. Бенедиктова:

Хоръ готовъ. *Вожатый ярый*
Вышелъ; *волю далъ плечу*:

Заиграло; *вспыхнулъ, старый!*
Сталъ, моргнулъ, качнулъ гитарой,
Топнулъ, брякнулъ; *тише! чу!*
Груша поетъ: голосокъ упоительный
Тонкой серебряной нитью дрожитъ,
Какъ замираетъ онъ въ нѣгѣ мучительной!...
Чу!—Громъ!—Взрывъ!—Буря шумитъ.
Грянулъ хоръ; *сверкнули брызги*
Отъ каскада голосовъ
Пламя молній! Вьтра взвизги!

Ужасъ! мочи нѣтъ! въ ушахъ трещитъ! Вотъ истинный диѳирамбъ въ цыганскомъ вкусѣ и топѣ! Далѣе, въ этомъ диѳирамбѣ идутъ такіе страхи, что силъ нѣтъ и пересказать: «изъ глазъ картечи», хоръ «разѣваетъ раскаленную гортань», полную «бѣшеныхъ» созвучій; Матрена колотитъ, колотитъ, колотитъ, кипитъ и дробитъ, кипитъ и молотитъ, дробитъ и молотитъ... Ну, что бы положить этотъ цыганскій диѳирамбъ на музыку: онъ особенно выразителенъ долженъ быть съ аккомпаньеманомъ балалайки у воротъ барскаго дома, въ вечерніе сумерки...

По прежнему, въ каждой тетрадки «Дагеротипа» есть «Астраханскія Письма»—сборъ какихъ-то сплетенъ, непонятныхъ намековъ и еще Богъ вѣдаетъ чего. Въ одномъ письмѣ, сочинитель говоритъ, что у него пропала книга, что онъ прочелъ «Мертвыя Души», да еще комедію, которой названіе забылъ, но которая плоха, и что отецъ автора комедіи разсердился на сочинителя «Астраханскихъ Писемъ» за то, что онъ не похвалилъ комедіи. Спрашивается: какое дѣло до всего этого вздора, до всѣхъ этихъ сплетенъ читающей публикѣ, и неужели это должна она читать?... Въ другомъ письмѣ, сочинитель изъявляетъ свое невѣріе въ историческую необходимость, говоря, что онъ ея не понимаетъ. Да мало ли чего не понимаетъ сочинитель: публикѣ-то какое до всего этого дѣло?... Право, мы того и ждемъ, что сочинитель «Астраханскихъ Писемъ» увѣдо-

митъ публику, что у него пропали сапоги и что человѣкъ былъ пьянъ, или что-нибудь въ этомъ родѣ. Удивительная фамильярность съ публикою! Вообще, эти «Астрахапскія Письма» писаны явно подъ вліяніемъ какого-то упоительнаго вдохновенія, и потому ихъ нелѣпость часто доходитъ до какого-о лирическаго восторга, — и если хоръ московскихъ цыганъ подалъ поводъ г. Бенедиктову, обладающему такимъ превосходнымъ талантомъ, написать такой дивный дифирамбъ, то какой дифирамбъ отхваталъ бы онъ, еслибъ вздумалъ вдохновиться изъ упоительнаго источника «Астраханскихъ Писемъ?»...

ДЕННИЦА НОВО-БОЛГАРСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ.

Соч. Василія Аѳрилова. Часть первая. Одесса. 1841

Цѣль этой книжки—познакомить Русскихъ съ возникающимъ просвѣщеніемъ родственнаго намъ болгарскаго племени. Цѣль похвальная и выполненная отчасти недурно. Въ книжкѣ есть интересные факты. Просвѣщеніе Болгаръ пока еще не отличается слишкомъ большимъ свѣтомъ; но другъ человѣчества не можетъ не порадоваться и одному началу благаго дѣла. Въ этомъ случаѣ, вопросъ не о Болгарахъ и не о Славянахъ, а о людяхъ. Всѣ люди должны быть братьями людямъ. Изъ за большихъ не слѣдуетъ не любить меньшихъ. Если эти меньшіе уже слишкомъ малы, такъ что едва лепечутъ кое-что, можно ихъ не слушать; но зачѣмъ же не порадоваться, что они начинаютъ лепетать и тѣмъ даютъ надежду, что можетъ-быть, будутъ когда-нибудь и говорить? Вотъ, напримѣръ, стихи—дѣло другое: если они плохи, имъ нечего радоваться. Если же они внушены какимъ-нибудь благороднымъ чувствомъ, какъ, напримѣръ, признательностію,—воздадимъ должную похвалу чувству, а стихи все-таки назовемъ дурными. Одно другому не мѣшаетъ.

Намъ рѣшительно не нравится «Рыданіе на смерть Ю.И. Венелина». Вотъ для примѣра отрывокъ:

Плачете, рыдайте,
Всы бо̀лгарски чада,
Изгубихме вѣчно
Юрья Венелина,
Нашъ премудрый братъ...
Но на вѣчный споменъ
Въ нашите сердцата
Нѐготово име
Ше бы безсмертно
Ако и умрелъ.

Впрочемъ, и то сказать: можетъ-быть, эти стихи и хороши для людей, знакомыхъ съ болгарскимъ языкомъ и болгарскимъ вкусомъ въ поэзіи,—не споримъ.—Учитесь, учитесь, добрые почтенные Болгары! До того же времени, постарайтесь внушить своимъ поклонникамъ и вообще всѣмъ славянофиламъ побольше вѣжливости и человѣчности. Кто болѣе интересуется литературою Франціи, Германіи, и Англіи, нежели болгарскими буквами; на тѣхъ они смотрятъ, какъ на злодѣевъ и изверговъ, какъ Испанцы смотрѣли на лютеранъ, которыхъ, въ своемъ невѣжественномъ фанатизмѣ, называли еретиками, Наши Испанцы, т. е. ваши ревнители, хоть сейчасъ готовы были бы учредить инквизицію для истребленія духа европолюбія и для распространенія духа азіелюбія и обскурантизма, т. е. мраколюбія. Одинъ изъ нихъ (мы забыли его неизвѣстное и темное въ литературѣ имя) недавно напечалъ на насъ, въ московскомъ журналѣ, и именно по поводу книжки г-на Априлова, ужасную филиппику, обвиняя насъ въ равнодушіи къ ученымъ государствамъ, находящимся подъ владычествомъ Турціи, и въ любви къ нѣмецкимъ гелертамъ. Прочитавъ это «предъявленіе», мы воздали хвалу Богу, что живемъ въ XIX-мъ вѣкѣ, а то сгорѣть бы намъ на кострѣ. Въ самомъ дѣлѣ, добрые Болгары, насъ уличили въ страшномъ пре-

ступленіи: мы, видите, какъ-то сказали, что Турки—народъ, образующій собою государство, а Болгаре—только племя, не образующее собою никакого политическаго общества, и что въ этомъ-то и заключается причина турецкаго владычества надъ вами, какъ историческаго права, которое есть сила. Досталось же за это и намъ, и нѣмецкимъ гелертамъ! Вспомнить страшно! Если у всѣхъ славянскихъ гелертовъ такой крутой нравъ и такая инквизиціонная манера раздѣлываться съ русскими литераторами, которые не хвалятъ ихъ сочиненій, то русскимъ литераторамъ прійдется также избѣгать всякаго съ ними столкновенія, какъ вы избѣгаете его съ турецкими кадіями... Да! просвѣщайтесь, добрые Болгары! дай вамъ Богъ успѣховъ! Даже пишите стихи, если ужь не можете безъ нихъ обходиться; только, Бога ради, берегитесь защитниковъ, которые роняютъ васъ своимъ заступничествомъ и вредятъ вамъ больше Турковъ.

ОСЕННІЕ ЦВѢТЫ. *Стихотворенія М. Демидова. Въ двухъ отдѣленіяхъ. Спб. 1842. Съ эпиграфомъ: «Военный и партикулярный портной изъ Парижа Ѳедоръ Прохоровъ». Вывѣска въ одномъ губернскомъ городѣ.*

ВЕЧЕРНІЕ ДОСУГИ. *Стихотворенія Демидова. Въ двухъ отдѣленіяхъ. Спб. 1842. Съ эпиграфомъ. «0×0=0». Таблица умноженія.*

ЗАВѢТНЫЯ ДУМЫ. *Стихотворенія М. Демидова. Въ двухъ отдѣленіяхъ. Спб. 1842. Съ эпиграфомъ: «Полкъ впередъ, дирекція на середину, рысью, маршъ!» Командныя слова.*

Какое огромное богатство поэтическаго запаса! «Осенніе Цвѣты» и «Вечерніе досуги» и «Завѣтныя Думы», и все это для бо́льшаго эффекта, въ двухъ отдѣленіяхъ, и притомъ, съ изящными, глубокознаменательными эпиграфами.

Русская поэзія снова оживаетъ въ лицѣ г. Демидова,—и если нельзя сказать, чтобъ въ г. Демидовѣ Россія пріобрѣла новаго Пушкина, или новаго Лермонтова, то съ достовѣрностію и утвердительно можно сказать, что Россія пріобрѣла въ немъ новаго—г. Тимоѳеева... «Какого же это г. Тимоѳеева?»—спрашиваютъ насъ изумленные читатели: «мы не помнимъ никакого г. Тимоѳеева»... Какъ не помните? (отвѣчаемъ мы). Да того самаго, что печаталъ въ «Библіотекѣ» и пѣсни, и элегіи, и поэмы, и мистеріи... «А! мистеріи! мистеріи! теперь вспоминаемъ! эти мистеріи такъ забавляли насъ...»—хоромъ говорятъ намъ обрадовавшіеся читатели. Чтобъ еще болѣе усилить ихъ радость, напомнимъ имъ, что этотъ г. Тимоѳеевъ былъ провозглашенъ «Библіотекою» прямымъ наслѣдникомъ таланта Пушкина, и что этотъ г. Тимоѳеевъ издалъ свои пѣсни, элегіи, поэмы и мистеріи въ четырехъ томахъ, съ своимъ портретомъ. Гдѣ теперь этотъ г. Тимоѳеевъ, или гдѣ теперь эти четыре тома съ пѣснями, элегіями, поэмами, мистеріями и портретомъ г. Тимоѳеева,—мы такъ же не знаемъ, какъ не знаетъ и публика. Это горестное обстоятельство повергло бы насъ въ унылыя размышленія о суетѣ поэтической славы въ семъ треволненномъ мірѣ, о непрочности патентовъ на безсмертіе, выдаваемыхъ инымъ поэтамъ пріятельскими журналами, и о многомъ другомъ; мы готовы были даже предаться отчаянію, которое было такъ сильно, такъ сокрушительно, что чуть было не заставило насъ пуститься отыскивать четыре безъ вѣсти пропавшіе тома съ пѣснями, элегіями, поэмами, мистеріями и портретомъ г. Тимоѳеева, или, въ случаѣ неудачи, отыскать по крайней мѣрѣ тѣ книжки «Библіотеки», въ которыхъ г. Тимоѳеевъ провозглашенъ былъ прямымъ наслѣдникомъ таланта Пушкина... какъ вдругъ—о радость!—мы вспомнили о лежащихъ передъ нами трехъ тоненькихъ книжкахъ стихотвореній г. Демидова, изъ которыхъ каждая такъ удобно раздѣлена на два отдѣленія,

снабжена такими затѣйливыми, остроумными и глубокомысленными эпиграфами... Мы поскорѣе разрѣзали ихъ, начали перелистывать, заглянули туда-сюда, (сердце наше говорило намъ, что насъ ожидаетъ что-то радостное)—хорошо, прекрасно, превосходно! Но, Боже великій — это что́ въ «Осенних Цвѣтахъ»?—цѣлая поэма! Названіе ея—«Любопытный Мальчикъ»; она посвящается поэтомъ «его мальчикамъ-друзьямъ, Васи(ь)кѣ и Сережѣ»; въ ней съ мальчикомъ разговариваютъ, русскими стихами съ рифмами, Соловей, Стрекоза, Волна въ рѣкѣ, Цвѣтокъ... Такъ! это не поэма! предчувствіе не обмануло насъ: это—мистерія!... Но далѣе—«Комета»! Слушайте:

Возсталъ съ ножемъ на брата братъ,
Вездѣ господствуетъ развратъ.
Порокъ, предательство, грабёжъ,
И въ людяхъ правды нѣтъ—все ложь.

Затѣмъ «Хоръ нечистыхъ духовъ» поетъ какой-то романсъ о томъ, что золото горитъ, блеститъ, и что для сердецъ оно — магнитъ. Потомъ является обсерваторія, а на ней астрономъ съ телескопомъ въ рукахъ. За обсерваторіей является бѣдная крестьянская изба, мальчикъ, дѣвочка и старикъ; за ними—нечистая, мрачная и холодная комната, съ скупцомъ; далѣе—площадь, сидѣлецъ изъ одной лавочки, сидѣлецъ изъ другой лавочки, господинъ А и господинъ Б; наяцъ изъ балагана, — все это заключается «хоромъ небесныхъ силъ». Рѣшительная мистерія! Но не ею оканчивается все: есть еще мистерія подъ названіемъ «Талисманъ», и еще мистерія — «Картина», съ художникомъ, — все какъ у г. Тимоѳеева.

Одно только странно показалось намъ въ стихотвореніяхъ г. Демидова. Всякая поэзія есть плодъ душевныхъ силъ поэта, а душевныя силы заключаются въ движеніи, жизни, вѣрованіяхъ и убѣжденіяхъ. Господинъ же Демидовъ, кажется, давно уже изжилъ всю свою жизнь и лишился всѣхъ

своихъ душевныхъ силъ, какъ это ясно видно изъ стиховъ, разсѣянныхъ въ разныхъ его стихотвореніяхъ. Но, не смотря на это, въ его стихотвореніяхъ встрѣчаются красоты вѣчныя и неумирающія. Вотъ образчикъ:

Что имя?—звукъ, *пороховой бурак*ъ,
Волна средь волнъ. песчинка въ массѣ міра,
Мусатова *курительный табак*ъ,
Или Гамлетъ великаго Шекспира!

Непонятно—и высоко: непонятно потому что высоко, и высоко потому что непонятно!...

Но лучше всего намъ понравились двѣ вещи во всѣхъ трехъ книжкахъ стихотвореній г. Демидова: во-первыхъ, эпиграфъ къ «Вечернимъ Досугамъ»—$0 \times 0 = 0$, что, вѣроятно, значитъ: «нуль, помноженный на нуль, даетъ въ произведеніи нуль»; во-вторыхъ, вотъ эти стихи:

Нѣтъ, нѣтъ! сегодня вдохновенье
Не озаряетъ хладный умъ;
И нѣтъ въ моемъ стихотвореньи
Ни сильныхъ чувствъ, ни новыхъ думъ!
Иди жь въ огонь, ты трудъ несчастный,
Дитя горбатое мое,
Да не увидитъ свѣтъ безстрастный
Въ тебѣ убожество твое!
Какъ скучно!

Эти стихи до того намъ понравились, что мы невольно повторяли ихъ по прочтеніи каждаго изъ стихотвореній г. Демидова... Рѣшительно, если «Библіотека для Чтенія» права, что г. Тимоѳеевъ былъ прямымъ наслѣдникомъ таланта Пушкина, то мы еще правѣе, утверждая, что г. М. Демидовъ прямой наслѣдникъ и таланта и славы г. Тимоѳеева.

РУКОВОДСТВО КЪ ИЗУЧЕНІЮ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ, *содержащее въ себѣ основныя начала изящныхъ искусствъ, теорію краснорѣчія, піитику и краткую исторію литературы, составленное профессоромъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея и Императорскаго Училища Правовѣденія Петромъ Георгіевскимъ. Въ четырехъ частяхъ. Изданіе второе, исправленное. Спб. 1842.*

Въ мірѣ умственномъ такъ же есть свои аномаліи, какъ и въ физическомъ. Особенно богата ими русская учебная литература. У насъ есть удивительная «Всеобщая Исторія», надъ которою образованные люди улыбаются вотъ уже, кажется, около двадцати, если не болѣе лѣтъ, и которая все-таки продолжаетъ себѣ втихомолку распложаться новыми изданіями. Но особенно посчастливилось на аномаліи русской учебной литературѣ по части теорій и исторій искусствъ и литературы. Это уже даже и не аномаліи: это просто чудовища и чудища, въ сравненіи съ которыми всякое безобразіе есть красота. Какъ бы ни дурна была всеобщая исторія, все же она говоритъ о фактахъ, дѣйствительно бывшихъ, все же изъ нея можно узнать хоть нѣсколько именъ историческихъ, все же въ ней нельзя Александра Македонскаго назвать китайскимъ императоромъ, а Перикла турецкимъ пашою. Теорія изящнаго, напротивъ, даетъ каждому возможность говорить, что̀ на умъ взбредетъ, называть свѣчу собакою, а луну пирогомъ — полная свобода! благо за подобныя вещи пошлинъ не берутъ, а иногда еще и деньги даютъ. Наши учебники по части теоріи и исторіи изящнаго тѣмъ уродливѣе и нелѣпѣе, что по большой части пишутся людьми добраго стараго времени, когда толковали только о трехъ единствахъ, о подражаніи украшенной природѣ, а въ примѣръ высокаго приводили «s'est moi» и «qu'il mourût». Но еслибъ эти господа остались вѣрны

своему времени, они были бы меньше смѣшны, тѣмъ болѣе, что въ такомъ случаѣ ихъ совсѣмъ не читали бы, и о нихъ совсѣмъ не было бы слышно. Но вотъ горе: застигнутые врасплохъ новымъ временемъ, пережившіе уже и великую войну классицизма съ романтизмомъ,— они увидѣли себя въ горькой и тяжелой необходимости смѣшать свои старыя понятія съ новыми, признать авторитеты. Изъ этого вышла такая дикая смѣсь книгъ, что трудно и характеризовать ее; она напоминаетъ собою дикарей Океаніи, которые, вслѣдствіе вліянія на нихъ англійской цивилизаціи, стали ходить, въ европейской одеждѣ, прицѣпляя сабли къ юбкамъ, надѣвая военный мундиръ безъ нижняго платья, или сапоги безъ всякой другой одежды.

Все сказанное отнюдь не должно относиться къ безподобному «Руководству» г. Георгіевскаго. Оно по истинѣ безподобно, ибо нѣтъ ничего подобнаго ему въ цѣломъ мірѣ. Въ немъ нѣтъ ни классицизма, ни романтизма, ни старыхъ, ни новыхъ понятій. Оно составлено особеннымъ образомъ и по особенному, неслыханному въ мірѣ источнику— по рецензіи 230 и 231 №№ «Сѣверной Пчелы» 1836 года,— какъ добродушно признается, въ предисловіи, самъ г. сочинитель этого безподобнаго руководства!... Разсмотримъ же это безподобное «Руководство къ изученію Русской Словесности».

Разсмотримъ прежде всего заглавіе книги: оно такъ же безподобно, какъ и вся книга.

«Руководство къ изученію русской словесности, содержащее въ себѣ основныя начала изящныхъ искусствъ, теорію краснорѣчія и краткую исторію литературы (какой?)». Какимъ образомъ «основныя начала изящныхъ искусствъ и теорія краснорѣчія» сдѣлались «русскою словесностью»? Они должны составлять предметъ эстетики, а не русской словесности, предметъ которой, какъ самое названіе ея показываетъ, есть русское слово, русскій языкъ. Сочини-

тель толкуетъ въ своемъ «Руководствѣ» о живописи, зодчествѣ, и даже садоводствѣ; но теорія первыхъ двухъ искусствъ есть предметъ эстетики, а теорія садоводства есть полезное знаніе для садовниковъ, но не для учениковъ класса русской словесности.

Теперь не угодно ли взглянуть на «основныя начала изящныхъ искусствъ»? На первой страницѣ, въ выноскѣ, есть мысль, поражающая своею глубокостію и новостію. Она состоитъ ни болѣе ни менѣе, какъ въ томъ, что «подъ художникомъ должно разумѣть собственно такъ-называемаго художника, артиста и поэта». Хорошія мысли и другихъ невольно заставляютъ выдумывать хорошія мысли: это мы испытали на себѣ, и по примѣру г. Георгіевскаго рѣшительно утверждаемъ, что «подъ сапожникомъ должно разумѣть собственно такъ-называемаго сапожника, чеботаря и иногда башмачника». Послѣ этого интересно знать, какъ г. Георгіевскій опредѣляетъ «искусство». Слушайте! слушайте! «Подъ искусствомъ разумѣютъ способность, или навыкъ (!) посредствомъ упражненія (!!) производить какой-либо предметъ, по извѣстнымъ правиламъ, съ извѣстною цѣлію». Не правда ли, подъ это опредѣленіе удивительно хорошо подходитъ искусство тачать сапоги?..

«Живопись есть искусство, представляющее предметы на гладкой поверхности посредствомъ рисовки и красокъ». Какъ хорошо это опредѣленіе схватило идею живописи! Жаль только, что оно забыло о свѣто-тѣни....

«Подъ музыкою нынѣ разумѣютъ искусство производить и соединять звуки пріятнымъ для слуха образомъ». Если это опредѣленіе г. Георгіевскаго вѣрно, то пѣтухъ никогда не будетъ хорошимъ музыкантомъ, а соловей и канарейка — отличные музыканты.

«Говоря о природѣ, которой подражаютъ изящныя искусства, объ-ясникъ это слово. Природа артистовъ и *стихотворцевъ* весьма обширна; она заключаетъ въ себѣ четыре міра: міръ *дѣйствительный*,

т. е. физическій, нравственный и гражданскій, котораго мы сами составляемъ часть; потомъ міръ *историческій* населенный великими тѣнями и великими происшествіями; далѣе міръ *баснословный*, миѳологическій, въ которомъ обитаютъ боги и герои; наконецъ міръ *идеальный*, или возможный, въ которомъ нѣтъ ни людей, ни дѣйствій, но есть время, мѣсто, пища и обстоятельства для тѣхъ и другихъ (??!! ...).—Аристофанъ осмѣивалъ Сократа при другихъ—это міръ дѣйствительный; трагедія: *Димитрій Донской* взята изъ исторіи; трагедія: *Медея* взята изъ баснословія; *Кій*, *Синавъ* и *Труворъ* взяты изъ нашихъ героическихъ, или баснословныхъ временъ; *Скупой* Плавта и *Тартюфъ* Мольера взяты изъ міра возможнаго, или идеальнаго.—Вотъ то, что вообще называется для художника *природою*.»

Именно то самое! Поняли ль вы тутъ хоть что-нибудь, читатели?—Мы, признаемся, ровно ничего не поняли. По нашему искреннему мнѣнію, это даже не то, что̀ называется пустословіемъ — мы не видимъ тутъ даже желанія прикрыть фразами отсутствіе мысли; это — извините за откровенность — просто сумбуръ! Какимъ образомъ подобныя пошлости Сумарокова, какъ «Кій, Синавъ и Труворъ», могли попасть въ книгу, систематически разсуждающую о началахъ изящнаго? Откуда это раздѣленіе природы на четыре міра? Развѣ міръ историческій не есть міръ дѣйствительный, а міръ воображаемый? И неужели комедіи Аристофана потому взяты изъ дѣйствительнаго міра, что онъ при другихъ, и не на единѣ съ собою осмѣивалъ Сократа?... Но намъ совѣстно говорить о такихъ пустякахъ и унизительно опровергать ихъ... А между тѣмъ вся эта толстая книга, состоящая изъ 548 страницъ въ 8-ю долю листа, биткомъ набита подобными дивами. Желая угодить всѣмъ и никого не обидѣть, сочинитель всѣхъ равно пожаловалъ въ геніи: онъ съ равнымъ уваженіемъ и равною любовію упоминаетъ о Херасковѣ и о Пушкинѣ, о Сумароковѣ и Грибоѣдовѣ, о Шекспирѣ и о г. Хмѣльницкомъ, о Вальтеръ-Скоттѣ и баронѣ Брамбеусѣ. Съ такимъ же безпристрастіемъ повторяетъ онъ, не вникая въ смыслъ,

мнѣнія и Нѣмцевъ, и «Вѣстника Европы», и «Московскаго Телеграфа», и гг. Толмачева, и Кошанскаго, и Платона съ Аристотелемъ. И все это произошло не изъ эклектическаго желанія помирить различныя ученія, а изъ того, что сочинителю всѣ мнѣнія равны, ибо онъ не взялъ себѣ въ толкъ ни одного изъ нихъ. Исполать!

СОЧИНЕНІЯ ПЛАТОНА. *Переведенныя съ греческаго и объясненныя профессоромъ Санктпетербургской Духовной Академіи Карповымъ. Часть II-я. Спб. 1842.*

Во второй части «Сочиненій Платона» также еще нѣтъ самого Платона, какъ не было и въ первой: герой той и другой части—великій учитель Платона, Сократъ. Но въ этой части, Сократъ является уже съ другой, болѣе интересной для всѣхъ, нежели для немногихъ, стороны своей. Въ первыхъ трехъ разговорахъ мы видѣли только діалектика Сократа, который обезоруживалъ хитросплетенную ложь софистовъ ихъ же собственнымъ оружіемъ — діалектикою, но который не высказывалъ своихъ убѣжденій и идей, довольствуясь тѣмъ, что изобличалъ пустоту и ничтожество софистическаго лжемудрованія. Въ слѣдующихъ же пяти разговорахъ—«Хармидѣ», «Эвтифронѣ», «Менонѣ», «Апологіи Сократа» и «Критонѣ», изъ которыхъ состоитъ эта вторая часть, мы видимъ мыслителя и мудреца Сократа, знакомимся съ его высокою мудростью, исполненною глубочайшаго нравственнаго и жизненнаго содержанія. Эта мудрость всѣмъ доступна и всякому понятна, кто только жаждетъ мудрости: ибо Сократъ, какъ истинный Грекъ, есть мудрецъ, а не философъ. Между этими двумя словами большая разница. Мудрецовъ могла производить только

древность, гдѣ всѣ стихіи жизни были слиты въ органическое цѣлое и единое, гдѣ жрецъ, ученый, художникъ, купецъ, воинъ, прежде всего былъ человѣкомъ и гражданиномъ; гдѣ гуманическое начало развивалось въ человѣкѣ прежде всего; гдѣ воспитаніе было столько же развитіемъ тѣла, сколько и духа, на томъ основаніи, что только въ здоровомъ тѣлѣ можетъ обитать и здоровая душа; гдѣ мыслить значило вѣровать, и вѣровать значило мыслить; гдѣ имѣть нравственное убѣжденіе значило быть всегда готовымъ умереть за него; гдѣ наука и искусство не отдѣлялись отъ жизни, и образъ мыслей отъ образа жизни; гдѣ гражданинъ былъ участникомъ и въ правленіи и въ жречествѣ; гдѣ воинъ, въ мирное время, учился мудрости и наслаждался искусствомъ, а ученый, артистъ и ораторъ, во время войны, сражались за отечество и умирали за него; гдѣ праздники были столько же религіозными, сколько эстетическими, общественными, государственными и національными... Греція въ особенности была такою страною въ древности, и только она могла произвести такого мудреца, какъ Сократъ, который поучалъ мудрости, бесѣдуя съ народомъ на площадяхъ, въ собраніяхъ, въ торжествахъ, въ темницѣ,—вездѣ, гдѣ могъ сойдтись и встрѣтиться съ человѣкомъ... Наше время—время не мудрецовъ, а философовъ, не людей, а книжниковъ, ученыхъ... Это потому, что многосторонніе и безконечно разнообразные, въ сравненіи съ древностію, элементы новой жизни до сихъ поръ еще въ броженіи, до сихъ поръ еще не примирились и не слились въ единое и цѣлое. Въ наше время, всѣ — или штатскіе, или военные, или мѣщане, купцы, художники, ученые, земледѣльцы, все, что̀ угодно—только не «люди»; титло «человѣка» священно и велико только на словахъ да въ книгахъ, а въ жизни о немъ никто не заботится, никто не спрашиваетъ... Въ юности мы учимся всѣмъ наукамъ, исключая той, которая научаетъ каждаго быть

человѣкомъ. Званіе такое-то можетъ въ наше время избавлять отъ обязанности знать что-нибудь внѣ его сферы; званіе ученаго, напримѣръ, позволяетъ быть трусомъ, блѣднѣть и прятаться при звукѣ оружія. Но всего грустнѣе, что не только званіе, но даже всемірная слава философа, у насъ не только избавляетъ отъ обязанности считать себя въ какихъ бы то ни было кровныхъ связяхъ съ обществомъ и народомъ, но еще какъ бы поставляетъ въ обязанность считать для себя за честь быть выше общества и современности.... Оттого-то въ наше время иной философъ, пока на каѳедрѣ—Промеѳей, рѣшительный Промеѳей; слушаешь и дивишься, какъ одинъ человѣкъ можетъ вмѣстить въ себя столько мудрости, столько знанія!... Но прійдите въ домъ къ этому Промеѳею: Боже мой, какое превращеніе! Филистеръ, мѣщанинъ, человѣкъ, котораго вся поэзія жизни ограничена какою-нибудь кухаркою-женою, трубкою кнастера и кружкою пива... На каѳедрѣ — ему, кажется, только и бесѣдовать бы что съ богами; а въ жизни, это одинъ изъ почтеннѣйшихъ членовъ бюргеръ-клуба... На каѳедрѣ, это герой истины, готовый защищать ее логическими построеніями, противъ всей вселенной; а въ жизни — это человѣкъ, хорошо вытвердившій правило «мое дѣло сторона», и живущій въ ладу со всякою дѣйствительностію, равно счастливый при всякихъ обстоятельствахъ. Удивительно ли, что философія въ наше время производитъ только школьныя партіи, и что жизнь такъ же не хочетъ ее знать, какъ и она не хочетъ знать жизнь?... А художникъ нашего времени?... Онъ живетъ въ прошедшемъ, поетъ, какъ птица, и подобно птицѣ перепархиваетъ съ вѣтки на вѣтку, ища мѣстечка, гдѣ бы ему было получше... Не такова была древность — эта великая школа людей и мужей, гдѣ самыя женщины были героинями своихъ обязанностей, и, будучи женами и матерями, умѣли быть и гражданками; гдѣ ху-

дожники и ученые были не птицами и не педантами, а тайниками, хранителями Прометеева огня національной жизни... Тамъ слово было дѣломъ, и дѣло было словомъ, мысль — фактомъ, и фактъ — мыслію. За то, въ Греціи, напримѣръ, Гомера знали не одни ученые, а цѣлый народъ; Пиндару и Кориннѣ рукоплескала вся Эллада на олимпійскихъ играхъ; Геродотъ, на тѣхъ же олимпійскихъ играхъ (а не въ собраніи общества любителей словесности), читалъ Эллинамъ исторію славной борьбы ихъ съ Азіею, а юноша-Ѳукидидъ плакалъ, слушая вѣщаго старца... Софоклъ, обвиненный неблагодарными дѣтьми въ помѣшательствѣ ума, передъ лицомъ всего народа выигрываетъ процессъ, прочтя судіямъ-народу отрывокъ изъ своего «Эдипа»... А между тѣмъ, Греки не знали великаго искусства книгопечатанія, которымъ мы столько гордимся, забывая, что у насъ большая часть и знающихъ-то грамотѣ читаютъ только прейсъ-куранты да объявленія о продажахъ и подрядахъ...

Вѣрить и не знать—это еще значитъ что-нибудь для человѣка; но знать и не вѣрить—это ровно ничего не значитъ. Сознательная вѣра и религіозное знаніе—вотъ источникъ живой дѣятельности, безъ котораго жизнь хуже смерти. А между тѣмъ, сколько людей въ наше время безъ памяти рады, что они—скептики, и что они вѣрятъ только въ то, что чѣмъ больше въ карманѣ денегъ, тѣмъ веселѣе быть скептикомъ!... Только въ такое несчастное время могутъ существовать люди, которыхъ ремесло состоитъ въ томъ, чтобы тѣшить праздную толпу, кувыркаясь передъ нею на канатѣ, въ нарядѣ паяца, въ колпакѣ съ бубенчиками, и которые готовы доказывать, для ея потѣхи, что Сократъ былъ умный плутъ, который морочилъ Аѳинянъ своимъ демономъ, внутренно смѣясь надъ ними, какъ-будто бы Сократъ былъ забавникъ-журналистъ, или шутъ... Эти «скептики», по себѣ самимъ судящіе о великихъ людяхъ, эти потѣшники толпы,—съ свойственнымъ имъ безстыдствомъ,

готовы доказывать, что Сократъ и чашу-то съ цикутою выпилъ изъ желанія плутовать и тѣшиться... Для низкихъ натуръ ничего нѣтъ пріятнѣе, какъ мстить за свое ничтожество, бросая грязью своихъ воззрѣній въ святое и великое жизни... А безсмысленная толпа, дикая, невѣжественная чернь, за то-то и удивляетея этимъ гаерамъ, принимая ихъ наглость и дерзость за знаніе и умъ...

Кстати о Сократѣ и о чашѣ съ цикутою, которая прекратила дни мудреца и праведника: въ разговорѣ «Критонъ» Платонъ представляетъ Сократа бесѣдующимъ въ темницѣ съ ученикомъ его, Критономъ. Критонъ уговариваетъ Сократа бѣжать; Сократъ доказываетъ ему, что не можетъ этого сдѣлать, не отрекшись отъ своего собственнаго ученія, и не запятнавъ безчестіемъ всей своей жизни. Такъ мыслилъ и чувствовалъ Сократъ—этотъ тонкій плутъ, этотъ ловкій «надувало», тѣшившійся надъ легковѣріемъ Аѳинянъ!... И какъ его мышленіе было его вѣрою,—онъ мученическою смертью утвердилъ справедливость своего религіознаго сознанія. Изучать доктрину Сократа, изложенную въ бесѣдахъ, преніяхъ, какъ самъ онъ излагалъ ее,—значитъ не только просвѣщать свой разумъ свѣтомъ истины, но и укрѣплять свой духъ въ вѣрѣ въ истину, пріобрѣтать божественную способность дѣлаться жрецомъ истины, готовымъ все приносить въ жертву ей и прежде всего—самого себя.

Вотъ почему, нисколько не увлекаясь и не преувеличивая дѣла, но видя его совершенно такимъ, каково оно есть дѣйствительно,—мы смѣло можемъ сказать, что г. Карповъ, если онъ кончитъ изданіе своего перевода, совершитъ подвигъ столько же гражданскій, сколько и ученый. Это великая заслуга передъ обществомъ, это безцѣнный подарокъ его настоящему и будущему. Изученіе классической древности въ новѣйшей Европѣ положено краеугольнымъ камнемъ публичнаго воспитанія юношества,—и въ этомъ видна

глубокая мудрость. Есть люди, которые кричатъ: «зачѣмъ намъ нѣтъ спасенія безъ Грековъ и Римлянъ? зачѣмъ непремѣнно изучать греческій и латинскій, а не санскритскій, или не арабскій языкъ, если ужъ безъ древнихъ языковъ нельзя обойдтись?» — Затѣмъ, милостивые государи, что связь новѣйшей Европы съ Индіею и Аравіею гораздо отдаленнѣе, нежели съ Греціею и Римомъ. То родство въ двадцатомъ колѣнѣ, а это родство—близкое, кровное. Изученіе классической древности преобразовало Европу, свергло тысячелѣтнія оковы съ ума человѣческаго, способствовало освобожденію отъ инквизиціи и тому подобныхъ человѣколюбивыхъ и кроткихъ мѣръ къ спасенію душъ. Законодательство римское замѣнило, въ новѣйшей Европѣ, феодальную тиранію правомъ, на разумѣ основанномъ. Древняя Греція и Римъ — страны духа, впервые освободившагося отъ деспотическаго владычества природы, представитель котораго Азія. Тамъ, на этой классической почвѣ, развились сѣмена гуманности, гражданской доблести, мышленія и творчества; тамъ начало всякой разумной общественности, тамъ всѣ ея первообразы и идеалы. Правда, тамъ общество, освободивъ человѣка отъ природы, слишкомъ и покорило его себѣ. За то, средніе вѣка ужь слишкомъ освободили его отъ общества, и впали въ другую крайность. Теперь настаетъ время примиренія этихъ двухъ крайностей, во имя среднихъ вѣковъ и древняго міра; слѣдовательно, Греція и Римъ и теперь еще живутъ и дѣйствуютъ въ насъ, къ нашему благу и нашему преуспѣянію въ осуществленіи на дѣлѣ идеальной истины, которая одна только истинна, ибо всякая эмпирическая истина—ложь.

Переводъ г. Карпова именно такой, какого только нужно желать въ наше время: вѣрный и точный до буквальности, носящій на себѣ отпечатокъ того языка, съ котораго онъ сдѣланъ; но отъ того русскій языкъ въ немъ ни сколько не изнасилованъ и не лишенъ своей естественности. Пере-

водъ изящный болѣе обогатилъ бы нашу литературу, чѣмъ познакомилъ бы насъ съ Платономъ. Такой переводъ можетъ быть важенъ для насъ только послѣ перевода г. Карпова; но и тогда мы читали бы его texte en regard съ переводомъ г. Карпова, имѣя послѣдній подъ рукою, такъ сказать, для повѣрки перваго. Честь и слава человѣку, скромно, въ тиши кабинета, наединѣ, совершающему свой трудъ, который былъ бы истиннымъ подвигомъ для цѣлаго ученаго общества! Неужели этотъ трудъ не поддержится публикою?—Страшно и подумать объ этомъ...

НАШИ, *списанные съ натуры Русскими. Выпускъ двѣнадцатый.* Няня. *Соч.* *** *вой. Спб. 1842.*

Статья «Няня» служитъ новымъ доказательствомъ, что русскія дамы могутъ писать—по крайней мѣрѣ не хуже русскихъ мущинъ... Русская няня изображена тутъ вѣрно и живописно. Какъ и слѣдуетъ, она является въ статьѣ ангеломъ-хранителемъ дитяти, любитъ его безсознательно, страдаетъ его страданіями, радуется его радостями. Впрочемъ, это только одна сторона русской няни, любящей до самоотверженія, но и необразованной, и грубой, и переполненной всевозможными предразсудками черни. Жаль, что даровитая писательница только слегка коснулась другой стороны няни, едва намекнувъ, какъ няня балуетъ дѣтей глупымъ потворствомъ и грубымъ заступничествомъ передъ гувернантками, на которыхъ, за ихъ справедливую строгость къ дѣтямъ, уже вышедшимъ изъ-подъ ея надзора, ворчитъ и злится за глаза и въ глаза. Тутъ можно было бы нарисовать широкую картину, какъ няня, всегда балуя младшихъ на счетъ старшихъ, озлобляетъ послѣднихъ чувствомъ несправедливости, и изъ тѣхъ и другихъ ангело-подобныхъ

существъ подготовляетъ исподволь существа совсѣмъ не похожія на ангеловъ... А впрочемъ, она ихъ любитъ страстно и нѣжно, только безсознательно, какъ любятъ животныя и люди невѣжественные, какъ любятъ коровы телятъ, а куры цыплятъ, какъ любятъ русскія няни порученныхъ ихъ заботливости чужихъ дѣтей... Потомъ не мѣшало бы замѣтить, какъ эти няни портятъ воображеніе дѣтей страшными разсказами о привидѣніяхъ и тому подобныхъ вздорахъ, которые сильно впечатлѣваются въ юномъ мозгу и, вслѣдствіе этого, часто одолѣваютъ разсудокъ взрослыхъ людей... Еще замѣтимъ, что никакъ нельзя согласиться съ мыслію сочинительницы статьи, будто бы нянею, въ смыслѣ ангела-хранителя дѣтей, обязаны мы только крѣпостному сословію. Причина любви старухъ къ дѣтямъ лежитъ въ натурѣ человѣка: старость вездѣ и всегда другъ дѣтства, а дѣтство другъ старости. Дитя любитъ свою «бабу» (т. е. мать отца или матери) едва ли не болѣе, чѣмъ мать свою, ибо первая — такъ какъ для нея нѣтъ уже въ жизни никакихъ другихъ интересовъ—занимается имъ съ какою-то неизъяснимою преданностью.

Изложеніе и вообще языкъ статьи «Няня»—просто прелесть; всѣ подробности такъ вѣрно схвачены съ натуры, такъ мастерки перенесены на бумагу, что, читая, будто видишь все на самомъ дѣлѣ. Право, для спасенія чести современной русской литературы, безвременно погибающей отъ нравственно сатирическихъ шмелей и другихъ дряпныхъ и докучныхъ насѣкомыхъ, одно только средство — просить дамъ, чтобъ онѣ побольше писали по-русски...

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ И ПЕРЕВОДЫ Н. А. ПОЛЕВАГО. *Спб. 1842. Двѣ части.*

Г. Полевой сдѣлался драматистомъ совершенно нечаянно. Еслибъ въ то время, когда издавалъ онъ свой «Московскій

Телеграфъ», въ которомъ съ такою энергіею и такимъ одушевленіемъ преслѣдовалъ и уничтожалъ бездарность и посредственность, еслибъ, говоримъ мы, въ то время кто-нибудь сказалъ ему, что нѣкогда онъ будетъ писать «драматическія представленія»,—то, думаемъ, такое предсказаніе почелъ бы онъ за обыкновенную выходку оскорбленной и самолюбивой посредственности, которая не хочетъ, да еслибъ и хотѣла—не можетъ вѣрить въ другихъ продолжительности и неизмѣнности возвышенныхъ убѣжденій. Другими словами: онъ принялъ бы этихъ предсказателей за тѣхъ людей, которые, съ лукавою усмѣшкою, всегда говорятъ пылкому юношѣ, презирающему пошлыми житейскими продѣлками и порывающемуся къ осуществленію высшаго идеала жизни: «а вотъ погоди, упрыгаешься—не то запоешь; мы сами не хуже тебя горячились въ свое время, да вотъ угомонились же и взялись за умъ!» Пылкая юность обыкновенно презираетъ такими предсказаніями, но втайнѣ они сердятъ ее и обдаютъ холодомъ, заставляющимъ содрогаться. Увы! на зло пылкой юности, слова этихъ предсказателей не совсѣмъ вздоръ и ложь, или, лучше сказать, рѣдко, очень рѣдко вздоръ и ложь... Нѣчто въ родѣ этой горькой мысли такъ ловко и занимательно было развито самимъ г. Полевымъ въ его безъ всякихъ претензій написанной статейкѣ: «Три Дня въ Двадцати Годахъ» (сцены изъ обыкновенной человѣческой жизни, въ разговорахъ представленныя; см. «Новый Живописецъ Общества и Литературы, составленный Николаемъ Полевымъ», Москва. 1832, часть III, стр. 119); вотъ содержаніе этой примѣчательной статейки. Нѣсколько задушевныхъ друзей, за бутылкою вина, мирно бесѣдуютъ о высокой цѣли жизни, о высокомъ смыслѣ ихъ дружбы. «Мы», говоритъ одинъ изъ нихъ: «осмѣливаемся причислить себя къ людямъ, отличеннымъ Зевеса любовію; намъ должно прожить не только не дѣлая зла: это участь толпы!—пѣтъ, для насъ впереди завидная судьба: дѣй-

ствовать и быть полезными другимъ, тѣмъ, что̀ дала намъ мать-природа и общая дружба наша, освященная завѣтомъ на прекрасное и великое; всѣ мы въ одно время вступили въ свѣтъ: дадимъ же руку и поклянемся жить для ближнихъ!» На эту восторженную рѣчь восклицаютъ всѣ другіе: «клянемся!» Ораторъ продолжаетъ: «И да будетъ тотъ наказанъ общимъ всѣхъ насъ презрѣніемъ, кто измѣнитъ клятвѣ! Не я измѣню ей первый...»—И не я, и не я! повторяютъ всѣ другіе. Пріятельская бесѣда эта происходитъ наканунѣ разъѣзда друзей по разнымъ дорогамъ жизни. Одинъ изъ нихъ поэтъ и литераторъ: онъ читаетъ отрывки изъ своихъ стихотвореній, говоритъ объ успѣхѣ своихъ статей, о Лагарповомъ разборѣ «Запры», о нелѣпости англійской драмы и о преимуществѣ «Россіады» передъ «Генріадою». Другаго изъ нихъ мѣтятъ друзья въ великіе полководцы, третій самъ смотритъ великимъ дипломатомъ. Вотъ, черезъ десять лѣтъ послѣ этого вечера, друзья опять собираются; но это уже не тѣ пылкіе молодые люди, съ которыми мы познакомились въ первый вечеръ, назадъ тому десять лѣтъ... Одинъ изъ нихъ мизантропъ и клянетъ себя, какъ за слабость, за остатокъ любви къ людямъ; другой не бережетъ своего здоровья, говоря, что «не для чего»; всѣ чувствуютъ, что отстали отъ вѣка, выжили изъ таланта: дѣйствительность поколотила мечты юности ихъ, и они недовольны жизнію, недовольны другъ другомъ, пересуживаютъ, упрекаютъ одинъ другаго въ слабостяхъ, недостаткахъ и ошибкахъ. Еще черезъ десять лѣтъ, одинъ изъ нихъ уже сдѣлался «его превосходительствомъ», двое другихъ подличаютъ въ его передней, а третій безуспѣшно хлопочетъ у своего превосходительнаго друга по дѣлу сироты, сына одного изъ ихъ друзей, котораго хотятъ ограбить друзья же отца его,—и о мѣстечкѣ съ пустымъ жалованьемъ для другаго сироты, сына умершаго въ домѣ умалишенныхъ лучшаго друга изъ этого кружка друзей.

Это рѣшительно лучшее изъ всѣхъ «драматическихъ представленій» г-на Полеваго, ибо въ немъ отразилось человѣческое чувство, навѣянное думою о жизни; а между тѣмъ г. Полевой написалъ его безъ всякихъ претензій, какъ бездѣлку, которая не стоила ему труда, и которую прочтутъ—хорошо, не прочтутъ—такъ и быть! Какая же мысль этого «драматическаго представленія»? Она ясна и безъ поясненій; но у насъ есть своя мысль на этотъ предметъ,—мысль, по нашему мнѣнію, достойная того, чтобъ какой-нибудь поэтъ взялъ ее въ основаніе цѣлой драмы, или цѣлаго романа: «Юность есть огонь и свѣтъ жизни; каждый человѣкъ, по своему, бываетъ разъ въ жизни юнъ; но одинъ сохраняетъ юность до двадцати лѣтъ, другой до тридцати, третій до сорока, и такъ далѣе; немногіе избранники провидѣнія совсѣмъ не знаютъ старости и цвѣтутъ юностію подъ снѣгомъ волосъ дряхлой старости». Гордое презрѣніе къ посредственности—одно изъ свойствъ юности; оно происходитъ изъ любви къ высокому и истинному, изъ внутренняго ясновидѣнія идеала высшей жизни. Довольство тѣмъ, что̀ есть, безъ требованія того, чего еще нѣтъ, но безъ чего не для чего жить, примиреніе съ окружающею дѣйствительностію, терпимость посредственности — вотъ первые страшные предшественники наступающей старости. Кто окунется въ омутъ жизни, кто привыкнетъ къ житейскому, прозаическому, мелочному и посредственному—до того, что съ убѣжденіемъ и самодовольствомъ возьметъ въ немъ свою роль и, какъ успѣху, радъ будетъ ей: тотъ уже старикъ, хилый старикъ. Тускнѣютъ его дряхлыя очи и, сквозь покрывшую ихъ мутную влагу, не могутъ разсмотрѣть ничего юнаго и великаго: оно возбуждаетъ въ нихъ только кропотливое ворчаніе, которымъ означается порицанье всего новаго и похвала всему старому! Отнимается у нихъ даже свѣтлое воспоминаніе о ихъ невозвратно-погибшей юности, и они называютъ безумствомъ гордые помыслы и благород-

ные порывы своихъ юныхъ лѣтъ; они помнятъ въ нихъ только сильный аппетитъ да крѣпкій сонъ; они хвалятъ свое время не за то, что было въ немъ безусловно прекраснаго, а за то только, что оно было ихъ время... «Забирайте же съ собою въ путь, выходя изъ мягкихъ юношескихъ лѣтъ въ суровое, ожесточающее мужество, забирайте съ собою всѣ человѣческія движенія, не оставляйте ихъ на дорогѣ — не поднимите потомъ! Грозна, страшна грядущая впереди старость, и ничего не отдаетъ назадъ она! Могила милосерднѣе ея, на могилѣ напишется: здѣсь погребенъ человѣкъ! но ничего не прочитаешь въ хладныхъ, безчувственныхъ чертахъ безчеловѣчной старости!» (Мертвыя Души, стр. 244).

Но мы, заговорясь о посторонннихъ предметахъ, отдалились отъ предмета нашей статьи — «Драматическихъ Сочиненій и Переводовъ» г. Полеваго. Читателямъ должно быть извѣстно наше о нихъ мнѣніе. Г. Полевой, въ своемъ «Послѣсловіи», приложенномъ къ концу второй части «Драматическихъ Сочиненій и Переводовъ» говоритъ между прочимъ:

«За немногими исключеніями, которыя пріемлю съ глубокою признательностью», все что можно сказать объ Александрахъ Анфимовичахъ Орловыхъ и «подобныхъ ему» писакахъ, было обо мнѣ сказано критиками. Они находили, что даже самый родъ драматическихъ пьесъ ложный; что онѣ *коцебятина* (извините: выраженіе критиковъ!); что онѣ доказываютъ безвкусіе, безграмотность; что я обобралъ въ моихъ драматическихъ сочиненіяхъ Шекспира, Гёте, Шиллера, Мольера, Вольтера, Дюма, В. Гюго, В. Скотта, Озерова, Кукольника, и — право, не помню кого-то еще!»

Не принадлежа къ числу критиковъ, на которыхъ такъ горько жалуется г. Полевой, мы смѣло можемъ сказать, что въ ихъ обвиненіяхъ нѣтъ ни правды, ни толка, и что, въ то же время, и самъ г. Полевой не совсѣмъ правъ въ томъ, что говоритъ въ выписанныхъ нами словахъ своего «Послѣсловія». Во-первыхъ: зачѣмъ ему принимать съ глу-

бокою признательностію немногія исключенія по части критическихъ отзывовъ въ пользу его «драматическихъ представленій»? Если ихъ хвалили, то, надо полагать, за то, что находили ихъ достойными похвалы: какой же авторъ обязанъ благодарностію (да еще и глубокою!) критику, который, находя его сочиненія хорошими, не называетъ ихъ дурными? По нашему мнѣнію, авторы благодарятъ критиковъ только за пристрастныя похвалы, или за снисхожденіе, которое для гордой юности позорнѣе всякой брани. Потомъ: критики, которые равняли г. Полеваго съ Александромъ Аѳинмовичемъ Орловымъ и находили въ его драмахъ безвкусіе, безграмотность и безсмысліе—«наѣлись грязи», какъ выражается одинъ татарскій критикъ. Мы, напротивъ, думаемъ, что г. Полевой, въ своихъ драмахъ, несравненно выше, чѣмъ А. А. Орловъ въ своихъ романахъ, и что въ драмахъ г. Полеваго есть немножко и вкуса, много грамотности, и смыслъ вездѣ на лицо. Но вотъ въ томъ-то и бѣда наша, что мы не любимъ посредственности; она для насъ хуже бездарности! Притомъ же, мы такъ уважаемъ въ лицѣ г. Полеваго, бывшаго журналиста, что намъ непріятно видѣть его чѣмъ-то среднимъ между г. Кукольникомъ и г. Ободовскимъ (много ниже перваго и мало выше втораго) и главою разныхъ драматистовъ, съ успѣхомъ подвизающихся на сценѣ Александринскаго театра. По тому же самому намъ непріятно, что его въ томъ же театрѣ вызываетъ та же публика, которая вызываетъ и г. Зотова, и г. Коровкина, и многихъ другихъ того же разбора сочинителей. По нашему мнѣнію, не должно дорожить такими рукоплесканіями, такими вызовами, такою славою... Далѣе: не правы критики, называя родъ «драматическихъ представленій» г. Полеваго ложнымъ: ибо, прежде всего, это совсѣмъ не родъ, а такъ, Богъ знаетъ, что̀ такое... Еще: не правъ г. Полевой, почему-то почитая слово «коцебятина» неприличнымъ и извиняясь въ немъ передъ публи-

кою. Коцебятина—то же, что у Французовъ, напримѣръ, marivaudage: первое означаетъ родъ и характеръ драматическихъ піесъ Коцебу, второе—комедій Мариво. Наконецъ, не правы критики, утверждая, что г. Полевой обиралъ, въ своихъ «драматическихъ представленіяхъ», Шекспира, Гёте, Шиллера, Мольера, Вольтера, Дюма, В. Гюго, Озерова и г. Кукольника. Правда, въ любви Нино и Вероники (въ «Уголино»), г. Полевой сдѣлалъ пародію на «Ромео и Юлію» Шекспира; въ своей «Еленѣ Глинской», г. Полевой перепародировалъ «Макбета» Шекспира, и частію «Кенильворта» В. Скотта: но писать пародіи на великія созданія великихъ поэтовъ и обирать ихъ — это совсѣмъ не одно и то же; критики рѣшительно не правы въ этомъ случаѣ! Что касается до Мольера, г. Полевой передѣлалъ (и то съ кѣмъ-то вдвоемъ) «Malade imaginaire», и не думалъ скрывать этого; но передѣлка дѣло законное и ничего общаго съ литературнымъ обирательствомъ не имѣетъ. Что же касается до Гёте, Шиллера, Вольтера, Дюма, Гюго, Озерова и г. Кукольника,—то едва ли критики обвиняли г. Полеваго въ похищеніяхъ у этихъ писателей. Правда, г. Полевой иногда сталкивался съ г. Кукольникомъ въ нѣкоторыхъ театральныхъ эффектахъ, но это потому, что les beaux esprits se rencontrent...

Описавъ злонамѣренность критиковъ, г. Полевой говоритъ, что онъ «въ теченіи пяти лѣтъ, имѣлъ честь удостоиться за пятнадцать піесъ драгоцѣннаго ему одобренія зрителей петербургскихъ и московскихъ». Противъ этого мы не споримъ: здѣсь публика нашла по себѣ сочинителя, а сочинитель нашелъ по себѣ публику: обѣ стороны одна другою довольны, обѣ поняли одна другую—зрѣлище пріятное и умилительное! Двѣ только піесы заслужили осужденіе публики, «справедливое во всѣхъ отношеніяхъ», прибавляетъ г. Полевой съ рѣдкою въ нашъ развратный вѣкъ скромностію и безпристрастіемъ къ самому себѣ.

Такъ поступила со мною критика. Такъ поступила со мною публика. Чѣмъ рѣшить такое противорѣчіе?» Вопросъ глубокомысленный! Есть надъ чѣмъ поломать голову даже Парижской Академіи Наукъ! Что же касается до насъ,— не смѣемъ и думать, чтобъ нашихъ силъ стало на рѣшеніе вопроса такой важности.

Далѣе г. Полевой говоритъ, что собираетъ свои піесы вмѣстѣ въ ожиданіи окончательнаго приговора. «Критикамъ (прибавляетъ онъ) доставится средство осудить повальпо то, что они осуждали въ разбой». Каламбуръ! И еще какой— его стало бы на цѣлый водевиль!

Страшно, однакожь, какъ все измѣняется въ семъ треволненномъ мірѣ: г. Полевой, нѣкогда критикъ строгій, рѣзкій и для многихъ страшный, теперь такъ же скромно протестуетъ противъ неугомонности критиковъ, какъ нѣкогда, когда онъ самъ былъ критикомъ, множество сочинителей протестовало (и такъ же тщетно) противъ него. И неужели драматическіе труды князя Шаховскаго, каковы бы ни были они, ужь до такой степени ниже «Драматическихъ представленій» г. Полеваго?... А вѣдь едва ли кто о самомъ А. А. Орловѣ, или объ извѣстномъ знаменитомъ его соперникѣ, говорилъ такія вещи, какія въ старину говаривалъ г. Полевой о князѣ Шаховскомъ, по поводу его драматическихъ піесъ....

Интересно, какъ высказываетъ г. Полевой свое мнѣніе о собственныхъ «драматическихъ представленіяхъ»: это драгоцѣнныя черты для будущаго біографа г. Полеваго! «Мать семейства (говоритъ онъ) смѣло можетъ причислить мои драматическія сочиненія къ библіотекѣ своего семейнаго чтенія, и наградою моею будутъ ея слезы и ея улыбка» (стр. 17). Да правда, тысяча разъ правда! Тутъ и сама зависть къ славѣ г. Полеваго охотно согласится, что эта награда столько же принадлежитъ ему, какъ и Б. М. Ф(Ѳ)едорову.

Мать дочери велитъ его читать!

Лестная награда для великаго писателя!... Увы, этой награды не удостоились, изъ чужихъ: ни Гомеръ, ни Дантъ, ни Сервантесъ, ни Шекспиръ, ни Байронъ, ни многіе другіе, а изъ нашихъ: ни Пушкинъ, ни Гоголь, ни Лермонтовъ!...

Трудно было бы слѣдить за критическою оцѣнкою г. Полеваго собственныхъ его піесъ: замѣтимъ только, что «Параша» его любимая піеса, что день ея представленія былъ счастливѣйшимъ днемъ его жизни, что успѣхъ ея былъ необыкновенный, и что она послужила темою оперѣ г. Струйскаго, также заслужившей вниманіе знатоковъ...

Выписываемъ вполнѣ замѣтку г. Полеваго о «Солдатскомъ Сердцѣ»—она въ высшей степени замѣчательна:

„Солдатское сердце. Основаніе взято изъ событія жизни извѣстнаго литератора, Ѳ. В. Булгарина. Находясь въ военной службѣ и бывши въ Финляндіи, въ юности своей онъ спасъ несчастнаго, ложно обвиненнаго въ предательствѣ, и черезъ много лѣтъ потомъ имѣлъ наслажденіе слышать благодарность сына за сохраненіе жизни отца. По особеннымъ обстоятельствамъ, піеса моя была принята довольно холодно; но я печатаю ее, потому что *никакія частныя отношенія не сильны побудить мое убѣжденіе тамъ, гдѣ я по совѣсти считаю себя правымъ, если воздаю достойному достойное.*“

Итакъ, піеса г. Полеваго «Солдатское Сердце» трикраты замѣчательна: во первыхъ, тѣмъ, что сюжетъ ея сообщенъ сочинителю г. Булгаринымъ и г. Полевой написалъ ее по разсказу г. Булгарина; во вторыхъ, тѣмъ, что по особеннымъ обстоятельствамъ, она была довольно холодно принята; въ третьихъ, потому что никакія частныя отношенія не помѣшаютъ г. Полевому воздавать достойному достойное. Александръ Македонскій завидовалъ Ахиллу, что этотъ герой имѣлъ такого пѣвца своихъ подвиговъ, какъ Гомеръ: сколько же героевъ позавидуютъ теперь г. Булгарину!... А какая черта великодушія со стороны г. Полеваго это «Солдатское Сердце»! Никакія отношенія... слы-

шите ли: никакія отношенія? т. е. ни «писатели съ огороднымъ прозваніемъ», ни «квасники, самоучкою выучившіеся грамотѣ» *)!... Подлинно, когда два достойные сочинителя поймутъ другъ друга, то изъ гусака судиться не будутъ, какъ Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ, въ повѣсти Гоголя!...

Комедію «Мнимый Больной», водевили «Черезполосныя Владѣнія» и «Онъ за все платитъ», и комедію «Ужасный Незнакомецъ» г. Полевой печатать не хочетъ, и даже кается въ нихъ, какъ въ литературныхъ грѣхахъ. Онъ самъ говоритъ, что «Ужасный Незнакомецъ» ужасно хлопнулся при первомъ представленіи, и что «не все то годится на сцену, что̀ нравится въ чтеніи». Изъ этого видно, что г. Полевому «Ужасный Незнакомецъ» нравился въ чтеніи.

„Передѣлывая его для сцены (продолжаетъ г. Полевой), я полагалъ что піеска будетъ забавна, но увидѣлъ, что ничего безсвязнѣе и неуклюжѣе не можетъ быть. Сидя въ углу ложи, *обшиканный* авторъ, *философически* разрѣшалъ я (подлинно истинный философъ— вездѣ и во всякомъ случаѣ вѣренъ своему призванію!) задачу объ условіяхъ и требованіяхъ сцены, когда занавѣсъ опускался при общемъ весьма гармоническомъ шиканьи зрителей.—Послѣ того, мѣсяца черезъ два, написалъ я *Парашу Сибирячку*“.

Геніяльная черта — не смущаться паденіемъ и возставать послѣ него такъ высоко, что ужь и спрыгнуть впизъ страшно!...

А жаль, очень жаль, что г. Полевой не хочетъ печатать «Черезполосныхъ Владѣній», «Онъ за все платитъ» и «Ужаснаго Незнакомца«. Этакъ—чего добраго! — онъ пожалуй не напечатаетъ и «Комедіи о Войнѣ Ѳедосьи Сидоровны съ Китайцами». Мы вообще противъ неполныхъ изданій великихъ писателей, особенно противъ пропусковъ тѣхъ изъ ихъ сочиненій, которыя сами они, по авторской

*) См. ниже—„Литер. и Журнальныя Замѣтки“: *Русская Журналистика и Капустныя Кочерыжки*.

скромности, считали бездѣлками: ибо если въ бездѣлкахъ часто заговаривается писатель, то проговаривается человѣкъ... Говоря о «Трехъ Днякъ въ Двадцати Годахъ», мы сказали, что составляло нѣкогда пафосъ (страсть духа) г. Полеваго: такъ любопытно же будетъ потомству знать, въ чемъ потомъ заключался пафосъ сочиненій г. Полеваго, чтобъ тѣмъ легче могло оно сравнить, чѣмъ онъ былъ прежде и чѣмъ сталъ послѣ... Въ бездѣлкахъ писатель искреннѣе, больше на распашку, больше человѣкъ, тогда какъ въ сочиненіяхъ, которыя онъ считаетъ важными, онъ словно въ мундирѣ, весь — осторожность... Впрочемъ, «Комедія о войнѣ Ѳедосьи Сидоровны съ Китайцами» совсѣмъ не бездѣлка: это рѣшительно самое поэтическое, самое національное и самое патріотическое произведеніе г. Полеваго. Напечатайте его, г. Полевой, непремѣнно напечатайте—а мы ужъ приложимъ стараніе—разберемъ...

ЛЮБОВЬ МУЗЫКАНТА. *Романъ Андрея Ярославцова. Спб. 1842. Въ трехъ частяхъ.*

Съ недавняго времени, въ русской литературѣ образовался особенный родъ романовъ, имѣющій свои внѣшнія и внутреннія отличія. Это обыкновенно романы отъ одной до трехъ частей, тощенькихъ, въ двѣнадцатую долю листа, рѣдко въ цвѣтной оберткѣ, но большею частію въ бѣлой—символъ ихъ невинности и чистоты; печатаются они въ типографіяхъ средней руки, ни въ слишкомъ хорошихъ, ни въ слишкомъ дурныхъ; вообще издаются скромно, довольно опрятно и никогда красиво или роскошно. А внутреннія отличія ихъ—слѣдующія. Герой всегда человѣкъ необыкновенный, бѣдный, талантливый, возвышенный духомъ, обуреваемый страстями и непонимаемый презрѣнною тол-

пою, потому именно непонимаемый, что говоритъ всегда такъ вычурно, кудряво, высоко, что толпа, по своему невѣжеству, всегда слушаетъ его, какъ помѣшаннаго, дивясь, въ простотѣ своей, почему онъ не въ домѣ сумасшедшихъ— этомъ благодѣтельномъ заведеніи для всѣхъ романическихъ героевъ... Героиня всегда или дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, или дочь богатыхъ, но жестокосердныхъ родителей; любитъ читать книжки, пѣть новые романсы, мечтать при лунѣ и выражать свои чувства, страсти и мысли такимъ языкомъ, какого, кромѣ этого рода романовъ, да развѣ еще вышепомятутаго благодѣтельнаго заведенія, нигдѣ не услышишь. У героя обыкновенно есть другъ, которому онъ повѣряетъ бурю страстей своихъ и завѣтныя думы сердца; обыкновенно бываетъ такъ, что герой серьёзенъ, а другъ его легкаго и веселаго характера, надъ всѣмъ шутитъ и отличается тѣмъ милымъ, игривымъ остроуміемъ, которое составляетъ неотъемлемую собственность юныхъ чиновниковъ. Фамиліи дѣйствующихъ лицъ всегда самыя романическія: Славины, Гремины, Альмскіе, Лирины, Звонскіе, Свѣтины, Лидины и т. д. Это впрочемъ, ихъ парадныя имена; но въ романѣ, и авторъ и они сами называютъ себя просто по-пріятельски: Ипполитъ, Платонъ, Валеріанъ, Александръ, Владиміръ и проч. Героини всегда называются не по фамиліямъ, а по именамъ, какъ у иностранцевъ: Марія, Александрина, Лидія, Елизавета, и проч. Такъ называютъ ихъ и сочинители романовъ и представляемые въ этихъ романахъ интересные молодые люди, даже на балахъ, даже не будучи съ ними хорошо знакомы. А эти господа, т. е. сочинители такихъ романовъ, и сами знаютъ, что такое обращеніе совсѣмъ не въ правахъ русскаго общества; что у насъ дамъ называютъ или по фамиліи, — съ прибавленіемъ французскаго madame и mademoiselle, или, и это большею частію,—по имени и по отчеству; что у насъ нѣтъ именъ Марія и Александрина, а есть Марья и Алек-

сандра, разумѣется, Ивановна, Петровна или иначе какънибудь; но этого уже требуетъ характеръ романическаго слога, такъ же, какъ вмѣсто щекъ, лба, глазъ, всегда писать ланиты, чело и очи. Вообще, эти господа убѣждены, что чѣмъ меньше романъ будетъ выражать дѣйствительную жизнь, тѣмъ больше онъ—романъ, и надо сказать правду, что эти господа владѣютъ необыкновеннымъ талантомъ представлять въ своихъ сочиненіяхъ такую жизнь, такое общество и такихъ людей, которыхъ тщетно вы стали бы искать въ семъ подлунномъ мірѣ. Особенно сильны эти господа въ изображеніи высшаго общества и большаго свѣта: ихъ графы, князья, графини, княгини, баронессы, словомъ знатные господа и знатныя дамы отличаются такою тонкостію обращенія, такимъ остроуміемъ, о какихъ, можно сказать рѣшительно, и понятія не имѣютъ люди того большаго свѣта, который существуетъ не въ романахъ, а въ дѣйствительности. Ко всему этому надо прибавить, что романы, о которыхъ мы говоримъ, любятъ щегольнуть французскою фразою, ловко ввертывая въ разговоръ слова mon chér, mon ami, ma chére, quelle heure est-il и т. п. Это обыкновенно дѣлается для показанія самой отчаянной свѣтскости, и не всегда съ соблюденіемъ орѳографіи.

«Любовь Музыканта» отличается отъ всѣхъ другихъ романовъ этой категоріи тѣмъ, что его дѣйствіе происходитъ въ Петербургѣ на Васильевскомъ-острову, и что онъ написанъ тоже на Васильевскомъ-острову. Это ясно значится въ посвященіи... Къ немалому отличію принадлежитъ еще и то, что почти всѣ его герои и героини — Нѣмцы Васильевскаго-острова. Это придаетъ роману особенный интересъ: извѣстно, что Нѣмцы, особенно живущіе на Васильевскомъ-острову, народъ пламенный, идеальный, хотя съ виду и весьма тихій, и даже холодный.

СТИХОТВОРЕНІЯ ВЛАДИМІРА БЕНЕДИКТОВА.

Первая книга. Спб. 1842.

Это второе изданіе первой части стихотвореній г. Бенедиктова. Первое появилось въ 1835 году; въ 1838 году, г. Бенедиктовъ издалъ вторую часть своихъ стихотвореній, и такъ какъ первая тогда же разошлась, а вторая и до сихъ поръ не разошлась, то г. Бенедиктовъ издалъ теперь первую часть вновь, приноровивъ форматъ, печать, бумагу и обертку къ формату, бумагѣ и оберткѣ второй части.

О достоинствѣ и значеніи поэзіи г. Бенедиктова споръ уже конченъ; самые почитатели его согласятся, что онъ то же самое въ стихахъ, что̀ Марлинскій въ прозѣ. Подражать тому и другому невозможно: оба они, и г. Бенедиктовъ и Марлинскій, оригинальны и самобытны даже въ самыхъ недостаткахъ своихъ. Точно такъ же, какъ геніяльные, великіе поэты выражаютъ своими твореніями крайность какой-нибудь дѣйствительной стороны искусства, или жизни, — такъ они геніяльно выразили, одинъ въ стихахъ, другой въ прозѣ, крайность внѣшняго блеска и кажущейся силы искусства, чуждой дѣйствительнаго содержанія, а слѣдовательно и дѣйствительной жизненности. Отсюда проистекаютъ эти блестящіе, пестрые, узорочные миражи образовъ, столь обольстительные для неопытныхъ глазъ, поражающихся одною внѣшностію; отсюда же проистекаетъ и эта кажущаяся сила страстей и чувствъ, эта кажущаяся оригинальность и яркость идей, и эта дѣйствительная изысканность выраженія, доходящая иногда до уродливости и чудовищности. На Руси есть нѣсколько поэтовъ, въ произведеніяхъ которыхъ больше чувства, души и изящества, чѣмъ въ произведеніяхъ г. Бенедиктова; но эти поэты не произвели и никогда не произведутъ на публику и въ половину такого впечатлѣнія, какое произвелъ г. Бенедиктовъ. И публика, въ этомъ случаѣ, совершенно права: тѣ поэты

незначительны въ той сферѣ искусства, къ которой они принадлежатъ: они заслоняются въ ней высшими поэтами той же сферы; а г. Бенедиктовъ самъ великъ въ той сферѣ искусства, къ которой принадлежитъ, и потому никому не подражая, имѣетъ толпу подражателей. Объяснимъ это сравненіемъ. Китайская живопись, какъ все китайское, уродлива и ложна; но картина геніяльнаго китайскаго живописца (если только могутъ быть геніяльные китайскіе живописцы) сильнѣе поразитъ вниманіе зрителей, чѣмъ европейская картина обыкновеннаго таланта. Вообще должно замѣтить, что поэты, подобные Марлинскому и гг. Бенедиктову, Языкову, Хомякову, очень полезны для эстетическаго развитія общества. Эстетическое чувство развивается чрезъ сравненіе и требуетъ образцовъ даже уклоненія искусства отъ настоящаго пути, образцовъ ложнаго вкуса и, разумѣется, образцовъ отличныхъ. Поэты, которымъ суждено выражать эту сторону искусства, тщетно стали бы пытаться въ другой какой-нибудь сторонѣ искусства; особенно, для нихъ недостижима цѣломудренная и возвышенная простота. Вотъ почему они держатся однажды принятаго направленія. И хорошо дѣлаютъ: будучи вѣрны ему, они всегда будутъ блестѣть, всегда будутъ имѣть свою толпу почитателей, и какъ теорія, такъ и исторія искусства, всегда будутъ, въ нужныхъ случаяхъ, ссылаться на нихъ, какъ на авторитеты въ извѣстныхъ вопросахъ науки изящнаго,—тогда какъ ни та, ни другая и знать не хочетъ обыкновенныхъ талантовъ въ сферѣ истиннаго искусства.

Стихотворенія г. Бенедиктова имѣли особенный успѣхъ въ Петербургѣ, успѣхъ, можно сказать, народный,—такой же, какой Пушкинъ имѣлъ въ Россіи: разница только въ продолжительности, но не въ силѣ. И это очень легко объясняется тѣмъ, что поэзія г. Бенедиктова не поэзія природы, или исторіи, или народа,—а поэзія среднихъ круж-

ковъ бюрократическаго народонаселенія Петербурга. Она вполнѣ выразила ихъ, съ ихъ любовью и любезностію, съ ихъ балами и свѣтскостію, съ ихъ чувствами и понятіями, — словомъ, со всѣми ихъ особенностями, и выразила простодушно-восторженно, безъ всякой ироніи, безъ всякой скрытой мысли. Сколько юныхъ чиновниковъ и теперь еще помнитъ наизустъ, напримѣръ, это стихотвореніе «Напоминаніе».

Нина, помнишь ли мгновенья,
Какъ пѣвецъ усердный твой,
Весь исполненный волненья,
Очарованный тобой,
Въ шумной залѣ и въ гостиной
Взоръ твой дѣвственно-невинной
Взоромъ огненнымъ ловилъ,—
Иль *мечтательно* къ окошку
Прислонясь, *летучую*-ножку
Тайной думою слѣдилъ,
Иль влекомъ мечтою сладкой,
Въ шумѣ общества, украдкой
Въ слѣдъ за Ниною своей
Отъ *людей* бѣжалъ къ *безлюдью*
Съ переполненною грудью,
Съ острымъ пламенемъ рѣчей;
Какъ вносилъ я въ вихрь круженья
Предъ завистливой толпой
Станъ твой, полный обольщенья,
На ладони огневой,
И рука моя лѣниво
Отдѣлялась *отъ огней*
Безконечно прихотливой
Дивной таліи твоей;
И когда ты утомлялась
И садилась отдохнуть,
Окіаномъ мнѣ являлась
Нѣгой зыблемая грудь,—
И на этомъ океанѣ,
Въ пѣнѣ млечной бѣлизны,
Черезъ дымку, *какъ въ туманѣ*,

Рисовались двѣ волны?—
То угрюмъ, то бурно веселъ,
Я стоялъ у пышныхъ креселъ,
Гдѣ покопласи ты,
И прерывистою рѣчью,
Къ твоему склонясь *заплечью*,
Проливалъ мои *мечты*:
Ты внимала мнѣ привѣтно,
А шалунъ главы твоей—
Русый локонъ незамѣтно
По щекѣ скользилъ моей...
Нина помнишь тѣ мгновенья,—
Или времени потокъ
Въ море хладнаго забвенья
Все завѣтное увлекъ?

Врядъ ли кто не согласится, что эта Нина совершенно безцвѣтное лицо, настоящая чиновница, и что во всемъ этомъ воспоминаніи поэта нѣтъ ничего вѣющаго музыкой души и чувства... Но эта безсердечность, этотъ холодный блескъ, при изысканности и неточности выраженія, кажется истинною поэзіею «львамъ» и «львицамъ» средней руки...

Какъ человѣкъ съ дарованіемъ, г. Бенедиктовъ не лишенъ ни вдохновенія, ни чувства, ни фантазіи; но его вдохновеніе, чувство и фантазія лишены дѣйствительной почвы, которая давала бы имъ жизненное питаніе; оттого, они натянуты, неестественны и приводятъ читателя въ какое-то напряженное состояніе, какъ при тяжелой работѣ. Впрочемъ, мѣстами, хотя и рѣдко, у г. Бенедиктова проблескиваютъ истинно-поэтическіе образы, проглядываетъ чувство искреннее и задушевное, какъ, напримѣръ, въ этихъ прекрасныхъ стихахъ:

Я помню приволье широкихъ дубравъ;
Я помню край дикій. Тамъ въ годы забавъ,
Невинной безпечности полный,
Я видѣлъ—синѣлась, шумѣла вода,
Далеко, далеко, не знаю куда,
Катились все волны, да волны.

Я отрокомъ часто на брегѣ стоялъ,
Безъ мысли, но съ чувствомъ на влагу взиралъ,
И всплески мнѣ ноги лобзали,
Вдали безконечной виднѣлись лѣса;—
Туда мнѣ хотѣлось: у нихъ небеса
На самыхъ вершинахъ лежали...

ТАИНСТВЕННЫЙ МОНАХЪ (,) *или нѣкоторыя черты изъ жизни Петра I. Историческій романъ. Въ трехъ частяхъ. (Второе изданіе). Спб. 1842.*

Всѣ существующія въ свѣтѣ «нѣкоторыя черты» принадлежатъ неутомимому петербургскому сочинителю, г. Р. Зотову: г. Р. Зотовъ не напишетъ ни одного романа безъ «нѣкоторыхъ чертъ». Въ «нѣкоторыхъ чертахъ» онъ изобразилъ даже Наполеона: его чудотворной кисти подъ силу всякая историческая личность, какъ бы ни была она громадна; а чудотворная кисть его пишетъ проворно, ярко, не жалѣетъ ни бакана, ни сурика, ни яри венеціянской, ни синьки; оттого у него изображенія выходятъ чудесныя. Нашъ живописецъ не любитъ тѣней: онъ обводитъ глаза и носы у своихъ фигуръ черными полосками, какъ дѣлаютъ китайскіе живописцы. Къ недостаткамъ его живописи можно отнести то, что головы, руки и ноги у фигуръ его какъ-будто были отбиты, а потомъ вновь приставлены съ помощію гвоздей и клея; но это-то и нравится той публикѣ, для которой изготовляются такія картины. Прихотливая не менѣе всякой другой, эта публика тоже непремѣнно хочетъ исторической живописи: хоть на лубкѣ, хоть помѣломъ, а нарисуй ей Наполеона! Таковъ духъ нашего историческаго вѣка! Г. Р. Зотовъ удивительно вѣрно понялъ этотъ духъ: всѣ романы этого плодовитаго сочинителя — историческіе, съ «нѣкоторыми чертами». Его публика довольна имъ какъ нельзя больше. Не будемъ разбирать его романа: вѣдь онъ

пишетъ не для насъ и не для нашей публики, а для себя и для своей публики. Зачѣмъ поселять недовѣрчивость въ этой публикѣ къ таланту ея любимаго сочинителя! Пусть онъ пишетъ, а она читаетъ: занятія невинныя и даже полезныя для публики — въ отношеніи образованія ума и сердца, и особенно знанія «нѣкоторыхъ чертъ», которыхъ она, добрая публика, не имѣла случая узнать даже изъ исторіи г. Кайданова...

III.

ЖУРНАЛЬНАЯ ВСЯЧИНА.

ПЕДАНТЪ.

(Литературный типъ).

Всѣмъ ученымъ и образованнымъ людямъ вѣдомо, что словесность, т.-е. литература, должна имѣть цѣлію — поучать, услаждая. Покойный Мерзляковъ, великій знатокъ и учитель по части изящнаго, даже перевелъ (и прекрасно), кажется, изъ Тасса, чудесные стишки на этотъ счетъ:

Такъ врачъ болящаго младенца ко устамъ
Несетъ фіалъ, сластьми упитанъ по краямъ;
Счастливецъ обольщенъ, пьетъ горькое цѣленье,
Обманъ ему далъ жизнь, обманъ ему спасенье!

Другими словами: литература есть искусство «золотить пилюли». Мораль—дѣло хорошее, спору нѣтъ, но и скучное, горькое — противъ чего опять никто спорить не будетъ; слѣдовательно, надо же ее подслащать, разсыпать, чтобъ она достигала своей цѣли, т.-е. исправляла нравы, дѣлала дурака умнымъ, пьяницу трезвымъ, взяточника и казнокрада—безкорыстнымъ, бездарнаго писаку отучала отъ пера, ябедника и клеветника отъ ложныхъ доносовъ...

Далѣе, всей просвѣщенной Европѣ извѣстно, что «идеалъ» есть не что иное, какъ собраніе въ одну фигуру разныхъ чертъ, разбросанныхъ въ природѣ и дѣйствительности—а отнюдь не сама дѣйствительность въ возможности. Творчества тутъ не нужно: хотите изобразить красавицу—приглядывайтесь ко всѣмъ красавицамъ, которыхъ имѣете

случай видѣть; у одной срисуйте носъ, у другой глаза, у третьей губы и т. д.—такимъ образомъ вы нарисуете красавицу, лучше которой уже нельзя и вообразить.

Я нахожу оба эти опредѣленія—«литературы» и «идеала»—чрезвычайно основательными и вѣрю имъ безусловно. Особенно хороши они тѣмъ, что, во первыхъ, избавляютъ автора отъ необходимости имѣть талантъ и фантазію, а во вторыхъ, уничтожаютъ возможность писать такія изображенія, въ которыхъ всякій, ктобъ ни былъ, могъ узнать себя и, вслѣдствіе этого, жаловаться на личности...

Само собою разумѣется, что этотъ взглядъ на «литературу» и «идеалы» особенно удобенъ для «типовъ» въ родѣ тѣхъ, которые теперь извѣстны подъ именемъ «Нашихъ». Гоголь сказалъ великую правду, что «у насъ если скажешь объ одномъ коллежскомъ ассесорѣ, то всѣ коллежскіе ассесоры, отъ Риги до Камчатки, непремѣнно пріймутъ на свой счетъ». Поэтому, я нахожу гораздо приличнѣе и удобнѣе изображать такіе типы, которыхъ совсѣмъ нѣтъ въ дѣйствительности, но которые были бы очень смѣшны: чрезъ это авторъ достигнетъ двухъ цѣлей разомъ — доставитъ удовольствіе своимъ читателямъ и никого не обидитъ.

Вотъ причины, которыя заставили меня взяться за перо, которое давно уже было мною забыто, и попытаться сдѣлать очеркъ одного изъ такихъ педантовъ, которыхъ нѣтъ и быть не можетъ, но которые могутъ существовать въ праздномъ воображеніи человѣка, подобно мнѣ имѣющаго свободное время для бумагомаранія. Если мой педантъ не разсмѣшитъ васъ и не доставитъ вамъ удовольствія—это обнаружитъ только мое неумѣнье и мою безталантность. Я нарочно взялъ предметъ для типа изъ такой сферы, которая у насъ не представляетъ собою ни сословія, ни касты. Всѣ эти мои оговорки проистекаютъ изъ роковаго предчувствія, что мой типъ, вмѣсто улыбки, возбудитъ въ васъ зѣвоту, вмѣсто того, чтобъ разсмѣшить, усыпитъ

васъ; ибо—признаюсь вамъ, я не слишкомъ-то полагаюсь на свой талантъ по части типовъ... «Такъ зачѣмъ же беретесь?» скажете вы. Во первыхъ, хочется попробовать—«авось-либо»—великое слово для русскаго человѣка, который многое дѣлаетъ на «авось»; потомъ, неотвязчивыя просьбы пріятелей: «вы-де знаете педантовъ и можете ихъ изобразить; теперь-де типы въ модѣ, «наши» въ ходу; да кто вамъ сказалъ, что вы не можете? вы человѣкъ съ дарованіемъ»... Что будешь дѣлать! Вы не знаете, что это за народъ—мои пріятели! Какъ пристанутъ—непремѣнно уговорятъ; станутъ вамъ доказывать, что вы человѣкъ съ дарованіемъ—право, сочините романъ, хотя бы всю жизнь занимались математикою, или сельскимъ хозяйствомъ... Ну, что́ ни будетъ—начинаю и, для успокоенія крѣпко біющагося сердца, прошу васъ еще замѣтить, что это не типъ собственно, а скорѣе очеркъ, или проэктъ для типа...

Не воображайте себѣ моего педанта человѣкомъ старымъ, сѣдымъ, беззубымъ, добрымъ и глупымъ, обожателемъ Хераскова, поклонникомъ Сумарокова, послѣдователемъ философіи Баумейстера, піитики Аполлоса и риторики г. Толмачева: то педантъ добраго стараго времени, педантъ покойникъ,—миръ праху его! Нѣтъ, я хочу вырѣзать вамъ силуетъ педанта новѣйшихъ временъ, педанта романтика, который такъ молодъ, что еще и не родился на свѣтъ; такъ вамъ знакомъ, что вы не повѣрите мнѣ, чтобъ его можно было найдти и на лупѣ, не только на землѣ. Но если ужь болтать, то надо болтать обстоятельно, дѣлая видъ, что говоришь правду: въ этомъ-то и все смѣшное моего типа... Мой педантъ—сынъ бѣдныхъ, но благородныхъ родителей. Не претендуя на богатство, онъ претендуетъ на знатность рода. Зовутъ моего педанта: Ліодоръ Ипполитовичъ Картофелинъ. Росту онъ весьма небольшаго; въ молодости былъ сухощавъ и тщедушенъ, а теперь довольно осанистъ и имѣетъ брюшко, нѣсколько четвероугольное и похожее на

фоліантъ. Еслибъ не досада на успѣхи другихъ и на свои собственныя неудачи увѣрить свѣтъ въ своей геніяльности, мой педантъ былъ бы такъ толстъ, что, при малости роста, походилъ бы на огромное in-quarto. Глаза у него сѣрые, а волосы средніе между русыми и рыжеватыми; на правой щекѣ бородавка съ довольно длинною косичкою. Не помню, когда онъ родился; знаю, что въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія, когда всѣ журналы наши превратились въ толки о классицизмѣ и романтизмѣ, Картофелинъ воспитывался въ единственномъ пансіонѣ губернскаго города, въ которомъ родился. Пансіонъ содержался обрусѣвшимъ Нѣмцемъ—назовемъ его хоть Гофратомъ (я слышалъ, что всѣ Нѣмцы—гофраты). Картофелинъ обнаруживалъ блестящія способности, и былъ первымъ ученикомъ по всѣмъ предметамъ, особенно по части россійской словесности. Прилежаніе его было примѣрно; поведеніе соотвѣтствовало прилежанію. На торжественныхъ актахъ онъ всегда говорилъ передъ публикою рѣчи и стихи, въ низшихъ классахъ — сочиненія своихъ учителей, а въ высшихъ — собственнаго издѣлія. Онъ первый подбилъ товарищей издавать журналъ, разумѣется, писанный, и каждую недѣлю по рукамъ мальчиковъ ходила чисто и аккуратно переписанная рукою Картофелина тетрадка, подъ названіемъ «Сѣверная Флора, № такой-то». Тетрадка почти вся состояла изъ сочиненій Картофелина, или Безбрежина, какъ онъ называлъ себя на романтическомъ языкѣ: тутъ были стихи, повѣсти, критика и смѣсь. Стихи и критика всегда были сочиненія Ліодора Безбрежина: онъ объявилъ себя монополистомъ этихъ двухъ отдѣленій. Г. Гофратъ чуть не плакалъ отъ умиленія при видѣ успѣховъ и всеобъемлющей дѣятельности свѣтила своего пансіона: послѣ каждаго новаго романтическаго стихотворенія, онъ бралъ Картофелина за уши, слегка приподнималъ и нѣжно цѣловалъ въ голову. Всѣ ученики смотрѣли на него, какъ на генія; а учитель

словесности, учившійся нѣкогда по Бургію и, слѣдовательно классикъ по неволѣ, даже побаивался его. Обременепный лаврами, мой Картофелинъ, сей внукъ (увы, не послѣдній! Василія Кирилловича Тредіаковскаго, пріѣхалъ въ одну изъ столицъ нашихъ, — положимъ въ Москву. Не помню, что онъ дѣлалъ нѣсколько лѣтъ; но вотъ онъ является учителемъ «россійской словесности»... Да, я непремѣнно хочу сдѣлать моего педанта учителемъ словесности: знаменитый дѣдъ всѣхъ педантовъ, Василій Кирилловичъ Тредіаковскій, былъ «профессоромъ элоквенціи, а паче всего хитростей піитическихъ»: одной этой причины уже слишкомъ достаточно, чтобъ я сдѣлалъ моего педанта учителемъ «россійской словесности»; сверхъ того, я убѣжденъ отъ всей души, что никакое званіе такъ не идетъ къ педанту, какъ званіе учителя «россійской словесности». Да, эта «россійская словесность» преимущественно сподручна для шарлатановъ и педантовъ: въ нее можно класть что́ угодно, и оттуда можно вынимать какія угодно теоріи, безъ опасенія заплатить пошлину за болтовню. Я не хочу этимъ сказать, чтобъ всякій учитель словесности былъ педантъ—смѣшно и странно было бы питать такую исключительную и ложную мысль! Хорошіе и достойные люди есть вездѣ. Я хочу только сказать, что педантъ непремѣнно долженъ быть учителемъ россійской словесности.

Но мой педантъ не ограничился однимъ учительствомъ: онъ, какъ и слѣдовало ожидать, пустился въ литературу. Всѣ альманахи и журналы были наполнены его стихами. Стихи были гладки, но тяжелы; полны мыслей, — но эти мысли отзывались чѣмъ-то напряженнымъ, изысканнымъ и дикимъ, такъ что снутри походили на совершенную безсмыслицу — не только безсмыслицу, а снаружи казались чрезвычайно глубокими и возвышенными. Хотя толпа болѣе видитъ снаружи, чѣмъ снутри, однако она не читала стиховъ Картофелина, и осталась при одномъ уваженіи къ

нимъ. Въ то время, одинъ ловкій промышленникъ основалъ журналъ, который, по его плану, долженъ былъ отличаться добросовѣстностью, ученостію и безкорыстіемъ. Послѣдняя статья касалась исключительно однихъ сотрудниковъ; издатель же имѣлъ о ней свое понятіе, которое не почиталъ нужнымъ объяснять во всеуслышаніе. Хитрый антрепренёръ тотчасъ смекнулъ, что за птица Картофелинъ. Онъ понялъ, что этотъ чернильный витязь готовъ трудиться до кроваваго поту изъ одной «славы», изъ одного удовольствія каждый день пересчитывать сколько новыхъ строкъ прибавилось у него къ числу уже написанныхъ: чистое и благородное удовольствіе всѣхъ педантовъ! О, педантъ похожъ въ этомъ отношеніи на скрягу, который, отходя ко сну, пересчитываетъ, сколько рублей и копѣекъ прибыло у него съ утра... Журналистъ не ошибся; Картофелинъ оказался для него золотымъ человѣкомъ: онъ взвалилъ на себя всю работу, а разживу предоставилъ хозяину, который, впрочемъ, почелъ нужнымъ, изъ приличія, увѣрить его, что небольшія выгоды отъ журнала онъ употребляетъ на изданіе полезныхъ книгъ и вспомоществованіе бѣднымъ людямъ, а самъ питается безкорыстною любовію къ наукѣ и высокими мыслями. Добродушный педантъ повѣрилъ: онъ былъ столько же безкорыстенъ, честенъ и довѣрчивъ, сколько и опрометчивъ... И это нисколько не удивительно: ограниченность такъ часто соединяется съ добродушною честностью—по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока не раздразнятъ, умышленно, или неумышленно, ея мелкаго самолюбія...

Но вотъ что многимъ можетъ показаться невѣроятнымъ: прозаическими статьями своими Картофелинъ обратилъ на себя общее вниманіе, какъ человѣкъ со вкусомъ, умомъ и дарованіемъ,—и я долженъ сознаться, что такое мнѣніе о Картофелинѣ было только преувеличено, но въ основаніи не совсѣмъ несправедливо. Мой педантъ — изволите

видѣть — дѣйствительно не безъ ума и не безъ способностей; онъ только ограниченъ, но не глупъ, только мелочно-самолюбивъ, но не бездаренъ; послѣднія достоинства онъ, въ качествѣ педанта, долженъ пріобрѣсти въ послѣдствіи, когда мелкое самолюбіе его, въ союзѣ съ лѣтами, задавитъ въ немъ то немногое, что́ дала ему природа. Притомъ же, обстоятельства времени много способствовали Картофелину прослыть даже геніемъ — по крайней мѣрѣ, въ кругу своихъ пріятелей и товарищей по́ пансіону — сотрудниковъ рукописной «Сѣверной Флоры»: педанты прежнихъ временъ тащились по избитой колеѣ Баттё и Лагарповъ, а мой Картофелинъ принялся за нѣмечину. Малой онъ былъ работящій, прилежный; память у него была здоровая; нѣмецкому языку онъ былъ выученъ еще въ дѣтствѣ. Я увѣренъ, что—по инстинкту, онъ выбралъ бы своими героями Клопштока и Николаи, но слава Гёте и Шиллера тогда была уже во всемъ своемъ колоссальномъ величіи, а Шлегелей тогда еще считали великими людьми: — такъ ему, знаете, при готовыхъ понятіяхъ, чужимъ умомъ и при фразистомъ языкѣ не трудно было показаться не тѣмъ, что́ онъ есть... Притомъ же, въ молодости, всякій человѣкъ живѣе, а слѣдственно, и умнѣе, чѣмъ въ старости, и по инстинкту отстаиваетъ новое противъ стараго... Впрочемъ, и тогда уже многіе замѣчали въ слогѣ Картофелина что то пухлое, дряблое, какую-то искусственную простоту и натянутую оригинальность, что-то отзывающееся солодковымъ корнемъ и сытою... И эти люди не ошиблись, какъ увидимъ ниже.

Вотъ поѣхалъ мой педантъ за границу — вы думаете, въ Германію?—Я самъ то же думалъ сперва, но моя фантазія велитъ мнѣ послать его въ страну филологовъ и комментаторовъ, гдѣ на каждый стихъ великаго поэта написано по сту тысячь томовъ объясненій и примѣчаній.

Не знаю, что онъ тамъ дѣлалъ цѣлыя семь лѣтъ, но знаю, что присылалъ оттуда предикія стихотворенія.

Наконецъ, мой Картофелинъ возвращается въ любезное отечество... Боже мой, какъ онъ перемѣнился! Поѣхалъ молодымъ литераторомъ, котораго настоящую цѣну не многіе понимали, а воротился педантомъ, котораго значеніе уже всѣмъ ясно... Сѣмена принесли плоды, и натура сказалась... Начнемъ съ того, что онъ пріѣхалъ съ брюшкомъ—доказательство, что онъ страдалъ о судьбѣ человѣчества въ своихъ стишонкахъ... Натянутая важность лица, при смѣшной фигурѣ и кругломъ брюшкѣ, сдѣлала его похожимъ на лягушку, которая, въ баснѣ Езопа, хочетъ раздуться въ вола. Самолюбіе его дѣйствительно раздулось, какъ прыщъ: страшно и гадко прикоснуться къ нему. Общество педантъ сталъ принимать за свое училище, салонъ за аудиторію, свѣтскихъ людей—за школьниковъ: говоритъ все свысока, словно лекцію читаетъ, и если кто не слушаетъ его съ благоговѣніемъ, на тѣхъ смотритъ онъ презрительно, и если кто заговоритъ, хотя бы на противоположномъ концѣ залы, онъ посмотритъ на того, какъ Юпитеръ олимпійскій —съ гнѣвомъ и помаваніемъ бровей... Любимый разсказъ его о томъ, какъ онъ ходилъ, въ Парижѣ, на поклоненіе къ великому романисту. Въ Германіи педантъ былъ проѣздомъ; она ему не понравилась. «Нѣмцы — говорилъ онъ — раздружились въ своей отвлеченности, съ жизнію; они презираютъ величайшую изъ наукъ—филологію; они предпочитаютъ ей философію, это буйное обожествленіе разума... Я былъ въ Берлинѣ,— и мой бѣдный черепъ трещалъ отъ мудреныхъ вещей, которыя слышалъ я въ тамошнемъ университетѣ... Нѣмцы забыли великаго Бахмана и предпочитаютъ ему сухаго, отвлеченнаго, схоластическаго Гегеля, этого Андрамелеха новѣйшей философіи»... Педантъ мой говоритъ голосомъ важнымъ, протяжнымъ и тихимъ, нѣсколько переходящимъ въ

фистулу, какъ-будто отъ изнурительной полноты ощущеній въ пустой груди, какъ-будто бы отъ изнеможенія вслѣдствіе частой декламаціи ex-officio. Въ школу онъ приноситъ съ собою графинъ сахарной воды, которою запиваетъ почти каждую свою фразу... И вотъ, въ порывѣ моего «типическаго» вдохновенія, мнѣ кажется, что я вижу его на учительскомъ стулѣ, возсѣдающаго съ приличной важностію, слышу его чахоточный голосъ, безпрестанно прерывающійся отъ полноты педантическаго самодовольствія и хлебковъ сахарной воды: «Милостивые государи! я былъ тамъ и тамъ, а вы не были; но это ничего: послѣ того, что́ я разскажу вамъ о тѣхъ странахъ—вамъ покажется, что вы сами тамъ были... Нѣмцы вздумали мирить философію съ жизнію—они воображаютъ, что можно эту цвѣтущую жизнь сдѣлать содержаніемъ бездушныхъ логическихъ формулъ... Нѣмцы не любятъ буквы... а я, господа, я—признаюсь—люблю букву... Вотъ я было вздумалъ прочесть эстетику Гегеля, но принужденъ былъ бросить ее подъ столъ: помилуйте, господа, вѣдь книги пишутся для удовольствія, а не для ломанія головы»..... Литературы педантъ, конечно, не оставилъ; но его дѣятельность уже измѣнилась: о Нѣмцахъ и нѣмецкомъ онъ уже — ни слова... Слогъ его сталъ дикъ до послѣдней степени. Желая поднять до седьмаго неба повѣсти своего пріятеля, онъ говоритъ, что его пріятель выдвинулъ всѣ ящики въ многосложномъ бюро человѣческаго сердца... Начиная восхищаться родиною, онъ дѣлаетъ вопросы, въ родѣ слѣдующихъ: «что, еслибы наша Волга, забравъ съ собою Оку и Каму, да соединившись съ Леною, Енисеемъ, Обью и Днѣпромъ, взлѣзла на Альпы, да оттуда—ууууу! на всѣ концы Европы; куда бы дѣвались всѣ эти Французишки, Нѣмчура?»... Не правда ли, подобные вопросы приличны только или, пенданту, или крестьянскому мальчику, который говоритъ: «а что, тятя, колибъ нашъ чалый меринъ-то сдѣлался бурою коровою—

вѣдь мама молочка еще бы дала мнѣ?... Вы смѣетесь, читатели? моя выходка вамъ кажется фарсомъ, плоскою шуткою? Смѣйтесь, а я стою на томъ, что педантъ еще и не то въ состояніи написать. Вѣдь я васъ предупредилъ, что пишу выдумку, игру моей досужей фантазіи, а не списываю рабски съ дѣйствительности: такъ не мѣшайте же мнѣ выдумывать. Итакъ, я увѣренъ, что мой педантъ слова не скажетъ въ простотѣ — все съ ужимкой: напримѣръ, вмѣсто того, чтобъ сказать, что Петербургъ построенъ на ровномъ мѣстѣ, онъ скажетъ, что ровная гладь подкатилась подъ огромные дома графа Петрова... и пр. и пр.

Воротившись изъ-за границы, мой педантъ перемѣнился и въ другомъ отношеніи: бывало, онъ вздыхалъ въ стишонкахъ о лунѣ и дѣвѣ, горевалъ о какой-то разрозненной съ нимъ волнѣ; а теперь очень прозаически, но за то выгодно и тепло пристроился и зажилъ филистеромъ. Ужь не знаю, отъ этого ли, или отъ долговременнаго пребыванія за границею, только мой педантъ, воротившись, сдѣлался ужаснымъ витяземъ желтыхъ перчатокъ и прекраснаго пола: въ каждой статьѣ своей онъ твердилъ по сту разъ, что онъ даже дома ходитъ въ желтыхъ перчаткахъ; при выходѣ всякой плохой книжки, по лишь бы написанной женскою рукою, онъ, бывало, такъ и кричитъ: place aux dames! Съ особенною ревностію писалъ онъ статьи о балахъ и маскарадахъ; въ этихъ статьяхъ видно было утомленіе отъ танцевъ, ибо за каждою фразою слѣдовало, по крайней мѣрѣ, три точки... Это такъ понравилось педанту, что онъ безъ точекъ послѣ каждой своей фразы ужь ничего не могъ писать.

Много прошло времени, многое измѣнилось съ тѣхъ поръ, а мой педантъ не долженъ измѣняться: любовь его къ буквѣ должна все больше и больше увеличиваться; ненависть и отвращеніе ко всему живому и разумному—также. Слова «идея» онъ не долженъ слышать безъ ужаса и безъ то-

чекъ... По моему мнѣнію, онъ даже долженъ сдѣлаться лицемѣрнымъ моралистомъ и ханжою, потому что, всегда думая давать тонъ и направленіе времени, онъ всегда былъ и всегда долженъ быть рабомъ времени и выдавать за новость то, что уже давно сказано другими, болѣе его смѣтливыми людьми. И такъ, мой педантъ принимаетъ подъ свое критическое покровительство все бездарное и ложноморальное, и на-повалъ бранитъ все, въ чемъ есть жизнь, душа, талантъ... Онъ безпристрастенъ и, зажмуривъ глаза, колотитъ направо и налѣво, и чужихъ и своихъ, если послѣдніе, будучи ему чужими по таланту, бываютъ своими по отношеніямъ... Да, онъ вѣренъ своему правилу...

Несмотря на то, что мой педантъ долженъ быть отъ природы довольно добрымъ и честнымъ человѣкомъ,—пѣтъ существа болѣе его способнаго быть злымъ и низкимъ. Дѣло въ томъ, что онъ не что иное, какъ раздутое самолюбіе: хвалите его маранье, дорожите его критическими отзывами,—онъ добръ, веселъ, любезенъ по своему, онъ готовъ сдѣлать вамъ все хорошее, что только въ его возможности; но бѣда ваша, если вы не съумѣете, или не захотите скрыть отъ него, что вы и умнѣе и талантливѣе его, что у него самолюбіе съѣло небольшую долю ума, вкуса и способности, данныхъ ему природою... О, тогда онъ готовъ на все злое и глупое—берегитесь его!... Рецензія его тогда превращается въ площадную брань, критика становится похожа на позывъ къ отвѣту за дѣланіе фальшивой монеты... Тогда вы у него—кондотьери, бандитъ... Да, педантъ все проститъ вамъ, кромѣ невыносимой для него обиды—быть умнѣе и талантливѣе его... Но во всякомъ случаѣ, это существо болѣе смѣшное и забавное, чѣмъ опасное: ибо противъ его «позывовъ» есть правосудіе, а противъ тупыхъ зубовъ его есть литературные дантисты, которые, шутя, выдергиваютъ ихъ...

И несмотря на все это, еще многое бы можно было по-

разсказать о педантѣ; но не все же вдругъ, надо что нибудь поберечь и на будущее время. Притомъ же, я еще не знаю, понравится ли вамъ, читатели, и то, что я написалъ. Если же понравится, то ждите отъ меня типъ литературнаго цинника: это человѣкъ, который, вѣкъ свой живя въ бочкѣ, нажилъ себѣ домы и деревни; человѣкъ, который, вѣкъ свой занимаясь исключительно перекупкою и перепродажею мусора, битой посуды, стараго желѣза и кирпича, успѣлъ увѣрить всѣхъ, что онъ—и ученый и литераторъ; человѣкъ, который, вѣкъ свой будучи спекулантомъ, увѣрилъ всѣхъ, что онъ—идеалъ честности, безкорыстія и добросовѣстности; человѣкъ, который самъ ничего не сдѣлалъ, кромѣ неопрятныхъ изданій, дурныхъ переводовъ, а всѣмъ твердитъ съ цинической короткостію: «надо дѣлать, надо удовлетворять текущей потребности»; человѣкъ, который, если и издалъ нѣсколько плохихъ книгъ, то чужими руками состряпанныхъ, а прославился дѣятельнымъ; человѣкъ, который одолжитъ васъ при нуждѣ бездѣлкою, да заставитъ васъ перевести книгу, выгоду отъ которой честно раздѣлитъ съ вами такъ: вамъ словесную благодарность, а себѣ деньги... Да мало ли еще можно написать такихъ типовъ? А газетёры, журналисты, фельётонисты, романисты, повелисты, водевилисты и другіе «исты»?... Вотъ гдѣ заключаются неизчерпаемыя сокровища для «Нашихъ»...

Петръ Бульдоговъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ.

Всѣ литературные интересы, всѣ журнальные вопросы сосредоточены теперь на Гоголѣ. Можно сказать безъ преувеличенія, что «Мертвыя Души» оживили погруженную въ

апатію современную русскую литературу. Бо́льшая часть журналовъ, по весьма понятнымъ причинамъ соревнованія (ибо ихъ издатели сами романисты и нувеллисты, словомъ— «сочинители»), бо́льшая часть журналовъ, справедливо и основательно испугавшаяся успѣховъ поэмы Гоголя, употребляетъ всѣ сродныя ей средства къ униженію перваго поэтическаго таланта въ современной русской литературѣ. Остальная часть журналовъ—или просто отдастъ должную дань достоинству новаго творенія Гоголя, или, сверхъ того, принимаетъ на себя обязанность выводить на свѣжую воду нападателей. У насъ такъ не много журналовъ, что не нужно объяснять читателямъ, какой журналъ именно играетъ ту или другую ролю въ отношеніи къ Гоголю, который, между тѣмъ, не читая русскихъ журналовъ, спокойно живетъ себѣ въ Римѣ, гдѣ была написана имъ первая часть «Мертвыхъ Душъ» и гдѣ, вѣроятно, будетъ написано имъ еще не одно твореніе, долженствующее привести многихъ сочинителей въ совершенное отчаяніе, заранѣе возбуждающее самыя живыя опасенія за ихъ умственное здоровье. Мы уже говорили объ одной восторженной московской брошюрѣ, явившейся по поводу «Мертвыхъ Душъ» (стр. 433): кто знаетъ, не явится ли и еще нѣсколько брошюръ pro и contra? Таково свойство всего великаго, далеко выдающагося изъ-подъ уровня обыкновенности: оно производитъ движеніе, возбуждая и обожаніе и ненависть, восторженныя рукоплесканія и ожесточенный крикъ, преувеличенныя похвалы и брань. И если что-нибудь можетъ вредить такому великому явленію въ литературѣ, такъ ужь конечно исполненное дѣтскаго энтузіазма и дѣтской добродушной искренности удивленіе, видящее въ твореніи не то великое, которое въ немъ есть дѣйствительно, а то великое, котораго въ немъ совсѣмъ нѣтъ. Что же касается до ожесточенной брани,—чѣмъ неосновательнѣе она, тѣмъ болѣе служитъ въ пользу и прославленіе творенія, которое силится

она унизить и загрязнить собою. «Герой Нашего Времени» Лермонтова имѣлъ замѣчательный успѣхъ, какъ все, что̀ ни появляется въ Россіи ознаменованнаго печатью высшаго таланта; но успѣхъ этого превосходнаго творенія былъ бы, безъ сомнѣнія, еще блестящѣе и прочнѣе, еслибъ не имѣлъ несчастія нигдѣ не встрѣтить себѣ ожесточенныхъ нападокъ, и еслибъ не имѣлъ несчастія встрѣтить написанную слогомъ аффишъ похвалу въ одномъ захолустьѣ газетной литературы, откуда бы должны были раздаться хулительные вопли оскорбленной самолюбивой посредственности. «Мертвыя Души» избѣжали подобнаго несчастія, и зато успѣхъ ихъ напоминаетъ собою успѣхъ первыхъ произведеній Пушкина. Мы здѣсь разумѣемъ не матеріяльный успѣхъ, хотя и достовѣрно знаемъ, что «Мертвыхъ Душъ» скоро нельзя будетъ достать ни въ одной книжной лавкѣ, несмотря на то, что онѣ печатались въ большомъ числѣ экземпляровъ,—но успѣхъ нравственный, состоящій въ томъ, что «Мертвыя Души» со дня на день болѣе и болѣе раскрываются передъ глазами публики, во всей безконечности и глубокости ихъ идеальнаго значенія, со дня на день болѣе и болѣе пріобрѣтаютъ себѣ почитателей, и приверженцевъ даже между людьми, немогшими оцѣнить ихъ сразу, при первомъ чтеніи, и со дня на день болѣе и болѣе становятся живою новостію минуты, вмѣсто того, чтобъ постепенно поступать въ архивъ рѣшенныхъ дѣлъ и старыхъ, потерявшихъ свой интересъ новостей... Трудитесь же, почтенные сочинители, пишите новыя брани на «Мертвыя Души» и ихъ знаменитаго творца, чтобъ выше и выше еще становились они, и безъ васъ уже высоко ставшіе!...

Между тѣмъ, какъ «сочинители» бранятъ «Мертвыя Души» и Гоголя, а литераторы хвалятъ ихъ и спорятъ о нихъ,—что̀ же дѣлаетъ русская читающая публика?—То же самое, что̀ и всегда дѣлала она съ сочиненіями Гоголя. Несмотря на незрѣлость образованія нашего общества, допускающую

его иногда обольщаться и увлекаться мишурными явленіями, въ немъ есть какое-то чутье, которое замѣняетъ ему недостатокъ развитія, и которое заставляетъ его окончательно остановиться на сторонѣ только истинно прекраснаго и великаго. «Вечеровъ на Хуторѣ» разошлось два изданія; «Арабесокъ» и «Миргорода» уже нигдѣ нельзя достать; передъ выходомъ, весною нынѣшняго года, втораго изданія «Ревизора», за экземпляръ перваго желавшіе имѣть его платили по 25-ти рублей ассигнаціями. И теперь, чтобъ собрать всѣ сочиненія Гоголя, даже еслибъ можно было купить ихъ по объявленнымъ цѣнамъ, нужно заплатить сорокъ три рубля асс. («Вечера на Хуторѣ», «Арабески» и «Миргородъ» — каждое сочиненіе по 12-ти рублей, и новое изданіе «Ревизора» 7 рублей). Но и тутъ еще будете имѣть не все, если не пріобрѣли того года «Современника», въ которомъ напечатаны повѣсти «Носъ» и «Коляска», и драматическая сцена «Утро Дѣловаго Человѣка», да «Москвитянина» за нынѣшній годъ, гдѣ напечатанъ «Римъ».— Итакъ, спѣшимъ извѣстить русскую читающую публику, что это неудобство на счетъ пріобрѣтенія сочиненій ея любимаго писателя скоро будетъ устранено. Къ декабрю мѣсяцу текущаго года выйдетъ собраніе сочиненій Гоголя въ четырехъ томахъ, красиво и изящно изданныхъ. Въ первый томъ войдутъ «Вечера на Хуторѣ» въ двухъ частяхъ, съ предисловіемъ къ каждой, какъ было при второмъ ихъ изданіи. Второй томъ будетъ состоятъ изъ «Миргорода», въ которомъ повѣсти «Старосвѣтскіе Помѣщики» и «О томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ» напечатаются безъ всякихъ поправокъ и измѣненій; повѣсть «Вій» съ исправленіями, а «Тарасъ Бульба» совершенно передѣланный, чуть не вдвое обширнѣе прежняго, ибо авторъ развилъ въ немъ многія подробности, о которыхъ въ первомъ изданіи только слегка было намекнуто, какъ напримѣръ, любовь Андрія и прек-

расной Польки, и проч. Въ третій томъ, кромѣ повѣстей, помѣщенныхъ въ «Арабескахъ»:—«Невскій Проспектъ», «Записки Сумасшедшаго» и «Портретъ» (послѣдняя совершенно передѣлана),—войдутъ помѣщенныя въ «Современникѣ» 1836 года повѣсти «Носъ» и «Коляска», напечатанный въ «Москвитянинѣ» эпизодическій разсказъ «Римъ» и новая, еще нигдѣ ненапечатанная повѣсть «Шинель»—одно изъ глубочайшихъ созданій Гоголя. Въ четвертомъ томѣ помѣстятся: «Ревизоръ», комедія въ пяти актахъ, съ новыми противъ втораго изданія поправками автора и съ письмомъ его о первомъ представленіи этой піесы; «Женитьба», новая комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, нигдѣ ненапечатанная; драматическія сцены: «Утро Дѣловаго Человѣка» (напечатанная въ «Современникѣ»), «Тяжба», «Лакейская Сцена», «Разъѣздъ послѣ представленія новой комедіи», «Свѣтскія Сцены», «Игроки» (послѣднія пять еще нигдѣ не были напечатаны).

ЛИТЕРАТУРНЫЙ РАЗГОВОРЪ, ПОДСЛУШАННЫЙ ВЪ КНИЖНОЙ ЛАВКѢ.

Какихъ ни вымышлялъ пружинъ,
Чтобъ мужу бую умудриться:
Не можно вѣкъ носить личинъ,
И истина должна открыться!
Державинъ.

«А? это вы? насилу-то мы съ вами встрѣтились! Ну, что, какъ! Здоровы ли? что новаго?»... Такъ одинъ молодой человѣкъ, давно уже сидѣвшій въ книжной лавкѣ, съ книжкою «Библіотеки для Чтенія» въ рукахъ, привѣтствовалъ другаго, только что вошедшаго въ лавку, съ живостію бросившись къ нему на встрѣчу и съ жаромъ пожимая ему

руку. Этотъ молодой человѣкъ давно уже поглядывалъ на меня, съ явнымъ желаніемъ заговорить со мною,—должно быть о статьѣ, которую читалъ. Эта статья, казалось, живо занимала его, потому что онъ и улыбался, и смѣялся; по временамъ съ устъ его слетали неопредѣленыя восклицанія. Онъ даже заговаривалъ со мною о погодѣ; но я, не любя заводить знакомствъ (ибо у насъ на Руси размѣняться съ незнакомымъ человѣкомъ двумя тремя фразами о погодѣ, значитъ иногда нажить пріятеля и «моншера»), отдѣлался отъ него неопредѣленнымъ «да» и т. п. Тѣмъ живѣе была радость молодаго человѣка, при видѣ знакомаго, съ которымъ онъ давно не видался, и которому могъ излить ощущенія, возбужденныя въ немъ статьею. У нихъ сейчасъ же завязался живой разговоръ, который показался мнѣ столь интереснымъ, что я почелъ не излишнимъ довести его до свѣдѣнія публики. Описаніе наружности и характера обоихъ персонажей этой маленькой сцены нисколько не послужило бы къ ея уясненію, и потому замѣтимъ только слегка, что молодой человѣкъ, встрѣтившій съ такою живостію своего знакомаго, былъ нѣсколько вертлявъ, говорилъ скоро и громко, какъ-бы у себя дома, а лицо его казалось совершеннымъ выраженіемъ легкости и добродушія; знакомый же его отличался отъ него какою-то холодною важностію въ рѣчи и въ манерахъ. Чтобъ лучше слѣдить за ихъ разговоромъ, назовемъ перваго господиномъ А., а другаго господиномъ Б.

А. Что новаго?—Да вѣдь вы знаете, что я всегда запасался имъ отъ васъ же. Вы, кажется, что-то читали въ «Библіотекѣ для Чтенія»?

Б. Ахъ, да!—статью о «Мертвыхъ Душахъ». Чудо, прелесть! Въ иныхъ мѣстахъ хотя и вздоръ, но за то, какое во всемъ остроуміе! Такой статьи давно не бывало! Вотъ ужь можно сказать: писано желчью...

А. Да, правда...

Б. Жаненъ! Рѣшительный Жаненъ!

А. Ну, ужъ вотъ этого-то я и не скажу. Жаненъ—болтунъ: чрезвычайный успѣхъ его основанъ на легкости и на отсутствіи всякихъ твердыхъ и глубокихъ нравственныхъ началъ въ обществѣ, для котораго онъ болтаетъ нынче совсѣмъ не то, что̀ болталъ вчера, а завтра будетъ болтать совершенно противное тому, что̀ болталъ нынче; но Жаненъ все-таки болтунъ остроумный, и, при другомъ обществѣ, онъ могъ бы сдѣлать изъ своего таланта лучшее, благороднѣйшее употребленіе. Но каковъ бы ни былъ Жаненъ и теперь, его болтовня всегда блещетъ умомъ и устроумiемъ, хоть и совершенно внѣшними, и отличается тономъ порядочныхъ людей. Остроуміе Жанена заключается совсѣмъ не въ томъ, чтобъ, выписавъ изъ разбираемаго романа нѣсколько фразъ, плоскихъ потому именно, что онѣ вложены авторомъ въ уста изображаемаго имъ человѣка дурнаго тона, приписать эти фразы самому автору и воскликнулъ: «Такіе періоды настоящіе свинтусы!» Истинное остроуміе, хотя бы и легкое и мелкое, не искажаетъ умышленно предмета, чтобъ возбудить во чтобы то ни стало грубый смѣхъ площадной толпы: оно находитъ смѣшное въ своей манерѣ видѣть предметы, не уродуя ихъ.

Б. Это, пожалуй, и такъ; да вѣдь дѣло-то въ успѣхѣ, и bien rira qui rira le dernier! Осуждать такое остроуміе могутъ многіе съ большою основательностію; а острить такъ сами едва ли могли бы, еслибъ и хотѣли.

А. По крайней мѣрѣ, нужна для этого большая рѣшительность. Попробуйте выдумать на кого угодно смѣшную нелѣпицу — всѣ расхохочутся, и никто не захочетъ наводить справки, правду вы сказали, или ложь. Повторяйте такіе выдумки чаще и насчетъ всѣхъ и каждаго: васъ будутъ презирать, а слушать и смѣяться не перестанутъ. Но всему есть мѣра и границы. Одно и то же надоѣдаетъ, а выдумывать цѣлую жизнь разнообразныя литературныя лжи

невозможно, и какъ скоро замѣтятъ, что вы повторяете самого себя, то перестанутъ и смѣяться, начнутъ зѣвать. Это я говорю не по отношенію къ журналу, а какъ общую истину, которая удобно прилагается ко многимъ житейскимъ дѣламъ.

Б. Такъ вы совершенно отказываете въ остроуміи рецензіямъ «Библіотеки для Чтенія»?

А. Нисколько. Когда она не увлекается пристрастіемъ, а главное, остритъ надъ тѣмъ, что̀ дѣйствительно ей подъ силу, и о чемъ серьёзно не сто̀итъ сказать и двухъ словъ,— ея рецензіи бываютъ очень забавны. Такъ, напримѣръ, нельзя было не улыбнуться, читая въ «Библіотекѣ для Чтенія» разборъ, или лучше сказать, надгробную рѣчь надъ прахомъ умершихъ прежде своего рожденія стихотвореній какого-то г. Бочарова. Но когда такое же остроуміе прилагается ею къ предметамъ высшаго значенія, которое почему-то всегда не по сердцу этому журналу, тогда оно по необходимости становится плоскимъ и скучнымъ. Важное само по себѣ нельзя сдѣлать смѣшнымъ.

Б. Но что̀ ни говорите, а въ статьѣ о «Мертвыхъ Душахъ» много ѣдкости...

А. Прибавьте—безсильной, для предмета, слишкомъ высоко въ отношеніи къ ней стоящаго. Я не вижу ровно ничего остроумнаго ни въ сближеніи плохихъ стихотвореній площаднаго писаки съ поэмою Гоголя, ни въ томъ, что рецензентъ называетъ «поэмами» разныя медицинскія сочиненія. Все это мнѣ кажется очень плоскимъ. Разберите-ка этотъ разборъ съ начала до конца, по порядку. Что̀ это такое?—Послушайте: «Вы видите меня въ такомъ восторгѣ, въ какомъ еще не видали. Я пыхчу, трепещу, прыгаю отъ восхищенія...» Пока довольно; остановимся на «пыхтѣніи» рецензента. «Пыхчу» есть настоящее время глагола «пыхтѣть», который значитъ то же, что «тяжело дышать». Но послѣднее выраженіе употребляется въ отношеніи къ лю-

дямъ, а первое въ отношеніи къ лошадямъ и коровамъ. Видите ли: явное незнаніе русскаго языка?... Если же слово «пыхтѣть» и употребляется въ отношеніи къ людямъ, то, не иначе, какъ въ унизительно-комическомъ тонѣ, для выраженія волненія крови и желчи, производимаго страстями, какъ-то: пристрастіемъ, и т. п... Итакъ, что же хорошаго въ рецензіи, которая почти началась словомъ «пыхчу»?— Но будемъ слѣдить далѣе за «пыхтѣніемъ» аристарха. Ему не понравилось, что Гоголь назвалъ сочиненіе «поэмою»,— и вотъ онъ заставляетъ своихъ читателей, «свидѣтелей его бѣшанаго восторгу», спрашивать у него, пыхтящаго рецензенту, какимъ размѣромъ писана поэма, давая тѣмъ знать, что онъ, въ своемъ эстетическомъ пыхтѣніи, написанной прозою поэмы не признаетъ «поэмою». Все это, дѣйствительно, очень забавно и возбуждаетъ смѣхъ, но только совсѣмъ не надъ авторомъ поэмы, а развѣ надъ пыхтящею рецензіею. И мнѣ кажется, что я уже слышу громкій хохотъ свидѣтелей ея бѣшенаго восторгу, оттого, что въ поэмѣ нѣтъ никакого размѣру, а можетъ, и отъ смѣшной претензіи пыхтящаго рецензенту преобразовать правописаніе языку, который чуждъ ему, и котораго духу онъ совсѣмъ не знаетъ. Выписка первой страницы поэмы исполнена пустыхъ придирокъ къ слогу, изъ которыхъ главная состоитъ въ томъ, что Гоголь лучше его пыхтящаго рецензенту, знаетъ употребленіе родительнаго падежу и не хочетъ слѣдовать его нелѣпой орѳографіи. «Поэтъ (восклицаетъ или «пыхтитъ» рецензентъ) поэтъ — существо всемірное; онъ выше временъ, пространствъ и грамматики!» Можетъ быть, это восклицаніе, или это «пыхтѣніе» и очень остроумно, а главное, очень ново и оригинально; но только оно подтверждаетъ мое убѣжденіе въ волненіи «Библіотеки для Чтенія»: не она ли, вотъ уже ровно девятый годъ, ежемѣсячно смѣется надъ грамматикою и доказываетъ, что эта наука изобрѣтена педантами и дураками? А теперь ей пригодилась, видно,

и грамматика: она теперь глубоко уважаетъ эту науку, такъ кстати подвернувшуюся ей подъ руку, чтобы было чѣмъ швырнуть въ страшнаго для нея писателя, какъ нѣкогда, съ гораздо большимъ успѣхомъ, швырялъ ею г. Гречъ въ распорядителя «Библіотеки для Чтенія». И вотъ, для доказательства своей силы въ русской грамматикѣ, рецензентъ спѣшитъ употребить слово «запаховъ», какъ онъ употребляетъ слово «мозги», «мечтъ» и т. п. Въ выраженіи Гоголя: «покамѣстъ слуги управлялись и возились», онъ подчеркиваетъ слово «возились», давая тѣмъ знать, что оно, почему то, будто бы, не хорошо, а почему именно, это пока секретъ рецензенту, который онъ, вѣроятно, когда-нибудь откроетъ «свидѣтелямъ его бѣшенаго восторгу». Впрочемъ всѣхъ его подчеркиваній не перечтешь; они многочисленны и разнообразны. Но вотъ слѣдуетъ самое убѣдительное доказательство, какъ силенъ нашъ рецензентъ въ русскомъ языкѣ—послушайте: «Во всѣхъ словенскихъ языкахъ, какіе я знаю, носъ имѣетъ въ родительномъ падежѣ носа, а шумъ, вѣтеръ и дымъ имѣютъ шуму, вѣтру, дыму». Скажите, Бога ради: что̀ это такое: шутка, мистификація, или просто — «пыхтѣнье»? Я не знаю, да и знать не хочу, какъ въ польскомъ или другомъ славянскомъ языкѣ, склоняются въ родительномъ падежѣ слова: носъ, шумъ, вѣтеръ и дымъ; но какъ природный Русскій знаю достовѣрно, что слова эти въ русскомъ языкѣ принимаютъ въ родительномъ падежѣ окончаніе равно и *а* и *у*, а когда которое именно, на это нѣтъ постояннаго правила, но это слышитъ ухо природнаго-Русскаго, слышитъ — и никогда не обманывается. Всякій Русскій скажетъ, какъ у Гоголя; «Волосъ, вылѣзшій изъ нос*у*», и ни одинъ Русскій не скажетъ: «Волосъ, вылѣзшій изъ нос*а*». Точно также, должно говорить порывы вѣтр*а*, а не порывы вѣтр*у*. Итакъ, знаніе другихъ языковъ не послужило рецензенту облегченіемъ въ знаніи языка русскаго, и онъ, съ горя, вздумалъ

перекраивать русскій языкъ на свой ладъ, и, не зная его, принялся учить ему Русскихъ!...

Б. Однакожь, согласитесь, что языкъ у Гоголя часто грѣшитъ противъ грамматики.

А. Соглашаюсь; а вы, за это согласитесь, что не рецензенту же «Библіотеки для Чтенія» упрекать его въ этомъ. Я далекъ отъ того, чтобъ ставить Гоголю въ заслугу неправильность языка, которая тѣмъ досаднѣе, что у него она явно происходитъ не отъ незнанія, а отъ небрежности, отъ нерасположенія потрудиться лишнюю четверть часа надъ написанной страницей. Но у Гоголя есть нѣчто такое, что̀ заставляетъ не замѣчать небрежности его языка, — есть слогъ. Гоголь не пишетъ, а рисуетъ; его изображенія дышатъ живыми красками дѣйствительности. Видишь и слышишь ихъ. Каждое слово, каждая фраза рѣзко, опредѣленно, рельефно выражаетъ у него мысль, и тщетно бы хотѣли вы придумать другое слово, или другую фразу для выраженія этой мысли. Это значитъ имѣетъ слогъ, который имѣютъ только великіе писатели, и о которомъ разсуждать такъ же не дѣло «Библіотеки для Чтенія», какъ и разсуждать о русскомъ языкѣ, котораго она не знаетъ, что̀ можно доказать изъ каждой ея страницы, наполненной всяческихъ обмолвокъ противъ духа языка, ошибокъ противъ его грамматики, барбаризмовъ, солецизмовъ и, въ особенности, полонизмовъ.

Б. Это совершенная правда: г. Гречъ давно это доказалъ въ своей брошюрѣ—помните?... Я вѣдь и самъ вижу, что грамматическія-то обвиненія всѣ выдуманы: но рецензентъ такъ смѣло колетъ ими и такъ смѣшно умѣетъ ихъ выставлять, что тѣмъ болѣе дивишься его неподражаемому остроумію... Впрочемъ, если грамматическія нападки рецензента для васъ и ложны, и пусты, и скучны, перестанемъ говорить о нихъ, перейдемъ къ другимъ пунктамъ

обвиненій, которые, надѣюсь, будутъ посущественнѣе. Мнѣ любопытно узнать, что-то вы на нихъ скажете.

А. Да что же и говорить мнѣ, если вся рецензія устремлена противъ слогу?...

Б. Нѣтъ, не противъ одного слога, но и противъ дурнаго тона сочиненія, такъ некстати названнаго «поэмою»; противъ странной претензіи автора видѣть представителей и героевъ русской жизни въ людяхъ низкихъ и глупыхъ; противъ высокаго мнѣнія о самомъ себѣ со стороны автора, который, по таланту, не можетъ стать на ряду даже съ Поль-де-Кокомъ... Что касается до меня, я со всѣмъ этимъ соглашаюсь только въ половину, потому что, какъ хочетъ «Библіотека для Чтенія», а по моему мнѣнію, и Гоголь чего-нибудь да стоитъ. И потому, повторяю: я держусь середины...

А. Что рецензентъ насмѣхается надъ словомъ «поэма» въ приложеніи къ «Мертвымъ Душамъ», это происходитъ отъ того, что онъ не понимаетъ значенія слова «поэма». Какъ видно изъ его намековъ, поэма непремѣнно должна воспѣвать народъ въ лицѣ ея героевъ. Можетъ-быть, «Мертвыя Души» и названы поэмою въ этомъ значеніи; но произнести какой-нибудь судъ надъ ними, въ этомъ отношеніи, можно только тогда, когда выйдутъ двѣ остальныя части поэмы.

Б. Рецензентъ самъ говоритъ объ этомъ въ концѣ рецензіи.

А. Да, но сперва разругавъ за это поэму, въ началѣ и серединѣ рецензіи... Что касается до меня лично, я пока готовъ принять слово «поэма», въ отношеніи къ «Мертвымъ Душамъ», за равнозначительное слову «твореніе». Въ этомъ значеніи, всякое произведеніе поэзіи есть поэма—и ода, и пѣсня, и трагедія, и комедія. Но не въ этомъ дѣло, а въ томъ, что, опираясь на словѣ «поэма», стоящемъ въ заглавіи сочиненія Гоголя, рецензентъ очень на-

ивно силится бросить на автора не совсѣмъ прохладную тѣнь неуваженія, будто-бы, къ русскому обществу, котораго репутація такъ дорога сердцу рецензенту, незнающаго русскаго языку и русской грамматики... Иначе, какъ же вы поймете «тонкіе» намеки рецензенту на то, что авторъ «Мертвыхъ Душъ» будто-бы «при каждомъ неблаговидномъ случаѣ наводитъ рѣчь на Русскихъ». Какой же этотъ «неблаговидный случай»? — Авторъ проситъ у читателей извиненія за то, что знакомитъ ихъ съ Петрушкою и Селифаномъ, людьми Чичикова, «зная по опыту, какъ не охотно они знакомятся съ низкими сословіями». Но чтобъ уяснить это съ умысломъ затемненное рецензентомъ дѣло, — вотъ «Мертвыя Души» — я прочту вамъ изъ нихъ все это мѣсто, изъ котораго рецензентъ взялъ только то, что̀ нужно было ему для его цѣли. Выслушайте:

«Таковъ уже русскій человѣкъ: страсть сильная зазнаться съ тѣмъ, которой бы хотя однимъ чиномъ былъ его повыше, и шапочное знакомство съ графомъ или княземъ для него лучше всякихъ тѣсныхъ дружескихъ отношеній. Авторъ даже опасается за своего героя, который только коллежскій совѣтникъ. Надворные совѣтники, можетъ-быть, и познакомятся съ нимъ, но тѣ, которые подобрались уже къ чинамъ генеральскимъ, тѣ, Богъ вѣсть, можетъ-быть, даже бросятъ одинъ изъ тѣхъ презрительныхъ взглядовъ, которые бросаются гордо человѣкомъ на все, что̀ ни пресмыкается у ногъ его, или, что̀ еще хуже, можетъ-быть, пройдутъ убійственнымъ для автора невниманіемъ».

Итакъ, очевидно, что авторъ, съ свойственнымъ ему юморомъ, и притомъ очень деликатно, кольнулъ слабость нашего общества къ знакомству съ чинами и отличіями, а не людьми. Во-первыхъ, это правда; во вторыхъ, это особенно не унижаетъ Русскихъ передъ другими народами, особенно, напр., передъ Нѣмцами, которые отчаянно больны чиноманіею, хотя и далеко обогнали насъ въ цивилизаціи и просвѣщеніи; въ третьихъ, Петрушка и Селифанъ послужили для автора только предлогомъ къ нападеніямъ на чиноманію, и онъ совсѣмъ не думалъ упрекать русское

общество за то, что оно не хочетъ знаться съ кучерами и лакеями. Судите же, послѣ этого, изъ какого свѣтлаго источника вытекло негодованіе незнающаго по-русски рецензента, негодованіе, которымъ такъ преисполнены эти его строки:

«Помилуйте! восклицаетъ *почтеннѣйшій* (гостинодворскій эпитетъ!) читатель, не отнимая пальцевъ отъ своего *почтеннѣйшаго* носа (острота!), который онъ имѣетъ обыкновеніе зажимать отъ такихъ *воздуховъ* (острота и грамматическая ошибка!): что вы это, съ вашимъ поэтомъ, *при каждомъ неблаговидномъ случаѣ, наводите рѣчь на Русскихъ! Въ чемъ и за что вы безпрерывно ихъ обвиняете?* Да они очень хорошо дѣлаютъ, что не хотятъ знакомиться съ вашими нечистыми героями, отъ которыхъ я самъ принужденъ поминутно *закрывать носъ* и глаза рукою. Если порядочные Русскіе не охотно сближаются съ людьми низкаго сословія, причиною этого долженъ быть распространившійся между ними благородный вкусъ къ изяществу, опрятности, образованнымъ ощущеніямъ, а не мнимый *народный порокъ*, не всеобщая спѣсь, не безразсудная гордость. *Надъ чѣмъ вы тутъ насмѣхаетесь? Куда наровите свои эпиграммы!* (не по-русски!) Страсть зазнаться... *Да чтобы по случаю Петрушки, упрекать цѣлый народъ въ страсти зазнаваться* (у Гоголя: зазнаться съ тѣмъ, кто хотя однимъ чиномъ повыше— это рецензентомъ выключено, а глаголъ «зазнаться» поворочснъ на глаголъ «зазнаваться»!!...), *надо предположить будто весь народъ ничѣмъ не лучше этого грубаго и грязнаго человѣка и только напрасно, изъ гордости, не узнаетъ въ немъ себѣ равнаго!* Но это не правда. *Вы систематически унижаете русскихъ людей.* Я (о!..) этого не люблю, и не хочу слушать. Я самъ обожаю чистоту. Ваши *зловонныя* картины поселяютъ во мнѣ отвращеніе.. »

Итакъ, скажите же: гдѣ у Гоголя все это есть, и о томъ ли, то ли говоритъ онъ, на что возсталъ рецензентъ? Нѣтъ, это уже не «пыхтѣнье»: это что-то въ родѣ пилирокъ извѣстнаго рода.

Б. Оно такъ; я не скажу, чтобъ это было хорошо; но за то какъ зло, какъ ловко, мастерски!...

А. Да, видно, что мастеръ своего дѣла. Но объ этомъ довольно: по одному судите и о обо всемъ, тѣмъ болѣе, что нашъ рецензентъ умѣетъ быть вѣренъ себѣ.

Б. Ну, а насчетъ дурнаго тона, сальныхъ картинъ, грязныхъ изображеній — что́ вы скажете на счетъ всего этого? Право, «Мертвыя Души» какъ-будто писаны для сидѣльцевъ въ мучныхъ лавкахъ...

А. И однакожь ихъ читаетъ и ими восхищается высшій свѣтъ и не находитъ въ нихъ дурнаго тона, плоскостей и сальности. Авторитетъ большаго свѣта, въ этомъ случаѣ, безусловно неоспоримъ. Въ нападкѣ рецензента на дурной тонъ «Мертвыхъ Душъ», я узнаю того же опытнаго мастера отнимать непріятныя ему литературныя репутаціи. Правда, къ этому орудію противъ Гоголя не разъ прибѣгали уже и другіе обожатели и знатоки хорошаго тона, еще задолго до появленія бонтонно-«пыхтящей» рецензіи. И хотя эти другіе ратовали съ тою же цѣлію и вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, однако они были искреннѣе въ своихъ нападкахъ на дурной тонъ, потому что, въ простотѣ мѣщанской свѣтскости, они не шутя считаютъ неприличнымъ то, что́ въ большомъ свѣтѣ нисколько не считается неприличнымъ. Но нашъ рецензентъ очень хорошо понимаетъ, что́ и для чего онъ дѣлаетъ. Хорошо зная невинную слабость среднихъ круговъ русскаго общества слишкомъ заботиться о приличіяхъ невѣдомаго и недоступнаго имъ большаго свѣта, онъ не пропуститъ случая попробовать ухватиться за эту чувствительную струну.

Б. Я вижу, что даже и поклонники Гоголя не чужды замашки нападать на цѣлое общество...

А. Нисколько. Франція, въ отношеніи къ свѣтской общественности, безъ всякаго сомнѣнія, первое государство въ мірѣ. Однакожь, и тамъ центръ свѣтскости и высшаго тона находится въ Парижѣ, и именно въ двухъ пунктахъ: въ послѣднемъ убѣжищѣ легитимизма Сенъ-Жерменскомъ Предмѣстіи и въ новой мѣщанской аристократіи, при дворѣ. Всѣ прочіе слои общества суть только болѣе или менѣе вѣрныя отраженія этихъ первообразовъ свѣтской об-

щественности. Смѣшно и нелѣпо было бы видѣть униженіе своего общества въ весьма обыкновенной и правдивой фразѣ, что истинный хорошій тонъ царствуетъ въ высшемъ петербургскомъ кругу, и что средніе круги общества часто добровольно дѣлаются смѣшными, считая и себя «большимъ свѣтомъ» и стараясь копировать съ образца, который они видятъ издали, на гуляньяхъ и въ каретахъ, проѣздомъ по улицѣ. Нѣтъ никакого униженія, когда вамъ скажутъ (если вы этого не знаете сами), что нигдѣ нѣтъ столько пустыхъ претензій, изысканности, чопорности, а слѣдовательно, и дурнаго тона, какъ въ этихъ среднихъ кругахъ, почему-то считающихъ себя въ какихъ-то отношеніяхъ съ «большимъ свѣтомъ», который для нихъ есть истинная terra incognita. Такъ какъ въ нихъ нѣтъ ничего своего, то все чужое, которымъ дышатъ они, переходитъ у нихъ въ каррикатуру: развязность и свобода высшаго общества—въ наглость, приличіе—въ чопорность, вѣжливость—въ церемонность, любезность—въ гостинодворскій тонъ. Я именно говорю о среднихъ кругахъ. Если вы знаете хорошо нашихъ помѣщиковъ, согласитесь со мною, что между ими нерѣдко встрѣчаются прекрасныя исключенія: въ ихъ домахъ вы не найдете того, что́ называется «высшимъ свѣтомъ», но найдете благородный тонъ, благородную простоту обращенія, истинную образованность, которая такъ рѣдка и въ «высшемъ свѣтѣ». Въ нихъ есть свое, оттого они и не пародируютъ другихъ; они берутъ отъ большаго свѣта свое, не принимая отъ него чуждаго имъ, или несоотвѣтствующаго ихъ средствамъ и положенію. Наше общество еще такъ молодо, такъ еще не установилось и не приняло общаго характера, что такія прекрасныя исключенія представляются только въ семействахъ, въ отдѣльныхъ домахъ, а не въ цѣломъ сословіи, пестромъ и разнохарактерномъ. И причина такихъ прекрасныхъ исключеній состоитъ именно въ томъ, что домы, о которыхъ я говорю, имѣютъ свое

собственное значеніе и не принадлежатъ къ тому, что̀ называется «средними кругами»: это аристократія нашихъ провинцій. Подъ среднимъ кругомъ должно разумѣть преимущественно чиновничество столицъ и губернскихъ городовъ—это плодородное поле, съ котораго даже и низшіе таланты, чѣмъ талантъ Гоголя, сбираютъ такую обильную жатву. Вотъ ихъ-то и имѣла въ виду рецензія. Но что̀ же плоскаго и грязнаго находитъ рецензентъ у Гоголя?—Портреты Петрушки и Селифана, запахи (говоря его не русскимъ языкомъ), описаніе двора Коробочки, въ которомъ свинья съ семействомъ, рывшаяся въ кучѣ сора и мимоходомъ заѣвшая цыпленка, особенно-непріятно подѣйствовала на его свѣтскую разборчивость. Что̀ же бы сказалъ онъ, прочитавъ извѣстную басню Крылова, гдѣ свинья играетъ главную роль... «Грязь на грязи!» восклицаетъ «почтеннѣйшій», чистоплотный рецензентъ...

Б. Однакожь, вы вѣрно не находите изящными подобныя картины?

А. Напротивъ, именно нахожу изящною эту грязь, «возведенную въ перлъ созданія», нахожу ее въ милліонъ разъ изящнѣе сусальной позолоты поэтовъ средняго общества, поэтовъ чиновническихъ и губернскихъ. Картина быта, дома и двора Коробочки—въ высшей степени художественная картина, гдѣ каждая черта свидѣтельствуетъ о геніяльномъ взмахѣ творческой кисти, потому что каждая черта запечатлѣна типическою вѣрностію дѣйствительности и живо, осязательно воспроизводитъ цѣлую сферу, цѣлый міръ жизни, во всей его полнотѣ.

Б. Хорошъ же этотъ міръ! Поздравляю съ такою жизнію!

А. Не взыщите—чѣмъ богаты, тѣмъ и рады! Поэзія есть воспроизведеніе дѣйствительности. Она не выдумываетъ ничего такого, чего бы не было въ дѣйствительности; она только идеализируетъ явленія дѣйствительности, возводя ихъ къ общему значенію, что̀ и значитъ «возводить въ перлъ

созданія». Всякая другая поэзія — пустое фантазёрство, вздоръ и пустяки, способные забавлять людей ограниченныхъ и необразованныхъ. И потому мѣрка достоинства поэтическаго произведенія есть вѣрность его дѣйствительности.

Б. Но неужели же въ русской дѣйствительности нѣтъ ничего лучше и благороднѣе Петрушки, Селифана, Коробочки, Собакевича, Чичикова, и тому подобныхъ героевъ и героинь?

А. Безъ всякаго сомнѣнія, есть; и авторъ совсѣмъ не думалъ своими «Мертвыми Душами» утверждать противное. Онъ только взялъ себѣ извѣстную сферу жизни, дѣйствительно существующую—вотъ и все. Упрекать его за это—все равно, что упрекать Лафонтена и Крылова, зачѣмъ они писали басни, а не оды, упрекать Мольера и Фонъ-Визина, зачѣмъ они писали комедіи, а не трагедіи. Стекла (по прекрасному выраженію Гоголя), озирающія небесныя свѣтила и насѣкомыхъ, равно велики. А какое же вы имѣете право упрекать естествоиспытателя, что онъ изучаетъ инфузорій, какъ-будто въ природѣ нѣтъ твореній, болѣе благородныхъ? Сверхъ того, надо еще сказать, что, находя лица, изображенныя Гоголемъ, особенно безнравственными и глупыми, довольно ребячески преувеличиваютъ дѣло и грубо его понимаютъ. Эти лица дурны по воспитанію, по невѣжественности, а не по натурѣ, и не ихъ вина, что со дня смерти Петра Великаго прошло только 116, а не 300 лѣтъ. Неужели въ иностранныхъ романахъ и повѣстяхъ вы встрѣчаете все героевъ добродѣтели и мудрости? Ничего не бывало! Тѣ же Чичиковы, только въ другомъ платьѣ: во Франціи и въ Англіи, они не скупаютъ мертвыхъ душъ, а подкупаютъ живыя души на свободныхъ парламентскихъ выборахъ! Вся разница въ цивилизаціи, а не въ сущности. Парламентскій мерзавецъ образованнѣе какого-нибудь мерзавца нижняго земскаго суда; но въ сущности оба они не лучше другъ друга. Люди съ божественною искрою въ душѣ

вездѣ рѣдки,—и я первый пламенно желаю, чтобъ Гоголь иногда дарилъ насъ изображеніями такихъ личностей, тѣмъ болѣе желаю, что теперь только одинъ онъ и можетъ изображать ихъ. Но я не считаю себя вправѣ требовать, чтобъ онъ изображалъ то, а не это, или ставить ему въ вину, что онъ изображаетъ то, а не другое.

Б. Но воля ваша, а такія слова, какъ: «свинтусъ, скотоводъ, подлецъ, ѳетюкъ, чортъ знаетъ, нагадить» и тому подобныя—такія слова видѣть въ печати какъ-то странно.

А. А слышать, или самому говорить каждый день не странно?... Но авторъ «Мертвыхъ душъ» нигдѣ не говоритъ самъ, онъ только заставляетъ говорить своихъ героевъ, сообразно съ ихъ характерами. Чувствительный Маниловъ у него выражается языкомъ образованнаго въ мѣщанскомъ вкусѣ человѣка; а Поздревъ—языкомъ «историческаго» человѣка, героя ярмарокъ, трактировъ, попоекъ, дракъ и картежныхъ продѣлокъ. Не заставить же ихъ было говорить языкомъ людей высшаго общества! Что же касается до слова «подлецъ», авторъ употребляетъ его и отъ своего лица, какъ люди порядочнаго тона употребляютъ, кромѣ этого слова, слова: воръ, разбойникъ, плутъ, взяточникъ, казнокродъ, завистникъ, лжецъ, клеветникъ и т. п. И я, право, не понимаю, что неприличнаго въ словѣ подлецъ, и чѣмъ оно непристойнѣе, напримѣръ, словъ: предатель, низкопоклонникъ и проч. Дѣло не въ словѣ, а въ тонѣ, въ какомъ это слово произносится. Иной любезникъ чиновническаго или гостинодворскаго кружка говоритъ все вѣжливости, одна другой тоньше и деликатнѣе, а все кажется, будто онъ отпускаетъ такія выраженія, за которыя выводятъ подъ руки изъ собраній; а порядочный человѣкъ выражается рѣзко, называетъ вещи ихъ настоящими словами—вонь вонью, подлеца подлецомъ, и между тѣмъ разговоръ его все-таки исполненъ благородства и достоинства, приличія и хорошаго тона. Правда, Гоголь иногда касается

такихъ сторонъ общественности, которыя подъ перомъ иныхъ писателей были бы просто невыносимы и для обонянія, и для слуха, и для взора; но какъ Гоголь не копируетъ дѣйствительности, а «возводитъ ее въ перлъ созданія», какъ его юморъ спокоенъ, мягокъ и благороденъ, несмотря на свою силу, цѣпкость и глубокость, то въ его созданіяхъ никогда и ничего не бываетъ низкаго и тривіальнаго. Онъ владѣетъ тайною великаго таланта обращать въ чистое золото все, къ чему ни прикоснется. Скажите по совѣсти, встрѣчали ли вы въ его сочиненіяхъ хотя одну картину грубой чувственности, написанную съ желаніемъ самому налюбоваться ею и, возбужденіемъ нечистаго восторга, пріобрѣсти себѣ бо́льшее число читателей? Гдѣ, укажите, рисуетъ онъ грязь для грязи, по страсти къ цинизму — замашка, довольно любимая, впрочемъ, добрымъ и талантливымъ Поль-де-Кокомъ, съ которымъ, такъ не въ попадъ, такъ натянуто, вздумала равнять Гоголя рецензія? Гоголь и Поль-де-Кокъ—это имена, между которыми столько же общаго, какъ между именами Вольтера и какого-нибудь барона Брамбеуса. Кстати: я знаю одного писателя, хоть и плохо по-русски пишущаго, но во многомъ походящаго на Поль-де-Кока, по крайней мѣрѣ, со стороны цинизма, если не со стороны знанія языка, таланта, сердечной теплоты. Это—баронъ Брамбеусъ... Вотъ его такъ можно обвинять въ дурномъ тонѣ, въ плоскостяхъ, въ сальностяхъ, въ явномъ незнаніи русскаго языка и русской грамматики, при талантѣ, котораго силу составляетъ смѣлость, да иногда блёстки внѣшняго, поверхностнаго ума. И подобное обвиненіе можно подкрѣпить фактами, противъ которыхъ нечего будетъ сказать ни вамъ, ни всякому другому, ни даже барону Брамбеусу. Если вы забыли его несчастныя «Фантастическія Путешествія», какъ забыла ихъ русская публика, бросившаяся было на нихъ сначала слишкомъ горячо, по опрометчивости, столь свойственной всему моло-

дому,—то вамъ стóитъ только перелистовать ихъ, чтобы передъ вами возникла цѣлая галлерея картинъ, одна другой неумытѣе, одна другой спиртуознѣе, до того, что передъ ними всякіе другіе «запахи» должны утратить свою рѣзкость. Да вотъ кстати—со мной одна изъ тетрадей литературныхъ матеріяловъ, которые я собираю для составленія исторіи русской литературы. Я вѣдь и зашелъ сюда именно потому, что мнѣ нужно навести кое-какія справки на счетъ критики «Библіотеки для Чтенія». Я не буду вамъ разрывать всей этой кучи, чтобъ не заставить васъ зажимать, или, какъ выражается рецензія, «закрывать рукою» вашъ «почтеннѣйшій» носъ; я только напомню вамъ бѣгло кой-что, и прежде всего то мѣсто, гдѣ баронъ проваливается черезъ Этну къ антиподамъ и попадается прямо въ антрша танцовавшей губернаторши, которая жметъ его колѣнками, душитъ, а онъ, за это, кусаетъ ее за мягкую тяжесть, наполнившую его ротъ [1]). Что́—хорошо?... А его чистоплотные разсказы о «тихомъ, роскошномъ, пуховомъ тѣльцѣ дѣвушекъ, въ коротенькихъ розовыхъ юбочкахъ» [2]); о «свѣтлой похотливой кожѣ, преданныхъ на жертву жадпымъ взорамъ, пухленькихъ грудей, и плечь» [3]) о «постели двухъ юныхъ любовниковъ, только что оставленной ими поутру въ живописномъ безпорядкѣ, еще дышащей волканическою теплотою ихъ сердецъ, среди холодныхъ уже слѣдовъ перваго взрыва ихъ любви» [4]); о душѣ пустынника, «забирающейся за пестрые прозрачные платочки его слушательницъ, чтобъ играть съ ихъ бѣленькою грудью и щекотать ихъ подъ сердцемъ» [5]); о «бѣлой, жирной ножкѣ мандарипши», на которой влюбленныя насѣкомыя (т. е. блохи) утопаютъ въ небесномъ блаженствѣ» и которыхъ мандаринша должна была «всякій вечеръ ловить у себя

[1]) «Фант. Пут. барона Брамбеуса» стр. 307—309.—[2]) «Биб. для Чтенія» 1834 г. т. I, стр. 4—5—[3]) Ibid. стр. 61.—[4]) «Фант. Пут. стр. 199—[5]) «Новоселье» ч. II, стр. 217—218.

подъ рубашкою» [1]). Какъ вы думаете: вѣдь право недурно?.. Да то ли еще есть у «почтеннѣйшаго» барона! Вспомните-ка его «Большой выходъ Сатаны», гдѣ чортъ сидитъ на воронкѣ, обороченной вверхъ острымъ концомъ и роскошно повертывается на этомъ эстетическомъ сѣдалищѣ, вслѣдствіе оплеухи, данной ему сатаною... А тонъ, выраженія г. барона? О, это верхъ свѣтскости! Напримѣръ: «Если есть счастіе на свѣтѣ, то не индѣ, какъ въ шаравахъ» [2]); или: «иную бабу можно считать своею деревнею, которая приноситъ 150,000 годоваго дохода» [3]); или: «еслибъ людей дѣлали немножко иначе, не такъ поспѣшно и съ должнымъ вниманіемъ, они были бы гораздо умнѣе» [4]); или: «Льстецы, видя только задъ души въ глазахъ сильныхъ людей, не разбираютъ и лобызаютъ все, что̀ имъ ни выставишь» [5])... Помните ли его статью «Юная Словесность», гдѣ юная словесность лѣзетъ къ нашему барону въ домъ, «шумитъ, безчинствуетъ, ломаетъ утварь, расхищаетъ всю собственность и принадлежность счастія» [6])? Баронъ объявляетъ читателямъ, что у него есть баронесса, «образующая вмѣстѣ съ нимъ широкую и плотную массу человѣчества», которую онъ хочетъ спасти отъ нападеній «юной словесности», для чего и «пробуетъ треснуть ей въ лобъ колодой картъ». Юная словесность «стрѣляетъ раскаленными ядрами по бастіону супружества»; потомъ «бусурманка (т. е. юная словесность) изранила взаимное довѣріе супруговъ». Баронъ пыхтитъ и кричитъ: «Не поддадимся! о, коварная словесность! о, мерзкая словесность!.. Ахъ, распутница!» Баронесса «срывается ночью съ постели, повалилась на землю, грызетъ въ бѣшенствѣ камень», а юная словесность, «вся запачканная кровью, пыхтитъ и

[1]) Ibid. стр. 168—[2]) „Новоселье“, ч. II, стр. 204—[3]) „Биб. для Чтенія“, т. I, отд. I, стр. 97. — [4]) «Новоселье» ч. II, стр. 146. [5]) Ibid. стр. 148. — [6]) «Биб. для Чтенія», т. III, отд. I, стр. 51—59.

качается въ своей грязной лужѣ» и проч. Право, хорошо, Что жь не смѣетесь, не хохочете, или, по крайней мѣрѣ! не пыхтите отъ восторгу?... Что жь вы не восклицаете: «какіе свинтусы, какіе скотоводы эти нечистоплотные періоды, эти зловонныя картины»?... Что́ такое исторія, какъ наука? — «Жеманная и придирная баба» [1].... Что такое историческій романъ?—«Плодъ соблазнительнаго прелюбодѣянія исторіи съ воображеніемъ» [2]... Что́ такое сочинитель «Мазепы» (плохаго романа, теперь забытаго)?—«Наѣздникъ, который въ полночь лѣзетъ къ критику въ разбитое окно вооруженный острымъ гусинымъ кинжаломъ [3]... Теперь, не угодно ли полюбоваться философическими афоризмами столько же глубокомысленнаго, сколько и эстетическаго барона?—«Воздухъ есть сухая вода» [4]; «камень, гранитъ—тоже жидкость, но которой мы уже не можемъ укусить нашими зубами» [5]); «Земная планета—атомъ приведеннаго въ броженіе теплотворомъ яичнаго желтка около перваго зародыша цыпленка» [6])... «Что такое я самъ»? спрашиваетъ баронъ, и тотчасъ весьма удовлетворительно рѣшаетъ этотъ любопытный вопросъ: «Я тоже жидкость, маленькая мѣра жидкости, сгущенной до извѣстной степени, вылитой по особенному образцу, зажженной внутри искрою небеснаго огня» [7])... Не хотите ли образчика баронскаго слогу?—«Эта бѣдная Зенеида... Она просто жертва неопредѣленности нашего быта! Живая утопленница зыбкихъ его формъ, окруженная неизбѣжною погибелью, еще борющаяся съ волнами страшнаго хаоса и въ лицѣ погибели (?) хватающаяся за подмытые утесы, которые обрушаются и дробятся въ ея рукахъ! Уже наша образованность обманула ее призракомъ супружескаго счастія; уже смолола ея существованіе въ своей пасти, и бросила его (?) безъ вся-

[1]) Ibid. Т. II. отд. V, стр. 42.—[2]) Ibid. стр. 14.—[3]) Ibid. стр. 44.—[4]) «Биб. для Чтенія», т. II, отд I, стр. 145. — [5]) Ibid. стр. 146.—[6]) Ibid.—[7]) Ibid. стр. 146.

кой доски въ омутъ домашняго насилія» [1])... Хорошо!... Но довольно! Я боюсь васъ утомить чтеніемъ этихъ отрывковъ изъ моей тетрадки, которая, увѣряю васъ, очень любопытна, и если не пыхтитъ сама, то заставитъ порядкомъ попыхтѣть иныхъ романистовъ, критиковъ и рецензентовъ... Посудите сами о богатствѣ собранныхъ мною фактовъ: все, что́ я успѣлъ прочесть вамъ, ограничивается «Фантастическими Путешествіями», «Новосельемъ» и тремя первыми томами «Библіотеки для Чтенія» за 1834 годъ... Слышите ли: только! Сколько же еще богатыхъ источниковъ! О, я надѣюсь написать прелюбопытную исторію русской литературы!..

Б. Вотъ эта книга по мнѣ! Страхъ люблю полемику! Дастъ пищу для споровъ и средство взглянуть на предметъ съ разныхъ сторонъ.

А. Это будетъ не полемика, а исторія... Но мы отклонились отъ предмета нашего разговора—пыхтящей рецензіи. Она очень ошиблась—не въ томъ, что вздумала равнять Гоголя съ Поль-де-Кокомъ, и даже унижать перваго передъ послѣднимъ, но въ томъ, что могла думать, будто не найдется человѣка, который растолковалъ бы ей, что у нея подъ рукою есть писатель, совершенно подходящій подъ ея обвиненія и болѣе годный для параллели съ Поль-де-Кокомъ... Хорошо понимая, что успѣха «Мертвыхъ Душъ» не остановить ей, пыхтящая рецензія приписываетъ необычайный успѣхъ этого превосходнаго художественнаго произведенія грязности и сальности, смѣло и храбро навязаннымъ ею. Жалкія усилія, безсильные извороты! Этакъ можно объяснять развѣ только успѣхъ какого-нибудь барона Брамбеуса и какой-нибудь «Библіотеки для чтенія», которыхъ судьба вначалѣ была такъ блестяща, а теперь такъ печальна! Баронъ давно уже забытъ и тщетно пытался

[1]) Ibid. стр. 161.

напомнить о себѣ публикѣ длиннымъ разглагольствованіемъ о «Дѣвѣ Чудной» (публика отъ «Дѣвы» заснула, а о баронѣ не вспомнила); а «Библіотека» быстро подвигается, засыпая сама и усыпляя своихъ читателей, къ берегамъ томной Леты... Передъ смертью жизнь вспыхиваетъ ярче, какъ огонь, готовый погаснуть въ лампадѣ: и вотъ вамъ причина энергіи пыхтящей рецензіи... Въ самомъ дѣлѣ, баронъ трудился, пыхтѣлъ, написалъ новый романъ, попытался, напечатавъ его половину, разманить имъ вниманіе публики, но, увы!—публика уже не та! Съ тѣхъ поръ, какъ «Библіотека для Чтенія» успѣла ей наскучить этою мудростью, которая по плечу толпѣ, этимъ скептицизмомъ, который удивляетъ и озадачиваетъ только слабоумныхъ и невѣждъ, этимъ остроуміемъ, которое поддерживается искаженіемъ истины и повторяетъ себя однѣми и тѣми же шуточками,—съ тѣхъ поръ публика прочла «Капитанскую Дочку» и посмертныя произведенія Пушкина, познакомилась въ театрѣ съ «Ревизоромъ», заучила наизустъ Лермонтова, и много разъ перечла его «Героя Нашего Времени»... Какой шагъ впередъ! Удивительно ли, что эта публика даже не дочла до конца «Дѣвы Чудной» и назвала ее «дѣвою скучною»?... Что дѣлать барону?—Тщетно «Библіотека для Чтенія» громко провозгласила г. Кукольника геніемъ, великимъ поэтомъ, какъ провозглашала она нѣкогда г. Тимофеева и многія другія посредственности, не страшныя не опасныя ни ей, ни барону Брамбеусу: ничто не помогло! Публика даже не стала читать ни «Эвелины де Вальероль», ни «Двухъ призраковъ», ни «Альфа и Альдоны», а на расхватъ раскупила «Мертвыя Души»—произведеніе писателя, о которомъ если «Библіотека для Чтенія» и упоминала, то всегда съ презрѣніемъ и насмѣшками... Такъ нѣкогда публика забыла «Большой Выходъ Сатаны» и не прочла «Похожденій Одной Ревижской Души», потому что сильно заинтересовалась какою то повѣстью о ссорѣ Ивана Ивановича

съ Иваномъ Никифоровичемъ... Постой же, мы его!... И вотъ является пыхтящая рецензія, гдѣ превосходное художественное произведеніе названо «нечистоплотнымъ твореніемъ», глубочайшій и могущественнѣйшій юморъ—плоскостью, благородное сознаніе поэта въ чувствѣ собственнаго значенія въ родной ему русской литературѣ—бредомъ напыщеннаго тщеславія, и гдѣ, къ довершенію всего, содержаніе, ходъ дѣйствія, словомъ, все представлено въ ложномъ, изпошенномъ видѣ, умышленно перетолковано въ дурную сторону, подвержено мелкимъ придиркамъ мелочной критики, побирающейся мелкими обмолвками противъ языка и грамматики... Посмотримъ, поможетъ ли горю это salto mortale критической добросовѣстности и отчаянной отваги... Посмотримъ, чѣмъ кончится споръ, если онъ уже и не кончился... Гоголь, разумѣется, и не узнаетъ объ этихъ отчаянныхъ вылазкахъ на его поэтическую славу (онъ, кажется, человѣкъ совсѣмъ нелюбопытный до многаго, что̀ дѣлается въ русской литературѣ); поэтому, естественно, онъ будетъ отвѣчать только новыми своими произведеніями, отъ которыхъ иные романисты-рецензенты запыхтятся на смерть...

Б. Я впрочемъ радъ этому разговору. Я люблю видѣть вещи со всѣхъ сторонъ. Сегодня же пойду къ С*** и къ Л***, и буду съ ними спорить противъ «Библіотеки для Чтенія» за Гоголя. Это ихъ удивитъ, а мнѣ доставитъ много удовольствія. Впрочемъ, вы все-таки не убѣдили меня. Разговоръ не то, что̀ статья. Говорить можно все, а вотъ еслибъ вы напечатали статью, гдѣ бы такъ же смѣло опровергали рецензію «Библіотеки для Чтенія», какъ смѣло и рѣшительно она отдѣлала «Мертвыя Души» и Гоголя: тогда другое дѣло! Однакожъ я теперь не совсѣмъ согласенъ и съ «Библіотекою». Мнѣ кажется, что надо держаться середины...

А. Именно такъ. Середина всего выгоднѣе, по крайней

мѣрѣ, для успѣха такихъ литературныхъ произведеній и такихъ журналовъ, которые судьбою поставлены на середину. Побольше такихъ умѣренныхъ людей, какъ вы,—и они всегда будутъ процвѣтать, смѣняя другъ друга, умирая индивидуально, но не переводясь какъ роды и виды... Но, пора обѣдать. Прощайте.

ОБЪЯСНЕНІЕ НА ОБЪЯСНЕНІЕ ПО ПОВОДУ ПОЭМЫ ГОГОЛЯ „МЕРТВЫЯ ДУШИ."

Изъ множества статей, написанныхъ въ послѣднее время о «Мертвыхъ Душахъ», или по поводу «Мертвыхъ Душъ», особенно замѣчательны четыре. Ихъ нельзя не раздѣлить на двѣ половины, по-парно. Каждая изъ двухъ статей въ парѣ составляетъ рѣзкій контрастъ; на каждую можно смотрѣть, какъ на крайнюю противоположность другой парѣ. О первой изъ нихъ мы упоминали въ предыдущей книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ», какъ о единственной хорошей статьѣ изъ всѣхъ, написанныхъ по поводу поэмы Гоголя. Она напечатана въ третьей книжкѣ «Современника». Это статья умная и дѣльная сама по себѣ, безотносительно; но кто-то, вѣроятно, безъ всякаго умысла, а спроста и невинно, сдѣлалъ рѣзче ея достоинство и выше ея цѣну, написавъ къ ней нѣчто въ родѣ антипода и назвавъ свое посильное писаніе критикою на «Мертвыя Души». Смыслъ этой «критики» находится въ обратномъ отношеніи къ смыслу статьи «Современника». Боже мой, сколько курьёзнаго въ этой «критикѣ»! Довольно сказать, что въ ней Селифанъ названъ представителемъ неиспорченной русской натуры, Ахилломъ новой «Иліады», на томъ основаніи, что онъ *а)* пріятельски разговариваетъ съ лошадьми, и *б)* напивается мертвецки со всякимъ хорошимъ, т. е.

всегда готовымъ мертвецки напиться, человѣкомъ... По этому, можно судить и о прочемъ, чѣмъ такъ необыкновенно замѣчательна «критика», о которой мы говоримъ.

Другую пару рѣзкихъ противоположностей составляютъ: статья въ «Библіотекѣ для Чтенія» и московская брошюрка «Нѣсколько словъ о поэмѣ Гоголя: Похожденія Чичикова или Мертвыя Души».—Статья «Библіотеки для Чтенія» была неудачнымъ усиліемъ втоптать въ грязь великое произведеніе натянутыми и умышленно-фальшивыми нападками на его, будто бы, безграмотность, грязность и эстетическое ничтожество. Всѣмъ извѣстно, что эта статья добилась совсѣмъ не тѣхъ результатовъ, о которыхъ хлопотала.

Брошюрка—антиподъ этой статьи—пошла отъ противоположной крайности: въ ней «Мертвыя Души» являются вторымъ твореніемъ послѣ «Иліады», а подлѣ Гоголя позволяется становиться только Гомеру и Шекспиру...

Но «Мертвыя Души» и безъ всякихъ претензій становиться на ряду съ «Иліадой» имѣютъ великое достоинство: оттого-то онѣ устояли не только противъ статьи «Библіотеки для Чтенія», но—что́ было гораздо труднѣе—и противъ московской брошюры... Къ поэмѣ Гоголя, стало-быть, нельзя примѣнить этихъ стиховъ Пушкина:

Враговъ имѣетъ въ мірѣ всякъ;
Но отъ друзей спаси насъ, Боже!
Ужь эти мнѣ друзья, друзья!
Объ нихъ не даромъ вспомнилъ я.

Мы раздѣлили эти четыре статьи на двѣ пары, основываясь на противоположности ихъ достоинствъ и исходныхъ пунктовъ; теперь раздѣлимъ ихъ по тождеству достоинства и взглядовъ ихъ. По послѣднему раздѣленію, останутся только двѣ статьи, ибо статья «Современника», въ такомъ случаѣ, будетъ безъ пары, какъ статья умная и дѣльная; статья «Библіотеки для Чтенія» тоже будетъ безъ пары, какъ протестація противъ огромнаго успѣха явнаго таланта.

Итакъ, остаются только двѣ статьи: та, въ которой Селифанъ торжественно признанъ представителемъ «неиспорченной русской натуры», и московская брошюрка; обѣ онѣ много имѣютъ между собою общаго и родственнаго. Но объ этомъ послѣ, а сперва замѣтимъ, мимоходомъ, что намъ много даютъ работы и бранныя и хвалебныя статьи о «Мертвыхъ Душахъ». Такъ какъ эти хвалебныя статьи больше оскорбляютъ людей безпристрастныхъ и благомыслящихъ, то ихъ-то мы и поставляемъ себѣ за обязанность преслѣдовать преимущественно передъ бранными. Вслѣдствіе этого, въ 8-й книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» была высказана, прямо и опредѣлительно, горькая истина московской брошюрѣ «Нѣсколько словъ о поэмѣ Гоголя: Похожденія Чичикова или Мертвыя Души» (Стр. 433 этой части). Это крайне не понравилось автору ея, г. Константину Аксакову,—и вотъ онъ въ 9-мъ № «Москвитянина», напечаталъ противъ насъ возраженіе, въ которомъ силится доказать, что будто бы мы умышленно исказили смыслъ его брошюры и приписали ему такія мнѣнія, которыхъ онъ не можетъ признать своими. Стóитъ только перечесть или нашу рецензію, или брошюру г. Константина Аксакова, чтобъ убѣдиться, что мы нисколько не перепачивали дѣла, но представили его такимъ, какъ оно есть, и что оттого именно оно и приняло нѣсколько комическій характеръ. Возраженіе автора брошюры также можетъ служить нашимъ оправданіемъ, ибо въ немъ-то и перепачено дѣло: авторъ брошюры, замѣтивъ неловкость своего положенія, прибѣгнулъ къ обыкновенной, но неловкой литературной увертκѣ,— отперся отъ части своихъ мыслей и много наговорилъ о томъ, что́, по его мнѣнію, могло служить ему оправданіемъ, умолчавъ о немногомъ, составляющемъ сущность его брошюры и придавшемъ ей такой комическій характеръ. Объясняемся, не ради г. Константина Аксакова, котораго ни брошюра, ни возраженія не стóятъ большихъ

хлопотъ; но ради важности предмета, подавшаго поводъ къ тому и другому. Впрочемъ, если наше объясненіе будетъ полезно и для г. Константина Аксакова, мы будемъ этому очень рады, ибо не имѣемъ никакихъ причинъ не желать добра ни ему, ни кому другому.

Г. Константинъ Аксаковъ начинаетъ свое «Объясненіе» тѣмъ, что брошюра (имя рекъ) принадлежитъ ему, и что въ концѣ ея выставлено его имя, которое, неизвѣстно почему, не упомянуто «Отеч. Записками». Признаёмъ справедливость претензіи г. Константина Аксакова, и чтобъ, загладить нашу вину передъ нимъ, касательно умолчанія его имени, будемъ, въ этой статьѣ, какъ можно чаще употреблять его. Впрочемъ, не желая оставлять г. Константина Аксакова въ неизвѣстности о причинѣ умолчанія его имени въ рецензіи, спѣшимъ объяснить, что мы не упомянули этого имени по чувству гуманной деликатности, будучи увѣрены, что имя человѣка и неудачная статья—не одно и то же, ибо и умный, порядочный человѣкъ можетъ написать (и даже напечатать) плохую брошюру. По тому же самому чувству гуманной деликатности, мы не хотѣли (хотя бы и слѣдовало это сдѣлать по требованію истины) замѣтить, въ нашей рецензіи, что брошюра г. Константина Аксакова вся состоитъ изъ сухихъ, абстрактныхъ построеній, лишенныхъ всякой жизненности, чуждыхъ всякаго непосредственнаго созерцанія, и что, по этому, въ ней нѣтъ ни одной яркой мысли, ни одного теплаго, задушевнаго слова, которыми ознаменовываются первыя и даже самыя неудачныя попытки талантливыхъ и пылкихъ молодыхъ людей, и что, по тому же, въ ея изложеніи видна какая-то вялость, разплывчивость, апатія, неопредѣленность и сбивчивость.

Главное обвиненіе г. Константина Аксакова противъ насъ состоитъ въ томъ, что будто бы мы заставили его называть «Мертвыя Души» Иліадою, а Гоголя—Гомеромъ. Чтобъ

отстранить отъ себя нашу улику, онъ ссылается на свою брошюру и дѣлаетъ изъ нея выписки; но все это нисколько не поможетъ горю. Г. Константинъ Аксаковъ дѣйствительно не называлъ «Мертвыхъ Душъ» Иліадою, а Гоголя—Гомеромъ: такихъ словъ нѣтъ въ его брошюрѣ; но онъ поставилъ «Мертвыя Души» на одну доску съ «Иліадою», а Гоголя на одну доску съ Гомеромъ: вотъ что́ правда, то правда! Ибо какъ же иначе, если не въ такомъ смыслѣ, можно понимать эти слова брошюры (о которыхъ г. Константинъ Аксаковъ какъ-будто и забылъ, и надо согласиться, что въ этомъ случаѣ, память очень кстати измѣнила ему):

„Такъ, глубоко значеніе, являющееся намъ въ „Мертвыхъ Душахъ“ Гоголя! Передъ нами возникаетъ новый характеръ созданія, *является оправданіе цѣлой сферы поэзіи*, сферы давно унижаемой; *древній эпосъ возстаетъ предъ нами*“.

Это значитъ ни больше, ни меньше, какъ то, что давно унижаемый эпосъ Гомера вновь воскрешенъ Гоголемъ, и что «Мертвыя Души», слѣдовательно, вторая «Иліада!!...»

Еще разъ спрашиваемъ: можно ли иначе понять эти слова г. Константина Аксакова? Онъ жалуется, что мы, по обыкновенію журналистовъ, имѣющихъ въ виду уронить непріятное имъ произведеніе, вырывали мѣстами по нѣсколько строкъ изъ его брошюры, прибавляя къ нимъ собственныя замѣчанія. Но неужели же мы должны были выписывать все? это значило бы украсить нашъ журналъ брошюрою г. Константина Аксакова, на что́ мы не имѣли ни права, ни охоты. Итакъ, мы выписали изъ брошюры только тѣ строки, въ которыхъ заключались, ея основныя положенія. Такъ сдѣлаемъ мы и теперь. Послѣ выписанныхъ строкъ, намъ надо было бы перепечатать теперь нѣсколько страницъ: но это было бы скучно и для насъ и для читателей, и потому мы только перескажемъ содержаніе этихъ нѣсколькихъ страницъ, непосредственно слѣдующихъ за

выписанными нами строками. Сперва авторъ брошюры характеризуетъ древній эпосъ тѣмъ, что этотъ эпосъ «основанъ былъ на глубокомъ простомъ созерцаніи и обнималъ собою цѣлый опредѣленный міръ во всей неразрывной связи его явленій», что въ немъ все на своемъ мѣстѣ, всякій предметъ переносится въ него съ его правами, съ тайною его жизни, и т. п. Все это и не ново, и во всемъ этомъ нѣтъ никакой опредѣленности... Потомъ, авторъ брошюры говоритъ, что этотъ эпосъ, перенесенный на Западъ, все мелѣлъ, мелѣлъ, «снизошелъ до романовъ и, наконецъ, до крайней степени своего униженія, до французской повѣсти» (стр. 3).—«И вдругъ, среди этого времени, возникаетъ древній эпосъ съ своею глубиною и простымъ величіемъ—является поэма Гоголя. Тотъ же глубокопроникающій и все видящій эпическій взоръ, то же всеобъемлющее эпическое созерцаніе».—«Въ поэмѣ Гоголя является намъ тотъ древній, гомеровскій эпосъ; въ ней возникаетъ вновь его важный характеръ, его достоинство и широко-объемлющій размѣръ» (стр. 4).

Теперь дѣло ясно: эпосъ есть что-то великое; онъ вполнѣ выразился въ созданіяхъ Гомера («Иліадѣ» и «Одиссеѣ»); но со временъ Гомера до Гоголя (до 1842-го года по Р. Х.) все мелѣлъ и искажался: Гоголь же вновь воскреснлъ его во всей его первобытной красотѣ и свѣжести...

Неужели и теперь г. Константинъ Аксаковъ отопрется отъ своихъ словъ, явно написанныхъ имъ сгоряча и необдуманно (ибо въ спокойномъ состояніи духа такихъ вещей не говорятъ) и будетъ стараться дать имъ другое значеніе? Нѣтъ, улика на лицо, и тутъ не помогутъ никакія увертки...

Правда, древне-эллинскій эпосъ, перенесенный на Западъ, точно мелѣлъ и искажался; но въ чемъ?—въ такъ называемыхъ эпическихъ поэмахъ—въ «Энеидѣ», «Освобожденномъ Іерусалимѣ», «Потерянномъ Раѣ», «Мессіадѣ»

и проч. *) Всѣ эти поэмы имѣютъ свои неотъемлемыя достоинства, но какъ частности и отдѣльныя мѣста, а не въ цѣломъ; ибо онѣ не самобытныя созданія, которымъ бы современное содержаніе дало и современное форму, а подражанія, явившіяся вслѣдствіе школьно-эстетическаго преданія объ «Иліадѣ», преданія, гдѣ «Илліада» была смѣшана и отождествена съ родомъ поэзіи, къ которому она принадлежитъ. И этотъ древне-эллинскій эпосъ, перенесенный на Западъ, дошелъ до крайняго своего униженія въ «Генріадахъ», «Россіадахъ», «Петріадахъ», «Александроидахъ», и другихъ «идахъ», «адахъ» и «ядахъ»; сюда же должно отнести и такія уродливыя произведенія, какъ «Телемакъ» Фенелопа, «Гонзальвъ Кордуанскій» Флоріана, «Кадмъ и Гармонія» и «Полидоръ, сынъ Кадма и Гармоніи» Хераскова и проч. Еслибъ г. Константинъ Аксаковъ это разумѣлъ подъ искаженіемъ на Западѣ древняго эпоса,—мы совершенно съ нимъ согласились бы, потому что это фактъ, историческій фактъ, противъ котораго нечего сказать. Но въ такомъ случаѣ, онъ долженъ бы былъ принять за основаніе, что древне-эллинскій эпосъ и не могъ не исказиться, будучи перенесенъ на Западъ, особенно въ новѣйшія времена. Древне-эллинскій эпосъ могъ существовать только для древнихъ Эллиновъ, какъ выраженіе ихъ жизни, ихъ содержанія въ ихъ формѣ. Для міра же новаго, его нечего было и воскрешать, ибо у міра новаго есть своя жизнь, свое содержаніе и своя форма, слѣдовательно, и свой эпосъ. И эпосъ новаго міра явился преимущественно въ романѣ, котораго главное отличіе отъ древне-эллинскаго эпоса, кромѣ христіянскихъ и другихъ элементовъ новѣйшаго міра, составляетъ еще и проза жизни, вошедшая въ его содержаніе и чуждая древне-эллинскому эпосу. И потому,

*) Изъ этихъ поэмъ должно исключить Divina Comedia Данте, какъ твореніе самобытное, совершенно въ духѣ католической Европы среднихъ вѣковъ.

романъ отнюдь не есть искаженіе древняго эпоса, но есть эпосъ новѣйшаго міра, исторически возникнувшій и развившійся изъ самой жизни и сдѣлавшійся ея зеркаломъ, какъ «Иліада» и «Одиссея» были зеркаломъ древней жизни. Г. Константинъ Аксаковъ умолчалъ о романѣ, сказавъ только, и то въ выноскѣ, что конечно и романъ и повѣсть имѣютъ-де свое значеніе и свое мѣсто въ исторіи искусства поэзіи; но что предѣлы статьи его не позволяютъ ему распространиться о нихъ (стр. 3). Во первыхъ, эта выноска явно противорѣчитъ съ текстомъ, гдѣ опредѣлительно сказано, что древній эпосъ, перенесенный на Западъ, все мелѣлъ, искажался, снизошелъ до романовъ и, наконецъ, до крайней степени своего униженія, до французской повѣсти: слѣдовательно, какое же свое значеніе, кромѣ искаженія древняго эпоса, могутъ имѣть романъ и повѣсть въ глазахъ г. Константина Аксакова? И притомъ, если говорить (особенно такія диковинки и такъ смѣло), то ужь надо говорить все и притомъ опредѣленнѣе, чтобъ не дать себя поймать на недоговоркахъ; или ничего не говорить; или говоря, не противорѣчить себѣ ни въ текстѣ, ни въ выноскахъ; или, наконецъ, проговорившись, умѣть смолчать. Въ противномъ случаѣ, это все равно, какъ еслибъ кто-нибудь, сказавъ такъ: «Байронъ плохой поэтъ», а въ выноскѣ замѣтивъ: «впрочемъ и Байронъ имѣетъ свое значеніе, но мнѣ теперь некогда о немъ распространяться», считалъ бы себя правымъ и подумалъ бы, что онъ все сказалъ, и сказалъ дѣло, а не пустяки. Г. Константинъ Аксаковъ ни однимъ словомъ не упомянулъ въ своей брошюрѣ ни о Сервантесѣ, ни о Вальтерѣ Скоттѣ, ни о Куперѣ,— чѣмъ и далъ право думать, что онъ и въ нихъ видитъ исказителей эпоса, возстановленнаго Гоголемъ!!!... Въ нашей рецензіи, мы это замѣтили г. Константину Аксакову, сказавъ при этомъ, что Вальтеръ Скоттъ есть истинный представитель современнаго эпоса, т. е. историческаго романа, что

Вальтеръ Скоттъ могъ явиться (и явился) безъ Гоголя, но что Гоголя не было бы безъ Вальтеръ Скотта; и, наконецъ, если Гоголя можно сближать съ кѣмъ-нибудь, такъ ужь конечно съ Вальтеръ Скоттомъ, которому онъ, какъ и всѣ современные романисты, такъ много обязанъ, а не съ Гомеромъ, съ которымъ у него нѣтъ ничего общаго. Но г. Константинъ Аксаковъ въ своемъ «Объясненіи» промолчалъ объ этомъ:—изворотъ очень полезный, для него, разумѣется, но по отношенію къ намъ не совсѣмъ добросовѣстный.... И это-то самое заставляетъ насъ повторить, что г. Константинъ Аксаковъ считаетъ романъ униженіемъ эпоса (ибо у него эпосъ нисходитъ до романа), а Вальтеръ Скотта просто ни за что не считаетъ (ибо не удостоиваетъ его и упоминаніемъ—вѣроятно, изъ опасенія унизить Гоголя какимъ бы то ни было сближеніемъ съ такимъ незначущимъ писателемъ, какъ Вальтеръ Скоттъ). Какъ называются такія умозрѣнія—предоставляемъ рѣшить читателямъ...

Итакъ, романъ совершенно уничтоженъ г. Константиномъ Аксаковымъ; но современный эпосъ проявился не въ одномъ романѣ исключительно: въ новѣйшей поэзіи есть особый родъ эпоса, который не допускаетъ прозы жизни, который схватываетъ только поэтическіе, идеальные моменты жизни, и содержаніе котораго составляютъ глубочайшія міросозерцанія и нравственные вопросы современнаго человѣчества. Этотъ родъ эпоса одинъ удержалъ за собою имя «поэмы». Таковы всѣ поэмы Байрона, нѣкоторыя поэмы Пушкина (въ особенности «Цыганы» и «Галубъ»), также Лермонтова «Демонъ», «Мцыри» и «Боярин Орша». Если для г. Константина Аксакова поэмы Пушкина и Лермонтова не составляютъ факта, то какъ же не упомянулъ онъ ни слова о Байронѣ? Положимъ, что Байронъ, въ сравненіи съ Гоголемъ—ничто, а Чичиковы, Маниловы и Селифаны имѣютъ болѣе всемірно-историческое значеніе, чѣмъ титаническія, колосальныя личности британскаго поэта; но, ничтожный

въ сравненіи съ Гоголемъ, Байронъ все-таки долженъ же имѣть хоть какое-нибудь свое значеніе и свое мѣсто въ исторіи новѣйшаго искусства?... Почему же г. Константинъ Аксаковъ не удостоилъ упомянуть о Байронѣ, ну хоть однимъ презрительнымъ словомъ, хоть для того, чтобъ уничтожить его во имя «Мертвыхъ Душъ»? Неужели же, спросятъ насъ, г. Константинъ Аксаковъ не шутя и въ Байронѣ видитъ искаженіе эпоса?—Должно быть, такъ: ибо настоящій, истинный эпосъ, послѣ Гомера, явился только въ «Мертвыхъ Душахъ»—отвѣчаемъ мы... Да это (опять скажутъ намъ), это просто... нелѣпость, галиматья!... Помилуйте, какъ это можно (отвѣчаемъ мы): это умозрѣнія, спекулативныя построенія, гегелевская философія—на замоскворѣцкій ладъ...

Что между Гоголемъ и Гомеромъ есть сходство—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія; но какое сходство;—такое, что тотъ и другой—поэты; другаго нѣтъ и быть не можетъ. Однакожь, такое сходство не только между Гомеромъ и французскимъ пѣсенникомъ Бе́ранже, но и между Шекспиромъ и русскимъ баснописцемъ Крыловымъ: всѣхъ ихъ дѣлаетъ сходными—творчество. Но думать, что въ наше время возможенъ древній эпосъ—это такъ же нелѣпо, какъ и думать, чтобъ въ наше время человѣчество могло вновь сдѣлаться изъ взрослаго человѣка ребенкомъ, а думать такъ—значитъ быть чуждымъ всякаго историческаго созерцанія, и пустыя фантазіи празднаго воображенія выдавать за философскія истины...

Итакъ, повторяемъ: г. Константинъ Аксаковъ не называлъ Гоголя Гомеромъ, а «Мертвыя Души»—«Иліадою»; онъ только сказалъ, что, во-первыхъ, «древній эпосъ былъ унижаемъ на Западѣ», а мы прибавили (и имѣли на это право) отъ себя:—Сервантесомъ, Вальтеръ Скоттомъ, Купе́ромъ, Байрономъ;—и что во-вторыхъ, «въ Мертвыхъ Душахъ, древній эпосъ возстаетъ передъ нами»; а мы приба-

вили отъ себя (и имѣли на это право):—ergo «Мертвыя Души» то же самое въ новомъ мірѣ, что̀ «Иліада» въ древнемъ, а Гоголь то же самое въ исторіи новѣйшаго искусства, что̀ Гомеръ въ исторіи древняго искусства.

Спрашиваемъ всѣхъ и каждаго: была ли какая-нибудь возможность вывести другое заключеніе изъ положеній г. Константина Аксакова? или: была ли какая-нибудь возможность не вывести изъ положеній г. Константина Аксакова того заключенія, какое мы вывели?—И мы ли виноваты, что заключеніе это насмѣшило весь читающій по-русски міръ?

Правда, г. Константинъ Аксаковъ далѣе въ своей брошюрѣ замѣчаетъ, что «само содержаніе кладетъ разницу между «Иліадою» и «Мертвыми Душами»; однакожь, эта оговорка у него не только не поясняетъ дѣла, а еще болѣе затемняетъ его, какъ противорѣчіе. Г. Константину Аксакову явно хотѣлось сказать что-то новое, неслыханное міромъ; и какъ у него не было ни силъ, ни призванія сказать новой великой истины, то онъ и разсудилъ сказать великій... какъ бы это выразить?—ну хоть парадоксъ... Удивительно ли, что, развивая и доказывая этотъ парадоксъ, онъ наговорилъ много такого, въ чемъ онъ самъ запутался и надъ чѣмъ другіе только добродушно посмѣялись?... Въ своемъ «Объясненіи», онъ особенно намекаетъ на то, что «эпическое созерцаніе Гоголя—древнее, истинное, то же, какое и у Гомера» и что «только у одного Гоголя видимъ мы это созерцаніе». Хорошо; да гдѣ же доказательства этого? Да нигдѣ—доказательствъ никакихъ, кромѣ увѣреній г. Константина Аксакова:—бѣдное и ненадежное ручательство! «Поэма Гоголя (говоритъ онъ) представляетъ вамъ цѣлую форму жизни, цѣлый міръ, гдѣ, опять, какъ у Гомера, свободно шумятъ и блещутъ воды, восходитъ солнце, красуется вся природа и живетъ человѣкъ,—миръ, являющій намъ глубокое, цѣлое, глубокое, внутри

лежащее содержаніе общей жизни, связующій единымъ духомъ всѣ свои явленія» (стр. 4). Вотъ всѣ доказательства близкой родственности Гомеровскаго эпоса съ Гоголевскимъ; но во-первыхъ, это столько же характеристика Гоголевскаго эпоса, сколько и эпоса Вальтеръ Скотта, съ тою только разницею, что эпосъ Вальтеръ Скотта именно заключаетъ въ себѣ «содержаніе общей жизни», тогда какъ у Гоголя эта «общая жизнь» является только какъ намекъ, какъ задняя мысль, вызываемая совершеннымъ отсутствіемъ общечеловѣческаго въ изображаемой имъ жизни. Противъ этого нечего возразить: это ясно. Помилуйте: какая общая жизнь въ Чичиковыхъ, Селифанахъ, Маниловыхъ, Плюшкиныхъ, Собакевичахъ и во всемъ честномъ компанствѣ, занимающемъ своею пошлостію вниманіе читателя въ «Мертвыхъ Душахъ?» Гдѣ тутъ Гомеръ? Какой тутъ Гомеръ? Тутъ просто Гоголь—и больше никого.

Говоря, что у Гоголя эпическое созерцаніе чисто-древнее, истинное, Гомеровское, и что Гоголь все-таки совсѣмъ не Гомеръ, а «Мертвыя Души» нисколько не «Иліада», ибо-де само содержаніе уже кладетъ здѣсь разницу,—г. Константинъ Аксаковъ тотчасъ же прибавляетъ: «Кто знаетъ, впрочемъ, какъ раскроется содержаніе «Мертвыхъ Душъ»?— Именно такъ: «кто знаетъ это»? повторяемъ и мы. Глубоко уважая великій талантъ Гоголя, страстно любя его геніяльныя созданія, мы въ то же время отвѣчаемъ и ручаемся только за то, что̀ уже написано имъ; а на счетъ того, что̀ онъ еще напишетъ, мы можемъ сказать только: кто знаетъ, впрочемъ, какъ, и пр. Особенно часто повторяемъ мы про себя: кто знаетъ, впрочемъ, какъ раскроется содержаніе «Мертвыхъ Душъ»? И на повтореніе этого вопроса наводятъ насъ слѣдующія слова въ поэмѣ Гоголя: «Можетъ-быть, въ сей же самой повѣсти почуются иныя, еще доселѣ небранныя струны, предстанетъ несмѣтное богатство русскаго духа, пройдетъ мужъ, одаренный боже-

ственными доблестями, или русская дѣвица, какой не сыскать нигдѣ въ мірѣ, со всею дивной красотой женской души, вся изъ великодушнаго стремленія и самоотверженія. И мертвыми покажутся предъ ними всѣ добродѣтельные люди другихъ племенъ, какъ мертва книга предъ живымъ словомъ» (стр. 430). Да, эти слова творца «Мертвыхъ Душъ» заставили насъ часто и часто повторять, въ тревожномъ раздумьѣ: «кто знаетъ, впрочемъ, какъ раскроется содержаніе «Мертвыхъ Душъ»?... Именно, кто знаетъ?... Много, слишкомъ много обѣщано, такъ много, что негдѣ и взять того, чѣмъ выполнить обѣщаніе, потому что того и нѣтъ еще на свѣтѣ; намъ какъ-то страшно, чтобъ первая часть, въ которой все комическое, не осталась истинною трагедіею, а остальныя двѣ, гдѣ должны проступить трагическіе элементы, не сдѣлались комическими—по крайней мѣрѣ, въ патетическихъ мѣстахъ... Впрочемъ, опять-таки—кто знаетъ... Но кто бы ни зналъ, вопросъ этотъ, заданный г. Константиномъ Аксаковымъ, явно показываетъ, что если онъ, г. Константинъ Аксаковъ, и видитъ въ первой части «Мертвыхъ Душъ» разницу съ «Иліадою», полагаемую уже самимъ содержаніемъ,—то все-таки крѣпко надѣется, что въ двухъ послѣднихъ частяхъ «Мертвыхъ Душъ» и эта разница сама собою уничтожится, и что, ergo, «Мертвыя Души»—«Иліада», а Гоголь—Гомеръ. Послѣдняго онъ не сказалъ, но мы вправѣ опять вывести это комическое заключеніе...

Главное доказательство мнимой родственности Гоголевскаго эпоса съ Гомеровскимъ состоитъ у г. Константина Аксакова въ любви къ сравненіямъ, въ обиліи и сходствѣ этихъ сравненій у Гомера и у Гоголя. Странное и забавное доказательство! Объ этомъ сходствѣ упоминаетъ и еще другая критика—та самая, въ которой мы видимъ гораздо больше родственности и тождества съ брошюркою г. Константина Аксакова, нежели сколько между Гомеромъ и Го-

големъ; но въ той критикѣ находятъ сходство Гоголя, по отношенію къ сравненіямъ, не съ однимъ Гомеромъ, но и съ Данте; а мы, съ своей стороны, беремся найдти его съ добрымъ десяткомъ новѣйшихъ поэтовъ. Изъ одного Пушкина можно выписать тысячу сравненій, такъ же напоминающихъ собою сравненія Гомера, какъ напоминаютъ ихъ сравненія Гоголя. Но вотъ одно, которое побольше всѣхъ Гоголевскихъ сравненій напоминаетъ собою Гомеровскія:

Ни на челѣ высокомъ, ни во взорахъ
Нельзя прочесть его сокрытыхъ думъ;
Все тотъ же видъ, смиренный, величавый.
Такъ точно дьякъ, въ приказъ посадьлый,
Спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не видая ни жалости, ни гнѣва.

Здѣсь даже не одно внѣшнее (какъ у Гоголя), но и внутреннее сходство съ Гомеромъ, заключающееся въ наивной простотѣ, соединенной съ возвышенностію; однако изъ этого еще не выходитъ никакого тождества между Гомеромъ и Пушкинымъ. Правда, «Борисъ Годуновъ» въ тысячу разъ болѣе, чѣмъ «Мертвыя Души» напоминаетъ собою Гомера, тономъ многихъ своихъ страницъ, тономъ наивно-простымъ и вмѣстѣ возвышеннымъ; но на это сходство Пушкинъ наведенъ былъ не особенностью его поэтической натуры, или ея родственностью съ Гомеромъ, а сущностью избранной имъ для своей трагедіи эпохи, гдѣ самые высокіе умы и сильные характеры мыслили и говорили простодушно, или простодушно и возвышенно вмѣстѣ. Тутъ есть еще и другая причина: несмотря на свою драматическую форму, «Борисъ Годуновъ» Пушкина есть, въ сущности, эпическое произведеніе, а эпосъ съ эпосомъ всегда имѣетъ бо́льшее или меньшее, ближайшее или отдаленнѣйшее сходство, какъ одинъ и тотъ же родъ поэзіи. Но это сходство уничтожается въ «Мертвыхъ Душахъ» уже

тѣмъ, что онѣ проникнуты насквозь юморомъ. Если Гомеръ сравниваетъ тѣснимаго въ битвѣ Троянами Аякса съ осломъ—онъ сравниваетъ его простодушно, безъ всякаго юмора, какъ сравнилъ бы его со львомъ. Для Гомера, какъ и для всѣхъ Грековъ его времени, оселъ былъ животное почтенное и не возбуждалъ, какъ въ насъ, смѣха однимъ своимъ появленіемъ, или однимъ своимъ именемъ. У Гоголя же, напротивъ, сравненіе, напр., франтовъ, увивающихся около красавицъ, съ мухами, летящими на сахаръ, все насквозь проникнуто юморомъ. Слѣдовательно, все сходство чисто внѣшнее, т. е. то, что у Гомера есть сравненія, и у Гоголя есть сравненія; но этакъ между Гомеромъ и Гоголемъ и еще можно найдти большое сходство. именно то, что Гомеръ слагалъ свои возвышенно-наивныя созданія на греческомъ языкѣ, а Гоголь пишетъ по-русски: извѣстно же всѣмъ, что греческій и русскій языкъ происходятъ отъ одного корня, кромѣ уже того, что всѣ языки въ мірѣ, несмотря на ихъ различіе, основаны на однихъ и тѣхъ же началахъ разума человѣческаго...

Не зная, какъ, впрочемъ, раскроется содержаніе «Мертвыхъ Душъ» въ двухъ послѣднихъ частяхъ, мы еще не понимаемъ ясно, почему Гоголь назвалъ «поэмою» свое произведеніе, и пока видимъ въ этомъ названіи тотъ же юморъ, какимъ растворено и проникнуто насквозь это произведеніе. Если же самъ поэтъ почитаетъ свое произведеніе «поэмою», содержаніе и герой которой есть субстанція русскаго народа,—то мы не обинуясь скажемъ, что поэтъ сдѣлалъ великую ошибку: ибо, хотя эта «субстанція» глубока, и сильна, и громадна (что уже ярко проблескиваетъ и въ комическомъ опредѣленіи общественности, въ которомъ она пока проявляется и которое Гоголь такъ геніяльно схватываетъ и воспроизводитъ въ «Мертвыхъ Душахъ»), однако субстанція народа можетъ быть предметомъ поэмы только въ своемъ разумномъ опредѣленіи, когда

она есть нѣчто положительное и дѣйствительное, а не гадательное и предположительное, когда она есть уже прошедшее и настоящее, а не будущее только... Въ творчествѣ великая для художника задача — выбирать предметъ и содержаніе для произведенія; этотъ предметъ и это содержаніе всегда должны быть осязательно опредѣленны; иначе, художественное произведеніе будетъ неполно, несовершенно, то, что Французы называютъ manqué. И потому, великая ошибка для художника писать поэму, которая можетъ быть возможна въ будущемъ.

Итакъ, чѣмъ болѣе разсматриваемъ дѣло г. Константина Аксакова, тѣмъ болѣе сходство между Гомеромъ и Гоголемъ становится... какъ бы сказать? — забавнѣе и смѣшнѣе... Смыслъ, содержаніе и форма «Мертвыхъ Душъ» есть—«созерцаніе данной сферы жизни сквозь видный міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы». Въ этомъ и заключается трагическое значеніе комическаго произведенія Гоголя; это и выводитъ его изъ ряда обыкновенныхъ сатирическихъ сочиненій, и этого-то не могутъ понять ограниченные люди, которые видятъ въ «Мертвыхъ Душахъ» много смѣшнаго, уморительнаго, говоря ихъ простонароднымъ жаргономъ, но ужь мѣстами черезчуръ переутрированнаго. Всякое выстраданное произведеніе великаго таланта имѣетъ глубокое значеніе,—и мы первые признаёмъ «Мертвыя Души» Гоголя великимъ по самому себѣ произведеніемъ въ мірѣ искусства, для иностранцевъ лишеннымъ всякаго общаго содержанія, но для насъ тѣмъ болѣе важнымъ и драгоцѣннымъ. Еще не было доселѣ болѣе важнаго для русской общественности произведенія,—и только одинъ Гоголь можетъ дать намъ другое, болѣе важное произведеніе, а дастъ ли въ самомъ дѣлѣ — «кто, впрочемъ, знаетъ», судя по нѣкоторымъ основнымъ началамъ воззрѣнія, которыя довольно непріятно промелькиваютъ въ «Мертвыхъ Душахъ» и относятся къ нимъ, какъ крапинки

и пятнышки къ картинѣ великаго мастера, — о чемъ мы поговоримъ въ свое время и подробнѣе и отчетливѣе...

Такимъ образомъ, если г. Константинъ Аксаковъ хочетъ оправдаться, а не отдѣлаться только отъ неосторожно высказанныхъ имъ странностей, — онъ долженъ сказать и доказать: 1) Почему древній эпосъ снизошелъ (слѣдовательно унизился) до романовъ, и считаетъ ли онъ Сервантеса, Вальтеръ Скотта, Купера, Байрона исказителями эпоса, возстановленнаго и спасеннаго Гоголемъ? Послѣдняя недомолвка очень подозрительна; изъ нея видно, что г. Константинъ Аксаковъ самъ испугался своихъ смѣлыхъ положеній. — 2) Почему мы солгали на него, говоря, что изъ его положеній прямо выводится то слѣдствіе, что «Мертвыя Души» — «Иліада», а Гоголь — Гомеръ нашего времени? — 3) Почему во французской повѣсти эпосъ дошелъ до своего крайняго униженія?

Но г. Константинъ Аксаковъ рѣшился ничего больше не говорить объ этомъ, послѣ своего, ничего необъяснившаго «Объясненія»: и хорошо сдѣлалъ — больше ему ничего и не остается; онъ высказалъ уже всю свою мудрость. За то, намъ еще много осталось кое-чего сказать.

Какъ, кромѣ частныхъ исторій отдѣльныхъ народовъ, есть еще исторія человѣчества, — точно такъ, кромѣ частныхъ исторій отдѣльныхъ литературъ (греческой, латинской, французской и пр.), есть еще исторія всемірной литературы, предметъ которой—развитіе человѣчества въ сферѣ искусства и литературы. Само собою разумѣется, что въ этой исторіи должна быть живая, внутренняя связь, что она должна предыдущимъ объяснять послѣдующее, ибо иначе она будетъ лѣтописью или перечнемъ фактовъ, а не исторіею. И потому, напримѣръ, романы Шотландца XIX вѣка, Вальтеръ Скотта, непремѣнно должны быть въ какой-нибудь связи съ поэмами Гомера. Эта связь именно состоитъ въ томъ, что романы В. Скотта суть необходимый моментъ

дальнѣйшаго развитія эпоса, котораго первымъ моментомъ развитія могутъ быть поэмы индійскія, а послѣдующимъ моментомъ—поэмы Гомера. Въ исторіи нѣтъ скачковъ. Слѣдовательно, греческій эпосъ не низошелъ до романовъ, какъ мудрствуетъ г. Константинъ Аксаковъ, а развился въ романъ: ибо нелѣпо было бы предполагать, въ продолженіи трехъ тысячъ лѣтъ, пробѣлъ въ исторіи всемірной литературы, и отъ Гомера прыгнуть прямо къ Гоголю, который, еще въ добавокъ, и нисколько не принадлежитъ ко всемірно-историческимъ поэтамъ... Вотъ почему, мы основательно, а не наобумъ, исторически, а не фантасмагорически думаемъ и убѣждены, что, напримѣръ, какой-нибудь Данте, въ дѣлѣ эпоса, побольше значитъ Гоголя, что тутъ имѣетъ свое значеніе и Аріостъ, и что не только Сервантесъ, Вальтеръ Скоттъ, Куперъ, какъ художники по преимуществу, но и Свифтъ, Стернъ, Вольтеръ (философскіе романы и повѣсти). Руссо («Новая Элоиза») имѣютъ несравненно и неизмѣримо высшее значеніе во всемірно-исторической литературѣ, чѣмъ Гоголь, ибо въ нихъ совершилось развитіе эпоса и со стороны содержанія, и со стороны искусства, и со стороны содержанія и искусства вмѣстѣ. Говорить же, что Гоголь прямо вышелъ изъ Гомера, или продолжалъ собою Гомера мимо всѣхъ прочихъ, и старинныхъ и современныхъ поэтовъ Европы, значитъ, вмѣсто похвалы оскорблять его, значитъ выключать его изъ историческаго развитія, выставлять человѣкомъ, чуждымъ современности, чуждымъ знанія всего, что было до него... Что же касается до мысли о какой-то родственности Гоголевскаго эпоса съ Гомеровскимъ,—мы уже доказали, что эта мысль больше, чѣмъ неосновательна. Притомъ же, еслибъ и такъ было, надобно бъ было объяснить, въ чемъ тутъ заслуга со стороны Гоголя, тѣмъ болѣе, что авторъ брошюры говоритъ объ этомъ такимъ торжествующимъ тономъ, какъ будто ставитъ это въ величайшую заслугу Гоголю.

Теперь о крайнемъ искаженіи эпоса во французской повѣсти: это еще что̀ за исторія? Г. Константинъ Аксаковъ видитъ во французской повѣсти—простой анекдотъ, родъ шарады, гдѣ все дѣло въ сюжетѣ, т. е. въ сплетеніи и расплетеніи событія (fable): да вольно же ему видѣть это, когда этого нѣтъ во французской повѣсти *), а есть совсѣмъ другое, именно: характеры, дивное, однимъ только Французамъ сродное искусство разсказа, соціяльные и нравственные вопросы, воплн и страданія современности?... Если кто-нибудь зажмуритъ глаза и станетъ доказывать, что нѣтъ на свѣтѣ солнца и свѣта,—что̀ ему на это скажутъ?—конечно не другое что̀, какъ «открой глаза»; но если онъ слѣпъ отъ природы,—тогда что̀ ему скажутъ?—вотъ что̀: «ты правъ, для тебя точно нѣтъ на свѣтѣ ни солнца, ни свѣта»... А что, можетъ-быть, г. Константинъ Аксаковъ, не любитъ французскихъ повѣстей — его воля, да только публикѣ-то что за дѣло, что̀ любитъ и чего не любитъ г. Константинъ Аксаковъ? Французскія повѣсти читаются всѣмъ просвѣщеннымъ и образованнымъ міромъ во всѣхъ пяти частяхъ земнаго шара; французская повѣсть есть плодъ французской литературы, а французская литература имѣетъ всемірно-историческое значеніе. Въ одномъ мѣстѣ своего «Объясненія», г. Константинъ Аксаковъ замѣчаетъ, въ скобкахъ, мимоходомъ, что въ разрядъ великихъ писателей Жоржъ Зандъ не входитъ ни безусловно, ни условно,—и думаетъ, что этими словами онъ рѣшилъ дѣло и все сказалъ; тогда какъ онъ этимъ сказалъ только, что онъ или совсѣмъ не читалъ Жоржъ Занда, или читалъ, да не понялъ. Здѣсь не мѣсто распространяться о Жоржъ Зандѣ: скажемъ только, что Жоржъ Зандъ имѣетъ большое значеніе и во всемірно-исторической литературѣ, не въ одной

*) Исключая, разумѣется, плохихъ повѣстей, которыя есть у всѣхъ народовъ, а иногда бываютъ и у великихъ поэтовъ...

французской, тогда какъ Гоголь при всей неотъемлемой великости его таланта, не имѣетъ рѣшительно никакого значенія во всемірно-исторической литературѣ и великъ только въ одной русской, что, слѣдовательно, имя Жоржъ Занда безусловно можетъ входить въ реестръ именъ европейскихъ поэтовъ, тогда какъ помѣщеніе рядомъ именъ Гоголя, Гомера и Шекспира, оскорбляетъ и приличіе и здравый смыслъ... Въ послѣднемъ, кромѣ г. Константина Аксакова, никто въ мірѣ не усомнится, а насчетъ перваго можно представить сильныя доказательства...

Въ добавокъ къ вопросу о повѣсти, какъ крайнемъ униженіи эпоса, скажемъ, что если ужь видѣть это униженіемъ въ повѣсти, то конечно, скорѣе въ нѣмецкой, чѣмъ во французской. Нѣмецкая повѣсть возникла и выросла на почвѣ отвлеченія, аскетизма, анти-общественности; она изображаетъ не общество, а отдѣльныя личности, которыхъ вся жизнь и вся повѣсть жизни состоитъ въ переливахъ внутреннихъ ощущеній, фантастическихъ и фантазёрскихъ грёзъ, и которыхъ все блаженство заключается не въ стремленіи къ идеалу дѣйствительной жизни и достиженіи его, а въ томъ, чтобъ любоваться собственною внутреннею глубокостію и пустою праздною жизнію ощущенія, вмѣсто дѣйствія. Но и нѣмецкая повѣсть, какъ мы это замѣтили уже и въ рецензіи, даже какъ и уклоненіе отъ нормы, имѣетъ свое всемірно-историческое значеніе, объясняемое изъ національнаго духа Нѣмцевъ.

Теперь о равенствѣ Гоголя съ Гомеромъ и Шекспиромъ. Г. Константинъ Аксаковъ говоритъ, будто мы взвели на него небылицу, приписывая ему изобрѣтеніе равенства Гоголя съ Гомеромъ и Шекспиромъ. Онъ не отпирается отъ изобрѣтенія этого удивительнаго равенства, но ставитъ намъ въ вину, что мы не замѣтили въ какомъ отношеніи разумѣетъ онъ это равенство; а разумѣетъ онъ его, изволите видѣть, въ отношеніи къ акту творчества. Подлинно

есть за что обвинять насъ: понимать г. Константина Аксакова такъ трудно, тѣмъ болѣе, что онъ, кажется, самъ себя не совсѣмъ понимаетъ. Брошюра его—это такая смѣсь несвязныхъ между собою... не мыслей, а скорѣе недомысловъ, что трудно разобрать, что́ онъ разумѣетъ тутъ, и какъ его понимать! Онъ говоритъ, что Гоголь равенъ Гомеру и Шекспиру по акту творчества, и что въ отношеніи къ акту творчества, только Гомеръ, Шекспиръ и Гоголь—величайшіе поэты; и въ то же время, онъ съ какою-то наивностію, увѣряетъ, что этимъ онъ нисколько не унижаетъ великихъ европейскихъ поэтовъ, думая, вѣроятно, что для Данте, Сервантеса, Вальтера Скотта, Купера, Байрона, Шиллера, Гёте—большая честь стоять въ почтительномъ отдаленіи отъ Гоголя, пріятельски обнявшагося съ Гомеромъ и Шекспиромъ! Да, милостивый государь, съ чего вы взяли, что Гоголь, и по акту творчества родной братъ Гомеру и Шекспиру, и выше всѣхъ другихъ великихъ европейскихъ поэтовъ? Съ чего вы взяли, что вамъ стóило только выговорить эту, положимъ изъ вѣжливости—мысль, чтобъ ее всѣ, подобно вамъ, нашли непреложною и истинною? Гдѣ на это доказательства, гдѣ ваши доводы? Ваше убѣжденіе?—да публикѣ-то какое дѣло до вашихъ убѣжденій?... Употребивъ оговорку—«по отношенію къ акту творчества, а не содержанію», г. Константинъ Аксаковъ думаетъ,—что онъ совершенно оправдался и сдѣлалъ насъ кругомъ виноватыми. Какая милая наивность, какая буколическая невинность!... Развивая свою мысль о равенствѣ Гоголя съ Гомеромъ и Шекспиромъ (по отношенію къ акту творчества), г. Константинъ Аксаковъ говоритъ: «Мы далеки оттого, чтобъ унижать колоссальность другихъ поэтовъ, но въ отношеніи къ акту созданія, они ниже Гоголя (sic!...). Развѣ не можетъ быть такъ, напримѣръ: поэтъ, обладающій полнотою творчества, можетъ создать, положимъ, цвѣтокъ, другой создаетъ великаго человѣка; ве-

лико будетъ дѣло послѣдняго, но оно будетъ ниже въ отношеніи къ той полнотѣ и живости, какую даетъ поэтъ, обладающій тайною творчества» (стр. 15). Хорошо; но зачѣмъ брать ложныя сравненія, если не за тѣмъ, чтобъ оправдать натяжками ложныя мысли?—Не лучше ли было бы сказать такъ, напримѣръ: «Поэтъ, обладающій полнотою творчества, можетъ создать, положимъ, цвѣтокъ; другой, обладающій такою же полнотою, создастъ великаго человѣка: ничтожно будетъ дѣло перваго передъ дѣломъ втораго, какъ ничтоженъ, въ ряду явленій жизни, цвѣтокъ передъ великимъ человѣкомъ»? Какъ вы думаете объ этомъ, г. Константинъ Аксаковъ? Это не совсѣмъ выгодно для вашего идолопоклонства, за то ближе къ истинѣ—повѣрьте намъ, въ этомъ случаѣ, на-слово, или спросите у здраваго смысла—онъ за насъ!... Но положимъ, что и такъ, положимъ, что вы ставите Гоголя выше колоссальныхъ европейскихъ поэтовъ только по акту творчества, а не по содержанію; но зачѣмъ же вы прибавляете эти слова: «Но Боже насъ сохрани, чтобъ миніатюрное сравненіе съ цвѣткомъ было въ нашихъ глазахъ мѣриломъ для великихъ созданій Гоголя!» Какой смыслъ этихъ словъ—не этотъ ли: по акту творчества, Гоголь выше всѣхъ колоссальныхъ европейскихъ поэтовъ, кромѣ Гомера и Шекспира, съ которыми онъ равенъ, а по содержанію онъ не уступаетъ имъ, ergo съ Гомеромъ и Шекспиромъ онъ равенъ во всѣхъ отношеніяхъ, а съ другими европейскими поэтами онъ равенъ по содержанію и выше ихъ по акту творчества?... Какъ вамъ угодно, а выходитъ такъ! Нашъ выводъ изъ вашихъ словъ, или вашихъ противорѣчій—все равно, вѣренъ... Гдѣ жь наши на васъ выдумки, лжи и клеветы?...

Актъ творчества дѣйствительно великая сила въ поэтѣ, какъ отвлеченная сообразительность въ математикѣ: противъ этого никто не споритъ и безъ ссылокъ на über die

aesthetische Erziehung Шиллера, которое г. Константинъ Аксаковъ совѣтуетъ намъ прочесть хоть во французскомъ переводѣ, тонко намекая этимъ, что онъ знаетъ по нѣмецки какъ будто бы для всякаго другаго это рѣшительная невозможность. . Безъ акта творчества нѣтъ поэта—это аксіома; но въ наше время мѣриломъ величія поэтовъ принимается не актъ творчества, а идея, общее... Многія стихотворенія Гейне такъ хороши, что ихъ можно принять за Гётевскія, но Гейне, не смотря на то, все-таки пигмей передъ колоссальнымъ Гёте. Въ чемъ же ихъ разница?—въ идеѣ, въ содержаніи... «Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька и его Тетушка» по отношенію акта творчества, дѣйствительно не ниже Шекспировскаго «Гамлета», но несмотря на то, въ сравненіи съ «Гамлетомъ» повѣсть Гоголя—абсолютное ничтожество, такъ, что даже есть что то смѣшное въ какомъ бы то ни было сближеніи этихъ двухъ произведеній... Право такъ, г. Константинъ Аксаковъ!... Почти такъ же комически забавно и сближеніе «Мертвыхъ Душъ» съ «Иліадою»... Дѣйствительно, Гоголь обладаетъ удивительною полнотою въ актѣ творчества, и эта полнота дѣйствительно можетъ служить ручательствомъ, что Гоголь могъ бы произвести колоссальныя созданія и со стороны содержанія, и не смотря на то, все-таки могъ бы не сравняться ни съ Гомеромъ, ни съ Шекспиромъ, ни стать выше другихъ колоссальныхъ европейскихъ поэтовъ, еслибъ современная русская жизнь могла дать ему необходимое для такихъ созданій содержаніе... Мы именно въ томъ-то и видимъ великость и геніяльность Гоголя, что онъ, своимъ артистическимъ инстинктомъ, вѣренъ дѣйствительности, и лучше хочетъ ограничиться, впрочемъ великою, задачею—объектировать современную дѣйствительность, внеся свѣтъ въ мракъ ея, чѣмъ воспѣвать на досугѣ то, до чего никому, кромѣ художниковъ и диллетантовъ, нѣтъ никакого дѣла, или изображать русскую дѣйствительность та-

кою, какой она никогда не бывала. «Впрочемъ, кто знаетъ» какъ еще раскроется содержаніе «Мертвыхъ Душъ»... Намъ обѣщаютъ мужей и дѣвъ неслыханныхъ, какихъ еще не было въ мірѣ и въ сравненіи съ которыми великіе нѣмецкіе люди (т. е. западные Европейцы) окажутся пустѣйшими людьми... Да, кто знаетъ впрочемъ... можетъ-быть, судя по этимъ обѣщаніямъ, г. Константинъ Аксаковъ и дождется скоро оправданія нѣкоторыхъ изъ своихъ фантазій... Тогда мы низко ему поклонимся и отъ души поздравимъ его... Но до тѣхъ поръ—повторяемъ: въ томъ, что художническая дѣятельность Гоголя вѣрна дѣйствительности, мы видимъ черту геніяльности.

Да, велика творческая сила фантазіи Гоголя — мы въ этомъ согласны съ г. Константиномъ Аксаковымъ. Но почему она выше творческой силы фантазіи великихъ европейскихъ поэтовъ— этого мы не понимаемъ. Мы даже имѣемъ дерзость думать, что непосредственность творчества у Гоголя имѣетъ свои границы и что она иногда измѣняетъ ему, особенно тамъ, гдѣ въ немъ поэтъ сталкивается съ мыслителемъ, т. е. гдѣ дѣло преимущественно касается идей... Кстати: вѣдь эти идеи, кромѣ огромнаго таланта, или, пожалуй, и генія, кромѣ естественной силы непосредственнаго творчества, требуютъ эрудиціи, интеллектуальнаго развитія, основаннаго на неослабномъ преслѣдованіи быстро несущейся умственной жизни современнаго міра—именно того, чѣмъ такъ сильны и велики, наприм., Байронъ, Шиллеръ, Гёте,—эти идеи, заклятые враги безвыходно замкнутой внутри себя жизни, враги умственнаго аскетизма, который заставляетъ поэтовъ закрывать глаза на все въ мірѣ, кромѣ самихъ себя... Что непосредственность творчества нерѣдко измѣняетъ Гоголю, или что Гоголь нерѣдко измѣняетъ непосредственности творчества, это ясно доказывается его повѣстями (еще въ «Вечерахъ на Хуторѣ»), «Вечеромъ наканунѣ Ивана Купала» и «Страш-

ною Местью», изъ которыхъ ложное понятіе о народности въ искусствѣ сдѣлало какія-то уродливыя произведенія, за исключеніемъ нѣсколькихъ превосходныхъ частностей, касающихся до пропикнутаго юморомъ изображенія дѣйствительности. Но особенно это ясно изъ вполнѣ неудачной повѣсти «Портретъ». Она была напечатана въ «Арабескахъ» еще въ 1835 году; но, должно быть, чувствуя ея недостатки, Гоголь недавно передѣлалъ ее совсѣмъ. И что́ же вышло изъ этой передѣлки? Первая часть повѣсти, за немногими исключеніями, стала несравненно лучше, именно тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ изображеніи дѣйствительности (одна сцена квартальнаго, разсуждающаго о картинахъ Чарткова, сама по себѣ, отдѣльно взятая, есть уже геніяльный эскизъ); но вся остальная половина повѣсти невыносимо дурна и со стороны главной мысли и со стороны подробностей. И что̀ за мысль, напримѣръ: благонамѣренный, умный и благородный вельможа, жаркій патріотъ, дѣятельный покровитель искусствъ и наукъ въ отечествѣ, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, дѣлается обскурантомъ, злодѣемъ, гонителемъ просвѣщенія,—отъ чего же? Оттого, что взялъ денегъ взаймы у страшнаго ростовщика, у таинственнаго Грека!.. Дѣло какъ-будто бы въ томъ, что займи этотъ вельможа у другаго кого-нибудь, только бы не у этого Грека, онъ остался бы прежнимъ благороднымъ человѣкомъ... Итакъ, вотъ отъ какого фатализма зависитъ нравственность человѣка!... Да помилуйте, такія дѣтскія фантасмагоріи могли плѣнять и ужасать людей только въ невѣжественные средніе вѣка, а для насъ онѣ не занимательны и нестрашны, просто—смѣшны и скучны... И потомъ, что̀ за подробности: на аукціонѣ художникъ Б. нашелъ мѣсто и время разсказывать исторію страшнаго портрета, и его всѣ заслушались, а портретъ между тѣмъ пропалъ... Нѣтъ, такое исполненіе повѣсти не сдѣлало бы особенной чести самому незначительному дарованію. А мысль

повѣсти была бы прекрасна, еслибъ поэтъ понялъ ее въ современномъ духѣ: въ Чартковѣ онъ хотѣлъ изобразить даровитаго художника, погубившаго свой талантъ, а слѣдовательно и самого себя, жадностію къ деньгамъ и обаяніемъ мелкой извѣстности. И выполненіе этой мысли должно было быть просто, безъ фантастическихъ затѣй, на почвѣ ежедневной дѣйствительности; тогда Гоголь, съ своимъ талантомъ, создалъ бы нѣчто великое. Ненужно было бы приплетать тутъ и страшнаго портрета съ страшносмотрящими живыми глазами (въ которомъ поэтъ, кажется, хотѣлъ выразить гибельныя слѣдствія копированія съ натуры, вмѣсто творческаго воспроизведенія натуры и выразилъ черезчуръ затѣйливо, холодно и сухо-аллегорически); ненужно было бы ни ростовщика, ни аукціона, ни многаго, что̀ поэтъ почелъ столь нужнымъ, именно оттого, что отдалился отъ современнаго взгляда на жизнь и искусство. Это же доказываетъ и недавно напечатанная въ «Москвитянинѣ» статья «Римъ», въ которой есть удивительно яркія и вѣрныя картины дѣйствительности, но въ которой есть и косые взгляды на Парижъ и близорукіе взгляды на Римъ, и—что̀ всего непостижимѣе въ Гоголѣ—есть фразы, напоминающія своею вычурною изысканностію языкъ Марлинскаго. Отчего это? — Думаемъ, оттого, что при богатствѣ современнаго содержанія и обыкновенный талантъ чѣмъ дальше, тѣмъ больше крѣпнетъ, а при одномъ актѣ творчества и геній наконецъ начинаетъ постепенно ниспускаться... Въ «Мертвыхъ Душахъ», гдѣ Гоголь снова очутился на русской, а не на европейской почвѣ, и въ дѣйствительной, а не въ фантастической сферѣ, въ «Мертвыхъ Душахъ» также есть, по крайней мѣрѣ, обмолвки противъ непосредственности творчества, и весьма важныя, хотя и весьма немногочисленныя: на стр. 261—266, поэтъ весьма неосновательно заставляетъ Чичикова разфантазироваться о бытѣ простаго русскаго народа, при разсматриваніи ре-

реестра скупленныхъ имъ мертвыхъ душъ. Правда, это «фантазированіе» есть одно изъ лучшихъ мѣстъ поэмы: оно исполнено глубины мысли и силы чувства, безконечной поэзіи и вмѣстѣ поразительной дѣйствительности; но тѣмъ менѣе идетъ оно къ Чичикову, человѣку геніяльному въ смыслѣ плута пріобрѣтателя, но совершенно пустому и ничтожному во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Здѣсь поэтъ явно отдалъ ему свои собственныя благороднѣйшія и чистѣйшія слезы, незримыя и невѣдомыя міру, свой глубокій, исполненный грустною любовію юморъ, и заставилъ его высказать то, что̀ долженъ былъ выговорить отъ своего лица. Равнымъ образомъ, также мало идутъ къ Чичикову и его размышленія о Собакевичѣ, когда тотъ писалъ расписку (стр. 201—202): эти размышленія слишкомъ умны, благородны и гуманны; ихъ слѣдовало бы автору сказать отъ своего лица... Характеристика Британца съ его сердцевѣдѣніемъ и мудростію, Француза съ его недолговѣчнымъ словомъ, и Нѣмца съ его умно-худощавымъ словомъ (стр. 208), также показываетъ только то, что авторъ не совсѣмъ хорошо знаетъ ни Британцевъ, ни Французовъ, ни Нѣмцевъ, и что незнанію не поможетъ никакой актъ творчества *). И между тѣмъ, Гоголь все таки обладаетъ удиви-

*) Все сказанное о нѣкоторыхъ повѣстяхъ Гоголя и недостаткахъ въ его «Мертвыхъ Душахъ», будетъ подробно развито въ особой статьѣ по поводу выхода четырехъ томовъ сочиненій Гоголя, которыхъ уже печатается третій томъ, и которыя выйдутъ въ Петербургѣ къ декабрю мѣсяцу текущаго года. Мы еще въ долгу у публики и подробнымъ разборомъ Пушкина, давно уже нами обѣщаннымъ. Обѣщанія своего мы не забыли, но все ждали предположеннаго издателями трехъ послѣднихъ томовъ сочиненій Пушкина—«Дополненія» къ изданнымъ уже одиннадцати томамъ его сочиненій. Это дополненіе выйдетъ скоро, и, вѣроятно, во второй книжкѣ «Отеч. Записокъ» будущаго 1843 года читатели наши найдутъ или исполненіе, или начало исполненія нашего обѣщанія касательно разбора сочиненій Пушкина. Непосредственно за этимъ разборомъ по-

тельною силою непосредственнаго творчества (въ смыслѣ способности воспроизводить каждый предметъ во всей полнотѣ его жизни, со всѣми его тончайшими особенностями); только эта сила у него имѣетъ свои границы и иногда измѣняетъ ему (чего такимъ образомъ, какъ у Гоголя, не случалось ни съ Гомеромъ, ни съ Шекспиромъ, ни съ Байрономъ, ни съ Шиллеромъ, ни даже съ Пушкинымъ, и что́ очень часто, и еще хуже случалось съ Гёте вслѣдствіе аскетическаго и анти-общественнаго духа этого поэта, съ которымъ все-таки нельзя смѣть равнять Гоголя). Но эта удивительная сила непосредственнаго творчества, которая составляетъ пока еще главную силу, высочайшее достоинство Гоголя, и посредствомъ которой, подобно волшебнику—властелину царства духовъ, вызывающему послушныя на голосъ его заклинанія безплотныя тѣни,—онъ—неограниченный властелинъ царства призрачной дѣйствительности—самовластно вызываетъ передъ себя ея представителей, заставляя ихъ обнажать передъ нимъ такіе сокровенные изгибы ихъ натуръ, въ которыхъ они не сознались бы самимъ себѣ подъ страхомъ смертной казни,—эта-то, говоримъ мы, удивительная сила непосредственнаго творчества, въ свою очередь, много вредитъ Гоголю. Она, такъ сказать, отводитъ ему глаза отъ идей и нравственныхъ вопросовъ, которыми кипитъ современность и заставляетъ его преимущественно устремлять вниманіе на факты и до-

---

слѣдуетъ разборъ всѣхъ сочиненій Гоголя, «отъ Вечеровъ на Хуторѣ» до «Мертвыхъ Душъ» *включительно*. А за этимъ разборомъ послѣдуетъ разборъ всѣхъ сочиненій Лермонтова, котораго полное собраніе стихотвореній скоро должно выйдти въ свѣтъ. Сколько составитъ статей эти три разбора—три ли статьи только, или больше, пока не можемъ сказать; но всѣ эти три разбора будутъ написаны въ органической связи между собою, и составятъ какъ-бы одно критическое сочиненіе. Историческая и соціальная точка зрѣнія будетъ положена въ основу этихъ статей. Поговорить будетъ о чемъ!

вольствоваться объективнымъ ихъ изображеніемъ. Въ «Отечественныхъ Запискахъ» уже было замѣчено, что къ числу особенныхъ достоинствъ «Мертвыхъ Душъ» принадлежитъ болѣе ощутительное, чѣмъ въ прежнихъ сочиненіяхъ Гоголя, присутствіе субъективнаго начала, а слѣдовательно, и рефлексіи. Надо желать, чтобъ это преобладаніе рефлексіи постепенно въ немъ усиливалось, хотя бы насчетъ акта творчества, изъ котораго такъ хлопочетъ г. Константинъ Аксаковъ. Гегель, въ своей эстетикѣ, въ особенную заслугу поставляетъ Шиллеру преобладаніе, въ его произведеніяхъ, рефлектирующаго элемента, называя это преобладаніе выраженіемъ духа новѣйшаго времени. Совѣтуемъ г. Константину Аксакову прочесть это мѣсто въ подлинникѣ (мы вѣримъ его знанію нѣмецкаго языка) и поразмыслить о немъ. Безъ способности къ непосредственному творчеству, нѣтъ и быть не можетъ поэта—кто жъ этого не знаетъ? но когда человѣка называютъ поэтомъ, то уже необходимо предполагаютъ въ немъ эту способность, даже не говоря о ней, и обращая вниманіе на идею, на содержаніе. Если же эта способность въ поэтѣ слишкомъ сильна, то о ней тогда только толкуютъ и кричатъ, когда не видятъ въ немъ глубокаго содержанія. Говоря о Шекспирѣ, было бы странно восторгаться его умѣньемъ все представлять съ поразительною вѣрностью и истиною, вмѣсто того, чтобъ удивляться значенію и смыслу, которые его творческій разумъ даетъ образамъ его фантазіи. Въ живописцѣ, конечно, великое достоинство—умѣнье свободно владѣть кистью и повелѣвать красками, но это умѣнье еще не составляетъ великаго живописца. Идея, содержаніе, творческій разумъ—вотъ мѣрило для великихъ художниковъ.

Г. Константинъ Аксаковъ ставитъ въ великую заслугу Гоголю, что у него юморъ, выставляя субъектъ, не уничтожаетъ дѣйствительности: да что же бы это былъ за юморъ, еслибъ онъ уничтожалъ дѣйствительность? стóило

ли бы тогда и говорить о немъ? Константинъ Аксаковъ говоритъ еще, что такого юмора онъ не нашелъ ни у кого, кромѣ Гоголя: вольно же было не поискать—авось либо и можно было найти. Не говоря уже о Шекспирѣ, напримѣръ, въ романѣ Сервантеса донъ-Кихотъ и Санчо Пансо нисколько не искажены: это лица живыя, дѣйствительныя; но, Боже мой! сколько юмору, и веселаго, и грустнаго, и спокойнаго, и ѣдкаго, въ изображеніи этихъ лицъ! Такихъ примѣровъ можно найдти довольно. Что у Гоголя свой юморъ, и что этотъ юморъ составляетъ главную стихію его таланта,—это другое дѣло: противъ этого нельзя спорить.

Г. Константинъ Аксаковъ нашелъ, въ своей брошюрѣ, что Чичиковъ сливается съ субстанціей русскаго народа въ любви къ скорой ѣздѣ: мы надъ этимъ посмѣялись въ нашей рецензіи, и вотъ онъ опять упрекаетъ насъ въ искаженіи словъ его: онъ, видите, разумѣлъ не просто «скорую ѣзду», но ѣзду на телегѣ и на тройкѣ лошадей. Виноваты—просмотрѣли, въ чемъ дѣло; но все-таки субстанціи русскаго народа не видимъ ни въ тройкѣ, ни въ телегѣ. Коляску четверней всѣ образованные Русскіе лучше любятъ, чѣмъ тряскую телегу, на которой заставляетъ ѣздить только необходимость. Но желѣзную дорогу даже и необразованные русскіе, т. е. мужички православные, теперь рѣшительно предпочитаютъ завѣтной телегѣ и тройкѣ: доказательство можно каждый день видѣть на царскосельской дорогѣ. Иначе и быть не можетъ: свѣтъ побѣдитъ тьму, просвѣщеніе побѣдитъ невѣжество, образованность побѣдитъ дикость, а желѣзными дорогами будутъ побѣждены телеги и тройки. Пожалуй, иной субстанцію русскаго народа запрячетъ въ горшокъ со щами и кашею, или, вмѣсто бѣлужины, запечетъ ее въ кулебякѣ... Можно любить тяжелую, грубую, хотя и вкусную русскую кухню,—и однакожъ не въ ней ощущать себя въ лонѣ русской національности... Г. Константинъ Аксаковъ отсылаетъ насъ къ стра-

ницамъ «Мертвыхъ Душъ», гдѣ дѣйствительно съ энтузіазмомъ описана тройка съ телегою: страницы эти мы читали не разъ; но онѣ намъ ничего не доказали, кромѣ ухорской, забубенной удали и какой-то беззаботности простаго русскаго народа въ дѣлѣ улучшеній.... Ссылка на «Мертвыя Души» еще не доказательство; мы сами глубоко уважаемъ, горячо любимъ великій талантъ Гоголя, но идолопоклонничать ни передъ кѣмъ не хотимъ; въ наше время идолопоклопство есть ребячество, г. Константинъ Аксаковъ!

Мы съ вами не ребяты;
Зачѣмъ же мнѣнія чужія только святы!

Г. Константинъ Аксаковъ опять доказываетъ, что въ Маниловѣ есть своя сторона жизни: да кто жь въ этомъ сомнѣвался, равно какъ и въ томъ, что и въ свиньѣ, которая, роясь въ навозѣ на дворѣ Коробочки, съѣла мимоходомъ цыпленка (стр. 88), есть своя сторона жизни? Она ѣстъ и пьетъ—стало быть живетъ: такъ можно ли думать, что не живетъ Маниловъ, который не только ѣстъ и пьетъ, но еще и куритъ табакъ, и не только куритъ табакъ, но еще и фантазируетъ.

Вообще, видно, что, сбившись съ прямаго пути названіемъ «поэмы», которое Гоголь далъ своему произведенію, г. Константинъ Аксаковъ готовъ находить прекрасными людьми всѣхъ изображенныхъ въ ней героевъ... Это, по его мнѣнію, значитъ понимать юморъ Гоголя... Что бы онъ ни говорилъ, но изъ тону и изо всего въ его брошюрѣ видно, что онъ въ «Мертвыхъ Душахъ» видитъ русскую «Иліаду». Это значитъ понять поэму Гоголя совершенно навыворотъ. Всѣ эти Маниловы и подобные имъ забавны только въ книгѣ; въ дѣйствительности же избави Боже съ ними встрѣчаться, — а не встрѣчаться съ ними нельзя, потому что ихъ-таки довольно въ дѣйствительности, слѣдовательно, они представители нѣкоторой ея ча-

сти. Хороша же «Иліада», героемъ которой дѣйствительность, имѣющая такихъ представителей!... «Иліаду» можетъ напомнить собою только такая поэма, содержаніемъ которой служитъ субстанціяльная стихія національной жизни, со всѣмъ богатствомъ ея внутренняго содержанія, въ которой эта жизнь полагается, а не отрицается... Истинная критика «Мертвыхъ Душъ» должна состоять не въ восторженныхъ крикахъ о Гомерѣ и Шекспирѣ, объ актѣ творчества, о достоинствахъ Манилова, о неиспорченной русской натурѣ Селифана, о тройкѣ и телегѣ: пѣтъ, истинная критика должна раскрыть пафосъ поэмы, который состоитъ въ противорѣчіи общественныхъ формъ русской жизни съ ея глубокимъ субстанціяльнымъ началомъ, доселѣ еще таинственнымъ, доселѣ еще не открывшимся собственному сознанію и неуловимомъ ни для какого опредѣленія. Потомъ критика должна войдти въ основы и причины этихъ формъ, должна рѣшить множество повидимому простыхъ, но въ сущности очень важныхъ вопросовъ, въ родѣ слѣдующихъ: Отчего прекрасную блондинку разбранили до слезъ, когда она даже не понимала, за что ее бранятъ? Отчего весь губернскій городъ N. оказался и хорошо населеннымъ и люднымъ, когда сплетни насчетъ Чичикова получили свое начало отъ живаго участія «пріятной во всѣхъ отношеніяхъ дамы» и «просто пріятной дамы»? Отчего наружность Чичикова показалась «благонамѣренною» губернатору и всѣмъ сановникамъ города N? Что̀ значитъ слово «благонамѣренный» на чиновническомъ нарѣчіи? Отчего авторъ поэмы необходимою принадлежностію длинной и скучной дороги почитаетъ не только холода (которые бываютъ на всякихъ дорогахъ), но и слякоть, грязь, починки, перебранки кузнецовъ и всякихъ дорожныхъ подлецовъ? Отчего Собакевичъ приписалъ Елизавету Воробья? Отчего прокурорскій кучеръ былъ малый опытный, потому что правилъ одною рукою, а другую засунувъ назадъ,

придерживалъ ею барина? Отчего сольвычегодскіе угостили на пиру (а не въ лѣсу, при дорогѣ) устьсысольскихъ на смерть, а сами отъ нихъ понесли крѣпкую ссадку на бока, подъ микитки, и все это назвали «пошалить немного?»... Много такихъ вопросовъ можно выставить. Знаемъ, что большинство почтетъ ихъ мелочными. Тѣмъ-то и велико созданіе «Мертвыя Души», что въ немъ вскрыта и разанатомирована жизнь до мелочей, и мелочамъ этимъ придано общее значеніе. Конечно, какой-нибудь Иванъ Антоновичъ, кувшинное рыло, очень смѣшонъ въ книгѣ Гоголя и очень мелкое явленіе въ жизни; но если у васъ случится до него дѣло, такъ вы и смѣяться надъ нимъ потеряете охоту, да и мелкимъ его не найдете... Почему онъ такъ можетъ показаться важнымъ для васъ въ жизни — вотъ вопросъ!... Гоголь геніяльно (пустяками и мелочами) пояснилъ тайну, отчего изъ Чичикова вышелъ такого рода «пріобрѣтатель»; это-то и составляетъ его поэтическое величіе, а не мнимое сходство съ Гомерами и Шекспирами...

Г. Константинъ Аксаковъ ставитъ намъ въ вину, что мы вовсе пропустили слѣдующія строки въ его брошюрѣ: «Такіе тѣсные предѣлы не позволяютъ намъ сказать о многомъ, развить многое, и дать заранѣе полныя объясненія на недоумѣнія и вопросы, могущіе возникнуть при чтеніи нашей статьи. Но надѣемся, что они разрѣшатся сами собою». Выписавъ эти строки, г. Константинъ Аксаковъ замѣчаетъ: «Но у рецензента не было ни недоумѣній, ни вопросовъ; онъ сейчасъ рѣшительно не понялъ, въ чемъ дѣло». Не правда, рѣшительная неправда, г. Константинъ Аксаковъ: брошюра ваша возбудила въ рецензентѣ сильное недоумѣніе касательно того, что въ ней говорится, возбудила вопросъ, какъ въ наше время могутъ являться въ свѣтъ подобныя фантасмагоріи праздпаго воображенія и пустаго философствованія; но онъ, рецензентъ, если не тотчасъ же, то очень скоро понялъ въ

чемъ дѣло, т. е. понялъ, что оно заключается только въ сильномъ желаніи отличиться чѣмъ-нибудь необыкновеннымъ въ литературѣ... Итакъ, надежда г. Константина Аксакова совершенно сбылась: дѣло его брошюры объяснилось само собою... А что тѣсные предѣлы статьи его не позволили ему многое развить и заранѣе отвѣтить на вопросы (которые, видно, чуяло его сердце), — это уже не наша, а его вина: вольно же ему было избирать тѣсные предѣлы, вмѣсто обширныхъ...

Остальные пункты «Объясненія» г. Константина Аксакова состоятъ въ слѣдующемъ:

1. Г. Константинъ Аксаковъ могъ бы доказать ясно, что «Отечественныя Записки» жестоко ошибаются, думая, что пока еще русскій поэтъ не можетъ быть міровымъ поэтомъ; но что онъ объ этомъ, конечно, съ петербургскими журналами говорить не будетъ; и что объ этомъ могутъ быть написаны цѣлыя сочиненія, книги, но тоже, конечно, ужь не для петербургскихъ журналовъ...

2. Возраженіе его, г. Константина Аксакова, не полно, однако пространнѣе, чѣмъ онъ хотѣлъ; кто же хочетъ узнать дѣло лучше, тотъ можетъ снова прочесть брошюру, которую онъ, г. Константинъ Аксаковъ, готовъ (храбрая готовность!...) вновь повторить слово отъ слова. Затѣмъ онъ оставляетъ всѣ дальнѣйшія объясненія, не предполагаетъ, чтобъ «Отечественныя Записки» стали ему возражать (увы, не сбывшееся предположеніе!), и во всякомъ случаѣ отвѣчать болѣе не будетъ...

3. «Отечественныя Записки» несмотря на ихъ несогласія во мнѣніяхъ съ другими петербургскими журналами, въ сущности одно и то же съ ними...

Бѣдные петербургскіе журналы! погибли вы, погибли безвозвратно! Г. Константинъ Аксаковъ такъ глубоко презираетъ васъ, что и говорить съ вами не хочетъ... Великій Боже! за что же такая страшная кара на петербург-

скіе журналы?... Развѣ нельзя было опредѣлить менѣе тяжкаго наказанія!... Но, позвольте: кто жь онъ самъ, этотъ страшный, неумолимый г. Константинъ Аксаковъ, однимъ словомъ «да» и «нѣтъ» рѣшающій всѣ вопросы, на все и всему изрекающій приговоры? Неужели это тотъ самый г. Константинъ Аксаковъ, который, въ разныхъ журналахъ, а въ числѣ ихъ и въ «Отечественныхъ Запискахъ», напечаталъ нѣсколько переводовъ нѣмецкихъ стихотвореній, переводовъ частію довольно порядочныхъ, частію весьма посредственныхъ, а частію и весьма плохихъ?... Если такъ, то невольно спросишь: изъ какой же тучи этотъ громъ? да полно, изъ тучи ли еще онъ?...

Что же до нежеланія г. Константина Аксакова возражать далѣе, оно очень понятно: это ему теперь было бы и трудно, да и негдѣ (развѣ въ брошюрахъ): ибо какой же московскій журналъ захочетъ далѣе принимать, какъ говоритъ русская пословица, въ чужомъ пиру похмѣлье?...

Что же, наконецъ, до тождества «Отечественныхъ Записокъ» съ другими петербургскими журналами: г. Константинъ Аксаковъ воленъ находить его. Можетъ-быть, онъ это утверждаетъ и не съ досады, а по убѣжденію... Мы тоже, по глубокому убѣжденію, видимъ тождество между его брошюркою и знаменитою «критикою» по поводу «Мертвыхъ Душъ», въ которой Селифанъ сдѣланъ представителемъ неиспорченной русской натуры...

ЖУРНАЛЬНЫЯ И ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Зная не только, что и какъ—пишется въ нашихъ журналахъ, но и догадываясь напередъ, что и какъ будетъ въ каждомъ изъ нихъ писаться, мы не принадлежимъ къ числу ревностныхъ ихъ читателей. Если же и заглядываемъ въ

нихъ, такъ больше для своего личнаго удовольствія, изъ желанія прочесть иногда что-нибудь забавное,—нежели по обязанности. А между тѣмъ, ища удовольствія, встрѣчаемъ иногда и пользу: время отъ времени попадаются въ журналахъ вещи курьёзно-поучительныя, по поводу которыхъ иногда невольно раздумаешься о томъ и о сёмъ. Такъ какъ теперь большая часть нашихъ журналовъ, за исключеніемъ «Отечественныхъ Записокъ», «Библіотеки для Чтенія» и «Сѣверной Пчелы», извѣстна публикѣ только развѣ по именамъ, и то изъ помянутыхъ извѣстныхъ ей изданій,—то мы и приняли благое намѣреніе, если не сохранить для потомства, то хоть сдѣлать извѣстнымъ для современниковъ рѣдкости и драгоцѣнности, которыя какъ оазисы въ пустынѣ, попадаются въ мало-извѣстныхъ періодическихъ изданіяхъ. Равнымъ образомъ, можетъ попадаться много интереснаго въ томъ или другомъ отношеніи и при перелистываніи старыхъ журналовъ, старыхъ и новыхъ книгъ. Все такое мы намѣрены или пересказывать, или просто выписывать, съ собственными замѣтками, когда дѣло требуетъ поясненія, или и безъ замѣтокъ, когда дѣло краснорѣчиво говоритъ само за себя. Будучи увѣрены въ занимательности подобныхъ замѣтокъ для читателей, мы намѣрены сдѣлать изъ нихъ родъ постоянной статьи, время отъ времени помѣщаемой въ отдѣлѣ Смѣси «Отечественныхъ Записокъ». Такъ какъ наши замѣтки не имѣютъ ничего общаго ни съ осами, ни съ шмелями, ни съ трутнями, ни съ комарами, ни съ другими животными, то мы ихъ и называемъ просто «журнальными и литературными замѣтками».

—

Съ нѣкотораго времени въ русскую поэзію закралась странная и неприличная изысканность въ мысли и выраженіи. Многіе критики справедливо и строго вооружились противъ нея. Мы думали было, что она и кончилась, какъ

вдругъ открыли, къ изумленію своему, слѣдующее извѣстіе о ней въ «Русскомъ Вѣстникѣ»:

„Изъ 12-ти піесъ въ стихахъ, находящихся во второмъ томѣ *Бесѣды* замѣчательнѣе всѣхъ стихотвореніе г. Шевырева. Но развѣ г. Шевыревъ все еще пишетъ стихи? Да, пишетъ прекрасные, какъ проза, чистые, какъ вода, нравоучительные, какъ изрѣченія Антонія Мурета отрокамъ. Видите: какой-то поэтъ умеръ. Г. Шевыревъ такъ разсердился за смерть его, что не совѣтуетъ юношамъ призывать вдохновеніе *на высь чела*, вѣнчаннаго *звѣздой* (?), не заводить пѣснопѣній предъ суетной толпой!

Коль грудь твою огонь небесъ объемлетъ,

то берегись, говоритъ г. Шевыревъ, берегись: въ рифму — *рокъ не дремлетъ!* И разсуждаетъ онъ далѣе, что *нашъ вѣкъ горькой, прекраснаго не любитъ*, безсмысленно *сосудъ прекраснаго губитъ*, и все равно ему, хоть *гроза смяла роскошнаго* (?) *мотылька*, хоть *увяла роза въ пламенномъ разцвѣтѣ*, хоть *застылъ въ горахъ зачавшійся потокъ*, или хоть *поэтъ палъ, зажавши рану груди*. Стихи очень хороши, но мысль ихъ кажется намъ не совсѣмъ вѣрною. Не всѣ, чью *грудь огонь небесъ объемлетъ*, не всѣ, *призывающіе вдохновеніе на высь чела, вѣнчаннаго звѣздой*, умираютъ *зажавши рану груди*. Есть поэты, которые пишутъ стихи и стишки, а между тѣмъ живутъ себѣ спокойно. Такіе поэты есть на бѣломъ свѣтѣ, и слѣдственно, мысль почтеннаго г. Шевырева не вполнѣ вѣрна. Что, если русскіе поэты испугаются, послушаютъ совѣта г. Шевырева, перестанутъ писать стихи вовсе? Въ такомъ случаѣ, мы принуждены приняться за стихи самого г. Шевырева, потому что запрещая другимъ, самъ онъ кропать стихи не перестанетъ. Дѣлать нечего — будемъ мы ихъ тогда читать и восклицать: „О, суетная толпа! О, безумный вѣкъ! О корыстный вѣкъ! вотъ до чего мы дожили!

О горькій вѣкъ! мы видно заслужили
И по грѣхамъ намъ видно суждено

читать стихи въ родѣ перевода Валленштейнова Лагеря, или Освобожденнаго Іерусалима, какими подарилъ насъ нѣкогда г. Шевыревъ, или стиховъ: *На смерть поэта*, коими украсилъ онъ 2-й томъ Бесѣды! Впрочемъ, въ какомъ прекрасномъ саду не растутъ полынь и крапива?“

Впрочемъ, мы, кажется ошиблись: изъ выписки явствуетъ, что тутъ дѣло идетъ совсѣмъ не объ изысканности и вычурности въ выраженіяхъ и мысли: напротивъ, критикъ отдаетъ полную справедливость художественнымъ красотамъ стиховъ поэта, и не согласенъ съ нимъ только въ мысли. Но въ послѣднемъ отношеніи, вѣрно многіе возьмутъ сторону поэта противъ критика: еслибы всѣ другіе русскіе поэты, послушавъ совѣта г. Шевырева, замолчали, многіе охотно стали бы пробавляться превосходными стихами г. Шевырева, какъ восхищаются его несравненными критическими статьями. Г. Шевыревъ стяжалъ себѣ двойной вѣнокъ—какъ поэтъ и какъ критикъ: это доказываютъ всѣ труды его по той и другой части—и переводъ отрывка изъ «Освобожденнаго Іерусалима», гдѣ онъ такъ удачно усыновилъ руской версификаціи итальянскую октаву, и его критическія статьи о стихотвореніяхъ г. Бенедиктова, гдѣ онъ такъ ясно доказалъ, что г. Бенедиктовъ шагнулъ дальше Жуковскаго и Пушкина, и о стихотвореніяхъ Лермонтова, гдѣ съ такою тонкостію замѣтилъ онъ, что Лермонтовъ подражалъ, въ своихъ стихахъ, то Жуковскому, то Пушкину, то г. Бенедиктову. Подобныя заслуги со стороны г. Шевырева русской поэзіи и русской критикѣ, кажется, достаточны для извиненія его въ стихотвореніи, подобномъ «На смерть Поэта», еслибъ его выраженіе было и вычурно, а мысль отзывалась старчествомъ или дѣтскостію,—чего, однакожъ, мы вовсе не видимъ.

—

Кто не помнитъ того времени въ нашей литературѣ, когда эпиграммы были въ такомъ ходу, что каждый поэтъ, эпическій, драматическій или лирическій, непремѣнно долженъ былъ написать хоть нѣсколько эпиграммъ? Самъ Пушкинъ заплатилъ полную дань этому направленію, и только Лермонтовъ—поэтъ совершенно новой эпохи—не написалъ ни одной эпиграммы. Но теперь этотъ пріятный родъ сочи-

пеній, кажется, опять входитъ въ моду, преимущественно тщаніемъ и усердіемъ извѣстнаго стихотвора стараго времени, г. Михайла Дмитріева. Вотъ одна изъ его эпиграммъ, живо напоминающая старое доброе время владычества французскаго классицизма въ нашей литературѣ:

Мой шестистопный ямбъ тяжелымъ ты нашелъ!
Да другъ! онъ для тебя не въ первый разъ тяжелъ!

Должно быть, что дѣло идетъ о какомъ-нибудь усердномъ читателѣ или слушателѣ стиховъ автора эпиграммы. Въ такомъ случаѣ, нельзя не сознаться, что эпиграмма остра и ядовита, хотя и написана въ невинномъ классическомъ духѣ. Но вотъ двѣ эпиграммы въ романтическомъ родѣ:

.....у.
Ага! узналъ и тотчасъ ты замѣтилъ
Мои стихи—признайся—почему?
Не правда ли, ты съ жадностью ихъ встрѣтилъ,
Какъ несъ лозу, знакомую ему?
Кусай—прошу: что, горьки или сладки?
Но чтобъ впередъ не дать тебѣ повадки,
Тупымъ зубамъ напомню я стихомъ,
Что онъ живетъ, что много силы въ немъ
Добить твои послѣдніе остатки.
С. Ш.

Къ N. N.
Какъ не узнать тебя, пискливаго Фрерона,
Тебя, наѣзднпка на палочкѣ верхомъ,
Ферульной критики лихаго Дормидона!
Ты хохлишься индѣйскимъ пѣтухомъ
И мнѣ грозишь беззубыми стихами—
Молчи, пискунъ! Ну, гдѣ ты находилъ,
Чтобъ льва могучаго, съ зубами и когтями,
Когда-нибудь оселъ копытомъ билъ?

Первая изъ этихъ эпиграммъ напечатана въ московскомъ, а вторая въ одномъ изъ петербургскихъ журналовъ. Безъ

сомнѣнія, обѣ онѣ прекрасны, но петербургская, кажется, лучше.

—

Наконецъ «Сѣверная Пчела» разразилась грозною статьею противъ «Мертвыхъ Душъ», о появленіи которой она позаботилась объявить, назадъ тому уже съ мѣсяцъ. Судя по времени, въ продолженіи котораго эта знаменитая статья писалась, мы ожидали, что она превзойдетъ даже знаменитыя статьи той же газеты о седьмой главѣ «Онѣгина» Пушкина, о «Юріи Милославскомъ» г. Загоскина и «Басурманѣ» Лажечникова, три знаменитыя статьи, въ которыхъ помянутыя произведенія были, что называется, втоптаны въ грязь. Но ожиданіе наше не сбылось: статья вышла предобрая и препаивная. Особенно понравилось намъ, что она напоминаетъ собою критики блаженной памяти «Вѣстника Европы» и журналовъ, издававшихся въ Россіи еще прежде «Вѣстника»: тотъ же взглядъ, та же манера, тѣ же понятія и тотъ же образъ выраженія! Главная нападка, разумѣется, на то, что дѣйствующія лица въ романѣ Гоголя все дураки и негодяи. Нападка столь же несправедливая, сколь и не новая! Во-первыхъ: дѣйствующія лица въ «Иванѣ Выжигинѣ» тоже все дураки или негодяи, а между тѣмъ романъ г. Булгарина былъ превознесенъ «Сѣверною Пчелою». Да что Иванъ Выжигинъ»? Вспомните, что́ сказано въ извѣстной статьѣ остроумнаго Коспчкина о дѣйствующихъ лицахъ и прочихъ романовъ г. Булгарина...

Во-вторыхъ: какъ же рецензентъ «Пчелы» не замѣтилъ двухъ мѣстъ въ поэмѣ Гоголя, изъ которыхъ первое намъ объясняетъ, почему добродѣтельный человѣкъ не взятъ въ герои:

«Потому что пора наконецъ дать отдыхъ бѣдному добродѣтельному человѣку; потому что праздно на устахъ вращается слово «добродѣтельный человѣкъ»; потому что обратили въ лошадь добродѣтельнаго человѣка, и нѣтъ писателя, который бы не ѣздилъ на

немъ, понукая и кнутомъ и всѣмъ, что ни попало; потому-что изморили добродѣтельнаго человѣка до того, что теперь нѣтъ на немъ и тѣни добродѣтели, а остались только ребра да кожа вмѣсто тѣла; потому что лицемѣрно призываютъ добродѣтельнаго человѣка; потому что не уважаютъ добродѣтельнаго человѣка» (стр. 431).

Въ другомъ мѣстѣ, авторъ ясно говоритъ, что его герой не подлецъ:

«Теперь у насъ подлецовъ не бываетъ; есть люди благопамѣренные, пріятные, а такихъ, которые бы на всеобщій позоръ выставили бы свою физіономію подъ публичную оплеуху, отыщется какихъ-нибудь два, три человѣка, да и тѣ уже говорятъ теперь о добродѣтели» (стр. 465).

Вторая нападка рецензента состоитъ въ томъ, что въ поэмѣ Гоголя нѣтъ—видите—содержанія!!... Вотъ ужь тутъ мы не знаемъ, что̀ и сказать,—т. е. хоть и знаемъ, да боимся понапрасну потратить слова: мы учились эстетикѣ по новымъ книгамъ, а рецензентъ, какъ замѣтно по тону и смыслу его статьи, человѣкъ прошлаго вѣка, и «содержаніе» смѣшиваетъ съ «сюжетомъ», идеалъ же романа видитъ въ бабьихъ сплетняхъ и росказняхъ о разной небывальщинѣ, составляющей сюжетъ какой-нибудь «Черной Женщины».

Третья нападка грозной рецензіи направлена на обиліе неприличныхъ и не употребляемыхъ въ высшемъ обществѣ словъ, каковы: подлецъ, свинья, свинтусъ, бестія, каналья, бабёшка, ракалія, ѳетюкъ, скалдырникъ, мошенникъ, напакостить и т. п., которыя употребляются дѣйствующими лицами въ романѣ Гоголя. Особенное неблаговоленіе благовоспитаннаго рецензента навлекло на себя слово ѳетюкъ, употребленное Поздревымъ, и при немъ, въ выноскѣ, объясненіе автора, что «ѳетюкъ, слово обидное для мущины, происходитъ отъ буквы ѳ, почитаемой нѣкоторыми «неприличною». Что̀ сказать на это? Такъ какъ мы не принадлежимъ къ тому высшему обществу, которое столь знакомо рецензенту «Сѣверной Пчелы», то и ограничимся на этотъ разъ небольшою выпискою изъ статьи князя Вяземскаго,

которому настоящее высшее общество извѣстно по крайней мѣрѣ не менѣе кого другаго. Вотъ что̀ говоритъ князь Вяземскій, по поводу «Ревизора», о нападкахъ словолововъ на неприличныя слова, встрѣчающіяся въ этой комедіи:

«У котораго-то изъ нихъ уши покраснѣли отъ выраженій: *супъ воняетъ, чай воняетъ рыбою*. Онъ увѣряетъ, что теперь и порядочный лакей того не скажетъ. Да мало ли того, что̀ скажетъ и чего не скажетъ лакей? Неужели писателю ходить въ лакейскія справляться, какія слова тамъ въ чести и какія не въ употребленіи. Такъ,—если онъ описываетъ лакейскую сцену; но иначе къ чему же? Напримѣръ, *Осипъ* въ «Ревизорѣ» говоритъ чисто-лакейскимъ языкомъ, лакея въ немъ слышимъ деревенскаго, который прожилъ нѣсколько времени въ столицѣ; это дѣло другое. Впрочемъ, критикъ, можетъ быть, и правъ; въ этомъ случаѣ мы споритъ съ нимъ не будемъ. *Порядочный лакей*, то есть, что называется un laquais endimanché, точно, можетъ-быть, постыдится сказать: *воняетъ*, но *порядочный человѣкъ*, то-есть благовоспитанный, смѣло скажетъ это слово и въ гостиной и передъ дамами. Извѣстно, что люди высшаго общества гораздо свободнѣе другихъ въ употребленіи *собственныхъ словъ;* жеманство, чопорность, щепетность, оговорки, отличительные признаки людей—не живущихъ въ хорошемъ обществѣ, но желающихъ корчить хорошее общество. Человѣкъ, въ сферѣ гостиной рожденный, въ гостиной—у себя, дома: садится ли онъ въ кресла? онъ садится какъ въ свои кресла; заговоритъ ли? онъ не боится проговориться. Посмотрите на провинціяла, на выскочку: онъ не смѣетъ присѣсть иначе, какъ на кончикѣ стула: шевелитъ краемъ губъ, кобенясь, извиняется вычурными фразами нашихъ нравоучительныхъ романовъ, не скажетъ слова безъ прилагательнаго, безъ оговорки. Вотъ отчего многіе критики наши, добровольно подвизаясь на защиту хорошаго общества и ненарушимости законовъ его, попадаютъ въ такіе смѣшные промахи, когда говорятъ, что такое-то слово неприлично, такое-то выраженіе невѣжливо. Охота имъ мѣшаться не въ свои дѣла! Пускай говорятъ они о томъ, что̀ знаютъ; рѣдко будетъ имъ случай говорить,—это правда, но за то могутъ говорить дѣльное. Можно быть очень добрымъ и разсудительнымъ человѣкомъ и не имѣть доступа въ высшее общество. Смѣшно хвастаться тѣмъ, что судьба, что рожденіе приписали васъ къ этой области; но не менѣе смѣшно, если не смѣшнѣе, не уроженцу, или не получившему права гражданства въ ней, толковать о правахъ, обычаяхъ и условіяхъ ея. Что̀ вамъ за нее рыцарство-

вать? Эта область сама умѣетъ стоять за себя, сама умѣетъ приводить въ дѣйствіе законы своего покровительства и остракизма. Все это не журнальное дѣло. У васъ уши вянутъ отъ языка «Ревизора»: а лучшее общество сидитъ въ ложахъ и креслахъ, когда его играютъ; брошюрка «Ревизора» лежитъ на модныхъ столикахъ работы Гамбса. Не смѣшно ли, не жалко ли съ желудкомъ натощакъ гнѣваться на повара, который позволилъ себѣ поставить не довольно утонченное кушанье на столъ, за коимъ нѣтъ вамъ прибора?.. («Современникъ» 1836 г., т. II, стр. 295—296).

Наконецъ, четвертая и главная нападка рецензента устремлена на промахи противъ грамматикъ г. Греча. Здѣсь рецензентъ говоритъ съ особенною важностью и убѣдительностью, какъ человѣкъ, вошедшій въ свою стихію, гдѣ ему и привольно и безопасно. Дѣйствительно, языкъ у Гоголя не отличается мертвою правильностью, и на него легко нападать громотѣямъ и корректорамъ, которые считаютъ языкъ и слогъ за одно и то же, не подозрѣвая, что между языкомъ и слогомъ такое же неизмѣримое разстояніе, какъ и между мертвою, механическою правильностью рисунка бездарнаго маляра-академика и живымъ оригинальнымъ стилемъ геніяльнаго живописца. Но посмотрите, какія ошибки отыскалъ рецензентъ въ поэмѣ Гоголя противъ языка: «молодой человѣкъ оборотился назадъ» (ошибка?!); «скромно темнѣла сѣрая краска» (по мнѣнію рецензента должно: темнѣлась!!..); «при (?) нихъ стоялъ учитель, поклонившійся вѣжливо и съ улыбкою» (нѣтъ, восклицаетъ рецензентъ, стоявшій при нихъ учитель поклонился) и т. п... Не довольно ли? Вѣдь ужь видно, о какомъ дерзновеніомъ возстаніи Гоголя и противъ какой грамматики и логики говоритъ онъ—противъ грамматики г. Греча и логики г. Рождественскаго... Изъ всѣхъ указанныхъ имъ примѣровъ «самаго неправильнаго и варварскаго языка и слога» у Гоголя, справедливо осуждено развѣ одно слово «узрѣтъ» вмѣсто «узрѣнь»: дѣйствительно, великая ошибка со стороны Гоголя, и мы охотно вѣримъ, что строгій рецензентъ

никогда бы не сдѣлалъ подобной, такъ же, какъ никогда бы не написалъ «Мертвыхъ Душъ».

Впрочемъ, рецензентъ не все хулитъ, кое-что онъ и хвалитъ, исполняя такимъ образомъ обязанность истинной критики, какъ ее понимали назадъ тому лѣтъ за сорокъ: сказавъ вообще, что романъ плохъ, онъ замѣтилъ неприличныя выраженія, потомъ грамматическія неправильности, за тѣмъ слегка кое-что похвалилъ, а въ заключеніе выписалъ нѣсколько хорошихъ мѣстъ, тщательно имъ выбранныхъ, чтобъ тѣмъ лучше удружить автору. Понятія о содержаніи, идеѣ, о творчествѣ и т. п.—предметы самыя старосвѣтскіе, и новому времени принадлежатъ только выраженія, въ родѣ слѣдующихъ, которыхъ не терпѣло старинное приличіе,—наприм., что все хорошее въ романѣ Гоголя «утопаетъ въ какой-то смѣси вздору, пошлостей и пустяковъ», «удивляемся безвкусію и дурному тону, господствующимъ въ этомъ романѣ», «языкъ и слогъ самые неправильные и варварскіе» и т. п.

—

Поздравляемъ Россію съ новымъ поэтическимъ геніемъ. У насъ были и Гомеры, и Шекспиры, и Байроны, и Вальтеръ Скотты, и Гёте, и Шиллеры: не доставало только Беранжé. Теперь и этотъ недостатокъ восполненъ. Гдѣ жь нашелся этотъ русскій Беранжé? Мы давно его знали, только не знали, что онъ Беранжé. Мы все думали, что онъ просто — русскій куплетистъ, и русскій водевелистъ, лицо, само собою разумѣется, весьма скромное, едва замѣтное въ нашей литературѣ. Но мы ошибались: честь и слава «Сѣверной Пчелѣ»! Сквозь свои критическія стекла открыла она новаго, невѣдомаго міру Русскаго генія. Этотъ геній, этотъ русскій Беранжé—кто бы вы думали?—г. Лепскій!... Не изумляйтесь. Вотъ извѣстіе слово отъ слова заимствуемое нами изъ 143 № «Сѣверной Пчелы»:

«Въ Петербургъ пріѣхалъ на дняхъ отличный нашъ водевелистъ и артистъ московскаго театра, Д. Т. Ленскій. Кромѣ Пушкина, никто не превосходитъ г. Ленскаго въ легкой поэзіи. По несчастію, онъ мало пишетъ, а еще менѣе печатаетъ. Переводы г. Ленскаго пѣсень и лирическихъ стихотвореній удивительно хороши и нисколько не уступаютъ подлиннику. Дружескія посланія, застольныя пѣсни и куплеты кстати и *къ случаю* (à propos) г. Ленскаго имѣютъ высокое достоинство. Г. Ленскій – нашъ Беранжѐ, нашъ Дезожье! Какъ было бы хорошо, еслибъ кто-нибудь вздумалъ издать его легкія стихотворенія и переводы въ особой книжечкѣ, и украсилъ ихъ политипажами! Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это изданіе имѣло бы чудесный успѣхъ! Г. Ленскій также любезенъ въ обществѣ, какъ и прототипъ его Беранжѐ».

Всѣ согласны, что русская литература довольно небогата, такъ что охотникамъ до русскихъ книгъ просто нечего читать, если они хотятъ читать только одно хорошее. Въ 1840 году вышелъ «Герой нашего Времени», а въ 1842 г. вышли «Мертвыя Души», Если включить сюда пять-шесть повѣстей въ журналахъ и альманахахъ—вотъ и все по части прозы... Кто будетъ спорить, что для прочтенія всего этого немного нужно времени? Въ 1840 году вышли стихотворенія Лермонтова, а въ 1841—42 году, отъ дня смерти поэта почти до настоящей минуты, напечатаны въ «Отечественныхъ Запискахъ», кромѣ небольшихъ піесъ, отрывки изъ «Демона» и поэма «Боярин Орша»; если включить сюда вышедшія въ нынѣшнемъ году стихотворенія г. Майкова, да еще пять-шесть стихотворныхъ піесъ, разсѣянныхъ по журналамъ и альманахамъ, вотъ и все,—что̀ явилось примѣчательнаго по части стиховъ въ послѣдніе два года!... Опять никто не будетъ спорить, что для прочтенія всего этого нужно слишкомъ мало времени... Репертуаръ русской сцены—эта арена гг. Кукольника, Полеваго, Ободовскаго, Коровкина, Соколова и многихъ другихъ,—репертуаръ русской сцены представляетъ собою то засохшее поле, на которомъ ни былинки, то послѣ долгихъ проливныхъ дождей,

покрытую грибами и дождевиками поляну... Вообще, наша драматическая литература хуже всякой другой нашей литературы; о ней не стоило бы даже говорить. Но все это дѣло весьма поправимое, и притомъ легко поправимое. Удивляемся, какъ никому не пришло въ голову этого простого средства, и только одна «Сѣверная Пчела» могла придумать его. Въ 42 № этой газеты напечатано, между прочимъ, слѣющее:

«Хладнокровіе къ русской литературѣ и русскимъ художествамъ, грѣхъ противу русской народности, слѣдовательно и противу патріотизма. Вы скажете намъ: да виноваты ли мы, что за границею пишутъ лучше *(чѣмъ—идь?)*, что водевили Скриба лучше нашихъ, что драмы Дюма и Виктора Гюго занимательнѣе *(чего?)*, что романы Евгенія Сю, Бальзака и Жоржъ Зандъ превосходнѣе *(чего?)*, что Les Français peints par eux-mêmes лучше *Нашихъ?...* Быть можетъ, не споримъ. Но если въ годовыхъ своихъ расходахъ вы полагаете тысячу рублей на вистъ и тысячу рублей на непредвидимыя мелкія издержки, опредѣлите, *пожалуйста*, хотя *пятьсотъ рублей на русскія книги! Не читайте сами, если онѣ вамъ не нравятся, но отсылайте каждую зиму въ деревню, въ вашу деревенскую библіотеку. Пусть онѣ лежатъ тамъ спокойно.* Придетъ время, и вашъ потомокъ воздастъ вамъ за это честь и хвалу!—*Вамъ скучно въ русскомъ театрѣ—нѣтъ нужды! появляйтесь тамъ въ представленіе каждой новой русской піесы, особенно оригинальной—это принесетъ большую пользу искусству!* Піесы пишутся по публикѣ, и когда люди высшаго вкуса и образованія станутъ появляться въ русскомъ театрѣ, піесы будутъ изящнѣе».

Какъ жаль, что подъ этою прекрасною статьею не подписано имени ея сочинителя, которое, такимъ образомъ, не перейдетъ въ потомство и не пріобрѣтетъ заслуженнаго имъ безсмертія! Какой проэктъ, Боже мой, какъ проэктъ! Какъ онъ простъ и удобоисполнимъ! А между тѣмъ какіе великіе результаты должны изъ него выйдти! Литература процвѣтетъ, т. е. потомки прочтутъ книги, которыя не стоили вниманія современниковъ, и будутъ обязаны живѣйшею благодарностію собирателямъ этихъ драгоцѣнныхъ библіотекъ... Увидя, что и высшее общество ѣздитъ зѣвать и спать на

представленія новыхъ русскихъ, особенно оригинальныхъ піесъ, — наши драматурги вдругъ пріобрѣтутъ и талантъ, и вкусъ, и умъ, и чувство приличія, и знаніе жизни, словомъ, все, чего они съ такою истинно достойною удивленія рѣшимостію до сихъ поръ не хотятъ пріобрѣтать... Помилуйте, да такой проэктъ больше всякой книги заслуживаетъ Демидовскую премію!... Честь и слава газетѣ, гдѣ печатаются такіе дивные проэкты!...

—

Что такое патріотизмъ и патріоты — всякій знаетъ; но не всякій знаетъ, что патріоты раздѣляются на два разряда. Одни получаютъ имя патріотовъ, за свои заслуги, отъ общества и отъ исторіи, какъ получили его Мининъ, Пожарскій, Сусанинъ, другіе, не дожидаясь приговора общества, которое часто бываетъ завистливо, и исторіи, которая всегда бываетъ медленна, — другіе сами себя провозглашаютъ патріотами, потому что громче другихъ говорятъ о любви и ревности ко всему отечественному. У насъ въ литературѣ теперь особенно много развелось патріотовъ втораго разряда. Между ними даже есть люди, неумѣющіе безъ ошибки противъ языка написать двухъ строкъ по-русски, но тѣмъ не менѣе, въ своей патріотической ревности затѣвающіе преобразованіе русскаго слога. Другіе, прижавшись за какого-нибудь опытнаго корректора, кое-какъ понавострились писать русскимъ складомъ, за что даже стяжали себѣ славу «сочинителей» на всѣхъ толкучихъ рынкахъ, гдѣ, между прочимъ хламомъ, продаются, и порознь и мѣшками, книги, которыя не пошли въ ходъ изъ книжныхъ лавокъ, или которыя прежде «бойко шли», но потомъ, какъ говорится, вдругъ оборвались. Третьи, чтобы сдѣлать для всѣхъ яснѣе свой патріотизмъ, пишутъ языкомъ временъ Кошихина, примѣромъ русскихъ мужиковъ и бабъ уличаютъ Богъ знаетъ въ чемъ Гоголя и французскихъ романистовъ, которые, разумѣется, ничего объ этомъ

не знаютъ, а потому и не могутъ исправиться. Вообще, эти третьи всѣхъ интереснѣе. Россія не сходитъ съ ихъ пера, и, читая ихъ писанія, не знаешь, чему больше дивиться: тому ли, что они, подобно мухѣ Крылова, хлопочутъ о томъ, что и безъ ихъ хлопотъ хорошо идетъ; тому ли, что они пишутъ для такого класса людей, который, по незнанію грамоты, не можетъ читать ихъ, или, наконецъ, той наивной скромности, съ которою они даютъ знать, какъ крѣпко залегла у нихъ на сердцѣ мысль о благосостояніи всего отечественнаго... Одинъ изъ этихъ господъ недавно далъ совѣтъ русскимъ образованнымъ классамъ, чтобы они посылали своихъ дѣтей учиться русскому языку въ крестьянскія избы!!... Впрочемъ, дѣло рѣшеное, что тяжелые труды, часто не вполнѣ вознаграждаемые современниками, составляютъ принадлежность только патріотовъ перваго разряда; патріоты же втораго разряда всегда и вездѣ благоденствовали, и должно быть, на нихъ мѣтилъ Крыловъ этими чудесными стихами:

А смотришь: по маленьку,
То домикъ выстроитъ, то купитъ деревеньку. .

Исторія о ножичкѣ *(факты для будущаго историка русской литературы)*. — Въ 63 № «Сѣверной Пчелы» нынѣшняго года помѣщено, между прочимъ, письмо гг. Анифьева, Страхова и Вагина, мастеровъ села Павлова, къ какому-то Ивану Ильичу. Письмо это напечатано подъ названіемъ «Защита добрыхъ русскихъ мастеровъ» и заключаетъ въ себѣ возраженіе на статью о селѣ Павловѣ, напечатанную въ «Живописномъ Обозрѣніи». Оно оканчивается слѣдующими, равно любопытными и для современниковъ и для потомства, строками:

„.. Милостивый государь Иванъ Ильичъ, мы и рѣшились васъ покорнѣйше попросить этимъ письмомъ, взять на себя трудъ уви-

дѣться съ его высокоблагородіемъ Ѳаддеемъ Венедиктовичемъ Булгаринымъ, *какъ ревностнымъ защитникомъ и любителемъ всего отечественнаго*, и попросить его, не помѣститъ ли онъ хотя небольшой статейки, въ защиту нашихъ издѣлій противъ Живописнаго Обозрѣнія, въ Сѣверной Пчелѣ, *всегда вѣрной и безпристрастной выставщицѣ о всѣхъ произведеніяхъ отечественныхъ, которую мы около десяти лѣтъ постоянно читаемъ и перечитываемъ, а въ особенности статьи* г. Булгарина, *всегда съ особеннымъ удовольствіемъ*".

При семъ г. Булгаринъ «предъявляетъ» въ выноскѣ слѣдующее:

„Литературные мои противники могутъ обвинить меня въ тщеславіи, самолюбіи *и въ чемъ угодно* (*sic!*) за то, что я не вычеркнулъ изъ письма лестныхъ для меня выраженій. Подвергаюсь охотно всѣмъ упрекамъ и насмѣшкамъ журналовъ, но эта похвала русскихъ грамотныхъ мастеровыхъ такъ для меня лестна, такъ радуетъ меня и утѣшаетъ, что я не промѣняю ея на цѣлые печатные листы журнальной похвалы, и на самые кудрявые французскіе или русскіе комплименты (*разумѣется, еслибы таковые имѣлись*)! Болѣе всего дорожу я мнѣніемъ русскихъ людей, смотрящихъ на вещи и дѣла безпристрастно! Наши судьи *они*, а не литературныя партіи!... Справьтесь, любезные мои противники, есть ли одинъ русскій грамотный человѣкъ, заглядывающій въ *печатное*, который бы не зналъ: *Ѳ. Б.*?"

Выписавъ выноску, или «предъявленіе» г. Булгарина, выпишемъ и конецъ письма грамотныхъ и безпристрастныхъ цѣнителей г. Булгарина, мастеровыхъ села Павлова:

„Мы препровождаемъ при семъ карманный ножичекъ *), сдѣланный на имя г. Булгарина однимъ изъ малоизвѣстныхъ еще мастеровъ нашихъ, Иваномъ Хотянинымъ; онъ теперь человѣкъ молодой, но обѣщаетъ въ себѣ, въ послѣдствіи, по издѣлію, многое. Этотъ ножичекъ и теперь, какъ по чистотѣ отдѣлки, такъ и по прочности въ закалкѣ стали, можетъ стать въ соперничество съ лучшими иностранными издѣліями этого рода, и въ четверо ихъ дешевле. Мы просимъ покорнѣйше господина Ѳаддея Венедиктовича, принять его

*) „Ножичекъ этотъ получилъ я съ благодарностію, и берегу какъ вещь драгоцѣнную, потому что онъ подаренъ мнѣ *цѣлымъ міромъ* села Павлова! отказать я даже не смѣлъ, и сознаюсь, что этотъ пяти-рублевый подарокъ дороже мнѣ весьма многаго драгоцѣннаго! *Ѳ. Б.*"

какъ доказательство, что у насъ въ Павловѣ, фабрикація такихъ издѣлій не только не унижается, но по времени болѣе и болѣе совершенствуется и распространяется. Въ надѣяніи на васъ, имѣть честь быть, *и проч.*

Изъ этого любопытнаго факта для будущаго историка русской литературы мы выводимъ много утѣшительныхъ и отрадныхъ слѣдствій. Изчислимъ нѣкоторыя изъ нихъ:

I. Самые лучшіе и безпристрастные цѣнители литературныхъ заслугъ суть грамотные мастеровые; они же и самые ревностные читатели «Сѣверной Пчелы», а въ особенности статьи г. Булгарина всегда съ особеннымъ удовольствіемъ они читаютъ и перечитываютъ.

II. Вниманіемъ грамотныхъ мастеровыхъ г. Булгаринъ дорожитъ больше, чѣмъ литературными отзывами (вѣроятно потому, что отъ послѣднихъ ему уже печего ожидать, тогда какъ отъ первыхъ, по новости для нихъ этого дѣла, онъ можетъ еще кое-чего надѣяться).

III. Всѣ грамотные люди, заглядывающіе въ печатное, знаютъ, что такое Ѳ. Б.

IV. Ножичекъ подаренъ г. Булгарину не тремя, или четырьмя мастеровыми села Павлова, какъ значится изъ письма, а цѣлымъ міромъ села Павлова, какъ увѣряетъ г. Булгаринъ своихъ читателей и цѣнителей (т. е. грамотныхъ мастеровыхъ), и что, поэтому, онъ, г. Булгаринъ, будетъ хранить этотъ ножичекъ, какъ вещь драгоцѣнную, хоть онъ и стóитъ всего какихъ-нибудь пять рублей.

V. Мы увѣрены, что черезъ какихъ-нибудь много, много сто лѣтъ «драгоцѣнный ножичекъ» будетъ продаваться дороже пера, которымъ Наполеонъ подписалъ въ Фонтенбло свое отреченіе отъ престола.

Исторія о митрофанушкѣ въ лунѣ. *(Еще матеріалъ для будущаго историка русской литературы).* — Въ 73 № «Сѣверной Пчелы» напечатана, между прочимъ, слѣдующая литературная статья:

„Позволивъ книгопродавцу И. Т. Лисенкову перепечатать въ трехъ частяхъ сочиненія мои изъ разныхъ журналовъ, я обѣщалъ ему къ четвертой части написать разсказъ, подъ заглавіемъ: *Митрофанушка въ Лунѣ*, но до сихъ поръ этого новаго сочиненія г. Лисенкову не доставилъ, а потому и прошу всѣхъ подписавшихся у него на четвертую часть моихъ сочиненій избавить его, Лисенкова, отъ всякой отвѣтственности. Я же принимаю на себя публично священную обязанность *выставить* четвертый томъ къ нынѣшнему лѣту, въ удовлетвореніе гг. подписавшихся. При семъ долгомъ считаю объясниться на счетъ этого замедленія, въ которомъ я *безъ вины виноватъ*. Рукопись не только была *написана*, но даже *процензирована*, и по несчастному случаю *утрачена*. Что тутъ дѣлать? Писать вновь то, что уже было написано однажды, припоминая прежнее? Кто знакомъ, хотя нѣсколько, съ трудомъ воображенія, тотъ знаетъ, какъ это тяжело! Мучительнѣйшей пытки нельзя изобрѣсть для головы литератора, какъ повтореніе однажды уже конченной работы!—Между тѣмъ, г. Лисенковъ завелъ со мною процессъ, какъ это было видно изъ Полицейскихъ Вѣдомостей, и дѣло остановилось. Теперь прошу всѣхъ и каждаго подождать спокойно *шесть недѣль*, и четвертая часть будетъ готова. Симъ отвѣчаю на всѣ вопросы, запросы и требованія! *Нельзя же истолочь мозгъ литератора въ ступи, и спечь пирогъ.* Дѣло ума—дѣло невольное. *Придетъ въ голову мысль, такъ и пушечнымъ ядромъ не вгонишь ее.* Ѳ. Булгаринъ".

Изъ этого «предъявленія» мы не выводимъ никакихъ слѣдствій: дѣло ясно само по себѣ. Можно замѣтить развѣ, что это обѣщаніе съ шестинедѣльнымъ срокомъ напечатано 2 апрѣля, теперь сентябрь,—а «Митрофанушки» все еще нѣтъ!

—

Свѣтскость рѣшительно сдѣлалась маніею нѣкоторыхъ сочинителей. Не то, чтобъ они были люди свѣтскіе, или находились въ какомъ-нибудь соприкосновеніи, прямомъ или косвенномъ, съ тѣмъ, что называется «большимъ свѣ-

томъ»: нѣтъ, совсѣмъ не то! Ихъ уваженіе къ свѣтскости гораздо выше и безкорыстнѣе: это что-то въ родѣ рыцарскаго обожанія красоты, которой никто изъ нихъ и не видалъ, но за честь которой каждый изъ нихъ готовъ переломить копье со всякимъ, осмѣливающимся сомнѣваться, что ихъ Дульцинея не первая красавица въ мірѣ. Впрочемъ, они стараются извлекать изъ своего безкорыстнаго обожанія кое-какія выгоды. Когда является твореніе поэта, на смерть убивающее произведенія этихъ «свѣтскихъ сочинителей»,—они, эти «свѣтскіе сочинители», сейчасъ поднимаютъ совсѣмъ не свѣтскій крикъ и силятся художественную вѣрность дѣйствительности въ великомъ твореніи выставить грязными картинами, вѣрность натурѣ и характерамъ изображаемыхъ лицъ—площадными словами, которыя будто бы поэтъ употребляетъ отъ самого себя, по страсти своей къ цинизму. Нельзя, однакожь, во всѣхъ этихъ нападкахъ видѣть умышленное искаженіе истины, неблагонамѣренную цѣль: напротивъ, многіе изъ нихъ удивляютъ своею искренностію. Дѣло въ томъ, что наши «свѣтскіе сочинители» смѣшиваютъ свой собственный кругъ общества съ большимъ свѣтомъ, котораго имъ и во снѣ не случалось видѣть. Къ какому же кругу общества принадлежатъ эти «свѣтскіе сочинители»?—Къ тому самому, который такъ превосходно выведенъ Гоголемъ въ IX-й главѣ «Мертвыхъ Душъ», гдѣ такъ геніяльно изображены «пріятная во всѣхъ отношеніяхъ дама» и «просто пріятная дама». Впрочемъ, въ IX-й главѣ это общество представлено въ дѣйствіи, а общая характеристика его находится въ VIII-й главѣ, изъ которой, кстати, выпишемъ здѣсь нѣсколько строкъ: «Дамы города N отличались, подобно многимъ дамамъ петербургскимъ, необыкновенною осторожностью и приличіемъ въ словахъ и выраженіяхъ. Никогда не говорили онѣ: я высморкалась, я вспотѣла, я плюнула, а говорили: я облегчила себѣ носъ, я обошлась

посредствомъ платка. Ни въ какомъ случаѣ нельзя было сказать: этотъ стаканъ, или эта тарелка воняетъ. И даже нельзя было сказать ничего такого, чтобъ подало намёкъ на это, и говорили вмѣсто того: этотъ стаканъ не хорошо ведетъ себя, или что нибудь въ родѣ этого» (стр. 306). Трудно было бы и вообразить, что̀ говорятъ дамы города N о «Мертвыхъ Душахъ» Гоголя, но нѣкоторые «свѣтскіе сочинители» своими рецензіями удачно и удовлетворительно рѣшили эту задачу. Въ то время, какъ высшій свѣтъ, почти нечитающій русскихъ книгъ (по причинамъ, которыхъ по совѣсти нельзя не одобрить), читаетъ «Мертвыя Души» и восхищается ими, не находя въ нихъ ни одного слова, котораго бы нельзя было прочесть громко въ обществѣ,— они, бѣдняжки, т. е. наши «свѣтскіе сочинители» такъ и рвутся отъ негодованія на произведеніе Гоголя за грязность его картинъ и выраженій. Вотъ что̀ недавно прочли мы, по поводу этого:

„Мы слышали, будто въ здѣшней столицѣ учредилось дамское общество, въ которомъ запрещается говорить по-французски, и возлагается обязанность изъясняться непремѣнно по-русски, разумѣется, съ Русскими. За каждое французское слово должно платить штрафъ, въ пользу бѣдныхъ по пятачку, а за неправильную русскую фразу по гривеннику. Ежели вѣсть эта справедлива, поздравляемъ русское общество съ этимъ благороднымъ предположеніемъ! Господа писатели держите ухо (*в*)остро! Что̀ вы представите нашимъ дамамъ? Въ одной здѣшней газетѣ, новый романъ г. Гоголя называютъ *образцовымъ* твореніемъ, не знаемъ въ шутку, или серi(ь)о(ё)зно, а сколько при чтеніи этого романа придется заплатить гривенниковъ штрафа!!! А за нѣжныя картины его, что̀ платить? Повторяемъ: гг. писатели, помните, что у насъ есть дамы!“ (Сѣв. Пчела, 1842. № 143).

По тону статейки, можно заключить съ достовѣрностію, что ея свѣтскій сочинитель, говоря о дамахъ, явно намекаетъ на «пріятную во всѣхъ отношеніяхъ даму» и «просто пріятную даму». Это еще болѣе подтверждается слѣдующими строками въ той же газетѣ, которыя отличаются

истинно изящнымъ тономъ; призывая русскую публику, изъ патріотизма, покупать плохія книги, свѣтскій сочинитель восклицаетъ: «Что значитъ человѣчество безъ просвѣщенія? Извините, господа, что разболтался! Чѣмъ полна душа, того не удержишь! Лишь тронулъ—льется черезъ край! О любезный мой языкъ русскій! дѣдушка славянскихъ нарѣчій! О, милая русская литература! какъ мнѣ не вспоминать объ васъ, когда у васъ такъ немного истинныхъ друзей!...» Боже ты мой! что̀ за свѣтскость!

—

Одинъ сочинитель вздумалъ изчислить, сколько разъ былъ онъ браненъ въ другихъ журналахъ, и начелъ—720 разъ!... Кстати, онъ утверждаетъ, будто «Отечественныя Записки» составили противъ него вооруженный союзъ... Смѣшная и забавная выходка! Желая очистить русскую литературу отъ подобныхъ жалкихъ явленій, «Отечественныя Записки» неутомимо преслѣдуютъ ихъ, но не бранью, а правдою, и больше выписками собственныхъ словъ такихъ сочинителей, чѣмъ возраженіями на нихъ. 720 разъ разбраненный сочинитель держался до сихъ поръ тѣмъ, что его выводили на свѣжую воду только московскіе журналы, мало имѣвшіе хода въ Петербургѣ; именно оттого, что теперь за нимъ смотрятъ въ петербургскомъ журналѣ, онъ и потерялъ послѣдній кредитъ между сколько-нибудь образованными людьми, и радъ, бѣдняжка, что его хоть мастеровые-то еще читаютъ и хвалятъ... Это подаетъ надежду, что «Отечественныя Записки» скоро совсѣмъ перестанутъ обращать на него свое вниманіе, которое, впрочемъ, и теперь обращаютъ они рѣдко, именно, только по случаю его выдумокъ на нихъ. Между тѣмъ, онъ самъ, о чемъ бы ни заговорилъ, всегда привяжется къ «Отечественнымъ Запискамъ». Боясь ихъ вліянія на публику, онъ при изданіи всякаго новаго своего пачканья, проситъ «Отечественыя Записки» разбранить его... Что̀ это значитъ? — А вотъ что̀:

по его мнѣнію, весьма основательному, сказать о его сочиненіи правду, значитъ разбранить его; зная же впередъ, что къ «Отечественнымъ Запискамъ» нельзя зайдти ни съ которой стороны, и что онѣ непремѣнно скажутъ всю правду, нашъ сочинитель показываетъ видъ, что похвала «Отечественныхъ Записокъ» опаснѣе для его книги или статьи, чѣмъ порицаніе... Принявъ такую политику, онъ каждый разъ, какъ готовится напечатать гдѣ-нибудь свои новыя погудки на старый ладъ, проситъ «Отечественныя Записки» бранить его; а «Отеч. Записки» каждый разъ снисходительно выполняютъ его униженныя просьбы.

—

Въ 158 № «Сѣверной Пчелы», какъ образчикъ безсмыслицы выставляютъ слѣдующее мѣсто изъ статьи «Отечественныхъ Записокъ» о «Мертвыхъ Душахъ».

„Величайшимъ успѣхомъ и шагомъ впередъ считаемъ мы со стороны автора то, что въ „Мертвыхъ Душахъ“ вездѣ ощущаемо и, такъ сказать, осязаемо проступаетъ его субъективность. Здѣсь мы разумѣемъ не ту субъективность, которая, по своей ограниченности или односторонности, искажаетъ объективную дѣйствительность изображаемыхъ поэтомъ предметовъ; но ту глубокую, всеобъемлющую и гуманную субъективность, которая въ художникѣ обнаруживаетъ человѣка съ горячимъ сердцемъ, симпатическою душою и духовно-личною самостію, — ту субъективность, которая не допускаетъ его съ апатическимъ равнодушіемъ быть чуждымъ міру, имъ рисуемому, но заставляетъ его проводить черезъ свою *душу живу* явленія внѣшняго міра, а чрезъ то и въ нихъ вдыхать *душу живу*... Это преобладаніе субъективности, проникая и одушевляя собою всю поэму Гоголя, доходитъ до высокаго лирическаго паѳоса и освѣжительными волнами охватываетъ душу читателя даже въ отступленіяхъ, какъ напримѣръ, тамъ, гдѣ онъ говоритъ о завидной долѣ писателя, „который изъ великаго омута ежедневно-вращающихся образовъ избралъ одни немногія исключенія; который не измѣнялъ ни разу возвышеннаго строя своей лиры, не ниспускался съ вершины своей къ бѣднымъ, ничтожнымъ своимъ собратіямъ и, не касаясь земли, весь повергался въ свои далеко отторгнутые отъ нея и возвеличенные образы“; или тамъ, гдѣ говоритъ онъ о грустной

судьбѣ „писателя, дерзнувшаго вызвать наружу все, что́ ежеминутно передъ очами, и чего не зрятъ равнодушныя очи, всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавшихъ нашу жизнь, всю глубину холодныхъ, раздробленныхъ, повседневныхъ характеровъ, которыми кипитъ наша земная, подъ часъ горькая и скучная дорога, и крѣпкою силою неумолимаго рѣзца дерзнувшаго выставить ихъ выпукло и ярко на всенародныя очи“; или тамъ еще, гдѣ онъ, по случаю встрѣчи Чичикова съ плѣнившею его блондинкою, говоритъ, что „вездѣ, гдѣ бы ни было въ жизни, среди ли черствыхъ, шероховато-бѣдныхъ, неопрятно-плѣснѣющихъ, низменныхъ рядовъ ея, или среди однообразно-хладныхъ и скучно-опрятныхъ сословій высшихъ, вездѣ, хоть разъ, встрѣтится на пути человѣку явленье, не похожее на все то, что́ случилось ему видѣть дотолѣ, которое хоть разъ пробудитъ въ немъ чувство, непохожее на тѣ, которыя суждено ему чувствовать всю жизнь: вездѣ, поперегъ какимъ бы то ни было печалямъ, изъ которыхъ плетется жизнь наша, весело промчится блистающая радость, какъ иногда блестящій экипажъ съ золотою упряжью, картинными конями и сверкающимъ блескомъ стеколъ, вдругъ неожиданно промчится мимо какой-нибудь заглохнувшей бѣдной деревушки, невидавшей ничего, кромѣ сельской телеги—и долго мужики стоятъ, зѣвая съ открытыми ртами, не надѣвая шапокъ, хотя давно уже унесся и пропалъ изъ виду дивный экипажъ“... Такихъ мѣстъ въ поэмѣ много—всѣхъ не выписать. Но этотъ пафосъ субъективности поэта проявляется не въ однихъ такихъ высоко-лирическихъ отступленіяхъ: онъ проявляется безпрестанно даже и среди разсказа о самыхъ прозаическихъ предметахъ, какъ, напр., объ извѣстной дорожкѣ, проторенной забубеннымъ русскимъ народомъ... Его же музыку чуетъ внимательный слухъ читателя и въ восклицаніяхъ, подобныхъ слѣдующему: „Эхъ русскій народецъ! не любитъ умирать своею смертью“!..“

Все это въ «Сѣверной Пчелѣ» выписано безъ отличенія выраженій нашихъ отъ выраженій Гоголя, отличенныхъ въ нашей статьѣ обыкновенными знаками. Затѣмъ слѣдуетъ къ намъ просьба растолковать, что́ значитъ: «осязаемо проступаетъ его субъективность», какая эта субъективность, которая искажаетъ объективную дѣйствительность, что́ значитъ «человѣкъ съ горячимъ сердцемъ и духовно-личною самостію». На всѣ эти вопросы мы не можемъ дать отвѣта «Сѣверной Пчелѣ» по слѣдующей причинѣ: для людей чему-

нибудь учившихся, всѣ эти выраженія должны быть очень ясны; тѣмъ же, кому учиться и образовываться трудно или невозможно, нечего и толковать того, что безъ ученія и образованія понимаемо быть не можетъ. Что значитъ (продолжаетъ «Пчела») «великій омутъ ежедневно вращающихся образовъ», (ужь подлинно попалъ въ омутъ!—остроумное восклицаніе «Пчелы»), что значитъ: «потрясающая тина мелочей» (ну, право, тина! — еще остроумное восклицаніе «Пчелы»). Вотъ на этотъ вопросъ мы можемъ дать «Пчелѣ» удовлетворительный отвѣтъ, который понять ей будетъ легче, чѣмъ кому-нибудь другому «Великимъ омутомъ ежедневно вращающихся образовъ» и «потрясающею тиною мелочей» поэтъ называетъ ту сторону жизни, которая прежде всякой другой охватываетъ человѣка, и изъ-подъ обаянія которой освобождаются только немногіе избранники провидѣнія. Эта омутовая и тинная сторона жизни преобладаетъ вездѣ—въ журналистикѣ также. Представимъ себѣ, для примѣра, такое изданіе, гдѣ бы писалось только о мелочахъ жизни—о табачныхъ лавочкахъ, кандитерскихъ, водочистительныхъ машинахъ, печатались бы похвалы дурнымъ книгамъ и бездарнымъ сочинителямъ, унижалось бы всякое дарованіе, всякій заслуженный успѣхъ; гдѣ какой-нибудь рецензентъ, еще вчера, напримѣръ, падавшій до погъ передъ Пушкинымъ, завтра разругалъ бы лучшее его созданіе, провозгласилъ бы ему совершенное паденіе; вчера расхвалилъ до небесъ плохую драму своего пріятеля, возвеличивъ его именемъ Шиллера, завтра завопилъ бы передъ публикою: «піэса дрянь, а что я ее хвалилъ—виноватъ: camaraderie, пріязнь, mea culpa, mea maxima culpa»... Вотъ въ такомъ бы изданіи выразилось то, что Гоголь называетъ «великимъ омутомъ ежедневно вращающихся образовъ» и «потрясающею тиною мелочей»... Но «Пчела» еще спрашиваетъ: что значитъ у Гоголя: чорствые, шероховато-бѣдные, неопрятно-илѣснѣющіе, низменные ряды жизни» и «однообразно-хлад-

ныя и скучно-опрятныя высшія сословія». Неужели и это надо толковать «Пчелѣ»? Смѣшно было бы толковать то, что̀ и безъ толкованія ясно, какъ дважды два — четыре. А если кому пріятно играть роль помѣщицы Коробочки, которую Чичиковъ назвалъ дубинноголовою, то у насъ, просто, нѣтъ никакой охоты толковать такимъ «Коробочкамъ», что̀ такое «Мертвыя Души»...

—

Въ №№ 177 и 178 «Сѣверной Пчелы» помѣщена юмористическая статейка г. Ѳ. Булгарина въ родѣ Овидіевыхъ превращеній. Г. Булгаринъ обращается, въ статейкѣ, въ синицу, рябчика, или въ стрижа, и попадаетъ въ желудокъ осла, гдѣ съ свойственнымъ ему юморомъ, открываетъ множество злыхъ соковъ, и проч. Въ заключеніе, онъ говоритъ, будто бы въ Петербургѣ «Отечественныя Записки» переводятся съ языка для него непонятнаго, на языкъ понятный, и, если слухъ не лживъ, проситъ своего корреспондента прислать къ нему переводъ «Отечественныхъ Записокъ». Изъ этого ясно видно, какъ сильно г. Булгаринъ интересуется «Отечественными Записками», какъ сильно хочется ему ихъ читать, и какъ ему больно, что онъ не въ состояніи ихъ понимать. Мы, съ своей стороны, желая г. Булгарину пользы и удовольствія, очень рады извѣстію о переводѣ «Отечественныхъ Записокъ» на языкъ, болѣе ему понятный, который онъ называетъ языкомъ русскимъ; только боимся одного, чтобъ онѣ не были переведены по грамматикѣ г. Греча, на какое-нибудь мазурское, или литовско-бѣлорусское нарѣчіе... Тогда мы торжественно отречемся отъ переведенныхъ такимъ образомъ «Отечественныхъ Записокъ».

—

Въ «Москвитянинѣ» и «Русскомъ Вѣстникѣ» напечатанъ «Гороскопъ Петра Великаго». Редакторъ послѣдняго журнала упрекаетъ въ небрежности, съ которою «Москвитя-

нинъ» перевелъ съ латинскаго этотъ будто-бы драгоцѣнный памятникъ старины. Мало того: онъ обвиняетъ въ неуваженіи къ этой «рѣдкости» почтеннаго московскаго профессора и астронома, Д. М. Перевощикова, который сказалъ о гороскопѣ, что «нельзя дѣлать примѣчаній на бредъ, заслуживающій одно только презрѣніе», и что «всякое разсужденіе о гороскопахъ унижаетъ тѣхъ людей, которые занимаются такимъ вздоромъ». Редакторъ «Русскаго Вѣстника» говоритъ, по этому случаю: «Такъ можетъ думать астрономъ и математикъ, но отнюдь не поэтъ, не историкъ и не философъ». Мы, съ своей стороны, долгомъ считаемъ вступиться за честь поэзіи, исторіи и философіи, къ области которыхъ напрасно относятъ такія нелѣпости, какъ гаданье на святкахъ и всякое колдовство и гороскопы. Правда, поэзія прежде, съ юношескою мечтательностію, любила эти заблужденія младенчествующаго человѣческаго ума; съ тѣхъ поръ, какъ она подросла и возмужала, она почитаетъ себѣ за честь быть органомъ разума, а не слабоумія, не невѣжества. Исторія тоже смотрѣла съ уваженіемъ, какъ на что-то таинственное, на все, въ чемъ не было смысла; но это было давно, когда еще исторія походила на легенду и на сказку. О философіи нечего и говорить: заставлять ее интересоваться плодами невѣжества и дикости, вмѣсто того, чтобъ уничтожать ихъ, значитъ не имѣть ни малѣйшаго понятія о содержаніи и цѣли философіи. Скажутъ, что, можетъ-быть, у «Русскаго Вѣстника» своя философія: а! въ такомъ случаѣ, нѣтъ и спору—всякому свое; только зачѣмъ же было не оговориться, что-де нашей поэзіи, нашей исторіи и нашей философіи? Противъ вашихъ—мы ни слова...

РУССКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА И КАПУСТНЫЯ КОЧЕРЫЖКИ. *(Матеріалъ для будущаго историка русской литературы).*—Нынѣшній годъ ознаменованъ въ русской

журналистикѣ великимъ событіемъ—войною, произшедшею изъ гибельнаго раздора между друзьями. Что̀ передъ нею вражда Агамемнона съ Ахилломъ? Тамъ дѣло завязалось изъ плѣнницы Бризеиды, здѣсь—изъ кочерыжекъ!

Прологъ къ знаменитой войнѣ изъ-за кочерыжекъ была небольшая стычка изъ-за плохой «Исторіи Петра Великаго» г. Ламбина. Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» была напечатана статья, гдѣ было сказано, что текстъ «Исторіи Петра Великаго» плохъ до-нельзя, а картинки къ ней еще хуже. Статья была написана хорошо, основанія ея были дѣльны и доказательны; съ нею согласились всѣ читавшіе и не читавшіе ее, потому что мнѣніе о внутреннемъ и внѣшнемъ безобразіи компиляціи г. Ламбина и спекуляціи г. Эльснера установилось тотчасъ же по выходѣ первыхъ тетрадей этого чудовищнаго изданія. Кажется, тѣмъ бы дѣлу и надобно кончиться: но не тутъ-то было! Изданіе успѣло пріобрѣсти себѣ жаркаго защитника въ г. Булгаринѣ. И вотъ, въ фёльетонѣ «Сѣверной Пчелы» начались выходки противъ статьи «Русскаго Вѣстника», но не противъ, однакожъ, самого «Русскаго Вѣстника»: о немъ прямо сказано, что это едва ли не лучшій изъ современныхъ русскихъ журналовъ (хороши же должны быть прочіе русскіе журналы!), что и злѣйшій врагъ г. Полеваго не упрекнетъ его въ корыстныхъ видахъ, но что г. Полевой не правъ, судя по одному введенію о цѣлой исторіи, хотя и правъ, называя картинки рѣшительно дурными, и что ему, г. Булгарину, гораздо больше нравятся «Параша Сибирячка» и «Уголино», чѣмъ «Елена Глинская». Не знаемъ, до какой степени помогла эта защита предпріятію г. Эльснера; но дѣло тѣмъ, то есть ровно ничѣмъ и кончилось. Должно думать, что обѣ стороны остались довольны, а извѣстно, что нужно большое искусство, чтобъ угодить и нашимъ и вашимъ... Но вотъ въ 75 № «Сѣверной Пчелы» является фёльетонная статья, гдѣ, между прочимъ, г. Θ. Б. взглянулъ на русскіе журналы и газеты

съ политико-экономической точки, доказывая, что нашу журналистику губитъ будто-бы совмѣстничество. Изъ этого видно, что г. Ѳ. Б. держится системы запретительной и принадлежитъ къ приверженцамъ монополій (единоторжій, по переводу г. Шишкова). Затѣмъ слѣдуютъ жалобы на то, что какъ прежніе журналы передразнивали, формою и содержаніемъ, «Московскій Телеграфъ», такъ нынѣшніе передразниваютъ, въ этомъ отношеніи, «Библіотеку для Чтенія». Разумѣется, при сей вѣрной оказіи всѣхъ болѣе достается «Отечественнымъ Запискамъ», въ которыхъ г. Ѳ. Б. видитъ поддѣлку подъ «Библіотеку для Чтенія»... «Но», говоритъ онъ: «то да не то! Ѳедотъ да не тотъ!» И мы, вслѣдъ за нимъ, повторимъ съ гордостію: «то да не то! Ѳедотъ да не тотъ!»... Впрочемъ, снисходительный г. Ѳ. Б. прощаетъ «Отечествен. Запискамъ» ихъ подраженіе «Библіотекѣ»: «откуда же имъ выдумать что-нибудь свое?» восклицаетъ онъ въ полнотѣ своего критическаго одушевленія. «Но (продолжаетъ онъ), право, непростительно Н. А. Полевому»... Теперь—слушайте, слушайте! Дѣло въ томъ, будто «Русскій Вѣстникъ» такъ же передразниваетъ «Эконома», какъ «Отеч. Записки» «Библіотеку». «Ну, какъ же не измѣнить программы (говоритъ г. Ѳ. Б. о «Русскомъ Вѣстникѣ»), когда и смиренный Экономъ имѣетъ успѣхъ!... Семъ-ка пойдемъ тѣмъ же путемъ, авось найдемъ! И вотъ въ 3 № Русскаго Вѣстника на сей 1842 годъ, читатели этого журнала получаютъ то, что имъ не было обѣщано въ программѣ, а именно хозяйственныя замѣтки!» А! вотъ въ чемъ дѣло! вотъ къ чему клонились тонкіе намеки г. Ѳ. Б. на вредъ журнальнаго совмѣстничества, на выгоды единоторжія, и всѣ эти толки объ иностранныхъ и русскихъ журналахъ и газетахъ!... Понимаемъ! Въ хозяйственной замѣткѣ «Русскаго Вѣстника» говорилось о новомъ средствѣ замѣнять дрова тамъ, гдѣ они, по безлѣсію, слишкомъ дороги, «сушеными кочерыжками и стволами земляныхъ

грушъ». Еслибы эта мысль была и неосновательна, можно было бы это замѣтить въ нѣсколькихъ строкахъ «Экономa», или, пожалуй, и «Сѣверной Пчелы»: но писать особую статью, заводить дѣло издалека, начавъ его если не съ яицъ Леды, то съ иностранныхъ журналовъ и газетъ, потомъ перейдти ко вреду совмѣстничества и къ пользѣ единоторжія, и наконецъ представлять изъ себя обиженнаго, оскорбленнаго, и чѣмъ же?—хозяйственною замѣткою, помѣщенною въ смѣси журнала, гдѣ обыкновенно помѣщается всякая всячина:—воля ваша, а это могло произойдти только изъ слишкомъ глубокаго проникновенія философскимъ убѣжденіемъ о вредѣ совмѣстничества и пользѣ единоторжія!... Г. Ѳ. Б. до того огорчился хозяйственною замѣткою «Русскаго Вѣстника», что заключилъ свою декларацію слѣдующею вдохновенною выходкою: «Допускаю одинъ, много два энциклопедическіе журнала, но всѣ журналы на одну стать, по одному плану, перебивающіе одинъ другому дорогу—это, воля ваша, невыносимо! Публика подтвердила мое мнѣніе, и на нынѣшній годъ подписка на всѣ журналы жестоко понизилась! Tu l'as voulu, George (s) Dandin! Ѳ. Б.» Не можемъ знать, до какой степени вѣрно это статистическое извѣстіе о пониженіи подписки на всѣ журналы нынѣшняго года,—не знаемъ, потому что не имѣли ни возможности, ни охоты повѣрять хозяйственные счеты другихъ редакцій, а въ счетахъ своей собственной видимъ нынѣшній годъ значительное противъ прошлаго прирощеніе числа подписавшихся; но удивляемся промаху, который далъ г. Ѳ. Б. утвержденіемъ о пониженіи подписки на всѣ журналы, тогда какъ нѣсколько строкъ выше онъ говоритъ о благосклонномъ принятіи публикою «Репертуара» соединеннаго съ «Пантеономъ», и «Экономa»— трехъ журналовъ, издаваемыхъ имъ же самимъ, Ѳ. Б.!..

Въ IV № «Русскаго Вѣстника» воспослѣдовалъ отвѣтъ

«Сѣверной Пчелѣ». Въ немъ было очень ловко, и даже не безъ силы, замѣчено:

1) Что слово concurrence лучше перевести словомъ соревнованіе, чѣмъ словомъ совмѣстничество, и что только одно соревнованіе можетъ поднять наши журналы, вмѣсто того, чтобъ уронить ихъ, какъ думаетъ г. Θ. Б.

2) Что «Библіотека для Чтенія» не имѣетъ ничего общаго, по своему плану, съ англійскими rewiews, но скопирована съ одного московскаго журнала (извѣстнаго, по словамъ автора статьи, но не поименованнаго имъ;—можно, впрочемъ, догадываться, что онъ разумѣетъ «Телеграфъ»), что г. Сенковскій ни сколько не содѣйствовалъ успѣху «Библіотеки», а напротивъ, «вскорѣ заставилъ отказаться отъ участія въ ней всѣхъ литераторовъ», что монополія «Библіотеки» была вредна русской литературѣ, и что теперь «Библіотека для Чтенія» самый плохой изъ всѣхъ русскихъ журналовъ.

3) Что «Русскій Вѣстникъ» никогда и не думалъ измѣнять своей программы, никогда не завидовалъ успѣху «Экономa», и всегда ему радовался: «въ коммерческомъ отношеніи,—славно идетъ: смѣются, а покупаютъ!»

Затѣмъ слѣдуютъ мнѣнія хозяйственной статьи «Русскаго Вѣстника»; но какъ это для насъ не интересно, мы и пропускаемъ это, а лучше вполнѣ выпишемъ слѣдующія нотаціи статьи «Русскаго Вѣстника» г-ну Θ. Б.:

1) Безспорно, что Репертуаръ и Экономъ журналы хорошіе, потому что самъ издатель ихъ хвалитъ, но по единогласнымъ отзывамъ *Репертуаръ* въ нынѣшнемъ году далеко однакожь отсталъ отъ прошлогодняго. Спросите у кого угодно. Говорятъ, что выборъ піесъ въ немъ очень плохъ, что переводы въ немъ весьма небрежны; что онъ вовсе не выполняетъ своего обѣщанія: быть зеркаломъ всемірной драматургіи, наполняться лучшими піесами и улучшаться въ литературномъ и художественномъ отношеніи. Мнѣніе не наше. Мы въ восторгѣ отъ Репертуара, но—вѣдь другимъ рта не завяжешь.

2) Мы также въ восхищеніи отъ *Экономa*, но опять другіе говорятъ—вѣдь мало ли дерзкихъ такихъ судей—говорятъ, что Эко-

номъ также далеко не исполняетъ своей программы; что будто-бы самая интересная его часть та, гдѣ говорится о кухнѣ; экономическая собственно — весьма-дескать плоха, а технологическая такъ уже и очень плоха. Мы не смѣемъ сами судить, но повторяемъ слова другихъ. Мы слышали, напримѣръ, какъ одинъ агрономъ смѣялся надъ аксіомами, которыя выставлены за основанія сельскаго хозяйства на стр. 26-й *Экономa* (листъ 56); какъ одинъ фабрикантъ тоже подсмѣивался надъ крашеніемъ шелка, шерсти и бумаги берлинскою лазурью, и наконецъ, какъ одинъ гастрономъ хохоталъ, разсказывая о способѣ *домашнихъ поросятъ сдѣлать дикими и поросячьему мясу придать вкусъ кабаньяго.* Повторяемъ, что мы сами судить не смѣемъ, но сказанное нами, и еще много другихъ замѣчаній слышали отъ знатоковъ.

Прежде, чѣмъ скажемъ, что́ и какъ возразилъ г. Ѳ. Б. на эту статью, мы должны замѣтить, что IV № «Русскаго Вѣстника» необыкновенно счастливо задался г-ну Ѳ. Б.— Въ отдѣлѣ «Новыя Русскія Книги», въ разборѣ «Комаровъ» г. Булгарина, мы встрѣчаемъ сіи поразительныя безпристрастіемъ и истиною строки:

«Намъ не понравилось въ «Комарахъ» одно: перепалки Ѳ. В. съ литературною братіею и безпрестанное толкованіе его о томъ, что на него нападаютъ; что всѣ на него нападающіе не правы; что большая часть изъ нихъ очень глупы; что нападенія ихъ служатъ ему въ пользу; что онъ ихъ не боится. Не пора ли перестать? Все исчисленное нами повторяется Ѳ. В. безпрестанно, и какая же пѣсня не припоется, если безпрестанно пѣть ее? Дѣло очень простое: на Ѳ. В. нападаютъ — правда, а онъ развѣ никого не трогаетъ? Какъ же требовать, чтобъ задѣтые молчали, если еще не было примѣра, чтобъ Ѳ. В. оставилъ когда-нибудь безъ отвѣта самое невинное и кроткое замѣчаніе? Кто погрозитъ ему иголкой — онъ рубитъ того мечемъ, а кто броситъ въ него хлопушку — онъ отвѣчаетъ изъ пушки, когда при томъ изъ *десяти* перепалокъ *девять всегда начинаетъ Ѳ. В.?* Вопросъ о томъ, всѣ ли противники Ѳ. В. не правы; думаемъ, и самъ онъ по совѣсти рѣшитъ отрицательно. Совершенство не дано въ удѣлъ человѣку, а ошибки неизбѣжный удѣлъ его. Задачу о томъ, всѣ ли соперники Ѳ. В. дураки, невѣжды и негодяи литературные, опять почитаемъ мы безспорно отрицательною. Если же нападки на Ѳ. В. ему не вредны, а полезны, изъ чего же заводить споры и шумъ? А что Ѳ. В. не боится нападокъ, пора пуб-

ликѣ увѣриться и безъ непрестанныхъ о томъ напоминаній съ его стороны. Скажемъ откровенно: замолчи Ѳ. В. и никто не затронетъ его. Не угодно ли ему не заводить споровъ хоть полгода, хоть для опыта, для удостовѣренія въ словахъ нашихъ? Посмотрите, какъ все будетъ тихо и смирно».

Не правда ли, что теперь очень любопытно знать содержаніе той огромной, сильной, доказательной и остроумной статьи, которою г. Ѳ. Б. возразилъ на статьи противъ него въ № IV «Русскаго Вѣстника»? Вотъ она, эта огромная, сильная, доказательная и остроумная статья, вся, отъ слова до слова, со всею ея огромностію, силою, доказательностію и остроуміемъ:

«Помните ли, что въ *Русскомъ Вѣстникѣ* напечатанъ былъ совѣтъ топить печи въ замѣнъ дровъ кочерыжками и стеблями земляныхъ грушъ? Въ Сѣверной Пчелѣ было *скромно* замѣчено, что это—*небылицы*. И вотъ Русскій Вѣстникъ, издаваемый подъ главнымъ надзоромъ *всезнающаго* Н. А. Полеваго, *вельми* разгнѣвался и выстрѣлилъ изъ всѣхъ своихъ батарей въ одного изъ издателей Сѣверной пчелы, Ѳ. Булгарина, принявъ за военный кликъ: Riga, qui riga le dernier!—Мы также принимаемъ этотъ девизъ, и будемъ имѣть честь отвѣчать Русскому Вѣстнику въ отдѣльной литературной статьѣ. Мало почтенному Н. А. Полевому литературной славы: онъ соблазнился славою изобрѣтателя карболена, и изобрѣлъ кочерыжное *топливо*, отъ котораго насъ морозъ по кожѣ забираетъ! *(Видите ли—что значитъ страсть единоторжія!)*—И такъ, до свиданія, милый Русскій Вѣстникъ!» (*Сѣверной Пчелы* № 119).

И только? Да тутъ ничего нѣтъ, кромѣ того, что̀ называется chûte complète? восклицаетъ читатель.—Да чего же вы и хотите? отвѣчаемъ мы.—Противъ правды, хорошо высказанной, нечего сказать... Тутъ по неволѣ прійдется отдѣлываться словами: вельми, милый Вѣстникъ и т. п. А отдѣльная литературная статья?—Разумѣется, ея не было, потому что не могло быть.—Но, вмѣсто ея, было вотъ что: Въ № 130 «Сѣверной Пчелы» извѣщается, въ фельетонѣ, о представленіи въ Москвѣ «Елены Глинской», драмы г. Полеваго.

«Дирекція (по словамъ фельетона) сдѣлала все отъ нея зависящее, *но не могла придать драмѣ занимательности*... Парашу Сибирячку, Парашу давайте намъ, почтенный Н. А. Полевой! На что намъ *шекспириться* — Параша, Иголкинъ намъ по сердцу: *мы не спрашиваемъ, откуда и какъ вы почерпаете сюжеты для вашихъ драмъ и какъ ихъ кроите и сшиваете. Было бы хорошо, а мы все прощаемъ!*... Пусть васъ другіе упрекаютъ, будто вы, почтенный Н. А. Полевой, извлекаете много изъ чужихъ сочиненій: мы никогда не станемъ упрекать васъ въ этомъ, когда піеса ваша понравится публикѣ. Намъ до этого нѣтъ дѣла. *Когда пирогъ хорошъ, мы не спрашиваемъ, изъ чьей муки онъ спеченъ*, и благодаримъ того, кто насъ накормитъ. Извините, это сравненіе *экономское* и хотя вы такъ жестоко разгнѣвались на *Экономa* (*когда же это?*), а и онъ готовъ праздновать ваше торжество на сценѣ. *Мы люди не злопамятные*, правду скажемъ, а лгать, выдумывать и унижать никого не станемъ. Сельскаго хозяина изъ васъ никогда не будетъ, почтенный Н. А. Полевой; *въ критикахъ вашихъ, особенно въ антикритикахъ, всегда болѣе страсти, нежели правды*. Но для сцены вы человѣкъ золотой, и мы вамъ низко кланяемся».

Вотъ истинное безпристрастіе! Г. Ѳ. Б. за одно нападаетъ на г. Полеваго, а за другое хвалитъ его: нападаетъ за критику его на Ѳ. Б., а хвалитъ за драматическія сочиненія!.. Это напоминаетъ басню Крылова «Левъ и Барсъ, которая оканчивается этимъ стихомъ:

Кого намъ хвалитъ врагъ, въ томъ вѣрно проку нѣтъ.

Въ № 142 «С. Пчелы», при разборѣ «Дагеротипа», г. Полевому досталось порядочно за его разсказъ «Семенъ Семеновичъ Огурчиковъ». Тамъ, между прочимъ, сказано: «Мы съ благоговѣніемъ читали нѣкогда разборъ Н. А. Полеваго Китайской Грамматики отца Іакинѳа, удивляемся великимъ познаніямъ Н. А. Полеваго по всѣмъ возможнымъ отраслямъ человѣческихъ свѣдѣній, и только ждемъ осени, чтобъ употребить въ дѣло новое его изобрѣтеніе, и вмѣсто карболеина топить печи капустными кочерыжками и стеблями земляныхъ грушъ, какъ почтенный Н. А. Полевой совѣтуетъ въ 4-й книжкѣ Русскаго Вѣстника на сей 1842 г.» — Затѣмъ слѣдуютъ доказательства, что г. Полевой написалъ

своего «Огурчикова» по грамматическимъ формамъ печенежскаго языка. Это, изволите видѣть—маленькое, невинное мщеніе за намеки г. Полеваго (подкрѣпленные нѣкоторыми словами и выраженіями г. Ѳ. Б., выписанными курсивомъ), изъ которыхъ ясно значится, что Ѳ. В. держится, въ своихъ русскихъ писаніяхъ, литовско-бѣлорусской конструкціи. «А вы (восклицаетъ фѣльетонистъ), почтенный Н. А. Полевой (что за гостинодворская вѣжливость: все «почтенный», да «почтеннѣйшій», да по имени и по отечеству!...) подмѣчаете наши описки въ ежедневномъ листкѣ, выставляете ихъ наружу, а г. Ламбину уже не даете и уголка на поприщѣ литературы!»—«Намъ весьма прискорбно, что почтенный Н. А. Полевой пишетъ и печатаетъ такія статьи, какъ «Семенъ Семеновичъ Огурчиковъ»! Длинно, широко и тяжело... Вообще замѣчаютъ, что съ нѣкотораго времени... Но довольно объ этомъ!»—Дѣйствительно, «Огурчиковъ» г. Полеваго, скажемъ и мы, плохъ изъ рукъ вонъ, но все же ничѣмъ не хуже ни «Иголкина», ни «Параши», а г. Ѳ. Б. нашелъ его плохимъ явно за статью № IV «Русскаго Вѣстника». Можно сказать, по этому случаю, что не ему бы, г. Полевому, это слышать, и не ему бы, г-ну Ѳ. Б. это говорить... Тѣмъ въ фѣльетонѣ № 142 «Пчелы» и кончается о г. Полевомъ; но есть много интереснаго о «Дагеротипѣ»; на пр.:

«Издатель Дагеротипа вовсе не виноватъ! Онъ думалъ, что нашелъ кладъ, когда пріобрѣлъ широковѣщательное писаніе *съ огороднымъ названіемъ писателя*, который одинъ изъ всѣхъ сказалъ печатно: «Я знаю Русь и Русь меня знаетъ. Семенъ Семоновичъ Огурчиковъ говоритъ не то».

За тѣмъ слѣдуетъ опроверженіе извѣстія, помѣщеннаго въ «Дагеротипѣ»:

«Авторъ писемъ говоритъ объ актерѣ Громовѣ, о піесѣ Елена Глинская, утверждая, что *теперь стало тише!* т. е. вѣря, что будто прежде былъ шумъ, гамъ и суматоха! Мы этого вовсе не замѣтили Было всегда очень тихо, а теперь и совсѣмъ заглохло».

Но лучше всего, въ фельетонѣ № 142 «Пчелы», слѣдующій афоризмъ:

«Нѣтъ спора, что для геніяльныхъ писателей все равно, что ни говорятъ объ нихъ въ какомъ-нибудь захолустьѣ, и, напримѣръ, Евгеній Сю, Дюма, Гюго, не упадутъ оттого, если *какой-нибудь квасникъ, выучившійся грамотѣ самоучкою*, станетъ напрягать свои силы, чтобъ доказывать ихъ ошибки».

Глубоко вошла стрѣла хозяйственной замѣтки «Русскаго Вѣстника» въ чувствительное сердце редактора «Экономa»! О чемъ бы ни говорилъ онъ, непремѣнно обратится, хоть вскользь къ тому же предмету. Для этого «Пчела» даже пустилась, въ № 157, въ критику, въ которую пускается она только въ крайнихъ случаяхъ, и размахнулась разборомъ книжки г-жи Авдѣевой «Записки о старомъ и новомъ русскомъ бытѣ». Вотъ два примѣчательнѣшія мѣста въ рецензіи г. Ѳ. Б.:

«Быть можетъ, есть на свѣтѣ и такіе люди, которые зная, *какъ несправедливо* поступилъ съ нами Н. А. Полевой (упоминая въ Русскомъ Вѣстникѣ о нашемъ скромномъ *Экономѣ* и о *Репертуарѣ* и *Пантеонѣ*, надъ которымъ мы имѣемъ надзоръ, въ отсутствіе издателя), подумали, что мы воспользуемся случаемъ и отплатимъ *сѣдмерицею*, или зубъ за зубъ, око за око... Жалѣемъ, если есть такіе люди, которые могутъ думать, что личныя отношенія въ состояніи совратить съ истиннаго пути старинаго литератора, любящаго душою словесность и почитающаго справедливость и любовь къ истинѣ высшимъ качествомъ въ критикѣ».

По языку и слогу своему эта выходка г. Ѳ. Б., особенно послѣ «писателя съ огороднымъ прозваніемъ и кваснika, самоучкою выучившагося грамотѣ», напоминаетъ слова Чичикова, при торгѣ мертвыхъ душъ у Манилова: «Я привыкъ ни въ чемъ не отступать отъ гражданскихъ законовъ; хотя за это и потерпѣлъ на службѣ, но ужь извините: обязанность для меня дѣло священное — я нѣмѣю передъ закономъ» (Мертвыя Души, стр. 62).

«Нѣтъ! намъ дѣла нѣтъ, *кто* писалъ книгу, а мы должны отдавать отчетъ *какова книга*, и потому, прочитавъ съ удовольствіемъ

записки К. А. Авдѣевой, желаемъ всѣмъ любящимъ Русь насладиться этимъ чтеніемъ. Книга написана легко, разсказъ живой, и если Н. А. Полевой могъ поправить какую-нибудь кавычку въ книгѣ своей сестры, то не могъ сообщить ей слога».

Рѣдкое безпристрастіе! Оно тѣмъ болѣе бросается въ глаза, что сочинитель такъ и подноситъ его къ глазамъ читателя... А манера выражаться—все-таки Чичиковская; но она тѣмъ лучше, что г. Ѳ. Б., браня «Мертвыя Души», подражаетъ ихъ героямъ въ способѣ выражаться...

За симъ—конецъ! Вся эта повѣсть, которую мы разсказали, какъ фактъ и матеріялъ для будущаго историка русской литературы, кажется, намъ, по ея содержанію, забавною и поучительною не меньше «Повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ». Это поразительное сходство между истиннымъ событіемъ, сейчасъ разсказаннымъ нами, и вымышленною повѣстью можетъ служить тысячью-первымъ доказательствомъ, какъ глубоко воспроизводитъ Гоголь, въ своихъ созданіяхъ, дѣйствительную жизнь: чѣмъ больше понимаешь ее, тѣмъ больше имѣешь случаевъ, на каждомъ шагу, припоминать то ту, то эту повѣсть Гоголя, или то это, то другое мѣсто изъ повѣстей Гоголя. Тамъ два друга, вполнѣ достойные одинъ другаго, поссорились, разорвали долголѣтнюю пріязнь—изъ чего же? изъ того, что одинъ не согласился уступить свое ни къ чему негодное ружье за большую здоровую свинью... Здѣсь двое литераторовъ, соединенныхъ издавна пріязнію, ссорятся — изъ чего же? — изъ кочерыжекъ!... Правда, эта пріязнь разрывалась уже не разъ, и разрывъ всегда былъ или изъ ничего, или изъ правды, сказанной однимъ изъ нихъ насчетъ плохихъ картъ къ плохой исторіи другаго; но все-таки пріятно, умилительно было видѣть для нашего враждующаго литературнаго міра, какъ они всегда адресовались одинъ къ другому съ полнымъ уваженіемъ, съ титуломъ «почтеннаго» и «почтеннѣйшаго», называя другъ друга по имени и по отчеству, или въ тор-

жественныхъ случаяхъ, даже не только по имени и отчеству, но притомъ и съ присовокупленіемъ фамиліи... Какъ образованные литераторы, они даже и въ спорѣ, и въ ссорѣ, не оставили этихъ изящныхъ формъ свѣтскаго обхожденія, но теперь это уже не искренно... Намъ скажутъ, что въ ссорѣ виноватъ одинъ, и что другой велъ себя въ ней и твердо, и умно, отвѣчалъ ловко и остро, и что, слѣдовательно, все смѣшное остается на сторонѣ только перваго. Согласны, вполнѣ согласны; но мы думаемъ и убѣждены, что во всякомъ случаѣ литературная ссора съ пріятелемъ ставитъ каждаго въ комическое положеніе, для избѣжанія котораго только одно средство—избѣгать пріязни съ сочинителями, съ которыми можно завязаться въ кочерыжечную перепалку, или, уже, уважая себя, терпѣть отъ нихъ все... Впрочемъ, у всякаго свой образъ мыслей...

—

Исторія о «Мертвыхъ Душахъ» все еще продолжается: о нихъ толкуютъ и спорятъ въ публикѣ, о нихъ разсуждаютъ въ журналахъ. Прислушиваясь къ толкамъ и приглядываясь къ печатнымъ сужденіямъ, невольно видишь матеріялы для новой поэмы въ томъ же родѣ. Многіе печатныя сужденія такъ и смотрятъ—кто Ноздревымъ, кто размазнёю-Маниловымъ, уѣзднымъ сантиментальнымъ мечтателемъ, кто Селифаномъ, резонёрствующимъ съ лошадьми... Изъ хвалителей, каждый находитъ героя по себѣ, говоря, вотъ одно лицо благородное и умное. Одинъ изъ критиковъ не шутя провозгласилъ, что всѣ лица гадки (по отношенію къ нимъ самимъ, а не къ искусству), кромѣ... кого бы вы думали?... не отгадаете!... кромѣ Селифана! Критикъ видитъ въ немъ неиспорченную русскую натуру... Въ чемъ же состоитъ эта неиспорченная натура?—Въ томъ, что она напивается пьяною не по грубой животности, а потому что съ хорошимъ человѣкомъ пріятно выпить.... Право такъ! Впрочемъ, есть и другія доказательства не-

испорченной натуры Селифана: это его готовность быть высѣченнымъ, сердечность, съ которою онъ говоритъ о милой ему конюшнѣ и знакомой ему припаркѣ... Хороша неиспорченная натура!.. Впрочемъ, и этимъ еще не кончились доказательства въ пользу неиспорченной натуры Селифана: ко всему этому критикъ прибавляетъ его пріятельское обращеніе съ лошадьми... Теперь понимаете ли что̀ такое неиспорченная натура, по мнѣнію критика?.. Теперь понимаете ли, что если кто не пьетъ сивухи, не напивается на смерть съ первымъ встрѣчнымъ и поперечнымъ, считая его за хорошаго человѣка, кто не разговариваетъ съ лошадьми, и не позволитъ взыскать себя извѣстною милостію, по спинѣ,—горе тому: онъ испорченная натура! онъ покорился обаянію лукаваго Запада, погубилъ и душу и тѣло свое на вѣки!...

—

Когда вышелъ «Ревизоръ», одинъ извѣстный критикъ отказался писать о немъ, видя въ немъ грязное произведеніе; одинъ журналъ отказался напечатать у себя повѣсть Гоголя «Носъ», находя ее также грязною; недавно одинъ критикъ поставилъ Гоголя, въ ряду русскихъ поэтовъ, ниже г Павлова (писателя даровитаго, но совсѣмъ не Гоголя). Жаль, что некогда справляться, а то бы можно было много найдти фактовъ, доказывающихъ, что иные критики съ нѣкотораго времени совсѣмъ иначе заговорили о Гоголѣ, нежели какъ говорили о немъ прежде и еще очень недавно. А между тѣмъ, посмотрите, какъ они сердятся, что другіе поняли Гоголя такъ сказать со дня его вступленія на литературное поприще, и что осмѣлились намекнуть на это, какъ на свою собственную заслугу, изъ опасенія, чтобъ ихъ не смѣшивали съ повторителями чужихъ мыслей и даже словъ, за неимѣніемъ своихъ!... Кто постоянно слѣдитъ за нашею литературою, тотъ знаетъ, гдѣ въ первый разъ Гоголь былъ оцѣненъ. Можетъ-быть, многіе знаютъ,

и безъ указаній, гдѣ и кто говорилъ, и послѣ того, о Гоголѣ въ томъ же духѣ, и въ томъ же тонѣ... Почему жь бы и не замѣтить того, что̀ принадлежитъ вамъ по праву?.. Но люди неблагодарны, вы же ихъ научите, вы же кое-какъ наконецъ вдолбите имъ что-нибудь въ ихъ крѣпкіе черепы,—и они же, за это, пошлютъ васъ на толкучій рынокъ, услужливо снабдятъ васъ своимъ же мѣднымъ лбомъ, обвинятъ въ самохвальствѣ, и объявятъ вашу фигуру тощею, какъ будто это страшный недостатокъ и какъ будто педантическая фигура съ брюшкомъ лучше тощей фигуры... Но, что̀ всего забавнѣе, они назовутъ ваши похвалы автору непрошенными, какъ бы намекая тѣмъ, что у нихъ этотъ авторъ выпрашивалъ ихъ запоздалыя, съ чужаго голоса взятыя похвалы... Что̀ касается до насъ,—объявляемъ во всеуслышаніе, что тѣ писатели, которыхъ мы хвалимъ, никогда не просили нашихъ похвалъ, и что мы хвалимъ даромъ...

—

Одинъ критикъ видитъ въ Гоголѣ существо двойное или раздвоившееся: одна половина, видите ли, смѣется, а другая плачетъ... Оригинальная мысль! Есть люди, которые никакъ не могутъ понять смѣха въ слезахъ, особенно же слезъ въ смѣхѣ, и хотятъ все дѣлить и различать механически, чтобъ иное великое явленіе какъ-нибудь сдѣлать доступнымъ своей ограниченности.

—

Вѣроятно, многимъ случалось видѣть людей, которые, побывавъ въ Парижѣ и возвратясь въ Россію, говорятъ при всякомъ случаѣ: «у насъ въ Парижѣ?» Такъ нѣкоторые критики, о чемъ бы ни говорили, никакъ не могутъ обойдтись безъ Италіи. Одинъ изъ таковыхъ дѣлаетъ Гоголя ученикомъ Гомера, Данта и Шекспира. Признаемся, мы не видимъ въ «Мертвыхъ Душахъ» слѣдовъ изученія этихъ великихъ образцовъ. Что авторъ «Мертвыхъ Душъ» можетъ совпадать съ ними—противъ этого не споримъ; но

причина этого не изученіе, а то, что поэзія не можетъ не совпадать съ поэзіею. Между всѣми ими есть одно общее,— именно то, что всѣ они поэты...

—

Нѣкто, толкуя вкось и вкривь, по крайнему своему разумѣнію, о Селифанѣ, о дядѣ Митяѣ и дядѣ Миняѣ, обвиняетъ Гоголя въ односторонности: въ томъ, что онъ показываетъ Русскихъ только съ одной ихъ стороны. Критику очень не нравится, что пьяный Селифанъ опрокинулъ бричку и вывалилъ изъ нея своего барина, и что дядя Миняй и дядя Митяй своимъ вмѣшательствомъ только больше запутали дѣло. Критикъ твердитъ одно: Русскій человѣкъ запоясъ заткнетъ Нѣмца; русскіе мужички въ дорогѣ очень безкорыстны. Послѣднюю истину очень хорошо знаютъ всѣ, у кого въ дорогѣ ломалась ось экипажа, или экипажу случалось завязнуть въ грязи, или зажорѣ... Критикъ еще утверждаетъ, что русскій мужикъ, хоть и прихвастнетъ и опрокинетъ съ-пьяну, за то и «выѣдетъ на авосѣ по соломенному мосту». Правда! но правда и то, что много людей пропадаетъ въ оврагахъ, рѣкахъ, на мостахъ и пр., благодаря авосю...

—

Но изъ всѣхъ забавныхъ мнѣній, высказанныхъ по случаю «Мертвыхъ Душъ», самое забавное, безъ сомнѣнія, то, что фантазія Гоголя «хлѣбосольная»... Гоголь—видите—не потому такъ отчетливо рисуетъ главные характеры, и такъ ярко, одною или нѣсколькими чертами, какъ бы вскользь и мимоходомъ, изображаетъ множество второстепенныхъ и какъ-будто случайно подвернувшихся характеровъ, не потому что онъ вѣренъ дѣйствительности, а потому что его фантазія русская, стало-быть, хлѣбосольная, и держится пословицы: что есть въ печи, все на столъ мечи... Милая критическая наивность! Черта изъ золотаго вѣка!... Но вотъ еще такая же буколическая черта: одинъ изъ критиковъ, желая похвалить Гоголя, такъ выражается

о его слогѣ: «Рѣчь его разсыпчата, какъ сдобное тѣсто, на которое не пожалѣли масла; она льется черезъ край, какъ переполненный стаканъ, налитой рукою чиваго хозяина, у котораго вино и скатерть ни по чемъ; отъ того-то и періодъ его бываетъ слишкомъ грузно начиненъ, какъ пирогъ у затѣйливаго гастронома, который купилъ безъ разсчета припасовъ и не щадилъ никакой начинки»... Воля ваша, а эта кухонная похвала, должно быть, непрошенная.

—

Литература и ея успѣхи тѣсно связаны съ книжной торговлею и ея успѣхами. Иногда литература можетъ находиться въ состояніи бездѣйствія и апатіи именно потому, что литераторамъ негдѣ помѣщать свои произведенія и нѣтъ средствъ издавать ихъ отдѣльно. Чтобъ посвятить всего себя литературѣ, необходимо въ своей же литературной дѣятельности найдти и средства къ своему существованію. Исключеніе остается только за людьми богатыми, которыхъ богатство не зависитъ ни отъ службы, ни отъ торговли, ни отъ другаго постояннаго занятія, отнимающаго время и силы, необходимыя для работъ литературныхъ. Въ наше время, эта мысль — аксіома; слѣдственно, нѣтъ никакой нужды ни развивать, ни доказывать ее. Торговля не унижаетъ и не можетъ унижать таланта, потому что въ обществѣ все торговля, т. е. обмѣнъ труда на деньги, представляющія собою цѣнность вещей. Назадъ тому лѣтъ десять съ небольшимъ, понятіе о платѣ за литературный трудъ заключало въ себѣ что-то соблазнительное, неприличное и унизительное, такъ что, когда основалась «Библіотека для Чтенія», одинъ литераторъ написалъ статью «Литература и Торговля», или что-то въ этомъ родѣ. А въ старыя добрыя времена нашей литературы (до самаго Пушкина), журналы наши издавались даромъ, и всѣ расходы издателей ограничивались только платой за типографскую работу и бумагу. Писатели были народъ бѣд-

ный, а книгопродавцы наживались. Это происходило отъ дурно понятаго барства, которое боится труда, какъ униженія, а платы за трудъ, какъ позора. Литераторы занимались литературою, какъ благороднымъ, пріятнымъ и даже полезнымъ развлеченіемъ, и въ этомъ выразилось совершенно дѣтское понятіе о литературѣ. Наше время называютъ, въ похвальное отличіе отъ этого добраго стараго времени, торговымъ: мы думаемъ, что его слѣдовало бы въ этомъ отношеніи, называть умнымъ. Бывало, какой-нибудь сметливый книгопродавецъ наберетъ томовъ пять, или, пожалуй, и десятокъ, чужихъ сочиненій, хорошихъ и дурныхъ, да и выдастъ ихъ подъ громкимъ и заманчивымъ титуломъ «образцовыхъ сочиненій». Что же? Тѣ, чьи сочиненія попали въ сборникъ, не могли нарадоваться чести, которой ихъ удостоили; а тѣ, которые не попали въ образцовые, считали себя обиженными. Въ журналистикѣ было то же самое: только печатай журналистъ, а статей и переводныхъ и оригинальныхъ нанесутъ ему множество! И все это «изъ славы», ибо не только подъ всякою стихотворною дребеденью (шарадою, мадригаломъ, рондо, и т. п.) подписывалось имя, но и подъ всякимъ переводцомъ, хоть бы въ страничку величиною, чётко и ясно печаталось: «перевелъ такой-то». Видѣть свое имя въ печати — Боже мой! это такая радость, такая честь, такая слава, что о трудѣ и потерянномъ времени хлопотать не стóитъ! Да и много ли тогда нужно было труда и времени: переведите съ французскаго статейку, скропайте мадригалъ или рондо,— вотъ и извѣстность и слава по крайней мѣрѣ на десять лѣтъ, потому что и статейку и рондо забывали, а литераторомъ, писателемъ, да еще образцовымъ и первоклассным величать не переставали. Теперь не то: теперь только развѣ школьники, безбородые отроки готовы забыть и ученье, и службу, и все на свѣтѣ, ради чести видѣть въ печати свое имя; да и тѣ уже, гоняясь за славою, сторо-

ною все-таки заводятъ рѣчь о томъ, «по скольку съ листа». Кто же успѣлъ раза два пройдтись бритвою по своему юному подбородку, тотъ ужь о славѣ и не упоминаетъ, а прямо начинаетъ съ—денегъ. Онъ знаетъ, что теперь зашибить славу довольно трудненько, и что для рѣдкихъ она является благоухающимъ опміамомъ, для бо̀льшей части бываетъ дымомъ, который выѣдаетъ глаза и производитъ тошноту, особенно въ пустомъ желудкѣ. Что въ наше время много людей, которые пишутъ для однихъ денегъ, безъ познаній, безъ таланта, безъ призванія,—это правда; но что жь до этого? Если тутъ и зло, то зло необходимое. Развѣ можно требовать уничтоженія вина, потому что на свѣтѣ много пьяницъ?... Истинный талантъ и въ наше время не станетъ писать для денегъ и не захочетъ отдавать своего труда другимъ. Истинный талантъ не скажетъ себѣ: «денегъ нѣтъ, дай-ка что-нибудь напишу»; нѣтъ, онъ продастъ уже сдѣланное, написанное не для денегъ. Нужда въ деньгахъ можетъ заставить его только не терять времени на написаніе того, что̀ свободно возникло и развилось въ фантазіи, или умѣ его, и что̀ осталось ему только положить на бумагу. Да и тутъ желаніе сдѣлать получше часто бываетъ причиною продолженія стѣсненнаго положенія...

Никто не сомнѣвается, что цвѣтущее состояніе книжной торговли, какъ средство обезпеченія трудовъ писателей, много значитъ и для цвѣтущаго состоянія литературы; но едва ли кто, кромѣ «Сѣверной Пчелы», рѣшится утверждать, что капиталистъ книгопродавецъ можетъ создать литературу своими деньгами! Если цвѣтущее состояніе книжной торговли помогаетъ процвѣтанію литературы, то и цвѣтущее состояніе литературы, помогаетъ процвѣтанію книжной торговли: это круговая порука, тутъ все дѣло во взаимодѣйствіи. Деньги поддерживаютъ литературу, но не создаютъ ея: иначе, литература была бы слишкомъ

пошлымъ явленіемъ въ жизни. Источникъ литературы— духъ, геній, разумъ, историческое положеніе общества...

Всему Петербургу извѣстно теперь, что новый книгопродавецъ г. Ольхинъ открываетъ большой книжный магазинъ на Невскомъ Проспектѣ. Владѣя значительнымъ капиталомъ и находясь въ связяхъ со всѣми петербургскими книгопродавцами, онъ дѣйствительно можетъ многое сдѣлать, и отъ него многаго можно надѣяться—въ отношеніи къ поддержанію упадавшаго кредита публики къ книгопродавцамъ, но отнюдь не относительно оживленія мертвой русской литературы, какъ увѣряетъ «Сѣверная Пчела». Г. Ольхинъ можетъ довершить тотъ спасительный переворотъ, который начатъ въ недавнее время г-мъ Ивановымъ. Всей русской читающей публикѣ извѣстно, какъ г. Иваповъ началъ свое книгопродавческое поприще:— скромно, почти безъ всякихъ средствъ, кромѣ собственной дѣятельности, расторопности, усердія и честности,— началъ съ управленія Конторою «Отечественныхъ Записокъ», и вотъ теперь онъ уже едва ли не лучшій русскій книгопродавецъ. Онъ коммисіонеръ почти всѣхъ провинцій Россіи, и его оборотъ уже весьма значителенъ. А спросите его, какъ достигъ онъ этого? Очень просто: надобно было только поступать честно съ своими корреспондентами. Напр., житель провинціи высылалъ къ нему деньги на покупку книгъ: онъ денегъ этихъ не бралъ себѣ, не бросалъ письма въ корзинку съ ненужными бумагами и не оставлялъ корреспондента своего безъ денегъ, безъ книгъ и безъ отвѣта на многократно повторяемыя письма; онъ по первой же почтѣ отсылалъ требуемыя книги по настоящей ихъ цѣнѣ, а вмѣстѣ съ ними и счетъ, и отчетъ, и разсчетъ. Естественно, появленіе такого человѣка не могло не обрадовать иногородныхъ покупателей книгъ: ибо, кромѣ того, что никому не пріятно мучиться пустымъ ожиданіемъ и, въ добавокъ, потерять свои деньги,—всякому хотѣлось бы,

особенно живя въ глуши, во время получить ожидаемую литературную новость. Г. Ивановъ понялъ, какъ много значитъ удовлетвореніе подобной потребности, началъ дѣйствовать сообразно съ этимъ, — и здѣсь-то причина его успѣховъ. Очень хорошо было бы, еслибъ на Руси развелось по болѣе такихъ книгопродавцевъ, какъ г. Ивановъ. Вотъ почему нельзя не радоваться, слыша о появленіи новаго книгопродавца, на котораго можно полагать прочныя надежды. Если г. Ольхинъ оправдаетъ эти надежды, — въ чемъ мы и не имѣемъ никакихъ причинъ сомнѣваться, — тогда честь нашей книжной торговли можетъ возстановиться вполнѣ. Его коммерческая оборотливость, подкрѣпляемая значительными денежными средствами, при честности, разсчетливости и аккуратности, можетъ дать новое движеніе дѣлу. А отъ этого не можетъ не быть своей пользы (до извѣстной степени) и бѣдствующей во всѣхъ отношеніяхъ русской литературѣ. Но съ этой-то стороны и должно г. Ольхину показать себя; это будетъ пробнымъ камнемъ его книгопродавческаго умѣнья. Если онъ, по примѣру иныхъ, сдѣлается исключительнымъ поборникомъ какой-нибудь литературной партіи, будетъ скупать у нея разный хламъ, безполезно тратясь на его изданіе, то въ этомъ не будетъ пользы ни для литературы, ни для книжной торговли, ни, слѣдственно, для него самого. Ничто такъ не вредитъ авторитету и выгодамъ книгопродавца, какъ изданіе лежалаго хлама выписавшихся сочинителей. Этимъ гарпіямъ то и на руку; но тутъ-то книгопродавецъ и долженъ держать, что называется, ухо востро. Поставщики книжнаго товара, потерявшіе уже кредитъ въ публикѣ, которую когда-то удавалось имъ поддѣвать, тотчасъ провѣдаютъ о деньгахъ новаго книгопродавца и явятся къ нему съ предложеніемъ своихъ услугъ, станутъ навязывать ему свои продукты, плѣснѣющіе въ кладовыхъ, или отрекомендуютъ новыя, задуманныя ими спекуляціи на до-

вѣренность публики, будутъ обѣщать хвалить его въ подручныхъ имъ газетахъ и журналахъ, если онъ пріймет ихъ предложенія, или ругать и преслѣдовать въ случаѣ отказа. Но пусть г. Ольхинъ не смущается ни этими угрозами, ни лестными обѣщаніями: они ровно ничего не значатъ! Исправность и честность въ исполненіи принятыхъ обязанностей—вотъ одно, что̀ можетъ доставить ему кредитъ въ публикѣ; продажныя похвалы никого поддержать не могутъ, равно какъ и брань обманутаго въ разсчетахъ своихъ корыстолюбія не уронитъ честнаго и исправнаго книгопродавца. Передъ глазами много примѣровъ, какъ гибли книгопродавцы, убаюканные похвалами и обѣщаніями своихъ покровителей, которые, высосавъ изъ нихъ все, что̀ можно было высосать, послѣ сами же смѣялись надъ ними. Первѣйшая обязанность книгопродавца — не пристават ни къ какой партіи, быть книгопродавцемъ, а не полемистомъ... Желаемъ отъ души, чтобъ г. Ольхинъ принялъ къ свѣдѣнію эти совѣты наши, подаваемые ему съ самымъ чистымъ побужденіемъ.

«Сѣверная Пчела» извѣщаетъ еще, что, г. Ольхинъ, по примѣру г. Смирдина, соединитъ въ одномъ толстомъ ежемѣсячномъ журналѣ труды всѣхъ русскихъ литераторовъ. Не знаемъ, до какой степени было бы полезно русской литературѣ соединеніе трудовъ всѣхъ нашихъ литераторовъ; но знаемъ достовѣрно, что это соединеніе—дѣло рѣшительно невозможное, особенно въ настоящее время. «Сѣверная Пчела» фактически ошибается, утверждая, будто подобное соединеніе существовало когда-то въ «Библіотекѣ для Чтенія». Самое сильное соединеніе въ этомъ родѣ было въ первомъ (1834) году изданія «Библіотеки для Чтенія»; но и тогда оно было соединеніемъ трудовъ далеко не всѣхъ русскихъ литераторовъ; въ ней совсѣмъ не участвовали гг. Гоголь, Лажечниковъ, П. Ф. Павловъ, М. Г. Павловъ, Вельтманъ, Даль, Плетневъ, Н. Полевой, Надеждинъ, Андросовъ и многіе другіе.

Мало того, что еще въ томъ же 1834 году издавались «Телеграфъ» и «Телескопъ», имѣвшіе своихъ постоянныхъ сотрудниковъ, которые не очень интересовались честью красоваться на страницахъ «Библіотеки для Чтенія», — въ 1835 году основался еще новый журналъ «Московскій Наблюдатель», и основался именно для того, чтобъ цѣлой части русскихъ литераторовъ было гдѣ печатать свои статьи. Но теперь мысль о подобномъ соединеніи еще несбыточнѣе: теперь издается въ Россіи нѣсколько журналовъ, соединяющихъ въ себѣ труды одинаково мыслящихъ литераторовъ, которые и сами не захотятъ участвовать въ журналѣ, чуждомъ ихъ убѣжденію; да еслибъ и захотѣли, то для журнала отъ этого мало было бы прибыли, ибо изъ ихъ соединенныхъ трудовъ вышелъ бы престранный дивертиссманъ. Но этого не можетъ быть, во-первыхъ, потому что не всѣ же русскіе литераторы готовы съ аукціона продавать свою дѣятельность, или для денегъ дробить и растягивать ее на нѣсколько журналовъ; а во-вторыхъ, не всѣ же изъ существующихъ журналовъ издаются даромъ: между ними навѣрное найдется хоть одинъ, который платитъ за статьи... Сверхъ того, если бъ и возможно было соединить въ одномъ періодическомъ изданіи труды всѣхъ русскихъ литераторовъ,—изъ этого изданія вышелъ бы еще только сборникъ, а не журналъ. Журналъ составляетъ мнѣніе, а не сборъ случайно набранныхъ статей. За мнѣніе журнала можетъ ручаться только имя редактора, а мы знаемъ наперечетъ имена всѣхъ русскихъ литераторовъ... Кто же будетъ редакторомъ журнала г. Ольхина? Это вопросъ, безъ рѣшенія котораго нечего и говорить о журналѣ. Пожалуй, найдется и редакторъ, и журналъ будетъ съ мнѣніемъ,— но съ какимъ?—вотъ еще вопросъ!... Если мнѣніе новаго журнала будетъ состоять въ томъ, что Сократъ былъ плутъ, что умъ человѣческій —надувало, что Греки раскрашивали свои мраморныя изваянія, что историческій романъ есть

незаконный плодъ прелюбодѣянія исторіи съ поэзіей, что «Мертвыя Души» Гоголя—плоское и бездарное произведеніе, а «Сердце Женщины» г. Воскресенскаго — превосходный романъ, такъ какъ нѣкогда «Ледяной Домъ» г. Лажечникова очутился плохимъ романомъ, а «Постоялый Дворъ» г. Степанова — колоссальнымъ созданіемъ; если... но этимъ «если» не было бы конца. Скажемъ коротко, что если таково будетъ мнѣніе новаго журнала — то прошла уже безвозвратно пора такимъ мнѣніямъ и такимъ журналамъ. Публика уже не та, и ее нельзя, какъ прежде, увѣрить криками и воплями въ пріятельскомъ фельетонѣ. Вѣдь «Сѣверная Пчела» увѣряла же, что «Русскій Вѣстникъ» (остановившійся въ нынѣшнемъ году на четвертой книжкѣ, тогда какъ другіе журналы издали свои одиннадцатыя книжки),—лучшій изъ всѣхъ современныхъ журналовъ, и что хуже «Отечественныхъ Записокъ» не было и нѣтъ на Руси журнала; публика разсудила же иначе!...

—

Въ № 133 той же «Сѣверной Пчелы» прочли мы фельетонъ, преисполненный удивительными вещами. Рѣчь идетъ, между прочимъ, о г. Полевомъ. О немъ сказано тутъ весьма много новаго и поучительнаго,—напримѣръ, что «Комедія о войнѣ Ѳедосьи Сидоровны съ Китайцами»—фарсъ, который основанъ на нелѣпости (ad absurdo), но который позволяли себѣ первѣйшіе драматурги,—какіе именно, не сказанно, почему мы и думаемъ, что это тонкій намекъ на «Шкуну Нюкарлеби» соч. г. Булгарина... Въ этомъ фарсѣ, фельетонистъ нашелъ—что бы вы думали?—идею, да еще презабавную!!!... Потомъ, мы узнаемъ изъ фельетона, что никто такъ не понялъ смысла народной русской драмы и современной потребности (въ чемъ — не извѣстно!), какъ Н. А. Полевой; далѣе, что онъ отличается въ «женскихъ роляхъ», потомъ, что г. Краевскій не имѣетъ права судить о драмахъ г. Полеваго, ибо самъ не написалъ ни одной

драмы!!!... Это, должно быть, ужь насмѣшка надъ читателями «Сѣверной Пчелы». Бѣдные! въ нихъ не предполагается и столько здраваго смысла, чтобы понять, что право критика дается способностію къ критикѣ, а не способностію или охотою дѣлать то же, что дѣлали критикуемые авторы. Иначе, кто же бы сталъ критиковать Шекспира?— неужели г. Полевой, сочинитель «Параши», «Елены Глинской», «Комедіи о войнѣ Ѳедосьи Сидоровны съ Китайцами» и подобныхъ «драматическихъ представленій»?... Или не господинъ ли Булгаринъ, сочинитель «Шкуны Нюкарлеби»? И притомъ, неужели, чтобы оцѣнить критически дюжину плохихъ сценическихъ фарсовъ, надо самому написать дюжину такихъ же фарсовъ? Помилуйте! это-то бы и значило лишить себя всякаго права заниматься критикою... Но— извините, мы заговорились, забыли что подобныя истины новы и неслыханны только для «Сѣверной Пчелы», и развѣ еще для тѣхъ, кто добродушно вѣритъ ея мнѣніямъ... За этими «мнѣніями» о драматическихъ заслугахъ г. Полеваго, слѣдуетъ оригинальное, по искренности и нецеремонности, мнѣніе о его личномъ характерѣ. Вотъ оно:

«Г. Полевой большой охотникъ спорить, и ничего не пропуститъ, чтобы не кольнуть своимъ критическимъ перомъ. Это не отъ сердца, а такъ отъ привычки! У меня былъ пріятель Нѣмецъ (теперь покойникъ), котораго я въ шутку назвалъ Herr Aber, то есть господинъ *Но*. О чемъ бывало ни заговоришь, онъ во всемъ найдетъ aber!—Какая прелестная погода—«Да, aber (но) къ вечеру можетъ перемѣниться»—Кушайте это блюдо, не правда ли, что оно вкусно?— «Да, вкусно, aber (но) дорого и можетъ быть не здорово». Все это говорилъ мой покойный пріятель по привычкѣ. Такова была его манера. А воля ваша, Н. А. Полевой немножко *смахиваетъ* на моего пріятеля. Лишь только онъ за перо, ему тотчасъ является передъ глазами, какъ провидѣніе, огромное aber (но)».

Умно, мило, граціозно, по-пріятельски, халатно!... Именно такъ и должны писать другъ о другѣ русскіе сочинители—для отличія отъ русскихъ литераторовъ...

Конецъ фѣльетона состоитъ въ похвалахъ повѣстямъ

графа Соллогуба... Фёльетонисту самому показалось это странно,—и онъ увѣряетъ, что правда, одна только правда—больше ничего, заставила его хвалить писателя, котораго недавно бранилъ... Однако, въ самомъ дѣлѣ, что̀ бы это значило?... Ужь не затѣваетъ ли нашъ фёльетонистъ толстаго ежемѣсячнаго журнала, для соединенія въ немъ трудовъ всѣхъ русскихъ литераторовъ, со включеніемъ и себя самого?... Пріятное будетъ общество!...

—

Перерывая старые журналы (мы ищемъ въ нихъ матеріяловъ для составленія полной исторіи русской литературы и русской журналистики), мы нашли въ одномъ изъ нихъ, что въ старину (недальше какъ въ 1825 году!) былъ на Руси журналистъ, который утверждалъ, что Сахалинъ есть полуостровъ; когда же его уличили въ невѣдѣніи географіи и доказали ему, что Сахалинъ—островъ, онъ отвѣчалъ: «да я тамъ не былъ, можетъ-быть и островъ». Тотъ же журналистъ... Но пока довольно; мы еще поговоримъ о подвигахъ этого журналиста. Прекурьёзная исторія!

—

Въ десятой книжкѣ московскаго журнала «Москвитянинъ», кто-то г. Пельтъ (имя, въ первый разъ слышимое въ русской литературѣ!), разбирая «Комаровъ» г. Булгарина, не совсѣмъ кстати и совсѣмъ несправедливо зацѣпилъ мимоходомъ «Отечественныя Записки». Г. Булгаринъ въ своихъ «Комарахъ» приписалъ себѣ всю честь необыкновеннаго успѣха «Героя Нашего Времени», который, по его словамъ, будто бы до тѣхъ поръ лежалъ въ книжныхъ лавкахъ, не трогаясь съ мѣста, пока «Сѣверная Пчела», сжалившись надъ нимъ, не похвалила его. Справедливо осуждая неумѣстную выходку г. Булгарина, г. Пельтъ замѣчаетъ въ выноскѣ:

«Замѣтимъ здѣсь кстати подобную же выходку Отечественныхъ Записокъ. Безыменный рецензентъ (точно ли безыменный, господа?..

спросимъ мы въ скобкахъ...), разбирая Мертвыя Души, говоритъ, что Отечественныя Записки первыя открыли дарованіе Гоголя и указали на него всей читающей Руси, когда еще до ихъ рожденія, при каждомъ представленіи Ревизора, театры обѣихъ столицъ были полны, а Миргородъ оцѣненъ былъ по достоинству во всѣхъ благомыслящихъ журналахъ. Но стоитъ ли все это опроверженія? Хорошъ былъ бы талантъ, для открытія котораго потребно бъ было существованіе Отечественныхъ Записокъ».

Мы съ этимъ совершенно согласны: что̀ за талантъ, для открытія котораго потребно было бы существованіе какого бы то ни было журнала—нетолько «Отечественныхъ Записокъ», но даже и «Москвитянина», того самаго «Москвитянина», который недавно открылъ, что Гоголь, по акту творчества, равенъ Гомеру и Шекспиру, и воскресилъ древній эпосъ, искаженный великими поэтами западной Европы*). Да, съ этимъ мы совершенно согласны, потому что это совершенная истина, противъ которой нечего сказать. Но мы несогласны съ критикомъ «Москвитянина» въ томъ, будто мы говорили о себѣ, что первые открыли талантъ Гоголя и указали на него всей читающей Руси,—несогласны потому, что это совершенная неправда... Во первыхъ, мы говорили не собственно объ «Отечественныхъ Запискахъ», а о прямой и уклончивой критикахъ, изъ которыхъ первая, не боясь быть смѣшною въ глазахъ толпы, смѣло низвергаетъ ложныя славы съ ихъ пьедесталовъ и указываетъ на истинныя славы, которыя должны занять ихъ мѣсто, а вторая, также понимая дѣло, въ угоду толпѣ, выражается осторожно, намеками, съ оговорками. Потомъ и во всемъ, что̀ сказано нами за этимъ (стр. 400 — 402 этой части) нѣтъ ничего похожаго на то, въ чемъ упрекаетъ насъ «Москвитянинъ»? Онъ нашелъ въ нашихъ словахъ то же самое, что̀ и въ выходкѣ г. Булгарина: г. Булгаринъ прямо объявилъ, что единственно онъ далъ ходъ Лермонтову;

*) См. „Москвитянинъ“ 1842, книжку IX, статью г. Аксакова „Объясненіе“.

слѣдственно, по обвиненію «Москвитянина» и мы похвалились тѣмъ же, т. е. что дали ходъ Гоголю... Правда, «Москвитянинъ», или его безыменный критикъ, замѣчаетъ, что мы похвалились только тѣмъ, что указали публикѣ на Гоголя, но въ такомъ случаѣ, что̀ же общаго между нашимъ «указаніемъ» и выходкою г. Булгарина? Да сверхъ того, мы и не думали говорить, что «Отечественныя Записки» указали публикѣ на Гоголя: мы сказали, что изъ существующихъ теперь журналовъ, «Отечественныя Записки» первыя и однѣ сказали и постоянно, со дня своего появленія до сей минуты, говорятъ, что̀ такое Гоголь въ русской литературѣ; къ этому мы прибавили еще, что за это насъ порицали почти всѣ другіе журналы и нѣкоторые изъ читателей... Все это правда. Кто же изъ существующихъ теперь журналовъ называлъ Гоголя великимъ писателемъ? Ужь не тотъ ли московскій журналъ, который недавно поставилъ г. Павлова выше Гоголя, а Гоголя ниже г. Павлова?... Изъ существовавшихъ прежде журналовъ, первый оцѣнилъ Гоголя «Телескопъ», а совсѣмъ не тотъ, другой московскій журналъ, который отказался принять въ себя повѣсть Гоголя «Носъ», по причинѣ ея пошлости и тривіальности, и не тотъ именитый критикъ, который отказался писать о «Ревизорѣ», какъ опять о тривіальномъ и грязномъ произведеніи... Гоголю далъ ходъ его великій талантъ; публика оцѣнила Гоголя прежде всѣхъ журналовъ, но какъ оцѣнила—вотъ вопросъ! Сколько и теперь есть людей, которые не одинъ разъ прочли Гоголя, а все говорятъ, что куда ему до Марлинскаго!... Дѣло журнала оцѣнить писателя сознательно и распространить въ публикѣ эту сознательную оцѣнку, и мы почитаемъ себя въ правѣ сказать, что «Отечественныя Записки» принимали едва ли не первое и не исключительное участіе въ дѣлѣ сознательной оцѣнки Гоголя, изъ всѣхъ существующихъ теперь журналовъ... Ими же первыми, изъ существующихъ теперь жур-

наловъ, оцѣненъ по достоинству Марлинскій и ими однѣми оцѣненъ по достоинству Лермонтовъ. Да, ужь, конечно, Лермонтовъ оцѣненъ не тѣмъ критикомъ, который поставилъ Лермонтова ниже г. Хомякова, а г. Хомякова выше Лермонтова... Все это факты, противъ которыхъ нечего сказать, равно какъ и противъ того, что въ замѣчаніи «Москвитянина», или его критикѣ противъ «Отечественныхъ Записокъ» нѣтъ нисколько правды, а есть много неправды...

НЕБОЛЬШОЙ РАЗГОВОРЪ МЕЖДУ ЛИТЕРАТОРОМЪ И НЕ ЛИТЕРАТОРОМЪ О ДѢЛѢ, НЕ СОВСѢМЪ ЛИТЕРАТУРНОМЪ.

N. (*Входя къ М.*). Скажите, пожалуйста, это по вашей части: что̀ такое означаетъ вотъ это стихотвореніе (*показывая книжку журнала*) къ «Безъименному Критику»?

М. Во-первыхъ, это совсѣмъ не по моей части...

N. Какъ не по вашей? вы занимаетесь литературою, вы сами литераторъ...

М. Потому-то это стихотвореніе и не по моей части... Впрочемъ, такъ какъ теперь въ русскую литературу вошло много нелитературныхъ элементовъ, то иногда принужденъ бываю читать и такое, чего сохрани Богъ написать...

N. Не о томъ дѣло! Скажите, что̀ это такое? къ какому безъименному критику?

М. Само собою разумѣется, къ критику, котораго никто не знаетъ...

N. Нѣтъ, развѣ къ такому, который не подписываетъ своего имени подъ своими критиками?...

М. И который, по этому, никому не извѣстенъ?..

N. Ну, Богъ знаетъ! Тутъ къ нему адресуются въ та-

комъ тонѣ, какъ будто его имя можетъ сейчасъ же сказать каждый грамотный человѣкъ... Прочтите...

М. Я читалъ уже...

N. Что за бѣда! Такъ слушайте:

Нѣтъ! твой подвигъ не похваленъ!
Онъ Россіи не привѣтъ!
Карамзинъ тобой ужаленъ,
Ломоносовъ—не поэтъ!

Кто это, кто?

М. То-есть, кто тотъ, который ужалилъ Карамзина?— Не знаю.

N. Разумѣется, не ужалилъ, а писалъ противъ Карамзина?

М. О, очень многіе! Во первыхъ, славянофилы, доказывавшіе, что Карамзинъ испортилъ русскій языкъ, что онъ не знаетъ русскаго языка, что онъ пишетъ не по-русски, и прочее; потомъ Каченовскій, написавшій, между незначительными придирками, и нѣсколько дѣльныхъ замѣчаній на «Исторію Государства Россійскаго»; потомъ г. Арцыбашевъ, между нѣсколькими дѣльными замѣчаніями, написавшій и множество мелочныхъ замѣчаній на исторію Карамзина, помѣщенныхъ въ «Московскомъ Вѣстникѣ», г. Погодина, и возбудившихъ негодованіе (не совсѣмъ, впрочемъ, основательное и справедливое) во многихъ литераторахъ, особенно же въ г. Полевомъ; потомъ, г. Полевой, передъ выходомъ своей и до сихъ поръ еще не конченной «Исторіи Русскаго Народа», начавшій нападать на «Исторію Государства Россійскаго»...

N. Ну, а Ломоносова-то кто называлъ не поэтомъ!

М. Многіе и очень многіе, но изъ всѣхъ ихъ, конечно, всѣхъ замѣчательнѣе Пушкинъ. Вотъ слова его о Ломоносовѣ: «Ломоносовъ былъ великій человѣкъ. Между Петромъ I-мъ и Екатериною II-ю, онъ одинъ является самобытнымъ сподвижникомъ просвѣщенія. Онъ создалъ первый

университетъ; онъ, лучше сказать, самъ былъ первымъ нашимъ университетомъ. Но въ семъ университетѣ профессоръ поэзіи и элоквенціи, не что иное, какъ исправный чиновникъ, а не поэтъ, вдохновенный свыше, не ораторъ, мощно увлекающій... Въ Ломоносовѣ нѣтъ ни чувства, ни воображенія. Оды его, писанныя по образцу тогдашнихъ нѣмецкихъ поэтовъ, давно уже забытыхъ въ самой Германіи, утомительны и надуты. Его вліяніе на словесность было вредное, и до сихъ поръ въ ней отзывается. Высокопарность, изысканность, отвращеніе отъ простоты и точности, отсутствіе всякой народности и оригинальности— вотъ слѣды, оставленые Ломоносовымъ» (Соч. Пушкина, т. XI, стр. 21—22)... Вся статья Пушкина о Ломоносовѣ состоитъ въ доказательствахъ, что Ломоносовъ былъ великій человѣкъ и великій ученый, но не поэтъ и даже не ораторъ.

N. Ну, а вотъ дальше-то о комъ идетъ рѣчь?

Кто ни честенъ, кто ни славенъ,
Ни радѣлъ странѣ родной,
И Жуковскій, и Державинъ
Дерзкой тронуты рукой!

M. Стихи плохи до того, что трудно понять ихъ смыслъ. Кажется, надо понимать такъ, что дерзкою рукою «безъименнаго критика» тронуты всѣ люди славные, оказавшіе услуги литературѣ?

N. Именно такъ! Кто же это?

M. Да никто. Очевидно, что это такъ—риторическое украшеніе, невинная и благонамѣренная гипербола.

N. Но кто же оскорблялъ Жуковскаго и Державина?

M. Писали о нихъ многіе, но кто оскорблялъ—трудно сказать, потому что въ стихахъ не прописано: какъ, какимъ образомъ оскорблялъ. Въ стихотвореніяхъ, приближающихся къ роду юридическихъ сочиненій, надо быть

какъ можно отчетливѣе; къ нимъ не мѣшаетъ даже прилагать pièces justificatives...

N. Но дальше, дальше!

Ты всю Русь лишилъ дѣяній,
Какъ младенца до Петра,
Обнаживъ бытописаній
Славы, силы и добра!

Это на кого?

M. На Ломоносова и на многихъ старинныхъ нашихъ писателей, которые, и въ стихахъ и въ прозѣ, говорили, что Петръ былъ полубогомъ Россіи, что до Петра Русь была покрыта тьмою, но Петръ, явившись, сказалъ: «да будетъ свѣтъ!—и бысть!»... Долго справляться, а фактовъ нашлось бы много. Впрочемъ, и теперь Русскіе раздѣляютъ этотъ восторгъ къ Петру нашихъ старинныхъ писателей. Что же касается до двухъ послѣднихъ стиховъ:

Обнаживъ бытописаній
Славы, силы и добра,—

то, за отсутствіемъ смысла въ нихъ, я не могу дать отвѣта. Дальше читать нечего—ибо въ этихъ трехъ куплетахъ высказаны главные пункты дѣла; въ остальныхъ содержится распространеніе и поясненіе этихъ трехъ главныхъ пунктовъ и приговоръ за преступленіе. А преступленіе, надо сказать, было бы великое, еслибъ все стихотвореніе не было чистымъ поэтическимъ вымысломъ.

N. Но какая же причина этого вымысла?

M. Самая простая: авторъ боленъ страстію къ стихоманіи, а талантомъ, какъ видно изъ этихъ же стиховъ, не богатъ: стало-быть, онъ похвалъ себѣ не слыхалъ, а горькой правды отъ именныхъ и безъименныхъ критиковъ наслышался вдоволь. Поэтому, естественно, что ему не нравится все, что мыслитъ и разсуждаетъ. Видя, что правду можно говорить и о знаменитыхъ писателяхъ, не

только что о дряныхъ писакахъ, онъ съ горя и закричалъ: «слово и дѣло!», давъ своему восклицанію такой оборотъ:

О!... когда народной славѣ
И избранниковъ *его* (?)
Насмѣяться каждый въ правѣ—
Окрылитъ ли честь кого?...

N. А и въ самомъ дѣлѣ: кто захочетъ трудиться, видя, что и труды великихъ иногда цѣпятся и вкось и вкривь?

M. Кто?—каждый, кто родится съ призваніемъ на великое. И какой великій дѣйствователь останавливался отъ мысли, что его не оцѣнятъ и оскорбятъ? Вспомните, что говорили и писали о Пушкинѣ, какими бранями встрѣчалось каждое его произведеніе! И однакожь, это его не остановило: онъ отвѣчалъ на ругательства новыми произведеніями. Это исторія каждаго замѣчательнаго, не только великаго человѣка. Нѣтъ, не то, совсѣмъ не то было на умѣ у нашего піиты: онъ хлопоталъ не о великихъ... Впрочемъ, Богъ знаетъ, о чемъ онъ хлопоталъ! Если спросить его, думаю, онъ самъ не найдетъ ничего сказать.

—

Въ 256-мъ № «Сѣверной Пчелы» напечатано объясненіе, почему публика охладѣла къ «Репертуару» соединенному съ «Пантеономъ»: виноватъ во всемъ—видите ли—фѣльетонистъ, или сотрудникъ этого журнала... А фѣльетонистъ, или сотрудникъ «Репертуара» упрекаетъ въ охлажденіи публики редакцію «Репертуара и Пантеона», неумѣвшую, какъ видно, сдѣлать прочія части журнала занимательными. Кто правъ, кто виноватъ изъ нихъ?—Изъ вѣжливости, повѣримъ обоимъ, и не станемъ спорить ни съ однимъ...

—

Фѣльетонистъ той же газеты (№ 261) горько жалуется, что «не смѣетъ причислить себя къ числу умныхъ людей» (его собственныя слова, выписанныя нами съ дипломатическою точностію), потому что, будто-бы, «Отечественныя

Записки и Литературная Газета въ каждой книжкѣ (большая NB) и каждомъ листѣ (маленькая NB), а Москвитянинъ при всякой вѣрной оказіи (полтора NB) ясно, умно, остроумно и безпристрастно доказываютъ цѣлому міру, что фёльетонистъ Сѣверной Пчелы—человѣкъ безъ малѣйшаго дарованія», и проч., и проч. Странно! читая эти строки, подумаешь, что «Отечественныя Записки» выходятъ ежедневно, а «Сѣверная Пчела» разъ въ мѣсяцъ? Или, что «Отечественныя Записки» только и толкуютъ, что о «Сѣверной Пчелѣ», а «Сѣверная Пчела» ни слова не говоритъ объ «Отечественныхъ Запискахъ»! Чтобъ утѣшиться въ горѣ, «Сѣверная Пчела» старается увѣрить публику, что «Отечественныя Записки» и «Литературная Газета»—одно изданіе, и г-на Кони называетъ критикомъ «Отечественныхъ Записокъ»!... Къ чему всѣ эти продѣлки? Публика знаетъ, что «Литературная Газета»—совершенно отдѣльное отъ «Отечественныхъ Записокъ» изданіе, нисколько независящее отъ нихъ въ своемъ направленіи и образѣ мыслей и неимѣющее съ ними никакой связи; г. Кони никогда не былъ критикомъ «Отечественныхъ Записокъ» и даже никогда не участвовалъ въ этомъ журналѣ, какъ сотрудникъ... Кому это неизвѣстно, и кого, съ какою цѣлію хотятъ увѣрить въ противномъ?—Въ 250 нумерѣ «Сѣверная Пчела» увѣряетъ, будто «Отечественныя Записки» сравниваютъ «Мертвыя Души» съ «Иліадою», «Одиссеею», а Гоголя—съ Гомеромъ!... Послѣ этого «Сѣверной Пчелѣ» остается увѣрить публику, что «Отечественныя Записки» называютъ г. Булгарина даровитымъ и отличнымъ писателемъ, а «Сѣверную Пчелу»—превосходною газетою... Чего добраго, пожалуй, и это станется отъ нея!...

—

Редакція «Москвитянина», объявляя о продолженіи своего журнала въ будущемъ году, распространилась о томъ, что будто всѣ литераторы раздѣлились на двѣ стороны—

одна сторона въ пользу мысли о необходимости европейскаго развитія Руси, другая—въ пользу мысли о вожделѣнности самобытнаго развитія изъ самой себя... Первый разрядъ литераторовъ «Москвитянинъ» раздѣлилъ на невѣждъ, незнающихъ ни Запада, ни Руси, и на полуневѣждъ, знающихъ Западъ и незнающихъ Руси. Положимъ, все это и такъ; но вотъ въ чемъ дѣло и вотъ въ чемъ вопросъ: когда же «Москвитянинъ» рѣшитъ намъ задачу о самобытномъ (чуждомъ Западу) развитіи Руси? Вотъ уже два года какъ издается онъ, а кромѣ фразъ и возгласовъ ничего еще имъ не сказано... Правда, онъ ясно доказалъ свое незнаніе Запада; но когда же, когда докажетъ онъ намъ свое знаніе Руси и того, что̀ ей нужно для самобытнаго (чуждаго Западу) развитія?... Вѣдь сборъ незначительныхъ историческихъ матеріяловъ, которые напечатаны въ «Москвитянинѣ» и которымъ приличнѣе было бы войдти въ составъ какого-нибудь спеціяльнаго историческаго сборника,—еще не представляетъ собою рѣшенія заданнаго имъ самому себѣ вопроса... Равнымъ образомъ, и письма Пушкина, писанныя совсѣмъ не для печати, и его шуточный, глубоко иронической разборъ трагедіи «Марѳа Посадница»—также не рѣшаютъ вопроса?... То-то же! На словахъ кого ни послушаешь—всѣ «мы сбили, мы рѣшили» а на дѣлѣ—глядь и выйдетъ: «мы сбились сами».

IV.

ТЕАТРЪ.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

1.

Театральная литература накопецъ надоѣла намъ до-нельзя! А между тѣмъ «Театральная Хроника» необходима въ журналѣ, какъ дополненіе къ «Библіографической Хроникѣ». Что̀ тутъ дѣлать?—Мы рѣшились говорить только о піесахъ, примѣчательныхъ по эффекту, произведенному ими на публику Александринскаго театра; о другихъ или умалчивать, или говорить коротко, безъ изложенія содержанія. Въ самомъ дѣлѣ, легкое дѣло—разсказывать содержаніе того, въ чемъ не только содержанія — смысла не бываетъ!...

Съ чего же начать?—Въ продолженіе трехъ послѣднихъ мѣсяцевъ надѣлали много шуму слѣдующія піесы, о которыхъ мы не говорили, и изъ которыхъ едва дышутъ только послѣднія, а первыя уже умерли:

КНЯЗЬ СЕРЕБРЯНЫЙ, ИЛИ ОТЧИЗНА И ЛЮБОВЬ, *оригинальная драма въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. Н. Филимонова.*

Эта драма—передѣлка извѣстной повѣсти Марлинскаго «Наѣзды». Передѣлывать повѣсть въ драму, или драму въ повѣсть—противно всѣмъ понятіямъ о законахъ творчества, и есть дѣло посредственности, которая своего выдумать ничего не умѣетъ, и потому хочетъ жить, по неволѣ, чу-

жимъ умомъ, чужимъ трудомъ и чужимъ талантомъ. Когда такого рода чернильные витязи хватаются за хорошую повѣсть—оскорбительно видѣть, какъ они уродуютъ прекрасное произведеніе; когда они берутся за плохую повѣсть—досадно видѣть ихъ тщетныя усилія воскресить забытую нелѣпость. Повѣсть Марлинскаго «Наѣзды» въ свое время была хороша и стоила своего успѣха. Хотя герой ея, по своимъ чувствамъ, понятіямъ и поступкамъ, былъ Нѣмецъ съ русскимъ именемъ; хотя въ его русскихъ поговоркахъ высказывался нѣмецкій складъ ума; хоть всѣ событія повѣсти натянуты и неестественны, страсти поставлены на ходули, характеры составлены по рецептамъ: однако бойкій, одушевленный разсказъ и хорошій языкъ автора всѣми были приняты за удивительное мастерство воскрешать «дѣла давно минувшихъ дней, преданья старины глубокой», живо писать страсти и изображать характеры, да еще какіе—глубокіе, сильные, идеальные... Но теперь—иное дѣло! Съ тѣхъ поръ много утекло воды въ океанъ забвенія, а съ нею и вода повѣстей Марлинскаго... Съ тѣхъ поръ причитались, присмотрѣлись и прислушались ко многому новому, и лучше поняли, что̀ такое творчество, народность въ искуствѣ, созданные характеры, истинныя чувства и естестественно-развивающееся дѣйствіе. Теперь читать «Наѣзды»—все равно, что перечитывать страшные романы г-жи Радклифъ, которые въ свое время производили фуроръ во всей просвѣщенной Европѣ. Видѣть же на сценѣ плохую передѣлку устарѣвшей повѣсти—хуже всего худаго, что̀ только можно придумать.

РОМЕО И ЮЛІЯ. *Драма Шекспира, въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Переводъ М. Каткова.*

Чего не дѣлаютъ у насъ съ бѣднымъ Шекспиромъ? Его передѣлываетъ и пародируетъ г. Полевой, его переводятъ

какіе-то мальчики, его сокращаютъ артисты, растягиваютъ плохіе переводчики; его, наконецъ, даютъ на русской сценѣ, вмѣстѣ съ Серебряными, Березовскими, Гладіаторами, Парашами, Уголинами и прочимъ сценическимъ хламомъ!... Переводамъ, «Ромео и Юліи» еще посчастливилось: переводъ г. Каткова изъ лучшихъ русскихъ переводовъ драмъ Шекспира; но давать его на сценѣ не слѣдовало: для роли Ромео нуженъ былъ артистъ не только пламенный, вдохновенный, но еще и молодой и прекрасный собою; для роли Юліи нужна такая артистка, какой еще на русской сценѣ не бывало; для прочихъ дѣйствующихъ лицъ также нужны актёры, какихъ у насъ или очень мало, или совсѣмъ нѣтъ. Бѣда Шекспиру: публика при представленіи его піесъ спитъ, а онъ, вишь, виноватъ!...

ОТЕЦЪ И ДОЧЬ. *Драма въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Передѣланная съ итальянскаго П. Г. Ободовскимъ.*

Г. Ободовскій, вмѣстѣ съ г. Полевымъ — самые ревностные работники для сцены Александрипскаго театра. Любо дорого смотрѣть на плодовитую и неутомимую дѣятельность! Одинъ все переводитъ и переводитъ, и притомъ именно все, т. е. всякую всячину въ чувствительномъ и трогательномъ родѣ, другой... но позвольте, сперва надо поговорить объ одномъ.

Чтобъ быть счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ, дѣйствуя на литературномъ поприщѣ, прежде всего должно— не имѣть таланта... да, не имѣть таланта, однако же и не быть совершенно бездарнымъ писателемъ, а такъ-себѣ— знаете—серёдка на половинѣ, ни то, ни сё: толпа любитъ посредственность... Потомъ должно имѣть много дѣятельности, такъ, чтобъ, напримѣръ, ставить драму за драмою— словно блины печь: толпа не злопамятна, и требуетъ, чтобъ

ей безпрестанно напоминали о себѣ, чтобъ имя пришедшагося ей по плечу господина сочинителя безпрестанно рябило въ ея глазахъ. Потомъ... но что слѣдуетъ потомъ, я разскажу вамъ послѣ, когда-нибудь, а теперь мнѣ нужно поскорѣе разсказать вамъ содержаніе «Отца и Дочери», а то, пожалуй, этакъ мы и не доберемся до «Елены Глинской»...

Агнеса Доберстонъ вышла за мужъ за лорда Станлея, противъ воли своего отца; отъ сего рѣченный отецъ сошелъ съ ума и пошелъ въ домъ умалишенныхъ. Черезъ пять лѣтъ лорду Станлею надоѣло ворковать съ своею нѣжною голубкою; въ душѣ его пробудилось честолюбіе; цѣлый годъ живетъ онъ въ Лондонѣ, хлопочетъ по выборамъ, а жена тоскуетъ въ небольшомъ городкѣ близъ Дублина. Наконецъ, супруги увидѣлись,—и мужъ безъ дальнихъ околичностей предлагаетъ женѣ разводъ; ему надо жениться на дочери какого-то маркиза, чтобъ открыть себѣ политическую карьеру. Жена въ обморокѣ, пользуясь которымъ мужъ хочетъ отправить ее во Францію, подкупивъ капитана корабля. Очнувшись, Агнеса несетъ разную высокопарную дичь о проклятіи отца, о сбывшихся надъ нею его мрачныхъ предсказаніяхъ. Слуга Робертъ помогаетъ ей убѣжать съ пятилѣтнею ея дочерью, Кларою. Въ лѣсу встрѣчается она съ отцомъ, который съ оборванною цѣпью на погѣ, вырвался изъ дома умалишенныхъ. Слѣдуетъ сцена столкновенія виновной дочери съ сумасшедшимъ отцомъ, сцена исполненная самыхъ пошлыхъ и приторныхъ эффектовъ, общихъ мѣстъ и пустыхъ восклицаній. Все это кажется толпѣ ужасно патетическимъ, отчаянно потрясающимъ: такъ видитъ ребенокъ страшное привидѣніе въ человѣкѣ, который, чтобъ испугать его, надѣлъ свою шубу шерстью вверхъ... И въ самомъ дѣлѣ, Агнеса такъ испугалась, что понесла неизчерпаемую дичь, исполненную высокаго слога и незнанія грамматики:

Сей горкій видъ страданій не снесу.
О, Господи! разрушь меня огнемъ Небеснымъ,
Мой *гнусный* прахъ вели ты бурямъ разметать;
Я довела его до страшнаго безумья,
Дни нѣжнаго отца *я* отравила *я*!...

Потомъ Агнеса приходитъ въ модный магазинъ Фанни, дочери своей кормилицы. Фанни даетъ ей убѣжище, черезъ что лишается всѣхъ своихъ покупщицъ—дрянныхъ женщинъ, которыя такъ и бросаютъ въ Агнесу свои тартюфскія анаѳемы. Мало того: онѣ хотятъ лишить Фанни жениха, но Генрихъ, сей великодушный женихъ, еще болѣе влюбляется отъ этого въ свою невѣсту, Агнеса добивается въ домѣ сумасшедшихъ мѣста сидѣлки при своемъ отцѣ. Наконецъ, его чудеснымъ образомъ изцѣляютъ музыкою; за тѣмъ слѣдуютъ объятія, охи, ахи вздохи... Все это крайне растянуто, водяно, приторно, пошло, вздорно, фразисто; характеровъ нѣтъ, дѣйствія никакого. И немудрено: плоская мелодрама эта передѣлана изъ оперпаго либретто... Что въ либретто хорошо, какъ положеніе для музыки, то въ драмѣ, естественно, выходитъ ужасно нелѣпо.

РИМСКІЙ БОЕЦЪ. *(Гладіаторъ) трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, соч. А. Сумѣ, передѣланная съ французскаго В. К.*

Когда думаешь, говоришь, или пишешь о какихъ бы то ни было драматическихъ піесахъ, о какомъ бы то ни было театрѣ,—всегда и невольно вспоминаешь нашъ Михайловскій театръ, его французскую труппу, его русскую публику. Чудный театръ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ—нельзя довольно нахвалиться имъ!... Вотъ, напримѣръ, какъ не поставить его въ образецъ всѣмъ театрамъ въ мірѣ за его репертуаръ: на Михайловскомъ театрѣ даются или веселые, живые, забавные и умные водевили французскіе, прекрасно поставляемые, превосходно выполняемые; или

комедіи, въ которыхъ отражается современная жизнь, въ концепціи и выполненіи которыхъ видѣнъ этотъ общественный тактъ, сценическое умѣнье, простота и истина, свойственныя только французскимъ писателямъ нашего времени,—таковы комедіи Camaraderie, Un bal masqué, Les premières armes du duc de Richelieu и т. п.; или наконецъ такъ называемую «драму»—эту единственно-истинную трагедію нашего времени, которая находитъ патетическое, потрясающее и высокое въ прозѣ повседневнаго быта, въ дѣйствительности современной жизни, таковы піесы: La famille Riquebourg ou le mariage mal assorti, La Lectrice, Une Faute, Une Chaîne и т. п. Но на немъ не даютъ ни Шекспировскихъ трагедій, для которыхъ мала наша французская труппа, и которымъ не соотвѣтственны ея первые таланты, ни новѣйшихъ издѣлій подъ громкимъ именемъ трагедій—этихъ жалкихъ и пошлыхъ поддѣлокъ подъ Шекспировскую и Шиллеровскую драму, которыя такъ же похожи на свои образцы, какъ трагедіи Корнеля и Расина на трагедіи Эсхила, Софокла и Эврипида... За то, въ Михайловскій театръ ходятъ наслаждаться изящнымъ искусствомъ, а не зѣвать и хлопать. Если даютъ водевиль—вы смѣетесь отъ души; если даютъ комедію—вы, и смѣясь, мыслите и наслаждаетесь; если даютъ драму—потрясенная душа ваша надолго освѣжается отъ удушья прозаической вседневности мощными и благородными впечатлѣніями... Если изрѣдка случается вамъ видѣть скучныя піесы и на Михайловскомъ театрѣ,—такъ это развѣ такъ называемую «высокую комедію» XVIII вѣка; но и тутъ васъ вознаграждаетъ превосходная, художественная игра артистовъ. Но если ужь и зѣвать, такъ конечно лучше отъ плохой комедіи, чѣмъ отъ плохой, или и превосходной, но плохо выполняемой трагедіи: ибо въ послѣднемъ случаѣ требованія ваши выше и важнѣе...

«Гладіаторъ» есть именно одна изъ тѣхъ трагедій, въ

которыхъ авторы становятъ на дыбы свою фантазію, принпориваютъ ее насильственнымъ экстазомъ, ищутъ содержанія въ народахъ, вѣкахъ и эпохахъ, извѣстныхъ имъ только по книгамъ, и то весьма мало, одна изъ тѣхъ трагедій, гдѣ что ни чувство, что ни мысль, что ни слово— то и ложь и фальшъ; одна изъ тѣхъ трагедій, которыя насильно распяливаются на пять актовъ и множество отдѣленій, картинъ, сценъ, выходовъ и т. п., для того только чтобъ сравняться въ объёмѣ съ драмами Шекспира; наконецъ, одна изъ тѣхъ трагедій, которыя пишутся для зѣвоты и рукоплесканій толпы, зѣвающей, а все хлопающей, чтобъ слышать себя же самое и чтобъ деньги не даромъ пропадали... Когда Французъ пишетъ драматическую піесу, не выходя изъ соціальнаго элемента, твердо держась своего національнаго созерцанія интересовъ и сущности современной жизни,—ему нѣтъ соперниковъ; онъ простъ, истиненъ, ловокъ, живъ, остроуменъ, блестящъ, трогателенъ, глубокъ; но за то, когда онъ залетитъ въ прошедшіе вѣка и къ чужимъ народамъ, когда съ важнымъ видомъ берется создать что-нибудь великое,—не меньше пяти-актовой піесы,—онъ ложенъ, вычуренъ, фразёръ, декламаторъ, эффектёръ, поверхностенъ, пустъ, скученъ... Нѣмецъ тутъ съумѣетъ быть хоть вѣренъ исторіи и выказать свою громадную эрудицію; слѣдственно, въ его драмѣ хоть что-нибудь можно найти, а у Француза—ровно ничего не найдете, кромѣ скуки и трескотни надутыхъ фразъ и фейерверочныхъ эффектовъ... Содержаніе «Гладіатора» всего лучше подтвердитъ нашу мысль.

Мать кесаря Гордіана имѣетъ много тайнъ, которыя не могутъ принести чести такой важной особѣ ея пола; гладіаторъ—наперстникъ и повѣренный этихъ страшныхъ и грязныхъ тайнъ. Когда императрица Фаустина готовилась сдѣлаться матерью, ее кто-то увѣрилъ, что для счастія новорожденнаго нуженъ составъ, сдѣланный изъ сваренъ-

наго ребенка; и вотъ Фаустина замучила одну женщину, разрѣшающуюся въ пыткѣ, преждевременно, дѣвочкою, которую въ ту же минуту вырываетъ изъ рукъ Фаустины вбѣжавшій отецъ новорожденной; это самъ гладіаторъ. Онъ спасся съ дочерью въ Египетъ, но тамъ ее у него украли и съ тѣхъ поръ онъ потерялъ ее изъ виду. Флавіанъ, римскій аристократъ,—послѣдователь эпикурейской школы, страстно любитъ свою невольницу—Неомедію, и хочетъ на ней жениться. Фаустина, видя въ Неомедіи свою соперницу, велитъ гладіатору убить ее; но гладіаторъ, замѣтивъ въ жертвѣ сходство съ своею женой, разжалобился и и поклялся отмстить Фаустинѣ за смерть жены. Но вотъ сцена языческаго брака: несмотря на то, что Неомедія—втайнѣ христіянка и ревностная ученица проповѣдника Орисфена, она рѣшается соединиться съ своимъ возлюбленнымъ по языческимъ обрядамъ и передъ лицомъ языческихъ божествъ. Вбѣгаетъ гладіаторъ,—ее вытаскиваютъ; потомъ народъ схватилъ Орисѳена, поносившаго боговъ Рима, и жрецъ осуждаетъ его на смерть. Тогда въ порывѣ религіознаго увлеченія, Неомедія объявляетъ, что она—христіанка, и опрокидываетъ алтарь Юпитера. Ее осуждаютъ на смерть въ циркѣ, отъ руки гладіатора. Входитъ гладіаторъ въ циркъ, машетъ словно тросточкой огромной булавой—Римляне изъ всѣхъ силъ бьютъ въ ладоши, завидѣвъ такого молодца... Вотъ вводятъ Неомедію; Гладіаторъ опять разжалобился—проситъ Римлянъ помиловать красавицу—тѣ кричатъ «смерть»—дѣлать нечего: «Ну, душенька (говоритъ гладіаторъ) станьте на колѣни и нагните головку».—Извольте, сударь.—«Теперь снимите же покрывало съ вашихъ плечъ.—«Ахъ, какъ можно! стыдно-съ, при всѣхъ-съ.—«Ничего-съ»—да и сдернулъ покрывало... Глядь: на шеѣ родимый знакъ—боги! это дочь его—ахъ, охъ, о!!... Родитель мой!... дочь моя!... Рукоплесканія... Фаустина принуждена спасать Неомедію: отъ нея, по изре-

ченію оракула, зависитъ участь императора, ея сына... Но поздно: народъ окружилъ темницу и хочетъ растерзать Неомедію; гладіаторъ прошибъ стѣну, ворвался, зарѣзалъ дочь, и — напыщенной галиматьѣ конецъ!... Характеровъ нѣтъ, естественности—ни на волосъ, смыслу—мало; за то, безмысленныхъ эффектовъ бездна...

ЕЛЕНА ГЛИНСКАЯ, *драматическое представленіе, въ пяти дѣйствіяхъ. Соч. Николая Полеваго.*

Быть всѣмъ во всемъ, и быть во всемъ первымъ — кажется девизъ литературной дѣятельности г. Полеваго. Слава Кузена заставила его быть философомъ (о существованіи Гегеля г. Полевой узналъ недавно и, слѣдственно поздно, когда уже въ не состояніи былъ соперничать съ нимъ), слава Гизо и Тьерри заставила его написать шесть томовъ «Исторіи Русскаго народа» въ XVIII томахъ; опыты Баранта разсказывать исторію простодушнымъ языкомъ лѣтописи заставили г. Полеваго написать «Клятву при Гробѣ Господнемъ»; слава Шлегелей, барона Экштейна и статьи французскаго журнала «Globe» сдѣлали г. Полеваго критикомъ и возбудили въ немъ любовь и удивленіе къ Шекспиру, превратившіяся теперь въ соревнованіе; слава Сея заставила г. Полеваго сдѣлаться политико-экономомъ и произнести въ Московской Комерческой Академіи превосходную рѣчь «О невещественномъ капиталѣ»; ну, словомъ статистика, политическая экономія, исторія, философія, критика, филологія, грамматика, этика, журналистика, лирическая поэзія, повѣсть, романъ,—все это поприще одного г. Полеваго, одного, безъ соперниковъ, безъ помощниковъ... Вольтеръ и Гёте нашего времени, г. Полевой принялся наконецъ за драматическую поэзію... Мелкія піесы ему ни почемъ: онъ пишетъ не считая, печатаетъ, не гордясь, ставитъ на сцену, не гоняясь за рукоплесканіями, хотя—изъ

вѣжливости,—и выходитъ на вызовы публики Александрин-скаго театра... Что̀ ему маленькія піесы! Онѣ такъ же не могутъ ничего ни убавить, ни прибавить къ его славѣ, какъ и листки калуфера или мяты не могутъ украсить со-бою лавроваго вѣнца... Но и не въ патріотическихъ піе-сахъ поставляетъ г. Полевой свою заслугу: онъ хочетъ со-стязаться съ Шекспиромъ, и если не побѣдить его, то не уступить ему — знай-де нашихъ!.. Для этого, онъ сперва поправилъ, т. е. передѣлалъ «Гамлета», и безъ всякаго разсчета и умысла, совершенно безсознательно достигъ пре-красной цѣли: представивъ это вѣковое, колоссальное про-изведеніе въ миньятюрныхъ размѣрахъ, онъ тѣмъ самымъ приблизилъ его къ смыслу толпы, и, при помощи дарова-нія актёровъ, сдѣлалъ на Руси народнымъ это слабое по-добіе Шекспирова созданія, отразившаго въ себѣ свой ори-гиналъ, какъ капля воды отражаетъ въ себѣ солнце. Вы-зовъ послѣ перваго представленія и вообще чрезвычайный успѣхъ передѣлки «Гамлета» открыли г. Полевому тайну его призванія и его генія—онъ сѣлъ да и написалъ — паро-дію на «Рамео и Юлію», которую назвалъ «Уголино». Намъ скажутъ, что въ содержаніи «Уголино» нѣтъ ничего об-щаго съ драмою Шекспира: да, во внѣшнемъ содержаніи, т. е. въ «сюжетѣ» точно мало общаго, но мысль, по па-θосъ піесы рождены рѣшительно драмою Шекспира. Въ наше время никто не будетъ такъ простъ, чтобъ подражать фор-мѣ извѣстнаго произведенія; тѣмъ менѣе можно ожидать подобныхъ подражаній отъ того, кто первый на Руси воз-сталъ противъ пошлой подражательности псевдо-классиче-скихъ временъ. Вся постройка «Уголино» лежитъ на любви Нино къ Вероникѣ, и всѣ сцены любви того и другаго суть не что иное, какъ самая жалкая пародія на сцены любви въ «Ромео и Юліи». Что̀ у Шекспира глубоко и мощно, бу-дучи въ то же время и граціозно,—то у нашего самород-наго драматурга — слабо, мелко, приторно, фразисто, сла-

денько, прянично. Нино и Вероника — это аркадскіе пастушки, взятые изъ идиллій г-жи Дезульеръ; это разрумяненные герои Флоріановскихъ и Геснеровскихъ поэмъ. Но г. Полевому показалось, что послѣ «Уголино» ему остается только не останавливаться и продолжать идти. Слѣдствіемъ этого убѣжденія была новая пародія на Шекспира — «Елена Глинская». Въ «Уголино» онъ пародировалъ «Ромео и Юлію»; въ «Еленѣ Глинской» онъ пародируетъ — легко сказать! — «Макбета». Взглянемъ на содержаніе этой новой пародіи.

Теперь ввелось въ моду каждому дѣйствію драмы давать особое какое-нибудь эффектное и заманчивое названіе: этого требуетъ, вѣроятно, искусство сочиненія аффишъ, отъ котораго часто зависитъ успѣхъ драмы. Г. Полевой — пламенный поборникъ этого прекраснаго нововведенія, бодро состязается въ немъ съ прочими корифеями современной драматической литературы — гг. Ободовскимъ, Марковымъ, Бахтуринымъ и прочими. Подобная поддержка умнаго нововведенія тѣмъ умилительнѣе со стороны г. Полеваго, что онъ давно уже не любитъ никакихъ нововведеній, даже въ орѳографіи, и преслѣдуетъ ихъ всею важностью своего, — впрочемъ, уже нѣсколько запоздалаго, — авторитета. И потому, первое дѣйствіе его новой драмы называется «Боярскій Совѣтъ», второе — «Грановитая Палата», третье — «Литовскій лѣсъ», четвертое — «Кремлевскій Теремъ», пятое — вѣроятно, для бо́льшаго эффекта, какой всегда производитъ таинственность, никакъ не названо. Вся піеса титулуется «драматическимъ представленіемъ», вѣроятно, для доказательства ея близкаго родства съ созданіями Шекспира. Итакъ, первое дѣйствіе — «Боярскій Совѣтъ». Дѣйствіе происходитъ въ залѣ кремлевскихъ теремовъ, но совѣта мы не видимъ; сперва являются дьякъ и окольничій, и первый сообщаетъ второму, что бояре — шумятъ. За тѣмъ слѣдуетъ длинная, скучная и ничего въ себѣ незаключа-

ющая сцена между двумя этими безличными лицами. Но вотъ явленіе второе: оно поживѣе. Бояре являются на лицо и «шумятъ», ругая Оболенскаго, заклинаясь не уступать ему. Хитрый интриганъ Василій Шуйскій подтруниваетъ надъ ними себѣ подъ носъ. Является Оболенскій, и велитъ имъ идти по домамъ, такъ какъ-де княгиня уже распустила совѣтъ.—Нейдемъ!—А почему?—И пошла потѣха! Главная причина спора — осужденіе на смерть князя Андрея, втораго сына Іоанна III, произнесенное княгинею Еленою, матерью Грознаго. Отъ споровъ и брани дошло было и до рѣзни; но вотъ является новый герой—лицо, сдѣлавшееся необходимою принадлежностію всякаго русскаго романа и русской драмы—шутъ, Пахомко. Его шутки образумливаютъ бояръ—они становятся тише, и уже только рычатъ другъ на друга, но не кусаются. Входитъ Елена: В. Шуйскій уже успѣлъ ей «донести». Она велитъ боярамъ просить прощенія у Оболенскаго, но тѣ рѣшительно отказываются, а Оболенскій говоритъ, что презираетъ равно и ихъ вражду и ихъ дружбу. Иванъ Бѣльскій умоляетъ княгиню отмѣнить приговоръ князю Андрею, а Пахомко трунитъ надъ В. Шуйскимъ, поетъ, ломается — пріятная смѣсь высокаго съ комическимъ!... Наконецъ, Елена остается на сценѣ только съ Оболенскимъ, Пахомкою и Запольскою (наперстницею). Она говоритъ Оболенскому, что смиритъ буйство бояръ, осмѣливающихся не уважать его, опору престола и защитника царства. Оболенскій проситъ ее дать ему случай на полѣ брани доказать ей, что онъ готовъ нести ей жизнь на жертву.

Елена (*съ жаромъ*).

Нѣтъ, жизнь твоя мнѣ дорога—щади ее!

Оболенскій (*изумляясь*).

Княгиня!

(*Безмолвіе*).

Я иду готовить войско

На встрѣчу польскаго посла и Шихъ-Алея

Чудная сцена! какъ ловко умѣлъ нашъ драматургъ приподнять для зрителей и читателей край завѣсы, скрывающей его драму, и одною фразою обнаружить любовь Елены къ Оболенскому!... Правда, это при Запольской и Пахомкѣ; но вѣдь сильныя чувства не замѣчаютъ свидѣтелей, а къ тому же, Запольская—наперсница Елены, Пахомко—шутъ, дуракъ—не поймета: такъ чего же ей было и церемониться?...

Во второмъ актѣ, Марія воркуетъ печально объ отсутствіи голубка ея—Оболенскаго, и жалуется на его охлажденіе. Входитъ Пахомко. Они, видно, знакомы; по крайней мѣрѣ, Пахомко называетъ себя слугою Маріи. Онъ проситъ ее спасти отъ смерти «важнаго человѣка».—Да какъ же это?—Попроси мужа.—А кто мой мужъ?—Будто ты не знаешь?—Изъ этого узнаемъ мы, что Оболенскій женатъ на Маріи инкогнито,—что было очень въ духѣ того времени. Она даже не знаетъ, кто ея родители. Слышенъ стукъ—Пахомко уходитъ, Оболенскій входитъ—слѣдуетъ нѣжная сцена, гдѣ Марія говоритъ, что она «состарѣлась сердцемъ». Онъ проситъ у нея чару романеи, чтобъ развеселиться. Марія говоритъ про себя: «Не поцѣлуй Маріи, а чара романеи развеселитъ его!»... Какъ все это въ духѣ того времени! Конечно, теперь вѣдь не пьютъ романеи!... Оболенскій одинъ; въ длинномъ монологѣ, онъ жалѣетъ Марію, раскаивается, что «мятежную судьбу свою и огненныя страсти соединилъ съ ея невиннымъ сердцемъ»—«горе (продолжаетъ онъ), когда не чистая любовь, святыя сердца связала, а корысть» (именно языкъ того времени!...). Далѣе, онъ вспоминаетъ время, когда думалъ только о мечѣ, смѣясь надъ боярскими смутами... «Будто огненные змѣи, теперь они облапили меня» заключаетъ онъ. Какое выразительное слово «облапили!» Однако, оно приводитъ меня въ невольное раздумье: если авторъ надѣялся здѣсь придать этому слову польское значеніе, то оно не имѣетъ тутъ

никакого смысла; если же понимать въ настоящемъ, а не въ переносномъ значеніи, то надо придать змѣямъ лапы, которыхъ эти пресмыкающіяся такъ же лишены, какъ медвѣди жала. А все-таки же хорошо это «облапить»—и смѣло, и живописно, и ново!...

Слѣдствіемъ просьбы Маріи было то, что Оболенскій догадался о ея тайныхъ сношеніяхъ съ кѣмъ-то, разсвирѣпѣлъ, какъ огненный змѣй съ лапами, и хотѣлъ «облапить»—старую няню Маріи, но разсудилъ отложить это интересное дѣло до другаго болѣе удобнаго времени, и ушелъ. Дѣйствіе переносится опять въ кремлевскія палаты. Елена принимаетъ посла крымскаго хана, который говоритъ заносчиво; Оболенскій ему не уступаетъ,—война объявлена. Затѣмъ представляется Шихъ-Алей. Далѣе польскій посолъ требуетъ въ оскорбительныхъ выраженіяхъ выдачи Глинскихъ, родственниковъ Елены; надѣясь на Оболенскаго, Елена и польскому послу объявляетъ войну.

Въ литовскомъ лѣсу совершаетъ свои чары колдунъ съ вайделотами. Онъ сзываетъ чертей и толкуетъ о Гедеминахъ и Ольгердахъ. Является Симеонъ Бѣльскій. Онъ передался на сторону Литовцевъ и въ битвѣ съ Оболенскимъ смертельно раненъ. Колдунъ осердился, и пуще прежняго сталъ звать чертей; но, испугавшись самъ какофоніи и безсмыслицы стиховъ, проваливается подъ полъ при ударѣ грома. Бѣгутъ Поляки, преслѣдуемые Русскими. Оболенскій вступаетъ, отъ нечего дѣлать, въ разговоры съ умирающимъ Бѣльскимъ, который оттого только и не торопится умереть, что ему нужно побраниться съ Оболенскимъ. За этимъ онъ умираетъ. Оболенскій, опершись на мечъ, читаетъ надъ тѣломъ Бѣльскаго длинную рацею. Приходитъ колдунъ и вызывается открыть ему будущее, становитъ его въ кругъ и не велитъ призывать имени Божьяго. Оболенскій труситъ. Гремитъ громъ. Черти поютъ:

Сѣйте громъ
Рѣшетомъ!
Жарьте змѣй
Для людей!
Поспѣшите, поспѣшите,
Духи тьмы!

Оболенскій со страстей не замѣчаетъ, что черти его надуваютъ, и что въ ихъ пѣсни нѣтъ смыслу. Является котёлъ съ тяжущимися (о чемъ тяжба—не сказано) привидѣніями. Черти опять затянули стихотворную дичь. Является женщина подъ покрываломъ, съ вѣнцомъ въ одной рукѣ, съ кинжаломъ въ другой.—Кто ты привидѣніе?—спрашиваетъ Оболенскій.—Я Елена.—А вѣнецъ чей?—Мономаховъ.—А кому его?—Тебѣ.—А сынъ Елены?—Привидѣніе грозитъ кинжаломъ... Оболенскій ругаетъ привидѣніе, выбѣгаетъ за черту,—и все изчезаетъ. Странно, читатели, не правда ли? Но не пугайтесь—вѣдь это только пародія, и притомъ очень не ловкая, на сцену вѣдьмъ въ «Макбетѣ»... Можетъ быть, это насмѣшка надъ Шекспиромъ, допустившимъ участіе нечистой силы въ драму, полную во всемъ остальномъ истины и дѣйствительности?... Но, г. Полевой, вѣдь «Макбетъ» не историческая драма, у ней нѣтъ ничего общаго съ драматическими хрониками Шекспира; слѣдовательно, Шекспиръ имѣлъ полное право на страшно-поэтическое олицетвореніе страстей Макбета въ образѣ вѣдьмъ, существованію которыхъ въ его время еще вѣрили; а ваше «драматическое представленіе»—вѣдь историческая эпоха, изображаемая имъ, относится не къ миѳическому періоду русской исторіи, а къ самому историческому?...

Выбѣжавъ изъ круга, въ которомъ его морочили дрянными, безсмысленными виршами и пошлыми фокусъ-покусами, Оболенскій зацѣпляется за трупъ Бѣльскаго: многознаменательная случайность! Громко грозитъ онъ сжечь

колдуна, а тихонько спрашиваетъ его: «Мой ли будетъ вѣнецъ, и не погибну ли я?» Колдунъ отвѣчаетъ плохими стихами:

Нѣтъ, долголѣтенъ, славенъ,
Ты будешь, но страшись: настанетъ часъ твой,
Когда двѣ свидятся сестры
Во мракѣ, средь ночной поры,
При свѣтѣ мѣсяца *младаго*
Кольца страшися *золотаго*,
И зелья берегись *лихаго*! (*Насмѣшливо*).
Привѣтствую тебя, великій князь московскій!

Затѣмъ громъ; колдунъ опять проваливается подъ полъ; слышны трубы; бѣгутъ воеводы; одинъ кричитъ: «здравствуй, танъ Гламиса!»—нѣтъ, извините: «намѣстникъ смоленскій!»—Другой кричитъ: «здравствуй, танъ Кавдора!»—опять нѣтъ: «намѣстникъ казанскій!—сейчасъ-де прискакалъ гонецъ отъ Елены!» Какова пародія, читатели?—Право, что̀ передъ нею Энеида, вывороченная наизнанку!..

Скучно разсказывать содержаніе того, въ чемъ нѣтъ никакого содержанія, въ чемъ есть только—«слова, слова, слова», какъ говоритъ Гамлетъ; скучно развивать дѣйствіе драмы, въ которой нѣтъ никакого дѣйствія, есть только разговоры, — и потому сократимъ остальные два акта въ нѣсколько строкъ и скажемъ, во первыхъ, что самое смѣшное, плоско-эффектное мѣсто въ IV актѣ есть сцена Пахомки съ Трунилою, изъ-подъ надзора котораго шутъ уводитъ Марію, а въ V актѣ явленіе тѣни предка Глинскихъ въ длинномъ саванѣ; далѣе то, что Марія сходится въ кельѣ съ сестрою своею, Соломоніею, разведенною супругою Василія Іоанновича; что Елена даетъ кольцо Оболенскому; что В. Шуйскій, неся ядъ Еленѣ, хвалитъ Оболенскому, съ злобною улыбкою, доброе, заморское винцо, исцѣляющее отъ всѣхъ недуговъ, а Оболенскій, какъ дуракъ, ничего не видитъ, ничего не понимаетъ, обнимается и вор-

куетъ съ Маріею... Мелодрама заключается пряничною, сыченою сценою:

В. Шуйскій.

Воины! Возьмите Оболенскаго!

Марія (*схватывая его*)

Нѣтъ! я не отдамъ его—онъ мой (*падаетъ въ его объятія*).

Оболенскій.

Прочь, презрѣнные услужники! благоговѣйте передъ судьбою, постигнувшею преступное величіе — благоговѣйте передъ кончиною праведницы! (*становится передъ Маріею на колѣни*).

Марія.

Мой милый! есть за гробомъ жизнь (*умираетъ*).

Оболенскій.

Жизнь за гробомъ! Да, я знаю, вѣрю, что есть она, и страшусь помыслить о ней!—Я вижу, кровожадные, вижу жребій мой въ злобныхъ взорахъ вашихъ! — Непостижимый жребій! куда ты довелъ меня? Казнь очиститъ преступленіе мое... *Она* будетъ за меня молиться!

О, риторика! о, наборъ словъ, взятыхъ и сведенныхъ на удачу изъ словаря! О, герой безъ образа и лица, безъ характера и силы, безъ величія и смысла! О, драма, въ которой всѣ говорятъ — говорятъ много, длинно, водяно, сантиментально, растянуто, вяло, плохою рубленною прозою, и никто ничего не дѣлаетъ! О, драма, въ которой нѣтъ ни характеровъ, ни дѣйствія, ни народности, ни стиховъ, ни языка, ни правдоподобія; но въ которой много русскихъ словъ, ошибокъ противъ грамматики и языка, въ которой бездна скуки, скуки, скуки!... О, жалкая и оскорбляющая чувство пародія на великое созданіе великаго генія...

Помните ли вы, читатели, какой грозный разборъ написалъ, нѣкогда, издатель «Московскаго Телеграфа» на мелодраму князя Шаховскаго «Двумужница»? Этотъ разборъ г. Полевой перепечаталъ потомъ, слово въ слово, въ своихъ «Очеркахъ русской литературы», изданныхъ имъ въ Петербургѣ, въ 1839 году... Если вы совсѣмъ не знаете

этой статьи, или забыли ее,—мы напомнимъ вамъ кое-что изъ нея. Статья эта написана въ формѣ разговора, будто бы подслушаннаго г. Полевымъ въ кофейной Петровскаго театра: одинъ изъ разговаривающихъ, молодой человѣкъ, защищаетъ «Двумужницу», другой, старикъ, нападаетъ на нее.

Молодой человѣкъ. Если вамъ мало похвалы, которая напечатана въ «Сѣверной Пчелѣ», такъ довольно ли будетъ того, что въ Петербургѣ зрители рыдали, не просто плакали отъ нея: дамы были въ истерикѣ и обморокахъ; мущины кричали, что у нихъ *русскій духъ во очью проявляется*; что эта свѣтлая звѣзда народности литературной, національности драматической, пѣснь лебедя поэтическаго. А вы согласитесь, что Петербургъ всегда перещеголяетъ Москву вкусомъ.

Старикъ. Едва ли въ драматическомъ искусствѣ. Гдѣ донынѣ Филатка пляшетъ въ митавскомъ маскарадѣ, гдѣ донынѣ уродливыя бенефисныя піесы безобразятъ сцену, тамъ едва ли можно положиться на вкусъ публики. Вы видѣли «Двумужницу» здѣсь?

М. Ч. Нѣтъ, не видалъ. Но это чудо, это прелесть...

Ст. А судя по прежнему—

М. Ч. Что же: *по прежнему*?

Ст. То, что А. А. Шаховской донынѣ испыталъ всѣ роды драматическихъ сочиненій: писалъ трагедіи, комедіи, оперы, водевили, мелодрамы, въ стихахъ и прозѣ; бралъ предметы изъ библіи—вспомните «Деббору»—изъ исторіи, изъ сказокъ; передѣлывалъ въ драму романы В. Скотта, М. Н. Загоскина, поэмы Пушкина, обошелъ весь міръ, ища предметовъ для драмы, былъ и въ древней Греціи и въ новой Франціи—такое безпокойство показываетъ, безъ сомнѣнія, или многообразное величіе генія, или рѣшительную неудачу, которая встрѣчаетъ писателя на всѣхъ тропинкахъ Парнаса, такъ что ему *не остается ничего дѣлать*, какъ....

М. Ч. Ну что жь—докончите.

Ст. Какъ перестать писать, или сознаться подобно Репетилову:

И я въ чины бы лѣзъ, да неудачи встрѣтилъ.

Не знаю, какъ вамъ, читатели, а мнѣ такъ кажется, что все это можно примѣнить къ г. Полевому, по поводу его «Елены Глинской»... Да, въ статьѣ о «Двумужницѣ» я вижу горькую насмѣшку судьбы, издѣвающейся надъ че-

ловѣческою личностію... Статья эта была рѣзка, но справедлива и основательна: между тѣмъ, все-таки «Двумужница» князя Шаховскаго въ тысячу разъ лучше и «Елены», и всѣхъ патріотическихъ, и народныхъ, и чужестранныхъ драматическихъ представленій г. Полеваго... Отчего же г. Полевой напалъ съ такою энергіею и такимъ жаромъ на піесу князя Шаховскаго?... Оттого, читатели, что въ жизни человѣка есть періодъ, когда всякое посредственное или фальшивое явленіе въ сферѣ искусства кажется святотатственнымъ оскорбленіемъ священнѣйшихъ вѣрованій души... Мы потому же самому напали и на «Елену Глинскую»... Не дивитесь, что г. Полевой нѣкогда такъ хорошо понималъ достоинство драматическихъ произведеній, на поприщѣ которыхъ теперь самъ подвизается съ такимъ усердіемъ и такимъ успѣхомъ: тогда и теперь — между этими словами—увы! много разницы...

2.

Вслѣдъ за литературными комарами знаменитаго «сочинителя» г. Булгарина, прилетѣли, почуявъ весну, и настоящіе комары, а за ними, потому же закону родства, появились и бенефисные комары—множество драмъ, водевилей и прочаго вздору; шумятъ, жужжатъ, пищатъ; посѣтители Александрійскаго театра хлопаютъ, вызываютъ; любители изящнаго, попавшіеся въ театръ по случаю, или по неволѣ, зѣваютъ, дремлютъ, проклинаютъ досужую фантазію драматическихъ бумагомарателей, трутней сценическаго улья... Боже мой, сколько мелкихъ водевильныхъ страстей волнуется, сколько крошечныхъ авторскихъ самолюбій напряжено, надуто, раздуто—истинная буря въ стаканѣ воды!... Тутъ свой міръ, свои нравы и обычаи, свои извѣстности и славы... Подлинно, премудро устроенъ

Божій міръ: естествоиспытатель, посредствомъ микроскопа, открываетъ цѣлую вселенную въ каплѣ болотной воды; театральный рецензентъ, посредствомъ простой зрительной трубки, или лорнета, открываетъ въ каплѣ русской литературы отдѣльную литературу—литературу сценическую, или драматическую... И въ этой пародіи на драматическую поэзію, и въ этомъ крохотномъ, микроскопическомъ уголкѣ словеснаго міра есть свои авторитеты и авторитетики, свои геніи и таланты, словомъ, свои аристократы и плебеи... Чудотворная сила солнца, живительнымъ лучомъ весеннимъ воззываетъ къ жизни міріады инфузорій въ каплѣ болотной воды, и десятки драмъ и водевилей въ бенефисной литературѣ русской!... Начнемъ же съ геніевъ и кончимъ талантами.

ХРИСТИНА, КОРОЛЕВА ШВЕДСКАЯ. *Драма въ трехъ дѣйствіяхъ, передѣланная съ нѣмецкаго П. Г. Ободовскимъ.*

ЦАРЬ ВАСИЛІЙ ІОАННОВИЧЪ ШУЙСКІЙ, ИЛИ СЕМЕЙНАЯ НЕНАВИСТЬ. *Драматическое представленіе въ пяти дѣйствіяхъ, съ прологомъ въ стихахъ, соч. П. Г. Ободовскаго.*

Г. Ободовскій перевелъ, передѣлалъ и сочинилъ драмъ около сотни. Разумѣется, на это потребно было не мало времени; но г. Ободовскій и подвизается на этомъ поприщѣ уже не малое время, лѣтъ десятка полтора, по крайней мѣрѣ, сколько мы помнимъ. Несмотря на то, онъ началъ входить въ сильную извѣстность между бенефиціантами, записною публикою Александринскаго театра и подписчиками «Репертуара» г. Песоцкаго, очень недавно, года два, не больше. Но это сдѣлалось не случайно. Чего добраго! можетъ быть, скоро г. Ободовскій попадетъ въ число корифеевъ русской драматической литературы... Помните ли вы

въ «Горѣ отъ Ума» простодушный отвѣтъ Скалозуба Фамусову, на похвалу послѣдняго за его хорошую службу.

Довольно счастливъ я въ товарищахъ моихъ,
Ваканціи какъ разъ открыты:
То старшихъ выключатъ пяхъ,
Другіе, смотришь, перебиты?

Раннія и неожиданныя горестныя утраты, которыя недавно понесла оспротѣлая русская литература въ лицѣ своихъ истинныхъ представителей, анатическое молчаніе, которое упорно хранятъ, или слишкомъ рѣдко, какъ бы не хотя, прерываютъ оставшіеся даровитые люди,—все это выдвинуло впередъ такихъ сочинителей, которымъ, безъ того, вѣкъ бы свой пришлось ограничиться извѣстностью только между своими пріятелями. Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, даже плодовитый сочинитель, г. Булгаринъ, принужденъ ограничиться только комарьимъ жужжаньемъ про свою прошлую «сочинительскую» славу; по толикихъ почтенныхъ и похвальныхъ трудахъ, онъ, нашъ Несторъ-романистъ, тщетно хватился было за драму: коварная «Шкуна» потопила его,—и, сидя за плитою своего «Эконома»,

Онъ никнетъ въ тишинѣ
Главой лавровою... ...

Sic transit... и пр. Но утѣшимся: былъ бы прудъ, рыба будетъ... Теперь на первомъ планѣ рисуется всеобъемлющій г. Кукольникъ; за нимъ, на почтительной дистанціи, блистаетъ вѣчно юный талантъ, г. Полевой; за нимъ, на третьемъ планѣ, съ приличною истинному таланту скромностью, раскланивается публикѣ за снисходительные вызовы,—прилежное и усердное дарованіе г. Ободовскаго... Вообще, талантъ г. Ободовскаго удивительно приличенъ, удобенъ и соотвѣтственъ настоящему положенію русской литературы: онъ не можетъ оскорбить своимъ превосходствомъ ничьего самолюбія, хотя и дѣйствительно превосходитъ многихъ драматистовъ нашихъ... Драмы г. Ободовскаго.

и переводныя, и передѣланныя, и оригинальныя, отличаются тою общею имъ характеристическою чертою, что онѣ не то чтобъ хороши, да и не то, чтобъ слишкомъ дурны (ибо на Александринскомъ театрѣ играютъ еще и худшія, а сочинители ихъ тѣмъ не менѣе награждаются вызовами), такъ себѣ—серёдка на половинѣ... Счастливый талантъ! Враговъ нѣтъ, а славы много, и славы безъ терній, безъ огорченій...

Хотя «Христина» и передѣланная, а «Царь Василій Іоанновичъ Шуйскій» оригинальная драмы г. Ободовскаго; но обѣ онѣ носятъ на себѣ отпечатокъ кровной родственности, обѣ кажутся оригинальными произведеніями одного и того е сочинителя... Посмотримъ на нихъ поближе, и начнемъ съ первой, т. е. съ «Христины». Дѣло давно уже извѣстное, что г. Ободовскій не совсѣмъ счастливъ въ выборѣ иностранныхъ піесъ для своихъ переводовъ и передѣлокъ: и въ «Христинѣ» онъ не избѣжалъ этого несчастія, такъ давно и такъ постоянно его преслѣдующаго. Это піеса вялая и сонная по дѣйствію, но тѣмъ усладительнѣйшая для нѣмецкихъ бюргеровъ, которыхъ жизнь прозябаетъ подъ девизомъ: «bete und arbeite, тѣмъ эффектнѣйшая для чувствительныхъ добрыхъ нѣмецкихъ филистеровъ, которые и въ драмѣ любятъ созерцать безжизненность и вялость своего домашняго существованія. Видя эту драму на сценѣ, безъ помощи аффиши, даже и въ третьемъ актѣ не привыкнешь отличать одно лицо отъ другаго,—чему, кромѣ отчаянной безхарактерности и безличности героевъ, много способствуетъ магнетическое и сонливое дѣйствіе, производимое драмою на зрителя.

Вотъ содержаніе новой передѣлки нашего неутомимаго передѣлывателя. Молодой графъ Штейнбергъ, Шведъ и племянникъ шведскаго патріота, воспитанный въ Германіи и влюбившійся тамъ въ молодую графиню Спарре, теперь наперсницу, королевы Христины, возвращается на родину къ старому дядѣ; какимъ-то счастливымъ случаемъ, онъ

спасаетъ отъ потопленія королеву, которая, узнавъ своего избавителя, жалуетъ его въ каммеръ-юнкеры своего двора, и хочетъ пожаловать еще и въ свои любовники. Первое званіе молодой человѣкъ принялъ, другаго не принимаетъ ни подъ какимъ видомъ: онъ дескать, мечтаетъ о той, которой имя во дворцѣ и произнесть не смѣетъ. Христина при каждомъ удобномъ случаѣ открыто вѣшается ему на шею, клянется погубить «милую воровку его покоя», и— о, Боже!—узнаетъ въ соперницѣ свою любимицу. Но давъ слово погубить, она хочетъ сдержать его и готова отослать чету голубковъ въ рудники. Между тѣмъ, у королевы былъ любовникъ, графъ де ла-Гарди, былъ и другой, возвышенный первымъ и погубившій его клеветою, маркизъ Сантино, хитрецъ, клеветникъ и поэтъ, чѣмъ особенно и плѣнилъ «покровительницу наукъ и искусствъ». Первый любовникъ свергнутъ съ своего величія, второй также, потому что оказался обманщикомъ: молодой графъ не хочетъ быть даже мужемъ королевы, которая готова бы, пожалуй, и на это,— благо онъ, видите, происходитъ отъ старинной королевской крови. Что дѣлать? Христина вызываетъ цвейбрюккенскаго принца, за котораго хотѣла было выйдти замужъ, да разчувствовалась о величіи своей роли въ Европѣ и Швеціи и объявила его просто наслѣдникомъ. Чувствовать—такъ ужь чувствовать! Любовники прощены и обняты королевою. Сантиментально-величественныя фразы въ бюргерскомъ вкусѣ—и драма кончается, не уступая въ заключеніи любой добродѣтельной драмѣ слезогонителя нѣмецкаго, Коцебу. Ни Христина драмы, ни Христина сцены, разумѣется, не носятъ и тѣни сходства съ историческою Христиною.

«Царь Василій Іоанновичъ Шуйскій» есть явное подражаніе «Скопину Шуйскому» г. Кукольника. Подлинно, вещи познаются и оцѣняются по сравненію: «Скопинъ Шуйскій» самъ по себѣ есть не больше, какъ довольно сносное произведеніе человѣка не безъ дарованія; но въ сравненіи

съ «Царемъ Васильемъ Іанновичемъ Шуйскимъ» это просто—Шекспировское произведеніе. За то, съ своей стороны, «Царь Василій Іоанновичъ Шуйскій» есть довольно несносное произведеніе человѣка работящаго; но въ сравненіи, напримѣръ, съ «Александромъ Македонскимъ» г. Маркова,—это великое, колоссальное произведеніе... Вездѣ безконечная лѣстница твореній—и въ русской литературѣ!... Пять дѣйствій и еще прологъ—страшно! Словно тяжелый сонъ послѣ сытнаго ужина, представляются намъ эти пять дѣйствій и одинъ прологъ, да еще два водевиля послѣ нихъ... И врагу лютому нельзя пожелать такого сна... Снилось намъ, будто какой-то молодой человѣкъ, въ военномъ костюмѣ древней Руси; говорилъ что-то свысока, размахивалъ руками, а потомъ подписалъ сдачу Кексгольма. «Это прологъ кончился», сказали намъ, когда мы проснулись отъ рукоплесканій восторженной публики. И вотъ снова тяжелый сонъ смежилъ своими «свинцовыми перстами» усталыя наши вѣжды, и снилось намъ, что царемъ Василіемъ Іоанновичемъ Шуйскимъ овладѣлъ братъ его, Димитрій, которымъ владѣетъ жена его, Екатерина, урожденная Малюта Скуратова; что Василій Іоанновичъ изъ историческаго Шуйскаго, хитраго, пронырливаго интригана, превратился съ слабаго, добраго старичка, который все охаетъ, говоря, что людямъ вѣрить нельзя. Димитрій дѣйствуетъ изъ-за жены, которая чуть не бьетъ его на сценѣ, при публикѣ Александринскаго театра; однако онъ ловко, вопреки природной тупости, единственно изъ угожденія г. сочинителю, успѣшно поселяетъ недовѣрчивость къ Скопину въ душѣ безхарактернаго Василія. Скопинъ въ опалѣ. Василій съ горя идетъ бесѣдовать съ тѣнями предковъ на гробахъ; Скопинъ, по тому же побужденію, очутился тамъ прежде (то-то молодыя-то ноги!) и засталъ тамъ бояръ, которыхъ Прокопій Ляпуновъ уговариваетъ, свергнувъ Василія, объявить царемъ Скопина Шуйскаго... Скопинъ, слышалось

намъ сквозь сонъ, понесъ такую заоблачную рацею, что Ляпуновъ, не зная, что̀ и дѣлать, заткнулъ себѣ уши; вдругъ входитъ царь, обнимаетъ Скопина за вѣрность, стращаетъ бояръ, но изъ презрѣнія къ нимъ не хочетъ ихъ ни казнить, ни вѣшать; а Ляпунова называетъ только горячею головою, которая, изъ любви къ родинѣ, готова напроказить и Богъ знаетъ что̀... Какой добрый этотъ Василій Іоанновичъ Шуйскій! Какъ жаль, что онъ таковъ не въ исторіи, а только во снѣ... или въ драмѣ г. Ободовскаго!... Потомъ, или прежде этого, не помнимъ хорошенько,—снилось намъ, что за кулисами шумъ и крики, что Екатерина на сценѣ съ 14-ти лѣтнимъ сыномъ, своимъ Георгіемъ, который очень любитъ Скопина и котораго Скопинъ тоже любитъ. Входитъ какой-то Нѣмецъ; Екатерина даетъ ему денегъ и велитъ метить въ «черное сердце», Нѣмецъ выбѣжалъ; за кулисами выстрѣлъ; за тѣмъ вбѣгаетъ на сцену мужиковъ пять-шесть, съ длинными ножами и ружьями—хотятъ убить отродье Малюты Скуратова, Екатерину съ сыномъ, но не подходятъ къ ней близко: они знаютъ, что сейчасъ долженъ войдти царь и спасти ихъ жертвы; вотъ они издалека и машутъ ножами и руками, а Екатерина кричитъ (прикинулась, что и вправду боится); входитъ Василій, мужики попадали наземь; Екатерина съ сыномъ—къ ногамъ царя; занавѣсъ опускается, публика хлопаетъ...

Потомъ снилось намъ, что у Димитрія Шуйскаго пиръ, на которомъ онъ напился до того, что еле на ногахъ держался. Входитъ Скопинъ; Екатерина подноситъ ему кубокъ вина съ ядомъ; «въ винѣ ядъ», говоритъ Скопинъ въ видѣ моральной сентенціи, а Екатерина испугалась, что онъ угадалъ ея злое намѣреніе: эффектъ! Скопинъ отпиваетъ половину, а Екатерина уходитъ, какъ ни въ чемъ не бывало, не заглянувши въ кубокъ. Входитъ Георгій; Скопинъ проситъ его выпить за свое здоровье; Георгій пьетъ. Гости

разошлись: эффектная сцена смерти Георгія, кривлянія и завыванія Екатерины; занавѣсъ опускается — мы опять проснулись отъ рукоплесканій...

Когда мы снова погрузились въ нашъ магнетическій сонъ, то думали увидѣть на сценѣ трупъ Скопина, выставленный для вещшаго эффекта, какъ вдругъ ни чего не бывало—покойникъ идетъ себѣ здоровехонекъ на площадь, а на площади Василій и народъ, т. е. человѣкъ съ десятокъ мужиковъ и бабъ. Царь назначаетъ Скопина воеводою надъ войскомъ противъ Сигизмунда, и называетъ Скопина «Отцомъ Отечества»: видно, это римское обыкновеніе было также и въ русскихъ нравахъ... Еще прежде этого снилось намъ, что одинъ бояринъ, укоряя другаго въ злоязычіи, сказалъ два извѣстныя стиха сатирика Милонова:

Для остраго словца
Готовъ онъ уязвить и матерь и отца.

Не шутите Милоновымъ: хоть онъ родился въ 1792, а умеръ въ 1821 году, но его стихи знали наизустъ еще при царѣ Василіи Іоанновичѣ Шуйскомъ... Вотъ, когда царь и Скопинъ все переговорили, послѣдній, видя, что больше уже нечего дѣлать, началъ кончаться. Для большаго эффекта вбѣжала Екатерина и въ риторическомъ бреду мелодраматическаго отчаянія разболтала тайну своего преступленія. Василій бросаетъ скипетръ и самъ упадаетъ на полъ... Когда мы проснулись отъ рукоплесканій и вызывовъ публики, восторженной симъ изящнымъ произведеніемъ, занавѣсъ былъ уже опущенъ...

СВЯТОСЛАВЪ. *Драматическое представленіе въ четырехъ картинахъ въ стихахъ.*

Эта драма составляетъ переходъ отъ драмъ г. Ободовскаго къ «Александру Македонскому» г. Маркова: она значительно похуже первыхъ и значительно получше послѣдней. Имени

автора не выставлено, но видно, что это или очень молодой, или весьма старый человѣкъ, ибо только въ этихъ двухъ крайностяхъ человѣческаго возраста можно выбрать героемъ драмы такое полуисторическое, а потому и не драматическое лицо. Подобныя драмы въ наше время то же самое, что̀ нѣкогда были эпическія поэмы и классическія трагедіи: о содержаніи не хлопотали, гнались только за «сюжетомъ», и смѣло навязывали каждому лицу одни и тѣ же чувства, страсти, слова и рѣчи, хотя бы это лицо было— хазарскій, печенѣжскій, калмыцкій князь, или византійскій императоръ, или рыцарь среднихъ вѣковъ. Да оно вѣдь и легче: не требуетъ ни знанія людей и жизни, ни историческаго изученія, ни таланта творчества. Всѣ посредственности нашего времени строго слѣдуютъ этому преданію псевдо-классической старины: это романтики только въ мужицкихъ поговоркахъ. Истинная драма нашего времени угадана только Французами: это драма современнаго общества. образчиками которой могутъ служить піесы въ родѣ: «La famille de Riquebourg», «Une Faute», «La Lectrice», «Une Chaine» и т. п. Драма историческая требуетъ огромнаго творческаго таланта, и должна быть достояніемъ только геніяльныхъ поэтовъ. Къ тому же, она совсѣмъ не для сцены, ибо для такой драмы нѣтъ театровъ не только у насъ, даже въ Европѣ; чтобъ разыгрывать подобныя драмы, необходима труппа по крайней мѣрѣ изъ 500 человѣкъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ бы талантъ, развитый эстетически, знакомый съ исторіею. Въ числѣ этой огромной труппы должны быть и такіе артисты, изъ которыхъ каждый годится только для одной роли, и хотя бы ему случилось только разъ въ годъ сыграть, но онъ долженъ получать хорошій окладъ. Тогда можно бъ было ставить на сцену даже и Шекспировскія драмы, которыя только тогда и доставляли бы публикѣ глубочайшее и возвышеннѣйшее нравственное (не говоримъ: только эстетическое) наслаж-

деніе: а до тѣхъ поръ, драмы Шекспира будутъ только усыплять насъ въ театрѣ и оскорблять наше чувство уродливымъ и безсмысленнымъ выполненіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, что́ за радость видѣть одну или двѣ роли не только порядочно и со смысломъ, но даже и превосходно выполненныя, а на всѣхъ остальныхъ дѣйствующихъ лицъ смотрѣть какъ на маріонетокъ, приводимыхъ въ движеніе нитками и пальцами?... Французская драма современнаго общества, о которой мы говорили выше, не требуетъ, по своей немногосложности, ни большихъ трупиъ ни особеннаго множества превосходныхъ талантовъ: напротивъ, есть два три замѣчательныя таланта—и довольно; остальные артисты могутъ быть только людьми способными, умными, привыкшими къ сценѣ. Каждому легче прикинуться на сценѣ барономъ, купцомъ, чиновникомъ, артистомъ, крестьяниномъ, образцы которыхъ онъ безпрестанно видитъ вокругъ себя въ дѣйствительности, нежели Грекомъ, Римляниномъ, Вандаломъ, Германцемъ историческихъ временъ, идеалы которыхъ онъ долженъ самъ создавать своимъ воображеніемъ. Отчего же наши доморощенныя драматурги все лѣзутъ въ Шекспировскую драму, а не хотятъ заняться драмою современнаго общества? Мы думаемъ, оттого, что не нужно для первой, какъ они ее понимаютъ, того, что́ нужно для второй—ума, знанія общества, людей, человѣческаго сердца, вдохновенія и таланта... Вѣдь такіе люди, какъ какой-нибудь Скрибъ, не десятками родятся, а, что́ всего грустнѣе, родятся только во Франціи—странѣ общественности и соціяльности, слѣдовательно, въ странѣ, уже по духу своему драматической.

«Свитославъ» можетъ служить образчикомъ мнимо-романтическихъ и псевдо-классическихъ трагедій на ходуляхъ. Герой – риторъ и говоритъ, вопреки своему историческому характеру, многословно и напыщенно; ничего не дѣлаетъ и только говоритъ. Завязка—верхъ нелѣпости: Святослава

любитъ печенежская княжна, которая, переодѣвшись въ мужское платье, служитъ Святославу оруженосцемъ. Потомъ, въ Святослава влюбляется болгарская царевна,—и галиматья кончается тѣмъ, что печенежская княжна зарѣзываетъ и болгарскую царевну, и Святослава, и нелѣпую драму, о которой ничего нельзя сказать, но по поводу которой можно вспомнить эти два стиха сатирика Кантемира:

Уме недозрѣлый, плодъ недолгой науки!
Покойся не понуждай къ перу мои руки!

ПОМѢШАННЫЙ. *Драма въ одномъ дѣйствіи, въ вольныхъ стихахъ, соч. Тимона Бурмицкаго.*

Не въ добрый для посѣтителей театра часъ завелись въ его репертуарѣ драмы съ художниками, которые всѣ больше или меньше помѣшаны отъ генія и отъ любви къ знатнымъ дамамъ, всѣ больше или меньше нагоняютъ зѣвоту своимъ геніемъ и любовью, всѣ говорятъ больше или меньше громкія и избитыя фразы безъ содержанія, а иногда, по волѣ авторовъ, и безъ грамматики. Вотъ они больше и больше плодятся, эти художники, и продолжаютъ надоѣдать собою зрителямъ. Новое драматическое дарованіе г. Тимона Бурмицкаго дебютируетъ такимъ же избитымъ, монотоннымъ и пошлымъ лицомъ. Впрочемъ, произведеніе новаго драматиста отнюдь не оригинальное, а заимствованное изъ либретто одной французской оперы, хотя нашъ сочинитель почему-то взялъ весь грѣхъ такого изобрѣтенія на себя...

НАСТИНЬКА. *Провинціяльныя сцены съ куплетами, въ трехъ картинахъ, соч. г. Коровкина.*

Есть дарованія (нельзя же и ихъ не назвать дарованіями), которыя не только не могутъ сдѣлать что-нибуд

свое, оригинальное, но даже и старымъ-то, готовымъ, могутъ воспользоваться не иначе, какъ когда оно опрощено и избито до пошлости. Эти-то дарованія собственно составляютъ литературную толпу, завидную золотую посредственность. Напримѣръ, послѣ Пушкина и другихъ мастеровъ, стало не почемъ писать бойкіе русскіе стихи, — и сколько появилось поэтовъ, увы, не читаемыхъ! Послѣ нѣсколькихъ удачныхъ изображеній провинціяльной нашей жизни и нравовъ, появилась тьма-тьмущая книжекъ и книжонокъ, водевилей и водевильчиковъ на ту же тему. Самое искусство поставлять водевили для русской сцены опростилось до чрезвычайности. Не говоря уже о водевиляхъ гг. Каратыгина въ Петербургѣ и Ленскаго въ Москвѣ, ихъ пишутъ и г. Григорьевъ въ Петербургѣ и г. Соколовъ въ Москвѣ. Но есть еще имена въ литературѣ, особенно въ литературѣ сценической, какъ наболѣе лестной и легкой для такихъ господъ,—это имена дарованьицъ-любителей, къ какимъ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ и г. Коровкинъ. Сочинители этого разряда пробиваются и щеголяютъ уже тѣми крохами, которыя остаются отъ первыхъ потребителей. Еслибъ вы захотѣли живѣе представить себѣ сказанное нами—посмотрите новое произведеніе г. Коровкина «Настеньку». Въ такихъ сценическихъ произведеніяхъ судьба артистовъ нашихъ (даровитыхъ, разумѣется), трижды и четырежды горестна, какъ сказалъ бы Гомеръ.—Не будемъ надоѣдать вамъ изложеніемъ содержанія этого водевиля, въ которомъ главное по плану автора лицо идеально-мило, потому что сочинитель старается сдѣлать его «таковымъ», и идеально-пошло, какъ оказалось на дѣлѣ, вопреки стараніямъ господина сочинителя.

3.

Производительный геній нашихъ доморощенныхъ драматурговъ наконецъ совсѣмъ истощился. Даже публика Алек-

сандринскаго театра—эта самая довольная и невзыскательная изъ всѣхъ публикъ въ мірѣ—наконецъ начинаетъ понимать, что «на своихъ не далеко уѣдешь». Что жь тутъ дѣлать, особенно бѣднымъ бенефиціянтамъ?—Съ горя, они рѣшились на поступокъ отчаянный: ставить на сцену старыя піесы, снова тормошить ветхія кости покойника-классицизма. Публика Александринскаго театра, тоже съ горя, рѣшилась смотрѣть эти піесы, которыя, впрочемъ, для нея совершенная новость, и которыя скоро ей наскучатъ не хуже самодѣльныхъ и передѣльныхъ водевилей, какъ скоро она къ нимъ попримотрится... Боже мой! какъ быстро все идетъ на Руси! Давно ли, кажется, владычествовалъ въ нашей литературѣ и на нашей сценѣ французскій псевдоклассицизмъ! Давно ли кончились ожесточенные бои за романтизмъ противъ классицизма, и за классицизмъ противъ романтизма! И вотъ уже на піесы Расина и Мольера смотрятъ въ театрѣ, какъ на піесы новыя, о которыхъ только журналисты и литераторы знаютъ, что онѣ старыя. Впрочемъ, причиною этого не одинъ быстрый ходъ потока мнѣній, но и невинное незнаніе всего, что дѣлалось вчера и чего уже не дѣлается нынѣ. Публика Александринскаго театра—особая публика, подобно которой не найдти ни въ древнемъ, ни въ новомъ мірѣ. Это публика безъ преданій, безъ корня и почвы: она составляется или изъ того временно набѣгающаго на Петербургъ народонаселенія, которое сегодня здѣсь, а завтра Богъ знаетъ гдѣ, или изъ того дѣльнаго люда, который ходитъ въ театръ отдохнуть отъ протоколовъ и отношеній, и которому, послѣ канцелярскаго слога, лучше всего на свѣтѣ слогъ «Сѣверной Пчелы», юморъ «Библіотеки для Чтенія» и тонкая игра водевильнаго остроумія. Гдѣ жь всѣмъ этимъ людямъ помнить, что было назадъ тому лѣтъ двадцать? Итакъ, давайте имъ не только Расина и Мольера, но даже и «Волшебный Носъ» г. Писарева: пока для нашего дѣловаго люда это будетъ

ново, онъ останется всѣмъ этимъ очень доволенъ, и будетъ съ важностію разсуждать, отчего «Ифигенія въ Авлидѣ» такъ хороша, а между тѣмъ клонитъ ко сну...

Итакъ, пересмотримъ сперва старыя «возобновленныя» піесы, а отъ нихъ обратимся къ новой самодѣльщинѣ, передѣльщинѣ и переводамъ съ французскаго.

ИФИГЕНІЯ ВЪ АВЛИДѢ. *Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, соч. Расина, переводъ М. Лобанова.*

Какая знаменитая трагедія—эта «Ифигенія»! Какое великое имя — этотъ Расинъ! Герои, цари, жрецы, полководцы, наперстники, наперстницы, вѣстники, александрійскіе стихи, важная выступка, нѣвучая декламація—все это чудо, прелесть, очарованіе! И если мы во всемъ этомъ не видимъ натуры, смысла, толка, страстей, чувствъ, мысли, поэзіи—виноватъ не Расинъ, а нашъ современный вкусъ, развращенный, сбитый съ истиннаго пути поэтами новаго времени, которые увидѣли высочайшій идеалъ искусства въ пьяномъ дикарѣ Шекспирѣ. И Буало былъ правъ, говоря Расину: «пиши—я ручаюсь за потомство!» Почему же Буало могъ знать, что вкусъ потомства такъ исказится, сдѣлается до того нелѣпымъ, что потребуетъ отъ поэзіи истины, вдохновенія, чувства, идеи, дѣйствительности? Почему же могъ знать Расинъ, что Буало ошибется, думая, что «потомство» вѣчно будетъ ходить въ пудреныхъ парикахъ, въ фижмахъ, въ шитыхъ кафтанахъ, въ чулкахъ и башмакахъ съ пряжками! — Мы, съ своей стороны, тоже не виноваты, что вѣкъ маркизовъ-меценатовъ давно прошелъ, и что, не губя своей репутаціи честнаго человѣка, нельзя уже надѣть ничьей ливреи, чтобы сподобиться блаженства сѣсть на нижнемъ концѣ стола знатнаго барина, и за это писать его женѣ мадригалы, а ему поздравительные стихи

въ высокоторжественный день имянинъ его.—Штакъ, всѣ правы—и Расинъ, который писалъ такія прекрасныя трагедіи, и Буало, который такъ громко хвалилъ ихъ, и г. Лобановъ, который такъ мило переводилъ ихъ, и мы, которые такъ протяжно зѣваемъ отъ нихъ и такъ крѣпко спимъ послѣ нихъ.

Въ предыдущей книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» мы, по поводу изданной г. Поляковымъ «Физіологіи Влюбленнаго», удивлялись похвальному самолюбію русскаго человѣка, который ни въ чемъ не хочетъ уступить ни Нѣмцу, ни Французу, и который сейчасъ же, съ топоромъ и скобелью, не только сдѣлаетъ то же, что̀ другіе дѣлаютъ посредствомъ машинъ, но еще и норовитъ выдать свое издѣліе за нѣмецкое или французское. Одинъ изъ бенефиціянтовъ Александринскаго театра, узнавъ (изъ «Репертуара» г. Несоцкаго), что на французскомъ театрѣ Расинъ снова въ страшномъ ходу, не задумался нисколько воскресить на сценѣ Александринскаго театра изящные переводы г. Лобанова и поставилъ въ свой бенефисъ «Ифигенію въ Авлидѣ». Онъ даже прінскалъ для этого и свою, доморощенную mademoiselle Rachel, которая къ парижской относится такъ же, какъ переводные стихи г. Лобанова къ оригинальнымъ стихамъ Расина, стихамъ звучнымъ, плавнымъ, гармоническимъ, писаннымъ языкомъ свѣтскимъ, безъ усѣченій, безъ «піитическихъ вольностей», безъ «снхъ» и «оныхъ», безъ «токовъ слезныхъ», и безъ стиховъ, въ родѣ слѣдующихъ:

Куда, родитель мой, стремительно спѣшишь?
Ужель отрадныхъ дочь объятій ты лишишь?

Вообще, постановка или возстановка подобныхъ допотопныхъ рѣдкостей очень забавна, заставляя однихъ хвалить ихъ зѣвая, другихъ—принимать ихъ за водевили и за оперы, гдѣ все сплошь поютъ; но жаль, что она положительно вредна, даже губительна для молодыхъ сценическихъ арти-

стовъ, ибо портитъ ихъ дикцію и жестикуляцію, пріучая ихъ и говорить и двигаться не по-человѣчески. Отъ классическихъ піесъ пострадало уже на Руси не одно замѣчательное дарованіе, и только немногіе могучіе таланты, воспитанные на классическихъ трагедіяхъ, могли освободиться, и то не безъ утраты силъ, отъ манерности и бездушной однообразности въ игрѣ. Впрочемъ, это нисколько не относится къ превосходному таланту Александринскаго театра—г. Толченову 1-му, который, въ роли Агамемнона, былъ, по своему обыкновенію, неподражаемо хорошъ. Будь у насъ такихъ талантовъ съ дюжину—и Расинъ, Корнель, Вольтеръ воскресли бы на Руси еще лучше, чѣмъ въ Парижѣ!

ШКОЛА ЖЕНЩИНЪ. *Комедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. Мольера, переводъ П. И. Хмыльницкаго.*

КРИТИКА НА „ШКОЛУ ЖЕНЩИНЪ“. *Комедія въ одномъ дѣйствіи, соч. Мольера, перев. съ французск. Г. Н. П.*

Вотъ что̀ касается до возобновленія Мольера на тощей сценѣ русскаго театра,—это другое дѣло! Ужь конечно, смотрѣть комедію Мольера—болѣе умное и благородное занятіе, нежели отхлопывать себѣ руки и кричать безъ умолку при грубыхъ двусмысленностяхъ самодѣльныхъ, передѣльныхъ и переводныхъ водевилей, или при патетическихъ сценахъ топорной работы самодѣльныхъ и передѣльныхъ драмъ... Правда, Мольеръ, какъ сатирическій живописецъ нравовъ чуждаго намъ общества и далекой отъ насъ эпохи, можетъ существовать для насъ только какъ фактъ исторіи ново-европейской литературы, на сценѣ же не имѣетъ для насъ никакого значенія, никакого смысла; но, повторяемъ

лучше же что-нибудь дѣльное въ какомъ бы то ни было отношеніи, чѣмъ рѣшительно бездѣльное во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ. Мольеръ былъ человѣкъ съ огромнымъ талантомъ; но, при сужденіи о немъ, надо знать, въ чемъ заключался этотъ талантъ, въ чемъ его значеніе, и гдѣ его границы и мѣсто. Французы безъ дальнихъ околичностей говорятъ и пишутъ: «Шекспиръ и Мольеръ! Мольеръ и Шекспиръ!», какъ будто это два родные брата, тогда какъ въ самомъ-то дѣлѣ ихъ родство самое дальнее. Мольеръ не былъ то, что̀ называется «художникомъ»; его комедіи не произведенія строгаго искусства; въ нихъ нѣтъ никакихъ неумирающихъ, вѣчныхъ красотъ; но имя Мольера тѣмъ не менѣе велико и почтенно, а его комедіи любезны и дороги для патріотическаго чувства Французовъ. И если Французы не правы въ томъ, что не по достоинству превозносятъ Мольера и дерзаютъ, въ слѣпотѣ національной гордости и эстетической ограниченности, ставить его наравнѣ съ тѣмъ, кто такъ же не имѣетъ себѣ равнаго между поэтами, какъ нашъ Петръ между царями,—съ Шекспиромъ, то все-таки Французы правы въ своей любви, въ своей признательной памяти къ Мольеру, неохлажденныхъ ни общественнымъ мнѣніемъ, ни успѣхами новой своей литературы. Да, они правы, забывъ Корнеля и Расина, и помня Мольера. Мольеръ былъ воспитателемъ французскаго общества, въ самый интересный моментъ его развитія, когда оно, при Лудовикѣ XIV, окончательно разставшись съ грубыми формами среднихъ вѣковъ, начало новую жизнь—жизнь ума, анализа, критики. Комедіи Мольера—сатиры въ драматической формѣ, сатиры, въ которыхъ рѣзкое остроумное перо его предавало на публичный позоръ невѣжество, глупость и подлость. И потому, въ его комедіяхъ нечего искать творческой концепціи, глубокозадуманныхъ характеровъ; потому, въ нихъ мало дѣйствія, ходъ неестественъ, а развязка похожа на обыкновенные coups de théâtre:

потому же, въ нихъ являются такъ однообразно и благородные отцы, и резонёры, и любовники, вездѣ и всегда, какъ двѣ капли воды похожіе одинъ на другаго. Дѣйствующія лица комедій Мольера—олицетворенные пороки и добродѣтели, а самыя комедіи—варьяціи на извѣстныя нравственныя темы. Но въ чемъ посредственность бываетъ просто отвратительна, въ томъ самомъ геній часто находитъ для себя удобныя средства для выполненія благихъ цѣлей: комедіи Мольера, несмотря на недостатки, условливаемые самою сущностію ихъ, какъ драматическихъ сатиръ, не суть холодныя аллегоріи, но живыя бельлетрическія произведенія, нерѣдко блещущія искрами поэтическаго вдохновенія. Онѣ имѣли сильное вліяніе на современниковъ, слѣдовательно, имѣютъ историческое значеніе. Человѣкъ, который могъ страшно поразить, передъ лицомъ лицемѣрнаго общества, ядовитую гидру ханжества—великій человѣкъ! Творецъ «Тартюфа» не можетъ быть забытъ! Прибавьте къ этому поэтическое богатство разговорнаго французскаго языка, которымъ преисполнены комедіи Мольера; вспомните, что многія выраженія и стихи изъ комедій Мольера обратились въ пословицы,—и вы поймете признательный энтузіазмъ Французовъ къ Мольеру. Присовокупите къ этому еще его поэтическую судьбу, его благородный характеръ. Но опять-таки, вѣчныхъ, безотносительныхъ и безусловныхъ красотъ въ комедіяхъ Мольера нѣтъ. Его поэзія принадлежитъ не къ чисто-художественной сферѣ; онъ былъ поэтъ соціяльный въ духѣ своего времени,—а его время, надо сказать, было крайне неблагопріятно для поэзіи, которая, помня свое божественное происхожденіе, не любитъ ливреи. Комедіи Мольера если еще и могутъ даваться теперь, то не иначе, какъ для публики самой образованной, которая приходила бы въ театръ смотрѣть не просто комедію, но историческую комедію, приходила бы видѣть воскресшимъ передъ своими глазами давно умершее обще-

тво, съ его вѣрованіями, нравственными началами, съ его пороками и добродѣтелями, словомъ, со всѣми особенностями его существованія—отъ образа мыслей до костюма. Но у насъ, что прикажете у насъ дѣлать Мольеру? Развѣ смѣшить праздную толпу?...

Что мы сказали вообще о недостаткахъ рода комедій Мольера, то особенно выразилось въ «Школѣ Женщинъ». Вся завязка основана на томъ, что одинъ человѣкъ носитъ два имени, и потому невольно дѣлается повѣреннымъ юноши, который знаетъ его только подъ однимъ именемъ и который влюбленъ въ его невѣсту. Дѣйствіе происходитъ на улицѣ, и притомъ ночью. Развязка дѣлается чрезъ то, что называлось у древнихъ deus ex machina. Гдѣ жъ тутъ комедія, гдѣ тутъ характеры? И, несмотря на то, тутъ много комическаго, много вѣрнаго въ положеніяхъ дѣйствующихъ лицъ. Цѣль комедіи самая человѣческая—доказать, что сердца женщины нельзя привязать къ себѣ тиранствомъ, и что любовь—лучшій учитель женщины. Какое благородное вліяніе должны были имѣть на общество такія комедіи, если ихъ писалъ такой человѣкъ, какъ Мольеръ!... О вы, обожаемые мною самородные и доморощенные русскіе драматурги! читая Мольера, потрудитесь отдѣлить въ немъ отъ всего прочаго его общее, идеальное значеніе, и, оставя безъ вниманія все, принадлежащее странѣ и времени, постарайтесь подражать ему въ томъ, что равно присущно всѣмъ странамъ и всякому времени!... Тогда, можетъ-быть, вы перестанете ставить на сцену такія піесы, въ которыхъ нѣтъ никакой страны, никакого времени, никакой цѣли и никакого... смысла; въ которыхъ изображается не то, что есть, или что можетъ быть, но то, чего и нѣтъ, и не было и никогда быть не можетъ!...

Критика на «Школу Женщинъ» есть не что иное, какъ литературный споръ о «Школѣ Женщинъ», завязавшійся въ салонѣ. Это—піеса, явно написанная на случай, піеса,

которая въ свое время могла имѣть важное значеніе, но теперь, кромѣ книжнаго и историческаго, никакого значенія имѣть не можетъ, особенно на сценѣ. Богъ знаетъ, для чего ее дали! Въ этомъ разговорѣ особенно замѣчательно, что за-живо задѣтое самолюбіе завистниковъ, глупцовъ, невѣждъ и негодяевъ особенно нападало на комедію Мольера за дурной тонъ и неприличныя слова и выраженія... Люди всегда одни и тѣ же!...

ВОЛШЕБНЫЙ НОСЪ, ИЛИ ТАЛИСМАНЪ И ФИНИКИ. *Волшебная опера-водевиль въ пяти дѣйствіяхъ, передѣланная съ французскаго А. Н. Писаревымъ.*

Покойный Писаревъ принадлежалъ къ числу тѣхъ дарованій, которыя очень сильны въ мелочахъ,—обстоятельство, которое, вѣроятно, и причиною того, что онъ теперь забытъ. Несмотря на это, всѣ наши теперешніе водевилисты, вмѣстѣ взятые, не стоятъ одного Писарева. Вотъ какъ ненадежно на Руси безсмертіе водевилиста! Кстати замѣтить, что можно было бы возобновить изъ сочиненій Писарева что-нибудь получше этого фарса, забытаго назадъ тому лѣтъ пятнадцать, считая со дня его перваго появленія на московской сценѣ.

МАТЬ-ИСПАНКА. *Драматическое представленіе въ трехъ отдѣленіяхъ, соч. Н. А. Полеваго.*

Когда за дѣло берется мастеръ, дѣло выходитъ хорошо. Бенефисныя піесы обыкновенно пишутся для привлеченія большой толпы въ театръ—цѣль, для которой сочинители не щадятъ эффектовъ ни въ сюжетѣ, ни даже въ заглавіи піесъ. О сюжетѣ сейчасъ; но сперва полюбуйтесь назва-

ніемъ піесы «Мать-Испанка». Не правда ли, у васъ сейчасъ возникаютъ въ воображеніи кинжалы, яды, убійства, самоубійства? Ну, какъ не идти въ театръ! Но постойте—это еще не все. Піеса, или драматическое представленіе (Вильямъ Шекспиръ и г. Полевой никогда не называютъ своихъ драматическихъ опытовъ ни драмами, ни трагедіями, но всегда «драматическими представленіями»—привилегія геніевъ!) состоитъ изъ трехъ отдѣленій, изъ которыхъ каждое носитъ особенное названіе: 1-е—«Андалузская Роза», 2-е—«Тайна матери», 3-е—«Судъ Совѣсти»! Бѣгите, скачите, спѣшите достать билетъ! Но постойте—еще слово: не все! не все! Слушайте: «г-жа Дюръ и г. Смирновъ 2-й танцовать будутъ менуэтъ!» Эти слова читатель слышитъ уже на дорогѣ къ театру, пыль взвилась—и онъ уже не слышитъ насъ, летя стремглавъ... Подлинно, дѣло мастера боится!...

Филиппъ IV, король испанскій, влюбляется въ дочь герцогини Медина Сидоніа до того, что хочетъ на ней тайно обвѣнчаться, отнявъ ее у жениха. Герцогиня объявляетъ королю, что ея дочь—сестра его, плодъ любви ея съ отцомъ короля. Послѣ разныхъ колебаній между любовью и ревностью, король прощаетъ жениха своей возлюбленной, обнажившаго шпагу на королевскаго любимца, велитъ ему сейчасъ же обвѣнчаться съ дочерью герцогини и сейчасъ же ѣхать въ Индію, куда назначаетъ его вицероемъ. Тогда герцогиня объявляетъ королю, что она солгала ему, для спасенія дочери отъ несчастія, а его, короля, отъ преступленія. Король прощаетъ ее, и дѣло оканчивается благополучно.

Все это очень хорошо; но худо одно—что эта мать-Испанка такъ же похожа на Испанку, какъ и на Шведку, и на Нѣмку, какъ на женщину всякой другой націи; вся піеса проникнута чѣмъ-то въ родѣ... не то дѣтскости, не то старчества: все въ ней дѣлается по щучьему велѣнью, по

моему прошенью... Короля пожираетъ знойная страсть, которую онъ побѣждаетъ, и этого самаго короля водитъ за носъ негодяй Оливарецъ, котораго сочинитель представилъ шутомъ и плутомъ: несообразность! Потомъ сочинитель заставляетъ двухъ шутовъ и дураковъ представлять, одного—камергера, другаго—французскаго посла, и, по его волѣ, они должны вести между собою разговоры, нисколько неотносящіеся къ піесѣ и до того исполненные дурнаго тона, что этихъ двухъ господъ скорѣе можно принять за истопниковъ, нежели за придворныхъ: еще несообразность! Испанскій дворъ напоминаетъ собою гостей Сквозника-Дмухановскаго, въ пятомъ актѣ «Ревизора»: третья несообразность! Во всей піесѣ испанскаго нѣтъ ничего, кромѣ именъ дѣйствующихъ лицъ. Характеры... но кто же и требуетъ характеровъ отъ бенефисныхъ піесъ, и притомъ уже извѣстныхъ сочинителей? Отсутствіе характеровъ въ этомъ «драматическомъ представленіи» очень удачно вознаграждено менуэтомъ, а піеса спасена отъ преждевременной смерти искусною игрою г. Каратыгина.

4.

Искусство нашихъ театральныхъ артистовъ пользоваться своими бенефисами доходитъ до nec plus ultra совершенства. Но всѣхъ бенефеціянтовъ, и прошедшихъ и будущихъ, перещеголялъ нѣкто г. Куликовъ. Для изъявленія нашего удивленія къ его генію, рѣшаемся нарушить принятый нами порядокъ Театральной Лѣтописи—перебирать піесы по родамъ и тяжести, а не по бенефисамъ, и начнемъ нашу статью піесами бенефиса г. Куликова:

ВЕЛИКІЙ АКТЕРЪ, ИЛИ ЛЮБОВЬ ДЕБЮТАНТКИ. *Драма* въ трехъ *дѣйствіяхъ и* пяти *отдѣленіяхъ*, соч. П. П. Каменскаго *Дѣйствіе первое. Отдѣленіе 1.* Театральный Ламповщикъ и Цвѣточница. *Дѣйствіе второе. Отдѣленіе 2.* Гамма страстей. *Дѣйствіе третье. Отдѣленіе 3.* Театральный Буфетъ. *Отдѣленіе 4.* Уборная Актрисы. *Отдѣленіе 5.* Представленіе Лира на Дрюриленскомъ Театрѣ.

ЖЕНЫ НАШИ ПРОПАЛИ! ИЛИ МАЙОРЪ Bon Vivant, *соч.* П. Григорьева 1-го.

КОМЕДІЯ О ВОЙНѢ ОЕДОСЬИ СИДОРОВНЫ СЪ КИТАЙЦАМИ. *Сибирская сказка, въ двухъ дѣйствіяхъ, съ пѣніемъ и танцами, соч.* А. Н. Полеваго *Дѣйствіе первое:* Русская Удаль. *Танцовать будутъ*: г. Пишо и г-жа Левкѣева *по-казацки. Дѣйствіе второе*: Китайская Храбрость. *Танцовать будутъ*: г. Шамбурскій, Свищевъ, Тимоѳеевъ, Волковъ и Николаевъ *по-китайски. Въ 1 и 2-мъ дѣйствіи хоръ пѣсенниковъ будетъ пѣть національныя пѣсни.*

КОМИЧЕСКІЯ СЦЕНЫ ИЗЪ НОВОЙ ПОЭМЫ: МЕРТВЫЯ ДУШИ. *Сочиненія* Гоголя (автора Ревизора), *составленныя* Г***.

Согласитесь, такая афишка стóитъ, чтобъ ее сохранить для потомства...

Въ дочери отставной цвѣточницы на Дрюриленскомъ театрѣ, Фанни, знаменитый Гаррикъ признаетъ (по ея голосу) талантъ трагической актрисы, будущую Офелію, Дездемону и Корделію. Онъ приходитъ съ нею на бѣдную квартиру ея матери, въ ту самую минуту, какъ эту мать съ сыномъ Томомъ (ламповщикомъ при театрѣ) жестокая хозяйка выгоняетъ вонъ за долгъ. Гаррикъ платитъ хозяйкѣ деньги и нанимаетъ новую квартиру будущей дебютанткѣ, которая на урокахъ и репетиціяхъ, восхищаетъ

его своими успѣхами. Эвва, жена Гаррика, ревнуетъ Фанни къ мужу. Тутъ зачѣмъ-то вмѣшалось совершенно постороннее лицо критика Джонсона, которому Эвва повѣряетъ свою бѣшеную ревность, осыпая Фанни позорною бранью. Фанни случайно подслушала этотъ разговоръ, передъ тою минутою, какъ благодѣтель приводитъ двухъ актёровъ, а вмѣстѣ съ ними, приглашаетъ и жену свою и Джонсона быть свидѣтелями необыкновенныхъ успѣховъ его ученицы въ декламаціи. Эвва уходитъ, Джонсонъ за нею; Фанни блѣдна и смущена; по просьбѣ Гаррика, Фанни начинаетъ импровизировать на собственную тему, и въ этой импровизаціи высказываетъ свое ужасное положеніе. А Эвва между тѣмъ подслушиваетъ за дверьми то, что могла бы слышать и въ комнатѣ. Гаррикъ пускается въ разсужденія о сценическомъ искусствѣ и, надо согласиться, все, что онъ говоритъ, умно, справедливо, и даже кстати. Впрочемъ, послѣднее качество этимъ разсужденіямъ, можетъ-быть, придала искусная игра актера. Эввѣ становится стыдно своихъ подозрѣній, и Джонсонъ, ея тѣнь и прихвостень, даетъ ей благоразумные совѣты. Этимъ кончается второй актъ. До сихъ поръ, несмотря на подслушиванія и ненужное лицо Джонсона, все шло хорошо; по крайней мѣрѣ актёрамъ было что дѣлать. Но съ третьяго акта, началась путаница пустыхъ и, сверхъ того, нисколько не сценическихъ эффектовъ. Въ «Буфетѣ», за деревяннымъ столомъ, сидятъ человѣкъ пять-шесть музыкантовъ, пьютъ пиво и говорятъ о дебютанткѣ и Гаррикѣ, и говорятъ именно то, что зритель и безъ нихъ хорошо знаетъ. Словомъ, тутъ нѣтъ ни буфета, ни сцены. «Уборная актрисы»—пустая комната, нисколько не похожая ни на какую уборную. Вбѣгаетъ Фанни, въ костюмѣ Корделіи, и говоритъ о своей безнадежной и преступной страсти къ Гаррику; Эвва (съ неразлучнымъ Джонсономъ) подслушиваетъ ее; вбѣгаетъ Гаррикъ, въ костюмѣ Лира, и тащитъ Фанни на сцену—

Эвва не пускаетъ; Томъ, братъ дебютантки, по приказанію Гаррика, схватываетъ Эвву и, при громкомъ хохотѣ райка, барахтается съ нею... Но вотъ послѣднее отдѣленіе: на сценѣ—сцена и зала Дрюриленскаго театра; Гаррикъ, въ роли Лира, плачетъ надъ трупомъ Корделіи; занавѣсъ опускается, публика вызываетъ дебютантку; Гаррикъ сбрасывая съ себя парикъ и вскакивая на ноги, подаетъ руки дебютанткѣ, поздравляя ее съ успѣхомъ дебюта. Но Фанни не встаетъ: глядятъ—она умерла! Томъ бросается на тѣло сестры, отъ него къ Эввѣ, осыпая ее упреками. Тѣмъ все и кончается. Все это не драматически и не сценически; все это не естественно и изысканно. Къ довершенію бѣды, роль Тома была сыграна плоско-комически, и трагедія была сопровождена хохотомъ райка и улыбками партера. Разумѣется, не обошлось и безъ аплодиссмановъ и вызывовъ: таковъ уже обычай у доброй публики Александринскаго театра...

Двое мужей, одинъ старый, другой молодой, оставляя дома женъ, рыщутъ гдѣ попало. Старый дядя хочетъ проучить ихъ. Для этого онъ отыскалъ какого-то майора, который волочится за его племянницами и вездѣ съ ними ѣздитъ. Онъ долженъ разыграть съ ними комедію, объясняясь въ любви то съ тою, то съ другою при одномъ изъ подслушивающихъ мужей; но онъ просто за ними волочится, и притомъ такъ, какъ посовѣстился бы волочиться даже за горничными самъ какой-нибудь Ноздревъ. Майора игралъ авторъ водевиля, и въ этой роли очень походилъ на полковаго писаря, который любезничаетъ въ одномъ изъ тѣхъ честныхъ компанствъ, которыя какъ то странно видѣть на сценѣ. За тѣмъ, мужья мирятся съ женами и исправляются. Это называется «Жены наши пропали, или Майоръ Bon vivant»... Намъ кажется, что къ этой піесѣ, вмѣсто «Майоръ bon vivant», лучше бы шло такое названіе: «Выгнанный изъ службы, за пьянство и дебошъ, недоросль изъ дворянъ Ерыгинъ».

Вотъ піеса г. Полеваго—совсѣмъ другое дѣло. Это піеса чисто патріотическая и національная. Въ ней одна русская баба побиваетъ ухватомъ и кочергою 60,000 Китайцевъ, которые всѣ представлены трусами, дураками и шутами. У ихъ генерала такой огромный животъ, что раёкъ «животики надорвалъ» отъ хохота. Въ первомъ актѣ есть превосходное лирическое мѣсто о достоинствѣ русскаго кулака, которому много и крѣпко рукоплескали восхищенные зрители. Прибавьте ко всему этому пѣсни, пляски и танцы,— и согласитесь, что несравненный драматическій талантъ г. Полеваго все юпѣетъ и юпѣетъ. Что́ касается до «Ѳедосьи Сидоровны», то для распространенія образованія въ простомъ народѣ, ее слѣдовало бы давать на всѣхъ лубочныхъ театрахъ по ярмаркамъ, установивъ цѣну не дешевле одной копейки серебромъ и не дороже трехъ за входъ. Тамъ она была бы ближе къ цѣли.

Какой то г. Г*** вырвалъ нѣсколько разговоровъ изъ «Мертвыхъ Душъ», перемѣшалъ и перебилъ ихъ, связавъ своими вставками, которыя хотя и состоятъ изъ нѣсколькихъ только фразъ, но отъ взятаго цѣликомъ у Гоголя отличаются, какъ глиняный носъ, рукою горшечника налѣпленный на лицо мраморной статуи древняго художника. Все это таинственный г. Г*** назвалъ «Комическими сценами изъ новой поэмы Мертвыя Души» и смѣло отдалъ свое литературное похищеніе, нелѣпо и пошло совершенное, г-ну Куликову, который и поставилъ на сцену Александринскаго театра эти куски, безъ начала, середины и конца, а потому и безъ значенія и смысла. Такого рода явленія возмущаютъ душу... Мы знаемъ навѣрное, что Гоголь никому, (а тѣмъ болѣе какому-то г. Г***) не давалъ права на такое позорное искаженіе своей поэмы, писанной совсѣмъ не для театра, а потому и неимѣющей на театрѣ никакого смысла.

ЛЮДМИЛА, *драма въ трехъ отдѣленіяхъ, подражаніе нѣмецкому (Lenore), составленная изъ баллады В. А. Жуковскаго, съ сохраненіемъ нѣкоторыхъ его стиховъ.*

Объ этой піесѣ намъ не слѣдовало бы и говорить — піеса старая; но отъ избытка чувствъ уста глаголятъ... Это такая возмущающая душу нелѣпость, такая балаганная піеса, что не знаешь, чему дивиться — смѣлости ли нѣкоторыхъ бенефиціянтовъ, угощающихъ свою публику подобными пустяками или готовности этой бенефисной публики восхищаться всякимъ вздоромъ... Нѣкогда, въ оное блаженное старое время Германіи, когда еще имена Шиллера и Гёте были въ ней новы и юны, Бюргеръ прославился своею балладою «Ленора». Баллада пренелѣпая по содержанію, но не дурная по стихамъ; по пословицѣ «не родись уменъ, а родись счастливъ» добрые Нѣмцы увидѣли въ ней колоссальное произведеніе. Шиллеръ первый сказалъ Бюргеру, что такими пустяками не снискивается поэтическое безсмертіе. Съ тѣхъ поръ Lenore скоропостижно скончалась, и теперь ее вспоминаютъ развѣ нѣмецкіе сапожники въ трактирахъ. А у насъ изъ нея сдѣлали драму... Драма изъ баллады съ мертвецомъ и кладбищемъ!... Приплели тутъ отечественную войну 1812 года, Смоленскъ, измѣну, заставили ломаться и кривляться какую-то невѣсту съ крѣпко намазаннымъ бѣлилами лицомъ, а женихамертвеца заставили, при свистѣ вѣтра, вызывать ее въ окно стихами баллады, которая когда-то тѣшила дѣтей. И все это «возобновляется» въ 1842 году!... Жаль, что у насъ не бываетъ о святкахъ и пасхѣ лубочныхъ театровъ: тамъ эта «трагедь» вмѣстѣ съ «Комедіею о войнѣ Ѳедосьи Сидоровны съ Китайцами» восхитила бы свою публику...

Списокъ книгъ, отзывы о которыхъ, по незначительности своей, не вошли въ шестую часть этого собранія.

1842 г. *Отечественныя Записки*; *Кн. 1.* Утренняя Заря, альманахъ на 1842 г., В. Владиславлева.—Русская бесѣда; собраніе сочиненій русскихъ литераторовъ въ пользу Смирдина Т. II. Сказка за сказкой. Мертвыя головы, соч. Каменскаго.—Автоматъ, соч. Калашникова.—Повѣсть Ангелина соч. Молчанова.—*Кн. 2.* Человѣкъ съ высшимъ взглядомъ.—Альбомъ избранныхъ стихотвореній.—*Кн. 3.* Мирошевъ, соч. Загоскина.—Русская грамматика, составл. А. Ивановымъ.— *Кн. 4.* Маранны, историческая повѣсть Филипсона.—Русскій патріотъ, отечественное пѣснопѣніе.—Гуакъ.—Сказка о мѣльникѣ, соч. Алипанова.—Петръ Великій, историческая ораторія П. Ободовскаго.—*Кн. 3.* Повѣсти въ стихахъ Елисаветы Шаховой.— Ѳеофилъ, духовная повѣсть Алипанова.— Военныя пѣсни Алипанова.—Гайдамаки, поэма Т. Шевченко —Кесари, соч. де Шампаньи.—Игра въ преферансъ.—*Кн. 6.* Картины русской живописи.—Рѣчь о критикѣ, профессора Никитенко.!—Дагеротипъ. Изданіе литературы дагеротипныхъ произведеній.—Начатки, собраніе статей въ прозѣ А. Т.—Еще купцы третьей гильдіи, водевиль П. Григорьева.—Солнечный лучъ, романъ И. Штевена.—Сказка о трефовомъ королѣ Фанъ-фанѣ.—Созерцатель человѣческихъ знаній, соч. М. Павлова —*Кн. 7.* Стихотворенія Н. Воронова.—Россійская грамматика Пожарскаго.—Очерки къ Борису Годунову.—Исторія государства Россійскаго, изд. 5.—Картины русской живописи. В. 2.—Наши В. 9. 10 и 11.—Финляндія и Финляндцы, соч. Дершау.— *Кн. 8.* Братья по оружію, романъ Джемса.—Малоярославецъ въ 1812 г., соч. Вл. Глинки.—Записки о старомъ и новомъ бытѣ русскомъ, соч. К. Авдѣевой.—О чувственной любви, разсужденіе Остервальда ч. 1.—*Кн. 9.* Сумерки, соч. Баратынскаго —Христіернъ II и Густавъ Ваза, соч. Лажечникова.—Наслѣдство комедіанта, соч. Поль-де-Кока.—Сказка объ Игнатѣ Разуваѣ.—Русскіе въ доблестяхъ своихъ.— Картины русской живописи. Вып. 3.—Римскіе паны.—*Кн. 10.* Картинки русскихъ нравовъ. Кн. 3 и 4.—Сплетни.— Мать Испанка.—Послѣдній Хеакъ, поэма В. Зотова.—*Кн. 11.* Дочь купца Жолобова, романъ Калашникова.—Письмо на лунѣ, и письмо на луну.—Общая риторика Кошанскаго.—Колосья. В. М. Снопъ первый.—*Кн. 12.* Утренняя Заря, альманахъ на 1843, Вл. Владиславлева.—Наши, списанные съ натуры.—Сочиненіе Ѳ. Булгарина.—Стихотвореніе И. С.—Дагеротипъ. Тетр. 7—12.—Памятникъ искусствъ.—

КОНЕЦЪ ШЕСТОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ ШЕСТОЙ ЧАСТИ.

1842.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

1.

КРИТИКА.

Стр.

Русская литература въ 1841 году 9
Стихотворенія Аполлона Майкова 106
Кузьма Петровичъ Мирошевъ, соч. М. Н. Загоскина 136
Часы выздоровленія, соч. А. Полежаева.—Стихотворенія; его же.—Кальянъ; его же.—Арфа; его же 168
Рѣчь о критикѣ, А. Никитенко 193
Сумерки, соч. Баратынскаго.—Стихотворенія; его же 280

2.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Жизнь и похожденія Столбикова, соч. Основьяненко 327
Цвѣты музы, соч. А. Градцева 329
Эвелина де Вальероль, соч. Н. Кукольника 334
Стихотворенія А. Майкова 337
Парижъ въ 1838 и 1839 годахъ, соч. В. Строева 339
Репертуаръ русскаго и Пантеонъ всѣхъ европейскихъ театровъ на 1842 г. №№ 1, 2, 3 и 4 347
Два призрака. Соч. Ѳ. Фанъ-Дима 351
Альманахъ въ память двухсотлѣтняго юбилея Александровскаго университета, изданный Я. Гротомъ 354
Комары. Всякая всячина. Ѳ. Булгарина.—Картинки русскихъ правовъ.—Сказка о могучемъ богатырѣ Иванѣ Трофимовичѣ Лягушкинѣ 363
Альфъ и Альдона, соч. Н. Кукольника 376
Тысяча и одна ночь, арабскія сказки 383
Опытъ библіографическаго обозрѣнія. Л. Бранта. — Нѣсколько словъ о періодическихъ изданіяхъ русскихъ 385

Стр.
Робинзонъ Крузе, соч. Кампе. 392
Похожденія Чичикова, или Мертвыя Души, поэма Н. Гоголя. 394
Дагеротипъ. Тетрадь 2. 416
Парижская красавица, соч. Поль-де-Кока 419
Сельскія бесѣды. 420
Русская бесѣда. Собраніе сочиненій русскихъ литераторовъ, въ пользу А. Ф. Смирдина. 421
Физіологія влюбленнаго. 432
Нѣсколько словъ о поэмѣ Гоголя: Похожденія Чичикова или Мертвыя Души. 433
Дагеротипъ. Тетради 3, 4, 5 и 6 443
Деннница Ново-Болгарскаго образованія, Соч. Априлова. . . . 447
Осенніе цвѣты. Стихотворенія М. Демидова.—Вечерніе досуги.—Его же.—Завѣтныя думы. Его же. 449
Руководство къ изученію Русской словесности. Соч. П. Георгіевскаго. 453
Сочиненія Платона. Перев. Карпова. 457
Наши, списанные съ натуры Русскими. Вып. 12. Няня. . . . 463
Драматическія сочиненія и переводы Н. Полеваго 464
Любовь музыканта. Романъ А. Ярославцева. 474
Стихотворенія Влад. Бенедиктова. 477
Таинственный монахъ, историческій романъ. 481

3.
ЖУРНАЛЬНАЯ ВСЯЧИНА.

Педантъ, литературный типъ. 485
Библіографическое извѣстіе. 496
Литературный разговоръ, подслушанный въ книжной лавкѣ . . 500
Объясненіе на объясненіе по поводу поэмы Гоголя „Мертвыя Души“. 522
Журнальныя и литературныя замѣтки. 556

4.
ТЕАТРЪ.

Русскій театръ въ Петербургѣ 617

Списокъ книгъ, отзывы о которыхъ, по незначительности своей, не вошли въ шестую часть этого собранія. 662